СОЧИНЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

VIII.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА

ХОМЯКОВА.

Томъ восьмой.

ПИСЬМА.

МОСКВА
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ
1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМАГО ТОМА.

Письма А. С. Хомякова.

	Стр.
Къ отцу	1
Къ матери	5
Къ брату	9
Къ супругѣ	11
Къ А. А. Муханову	19
Къ Н. А. Муханову	21
Къ А. В. Веневитинову	25
Къ Н. М. Языкову	87
Къ Александру Михаиловичу Языкову	118
Къ Александру Ивановичу Кошелеву	123
Воспоминанія А. И. Кошелева о Хомяковѣ	125
Къ А. Н. Попову	165
Къ Ю. Ѳ. Самарину	233
Къ А. Ѳ. Гильфердингу	303
Къ С. Т. Аксакову	339
Къ К. С. Аксакову	344
Къ И. С. Аксакову	357
Къ графинѣ А. Д. Блудовой	390
Къ А. О. Смирновой	411
Къ Е. С. Шеншиной	415
Къ М. С. Мухановой	416
Къ Е. А. Свербеевой	424
Къ Н. Д. Свербееву	425
Къ Е. И. Попову	429
Къ В. А. Елагину	433
Къ С. П. Шевыреву	437
Къ Н. Ф. Павлову	442
Къ С. М. Сухотину	444
Къ графу А. П. Толстому	446
Къ Вильямсу	450

Къ М. А. Максимовичу 364
Къ неизвѣстному лицу 464
Къ В. В. Ганкѣ 465
Къ архіепископу Григорію 468
Къ А. С. Норову 471
Къ барону М. А. Корфу 475
Къ Л. М. Муромцову 476
Къ князю В. А. Черкасскому 478

Въ приложеніи.

Письмо С. А. Хомякова 3
Письмо В. А. Жуковскаго 28
Письма В. Д. Олсуфьева 30
Письма архіепископа Григорія 31
Мелкія статьи изъ „Молвы“ 35
Записка А. С. Хомякова о Шумлинской позиціи 44
Записочка въ стихахъ 46
Письмо къ П. Я. Чадаеву 47
Письмо къ И. В. Киреевскому 48
Записка Л. М. Муромцова о послѣднихъ минутахъ А. С. Хомякова. 50
Мѣста изъ писемъ къ Ю. Ѳ. Самарину 53
Примѣчанія о папѣ Бонифаціи XIII-мъ и Ногаретѣ 56

1.

Къ отцу.

Милый папенька!

Я не знаю, чему приписать столь долгое неполученіе писемъ отъ васъ. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ я отправился въ эскадронъ, не имѣлъ я счастія даже строчку отъ васъ получить. Я боюсь, не было ли нездоровье причиною вашего молчанія. Хотя, впрочемъ, мнѣ пишетъ тетенька А. Алексѣевна [1]), что при отправленіи вашемъ въ Липицы [2]) ваше здоровье находилось въ лучшемъ противъ прежняго состояніи, однако я все еще не совсѣмъ успокоенъ. Можетъ быть, и вы подивились моему молчанію, которое вы, впрочемъ, конечно не могли приписывать лѣни; потому что вы, вѣроятно, не сомнѣваетесь въ томъ, что мысленная и письменная бесѣда съ вами самое для меня великое удовольствіе. Причиной онаго было мое отдаленіе отъ города и неизвѣстность времени, въ которое должно было къ оному опять приближиться. Каждый день мы ожидали похода и, наконецъ, выступили только 27-го Апр. До тѣхъ поръ я время провелъ очень скучно. Службой нельзя было заняться и самому по себѣ заняться также было невозможно, потому что по недостатку квартиръ мнѣ дали въ товарищи Корфа, который хотя добрый малый, но совершенно невиненъ во всемъ вредѣ, который порохъ причинилъ человѣчеству. Только что мы при-

---

[1]) Демидова, рожденная Киреевская, сестра матери А. С. Хомякова.

[2]) Смолепской губерніи, Сычевскаго уѣзда.

шли въ Губкино [1]), получилъ я приказаніе ѣхать въ Орелъ по требованію генерала Ершова. Тотчасъ надѣли на меня каску, привязали къ палашу [2]) и отправили въ телѣжкѣ. Пріѣхавъ день по пустому прожилъ, потому что его превосходительства дома все не было, на другой явился, принятъ былъ очень ласково, посидѣлъ около часа, видѣлъ г-на Каблукова и отправился домой съ письмомъ отъ братца, 3-мя ф. шоколада и полковымъ ученіемъ, которые Ершовъ привезъ съ собой. Уваровъ [3]) въ Курскѣ, Петръ Михайловичъ въ деревнѣ, а А. Ивановича Хрущова не нашелъ, да и мало искалъ по причинѣ несносной погоды, да и потому, что прогулка въ пудовой каскѣ и полупудовомъ палашѣ не имѣетъ ничего особенно пріятнаго. На возвратномъ пути видѣлъ я полковника и воротился тотчасъ въ Губкино. Начинаются мученія. Сегодня выводилъ я лошадь на смотръ и намокъ какъ собака, потому что ужасный дождь не дозволилъ смотра окончить, а завтра надобно въ 5-мъ часу на ученіе. Впрочемъ мнѣ очень пріятно было сегодня особенное вниманіе, которымъ меня отличилъ Д. Ерофеевичъ [4]), когда я послѣ смотра къ нему пришелъ. У него были всѣ эскадронные начальники, кромѣ п-а Ребиндера, который боленъ. Онъ меня посадилъ подлѣ себя и между тѣмъ, какъ онъ Бурдукову ни слова, а Корфу почти ни слова не сказалъ, онъ довольно говорилъ со мною. Но завтра вставать рано, а теперь пора въ постель. Прощайте, милый папенька. Хотя я увѣренъ, что

---

[1]) Казенное село Губкино, въ 12 верстахъ отъ Малоархангельска, Орловской губерніи (см. Геогр. Словарь П. П. Семенова).

[2]) Шутка: сравнительная малорослость А. С. Хомякова и огромный палашъ.

[3]) Ѳедоръ Семеновичъ, братъ министра народнаго просвѣщенія.

[4]) Остенъ-Сакенъ (въ послѣдствіи графъ). Въ Мартѣ 1856 года, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву, данъ былъ ему большой обѣдъ въ залѣ благороднаго собранія, и на этомъ обѣдѣ герой Севастополя много и оживленно бесѣдовалъ съ бывшимъ своимъ подчиненнымъ; а по кончинѣ его напечаталъ въ Русскомъ Инвалидѣ (1861, № 48) свое о немъ воспоминаніе: „Начало самобытной жизни А. С. Хомякова“. На службу Хомяковъ поступилъ юнкеромъ, 6 Марта 1822 года, въ Астраханскій кирасирскій полкъ, подъ команду Д. Е. Остенъ-Сакена. Въ томъ же году, 3-го Октября, онъ перешелъ въ конную гвардію, гдѣ оставался два года, потомъ служилъ въ гусарскомъ полку принца Оранскаго; далѣе, по кончинѣ князя Мадатова, въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ и 7 Марта 1830 года уволился отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ.

ваше благословеніе всегда со мною, но я прошу васъ еще мнѣ оное мысленно дать при полученіи сего письма.

Вашъ покорный сынъ А. Хомяковъ.

Мая 21-го (1822), Губкино.

Еще много бы надобно писать объ товарищахъ своихъ, а особенно о чудесномъ положеніи Губкина, но откладываю это до будущаго Четверга.

2.

Mon cher papa,

L'abominable temps que nous avons eu ces derniers jours m'a empêché de faire parvenir à Pétersbourg les lettres que je voulais vous écrire; mais cette fois je profite d'un exprès qu'on envoie d'ici en ville. Je crois que cette lettre vous trouvera vous reposant à Toula des fatigues du voyage, quoique je n'aie pas encore de vos nouvelles des eaux froides. Je ne sais si mon frère en a reçues; en tout cas il ne m'en a pas fait parvenir. Je passe mon temps à *Znamenskoë*[1]) dans une solitude très souvent complète; car le colonel fait souvent des visites soit à Strelna, soit à Pétersbourg, et malheureusement pour moi les Muses ne viennent point dissiper l'ennui que je ressens de temps à autre. Il n'y a que Pleschtéef[2]) qui vient égayer mes tristes tête-a-tête avec le colonel, et quand il vient, il ne manque pas de nous amuser royalement. Cependant le temps de notre retour en ville approche, et l'air froid de l'automne a déjà commencé à nous le faire désirer. Bientôt aussi viendront les grandes remontes de chevaux anglais, et c'est un moment qu'il faut que je guètte, quoique

1) Въ Знаменскомъ, между Петербургомъ и Петергофомъ, стоялъ конно-гвардейскій полкъ, въ которомъ служилъ А. С. Хомяковъ.

2) Александръ Павловичъ Плещеевъ, дальній родственникъ А. С. Хомякова, у котораго позднѣе, въ Москвѣ, мы видали его отставнымъ генераломъ. Онъ отличался необыкновеннымъ мастерствомъ рѣчи. Хомяковъ всегда жалѣлъ, что не записывалъ его разсказовъ, художественныхъ по формѣ и полныхъ содержательности.

d'ailleurs j'eusse été trompé dans l'espérance d'être de si tôt officier. J'avais compté quatre vacances, et c'était tout juste, ce qu'il me fallait; mais mon cousin Jean B. *) m'a fait voir que j'avais compté sans mon hôte: il n'y en a que trois.

Entre autres nouvelles de régiment il y en a une qui m'intéresse infiniment, c'est que nous allons avoir de beaux casques d'acier surmontés d'un aiglé doré à ailes étendues. Il y a longtemps que je désirais ce changement.

Je baise les mains à maman et j'embrasse ma soeur et suis avec le plus profond respect

Votre très dévoué fils

A. Khamécoff.

27 A (oût 1824).

Les Annales des découvertes annoncent qu'on a trouvé que le lait de cavale est un remède souverain, contre le ver solitaire. Une autre découverte, qui peut-être vous intéressera, c'est que l'eau de puits, employée aulieu d'eau de rivière dans la fabrication des peaux, procure un avantage de 25. pour 100.

*) Иванъ Васильевичъ Шатиловъ. Собственно былъ онъ Хомякову не братомъ двоюроднымъ (cousin), а дядею.

Къ матери.

1.

I. 15 д. Подъ Шумлою.

Милая маменька, я получилъ ваше письмо и съ удивленіемъ вижу, что письма, писанныя мною къ вамъ и батюшкѣ еще изъ Россіи, именно изъ Кіева (на синей бумагѣ, за неимѣніемъ бѣлой) со вложенными двумя маленькими пѣснями, сочиненными по дорогѣ (не дошли). Я писалъ къ вамъ также на первой станціи за Дунаемъ, но отдалъ письмо на почту подъ Силистріей. Оттуда отправился я съ главной квартирой, потомъ отдѣлился отъ нея, присоединился къ дивизіи и къ князю[1]), который меня принялъ очень хорошо, былъ свидѣтелемъ славнаго дѣла 30-го Мая, гдѣ визиря такъ жестоко разбилъ нашъ главнокомандующій, и потомъ дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ 31-го, гдѣ дивизія надѣлала чудеса, поколотила Турокъ жестоко, гнала ихъ до Шумлы, взяла редуты (вещь неслыханная для кавалеріи) и знаменъ и пушекъ пропасть. Я былъ въ атакѣ, но хотя раза два замахнулся, но не рѣшился рубить бѣгущихъ, чему теперь очень радъ; послѣ того подъѣхалъ къ редуту, чтобъ осмотрѣть его поближе[2]). Тутъ подо мною была ранена моя бѣлая лошадь, о которой очень жалѣю. Пуля пролетѣла насквозь черезъ обѣ ноги; однакоже есть надежда, что она выздоровѣетъ. Прежде того она уже получила рану въ переднюю лопатку саблею, но эта рана совсѣмъ пустая. За это я былъ представленъ къ Владимиру, но по разнымъ обстоятельствамъ, независящимъ отъ

---

[1]) Князю Мадатову, командиру 3-й гусарской дивизіи. А. С. Хомяковъ, штабъ-ротмистръ гусарскаго принца Оранскаго полка, былъ у него адъютантомъ и высоко цѣнилъ его. Князь Мадатовъ скончался 4 Сентября 1829 г. А. С. Хомяковъ принималъ участіе въ составленіи его біографіи.

[2]) Отважное приближеніе къ Турецкому редуту было слѣдствіемъ заклада, о который Хомяковъ побился съ кѣмъ-то изъ своихъ товарищей. Не желая потревожить свою мать, онъ скрылъ отъ нея въ этомъ письмѣ, что былъ раненъ въ ногу.

князя Мадатова, получилъ только св. Анну съ бантомъ, впрочемъ и этимъ очень можно быть довольнымъ. Ловко я сюда пріѣхалъ: какъ разъ къ дѣламъ, изъ которыхъ одно жестоко наказало гордость Турокъ, а другое утѣшило нашу дивизію за все горе и труды прошлогодніе. Впрочемъ я веселъ, здоровъ и очень доволенъ Пашкою [1]).

Прощайте, милая маменька, цѣлую ваши ручки и съ глубочайшимъ уваженіемъ пребываю вашъ покорный сынъ А. Хомяковъ.

Обнимаю сестрицу и цѣлую С. Васильевну и Катерину Ивановну[2]). Мы уже глядимъ за Балканы. Не успѣю теперь написать батюшкѣ и цѣлую у него ручку.

На войну Хомяковъ уѣхалъ изъ Петербурга 28 Апрѣля 1828 года. 3 Августа 1828 года онъ получилъ сильную контузію въ руку отъ пули. За это ему данъ орденъ Св. Анны 4-й степени. Въ слѣдующемъ году, за дѣло подъ Шумлою, 31 Мая, данъ ему тотъ же орденъ 3-й степени съ бантомъ, а при выходѣ въ отставку онъ пожалованъ 29 Мая 1830 г. орденомъ Св. Владимира. Иногда Хомяковъ носилъ эти ордена.

2.

Ефремовъ (1839).

Любезная матушка. Пріѣхалъ я сейчасъ въ Ефремовъ. Ярмарка только что начинается. Скотина, къ которой я прицѣнялся, дорога́; лошадями торговля еще не начиналась. Въ Спасскомъ [3]) я пробылъ около сутокъ, изъ которыхъ часовъ двадцать бранилъ приказчика. Впрочемъ полевой обработкой я болѣе доволенъ, чѣмъ въ прочіе года.

Поспѣшите, любезная матушка, отправкою женщинъ въ Москву, чтобы онѣ перетаскивались хоть на нанятую квартиру, хоть къ тетушкѣ, если не нанять домъ; а то вѣдь мы должны платить неустойку, если къ 1-му Октября домъ не очистимъ; и вы сами знаете, что лучше перевозку дѣлать исподволь: менѣе перебьемъ и перепортимъ.

Завтра еще пробуду здѣсь до вечера, а вечеромъ отправлюсь на Птань. Увижу, что лошади до́роги, и вечера ждать не стану; а по началу торга или, лучше сказать, по слухамъ изъ

---

[1]) Слуга Хомякова.

[2]) Сокореву.

[3]) Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи.

другихъ мѣсть дешевизны не будетъ. Прощайте, любезная матушка, цѣлую ваши ручки и, прося вашего благословенія себѣ и Ѳедѣ [1]), съ глубочайшимъ почтеніемъ пребываю.

Вашъ покорный сынъ А. Хомяковъ.

Впрочемъ въ домѣ выговорены сарай и большая зала до 13-го Октября, то вамъ не надобно слишкомъ безпокоиться, а поспѣшить совѣтую только для цѣлости вещей.

3.

(Изъ второго путешествія въ чужіе края).

Спб. 19-го Мая (1847).

Доѣхали мы прекрасно, любезная матушка, почти что ровно въ трое сутокъ. Впрочемъ съ 32-го года, когда я сюда въ послѣдній разъ ѣздилъ, по дорогѣ нашелъ я мало разницы. Дилижансъ очень удобенъ. Дѣти въ немъ спали, какъ въ кровати; только во всю дорогу погода была и дурна, и холодна. Къ нашему пріѣзду она разгулялась. Деревья оставили мы въ Москвѣ зелеными, и даже сиренью пахло на бульварѣ, а здѣсь еще и береза не распускалась. Квартиру взялъ я наскоро у Демута. Нехороша, но тѣмъ удобна, что въ серединѣ города и что въ этомъ же трактирѣ мы съ батюшкой жили въ 1815 г. Самая квартира не дорога́, но 14 р. асс. за четыре комнаты. Это не дороже Московскаго, но устройство въ Московскихъ гостинницахъ лучше. Никого еще не видалъ и не успѣлъ оглядѣться. Прощайте, любезная матушка, цѣлую ваши ручки и прошу благословить меня и монхъ. Катю, Анкапку и Соню [2]) цѣлую. А. Хомяковъ.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Веневитинова нельзя не полюбить за его любовь братскую къ мужу. Онъ цѣлуетъ его, гляцитъ не наглядится на него, такъ счастливъ, самъ не вѣритъ, кажется, что Алексѣй съ нимъ и въ Петербургѣ.

---

1) Второй сынъ А. С. Хомякова, умершій ребенкомъ.

2) Дочери А. С. Хомякова. Со старшею Маріею и сыномъ Димитріемъ онъ ѣздилъ тогда за границу.

4.

Берлинъ 1 Іюня (1847).

Жена была пресмѣшна и пренесносна во время ночной качки. Ей казалось Богъ знаетъ что: она просто совсѣмъ обезумѣла и меня совсѣмъ изморила. За то она меня и утѣшила своею радостію въ Любекѣ. Правду сказать, городъ Любекъ такъ милъ, что имъ нельзя не любоваться. Онъ милѣе Гамбурга, не смотря на то, что бассейнъ, на которомъ стоялъ нашъ отель, не имѣетъ, можетъ быть, нигдѣ подобнаго. Верста!

5.

Эмсъ, 1 Іюля (1847).

Катенька очень вѣрно вамъ описываетъ все, любезная матушка; но теперь только сомнительно, также ли будутъ ей ванны полезны, какъ нитье. Мнѣ кажется, что онѣ могутъ разстроить нервы. Увидимъ.

Сдѣлайте милость, скажите В. Александровичу*), что по всей Германіи урожай чудесный; тоже слышно и изо всѣхъ другихъ земель: то цѣны вѣроятно упадутъ. Развѣ въ Россіи очень будетъ урожай плохъ. Поэтому о цѣнѣ хлѣба должно разсчитывать только по Русскому урожаю и съ нимъ соображаться при торгахъ. Да будетъ это служить основаніемъ при торгахъ Боучаровской конторѣ, а также и Липицкой, которая объ этомъ должна получить увѣдомленіе отъ Боучарова. Прикажите объ этомъ распорядиться, да также чтобъ былъ паровикъ въ порядкѣ. Цѣлую ваши ручки, любезная матушка, и прошу вашего благословенія себѣ и малюткамъ.

Вашъ покорный сынъ А. Хомяковъ.

6.

Эмсъ, 13 Іюля (1847).

Мы путешествуемъ изрядно. Даже до сихъ поръ, можно сказать, очень хорошо и весело. Женѣ гораздо лучше, только дня три у нея стала показываться лихорадка вѣроятно отъ водянаго перепоя, но и то проходитъ. Дѣти молодцами путешествуютъ, лазятъ по горамъ какъ козы и очень окрѣпли. Дай Богъ, чтобы вы о себѣ дали намъ добрую вѣсть. Адресуйте, если будете писать: *à m-r Khamiacoff, à Londres. Poste restante.* Цѣлую ваши ручки. А. Хомяковъ.

*) Трубникову, который былъ управляющимъ села Боучарова, имѣнія Хомякова подъ Тулою.

Къ брату Ѳедору Степановичу Хомякову *).

Милый братецъ, я получилъ письмо твое отъ 7-го. Поздравляю тебя съ камеръ-юнкерствомъ и тѣмъ болѣе, что по моему мнѣнію, стараніе, съ которымъ ты это производство впуталъ въ разныя пустыя извѣстія, доказываетъ, что ты къ нему не равнодушенъ. Я за тебя очень радъ, а еще болѣе за маменьку. Письма мои, которыя ты конечно уже получилъ съ курьерами, содержатъ въ себѣ все что́ я могу сказать объ Парижѣ, и право я не знаю, что́ къ нимъ прибавить. Жить я здѣсь бы не хотѣлъ; но съ другой стороны признаюсь, что нѣтъ города живѣе, прелестнѣе, занимательнѣе. Народъ мнѣ не нравится. Онъ ни то, ни сё. Правленіе не согласно съ его духомъ, и какое-то стремленіе къ коммерческимъ оборотамъ или, лучше сказать, къ деньгамъ (слѣдствіе конституціи) такъ неловко вмѣшалось во Французскія души, что они, сколько мнѣ кажется, потеряли своей природный характеръ. Они сами это чувствуютъ и жалуются на это; но едва ли это можетъ исправиться. Трудно судить о народѣ, еще труднѣе судить, видѣвъ его такъ поверхностно; но я скажу тебѣ свое мнѣніе о немъ.

Вѣка славы, крови, просвѣщенія блистательнаго и забавъ не нравственныхъ, но живыхъ, прошли надъ Франціей, и она

*) Подлинники этого и слѣдующихъ (къ братьямъ Мухановымъ) писемъ А. С. Хомякова хранятся въ музеѣ П. И. Щукина. — Ѳ. С. Хомяковъ, старшій и единственный братъ Алексѣя Степановича, даровитый, отлично образованный молодой человѣкъ, служилъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ (1824), когда посломъ былъ графъ Поццо-ди-Борго; потомъ онъ перешелъ на службу на Кавказъ въ дипломатическую канцелярію своего родственника (по Грибоѣдовымъ, изъ которыхъ была бабка Ѳ. и А. Хомяковыхъ, мать ихъ отца) графа Паскевича. Кончина брата Ѳедора (лѣтомъ 1829 года) до такой степени поразила А. С. Хомякова, что даже опасались за его жизнь.

ослабла, какъ человѣкъ послѣ потрясеній несоразмѣрныхъ съ его силами. Продолжу сравненіе. У него всѣ впечатлѣнія, всѣ понятія смѣшались въ какой-то безцвѣтный хаосъ, изъ котораго онъ силится освободиться, но не можетъ, потому что не имѣетъ ясной цѣли. Такъ во Франціи есть какое-то броженіе, но не то сильное, пламенное, которымъ означается молодость народовъ, а безсильное, холодное, неспособное производить ничего высокаго и оригинальнаго. Отъ того-то у нихъ такъ безцвѣтны произведенія искусствъ, такъ несвязны понятія о своемъ политическомъ существованіи, такъ неясны всѣ желанія. Впрочемъ, я думаю, провинціи не похожи на Парижъ [1]).

Я бы хотѣлъ теперь ѣхать въ Англію, но жду 1 Апрѣля, чтобъ отправиться вмѣстѣ съ И. В. [2]), который тебѣ кланяется. Меня очень занимаетъ курсъ Академіи Живописной, и это мѣшаетъ мнѣ заняться поэзіей, которою голова моя полна больше чѣмъ когда-нибудь. Прощай.

А. Хомяковъ.

Ф. 25 д. (1826. Парижъ).

Киреевскихъ и Самбурна [3]) обними за меня.

Я радъ, что у тебя есть занятія по службѣ; но вообще я недоволенъ тѣмъ, что ты для себя ничего не пишешь.

О лошади моей даешь ты мнѣ дурныя вѣсти; но ты долженъ помнить, что папенька купилъ ее противъ моей воли, говоря, что я безъ него сдѣлаю дурную покупку.

---

[1]) Хомякову, когда онъ писалъ это, не было еще 22 лѣтъ отъ роду.

[2]) Шатиловымъ, двоюроднымъ братомъ матери Хомякова, Марьи Алексѣевны (ур. Киреевской). Онъ служилъ позднѣе въ Петербургѣ дежурнымъ генераломъ. Это родной дядя извѣстнаго хозяина и лѣсовода Іосифа Николаевича Шатилова. Хомяковъ передъ своею женитьбою въ 1836 году ѣздилъ къ нему нарочно изъ Москвы въ его Тульскую деревню, чтобы получить его одобреніе. Въ этотъ разъ, т. е. въ 1826 г., Хомякову не удалось побывать въ Англіи, куда ѣздилъ онъ двадцать одинъ годъ спустя.

[3]) Кто такой Самбурнъ, не знаемъ; а Киреевскіе (не писатели) были родственники А. С. Хомякова по его матери.

Къ супругѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ.

(Изъ Тульской деревни).

1.

Dear Kitty.

Сейчасъ получилъ я твое письмо. Милый, чудный другъ! Какъ жаль мнѣ тебя; какъ грустно, что ты грустишь! Грустно и мнѣ, Kitty; за то болѣе дѣломъ занимаюсь. Надобно какъ нибудь сократить это время, какъ нибудь отстранить минуты, въ которыя слишкомъ живо чувствую разлуку. Какъ Свербеевы-то веселы, какъ довольны! Сидятъ, другъ на друга глядятъ и радуются на своихъ дѣтокъ. Ты бы не узнала К. А.: совсѣмъ другая, ничуть не Парижанка, а просто чудная женщина. Все съ дѣтьми, ласкаетъ, бранитъ и безъ стыда хвалитъ. Въ иныхъ это смѣшно, въ ней—мило. Какъ они мнѣ были рады! Другъ мой, глядя на нихъ, зло меня взяло. Зачѣмъ я отъ тебя уѣхалъ? Я видѣлъ въ нихъ тѣнь нашего счастія; какъ оно мило и утѣшительно, а чувствую, что оно еще далеко, далеко не наше. Если бы ты была здѣсь, какъ бы мнѣ было весело! Я нынѣ все былъ на ногахъ или верхомъ, и все думалъ: вотъ тутъ Kitty еще не была, этого еще не видала. Будь здорова, пожалуйста! Весело тебѣ будетъ здѣсь. Если только можно будетъ тебѣ ѣздить, лошадка для тебя прелесть; нарочно будто для тебя создана, маленькая, ножки струнки, головка рѣзная. Я ее и гладилъ и даже цѣловалъ, думая: можетъ быть, Катенька на тебѣ будетъ ѣздить. Душа моя, зачѣмъ ты плакала? Знаешь, что мнѣ до того было грустно съ тобой разставаться, что я въ коляскѣ чуть-чуть не заплакалъ.

Смѣшная! Велишь объ себѣ думать. А какъ бы не думать? Ты у меня такъ и вертишься передъ глазами до того, что иногда, спохватившись, я смѣюсь, потому что чувствую, что я губами шевелилъ въ мнимомъ разговорѣ съ тобою. О Степанчикѣ *) вечеромъ молюся и о тебѣ; но ты меня приводишь

*) Первый сынъ А. С. Хомякова, умершій ребенкомъ.

въ затрудненіе. Иначе не умѣю назвать какъ моя радость. Какой эгоизмъ въ молитвѣ, а серьезно иначе назвать не умѣю. Ходилъ по комнатамъ, былъ въ нашей спальнѣ, да и поскорѣе оттуда ушелъ.

Не ссорься со мною: будь здорова! Береги себя, живи днемъ завтрашнимъ, днемъ свиданія. Какъ рощи зелены, какъ въ рощахъ бы мы гуляли! Впрочемъ и въ Москвѣ съ тобою хорошо. Какъ тебѣ въ голову пришло, что я стану или могу ѣздить съ собаками? Отъ дѣла поскорѣе отдѣлаюсь, да и къ тебѣ, къ тебѣ. Когда увидимся, какъ я тебя буду бранить за твои слезы, цѣловать за твои слезы. Не хочу объ этомъ думать.

Милая, соловьи поютъ въ нѣсколькихъ сторонахъ. Вотъ тебѣ анекдотъ; ты за него полюбишь Пашку. Колесникъ поймалъ у насъ двухъ соловьевъ. Пашка преспокойно пошелъ, да и выпустилъ ихъ изъ клѣтки. «Они, говоритъ, всякій годъ въ одно мѣсто прилетаютъ и опять здѣсь будутъ на будущій годъ, и молодая барыня ихъ услышитъ. Если хочешь ловить, лови дальше». Не правда ли, милъ?

Я для тебя нарисовалъ Свербеевскій домъ и припёку, т. е. планъ. Очень милый домъ; на станціи списалъ тебѣ стихи со стѣны. Не важны, да размѣръ затѣйливъ. Прилагаю ихъ. Надѣюсь, что ты не примешь ихъ за мою работу. Здѣсь грустнѣй чѣмъ въ дорогѣ, и такъ странно, что тебя нѣтъ. Знаешь ли что? Быть розно—очень кисло, кислѣе чѣмъ я думалъ. Смѣшна ты съ своими просьбами не оставлять тебя; развѣ мнѣ легко? Развѣ безъ тебя мнѣ не тоска?

Котикъ, что твой котенокъ? Повѣришь ли, мнѣ даже по немъ тоска, а кажись не взраченъ. Какъ я вамъ желаю быть здоровыми, какъ я о васъ думаю! Цѣлуй его за меня, крести крести его за меня! Да кто же твою ручку поцѣлуетъ и поблагодаритъ и скажетъ: J thank you, mama! Ты ужъ вѣроятно получила мое письмо изъ Свербеевыхъ дома. Обрадовало оно тебя? Вѣрно, только не ожидала. Мнѣ большая была радость, что я могъ къ тебѣ написать съ дороги, и Свербеевы милы: они догадались мнѣ сказать, что у нихъ будетъ посылка.

Досадно, что ты грустна, а досаднѣе бы было, если бы не грустила. У меня такъ сердце болитъ по тебѣ. Поцѣлуй Степанчика. Васъ обоихъ благословляю. Господь Богъ да благословитъ тебя! Твой Алексѣй.

2.

(Изъ Смоленской деревни).

Dear Kitty.

Глядя на мухъ, приходило ли тебѣ когда-нибудь въ голову, чтобы муха могла дня на два удалить отъ тебя твоего супруга? Вѣрно, нѣтъ. Однакоже теперь такъ случилось. Я дѣлами торопился какъ можно болѣе и кончилъ ихъ почти совсѣмъ; надобно ѣхать къ Уварову, котораго предупредилъ, что буду, и къ Ломоносову, который проситъ меня къ себѣ по дѣлу. Что жъ? Вообрази себѣ, что меня ночью укусила въ губу такъ называемая блажная муха, да такъ, что у меня сдѣлалась рожа хоть брось: ротъ на сторону, губа толщиною въ кулакъ, фигура до того смѣшная, что не только въ гости, да и самаго себя передъ зеркаломъ стыдно. Я не могу на себя поглядѣть безъ смѣха, а между тѣмъ рвусь съ досады.

Будь только сколько-нибудь сносна моя фигура, то я бы не только въ срокъ, но еще прежде срока къ тебѣ возвратился, а теперь денька два лишнихъ вѣроятно проживу. Даже заочно тебя поцѣловать не смѣю: совершенный уродъ. Впрочемъ нынче поутру губа стала уже немного опадать, и надѣюсь, что завтра пройдетъ. Душка моя, снеси это терпѣливо; будь умнѣе меня, который сердится и только что не плачетъ. Лицо у меня подвязано, чтобы вѣтеръ не пахнулъ какъ-нибудь, чтобы не задержало еще опухоли. Всѣ предосторожности взяты, чтобы какъ можно скорѣе прошла эта уродливая губа; но меня нетерпѣніе до того мучитъ, что я готовъ бы не знаю на что. Видишь, sweet wife, что я еще очень не разсудителенъ.

Милая моя, перекрести Θеденьку за меня. Я васъ вижу всякую ночь и цѣлую васъ, забывая, что у меня такая гадкая фигура, хуже Гаврюшкиной, надъ которой мы недавно смѣялись. Вообрази, себѣ, что это было третьяго дня. Легъ я спать веселый; осмотрѣвъ поля, считая часы, которые нужны были для окончанія дѣлъ, къ утру часовъ въ семь проснулся я и чувствую, что губа свербитъ, безъ боли, безъ жару. Встаю въ 9 ч., губа не болитъ, но распухла и пошла, и пошла. Это дав-

но уже со мной не случалось; но я знаю, что это продолжится до трехъ сутокъ. Слѣдственно до Понедѣльника мнѣ къ Уварову ѣхать нельзя [1]).

Милый мой другъ, душа моя, грустно тебѣ получить отъ меня такую вѣсть. Будь бодра, смѣйся моей фигурѣ: вообрази себѣ ее самою уморительною; смѣйся тому, что такая малость, *муха*, можетъ разстроить расчеты людскіе.

Вѣрь также и тому, что я нисколько не боленъ, а только уродливъ. Дорого бы дали ревнивыя жены за то, чтобы мужья ихъ, только что отъ нихъ уѣдутъ, блистали моей теперешней красотою. Ты не умѣешь цѣнить такой выгоды.

3.

Dear Kitty.

Милая, милая, вотъ я уже здоровъ, т. е. губа опала, и я былъ у Уварова. Завтра послѣднія приказанія, послѣ завтра я у Ломоносова, и тотчасъ въ путь-дорогу къ тебѣ, къ тебѣ. Ахъ если бъ только можно было не ѣздить къ Ломоносову; если бы не дѣло тянуло, какъ бы бросился я въ коляску и поскакалъ! Терпѣнія, терпѣнія еще на два дня! Другъ мой, душа моя, черезъ три дня тебя увижу и расцѣлую ручки твои и щечки твои. Скажи матушкѣ, что Уваровъ до того мнѣ обрадовался, что бросился мнѣ на шею и только что не со слезами. Его пріемъ даже разстрогалъ меня.

Боюсь, не напугалъ ли я тебя, написавъ о губѣ своей; ты повѣрила ли мнѣ? Не вообразила ли себѣ Богъ знаетъ что? Теперь узна́ешь, что я писалъ правду; а нынче у Мити [2]) губа раздулась, однакоже не такъ великолѣпно, какъ было у меня.

---

[1]) Ѳедоръ Семеновичъ Уваровъ, отставной кавалерійскій генералъ, отличившійся еще подъ Аустерлицемъ, владѣлецъ села Холма (Бѣльскаго уѣзда), по близости отъ Хомяковскихъ Липицъ (Сычевскаго уѣзда). См. о немъ выше, стр. 2.

[2]) Д. С. Кадзоковъ, см. ниже.

4.

Dear and dearest Kitty.

Что́ лучше: разумъ или страсть? Это вопросъ очень важный. Разумомъ все управляется, но страстью все живетъ. Не будучи въ состояніи рѣшить этой трудной задачи, я не знаю, какъ я теперь обрѣтаюсь, въ пріятномъ ли или непріятномъ положеніи. По разуму, стрѣчь, для денегъ очень пріятная произошла перемѣна въ погодѣ, т. е. морозъ препорядочный, улучшающій выходъ вина и слѣдовательно прибавляющій намъ въ карманъ около ста рублей въ сутки; но увы! увы! гдѣ же поля и зайцы, и веселье скачки, и восторгъ травли, и всѣ прочія наслажденія мои въ качествѣ Нимвродова потомка (le grand chasseur devant le Seigneur)? Кстати скажу, что это родство даетъ мнѣ бо́льшее право судить о дѣлахъ древняго Вавилона, чѣмъ Нѣмцамъ, ученымъ шмерцамъ, которые не сумѣютъ отличить собачьяго щипца отъ прави́ла. Спроси объ этомъ мнѣніе Валуева, если онъ уже въ Москвѣ. Матушка вѣроятно обрадуется торжеству разума, т. е. морозу; а ты, душа моя, пожалѣешь о томъ, что мнѣ не удается хлебнуть моего осенняго упоенія. Прочти это матушкѣ. Кажется, я безошибочно угадываю ея приговоръ.—Если бы ты была здѣсь, т. е. не въ теперешнемъ твоемъ положеніи, какъ бы намъ было весело! Что́ за погода, какъ ясно, какъ тихо, какъ солнечно! Рѣка замерзаетъ и покрылась почти вся льдомъ чистымъ и прозрачнымъ, какъ Англійскій хрусталь; солнце днемъ и мѣсяцъ ночью такъ и обливаютъ ее серебромъ да золотомъ; а въ самой серединѣ бѣжитъ струя синяя, синяя, какъ Альпійскія озера. (Когда-то мы ихъ съ тобою увидимъ!) Вотъ бы ты полюбовалась на свои Липицы! Совершенная Грузія. Даже Каракусъ въ этомъ согласенъ; онъ что-то очень веседъ. Объ рѣзвости его ничего сказать не могу; онъ бросается хорошо, но такъ разлежался и разъѣлся въ Москвѣ, что задыхается послѣ сотни маховъ и отбилъ ноги. Домашнія собаки чудо!—

Исполнивъ долгъ свой въ отношеніи къ тебѣ, т. е. испытавъ надъ Мухановымъ смиренномысліе Митенькинова [1]) коня, я во второе поле поѣхалъ на немъ. Ты бы его не узнала теперь, такъ онъ красивъ и гордъ; при этомъ легокъ, тихъ, покоенъ, добронравенъ, прелесть, почти стóитъ моей вороной старушки[2]). Я этой лошади очень радъ. Лелькино потомство очень хорошо; но, получивъ грубое воспитаніе, такъ сердито по ночамъ, что никто не смѣетъ подходить къ конторѣ. Днемъ же эти грозные львы — совершенныя овечки. Имена ихъ: Альфонсъ и Арфа. Они выбраны романическимъ вкусомъ моего стремяннаго...

Какой я вздоръ къ тебѣ пишу! Мнѣ и грустно, и весело къ тебѣ писать, и какъ-то этотъ ясный морозъ на дворѣ и ясный огонекъ въ камелькѣ меня приводятъ въ особенное настройство, нѣсколько похожее на нервическое расположеніе князя Хилкова. Глазамъ моимъ продолжаетъ быть хорошо. Кстати, вообрази себѣ мое удивленіе: цѣлыхъ два дня я по привычкѣ кричалъ во все горло съ старикомъ Сергѣемъ Степановымъ. Ужъ только на третій день я замѣтилъ, что онъ слышитъ не хуже насъ съ тобою. «Да что же ты мнѣ не сказалъ, чтобы я не кричалъ?».—«Я думалъ, что вамъ такъ угодно.»— «А кто тебя вылѣчилъ?» — «Катерина Михайловна». Каково! Ты попала въ медики, потому что дала ему по предписанію матушки Гарлемскихъ капель. Послѣ того скажи мнѣ: не весело ли лѣчить, когда удается и глухимъ возвращать слухъ?..

Окт. 19 д., Липицы.

---

[1]) Т. е. коня Д. С. Кодзокова, о которомъ см. ниже.

[2]) Лошадь, приведенная Хомяковымъ изъ Турецкой кампаніи 1829 года. Эта лошадь была такъ зла, что на ней могъ ѣздить только самъ Хомяковъ, любившій разсказывать, какъ ее купилъ и объѣздилъ. Она жила у него болѣе 20 лѣтъ.

5.

(1842)

Sweet, dear and dearest Kitty.

Я пишу къ тебѣ изъ Гжатска, только что пріѣхалъ и нынче же буду въ Липицахъ. Сюда ближе дорога и посуше, но отъ Москвы до Можайска, особенно около Подлипокъ, мерзость. Главное меня задержало то, что около Подлипокъ сломались винты въ кулакѣ, такъ же какъ въ Симбирской дорогѣ около Судогды. Пришлось веревками скручивать за недостаткомъ кузнецовъ и потомъ стоять въ Можайскѣ часа два. Всего потерялъ я часовъ восемь. Ямщики попались глупые и лѣнивые, прислуга безтолковая. Какъ ты могла бы посмѣяться, глядя, какъ я ночью при лунномъ свѣтѣ самъ своими барскими руками обрабатываю, веревки натягиваю и прочее. Фигура должна была быть уморительная. На дорогѣ у меня была встрѣча съ великолѣпнымъ поѣздомъ: Каблуковъ изъ чужихъ краевъ съ своею красивою дщерью и князь Барятинскій. Мнѣ пришелъ на память разговоръ ихъ, разсказанный Самаринымъ.

Между тѣмъ на станціяхъ вездѣ кипѣли самовары трехъведерные, ставились стулья и столы, разстилались ковры прекрасные, повара готовили кушанья, разставлялось вино, виноградъ, фрукты, курева разливали свой ароматъ, чудо да и только! Встрѣтилъ я ихъ ночью. Фонари снаружи, фонари внутри, впереди вѣстовые на перекладныхъ. Глядя на эту скачущую иллюминацію, я вспомнилъ хохла, который встрѣтилъ золотую карету Екатерины съ фонарями. «Видѣлъ я нашу матушку», ужъ какая пышная, сама золотая, а глаза такъ и горятъ». Онъ принялъ карету за Государыню.

Вотъ душа моя, тебѣ рапортъ порядочный. Умна ли ты, т. е. здорова ли? Грустно и мнѣ безъ тебя; ты укрѣпляйся, и для этого лучшее средство положительныя занятія. Какія? Вотъ они.

Препоручи Андрюшкѣ, чтобы онъ часовъ въ 8 по утру сходилъ въ Пречистенскую аптеку, подъ предлогомъ рецепта. Найдетъ Лельку, хорошо: это и тебѣ будетъ пріятно, какъ все то, чѣмъ ты можешь мнѣ доставить удовольствіе; не найдетъ, ну не бѣда. Второе порученіе важнѣе. Я къ матушкѣ писать

не успѣю, а попроси ее письма Боучаровскія на мое имя читать и, буде нужно скорѣй отвѣтъ, дать разрѣшеніе на такіе вопросы, которые для нея были ясны. Напримѣръ, если палата предложитъ на выкурку изъ казеннаго хлѣба, съ чистою платою не менѣе 15-ти или 22-хъ на серебро, съ отстрочкою старой поставки, то объявить согласіе. Если будутъ страховыя письма изъ Тулы, то постараться ихъ получить,а я на объявленіи сдѣлаю надпись по пріѣздѣ. Вотъ мои порученія по дѣламъ хозяйственнымъ тебѣ, моей милой, моей радости.

Твой Алексѣй.

Въ дорогѣ безъ тебя скучно. Товарищъ мой Каракусъ спитъ больше моего, иногда проснется, взглянетъ на бѣлый свѣтъ и потрясетъ ушами, какъ будто хочетъ сказать: хуже Кавказа. Какъ-то ему понравятся Липицы! А мнѣ безъ тебя Липицы не веселы. Душа моя, былъ ли у тебя Швейкартъ? *) Будь съ нимъ откровенна. Скажи толстухѣ Матренѣ, чтобы она твоей худобою Швейкарта не корила. Глаза мои очень меня радуютъ.

Было сложено конвертомъ и надписано:

Ея высокоблагородію, милостивой государынѣ Екатеринѣ Михайловнѣ Хомяковой.

Въ Москвѣ. На Арбатѣ, противъ ц. Николы Явленнаго, въ домѣ г-жи Нечаевой.

Почтовый штемпель, 1841 г. Окт. 16.

---

*) Извѣстный въ Москвѣ врачъ-гомеопатъ.

Къ Александру Алексѣевичу Муханову [1]).

Любезный Александръ Алексѣевичъ.

Не знаю, исполнилъ ли вашъ братъ свое обѣщаніе увѣдомить васъ о скоромъ моемъ пріѣздѣ и о похвальномъ моемъ намѣреніи присутствовать при великихъ подвигахъ, воспѣвать ихъ, раздѣлять ихъ и пр. и пр. Я бы теперь ужъ имѣлъ удовольствіе съ вами видѣться, поговорить, вспомнить про Васильевскій островъ и Лондонской трактиръ и многіе (по крайней мѣрѣ для меня) веселые часы, когда мы были вмѣстѣ всякій день; но, не имѣя вида, я убоялся главной квартиры и близости всѣхъ великихъ лицъ и предметовъ, остановился въ Болградѣ, откуда слышалъ съ плачемъ и скрежетомъ зубовъ пальбу и перестрѣлку, при которой присутствовать не удалось. Если Н. Алексѣевичъ [2]) не писалъ къ вамъ обо мнѣ (за что впрочемъ я и сердиться не могу, потому что его одолженіямъ *нѣтъ конца*), то я вамъ разскажу обстоятельства, въ которыхъ нахожусь.

Киселевъ [3]) далъ въ Инспекторскій Департаментъ бумагу, по которой онъ меня приглашаетъ и обѣщаетъ мѣсто при себѣ. Словесно же сказалъ онъ, что хотя онъ всячески меня принять готовъ, но желалъ бы лучше въ военномъ мундирѣ [4]).

---

[1]) Съ раннихъ лѣтъ А. С. Хомяковъ подружился съ троими братьями Мухановыми, сыновьями Московскаго сенатора Алексѣя Ильича. Изъ нихъ старшій, Александръ, служившій въ военной службѣ, умеръ въ 30-хъ годахъ. Второй (Николай), тоже сначала военный, занималъ впослѣдствіи важныя должности въ Петербургѣ (къ нему обращено посланіе Хомякова: „О мудрый другъ“); съ третьимъ, Владимиромъ, читатели могутъ познакомиться выдержкамъ изъ его Дневниковъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

[2]) Мухановъ.

[3]) Впослѣдствіи графъ Павелъ Дмитріевичъ.

[4]) Но онъ придворный и пр. *Примѣчаніе подлинника.* Это стихъ изъ ходившаго тогда въ рукописи посланія Пушкина къ А. Ѳ. Орлову.

Вотъ по какому поводу я пріѣхалъ. Къ Киселеву писалъ я. Письмо мое къ нему обѣщался доставить полковникъ Фридрихсъ, который и это писаніе съ собой везетъ. Я надѣюсь на вашу дружбу. Узнайте, если возможно, какъ и въ какой должности Киселевъ хочетъ меня принять. Я бы болѣе желалъ быть военнымъ; но впрочемъ на все согласенъ кромѣ 12-го класса, потому что Гамба [1]) увѣряетъ *que c'est la vermine qui ronge la Russie et qu'ils sont placés si bas sur l'échelle de la société que rien ne peut les déshonorer;* а какъ это напечатано, то поневолѣ надобно этому вѣрить.

Увѣдомьте меня объ себѣ, гдѣ вы, что вы и перешли ли черезъ старый Дунай, и здоровы ли и пр. Съ Фридрихсомъ мой человѣкъ, который вѣроятно вамъ это письмо отдастъ. Такъ какъ онъ сюда вернется, то вы съ нимъ можете откликнуться хоть словечкомъ. Я надѣюсь, что вы теперь помирились съ судьбой, которой ни вы, ни Александръ Толстой [2]) еще ни разу добраго слова не сказали, какъ я видѣлъ изъ вашихъ писемъ къ Н. Алексѣевичу. Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ; обнимаю васъ отъ души и прошу извинить мое маранье. Я сейчасъ только узналъ, что вы въ Сатуновѣ, а Фридрихсъ спѣшитъ ѣхать. Еще разъ прощайте. Обрадуйте меня извѣстіемъ, что я васъ скоро могу видѣть тамъ

Гдѣ воды льетъ Дунай глубокій,
Трубою бранной оглашенъ;
Гдѣ Русскихъ бѣлыя палатки
Покрыли скатъ крутыхъ холмовъ,
И жажда битвъ и близкой схватки
Волнуетъ духъ младыхъ бойцовъ.

Tout à vous Alexis Хомяковъ.

27 Мая. Болградъ (1828).

---

[1]) Gamba, Voyage dans la Russie méridionale, Paris 1826.

[2]) Графъ Александръ Петровичъ Толстой, впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Св. Синода.

Къ Николаю Алексѣевичу Муханову.

1.

(Съ Кавказскихъ водъ).

Любезный Николай Алексѣевичъ! Я уѣхалъ изъ Петербурга не простившись съ вами, и совѣстно объ этомъ вспоминать. Какъ это случилось, самъ не знаю. Сколько мы съ тѣхъ поръ промучились, что̀ претерпѣли, отъ воды на Дону, отъ огня (ось загорѣлась), отъ недуга (въ холерныхъ деревняхъ), отъ меча (Черкесы ужасно шалятъ), отъ смотрителей станціонныхъ и грязи: объ этомъ можно бы написать цѣлые томы [1]). Однакоже доѣхали, свидѣлись съ Иваномъ Вас.[2]), вмѣстѣ лѣчимся, гуляемъ верхомъ, вспоминаемъ пріятелей и находимъ, что здѣсь было бы очень весело, если бы больные не вздумали веселиться пикниками и балами и тому подобными глупостями. Не скажу, чтобы было скучно. Хотя книгъ нѣтъ, но передо мной всегда развернута разнообразная книга природы, въ которой нахожу Эльборусъ и Бештау, хорошіе луга, скверную погоду и сѣрную вонь. Умственныхъ занятій также довольно много: они состоятъ въ томъ, что пьемъ, ѣдимъ, потъ утираемъ, да еще дѣйствіе кислосѣрныхъ вамъ извѣстно. Ѣхалъ я, и казалось, что голова такъ полна, что только стоило до мѣста добраться, и стихи польются. Не тутъ-то было. Въ ваннахъ я такъ разварился, что даже думать не хочется. Не то, чтобъ я ослабъ; но какая-то лѣнь напала на меня вдвое болѣе обыкновенной. Впрочемъ, я водами доволенъ и надѣюсь, что путешествіе наше

---

[1]) А. С. Хомяковъ изъ офицеровъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, вышедъ въ отставку послѣ Турецкой войны, ѣздилъ въ 1830 году на Кавказъ съ своею матерью и больною сестрою, Анною Степановной († 1839). За годъ передъ тѣмъ скончался на Кавказѣ его братъ Ѳедоръ Степановичъ. П. Б.

[2]) Шатиловымъ. П. Б.

будетъ не безполезно. Посѣтителей довольно, но я еще не добрался до порядочнаго человѣка. Все какая-то дрянь. Да какое мнѣ дѣло до нихъ? Хуже всего то, что я собою не совсѣмъ доволенъ и безъ всякой пользы провожу досугъ свой. Ив. Вас. показывалъ мнѣ письмо ваше и съ какою-то (кажется) радостью видѣлъ, что пріѣздъ графа [1]) поуменьшилъ вашу работу. Ему завидно было думать, что передъ вами лежатъ кипы этихъ милыхъ, этихъ любезныхъ бумагъ, съ которыми онъ разстался до Сентября. Бѣдный человѣкъ! Ни одной бумажки съ утра до вечера. При этой мысли онъ, какъ я еще въ Петербургѣ пророчилъ, восклицаетъ про васъ:

А онъ, исполненный отваги,
Одинъ съѣдаетъ всѣ бумаги,
Гусинымъ тѣшится перомъ,
И въ пьянствѣ отъ чернильной браги
О другѣ позабылъ своемъ.

Поздравляю Павла Алекс. [2]) съ милостью, вѣроятно заслуженною. Дай Богъ, чтобы новый начальникъ, такъ же какъ прежній, оцѣнилъ его дѣятельность, его рвеніе, его воинственный духъ. Впрочемъ это вѣроятно будетъ. Кланяйтесь ему отъ меня. Въ будущемъ своемъ письмѣ напомните обо мнѣ Александру Алексѣевичу. Все ли онъ въ Бухарестѣ? Прощайте. Кончаю мое письмо и вижу, что все вздоръ написалъ; но все-таки слова два сказалъ вамъ, и это удовольствіе для меня.

Іюля 4 д. (1830).

Ал. Хомяковъ.

2.

(Изъ деревни).

Сколько времени, любезный Николай Алексѣевичъ, собирался я къ вамъ писать и насилу какъ-то собрался. Не то, чтобы что-нибудь новое или занимательное произошло въ моемъ житьѣ-бытьѣ: оно все тянется или ползетъ мало-по-малу безъ перемѣны, какъ обыкновенно у людей лѣнивыхъ; не то, чтобъ даже что-нибудь новое мелькнуло въ мысляхъ или чувствахъ, которыя дремлютъ, какъ и самая жизнь, а такъ, хотѣлось хоть кое-что

[1]) Нессельроде? П. Б.

[2]) Это извѣстный впослѣдствіи археологъ и Варшавскій дѣятель, П. А. Мухановъ, двоюродный братъ вышепомянутыхъ. П. Б.

сказать пріятелю, словечко пустое, да доказывающее существованіе, какъ дыханіе въ *летаргіи*. Досадно мнѣ было слышать, что вы явились въ Москву, когда меня уже занесло въ деревню. Кромѣ дружбы и веселой бесѣды мнѣ всякое свиданіе съ вами какъ-то обновляетъ былое, объ которомъ мы съ вами можемъ пожалѣть не по поэтической модѣ, а просто потому, что былое было, право, хорошо. Для меня это особенно чувствительно, потому что, удаленный отъ свѣта столичнаго и бесѣдуя съ нѣкоторыми вывезенными изъ Турціи недугами, менѣе развлекаются мысли внѣшними обстоятельствами. Ваша жизнь живѣе и разнообразнѣе, и я надѣюсь, что, не смотря на необходимость водъ Московскихъ для поправленія нашего здоровья, оно не такъ разстроено, чтобы отнять у васъ возможность пользоваться веселостями, которыми бывало увлекались вы съ такимъ поэтическимъ презрѣніемъ къ шуму и блеску. T'en souviens-tu? Que de chose à dire en couplets à la Béranger. Les bals si brillants; cette féerie de la cour et ces réflexions si philosophiques la veille et le lendemain, mais qui se taisaient pendant les heures de l'enchantement. Я ничего не дѣлаю, а хочется за что-то приняться. Но за что? Вотъ вопросъ. Всѣ эти смутныя грезы, которыя по временамъ роятся въ головѣ, исчезаютъ при строгомъ и внимательномъ разборѣ, когда дѣло идетъ объ исполненіи. Я напишу стихи объ этомъ *) и скоро пошлю ихъ къ вамъ. Погода становится темнѣе и пасмурнѣе, въ головѣ будетъ свѣтлѣе. Помните записку, которая у меня хранится: «На дворѣ свѣтло, тепло и пр.»; я ее теперь повторяю, только наизнанку. Что Александръ А.? Гдѣ онъ? Что графъ Толстой (Александръ). Что ваша служба? Что Москва? Напишите словечко въ отвѣтъ. Я знаю, что вы не лѣнивы и не думаю, чтобы были забывчивы для друзей. Прощайте. Крѣпко накрѣпко васъ обнимаю.

А. Хомяковъ.

Узнаю ли я васъ безъ усовъ и во фракѣ? Да еще пожалуйста словечко объ Chetif (?), о графѣ Закревскомъ и о свадьбѣ Пушкина. Je deviens commère.

(1830).

---

*) Можетъ быть это была „Зима“. (См. стихотворенія А. С. Хомякова въ IV томѣ сего изданія). П. Б.

3.

Къ нему же.

Le choléra est donc à Pétersbourg! Quel temps d'épreuves pour la Russie! Que Dieu fasse passer ce fléau destructif, qu' Il garde surtout l'Empereur! Quand on le sait si près de la contagion, impossible de ne pas craindre un malheur qui mettrait le comble à tous les autres. Portez-vous bien, et si je pouvais plaisanter, je dirais: continuez à nous bien gouverner. J'espère que quand vous recevrez ce billet, vous pourrez déjà rire de bon coeur de mon ton tragique.

Приписка А. С. Хомякова въ письмѣ И. В. Шатилова къ Н. А. Муханову.

И. В. Шатиловъ писалъ изъ Пятигорска 20 Іюля 1830:

«Я очень счастливъ, что здѣсь Хомяковъ. Онъ всякій день у меня, и вмѣстѣ проводимъ бо́льшую часть дня. Нечего тебѣ говорить, что съ нимъ не соскучишься: ты знаешь, что онъ поетъ какъ гусли».

А. С. Хомяковъ приписалъ:

«У васъ, любезный Николай Алексѣевичъ, холера; у насъ также, да мы ее и въ грошъ не ставимъ. У насъ есть на нее поташъ съ уксусомъ (по скрупулу въ ложкѣ уксуса, до 12 пріемовъ): лѣкарство вѣрное. Но хуже того: у насъ Черкесы да Чеченцы, народъ холерическій, а Ермоловскаго поташу здѣсь ужъ нѣтъ, и мы частенько тревожимся; впрочемъ, не смотря на тревоги и лѣченія, выздоравливаемъ и толстѣемъ.

А. Хомяковъ.

ПИСЬМА

къ

Алексѣю Владимировичу

Веневитинову.

Къ А. В. Веневитинову *).

I.

Любезный Алексѣй. Пишу къ тебѣ въ Петербургъ, чтобъ поблагодарить тебя за твое дружеское письмо; желаю, однакоже, чтобъ эти строки тебя не застали. Инвалидъ въ числѣ выѣзжающихъ содержитъ имя ротмистра гр. Комаровскаго (хотя это не согласно съ твоимъ письмомъ). Я надѣюсь, что онъ не одинъ уѣхалъ и что бичъ Россіи, холера, не застала въ Питерѣ ни Анну Николаевну, ни твою сестру. Признаюсь, что это было бы для меня большая радость, если бы я это зналъ навѣрное. Votre mère est d'une santé si faible! Что я тебѣ скажу объ насъ? Путь нашъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ тяжелъ; но, проѣхавъ холерныя деревни, мы были напуганы болѣзнію сестры, у которой, кажется, была холера въ слабой степени. Впрочемъ я ее магнетизировалъ, и это помогло. Здѣсь горные народы крѣпко бушуютъ, и это причиняетъ намъ нѣкоторое безпокойство; а болѣзнь, хотя во всей почти области и въ самомъ городѣ, гдѣ мы живемъ, однакоже она не сильна и не тревожитъ насъ. Я ничего не дѣлаю, распариваюсь въ горячей водѣ, ни о чемъ путномъ думать не могу и жду нетер-

*) Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ, младшій братъ поэта (который былъ близкимъ другомъ А. С. Хомякову), род. въ Москвѣ 2 Декабря 1806, ум. въ Петербургѣ 14 Января 1872. Въ 1829 году изъ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ перешелъ онъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ въ 1842 году управлялъ Комитетомъ о земскихъ повинностяхъ; впослѣдствіи онъ занималъ должности сенатора и товарища министра удѣловъ, пользуясь общимъ уваженіемъ какъ за служебную свою дѣятельность такъ въ особенности за высокій нравственный характеръ свой. Многія письма къ нему А. С Хомякова безъ означенія годовъ; потому не ручаемся за точное хронологическое размѣщеніе ихъ.

нѣливо конца курса. Впрочемъ, край прелестный, земля обѣтованная, горы великолѣпныя, и во всякое другое время я счелъ бы за счастіе здѣсь быть, особенно съ друзьями или по крайней мѣрѣ съ порядочными людьми; но нынѣшній годъ собралъ здѣсь все дрянь. Исключеніе—одни Цуриковы: это, кажется, весьма порядочная семья; если не ошибаюсь, то они родня довольно близкая гр. Комаровскому.

Прощай, будь здоровъ и люби любящаго тебя отъ души

А. Хомякова.

Іюня 10 (1830).

Не увидимся ли мы въ Воронежѣ? *)

2.

Августа 2 дня (1830).

Долго не отвѣчалъ я тебѣ, любезный Алексѣй, и кромѣ лѣни тебѣ извѣстной едва ли найду я порядочную отговорку. Правду сказать, боли во лбу у меня отнимаютъ много времени, а еще болѣе охоты къ перу, да все-таки не цѣлый день онѣ продолжаются, и можно бы найти часочекъ для друзей. И такъ оставляю въ сторонѣ это извиненіе тѣмъ болѣе, что я долженъ сказать, что я вообще почти здоровъ и мои пароксизмы такъ слабы стали, что иногда я почти про нихъ забываю. Виноватъ, да и только. Не повѣришь, какъ досадно мнѣ было слышать, что едва я успѣлъ покинуть бѣлокаменную, какъ ты туда прибылъ съ Мухановымъ (котораго я накрѣпко обнимаю и къ которому я на дняхъ буду писать). Мысль у васъ преблагородная, преумная ѣхать на излѣченіе въ Москву: это какъ будто возвышаетъ ее надъ Питеромъ; и если бы я не боялся докторовъ и не надѣялся на деревенскій воздухъ, то непремѣнно бы прилетѣлъ къ вамъ. Ты бранишь меня за мою лѣнь; дай срокъ, она уже и мнѣ докучаетъ: часто беретъ и меня охота прибѣгнуть къ размышленію, какъ къ лѣкарству отъ пустоты, да все еще не рѣшаюсь; но я себя знаю и увѣренъ,

*) Подъ Воронежемъ имѣнье Веневитинова, село Животинное; можетъ быть, Хомяковъ думалъ съ нимъ увидаться на обратномъ пути съ Кавказскихъ водъ.

что скоро моя *папирофобія* уступитъ тяжести длинныхъ, ничѣмъ не занятыхъ часовъ. Мысли уже иногда вскипаютъ и обѣщаютъ, что осень пройдетъ не безъ плодовъ. Впрочемъ не думай, чтобъ я скучалъ въ деревнѣ. Погода хороша, собаки лихи, зайцы есть; такъ съ этимъ не соскучусь. Прибавь къ тому, что я изъ Турціи привелъ коней славныхъ, чудной ѣзды, покойныхъ какъ люльки, горячихъ какъ кипятокъ и быстрыхъ какъ Добрынинъ Златокопытъ. Книги есть, есть бильярдъ и смѣшные сосѣди, чего же больше! Вотъ я тебѣ сказалъ правду, да не всю правду: приходятъ часы, что хотѣлось бы побесѣдовать съ пріятелями, послушать разумныхъ рѣчей, потолковать о прекрасномъ, о политикѣ, о безконечности, и безпрерывные нѣмые монологи разнообразить веселыми и спорливыми отвѣтами. Я этого удовольствія лишенъ; можетъ быть, тѣмъ лучше: по неволѣ подумаю и буду искать мысленныхъ удовольствій въ себѣ, не получая ихъ извнѣ. Потомъ и перо, и бумага, и *vogue la galère!* Прощай, цѣлую тебя сто разъ и прошу тебя передать поклонъ мой Герке [1]), Погодину и *tutti quanti*. А. Хомяковъ.

3.

Августа 23 дня (1831).

Пріѣхавъ сюда, любезный другъ, я нашелъ, что меня славно поддѣли. Свадьба еще будетъ завтра: никакой нужды не было такъ торопиться. Единственный мой барышъ состоитъ въ томъ, что на мѣсто одной свадьбы я буду шаферомъ на двухъ. Такая досада, что словъ нѣтъ. Здѣшнимъ всѣмъ я отдалъ твои поклоны, а въ особенности Герке, который вѣрить не хотѣлъ, что ты меня обыгралъ въ шахматы: tant la chose est invraisemblable. Пожалуйста увѣдомь меня поскорѣе объ участи моего Самозванца и если получишь назадъ манускриптъ подписанный, отправь поскорѣе ко мнѣ. Да еще къ тебѣ просьба. Сходи къ Смирдину и къ Сленину. Скажи имъ, что Ермакъ [2])

---

[1]) Христіанъ Ивановичъ Герке, бывшій воспитатель Петра Владимировича. Веневитинова, умершаго малолѣтнимъ.

[2]) Трагедія Хомякова „Ермакъ“ вышла въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1832 году. „Цензурное на ней дозволеніе (Льва Цвѣтаева): „Москва, 1831 Августа 10 дня“

поступаетъ въ продажу и что цѣна 10 рубл. Хотятъ ли они купить сколько-нибудь экземпляровъ или нѣтъ? Если хотятъ, возьми отъ нихъ записку о томъ, сколько каждый требуетъ и по какой цѣнѣ. Смирдинъ говорилъ Одоевскому объ сотнѣ; не перемѣнилъ ли онъ намѣренія? Увѣдомь обо всемъ этомъ поскорѣе. Прощай. Обнимаю тебя заочно. Твой Алексѣй Хомяковъ.

Mes respects à madame votre mère, да дружескій поклонъ всѣмъ тѣмъ, съ которыми я по несчастію разстался слишкомъ рано.

4.

(1831).

Любезный Алексѣй. Мы, кажется, съ тобою не торопимся исполнять обѣщанія. Вотъ до сихъ поръ еще отъ тебя никакого извѣстія нѣтъ, не смотря на слово взаимно данное нами передъ отъѣздомъ твоимъ изъ Москвы. Правду сказать, и я до того времени молчалъ, покуда пришлось объ дѣлѣ къ тебѣ писать, какъ будто нечего было сообщать тебѣ или не объ чемъ поговорить. Объ тебѣ-то я зналъ отъ многихъ, напр., отъ Кирѣева, Норова, Кошелева и болѣе всего отъ твоихъ *), которыхъ я нѣсколько разъ видѣлъ, хотя рѣже чѣмъ желалъ бы, да они всегда селятся такъ далеко, что ужасъ. Впрочемъ ихъ жилище на трехъ горахъ очень мило и, кажется, столько же помогаетъ имъ какъ и гомеопатія, подъ власть которой они покорились. Но объ этомъ болѣе не стану говорить, потому что ты, вѣроятно, отъ нихъ самъ все уже знаешь подробнѣе и лучше. Признайся, другъ, что нужна твердость духа остающимся въ Москвѣ. Надобно выдерживать трудное испытаніе и кромѣ того безперерывно повторяемое. Кого Петербургъ не переманиваетъ къ себѣ? Кто остается вѣрнымъ бѣлокаменной старушкѣ? Жалѣешь и не имѣешь даже утѣшенія сердиться на отъѣзжающихъ, потому что они правы. Если нѣтъ особеннаго призванія или страсти (это все одно и тоже), то служба необходима въ Россіи не только для того, чтобъ заплатить долгъ Отече-

*) Т. е. отъ графа Е. Е. Комаровскаго и его супруги Софьи Владимировны, сестры А. В. Веневитинова. П. Б.

ству, но и для того, чтобъ наполнить пустыню дней и годовъ чѣмъ-нибудь, въ такой землѣ, гдѣ физическая жизнь нашихъ почтенныхъ дѣдовъ вышла изъ моды и сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ, а умственная развиться еще не успѣла. А слова: *служба и Москва*, вмѣстѣ не клеятся. Какъ только Кошелевъ пріѣхалъ, первое слово мое было: «что? въ службѣ?» и ожидаемое «да» не заставило себя долго ждать. И такъ вотъ еще въ нашемъ кругу убыль. Чужіе края насъ лишили Свербеевыхъ.

Дерптъ, кажется, взялъ Мещерскихъ надолго, такъ что почти не остается старыхъ знакомыхъ, а новые какъ-то все не то. За то я, въ ожиданіи не совсѣмъ веселой зимы, хочу съѣздить повеселиться въ Крымъ. Не знаю еще, удастся ли, но почти вѣрно то, что позволятъ. Я надѣюсь, что эта поѣдка меня освѣжитъ и что, возвратясь на зимнія квартиры, въ мою келійку, живѣе напишу Ляпунова, отъ котораго надобно какъ-нибудь отдѣлаться, какъ отъ домоваго, и многое, которое вертится у меня въ головѣ. Можетъ быть, тогда я у васъ побываю въ Петербургѣ, т. е. весною, чтобъ съ вами побывать да поклониться цензурѣ. Между прочимъ, вотъ тебѣ мои порученія, которыя ты, я надѣсь, исполнишь отлично: 1-е, ты прилагаемый при семъ эпиграфъ для Самозванца отнеси къ Семенову; поклонись ему отъ меня и скажи, что стыдно-де было вамъ быть въ Москвѣ и не велѣть о томъ сказать Хомякову. Потомъ чинно и смиренно подай предполагаемый эпиграфъ и испроси утвержденія. Ты самъ чувствуешь, какъ этотъ эпиграфъ нуженъ. Какъ скоро его утвердятъ, то пришли къ Шевыреву, который въ моемъ отсутствіи взялся надсматривать за печатаніемъ. 2-е, купи на мой счетъ Нибурову исторію Рима и пришли Погодину, у котораго я ее потерялъ. 3-е, кланяйся всѣмъ помнящимъ меня, а въ особенности Одоевскому и Мальцову и пиши ко мнѣ, адресуя письма просто въ Москву, въ нашъ домъ. Твой А. Хомяковъ.

Іюня 9 дня.
Москва.

Узнай пожалуйста, сколько экземпляровъ Ермака продано и напиши объ этомъ. Я надѣюсь, что Смирдинъ и Сленинъ сбыли

до десятка, но если менѣе, то говори безъ обиняковъ. Cela ne me rendra pas malade et me donnera des chances pour gagner deux bouteilles de Champagne.

Въ Трагедію «*Димитрій Самозванецъ*»

Эпиграфъ.

Je suis d'opinion que s'il se fut comporté plus modestement, sans se mêler des Polonois, et qu'il eut épousé une dame du pays, et se fut accomodé à leur humeur, encore qu'il eut été pire qu'un moine moinant, si est ce que la couronne lui fut bien demeurée sur la teste; mais je pense que le Pape avec ses séminaires des Jésuites, ont été cause de sa ruine et subversion totale: car ces assassins des Princes en ont voulu faire trop vitement un Monarche, et se sont fourrez trop fort dedans les ruches à miel. C'est dommage qu'on ne leur a pas mieux razé la teste, mais ils s'estoient trop bien transformés en habit séculier. *Car tels Allans ne se preignent pas volontiers sans vert.*

(Légende de la Vie et de la Mort de Démétrius, dernier Grand-Duc de Moscovie. *Traduite nouvellement l'an 1606*).

5.

Я тебѣ очень благодаренъ, любезный Алексѣй, за исполненіе моихъ порученій; да благо стóитъ только начать, такъ потомъ отъ докучливаго пріятеля не отвяжешься. Самозванца моего ты изъ цензуры взялъ и, правду сказать, она очень ко мнѣ была милостива (только жаль, что сцену Шута не пропустила, и странно, что послѣдній стихъ ей показался вреднымъ); потомъ съ Смирдинымъ переговорилъ. Такъ вотъ же еще два порученія. Отдай пожалуйста мое письмо (запечатавъ) къ Семенову *) и поправки при немъ находящіяся и попроси его мнѣнія словеснаго или подписи, какъ хочешь; да скажи Смирдину, что я посылаю на его имя съ дилижансными транспортами сто экземпляровъ Ермака. Насчетъ цѣны ты совершенно правъ; по

*) Петербуртскій цензоръ Василій Николаевичъ Семеновъ.

крайней мѣрѣ, я такъ думаю; но къ несчастію твое письмо пришло, уже когда онъ поступилъ въ продажу, и цѣна была объявлена, такъ дѣлать нечего. Я посылаю эти сто экземпляровъ на комиссію. Если они выйдутъ, и онъ еще потребуетъ, то пусть адресуется въ нашъ домъ къ человѣку Аѳанасью Ефимову.

Сегодня въ ночь пускаюсь въ путь въ деревню или, лучше сказать, въ городъ Тулу на выборы шумѣть или молчать, какъ Богъ на умъ пошлетъ. Въ Москвѣ я выборы видѣлъ. Довольно шумно и любопытно, хотя недостаетъ вообще приличія и знанія дѣла. Какъ-то будетъ у насъ? По земскимъ повинностямъ поднятъ довольно важный вопросъ; только не знаю, поддержатъ ли начатое, а болѣе думаю, что затушатъ.

Каковъ Панинъ! [1]) Этимъ всѣ перекликаются, кто съ радостію, кто съ досадой. Я не по дружбѣ одной принадлежу къ первымъ: мнѣ кажется, что въ немъ есть и умъ, и характеръ, и правила способныя удержать излишнюю торопливость нашихъ доктриперовъ, которые..... Mutus veut dire en latin silence; но привилегированные капиталисты и нищіе (vide о почетныхъ гражданахъ) едва ли принесутъ пользу, и я не могу не досадовать, глядя на это.

За всѣ твои поклоны тебѣ платятъ тѣмъ же съ процентами, также и за объятія и за цѣлованія. Поклонись отъ меня Одоевскому и княгинѣ. Они двое, да Карамзины меня мирятъ съ Петербургомъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Катер. Андр. Карамзиной, а Софьѣ Николаевнѣ скажи, что хотя она и сердится на меня, безчувственное сердце, но я умѣю быть благодарнымъ даже и за поклонъ.

Обними Мальцова [2]), кланяйся Соллогубу. Твое примѣчаніе о томъ, что ты еще не сошелъ съ ума не совсѣмъ меня успо-

---

[1]) Молодой графъ Викторъ Никитичъ Панинъ (получившій воспитаніе въ Іенѣ подъ надзоромъ Гёте, будущій министръ юстиціи). Хомяковы и графы Панины были сосѣдями по имѣніямъ въ Сычевскомъ уѣздѣ и дружелюбно водили между собою хлѣбъ-соль.

[2]) Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ, бывшій секретаремъ посольства при Трибовѣдовѣ въ Персіи.

коиваетъ, и я даже хочу всегда у тебя спрашивать, какъ Персіяне: здоровъ ли вашъ мозгъ?

Прощай, любезный другъ, будь здоровъ и помни тебя любящаго А. Хомякова.

Мая 11-го дня (1832). Москва.

Présentez, je vous prie, mes respects à madame votre mère.

Если только будешь мнѣ отвѣчать, какъ я надѣюсь, то пришли въ нашъ домъ къ служителю Аѳанасью Ефимову для доставленія и проч., потому что я самъ не знаю куда ѣду; можетъ быть, на Кавказъ.

6.

Любезный другъ. Не знаю, былъ ли ты именинникомъ третьяго дня или нѣтъ; на всякій случай съ прошедшимъ днемъ твоего ангела поздравляю тебя и мысленно присоединяю къ поздравленію всѣ обычныя желанія, которыя ты можешь дополнить безъ большаго усилія воображенія. Герке на дняхъ говорилъ мнѣ, что ты хорошо продалъ хлѣбъ въ деревнѣ; это мнѣ напоминаетъ твой хозяйственный вопросъ: «какъ слѣдуетъ жениться?» и къ обыкновеннымъ именинным желаніямъ я охотно прибавилъ бы еще одно лишнее. Ты теперь долженъ быть и счастливъ, и доволенъ. Живешь въ Петербургѣ, а вѣдь это твой рай (maudit Pétersbourgeois que vous êtes!), и матушка къ тебѣ пріѣхала. Если ты дѣйствительно былъ именинникомъ, то передай мое поздравленіе твоей почтенной матушкѣ, которая, я надѣюсь, не разсердится за *лишнее* желаніе. Между тѣмъ какъ ты въ Петербургѣ катаешься, какъ сыръ въ маслѣ, тебѣ и не грезится, что я провелъ самую пасквильную зиму, какую когда-либо проводилъ. Вообрази себѣ, что я головою былъ боленъ въ деревнѣ цѣлый мѣсяцъ такъ, что ни работать, ни писать, ни даже думать ни о чемъ не могъ. Даже чтеніе не всякое мнѣ было возможно. Сенковскій ужъ былъ для меня слишкомъ глубокомысленъ. Полевой ужъ совсѣмъ не подъ силу, и только Гречъ да Булгаринъ могли пріятно занять мои досуги. Каковъ я былъ! Потомъ пустился въ невольные разъѣзды и во всю зиму провелъ въ Москвѣ едва двѣ недѣли

въ разные сроки. Какъ на смѣхъ, морозы были въ 30 градусовъ и ухабы какъ Альпы (excusez l'hyperbole!). Представь же себѣ положеніе человѣка, беременнаго Ляпуновымъ (и это самая трудная изо всѣхъ моихъ беременностей), прибавь чёртовы хлопоты по хозяйству и разныя непріятности, и ты будешь имѣть еще слабое понятіе о моей досадѣ на то, что Ляпуновъ [1]), почти foetus, embryo, ничто! Едва начинаетъ облекаться стихотворною плотію. А я хотѣлъ постомъ быть у васъ! Проектъ мой отправился къ чорту. Пожалѣй обо мнѣ.

Посылаю тебѣ пропасть экземпляровъ Самозванца [2]), которые ты бы давно получилъ, но я былъ въ деревнѣ, а пріѣхавъ сюда опять заболѣлъ; теперь однакоже поправляюсь. Раздай экземпляры кому слѣдуетъ. При нѣкоторыхъ прибавь фразы. Напримѣръ, если увидишь князя П. Вяземскаго, скажи ему, что я болѣе всѣхъ ему долженъ былъ прислать Самозванца, потому что никогда не могу забыть его дружеской благосклонности. Я назвалъ это фразой; но дѣйствительно это не фраза, а чистая истина: его пріемъ много мнѣ тогда [3]) сердце отогрѣлъ. *Ей* [4]) скажи, что.... что̀ хочешь! Voilà du tendre, j'espère. Всѣмъ помнящимъ обо мнѣ скажи, что я вдвое болѣе объ нихъ помню, любящихъ обними за меня. Матушкѣ своей засвидѣтельствуй мое почтеніе и прощай. А. Хомяковъ.

Февраля 19 дня (1833). Москва.

Хороша вѣтренность! Десять дней письмо лежитъ и не отправлено. Впрочемъ прибавить нечего. Только когда будешь писать къ Герке, побрани его за то, что онъ къ намъ не показывается.

Сейчасъ узналъ я о твоемъ производствѣ; отъ душа поздравляю тебя по многимъ тебѣ извѣстнымъ причинамъ; обнимаю тебя и поздравляю твою почтенную матушку съ этою радостію.

---

[1]) Удѣлѣвшій отрывокъ изъ этой трагедіи см. въ IV т. нынѣшняго изданія сочиненій его.

[2]) Трагедія Хомякова „Дмитрій Самозванецъ“ дозволена къ печати 19 Апрѣля 1832 года цензоромъ В. Н. Семеновымъ, печаталась въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ С. П. Шевырева и вышла въ свѣтъ въ 1833 году.

[3]) Т. е. въ 1832 г. съ тѣхъ поръ Хомяковъ не былъ въ Петербургѣ 15 л. сряду.

[4]) Вѣроятно А. О. Росеттъ (впослѣдствіи Смирновой).

7.

Говорятъ, любезный другъ, что съ друзьями слѣдуетъ обходиться безъ церемоній; однакоже боюсь, чтобы ты не нашелъ, что я ужъ черезчуръ по дружески поступаю, навязывая на тебя дѣло безъ твоего согласія. Впрочемъ едва ли ты это скажешь, потому что я увѣренъ, что въ подобномъ случаѣ ты со мною точно также бы поступилъ. Вотъ въ чемъ дѣло. При этомъ письмѣ прилагается просьба въ Сенатъ и письмо къ Медвѣдеву *); адресъ его на этомъ же конвертѣ. Пожалуйста пошли его къ себѣ попросить, покажи ему просьбу и, если онъ ее похвалитъ, то подай ее за своимъ рукоприкладствомъ. Если же не одобритъ онъ просьбы, то попроси ее перемѣнить и поступи по его совѣту. Поразспроси его также объ самомъ дѣлѣ и въ какомъ оно положеніи находится и не опоздалъ ли я своею просьбою? Дѣло, какъ видишь, довольно важное, и съ твоей стороны будетъ истинное одолженіе, если мою просьбу исполнишь, въ чемъ я увѣренъ былъ бы даже и тогда, когда бы тебѣ пришлось похлопотать, а тутъ, кажется, и хлопотъ тебѣ почти никакихъ не будетъ. Сколько истратишь на бумагу и проч., увѣдомь, и я къ тебѣ перешлю; а знакомство съ Медвѣдевымъ, можетъ быть, тебѣ когда-нибудь пригодится, потому что онъ человѣкъ добрый. Еще одна просьба о томъ, чтобъ ты не замедлилъ. Здѣсь приложена и довѣренность на подачу просьбы.

Каково это послѣ такого долгаго молчанія вдругъ писать прямо объ тяжбахъ и арканомъ потянуть пріятеля въ Сенатъ? Самому совѣстно. Я довольно часто отъ пріѣзжихъ изъ Питера слышу объ тебѣ и о твоихъ; но прошу, когда будешь мнѣ отвѣчать, подробно обо всѣхъ напиши. Здоровы ли вы всѣ, веселы ли, довольны ли Петербургомъ и правда ли, что графъ Комаровскій вступилъ въ службу? Я бы этому былъ очень радъ: ему нужны занятія. Скажи ему, что я часто объ немъ говорю и что многимъ, т. е. всѣмъ его знакомымъ, жалко, что

*) Вѣроятно стряпчій.—За болѣзнію отца своего, Хомяковъ долженъ былъ заниматься хозяйствомъ и дѣлами по имѣніямъ.

онъ оставилъ нашу Москву. Но это эгоизмъ, ибо я увѣренъ, что ему въ Питерѣ лучше.

Письмо мое получишь ты черезъ Петра Васильевича Киреевскаго, котораго ты очень знаешь и котораго я душевно люблю. Пустѣетъ наша, т. е. теперь моя Москва. Кто въ Питеръ уѣхалъ, кто въ чужіе края, кто въ деревню на всю зиму. Право грустно. Дома еще грустнѣе, и, если бъ я умѣлъ, я бы чрезмѣрно былъ невеселъ, да не слажу съ собою, чтобы порядкомъ насупиться. Притомъ скажи еще, что я и собою недоволенъ, хотя пропасть дѣлъ и хлопотъ отчасти извиняютъ мое бездѣйствіе. Когда пораспутаю дѣла, авось примусь за дѣло, авось начну писать, когда не съ кѣмъ будетъ говорить. Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, я долженъ бы радоваться отъѣзду пріятелей; да также что-то это утѣшеніе плоховато.

Кончаю письмо, чтобъ не задержать Петра Васильевича, который меня ожидаетъ. Пожалуста, засвидѣтельствуй мое почтеніе матушкѣ своей и сестрѣ, а графу скажи, что я искренно люблю его и дружески ему кланяюсь. Да кромѣ дружбы скажи, что мнѣ безъ него бѣда: никто не имѣетъ того терпѣнія, съ которымъ онъ выслушивалъ мои бредни объ Индіи и о распространеніи рода человѣческаго отъ подножія Арарата *). Тебя много и много разъ обнимаю и цѣлую. Твой отъ души А. Хомяковъ.

Мая 6 дня. Москва (1833).

При случаѣ увѣдомь меня, какъ курсъ акцій новаго страховаго общества?

8.

(1834 года).

Я вѣчно тебѣ поручаю комиссіи, любезный Алексѣй, которыхъ ты, я думаю, не исполняешь, потому что даже и не отвѣчаешь ничего на письма. Между нами, это, правда, дѣло не важное, ибо съ обѣихъ сторонъ грѣшно бы было намъ хвастаться аккуратностью; но теперешнюю комиссію исполни пожалуй, потому что она довольно важна. Сходи къ Смирдину, мимо котораго вѣрно ты проходишь раза два въ день между 2-хъ

*) Графъ Е. Е. Комаровскій извѣстенъ былъ многосторонней ученостью.

и 4-хъ часовъ, когда вамъ Богъ даетъ солнышко, и скажи слѣдующее. «Чтобы ему ни писали обо мнѣ, онъ не долженъ вѣрить. Отказываться отъ сотрудничества для Библіотеки я не думаю, ибо никакой не имѣю причины отказываться, и если мнѣ удастся что-нибудь написать, то я къ нему пошлю, а его уже дѣло будетъ печатать или нѣтъ». Пожалуй, передай это ему, а для тебя объясненіе: прочитавъ критику на моего Самозванца, батюшка въ деревнѣ такъ разсердился (онъ боленъ, слѣдовательно это извинительно, хотя смѣшненько), что написалъ къ Смирдину *безъ моего вѣдома*, что я и не хочу, и не могу болѣе быть участникомъ въ журналѣ [1]). Ты, зная меня, легко повѣришь, что я про это ничего не зналъ и какъ мнѣ досадно было узнать про это письмо. Исполни же мое порученіе: этимъ выведешь меня изъ ложнаго и смѣшнаго положенія, и увѣдомь о полученіи этихъ строкъ. Прощай, обнимаю тебя и желаю всякаго счастія. А. Хомяковъ.

Знаешь, что Киреевскій женится? [2]) Когда-то мы съ тобой?

9.

Получено 10 Января 1837 г.

Любезный другъ!

Если кто-нибудь со временемъ будетъ читать наши письма, узнаетъ ли онъ про нашу дружбу? Едва ли. Мнѣ смѣшно подумать, что всякій разъ почти какъ я къ тебѣ пишу, всегда матерія объ дѣлахъ. И теперь хочу тебѣ дать порученіе пустое или полезное, это узнаю изъ твоего отвѣта. Я слышу здѣсь про разныя покупки хлѣба для прокормленія голодныхъ островитянъ. Очень желалъ бы я въ этомъ участвовать, потому что вещественное наше богатство должно питать умственныя способности Запада. Ты видишь, что это справедливо и человѣколюбиво и что я безкорыстной послѣдователь поклонниковъ Европы, Чаадаева, Тургенева [3]) e tutti quanti. Нѣтъ, я даже вы-

---

[1]) Ср. о томъ письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 22 Іюня 1834 г. въ III-мъ томѣ Остафьевскаго Архива (Спб. 1899), стр. 258.

[2]) Иванъ Васильевичъ Киреевскій вступилъ въ бракъ со своею троюродною сестрою Натальею Петровною Арбеневой 30 Апрѣля 1834 года.

[3]) Александра Ивановича.

ше ихъ: они только словомъ, а я дѣломъ готовъ служить нашимъ просвѣтителямъ. Но такъ какъ всякое доброе дѣло должно въ себѣ находить свое же вознагражденіе, то и барышекъ (хотя я очень далекъ отъ корыстолюбія) былъ бы мнѣ кстати. Если барыша не будетъ, то моя скромность мнѣ не позволитъ отнимать у другихъ, которые лучше меня, случай къ геройскому самопожертвованію. Сдѣлай же одолженіе, узнай подробно, по какимъ цѣнамъ, на какихъ кондиціяхъ и пр. дѣлаются эти поставки. Требуется ли рожь или одинъ овесъ? Здѣсь говорятъ, что первую закупали по 17 рубл., а второй по 10 рубл. 50 коп. Это бы было недурно, и тысячъ десятокъ четвериковъ могъ я бы поставить или болѣе. Ты въ центрѣ дѣйствій, имѣешь связи со всѣми аристократіями отъ мозговой до копѣечной, то пожалуйста увѣдомь, есть ли возможность втереться въ число поставщиковъ или, лучше сказать, благотворителей. Какіе именно вкусы островитянъ? Какаго вѣса хлѣбъ имъ болѣе нравится, нѣтъ ли у нихъ лишнихъ денегъ, которыя бы они давали впередъ, или народъ аккуратный платитъ только при сдачѣ? Все это очень любопытно.

Теперь другое. Ты слышалъ, что Павловъ женится на Каролинѣ Яппишъ. Она получила, говорятъ, богатое наслѣдство. Фу, какія низкія понятія ты имѣешь о человѣчествѣ! Я даже боюсь, чтобы ты не истолковалъ какъ нибудь неблагородно мою любовь къ Англіи. Это у Павлова чистая любовь, это пламя давно сокрытое, но которое онъ только теперь сознаетъ въ себѣ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, онъ дѣлаетъ умно и какъ бы ни толковали, а я буду думать, что онъ женится, какъ пишетъ (по его словамъ), не *изъ* денегъ, но и не *безъ* денегъ.

Право, пора тебѣ! Годъ свадебъ, и не пропускай его. Ты честнымъ трудомъ входишь въ честь свѣтскую, умнымъ отдыхомъ округляешь брюшко, веселіемъ уже прочистилъ на головѣ лысинку, теперь женись, и выберутъ въ губернскіе предводители. Шутки шуткой, а право я желалъ бы этаго.

Пріѣзжай зимой въ Москву и похлопочемъ.

Прощай! Обнимаю тебя крѣпко и прошу тебя засвидѣтель-

ствовать мое почтеніе матушкѣ твоей и сестрицѣ, а графу [1]) мой дружескій, истинно дружескій поклонъ. Твой А. Хом.

Mes amitiés à Görke.

Quelle catastrophe! Quel malheur! Mes chiens, les premiers du monde, presque tous crevés. De 20 il ne m'en reste que 4. Plains moi; car, tout en plaisantant, j'ai le coeur navré.

Le 13 Décembre.

10.

(1839).

Вотъ тебѣ письмо при живой грамотѣ, любезный Алексѣй. Я замедлилъ тебѣ отвѣчать и благодарить тебя за посылку потому именно, что хотѣлъ письмо отправить съ Митею [2]), а онъ не совсѣмъ такъ скоро выѣхалъ, какъ мы ожидали. Деньги за викторину прилагаю и запасъ за почтовыя издержки, о которыхъ ты въ письмѣ забылъ упомянуть. Victorine прелестны обѣ и по сказанію общему весьма дешевы; вкусъ твой такъ оправданъ, что жена моя объявляетъ тебя уличеннымъ въ волокитствѣ; ибо надобно часто заниматься дамами и ихъ нарядами, чтобы такъ хорошо понимать дѣло, а матушка сказала: ему бы надобно жениться. Amen!

Отдастъ тебѣ письмо нашъ Черкесъ, что́ прежде Лухманъ, нынѣ Дмитрій. Полюби его: малый славный, готовый къ труду, умный и дѣльный. Ему приказано отъ меня тебѣ доложить про свои дѣла, свои хлопоты и надежды, а обѣщано, что ты поможешь ему совѣтомъ; я увѣренъ, что ты это сдѣлаешь. Зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Питеръ, исторія длинная, и онъ тебѣ лучше ее разскажетъ, чѣмъ я могу это сдѣлать въ письмѣ.

---

[1]) Графу Егору Евграфовичу Комаровскому, женатому на сестрѣ Веневитинова Софьѣ Владимировнѣ. См. выше стр. 37.

[2]) Это былъ Черкесъ, Дмитрій Кодзоковъ, котораго малолѣтнимъ привезла съ Кавказа мать А. С. Хомякова. Будучи его крестною матерью, она воспитала и одарила его. Въ Московскомъ Университетѣ Кодзоковъ былъ товарищемъ и пріятелемъ М. Н. Каткова (мать котораго Грузинка) и вѣроятно онъ ввелъ его въ домъ къ Хомяковымъ, гдѣ М. Н. Катковъ нѣкоторое время и жилъ.

Я зналь, что Киселевъ [1]) прочуетъ про твою работу и будетъ ощупывать твои мысли и тебя, чтобы употребить въ пользу. Пожалуйста, будь остороженъ. Публика судья надежная, и протекція ея даже для службы очень важна, а Киселевъ человѣкъ извѣстный: выжметъ да кинетъ. Хорошо Пальчикову, что онъ попался къ Дашкову или къ Блудову теперь, а то К. его бъ загубилъ совсѣмъ. Отъ души желаю тебѣ какъ-нибудь отъ него совсѣмъ отдѣлаться: чортъ съ нимъ! Тебѣ уже стыдно будетъ ему вѣрить. Постарайся (ужъ если надобно служить) попасть къ новоназначеннымъ министрамъ; при началахъ всякаго правленія есть сливки, которыя надобно снимать, оставляя другимъ молоко; а ты извѣстенъ, тебѣ будутъ рады вездѣ, и Блудовъ тебя уже давно знаетъ, а (впрочемъ или Строг...) [2]) если не знаетъ лично, то вѣроятно знаетъ уже по обществу.

Объ *Запискахъ* [3]) скажу, что журналъ хорошъ, т. е. лучшій у насъ и истинно хорошъ литературно; но не худо бы было издателю нѣсколько воспользоваться примѣромъ Библіотеки по части ученой. Это въ Библіотекѣ хорошо и достойно подражанія. Повѣсть гр. С. хороша, Одоевскаго хороша также, но не изъ лучшихъ его произведеній; стихи почти всѣ плохи. Графини Р. [4]) стихи недурны, но холодны; впрочемъ ты совершенно правъ въ сужденіи объ ней, какъ женщинѣ, хотя едва ли не слишкомъ снисходителенъ какъ къ писательницѣ. Лермонтовъ хорошъ, но не ровенъ. Вообще журналъ чистъ, благороденъ и обѣщаетъ много. Скажи издателямъ, что они насъ радуютъ, и дай Богъ имъ здоровья. Вы трудитесь, а мы лѣнтяи. Впрочемъ я еще все продолжаю пріуготовительные труды и думаю, что на дняхъ достигъ кое-какихъ истинъ довольно важныхъ. А стихи? спросишь. Спятъ кромѣ маленькой пьесы, написанной на дняхъ. Rien d'occasion. Прощай. Будь здоровъ, надѣюсь на тебя для Кодзокова. Весь твой А. Хомяковъ.

Правда ли, что князь Вяземскій окривѣлъ? Какъ жаль!

---

[1]) Тогдашній министръ государственныхъ имуществъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (позднѣе графъ).

[2]) Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

[3]) Объ Отечественныхъ Запискахъ.

[4]) Ростопчиной.

11.

(1839).

Замедлилъ я отвѣтить тебѣ, любезный другъ, потому, что былъ въ пути, ѣздилъ въ другія деревни и только по возвращеніи получилъ письмо. Во-первыхъ, посылаю акціи, по которымъ надобно получить дивидендъ, и жалѣю, что мое незнаніе формъ тебя заставило лишній трудъ принять. Во-вторыхъ, замѣчу тебѣ, что твое письмо начинается очень неловко: Nonum prematur in annum *). Конечно, оно въ твоемъ смыслѣ относится къ твоему труду; но въ надписи письма ко мнѣ это прямо личность и пасквиль на медленность моихъ отвѣтовъ. Съ скромностью и застѣнчивостію, приличною юной дѣвѣ, ты отвергаешь похвалы своей работѣ (я даже воображаю, что вижу тебя краснѣющимъ): дѣло. Это всегдашняя авторская ухватка, но теперь она истрачена понапрасну. Я хвалилъ отъ истиннаго убѣжденія, но не безъ оговорки. По моему все еще есть много неопредѣленнаго или, лучше сказать, невѣрнаго въ предполагаемой тобою раскладкѣ: много случайностей, счастія и несчастія могутъ встрѣтиться внутри каждой округи. Дурныя и хорошія полосы, дурное и хорошее состояніе крестьянъ при введеніи раскладки, но совершенства ждать нельзя. Отъ всей души повторю: это по моему мнѣнію лучшій проектъ изъ всѣхъ, о которыхъ я слышалъ или читалъ, самый естественный, самый сходный съ духомъ народнаго хозяйства. Можетъ быть, оцѣнка понятыми или окольными имѣла бы тоже выгоды; но, во-первыхъ, она возможна (какъ мнѣ кажется) только въ маломъ видѣ, способна къ безконечному спору и къ тысячамъ плутней и въ Россіи просто нелѣпа и неисполнима. Оцѣнка земель по ихъ внутреннему достоинству, т. е. геологическая, есть очевидная нелѣпость и въ соединеніи даже съ расчетомъ сбытовъ совершенно недостаточна, ибо все-таки не принимаетъ въ соображеніе ни нравственныхъ силъ, т. е. трудолюбія, ни привычекъ.

---

*) Т. е. пусть вылеживается до девятаго года (Стихъ Горація изъ Ars Poetica) Министерство, гдѣ служилъ тогда А. В. Веневитиновъ, поручило ему заняться земскими повинностями, и онъ сообщалъ А. С. Хомякову свою работу по этому предмету.

Твоя раскладка основана на быту крестьянскомъ и поэтому ближе всего къ дѣлу, такъ сказать, къ природѣ; она можетъ быть началомъ новаго порядка, лучшаго и совершеннѣйшаго. Но вѣроятно есть еще стороны не совсѣмъ принятыя въ соображеніе, затрудненія не совсѣмъ устраненныя (напр. огромный преизбытокъ земли и, можетъ быть, крайняя малоземельность; едва ли это можно отстранить иначе какъ переселеніемъ). Впрочемъ кромѣ внутренняго достоинства проекта я считаю его очень важнымъ потому, что отъ него, когда онъ явится въ свѣтъ, много можетъ появиться толковъ и споровъ, много мыслей новыхъ и критики старыхъ заведеній Европейскихъ и пр. Жизни мало у насъ. Все что́ ее ускоряетъ полезно въ высшей степени также для государства, такъ и для лицъ въ отношеніи ихъ здоровья. Все, что́ изъ начала прямаго, органическаго, не выдуманнаго, не привитаго, но связаннаго съ развитіемъ общества Русскаго, все это не можетъ быть дурно. Оно въ первомъ появленіи должно быть не полно, но будетъ плодотворно въ высшей степени при дальнѣйшемъ развитіи. Опять повторяю: не мѣшкай. Не давай себя усыплять, ни ласкою, ни жизнію Петербуржскою.

Ты въ своемъ письмѣ подсмѣиваешься надъ моею лѣнью и надъ моими отговорками. Быть можетъ, ты правъ, и даже тутъ сомнѣнія мало. Но крѣпко надѣюсь исправиться. Пожелай мнѣ успѣха въ этомъ. Мудрствовать безъ конца о чужомъ мудрствованіи не стану, но совсѣмъ его отстранить нельзя. Оно воплощено въ Германію и важно для просвѣщенія человѣческаго потому, что развилось дѣйствительно въ размѣрахъ колоссальныхъ въ этой вѣчно думающей землѣ.

Комаровскіе не проѣзжали черезъ Тулу, или по крайней мѣрѣ я ничего про ихъ проѣздъ не знаю. Обидно бы было, если графъ и твоя сестрица миновали насъ, не сказавъ ни словечка. Я надѣюсь, что они проѣхали черезъ Калугу.

Въ деревнѣ очень хорошо; но дѣлъ черезъ-чуръ. Только это меня нѣсколько безпокоитъ. Были хорошія пороши, собаки веселили, а теперь я радъ радехонекъ, что и это миновалось. Пора схватиться за умъ, а порсканіе отложить до будущей осени. Ну какъ опять ничего не сдѣлаю, куда мнѣ дѣться отъ стыда?

И. В. Киреевскій, какъ слышно, написалъ много и прекраснаго. Павловъ вѣроятно похудѣлъ нѣсколько съ этаго, а я радуюсь душевно. Много надѣюсь я на Киреевскаго. Въ его головѣ сокровище мысли и поэзіи.

Прощай. Будь здоровъ. Свидѣтельствуй мое почтеніе своей почтенной матушкѣ. Скажи ей, что я ничего такъ не желаю, какъ представить ей свою жену. Что же ты своей не представишь? Пора!

Твой А. Хомяковъ.

Нумера билетовъ означены, кажется, въ довѣренности. Да не забудь пожалуйста, если можно, отыскать мнѣ Медвѣдева, Николая Андреевича. За Лухмана и за всѣ твои одолженія безконечно тебѣ благодаренъ.

12.

(1839).

Благодарю тебя, любезный Алексѣй, за твое дружеское письмо. Я зналъ, что ты наше горе раздѣлишь; къ несчастію намъ не новость съ тобой горевать. Признаюсь, что тяжело подумать, какъ мало до сихъ поръ мнѣ привелось радоваться. Двое дѣтей, и обоихъ нѣтъ. Братъ и сестра, съ которыми росъ въ самой тѣсной, въ самой братской дружбѣ, и теперь остался одинъ. Послѣдніе два удара неожиданные, одинъ за однимъ, точно какъ будто оживили прежнія потери, и мнѣ кажется, что и братъ Ѳедоръ умеръ только вчера. Хорошо, что я себя пріучилъ къ нѣкоторой крѣпости; а то, право, это могло бы меня переломить. Слава Богу, матушка лучше до сихъ поръ выдерживаетъ свое горе, чѣмъ можно было ожидать. Ее поддерживаетъ молитва, и насъ обоихъ сначала развлекала необходимость хлопотать объ моей женѣ, которая, не смотря на всѣ свои усилія, на старанія, за которыя я не могу ей быть довольно благодарнымъ, хуже всѣхъ выносила горе и болѣе всѣхъ ослабла. Она старалась перемочь себя, но одно имя Ѳеденьки бросало ее въ лихорадку на нѣсколько дней. Съ ея слабымъ здоровьемъ испытаніе было ужасное. Вообрази, что ребенокъ былъ боленъ только сутки, и на канунѣ его смерти докторъ говорилъ: «чего вы боитесь для этого медвѣжонка?» Кто бы могъ подумать, что

сестра въ 33 года будетъ унесена чахоткой въ два мѣсяца, какъ семнадцатилѣтняя дѣвочка? Она умерла, а мы не вѣримъ и готовы были считать все это дурнымъ сномъ. Впрочемъ смерть ея была и трогательна, и прекрасна: я себѣ лучше не желаю. Въ памяти до конца, съ молитвою и ласковыми словами, дружескія желанія всѣмъ, нѣжное прощаніе со всѣми присутствующими и воспоминаніе объ отсутствующихъ, тишина и покорность совершенная съ пріятными воспоминаніями объ жизни, которыя казались благодарностью за нашу любовь къ ней: вотъ что продолжалось около трехъ дней. Борьба жизни со смертію была очень продолжительна и тяжела, но никогда ей не измѣнили равенство души и свѣтлая надежда, соединенная съ заботою о тѣхъ, которыхъ она оставляла. Одно слово было очень трогательно. Обнявъ дѣтей, она вторично благословила старшаго, прижала къ себѣ и сказала: «я тебя много, много любила». Потомъ, помолчавъ: «а онъ меня любить не будетъ». Ce regret est bien touchant, tout le coeur d'une mère y est *). Впрочемъ, что объ этомъ говорить? Хорошо женщинамъ щекотать свои нервы воспоминаніями такаго рода. Лучше ихъ удалять. Счастливы люди, запряженные въ жизнь дѣятельную: имъ легче. Ты можешь сказать: счастливы женатые и будешь правъ. Жена въ этихъ случаяхъ развлекаетъ заботами больше, чѣмъ какая либо служба, и утѣшаетъ любовью, чего отъ службы не добьешься. Благодари свою матушку за ея участіе. Мы всѣ теперь здоровы, однакоже все еще не цвѣтущи; собираемся по первому пути въ Воронежъ, т. е. я и жена. Здѣсь погода гибельная. Снѣга нѣтъ ни порошинки, а морозъ 20°/₀. Нѣтъ ни ѣзды, ни работъ для крестьянъ, голодъ въ настоящемъ и надежда на голодъ въ будущемъ, потому что корень выдираетъ и выдуваетъ.

Votre lettre a fait pleurer maman, mais ces larmes lui ont fait du bien. Elle et ma femme sont bien reconnaissantes à madame votre mère pour la part qu' elle prend à notre malheur; priez la d'accepter l'assurance de ma reconnaissance et de mon respect.

*) Рѣчь идетъ о единственной сестрѣ А. С. Хомякова, Аннѣ Степановнѣ († 1839). Она была замужемъ за однофамильцемъ, Василіемъ Ивановичемъ Хомяковымъ же, и оставила двухъ сыновей: Степана († 1895) и Ивана Васильевичей.

Какая разница между нашимъ домомъ во время ея проѣзда и теперь? Прощай; обнимаю тебя и люблю душевно.

13.

Любезный другъ!

Начну съ просьбы. Податель сего письма, отпущенный мною на-волю человѣкъ Сергѣй Александровъ, ремесломъ архитекторъ, весьма не бездарный, строитель того великаго собора *) Боучаровскаго, который тебѣ извѣстенъ, ѣдетъ въ Петербургъ выхлопотать себѣ званіе вольнаго художника. Не откажи ему въ своемъ пособіи, т. е. замолви доброе слово у предержащихъ властей. Не знаешь ли ты Василія Ивановича Григоровича, или Одоевскій не знаетъ ли, или Сологубъ? Главное отъ него постарайся дать новому Пиранезе или Палладію какой-нибудь доступъ до онаго Григоровича, или quocumque alio nomine gaudet рѣшитель судебъ художественныхъ. Доброе дѣло сдѣлаешь и меня одолжишь.

Теперь послѣ этого изложенія просьбы приступаю къ другому. Получилъ я отъ гр. Комаровскаго письмо въ деревнѣ, лаконическое и просящее лаконическаго отвѣта объ сродствѣ Семитовъ и Гаэлей, т. е. о вопросѣ животрепещущемъ. Я поспѣшилъ ему отвѣчать и не знаю, получилъ ли онъ мой отвѣтъ. Адреса не было, но кажется я помню ихъ мѣстопребываніе и надписалъ безошибочно Орловской губ., Карачевскаго уѣзда, въ село Городню. Такъ какъ ты съ нимъ въ перепискѣ, узнай, получилъ ли онъ реестръ о Celtica, über Celten, über Celten und Berligen и пр. съ приложеніемъ собственной моей теоріи? Если онъ не получилъ, я повторю посланіе. Ты же къ его письму приписываешь: «А зачѣмъ ты не посредникъ или что нибудь тому подобное?» Много на это причинъ: первое, меня не выберутъ, потому что меня Туляки не любятъ; второе, если бы выбрали, то я бы не принялъ. Изъ какихъ благъ стану я жить въ деревнѣ или, еще хуже, въ Тулѣ круглый годъ? Скажешь польза? Ne forcez pas notre talent.

*) Шуточное выраженіе. Въ имѣніи А. С. Хомякова, въ селѣ Боучаровѣ, подъ Тулою, на просторномъ усадебномъ дворѣ, обширная и прекрасная каменная церковь; близъ нея нынѣ построена пятящая колокольня.

Найдутся люди, которые постоянно живутъ въ деревнѣ, знаютъ уѣздъ какъ свои пальцы и ограничиваютъ все свое честолюбіе уѣздною репутаціею. Они лучше дѣло сдѣлаютъ, чѣмъ тотъ, который только и думаетъ какъ бы поскорѣе убраться. Впрочемъ должность посредника я принялъ бы весьма охотно, если бы я былъ въ тоже время предводителемъ: можно бы было при этихъ двухъ должностяхъ кончить межеванье въ годъ съ небольшимъ. Это доказывалъ Муравьевъ В. Н. [1]), въ Богородицкомъ уѣздѣ, гдѣ были самыя запутанныя дѣла и гдѣ все развязалось какъ нельзя лучше. По моему надобно бы положить, чтобы предводитель былъ непремѣнно посредникомъ, дать ему прибавку на канцелярію, и почетное награжденіе особеннаго рода тому, кто въ свое трехлѣтіе успѣетъ кончить все или почти все межеваніе. Впрочемъ по правдѣ, кажется, Андреевская лента, княжество или какая бы то ни была почесть не соблазнили бы меня служить. Называй меня лѣнтяемъ, если хочешь; да подумай, что вамъ легко въ Петербургѣ, веселясь, отрекаться за насъ отъ всякаго мысленнаго сообщества и храбро запирать насъ въ дурацкое житье деревенское, а что дѣйствительно на такое самопожертвованіе надобно быть или двадцати или пятидесятилѣтнему. Средній возрастъ на такіе подвиги не способенъ. Добро бы еще жить въ Смоленской губ.; а въ Тульской! Это просто какое-то грязное чистилище отъ грѣховъ. Кстати, у насъ тамъ новый губернаторъ кн. Голицынъ [2]), не умѣетъ говорить по-русски и совершенно лишенный всякой народности. Объ немъ чудные слухи, разсказы похожіе на миѳы: чуть чуть не искоренилъ разомъ всѣ взятки. Туляки не вѣрятъ своимъ глазамъ. Мужъ (проситель) возвращается изъ присутственныхъ мѣстъ и показываетъ женѣ непочатой портфель съ деньгами, и опять пересчитываютъ вдвоемъ, дивяся чуду, благословляютъ князя и надѣются на золотой вѣкъ. Поэзія, истинная поэзія! Но никто не вѣритъ, чтобы князь остался. Et le sort ne fera que le montrer au monde. Таковъ же и Гевличъ [3]) Симбирскій. Насилу эти двѣ губерніи отдох-

---

[1]) Валерьянъ Николаевичъ, братъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

[2]) Князь Андрей Михайловичъ Голицынъ былъ Тульскимъ военнымъ губернаторомъ съ 1840 по 1846-й годъ.

[3]) Ксенофонтъ Павловичъ Гевличъ.

нутъ. Ради Бога введите публичность въ суды, господа законодатели! Это будетъ корнемъ всякаго добра; да не пишите такихъ указовъ, какой вышелъ о воспрещеніи покупать крестьянъ въ ненаселенныя имѣнія. Во-первыхъ, въ одномъ указѣ около дюжины двусмысленностей, нѣсколько дюжинъ зародышей для процессовъ и вѣроятный упадокъ цѣнъ на всѣ степени земли. Запретить голому кафтанъ покупать!

Est-il vrai que vous ayez manqué tomber dans un guet-apens à l'article de mariage? Comment m-me S. a-t-elle pu se prêter à cela? Ужъ правда ли это?

Смотри же, не брани меня нынѣшній годъ за лѣнь: едва ли я когда нибудь былъ такъ дѣятеленъ; впрочемъ я ничего не пишу, а только собираю матеріалы для книги. Поспѣетъ она скоро, т. е. если будетъ у меня сынъ трудолюбивый и продолжитъ работу, то внуку только останется редижировать*). Когда будетъ отвѣтъ, увѣдомь, не прислать ли мнѣ тебѣ акціи Страховаго 2-го Общества съ довѣренностью для полученія дивиденда; да напиши свой чинъ, чтобы мнѣ не ошибиться.

Скажи пожалуйста мое почтеніе твоей матушкѣ и передай ей поклонъ отъ матушки моей и отъ жены. Не пріѣдешь ты сюда нынѣшній годъ по слухамъ? Вѣрно нѣтъ; только по губамъ мажутъ. Мы такъ рѣдко видимся, что это несносно. Я было собрался весною въ Питеръ, такъ видно не судьба: мой главный управляющій, не правая моя рука, а обѣ мои руки, умеръ скоропостижно, и я закабаленъ опять. Скучненько. Прощай. Будь здоровъ и не забывай друзей. Твой А. Хомяковъ.

Мая 23 д. (1840).

14.

Получено 14 Октября 1841 г.

Грустно мнѣ было, мой безцѣнный Алексѣй, что ты долго не ѣдешь. Я какъ чувствовалъ, что съ тобою какое нибудь горе! Черная печать на твоемъ письмѣ вчера вечеромъ сказала мнѣ твое несчастіе прежде, чѣмъ я распечаталъ письмо. Ни утѣшать, ни ободрять тебя не стану, это вездѣ и всегда фразы, а только скажу тебѣ, что мнѣ такъ грустно стало при по-

*) Относится къ Запискамъ о всемірной исторіи, которыя напечатаны въ 5, 6 и 7 томахъ нынѣшняго изданія сочиненій А. С. Хомякова.

лученіи извѣстія о смерти твоей матушки [1]), что я долго не могъ разобрать твоего письма. Ты этому повѣришь, потому что знаешь не только какъ я тебя люблю, но какъ я любилъ и уважалъ твою матушку. Жизнь ея была такова, что для нея самой смерть не могла быть страшною, т. е. во столько, во сколько человѣкъ можетъ не бояться этой великой перемѣны; но даже и невольный страхъ неизвѣстнаго будущаго вѣроятно изчезалъ для нея передъ утѣшительною надеждою вѣры. Тебѣ же какая пустыня остается! Ты такъ привыкъ всегда быть съ матерью, видѣть ее, думать, что она подлѣ тебя, что есть кому сказать про свое горе и свою радость! Для всякаго сына эта потеря была бы тяжела, для тебя вдвое тяжелѣе. Какъ перенесъ ты ее? Какъ перенесла ее твоя сестра? Вѣроятно писемъ отъ тебя я не получу до пріѣзда твоего сюда; но я немножко сердитъ на Герке: онъ бы могъ приписать къ твоему письму то, о чемъ тебѣ и въ голову не пришло сказать. Матушка много плакала, когда я сообщилъ ей извѣстіе о кончинѣ Анны Николаевны. Жена замѣтила, что тебя не должно будетъ такъ скоро отпустить въ Петербургъ, а нѣсколько времени продержать здѣсь. По моему, это дѣло.

На дняхъ Богъ далъ мнѣ сына, имя дано ему Дмитрій [2]). Буду ли я счастливѣе этимъ, чѣмъ двумя первыми? Первое счастіе въ мірѣ семейное; но въ этомъ счастіи та бѣда, что мы дѣлаемся уязвимыми со всѣхъ сторонъ.

Прощай, будь здоровъ. Кланяйся отъ меня сестрѣ твоей и графу Комаровскому. Я передъ нимъ виноватъ, но вотъ уже два мѣсяца, какъ я не только пера въ руки не бралъ, но и не читаю: испортилъ глаза.

Твой А. Хомяковъ.

---

[1]) Мать А. В. Веневитинова Анна Николаевна, урожденная княжна Оболенская, скончалась 24 Сентября 1841 года.

[2]) Вѣроятно, въ память о поэтѣ Дмитріѣ Владимировичѣ Веневитиновѣ, который былъ близкимъ другомъ А. С. Хомякову.

15.

На конвертѣ штемпель: Москва, 1842 г. Января 8.

Вотъ ужъ двѣ недѣли слишкомъ, любезный Алексѣй, какъ я возвратился изъ деревни, куда меня заставилъ дуракъ управитель съѣздить по ужасной безпутицѣ. Твое письмо и твои посылки пришли безъ меня; но, правду сказать, я успѣлъ бы уже двадцать разъ съ тѣхъ поръ отвѣчать тебѣ и благодарить тебя, если бы я когда нибудь успѣвалъ что нибудь дѣлать. На славу исполнилъ ты порученіе. Всѣ дамы въ восторгѣ отъ твоего вкуса; шляпа, ожерелье, все признано за совершенство вкуса Грацій. Съ своей стороны я совершенно согласенъ съ общимъ мнѣніемъ (что́ довольно рѣдко случается) и отдаю тебѣ полную справедливость, какъ великому знатоку въ дамскихъ нарядахъ. Отъ всей души тебя благодарю.—Вотъ уже и новый годъ наступилъ: поздравляю тебя. Да будетъ онъ тебѣ въ радость и веселіе! Прошедшій годъ оставилъ тебѣ такое грустное воспоминаніе, что тебѣ болѣе кого-либо надобно отдохнуть душою. Правда ли, неправда ли, слухъ идетъ, что въ твоей жизни предстоитъ перемѣна великая, которой я давно тебѣ желаю. Какъ бы радъ я былъ, если бы это была правда! Называютъ и имя; но я не пишу его, потому что слухамъ Московскимъ, даже и Петербургскимъ, совсѣмъ извѣрился. Хотя для насъ было бы грустно знать, что ты рѣшительно и окончательно сдѣлаешься жителемъ Петербурга, но у меня нѣтъ столько эгоизма, чтобы я объ этомъ сталъ думать, когда тебѣ строится счастливая будущность. Впрочемъ не есть ли это вздоръ? Можетъ быть, и не слѣдовало мнѣ тебѣ писать объ слухахъ, да не утерпѣлъ: не прогнѣвайся!

Думалъ я, что Пальчиковъ побываетъ у насъ въ Москвѣ и радовался ему, какъ человѣку, котораго мало знаю, но очень люблю, и сверхъ того надѣялся объ тебѣ слышать и поговорить; да видно онъ не будетъ. Довольно смѣшно, что Пальчикова я рѣшительно *) считаю Москвичемъ: кажется, никакихъ

*) Въ Москвѣ даже есть переулокъ (у Филиппа Митрополита), получившій имя отъ стародавняго дома Пальчиковыхъ.

фактовъ нѣтъ для оправданія этаго мнѣнія, но характеръ его ума и мысли чисто наши. Такъ и тебѣ не быть никогда вполнѣ Петербуржцемъ: Московская природа въ тебѣ слишкомъ сильна.

Грустно мнѣ было читать въ твоемъ письмѣ то, что ты пишешь о своемъ расположеніи теперешнемъ. Правда, твое чувство одиночества есть одно изъ самыхъ тяжелыхъ, какія только могутъ мучить человѣка; это тоже récluson solitaire, но только на волѣ. Не стѣны—тюрьма, а отсутствіе сочувствія. Впрочемъ хоть я и не люблю Сѣверной Пальмиры, но и не могу повѣрить, чтобы въ столькихъ знакомыхъ твоихъ и пріятеляхъ ты не нашелъ отзыва на свою внутреннюю жизнь, хоть въ двухъ или въ одномъ. Ты однимъ счастливъ, именно тѣмъ, что у тебя много занятій: въ горькія минуты жизни неволя имѣетъ свою выгоду, а хорошо переносимое горе облагораживаетъ человѣка; къ несчастію, ни тебѣ, ни мнѣ эта школа ужъ не нужна. Судьба насъ давно проучила.

Что сказать мнѣ про себя? Все попрежнему, по старому. Послѣ твоего отъѣзда у меня спился съ кругу управляющій и сдѣлалъ тысячъ десять убытка и сверхъ того заставилъ прокатиться верстъ 700 по непроходимымъ дорогамъ. Это дурная сторона, а хорошая та, что мои глаза поправились и что опять принялся за усердную работу нескончаемую, но какъ ты знаешь, очень веселую для меня, надъ грамматикою, лексикономъ и прочимъ.

Не знаю, удастся ли мнѣ быть у тебя, т. е. въ Питерѣ. Какъ-то все не ладится: съ одного конца зашиваю, а съ другого врозь лѣзетъ. Скучный трудъ, а необходимъ.—Будь здоровъ и помни насъ, какъ тебя всегда любилъ, любитъ и любить будетъ

Твой А. Хомяковъ.

Января 7 дня 1842 г.

16.

Вотъ тебѣ еще порученіе, любезный Алексѣй. Я бы тебѣ сказалъ, прости моей докучливости; но когда ты прочтешь въ чемъ дѣло, ты и не вздумаешь пенять. Un seggreto d'importanza.

Узналъ я, что въ богохранимомъ градѣ Нерехтѣ (Костромской г.), у священника Михаила Діева находится древнѣйшая рукопись, которой существованіе неизвѣстно было никому, *Слова о полку Игореза*. Писалъ къ нему и получилъ въ отвѣтъ, что рукопись переслана имъ въ Петербургъ къ его брату (родному ли, не знаю) *Платону Яковлевичу Актову, служащему въ Департаментѣ Удѣловъ*, что она писана на пергаментѣ весьма древнимъ шрифтомъ и (всего страннѣе) что первая или первыя страницы писаны *рунами*. Послѣднее обстоятельство не весьма вѣроятно; я рунъ не предполагаю, но какъ ты уже слышалъ отъ меня, предполагаю существованіе древняго гражданскаго письма, изъ котораго родилось письмо столбцевъ. Теперь вотъ моя просьба. Поспѣши къ этому юношѣ, попроси посмотрѣть и списать, а потомъ слово за словомъ и купить. Конечно это можетъ быть поддѣлка; но если не поддѣлка, то ты самъ чувствуешь всю важность этой рукописи. Многое можетъ открыть поддѣлку: цвѣтъ пергамента, излишняя вѣрность съ печатнымъ подлинникомъ, излишняя твердость или щегольство мнимыхъ рунъ, которыя въ настоящей рукописи того вѣка должны быть или *сколкомъ*, если руны были уже брошены, или нѣсколько курсивны, если они были еще въ употребленіи. Если можешь, купи! Если подлинность очень вѣроятна, иди— до 1.000 рубл., торгуясь по-русски отъ сотни. Если тебѣ покажется подлиннымъ, не удерживайся страхомъ обмана. Тебя могутъ обмануть, какъ и всякаго. Глазъ же твой, по крайней мѣрѣ, отъ Архива *) также привыченъ къ старому письму, какъ мой, и еще больше. Но тайна, тайна непроницаемая и быстрота Суворовская. Я подозрѣваю, что не мнѣ одному этотъ слѣдъ извѣстенъ. Купивъ эту рукопись, ты мнѣ сдѣлаешь величайшее одолженіе. Не показывай никому и перешли по почтѣ съ двойнымъ письмомъ, однимъ для меня, а другимъ для документа. Отъ Актова для того же предмета возьми расписку, что онъ тебѣ продалъ рукопись, и расписку отъ кого онъ ее получилъ. Давно ли, какъ къ Діеву она попалась, сперва не проси: Богъ

*) Т. е. отъ Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ служилъ А. В. Веневитиновъ съ 1825 по 1829 годъ.

знаетъ, какъ досталась. Вообще дѣйствуй быстро и рѣшительно Дѣло, какъ ты видишь, очень важное и легко можетъ быть испорчено; отъ того спѣшу къ тебѣ писать и прошу о тайнѣ. Ты знаешь, что я не собиратель рѣдкостей и мнѣ недорого пріобрѣтеніе рукописи, но боюсь, чтобы она не попала въ руки собирателей, гдѣ сокровища пропадаютъ и гніютъ. Много тайнъ слова можетъ быть въ этомъ спискѣ, если онъ подлинный.

Нынче получилъ я отъ Діева письмо и нынче жъ спѣшу къ тебѣ писать. Кончаю, чтобы попасть на почту. Прощай, будь здоровъ и Богомъ хранимъ.

Твой А. Хомяковъ.

Не нужно сказывать, что, какъ скоро рукопись или увѣдомленіе о ея покупкѣ получится мною, то получишь всѣ деньги употребленныя, а покуда повѣрь въ кредитъ.

Москва, Января 24 дня 1842 г.

17.

Любезный Алексѣй!

Тебѣ отдастъ это письмо Александръ Николаевичъ Поповъ, мнѣ великій пріятель, недавно выдержавшій блистательный диспутъ на магистра факул. юрид., честь и слава факультета (съ Кавелинымъ, который тоже скоро будетъ въ Петербургѣ). Поповъ ѣдетъ въ чужіе края и пробудетъ дней 10 въ Питерѣ, никого не знаетъ и поэтому вѣроятно не найдетъ никуда дороги. Полюби его за меня: со временемъ полюбишь за него самаго. Помоги ему все видѣть, что́ стоитъ быть видѣннымъ; онъ человѣкъ очень серіозный и еще жизнью нисколько не испорченъ, но любитъ искусство и все хорошее.

Искалъ я здѣсь охотника на собраніе рукописей и нашелъ. Пришли, если можешь, каталогъ съ обозначеніемъ цѣны. Можетъ быть, удастся помѣстить собраніе въ Москву, гдѣ оно болѣе у мѣста будетъ, чѣмъ въ современномъ и тревожномъ Питерѣ. Одоевскій здѣсь у насъ. Все прежній, даже въ лицѣ мало перемѣны; я какъ будто вчера съ нимъ видѣлся, такъ съ

перваго раза онъ мнѣ представился Одоевскимъ 32-го года. Въ умственномъ отношеніи точно тоже. Попрежнему хочетъ самыхъ свѣжихъ устрицъ и самаго гнилаго сыра, т. е. современности индустріальной и матеріальной, и древнихъ пыльныхъ знаній Алхиміи и Кабалы. Впрочемъ ты знаешь, что для меня и эти древности слишкомъ новы. Исторія кончается Семирамидою, а все, что̀ хоть годомъ позже, ce sont les commérages d'aujourd'hui. Насилу дождался я слушателя, и очень жаль, что его пребываніе здѣсь такъ коротко. Не успѣю досказать и сотой части о Славянахъ до временъ Семирамиды. Княгиня также не измѣнилась. Я ей отъ души обрадовался. Съ нею для меня оживились всѣ воспоминанія общества Петербургскаго, веселья вечернихъ бесѣдъ. Она все также привѣтлива, даже и мила. Странное дѣло: видъ и разговоръ мужчины далеко не возобновляютъ въ памяти образы быта салоннаго такъ, какъ женщины.

Что̀ ты подѣлываешь? Какъ встрѣтилъ, какъ провелъ праздники? Знаю я, что ты живешь весело, кормишь пріятелей и собираешь ихъ на дружескій разговоръ. Это меня порадовало. Не должно терять привычекъ du foyer domestique и домосѣдства. Остается только украсить домъ милою хозяйкою. Пожалуйста выбирай проворнѣй или пріѣзжай скорѣе на выборъ сюда. Прощай, любезный Алексѣй. Будь здоровъ.

Твой А. Хомяковъ.

Бѣдный Герке долженъ быть опечаленъ: Тютчева умерла. Хорошенькая и милая, и онъ навѣрно любезничалъ безъ памяти. Матушка и жена тебѣ кланяются.

Какъ ожиданіе указа здѣсь переполошило всѣхъ? Это была помора. У кого дрожь, у кого разстройство желудка и проч. Появился—и водворилось спокойствіе. Повѣришь ли, что объ немъ уже перестаютъ говорить. Ce sera un coup d'épée dans l'eau, если не подымутъ этаго искусственными средствами, т. е. печатнымъ разборомъ возможныхъ сдѣлокъ. Да кто на это пойдетъ и кому у насъ до чего дѣло? Отстрочка 5-ти лѣтняго размежеванія сдѣлала величайшій вредъ: повѣришь ли, что были уже сдѣлки, совсѣмъ конченныя? (Размежеванья совсѣмъ

готовы, отъ которыхъ отступились). Это со мною учинили сосѣди по двумъ деревнямъ. Досада. А виновата казна, которая нигдѣ не хочетъ подать хорошаго примѣра. Киселевъ гонится за дряпью подъ видомъ казеннаго интереса, а истиннаго добра не хочетъ сдѣлать нигдѣ. Что́ за подлая ухватка была бы въ помѣщикѣ, если бы онъ въ дачѣ все приговаривалъ: «Это мое, да и это мое, да и это еще мое». А вотъ что изволитъ дѣлать казна подъ Киселевскимъ начальствомъ. Покуда не будетъ размежеванья, не будетъ почти возможности разумныхъ отношеній между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ. Понимаютъ ли эту простую истину? А все-таки хорошо, если хоть кто-нибудь попробуетъ воспользоваться новымъ указомъ. Всякая попытка (первыя будутъ едва ли удачными) послужитъ урокомъ для помѣщиковъ и для правительства. Указъ очень хорошъ тѣмъ, что не принудителенъ и не опредѣленъ.

18.

Любезный Алексѣй.

Нынѣшній годъ я только и дѣлаю, что въ тебя стрѣляю, то рекомендательными письмами, то порученіями, то всякою всячиною, а ты, кажется, отложилъ попеченье отстрѣливаться. Вотъ тебѣ еще препорученье и весьма важное: я подалъ въ Департаментъ Податей и Сборовъ прошеніе о томъ, что мнѣ по Тульскому заводу дана конкуренція 97.000, тогда какъ я весьма часто затиралъ по 80 кулей въ сутки, что́ составляетъ 117.600 к. въ годъ. Цѣль перемѣрки посуды таже, чтобы не показывали лишняго, а у меня по этому случаю убавлено, чего конечно не хотѣли сдѣлать. Ты съ Муравьевымъ знако́мъ и былъ хорошъ: прилагаю къ нему незначительное письмо. Запечатай, прочитавъ, и отдай. Если же найдешь лучшимъ вмѣсто моего письма, подай отъ себя записку такаго содержанія. По измѣренію посуды, сдѣланному по предписанію Министерства, заводъ г-жи Хомяковой Тульскаго у., при деревнѣ Волоти, показанъ въ 97.000 в. или въ 33-хъ кулевой заторъ; но на немъ постоянно производились заторы въ 35 кулей и даже въ 1840 году изъ казеннаго хлѣба, подъ казеннымъ надзоромъ; прежде же, когда

поставка была значительно выгоднѣе, именно до 1833 года, дѣлались они въ 40 кулей, какъ видно изъ недѣльныхъ рапортовъ, представляемыхъ правительству. Измѣреніе вѣрно, но разница выводовъ происходила отъ того, что прикубокъ, находящійся при кубѣ, принимаетъ въ себя лишнюю жидкость и зваръ и позволяетъ глубокую накладку браги. Потомъ изъ письма выпиши объ особенной исправности завода и скажи, что проситъ-де Хомяковъ о конкуренціи въ 117.600 в. не пустословно, не гадательно, но то, что́ доказано опытомъ и пр., а теперь-де откупщики вина покупать не могутъ; все зависитъ отъ казны и исправныхъ заводчиковъ; забижать грѣхъ, и духовникъ не разрѣшилъ. Словесно скажи, что вотъ-де и бражный кубъ передѣлываютъ, чтобы успокоить ревнивую математику, а остальная посуда принимаетъ 45-ти кулевой заторъ, спрѣчь 132.300 в. Смилуйся, Великій Государь, и не отдай въ руки разнымъ Жидамъ-нехристямъ и бусурманскимъ спекуляторамъ. Какъ всѣ говорятъ, Муравьевъ человѣкъ славный и умный; онъ вѣроятно приметъ въ резонъ, а дѣло для меня весьма важное, кровное. Я тебя не прошу стараться, а просто скажу: надѣюсь на тебя, какъ на каменную гору. Не измѣни. Да сжалься, отвѣчай на сіе и прежнее посланія и скажи, читалъ ли мою статью въ Москвитянинѣ и какова по твоему сужденію, и говорятъ ли объ ней. Ты повѣришь, что у меня тутъ хлопочетъ не самолюбіе и что я болѣе желаю пользы, чѣмъ похвалы.

У меня страшная досада. Попался въ Москвѣ славный домъ; я жилъ почти мѣсяцъ лишній, чтобы торговать. Сторговалъ, далъ задатокъ, уѣхалъ, а продавецъ отступился. Предварительнаго условія по разнымъ причинамъ сдѣлать было нельзя. Постарайся, чтобы мнѣ было позволено указомъ поколотить камергера Акинфова.

Жаль и досадно! Домикъ былъ славный и премило отдѣланъ. Прощай, будь здоровъ. У насъ потопы дождевые и погода мерзкая. Хлѣба̀ не дурны. Затмѣніе было видно; по сему случаю вотъ тебѣ Тульскій анекдотъ. Одинъ баринъ читалъ о затмѣніяхъ въ газетахъ, что какъ-то тутъ замѣшаны солнце, луна и

земля. Послѣ онъ и разсказываетъ: «Ужъ какое было, сударь, затмѣніе! Вотъ, сударь, было солнце, а вотъ мѣсяцъ, а земля мимо ихъ бокомъ, бокомъ, такъ и видно, что круглое какъ яблоко» Да вы откуда глядѣли на проходящую землю? «Изъ публичнаго сада». Напиши это Гоголь, скажутъ невѣроятно. Прощай; матушка и жена тебѣ кланяются.

Твой А. Хомяковъ.

Іюля 4 дня (1842).

19.

Отъ души поздравляю тебя, любезный другъ *). Сбылось мое давнишнее желаніе: ты избралъ надежнѣйшій путь къ счастію. На Святой Руси нуженъ свой домъ, своя семья для жизни; нужно внутреннее успокоеніе для того, чтобы внѣшняя дѣятельность была спокойна и плодотворна, чтобы унялась лихорадочная нетерпѣливость и чтобы всякое доброе стремленіе соединялось съ постоянствомъ и послѣдовательностію, безъ которыхъ невозможенъ успѣхъ. Невѣсты твоей я не знаю; но увѣренъ въ твоемъ будущемъ счастіи, потому что ты не могъ дурно выбрать и потому, что ото всѣхъ слышны единогласныя ей похвалы. Эгоизмъ нашъ немножко было возропталъ на то, что она не изъ Москвы родомъ, что она отнимаетъ тебя у насъ но говорятъ, что воспитанная въ Петербургѣ, она Петербургу не принадлежитъ, слѣдовательно есть надежда, что она можетъ полюбить нашу Москву и насъ Москвичей. Твое дѣло стараться объ исполненіи этой надежды. Впрочемъ нечего объ этомъ и говорить: тебя здѣсь такъ любятъ, что твоя невѣста не можетъ насъ не полюбить.

По правдѣ сказать, ты не можешь вообразить, какъ я радъ, что ты наконецъ выбралъ невѣсту, что ты выбралъ такъ хорошо (въ этомъ всѣ согласны), что ты вступаешь въ такое милое родство (наша Московская привычка считать родню) и

*) А. В. Веневитиновъ помолвилъ тогда на графинѣ Аполлинаріи Михайловнѣ Вьельгорской (1818 † 1884); бракъ ихъ состоялся 10 Февраля 1843 г.

что тебѣ впереди такъ много счастія, котораго ты и не воображаешь. Повѣрь мнѣ: холостой человѣкъ никакъ не можетъ понять жизни счастливо женатаго. Это ты со временемъ признаешь. Зачѣмъ не дожила твоя матушка до этого времени? Какое бы ей было утѣшенье! Мнѣ за тебя грустно объ этомъ подумать.

Жена моя поздравляетъ тебя. Она чуть-чуть не собрала меня ѣхать въ Питеръ на твою свадьбу, да дѣла никакъ не позволяютъ. Матушка также поздравляетъ и за тебя радуется. Твои старые друзья пили за твое здоровье и радовались, что ты послѣдовалъ ихъ доброму примѣру. Меня такъ и позываетъ къ тебѣ, на тебя взглянуть и порадоваться; да нельзя.

Прощай, будь здоровъ и не забывай. Твой А. Хомяковъ.

Янв. 12 д. 1843 г.

20.

Любезный Алексѣй!

Вотъ тебѣ еще рекомендательное письмо. Попова я къ тебѣ адресовалъ ради его пользы; Кавелина (Константина Дмитріевича) адресую къ тебѣ столько же ради его пользы, сколько и пользы общей. Онъ въ Петербургѣ не проѣздомъ, а на службу. По разнымъ обстоятельствамъ онъ не можетъ оставаться въ Москвѣ для окончанія своей диссертаціи на магистра и долженъ ѣхать въ Питеръ. Цѣль его кончить диссертацію уже тамъ и пріѣхать опять сюда для диспута. Часть его диссертаціи ты вѣроятно знаешь. Она была въ Юридическихъ Запискахъ и можетъ считаться истинно подвигомъ ученымъ. Хвалить его нечего; онъ самъ себя уже хвалитъ дѣломъ; но кромѣ ума и знаній я скажу, что онъ человѣкъ славный, весьма способный къ любви, къ труду и ко всему доброму. Мнѣ жаль, что Москва его рано отдаетъ. Надобно бъ еще устояться слишкомъ молодому характеру (въ лучшемъ смыслѣ молодому) и молодымъ убѣжденіямъ. Но каковъ онъ есть, для васъ онъ великое пріобрѣтеніе. Donnez lui quelques bons coups d'épaule et poussez

le, s'il est possible. Служба должна такими людьми дорожить; помѣсти его къ Панину [1]). Сверхъ того будь къ нему друженъ и привѣтливъ. Обстоятельства дали его характеру нѣсколько раздражительности или, лучше сказать, недовѣрчивости. Онъ не легко вѣритъ, чтобы его любили. Впрочемъ этотъ недостатокъ въ немъ не силенъ и нисколько не мѣшаетъ въ отношеніяхъ пріятельскихъ. Знаешь ли, что А. Мещерскій оженился какимъ-то быстрымъ и неожиданнымъ и нѣсколько романическимъ бракомъ. Какъ Платонъ долженъ былъ страдать, узнавъ о такихъ нецеремонныхъ поступкахъ брата! [2]) Вообрази себѣ, что А. взялъ согласіе невѣсты и закупилъ для нея же приданое, не спросивъ еще согласія будущей тещи, т. е. просто не сталъ въ первую позицію и не сдѣлалъ трехъ шаговъ впередъ, какъ слѣдуетъ всякому добропорядочному человѣку при поклонѣ. Когда-то к. Платонъ вздумаетъ жениться? Его сватовство будетъ вѣроятно совершеннѣйшимъ образцомъ всѣхъ тонкостей этикета, и надобно будетъ издать описаніе съ картинками для поученія потомковъ.

Одоевскій былъ у меня вчера вечеромъ и слышалъ одинъ изъ нашихъ споровъ. Онъ отдаетъ полную справедливость усовершенствованію органовъ слова въ Москвѣ. Всѣ говорили, и всякій могъ бы покрыть цѣлый оркестръ. Мало побылъ онъ здѣсь, нельзя было ни его инициировать во всю нашу жизнь, ни дать нашей молодости полюбить Одоевскаго. Жена его все хвораетъ. Такъ досадно: я ее люблю и радовался ея пріѣзду, а мало видѣлъ. Прощай, будь здоровъ, и по возможности отвѣчай. Крѣпко думалъ я весной тебя видѣть на перепутьи за границу; да чорта съ два: кинулъ Канкринъ такую заковычку, что поне-

---

[1]) Графу Виктору Никитичу, тогда министру юстиціи.

[2]) Въ „Родословномъ сборникѣ“ Руммеля значатся князья Мещерскіе: ген.-лейтенантъ Александръ (женатый на Маріѣ Валеріановнѣ Новосильцовой) и камергеръ Платонъ Алексѣевичи. Оба они нѣкогда были, кажется, такъ называемыми „архипными“ юношами.

волѣ сижу. Надобно ждать торговъ, а они будутъ въ Августѣ до Сентября. Когда-то выберусь на волю?

Прощай, твой Хомяковъ.

Кстати, ты не былъ за границей. Я только сейчасъ спохватился. Пора бы тебѣ туда съѣздить; не удастся ли вмѣстѣ?

Жена, матушка и Киреевскій тебѣ кланяются.

21.

Любезный Алексѣй.

Я получилъ первое о тебѣ извѣстіе отъ нашего Московскаго выходца Самарина, что ты живъ и здоровъ, что ты Москву любишь попрежнему и Москвичамъ радъ. Кажется, не осрамились мы высылкою къ вамъ этого образчика Московской молодежи, и вы должны признаться, что старушка-Москва не оскудѣла дѣтьми дойстойными ея. Мнѣ не нужно тебя просить о дружбѣ къ Самарину: онъ самъ за себя проситель, а ты его уже оцѣнилъ. Я о другомъ прошу. Мы съ тобою уже въ родѣ старичковъ и должны быть охраною для младшихъ. Петербургъ имѣетъ свои соблазны (въ смыслѣ *séduction*, а не Skandale, какъ нѣкоторыя постановленія Перовскаго), общество и подавно. Поддержи въ Самаринѣ его Московскіе, т. е. общечеловѣческіе интересы и постарайся, чтобы не погибъ для науки человѣкъ, который отъ природы назначенъ для умственнаго труда. Доброе дѣло само себя награждаетъ, и легко можно бы составить въ Петербургѣ кружокъ съ характеромъ Московскимъ, въ которомъ бывать, т. е. людямъ неиспортившимся въ общей порчѣ, было бы и отрадно, и привольно. Такой кружокъ возстановилъ бы многихъ утратившихъ отчасти свою лучшую натуру, и, я увѣренъ, получилъ бы вскорѣ нравственный авторитетъ. Это по настоящему твое бы было дѣло по той простой причинѣ, что ты уцѣлѣлъ болѣе всѣхъ другихъ. Лифляндія и Курляндія имѣютъ свои центры въ II-гѣ, а Москва, т. е. Русь, не имѣетъ. Къ несчастію, мы бы къ вамъ часто подсылали новыхъ сотрудниковъ, потому что каждый день увлекаетъ отъ насъ кого-нибудь изъ лучшихъ, притянутыхъ Невскимъ водоворотомъ. Вотъ напр.

и теперь мы, кажется, потеряемъ вскорѣ славнаго человѣка, славную голову, мыслящую и трудолюбивую—Попова. Ему здѣсь не посчастливилось. Интриги и партіи его не впускаютъ въ Университетъ, которому онъ могъ бы служить украшеніемъ. Неволя погонитъ его въ Питеръ и заставитъ вѣроятно вступить въ службу. Узнай, пожалуйста, нельзя ли его помѣстить адъюнктомъ или профессоромъ въ Университетъ или куда нибудь въ этомъ родѣ. Онъ магистръ правъ, и диспутъ его былъ самый блистательный изо всѣхъ, кромѣ Самаринскаго. Неужели науки должны лишиться всѣхъ своихъ лучшихъ надеждъ?

Ты уже слышалъ про Дѣтскую Библіотеку. Въ ней участвуютъ почти всѣ литераторы Московскіе, и она есть плодъ доброжелательства къ будущему поколѣнію, а не простой спекуляціи. Въ ней будутъ, безъ сомнѣнія, многія добрыя статьи, оригинальныя не только потому, что онѣ будутъ не переводныя, но и по тону и характеру. Тебѣ, какъ уже отцу семейства, должно принять участіе: или дѣятельное какъ производитель статей (если ты отъ пера не совсѣмъ отсталъ), или страдательное—какъ покупатель. Поэтому посылаю тебѣ нѣсколько билетовъ; два изъ нихъ надписаны тебѣ и Одоевскому (разумѣется безденежно), остальные помѣсти, если можно. Одоевскій напрасно пенялъ на то, что не былъ приглашенъ къ сотрудничеству. Собственно никого не приглашали. Все было дѣло спонтанейности и случая. Кое-кто поговорилъ и прислалъ статьи. Другіе услышали и также прислали. Никого не просятъ и всѣмъ благодарны. Самолюбіе мое велитъ мнѣ похвалиться статьею, которую я помѣстилъ въ первой части: Царствованіе Ѳеодора Ивановича. Я ею доволенъ; впрочемъ она очень добродушно и допускаетъ критику и неудовольствіе со стороны читателей. Цѣна изданія весьма умѣренная, какъ ты можешь усмотрѣть изъ надписи на билетахъ. Самое же изданіе дѣлится на двѣ части. Одна для дѣтей, другая для преподавателей. Если бы можно было помѣстить болѣе экземпляровъ въ разныя казенныя заведенія для дѣтей, особенно женскаго пола, то тогда можно брать только ту половину, которая собственно назначается для дѣтей, и тогда цѣна 10 рубл. 50 коп. Такой продажи не назначено, но она возможна при значительномъ числѣ экземпляровъ. Постарайся объ этомъ. Ска-

жи пожалуйста поклонъ мой гр. Комаровскому; да спроси, получилъ ли онъ книги, посланныя ему Валуевымъ. Извѣстій о полученіи нѣтъ, и Валуевъ сомнѣвается, дошли ли книги по принадлежности.

Здѣсь въ ходу другая литературная новость: Москвитянинъ, не мѣняя имени издателя, переходитъ дѣйствительно на попеченіе Киреевскаго. Дѣло, кажется, улажено и скоро будутъ опыты новой редакціи. Славное было бы изданіе, если Киреевскій только окажется способнымъ къ труду, отъ котораго отвыкъ въ долгомъ покоѣ, и странная судьба, если бывшій Европеецъ воскреснетъ Москвитяниномъ. Не символъ ли это необходимаго пути, по которому должно пройти наше просвѣщеніе, и коренная перемѣна въ Киреевскомъ не представляетъ ли утѣшительнаго факта для нашихъ надеждъ? Съ нетерпѣніемъ жду первыхъ опытовъ и, разумѣется, буду, елико возможно, принимать дѣятельное участіе въ изданіи. Кланяйся отъ меня Одоевскому; скажи ему, что я собираюсь къ нему писать и сверхъ того радуюсь движенію его мысли. Фаустъ у него сдѣлался Славяно-Руссомъ. Это великій и утѣшительный фактъ. Если наше просвѣщеніе не освободится, то мы остаемся все-таки дармоѣдами чужихъ трудовъ, безполезными для человѣчества. Мнѣ весело, что у него душа доходитъ на чужбинѣ до тѣхъ выводовъ, которые здѣсь родятся изъ жизни Московско-Русской. Прощай будь здоровъ и не забывай насъ. Твой А. Хомяковъ. Окт. 24 (1843).

Вотъ тебѣ странная просьба. Нѣкто мой старый товарищъ полковой, Николай Алекс. Антроповъ, теперь полковникъ, просится къ вамъ въ службу въ Петербургъ по мин. внут. дѣлъ. Онъ проситъ меня рекомендовать его, какъ умнаго, образованнаго и знающаго человѣка, хотя нѣсколько страннаго. Таковъ онъ и есть. Впрочемъ какія въ немъ нравственныя перемѣны, не знаю. Если ты узнаешь, что онъ куда нибудь у васъ просится, то вспомни объ моемъ отзывѣ.

22.

Любезный другъ!

Когда былъ здѣсь твой своякъ *), ввелъ онъ меня въ сомнѣніе на счетъ твоего адреса: будто ты мнѣ адресъ свой далъ невѣрно и объявилъ мѣсто жительства на Невскомъ проспектѣ, между тѣмъ какъ дѣйствительно ты живешь на маленькой улицѣ или площадкѣ съ весьма неаристократическимъ названіемъ. Пошутилъ ли Сологубъ или нѣтъ, не знаю; но я къ нему ѣздилъ узнать повѣрнѣе, а онъ уже уѣхалъ. Тогда по обыкновенію моему дѣло письменное пошло въ оттяжку: то заботы и хлопоты по дѣламъ, то то, то сё, то наконецъ прибавленіе семьи (рожденіе дщери), и до сихъ поръ я еще не собрался писать къ тебѣ. Объ тебѣ я слышалъ часто и много отъ пріѣзжихъ изъ Петербурга, отъ Языковыхъ, которые тебя видали, отъ Муханова, который и теперь еще здѣсь, и отъ другихъ. Весело слышать, что тебѣ хорошо, тепло въ семейной жизни, не дурно въ служебной, что ты наконецъ счастливъ. Это все прекрасно, а мнѣ какъ-то сдается, что тебѣ еще бы было лучше здѣсь; но впрочемъ отъ хорошаго лучшаго искать нечего, и наше Московское убѣжденіе, что нигдѣ не можетъ быть лучше, какъ въ Москвѣ, есть можетъ быть не что иное, какъ оптическій обманъ отъ пристрастія къ родному гнѣзду. Гдѣ бы ты ни былъ, ты уже положилъ твердое основаніе истинному счастію, счастіе семейное. Объ себѣ мнѣ и говорить нечего. Жизнь идетъ или плетется по тихоньку; плетутся по тихоньку занятія, бесѣды, и только одни споры идутъ шибкою рысью; главное же въ жизни то, что мало-по-малу нарастаетъ семейка, составленная нынѣ изъ двухъ дочерей и мальчика. Всѣ трое по обыкновенію очень милы, разумны и составляютъ, по разнымъ своимъ достоинствамъ, тѣлеснымъ и душевнымъ, предметъ безконечныхъ восторговъ для бабушки. Желаю и тебѣ скоро радоваться своимъ потомствомъ. Думалъ я нынѣшній годъ побывать за границею, подышать воздухомъ многодвижущейся Европы (хоть и увѣряю всѣхъ въ качествѣ Руссофила, что этотъ воз-

*) Графъ В. А. Сологубъ.

духъ есть не что иное какъ сквозной вѣтеръ); однакоже судьба распорядилась со мною иначе. Я опять засѣлъ дома и опять ѣду въ деревню по лѣтнему обычаю. А досадно. Какое-то нетерпѣніе меня беретъ, какая-то тоска по художеству, по южной природѣ, по красотѣ матеріальнаго просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ какъ стихи перестали писаться, пробудилась большая жажда внѣшней поэзіи. Главное же то, что мнѣ хотѣлось бы женѣ показать то, что всѣ порядочные люди видятъ хоть разъ въ жизни. Да кстати, ты отчего не взглянешь за границу? Такъ какъ мнѣ нельзя самому ѣхать, то и не прошу тебя брать мнѣ мѣсто на пароходѣ, но туже самую коммиссію прошу исполнить для другаго. Племянникъ мой (по женѣ) Валуевъ ѣдетъ въ Германію и Англію на нѣсколько мѣсяцевъ рыться въ библіотекахъ отчасти для себя, отчасти для меня. Ѣдетъ онъ одинъ-одинешенекъ. Юноша достопочтенный и studiosissimus. Сдѣлай одолженіе, возьми ему мѣсто на пароходѣ, если можно на «Николаѣ» Іюля 10-го, а если нельзя, то даже на «Наслѣдникѣ» Іюля 3-го. На «Николаѣ», говорятъ, хоть онъ и позже пойдетъ, да переѣздъ лучше. Если на обоихъ мѣста уже взяты, то возьми хоть на «Александрѣ» Іюля 17-го, хотя это уже непріятно, и какъ возмешь, потрудись мнѣ увѣдомить въ нашъ домъ на Кузнецкомъ мосту. Имя путешественника Дмитрій Алекс. Валуевъ, званіе кандидатъ Московскаго Университета. Деньги употреби свои и сдѣлай мнѣ этотъ кредитъ до пріѣзда самого путешественника, который тебѣ заплатитъ. Я, кажется, къ тебѣ никогда безъ коммиссіи не пишу. Да и что прикажешь писать? Что дѣлается кругомъ насъ, о чемъ бы можно было говорить? Кто пѣлъ, кто игралъ. Всѣ они пѣли и играли у васъ, прежде чѣмъ здѣсь. А если имъ особенно хлопали, или ихъ кормили, или имъ рѣчи говорили, то полагаю вамъ про это и знать не хочется. Также мало интереса и въ томъ, что Тургеневъ поссорился съ Чаадаевымъ, а другъ нашъ Шевыревъ побранился и потомъ помирился съ профессоромъ Крюковымъ, и прочія тому подобныя новости. Занятія литературныя мои заведены, какъ тебѣ извѣстно, на 50 лѣтъ и слѣдовательно и объ нихъ говорить нечего. Муза отступилась совершенно. Общество все также мало измѣняется и также мало, мало движется, какъ и я. Штиль совершенный. Не объ чемъ говорить, какъ въ

исторіи счастливыхъ народовъ; а и впрочемъ весела эта безтревожная жизнь, и тихій трудъ, и прочее; но вамъ Петербуржцамъ она уже не доступна, какъ идиллія Парижанину. Сохраняешь ли ты память о Москвѣ и объ этомъ идиллическомъ бытѣ? Прощай, будь здоровъ и счастливъ. Скажи своей супругѣ, что мнѣ просто грустно, что я не имѣлъ никогда счастія ее видѣть и слѣдовательно не могу ясно себѣ представить тебя въ твоемъ домашнемъ бытѣ, что за всѣмъ тѣмъ я ее прошу принять мой почтительный поклонъ, какъ будто она меня знаетъ.

Твой А. Хомяковъ.

(1843).

23.

Правда твоя, любезный другъ, что безъ особеннаго дѣла я не вдругъ соберусь писать. Никогда отъ роду не могъ я завести корреспонденцію и всегда завидую тѣмъ, у которыхъ она есть. Это не просто лѣнь браться за перо, хоть я и не скрываю этаго сладкаго порока, но какое-то чувство мертвенности въ письменныхъ сообщеніяхъ между друзьми. Все то, чѣмъ оживляется разговоръ, чѣмъ слово сказанное другу отличается отъ слова сказаннаго пріятелю или знакомому, все это тонетъ въ чернильницѣ, и выходитъ какое-то безцвѣтное писаніе, не носящее даже признака теплаго, дружескаго чувства. Досадно самому прочесть что написалъ. Вотъ отчего мнѣ всегда нуженъ, какъ ты говоришь, крючокъ, къ которому прицѣпить свое письмо.

Ты меня очень одолжилъ, записавъ Валуева. Дополни свое одолженіе и возьми ему билетъ; а не то онъ можетъ нѣсколько опоздать. Вѣроятно всѣ билеты будутъ разобраны въ первые два или три дня, и онъ едва ли пріѣдетъ въ Петербургъ прежде 4-го Іюля. Впрочемъ, когда ужъ на то пошло просить тебя объ услугахъ, то достань ему возможность хоть мелькомъ взглянуть на ваши Питерскія рѣдкости, на Эрмитажъ, дворецъ, Академію и проч. Вѣдь на все это нужны будутъ позволенія. У насъ покуда Москва еще не совсѣмъ опустѣла противъ своего

обыкновенія. Выставка удержала здѣсь кое-кого*). Многіе остались поглядѣть на чудеса промышленности и накупить разныхъ разностей. И вправду стоитъ труда поглядѣть на выставку. Я тамъ почти каждый день, и скупость моя не устояла противъ искушеній. Много вздорнаго блеска, много мнимо-Русскихъ (вашихъ Питерскихъ) издѣлій, которыя только по какому-то условному предположенію называются Русскими, напр. бронзы; много прекрасныхъ вещей, которыя вполнѣ зависятъ отъ иностранцевъ по основному матеріалу (напр. шелковыя матеріи); но много вещей сильно подвинувшихся впередъ и составляющихъ истинное богатство. Таковы стальныя издѣлія, которыя почти равняются съ лучшими Англійскими, таковы отчасти шерстяныя матеріи, парчи, которыхъ требованіе въ Россіи очень велико, и которыхъ красота удивительна, и много еще кое-чего. Всего непріятнѣе отсутствіе изобрѣтательности, полная зависимость отъ рисунковъ иностранныхъ и преобладаніе предметовъ роскоши, неоживленной никакимъ художественнымъ чувствомъ, роскоши варварской, денежной, разрывающей общество, а не связывающей его въ общемъ поклоненіи изящному. Есть роскошь искусства въ виллахъ Италіи, но тамъ искусство сохраняетъ свободу свою; золотомъ купишь картину, но не создашь Рафаэля. Богачъ, купившій произведеніе Микель-Анджело, находится въ зависимости отъ художника, котораго никакія деньги не создадутъ; бѣднякъ, любующійся картинною галлереею, владѣетъ ею какъ самъ владѣлецъ. Роскошь ремесленная, наша современная роскошь, создана золотомъ; его богатство бьетъ бѣдность по глазамъ. Поэтому-то я считаю выставку дѣломъ весьма полезнымъ. Въ ней видны еще болѣе покупщики, чѣмъ производители, и съ этой стороны выставка Русская мало представляетъ утѣшительнаго. Поѣзжай въ Италію: это лучше другихъ путешествій. Конечно я не считаю счастливою эпохою для человѣчества эпоху Итальянскаго преобладанія. Міръ во многомъ двинулся впередъ; но много хорошаго утратилось по дорогѣ, и въ числѣ дорожныхъ потерь считаю я искусство. Только признайся по совѣсти, что твое нежеланіе путешествія имѣетъ другой источникъ, а не тотъ, который ты ему приписалъ. Я увѣренъ, что семейное счастіе тебя вполнѣ удовлетво-

*) См. III-й томъ настоящаго изд., стр. 86—97.

ряетъ: оно дѣйствительно единственное, истинное. Но вѣдь оно съ тобою можетъ путешествовать. Тебя удерживаетъ служба, и слава Богу! Хорошо, что ты нашелъ дѣятельность и цѣль для дѣятельности и возможность быть полезнымъ. Только пожалуйста не забывай, что механизмъ, въ которомъ ты трудишься такъ ревностно, долженъ быть связанъ съ жизнію. Про это забылъ вашъ Питеръ, какъ я убѣдился всѣми разговорами съ пріѣзжими отъ васъ, даже старыми пріятелями, да еще насъ называютъ отвлеченными. Хорошее бы дѣло было, если бы ты у насъ побывалъ въ Москвѣ; твой пріѣздъ крѣпко бы насъ обрадовалъ. Надобно твоей женѣ узнать Москву, а твоимъ друзьямъ надобно узнать, слѣдовательно полюбить твою жену. N'est-ce pas que c'est fameusement provincial que le mot de жена? Я вамъ уже представлю цѣлую семейку изъ трехъ малютокъ, малъ-мала меньше. Меньшой имя Екатерина, т. е. просто Катерина. Жена дала это имя не въ честь себѣ, а въ честь матери, а матушка радуется особенно тому, что оно напоминаетъ императрицу Екатерину Ал., ce qui me fait faire la grimace. Что-то Аполлина Михайловна скажетъ про моихъ малютокъ? А по общему мнѣнію всего дома они очень милы. Прощай, будь здоровъ и не забывай твоего А. Хомякова.

21 Іюня (1843).

Вотъ еще нѣчто въ родѣ порученія. Нельзя ли тебѣ узнать о слѣдующемъ? Живетъ ли у графа Клейнмихеля Англичанка въ родѣ няни, какая-то miss Littlewood, которая хотѣла переѣхать въ Москву поближе къ роднѣ. Мы ей послали денегъ на дорогу, приглашая къ себѣ. Съ тѣхъ поръ ни слуха, ни духа. При случаѣ узнай, есть ли тамъ какая-нибудь miss Littlewood и есть ли надежда, что она сюда ѣдетъ. Впрочемъ это порученіе исполни какъ можно болѣе на досугѣ, чтобы я зналъ, что я отнюдь никакихъ хлопотъ тебѣ не навязалъ.

24.

(Мартъ 1844).

Любезный Алексѣй.

Поздравляю тебя съ тою твоею радостію, о которой узналъ я изъ письма гр. Комаровскаго къ Валуеву. Ты повышенъ въ чинѣ

Patris Familias[1]). Дѣло важное по праву Римскому, да не малость по обычаю Славянскому. Шутки въ сторону, поздравляю тебя отъ души. Женитьба и семейность одно и тоже, а семьи нѣтъ, покуда нѣтъ дѣтей съ ихъ докукою и утѣхою. Желаю тебѣ столько же отъ нихъ радости и гораздо менѣе горя, чѣмъ досталось на мою долю. У меня, слава Богу, теперь трое, а все таки тяжело вспомнить о потерянныхъ. Радуйся и веселися сыномъ, и да здравствуетъ онъ лѣта многа! Я бы тебѣ сказалъ, что ты теперь выучишься няньчить малютокъ, да ты и безъ того на это мастеръ, какъ помню изъ Богучарова[2]). Одинъ мой совѣтъ, если ты будешь самъ входить въ это дѣло: не изнѣживай, лѣчи омеопатически когда нужно, а по большей части не лѣчи совсѣмъ; да когда станетъ Миша подростать, не позволяй давать игрушекъ, т. е. много. Игрушки пріучаютъ къ скукѣ, это тоже что̀ общество въ молодости. Воображеніе дѣлается лѣнивымъ, и человѣкъ привыкаетъ требовать, чтобъ его забавляли. Игрушки должно позволять только больнымъ дѣтямъ. Вотъ тебѣ важный совѣтъ человѣка уже давно въ чинѣ отца семейства.

Кошелевъ въ Петербургѣ и, разумѣется, видѣлся съ тобою не разъ. Онъ тебѣ многое могъ разсказать про житье-бытье Московское, хотя самъ къ нему мало принадлежитъ по своей вѣчно дѣловой хлопотливости. Кое-что ты уже самъ знаешь, какъ видно изъ твоего письма, объ отвлеченностяхъ разнаго рода, замѣняющихъ въ Москвѣ мѣсто положительныхъ интересовъ, о космополитизмѣ, національности и т. д.

Толку въ этомъ конечно немного, однако можно ожидать отъ этого столкновенія мнѣній дѣятельности, хотя, по правдѣ сказать, все-таки дѣятельности нѣтъ. Даже Москвитянинъ, послѣдній и, по правдѣ, довольно жалкій признакъ жизни умственной, клонится къ упадку. Говорятъ, что нынѣшній годъ будетъ предѣломъ его существованію. Пожалѣй объ насъ. Не останется даже журнала. Никто въ немъ не пишетъ и не хлопочетъ объ

---

[1]) 25 Февраля 1844 года у Веневитиновыхъ родился первый сынъ, Михаилъ Алексѣевичъ (нынѣ директоръ Румянцовскаго Музея).

[2]) Помѣстье Хомякова подъ Тулою. А. В. Веневитиновъ навѣщалъ его тамъ.

его поддержкѣ, а когда онъ скончается, вѣрно всѣ будутъ также разстроены какъ Иванъ Никифоровичъ, если бы у него украли ружье, изъ котораго онъ отъ роду не стрѣливалъ. Вѣдь покуда было ружье, можно бы было стрѣлять, если захотѣлось. Лучшимъ проявленіемъ жизни Московской были лекціи Грановскаго. Такихъ лекцій конечно у насъ не было со временъ самаго Калиты, основателя первопрестольнаго града, и безспорно мало во всей Европѣ. Впрочемъ я его хвалю съ тѣмъ бо́льшимъ безпристрастіемъ, что онъ принадлежитъ къ мнѣнію, которое во многомъ, если не во всемъ, противоположно моему. Мурмолка (вѣроятно ты знаешь что̀ это такое) не мѣшала намъ, мурмолконосцамъ, хлопать съ величайшимъ усердіемъ краснорѣчію и простотѣ рѣчи Грановскаго. Даже П. В. Киреевскій, прославившійся, какъ онъ самъ говоритъ, неизданіемъ Русскихъ пѣсень и прозвищемъ великаго печальника земли Русской, даже и онъ хлопалъ не менѣе другихъ. Ты видишь, что крайности мысли не мѣшаютъ какому-то добродушному Русскому единству. Все это безстрастно. Не то что̀ у васъ въ Питерѣ, гдѣ мысль, если когда проявится,—гнѣвлива, какъ практическій интересъ.

Къ вамъ нельзя писать, чтобы не включить или прошенія, или порученія. Я думаю, это тебѣ кажется иногда страннымъ, но это очевидное слѣдствіе сосредоточія всей положительной жизни. Какую напр. дашь комиссію въ Москву? Развѣ отслужить гдѣ нибудь молебенъ? Другаго и не придумаешь. Такъ вотъ тебѣ мои порученія.

Есть нѣкто *Штадлеръ* или Стадлеръ, чиновникъ по особымъ порученіямъ у Тульскаго губернатора. Онъ представленъ въ совѣтники Г. Правл. Слѣдовало тебя попросить объ немъ похлопотать; но я слышу, что о немъ послѣдовало рѣшеніе назначить въ должность совѣтника и поручить ему ревизію Городской Полиціи. Когда онъ свое дѣло кончитъ, вѣроятно будетъ опять представленіе, то сіе пишется покуда къ тебѣ, какъ предувѣдомленіе, чтобы ты похлопоталъ. Этотъ Стадлеръ ненавидимъ всѣми нашими Тульскими плутами и, можетъ быть, безъ всякаго преувеличенія, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей воспитанныхъ Московскимъ Университетомъ. Видишь, что еще покуда хлопотъ нѣтъ.

Другое порученіе немного развѣ чѣмъ похлопотливѣе. Меня просили, а я тебя прошу, узнать, будетъ ли возможность достать мѣсто весною на Штетинскомъ пароходѣ, и много ли это будетъ лучше Любскаго. Вотъ и все.

Поклонись отъ меня гр. Комаровскому; я ему очень благодаренъ за любезный попрекъ его въ письмѣ къ Валуеву; да что дѣлать? Я самый негодный корреспондентъ. Сколько ни заводилъ переписокъ, ни одной какъ-то не умѣлъ продолжать. Не то не о чемъ писать, не то времени нѣтъ за отсутствіемъ всякаго дѣла. Ты, можетъ быть, слышалъ, а если нѣтъ, то увѣдомляю, что я да И. В. Киреевскій, справившись съ расположеніемъ своихъ занятій и времени, замѣтили во времени страшный недочетъ и, возымѣвъ подозрѣніе на Шевырева, у котораго дѣла оказывается втрое болѣе чѣмъ слѣдовало быть времени, подаемъ на него въ Уѣздный Судъ прошеніе о похищеніи имъ у насъ по 12-ти часовъ въ сутки. Прощай, будь здоровъ со всѣми твоими. Когда удастся кончить письмо прибавленіемъ: до свиданія?

Твой отъ души А. Хомяковъ.

25.

Любезный другъ.

На дняхъ возвратился изъ чужихъ краевъ племянникъ мой Валуевъ. Я тебѣ очень и очень благодаренъ за твой дружественный пріемъ нашего Московскаго птенца. Я знаю, что онъ добрый и славный малый по сердцу и уму; но всѣ эти качества могутъ быть узнаны только впослѣдствіи, а пріемъ твой былъ сдѣланъ мнѣ въ человѣкѣ, о которомъ ты только еще зналъ, что онъ мнѣ родственникъ и что я его люблю. Сто разъ спасибо! Мы такъ рѣдко видимся, такъ много годовъ всегда проходитъ между каждымъ нашимъ свиданіемъ, такъ рѣдко даемъ вѣсть о себѣ другъ другу, что доказательство дружбы (хотя я въ твоей дружбѣ никогда и не могу сомнѣваться) доставляетъ мнѣ особенную и живую радость. Это то ласковое слово, сказанное тѣмъ ласковымъ голосомъ, подъ которое нельзя поддѣлаться людямъ равнодушнымъ. Изъ всего вышесказаннаго (слогъ дѣ-

ловой), ты можешь видѣть, какъ благодаренъ тебѣ нашъ здѣшній путешественникъ и въ какомъ онъ восторгѣ не отъ тебя только, но и отъ всего твоего дома, радушнаго какъ наша Святая Русь, полнаго художественныхъ и современныхъ интересовъ, какъ просвѣщенный Западъ и даже не чуждаго интересамъ археологическимъ, какъ Германія или Москва въ лицѣ графа Егора Евграфовича.

Мнѣ весело подумать объ вашемъ счастливомъ оазисѣ въ сухомъ и односторонне практическомъ Петербургѣ, а еще веселѣе, что жена моя, не видавши еще Аполлинаріи Михайловны, уже связана съ нею благодарностью за дружбу, оказанную ея ближайшему родственнику *): когда Богъ дастъ свидѣться, онѣ встрѣтятся не какъ чужія, а какъ знакомыя. Что же касается до насъ съ тобою, многое прошло мимо насъ и между насъ, а мы, кажется, остались все тѣже и въ себѣ, и въ отношеніи другъ къ другу. Такъ да будетъ! Наше Московское житье-бытье идетъ по старому, въ сладкой и ненарушимой праздности, въ отвлеченностяхъ, въ бесѣдахъ довольно живыхъ, вертящихся все около однихъ какихъ нибудь предметовъ, которые идутъ на мѣсяцы и года... Записка ежедневныхъ можетъ быть легко заключена въ слѣдующей формѣ: «тѣже о томъ же». Ежегодное повтореніе однихъ и тѣхъ же бесѣдъ очень похоже на оперу въ Италіи: одна идетъ на цѣлый годъ, и слушателямъ не скучно. Это не похоже на Питеръ. Мы называемъ такія бесѣды движеніемъ мысли; но Языковъ увѣряетъ, что это не движеніе, а просто моціонъ. Одно только явленіе истинно оживило нынѣшнюю Московскую зиму: лекціи Грановскаго объ Исторіи среднихъ вѣковъ. Профессоръ и чтеніе достойны лучшаго Европейскаго университета, и къ крайнему моему удивленію публика оказалась достойною профессора. Я не ожидалъ ни такаго успѣха, ни такаго глубокаго сочувствія къ наукѣ о развитіи человѣческихъ судебъ и человѣческаго ума. Ты видишь, что я не пристрастенъ къ Москвѣ. Вотъ жизнь Московская. Моя еще немного сложнѣе. Осенью охотился на славу; да ты вѣдь этого не понимаешь, а то бы я тебѣ описалъ, каковъ у меня Драконъ

*) Д. А. Валуевъ—родной по матери своей племянникъ супругѣ А. С. Хомякова, Екатеринѣ Михаиловнѣ.

половой. Зимою ѣзжу на вечернія бесѣды, а дома дѣлаю розысканія о предметахъ современныхъ: Семирамидѣ, Ликійскихъ надписяхъ и Кирѣ. Есть однакоже надежда, что на будущій годъ дойду до Рождества Христова, и все это, охота, бесѣды и копанье въ древности, замыкаются въ тихой домашней жизни, которой счастье ты уже знаешь.

Послѣднее извѣстіе обо мнѣ ты получилъ ли или нѣтъ, не знаю. Оно заключалось въ соборномъ посланіи къ тебѣ изъ дома Павлова[1]), и въ немъ была моя къ тебѣ просьба о томъ, чтобы ты попросилъ барона Врангеля[2]), попробовать акклиматизировать оленя Американскаго или Сибирскаго на Алеутскихъ островахъ для обезпеченія жителей, новыхъ христіанъ, отъ голода. Мысль была богатая и истинно Московская, обезпечить Алеутовъ мясомъ, тогда какъ недавній опытъ доказалъ, что мы сами не обезпечены хлѣбомъ. Съ тѣхъ поръ я отъ тебя слуха не имѣлъ и не знаю, дошло ли соборное посланіе.

Кстати о Павловѣ, откуда писалось оно: пожалуйста, если можешь, похлопочи объ немъ. Недавно, т. е. 29 Января, пошло представленіе объ немъ, кажется къ Станиславу. Представленіе отъ здѣшняго князя Щербатова[3]) подъ № 664. Есть при немъ пояснительная записка объ его заслугахъ, между коими были пожертвованія денежныя. Нельзя ли дѣло пустить прямо чрезъ Перовскаго[4]), минуя комитеты и думы, въ которыхъ, по силѣ разныхъ изъятій, того и смотри, послѣдуетъ всемилостивѣйшій отказъ. Во-первыхъ, Павловъ истинно болѣе заслуживаетъ награды, чѣмъ всѣ другіе, вмѣстѣ съ нимъ представляемые; во-вторыхъ, для него награда гораздо важнѣе, чѣмъ для кого-нибудь другаго. Тутъ есть выгоды положительныя, а не простое удовольствіе самолюбія. Онъ не рѣшается тебя просить, совѣстно-дескать. Прошу я и всѣ мы, твои здѣшніе пріятели: что можешь, сдѣлай!

---

[1]) Николая Филипповича.

[2]) Извѣстнаго мореплавателя.

[3]) Московскаго генералъ-губернатора (1844—1849).

[4]) Льва Алексѣевича, министра внутреннихъ дѣлъ.

Будь здоровымъ и во всемъ удачливъ. Если я въ чемъ предъ тобою согрѣшилъ, прости по случаю наступленія поста. Комаровскому скажи мой наидружественнѣйшій поклонъ. Нельзя ли его какъ нибудь въ Москву? Мы бы съ нимъ зарылись въ Кельтахъ и тому подобныхъ. Впрочемъ это, я думаю, не совсѣмъ будетъ согласно съ твоими желаніями. Прощай.

Твой А. Хомяковъ.

(Москва, Февраль 1843).

26.

Любезный другъ.

Ты обдалъ и меня, и Павлова совершеннымъ холодомъ своими юридическими тонкостями объ титулярныхъ совѣтникахъ и пр. Да развѣ мы люди Московскіе такіе невѣжи, чтобъ не знать, что на милость образца нѣтъ? Все можно; только такъ какъ ты не обязанъ быть всемогущимъ, то моя просьба ограничивается весьма небольшимъ. Гр. Толстая, сестра П..*), говорила ему по чьей-то просьбѣ про это зимою, и онъ сказалъ «очень хорошо»; потомъ князь Вяземскій получилъ по этому же дѣлу такой же ободрительный отвѣтъ и, наконецъ, когда Кошелевъ былъ въ Петербургѣ, то князь Вяземскій, просившій снова неизвѣстно черезъ кого (черезъ графиню Т. или другую), сказалъ Кошелеву, что просимыя особы поручили напомнить имъ о Павловѣ въ Маѣ мѣсяцѣ при обѣщаніяхъ всякаго блага. Сдѣлай одолженіе, поговори съ Вяз...: разскажи ему то, что ты ко мнѣ писалъ, т. е. всѣ затрудненія, и напомни ему про сообщенныя намъ обѣщанія. Кн. Вяз... интересуется Павловымъ; онъ отъ сердца постарается за него. На тебя же я вполнѣ надѣюсь, что ты въ совѣтѣ сдѣлаешь все возможное. Павлову же честолюбіе довольно чуждо; но у него истинная необходимость въ томъ, что для насъ было бы только прихотью.

*) Графиня Анна Алексѣевна Толстая (мать поэта графа А. К. Толстаго), сестра тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго (позднѣе графа).

Благодарю тебя за твою дружбу, за твое письмо, за хлопоты, которые тебѣ навязываю и въ которыхъ я бы извинялся, если бъ не увѣренъ былъ, что ты самъ въ нихъ принимаешь участіе. Въ числѣ этихъ хлопотъ полагаю и *оленей* для Алеутовъ, объ которыхъ недурно вспомнить при случаѣ.

Въ этомъ письмѣ найдешь объявленіе. Ты самъ уже теперь *Pater Familias:* тебѣ надобно интересоваться *Библіотекою для воспитанія.* Въ ней участвуютъ почти всѣ Университетскіе дѣятели, участвую и я. И такъ интересуйся, рекомендуй, хвали; скажи Одоевскому, чтобъ онъ далъ статьи; если есть у тебя досугъ, напиши самъ; поощряй дамъ учавствовать въ этомъ добромъ дѣлѣ, разбирать билеты и давать статьи. Петербургскія дамы не должны отставать отъ Московскихъ.

Прощай; спѣшу, чтобъ не опоздать на почту. Будь здоровъ, не забывай насъ и поцѣлуй своего малютку за меня. C'est une manière de faire ma cour à madame Vénévitinoff. Твой отъ души Алексѣй Хомяковъ.

М. 18 д. (1844).

27.

Любезный Алексѣй!

Я тебѣ не отвѣчалъ на твое письмо, въ которомъ ты писалъ мнѣ познакомиться съ Шиповымъ. Знакомство у насъ началось, но мнѣ не удалось быть у него или, лучше сказать, не удалось его застать: я попалъ въ такое время, когда онъ переѣзжалъ изъ гостиницы въ домъ и поэтому не рѣшился даже оставить билетъ*). Встрѣчались же мы нѣсколько разъ и, кажется, сошлись Въ Шиповѣ многое меня привлекаетъ; главное же то, что онъ Русскій всею душою. Будущая зима мнѣ дастъ возможность сблизиться съ нимъ гораздо болѣе, и я этого очень желаю.

Благодарю за отзывъ объ моей статьѣ. Ты самъ знаешь, что я вообще мало имѣю авторскаго тщеславія и насчетъ статей журнальныхъ не могу имѣть даже и самолюбія. Отзывъ твой меня радуетъ не какъ писателя, а какъ человѣка и гражданина;

*) Т. е. визитную карточку.

потому что во мнѣ есть искреннее и глубокое убѣжденіе, что мы Москвичи на досугѣ могли получить и получили сознаніе всероссійской болѣзни и что я, едва ли не первый, узнавшій ея діагностику, во всякомъ случаѣ первый ее описываю прямодушно и откровенно. Сознанное можетъ быть вылечено, но для этого нужно сознаніе общее или, по крайней мѣрѣ, сильно распространенное. Нужны для этого новая жизнь, новая наука, нуженъ нравственный переворотъ, нужна любовь, нужно смиреніе гордаго и ничтожнаго знанія, которое выдаетъ себя за просвѣщеніе и само вѣритъ своему хвастовству. Науки политическія остались за людьми прежняго поколѣнія, наше поколѣніе увлеклось наукою соціалистическою; но все это устарѣло, не какъ люди, а по внутренней недостаточности и односторонности, уступая силѣ аналитическаго разложенія. Наука должна явиться жизненная. Ее должна создать Россія; но для того, чтобы Россія создала что-нибудь, нужно, чтобы Россія могла что-нибудь создать, чтобъ она сама была чѣмъ-нибудь цѣлымъ и живымъ. Вотъ, любезный другъ, мое мнѣніе. Быть можетъ, ты не во всемъ со мной согласишься; но если ты согласенъ во многомъ, я считаю это за великое счастіе и скажу тебѣ: дѣйствуй въ этомъ смыслѣ, распространяй это мнѣніе.

Покуда живу я въ деревнѣ, купаюсь, стрѣляю, охочусь съ собаками и пр., готовлю еще статью, которая будетъ послѣднею въ порядкѣ моихъ статей и если цензура смилуется, то скажу почти все, что на душѣ у меня; потомъ прощай публика, и брошусь въ объятія Семирамиды, т. е. разработки историческихъ наукъ. Ars longa, vita brevis.

Быть можетъ (по крайней мѣрѣ, твое письмо подавало эту надежду) мы увидимся съ тобою во время странствія твоего на Югъ; если нѣтъ, то авось мнѣ удастся завернуть на Сѣверъ. Ты не повѣришь или, лучше сказать, что не только повѣришь, но и безъ увѣренія долженъ знать, какъ я желаю съ тобою видѣться и познакомиться семьями. Скажи мой поклонъ Аполлинѣ Михайловнѣ и знакомымъ, которые еще помнятъ меня. Затѣмъ прощай и будь здоровъ. Твой А. Хомяковъ.

Жена и матушка тебѣ кланяются.

28.

(1845).

Любезный Алексѣй!

Изъ низшихъ инстанцій всѣ справки поступили въ Общее Собраніе, и недѣли черезъ двѣ будетъ докладъ. Вотъ что узналъ я и поспѣшаю тебя увѣдомить. Что ты мнѣ поручалъ, я все исполнилъ; но, не будучи знакомъ съ Зубковымъ, я дѣйствовалъ черезъ Павлова, который говоритъ, что тебѣ онъ обо всемъ писалъ какъ слѣдуетъ. Теперь, какъ видишь, дѣло подходитъ къ разрѣшенію. Пріѣдешь ли?

Пріѣзжай пожалуйста. Ты самъ видишь, что есть не только причина къ пріѣзду, но что еще важнѣе, есть даже и предлогъ. А тебѣ здѣсь всѣ будутъ такъ рады, что и стоитъ пріѣхать? Просто вздоръ. Пріѣзжай хоть на нѣсколько дней, да вотъ бы было славно, коли бъ ты пріѣхалъ не одинъ. Вѣдь стыдно сказать: жена моя никогда въ Москвѣ не бывала. Просто, какъ будто бы въ Россіи не бывала. Неужели это невозможно? На какихъ бы свирѣпыхъ агнцевъ*) вы могли наглядѣться! Какой бѣшеной кротости наслушаться! Вѣдь это явленія совсѣмъ чуждыя Петербургу, не говоря уже о Кремлѣ и прочихъ древностяхъ, какъ то Петръ Васильевичъ Киреевскій.

Каковъ 1-й № Москвитянина, издаваемаго уже, какъ ты знаешь, новымъ редакторомъ и каковъ обзоръ Иностранной Словесности! Этимъ можно похвастаться. Грановскій, извѣстный противникъ нашего мнѣнія, признаетъ, что такаго номера онъ не только изъ Русскихъ, но изъ иностранныхъ журналовъ не знаетъ; а еще цензура пропасть хорошаго вычеркнула и такого невиннаго, что понять нельзя, какъ можно было не пропустить. Такъ, напр., не пропущены славные стихи Павловой, кончающіеся стихомъ: «И всякому вопросу есть отвѣтъ». Вслѣдствіе этого запрещенія написано слѣдующее четверостишіе къ ней въ видѣ возраженія:

Свои стихи вы мыслью заключили,
Что каждому вопросу есть отвѣтъ;
Но для чего стиховъ не пропустили,
На сей вопросъ отвѣта нѣтъ!

*) Такъ называлъ А. С. Хомяковъ молодаго друга своего К. С. Аксакова.

Между прочимъ надобно тебѣ сказать, что вѣроятно ты не получалъ Библіотеки для Воспитанія по билетамъ мною доставленнымъ къ тебѣ: тутъ была какая-то путаница книгопродавцевъ. Теперь это объяснено, и по всѣмъ билетамъ можно получать. Я объ этомъ хлопочу не потому только, что изданіе хорошо, но и потому, что мнѣ хочется, чтобъ ты статьи мои читалъ.

Вѣроятно ты по старой дружбѣ, которой, какъ извѣстно, ты никогда не измѣняешь, порадовался дѣятельному выступленію Шевырева на поприще публичнаго преподаванія. Послѣ Грановскаго дѣло было трудное и опасное. Нашъ Шевыревъ вышелъ изъ затрудненія съ торжествомъ. Онъ пробуждаетъ сильный интересъ и если не равняется съ соперникомъ въ ораторскихъ достоинствахъ, то превосходитъ его въ пробужденіи интересовъ жизненныхъ и духовныхъ. Эти явленія многозначительныя, которыя показываютъ, на какую высоту стала Россія въ Европейскомъ просвѣщеніи и какъ самобытно она уже умѣетъ думать и говорить. Кругъ нашей публики еще безспорно очень тѣсенъ, но вѣдь это только начало, такъ сказать закваска мысли. Сила не въ числѣ, а въ плодотворности убѣжденія принятаго, хотя и малымъ числомъ. Триста слушателей Шевырева перевѣшиваютъ безспорно нѣсколько тысячъ читателей Французскаго романа, тѣмъ болѣе, что Москва не неподвижный городъ: она, т. е. ея зимніе жители, разгуливаетъ лѣтомъ по всей Россіи, разнося и раскидывая мысли и сѣмена мысли. Лекціи и Москвитянинъ служатъ пополненіемъ другъ другу, и едва-ли живая рѣчь по своей теплотѣ и непосредственному дѣйствію на слушателя не беретъ верха надъ журналомъ, не смотря на его большую полноту и многосторонность. Впрочемъ, такъ какъ ты не можешь никого посылать на лекціи, то по крайней мѣрѣ правдою и неправдою принуждай всѣхъ брать Москвитянина и Библіотеку для Воспитанія. Стыди, укоряй, соблазняй и проч. Держись наконецъ Іезуитскаго правила: Compelle intrare.

Увидимъ ли мы тебя? Вотъ для меня вопросъ современный и крайне занимательный. Ты не повѣришь, какъ досадно это наше полное разъединеніе, особенно когда знаешь, что самая жизнь, въ которой движутся наши друзья, такъ разнится отъ той жизни, въ которой живемъ и движимся мы. Наконецъ при-

ходить страхъ, чтобъ душевное разъединеніе не сдѣлалось послѣдствіемъ такой долгой разлуки и такой разницы въ житьѣ-бытьѣ. Сердечная привязанность получаетъ какой-то характеръ призрака; она относится уже не къ настоящему другу почти неизвѣстному, но къ прошедшему, съ которымъ жилъ и думалъ за одно. Впрочемъ между нами собственно этаго чувства быть не можетъ. Я, кажется, тебя угадываю почти такъ, какъ будто бы вижу, а все-таки хотѣлось бы повѣрить свои догадки, видѣть и слышать тебя и помѣняться мыслями въ живомъ дружескомъ разговорѣ.

Да и, право, тебѣ самому надобно похлопотать по дѣлу: письма и чужія хлопоты не то что свои.

Прощай покуда. Отвѣчай, а еще лучше пріѣзжай. Скажи мой поклонъ и почтеніе женѣ своей, и если я виноватъ передъ нею, приглашая тебя въ Москву, попроси за меня прощенія у нея. Твой А. Хомяковъ.

Янв. 29 дня (1845).

29.

Любезный другъ!

Въ послѣднее время имѣлъ я о тебѣ довольно подробныя извѣстія чрезъ Самарина и гр. Соллогуба, и всѣ извѣстія были крайне утѣшительны. Какъ ты усердно тянешь служебную лямку, какъ у васъ въ домѣ тихо и мирно, какой ты мастеръ нянчить дѣтей, какъ ты помнишь и любишь Москву, какъ читаешь Москвитянина, какъ ты все тотъ же что былъ или, лучше сказать, сталъ даже лучше прежняго, потому что счастіе семейное укрѣпляетъ и умиряетъ человѣка и проч. и проч. Замѣть пожалуйста, что я въ числѣ добрыхъ извѣстій поставилъ и усердное служеніе твое по министерству. Добросовѣстное усердіе становится рѣдкостью; оно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи эгоизма, о способности и желаніи жертвовать собою въ пользу другихъ, о свѣжести души, еще не утратившей своихъ мечтаній, и т. д. Въ этомъ отношеніи я считаю твой служебный подвигъ истинно добрымъ и утѣшительнымъ; но только въ этомъ. Истинная польза службы кажется мнѣ болѣе чѣмъ сомнительною при совершен-

ной ея матеріализаціи. Формальность убиваетъ духъ, и эта формальность растетъ со дня на день. Для исправленія машины увеличиваютъ безпрестанно число колесъ, а по законамъ механики сила (хотя и громадная) уходитъ въ тренія, а доходъ фабрики въ сало для подмазки вѣчно скрипучихъ частей. Я это пишу для того, чтобы не принялъ ты мою первую похвалу или за совершенно безусловную, или за шутку. Surtout pas de zèle, говорилъ Талейранъ, а я прибавлю, что всѣ церкви Московскія испорчены усердіемъ православныхъ, вѣчно пристраивавшихъ придѣлы. Упрощеніе или, такъ сказать, одухотвореніе служебной машины: вотъ истинная цѣль, къ которой можно и должно стремиться. Этаго не поймутъ ваши великіе мужи; но ты, какъ Москвичъ, долженъ это понять. Остальныя похвалы безъ оговорокъ: да по правдѣ онѣ и не похвалы. Человѣка хвалить нельзя за то, что онъ счастливъ и умѣетъ быть счастливымъ. Этому только можно радоваться. Если за что-нибудь тебя можно похвалить, это развѣ за то, что внѣшній, тебя окружающій міръ такъ мало на тебя подѣйствовалъ, и что ты сохранилъ такую самостоятельность внутренней жизни. Такой подвигъ рѣдко кому удается. За то мы и радуемся, слыша о тебѣ, и твой домашній кружокъ представляется какъ маленькій свѣтлый оазисъ среди безроднаго Петербургскаго быта, отдѣленнаго отъ насъ безконечною бездною. Что я тебя люблю издавна братскою любовію, ты это знаешь; мнѣ бы хотѣлось, чтобъ жена твоя знала, какъ мы ее здѣсь любимъ, не зная или по крайней мѣрѣ не видавъ ея. Я увѣренъ, что она не будетъ смѣяться надъ этою Московскою naïveté.

У насъ здѣсь въ литературѣ вышла сумятица великая и очень непріятная. Киреевскій взялся за Москвитянина съ ревностію, которая свойственна его характеру. Ты могъ видѣть, какъ его статьи были сильно обдуманы и какъ много онъ долженъ былъ для нихъ работать; но онъ не разсчиталъ своихъ физическихъ силъ. Работа его была вся по ночамъ, и для отгнанія сна онъ употреблялъ самый крѣпкій чай. Эта вредная діеста и крутой переходъ отъ долгаго бездѣйствія къ усиленной дѣятельности разстроили его здоровье до такой степени, что теперь онъ принужденъ отказаться отъ журнала. Погодинъ также не можетъ его принять на себя, и что̀ будетъ—неизвѣстно. Намъ просто

бѣда и горе; тутъ дѣло не до самолюбія нашего и не до чести Московской литературы, но до мыслей, которыя мы хотѣли и должны обобщить. Одна только служба теперь, истинно полезная даже въ практическомъ смыслѣ: это уясненіе мысли въ Россіи, не въ гнѣвъ буди сказано вамъ, г-мъ служащимъ на другомъ поприщѣ, и журналъ—дѣло первоклассное даже въ отношеніи къ государству, особенно при возвратѣ къ народности или при теперешнемъ спорѣ своенароднаго съ пришлымъ и чужимъ.

Объ твоемъ дѣлѣ я часто справляюсь. Оно слушано тому два дня; но какое рѣшеніе, еще не сообщаютъ. Впрочемъ признаюсь, что по физіономіямъ не ожидаю добра, а навѣрное сказать ничего не могу. За то, что я объ твоемъ дѣлѣ хлопоталъ (если даже и безъ пользы), изволь похлопотать для меня. Мнѣ непремѣнно хочется имѣть при дѣтяхъ Англичанку. Иные считаютъ это моею мономаніею, но я полагаю себя правымъ и разсудительнымъ. Здѣсь ихъ нѣтъ, а у васъ открывается навигація и привозъ всего заграничнаго. Узнай пожалуйста, нѣтъ ли въ привозѣ молодой Англичанки (если можно между 18-ти и 25-ю годами), которая бы согласилась идти къ намъ смотрѣть за маленькими дѣтьми (старшей пятый годъ). Наукъ отъ нея требуется только умѣнье читать. Въ нравственныхъ же качествахъ главное—веселонравіе. Сдѣлай это непремѣнно и знай, что если не сдѣлаешь, то я буду обвинять не тебя, а Аполлину Михайловну, къ которой дѣйствительно обращена моя просьба, да только не смѣю ее просить прямо и безъ обиняковъ. Если найдешь, то, пожалуйста, поспѣши меня увѣдомить и о кондиціяхъ. Впрочемъ если Англичанка уже и пожила въ Россіи, это не бѣда; но новоприѣзжая лучше. Прощай, будь здоровъ и не забывай. Твой А. Хомяковъ.

М(ая) 21 (1845).

Посылаю тебѣ увѣдомленіе о Библ. для Восп. Помѣщай сколько можешь экземпляровъ, если можно въ казенныя заведенія. Рекомендую тебѣ въ ней новую мою статью: 13 лѣтъ царствованія Ивана Васильевича. Цензура урѣзала кое-что; но я надѣюсь, что я разгадалъ характеръ этотъ и сказалъ много новаго и еще нескáзаннаго даже въ отношеніи къ общей Исторіи.

30.

Ты уже получилъ вѣроятно отъ Кошелева посланныя мною четыре тысячи серебромъ и удивился немало. Вотъ объясненіе дѣла. Я вообразилъ себѣ, что выдумалъ великолѣпную паровую машину[1]) и что она приведетъ въ изумленіе всю Англію, Европу и значительную часть Америки. Для достиженія этой цѣли надобно мнѣ послать планы и описаніе машины въ Лондонъ и получить привилегію, на что разумѣется потребны деньги. Самому мнѣ по этому дѣлу ѣхать нельзя, я и выбралъ посланникомъ отъ себя Коссовича[2]) во-первыхъ потому, что вѣрю его дружбѣ и заботливости; во-вторыхъ потому, что это ему полезно; въ-третьихъ потому, что Англичане посовѣстятся обманывать такаго почтеннаго Брахмана. Замѣчательно, что въ одно время со мною Раджа Непаульскій тоже прислалъ въ Англію посланника Брахмана. Не знаю, выдумалъ ли Раджа тоже какую-нибудь машину, но съѣздъ Брахмановъ въ Лондонѣ вещь любопытная. Для успѣшнаго исполненія порученія дается мною Коссовичу довѣренность, которую надобно будетъ заявить съ переводомъ или въ посольствѣ, или въ консульствѣ Англійскомъ; а ты, какъ слышу, съ этими Угличанами знакомъ: пожалуйста устрой это. Но вотъ что еще важнѣе. Слухъ есть, будто бы привилегіи за границею нельзя брать безъ позволенія отъ нашего правительства; я думалъ, что это вздоръ: кажется, какое дѣло правительству до того, беру ли я привилегію въ Англіи, Франціи и Бельгіи или нѣтъ? Дѣло денежное, убытокъ мой при неудачѣ незначительный, и барышъ, если удастся машина, значительный, и слѣдовательно выгода для самой Россіи. Однакоже Богъ знаетъ, можетъ быть, и есть какое-нибудь объ этомъ положеніе. Если есть, сдѣлай одолженіе, похлопочи, чтобы Коссовичъ получилъ такое позволеніе. Представь главное, что я въ Россіи не прошу привилегіи изъ *чистаго патріотизма*, дабы мои соотечественники даромъ могли пользоваться моимъ изобрѣтеніемъ, а между нами причина та, что дѣланіе машинъ

[1]) Описаніе этой машины на Англійскомъ языкѣ было издано въ Лондонѣ и нынѣ напечатано въ приложеніи къ III-му тому Сочиненій А. С. Хомякова.

[2]) Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ (род. 1815, ум. 1883).

паровыхъ еще слишкомъ ничтожно въ Россіи и что игра не стоитъ свѣчъ. Устрой это пожалуйста. Если нужна подписка, что въ случаѣ удачи я сообщу планъ машины нашимъ строителямъ безвозмездно, дай ее смѣло вмѣсто меня. Надѣюсь на твою дружбу, а если дружбы недостаточно, то прибавлю и подкупъ слѣдующій. Машина должна дать мнѣ немаловажный барышъ; скажемъ, примѣрно и умѣренно, милліоновъ двѣсти хоть серебромъ. Я себѣ покуда назначаю только сто пятнадцать мил. Сто шестнадцатымъ тебѣ кланяюсь. Видишь ли, что это дѣло выгодное. Не могу однакоже тебѣ не признаться, что этотъ самый милліонъ обѣщанъ уже троимъ, а ты все-таки похлопочи.

Я вижу тебя отсюда помавающимъ главою и говорящимъ Аполлинѣ Михайловнѣ: «жаль друга Хомякова; онъ немного въ головѣ нездоровъ, даромъ деньги бросаетъ, что̀ при его извѣстной скупости представляетъ признакъ неутѣшительный». Надѣюсь, что Аполлина Михайловна за меня заступится, а на всякій случай вотъ мое объясненіе. Надѣяться на успѣхъ, когда имѣешь десятки тысячъ опытнѣйшихъ и хитрѣйшихъ соперниковъ, было бы безумiемъ; но съ другой стороны не только собственное мое соображеніе, но и отзывъ машинистовъ-практиковъ и теоретиковъ весьма выгоденъ, и не рисковать было бы глупостью. Зачѣмъ же я у себя не сдѣлалъ опыта? Отвѣтъ: три года сряду заказывалъ модель первой моей паровой машины, и три года меня обманывали; наконецъ *Девисъ* въ Англіи выдумалъ точно туже машину двумя годами послѣ меня, и она удалась, и онъ взялъ патентъ. Повторять туже исторію не хочется, особенно теперь, когда съѣздъ на Всемірную выставку обѣщаетъ оборотовъ весьма сильныхъ. Рискъ тотъ же, но при удачѣ выгодъ несравненно болѣе: надобно рискнуть (и вѣроятно закаяться). Смѣшное дѣло, что я тебѣ всегда пишу по дѣламъ; а подумаешь, что̀ кромѣ дѣлъ и написать? Что̀ новаго? Только и могу сообщить: такаго-то числа далъ мнѣ Богъ дочь имрекъ, или сына имрекъ. Кстати, точно нынѣшній годъ родился у меня сынъ Николай. Названъ по Языкову, крестный отецъ Гоголь (тоже Николай), родился въ имянины Жуковскаго. Если малый не будетъ литераторомъ, не вѣрь ужъ ни въ какія примѣты. Судя по физіономіи юноши, полагаю, что онъ больше будетъ писателемъ въ родѣ юмористическомъ.

Какъ я на тебя, или лучше сказать на васъ, сердитъ! Какъ таки ты, въ душѣ Москвичъ, не умудришься посѣтить Москву? Скажешь, что Аполлина Михайловна была зимою нездорова. Знаю и много, много объ этомъ жалѣлъ, но тѣмъ паче надобно было пріѣхать: я бы ее вылѣчилъ такъ вѣрно и такъ скоро. А какъ бы мнѣ хотѣлось на васъ взглянуть! И на тебя съ лентою поперекъ абдоминальной выпуклости. Я все бы глядѣлъ на тебя и думалъ бы о Сокольникахъ. Ты, покойный Дмитрій[1]) и я прыгаемъ черезъ старые рвы, а братъ[2]) философски созерцаетъ. Сколько улетѣло! Но ни ты, ни я не можемъ роптать на жизнь. Прощай. Твой А. Хомяковъ.

(Москва, 1850).

31.

(1852).

Московскія Вѣдомости объявляютъ, любезный другъ, о холерѣ въ Петербургѣ и, кажется, хоть она и не очень разыгралась, что она попрежнему мало спуска даетъ. Спѣшу тебѣ напомнить во-первыхъ, что гомеопатическіе пріемы Veratrum и Arsenicum каждый четверть часа—лѣкарство несомнѣнное; во-вторыхъ, что Veratrum Tinct. три капли на штофъ чистаго спирта, есть предохранительное вѣрнѣйшее, при которомъ бояться рѣшительно нечего. Этаго сами гомеопаты не знаютъ еще. Пріемъ изъ этого штофа поутру натощакъ три капли въ ложкѣ воды. Не пренебрегай этимъ и сообщи другимъ. Но вотъ тебѣ еще просьба. Лѣчивши болѣе трехъ сотъ человѣкъ въ полной холерѣ съ корчами, я не видалъ почти ни однаго смертнаго случая. Лѣкарство мое полрюмки (десертной или ликёрной) чистаго дегтя и столько же конопляпаго масла. Это останавливаетъ холеру почти мгновенно и производитъ сильный потъ. Случается, но рѣдко, необходимость повторить половинный пріемъ этой же смѣси черезъ восемь часовъ, а еще рѣже черезъ сутки. Не мѣшаетъ положить горчичникъ подъ ложку, и необходимо послѣ прекращенія припадковъ не давать пить ничего холоднаго и сыраго, но варенаго и особенно слегка

[1]) Поэтъ Веневитиновъ.

[2]) Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ.

ароматическаго въ волю; всего лучше сыворотка. Но такъ какъ ея не всегда достанешь, то хорошо проваренный квасъ съ мятой и укропомъ. При этихъ средствахъ я считаю холеру едва ли опаснѣе насморка; по крайней мѣрѣ, таковъ мой опытъ. Добейся этого опыта въ какой нибудь больницѣ при добросовѣстномъ докторѣ и потрудись самъ присутствовать. Я убѣжденъ, что успѣхъ изумитъ васъ всѣхъ. Пожалуста, сдѣлай, и публикуйте потомъ въ газетахъ. Этого требуетъ совѣсть.

Быть можетъ, я въ скоромъ времени прибѣгну къ тебѣ и насчетъ передачи въ Англію извѣстной тебѣ брошюрки; увѣренъ, что ты въ содѣйствіи не откажешь, но покуда она еще у меня застряла въ Москвѣ, а мы застряли въ деревнѣ.

Писать про себя нечего; скажу только, что уже третью деревню степную отпустилъ на договоръ и надѣюсь въ нѣсколько лѣтъ совершенно уничтожить барщину съ выгодою и для себя, и для крестьянъ. Дѣтей учу, играю съ ними, работаю, когда глаза свѣжи, горести воли не даю, а здоровьемъ исправенъ. Скажи пожалуйста поклонъ мой Аполлинѣ Михайловнѣ. Вы меня очень обрадовали заѣздомъ, хоть правду сказать, такимъ короткимъ, какъ будто воровскимъ, а все-таки очень и очень порадовали. Матушка кланяется вамъ. У нея на дняхъ былъ ракъ въ носу, потомъ въ правомъ глазѣ, вчера лопнула жила въ груди; это все при открытой водяной въ головѣ и совершенной слѣпотѣ не мѣшаетъ ей все видѣть и быть очень порядочною въ своемъ здоровьѣ*). Прощай, старый и милый другъ. Твой А. Хомяковъ.

32.

Пользуюсь проѣздомъ Григорья Васильевича Цапова черезъ Москву, чтобы тебѣ послать поклонъ. Онъ мнѣ говоритъ, что онъ къ тебѣ явится, и поэтому я ему поручилъ тебѣ передать эти строки; тѣмъ же случаемъ пользуется и сидящій у меня Х. И. Герке, который значительно постарѣлъ тѣломъ, по сердцемъ все еще молодъ и зеленъ. Благодарю тебя за дружеское

*) А. С. Хомяковъ тревожился о престарѣлой своей матери, когда она не жаловалась на свое здоровье.

слово въ отвѣтъ на письмо мое о Баньковскомъ[1]). Сказалъ бы тебѣ также и даже гораздо сильнѣе объ Г. В. Цаповѣ, но его ты, кажется, и безъ того знаешь. Онъ кончилъ какое-то порученіе въ Орловской губ. и по отзывамъ начальства, повидимому, очень хорошо, за что и награжденъ любезнымъ увольненіемъ отъ служебныхъ трудовъ. Пожалуйста, приставь его къ дѣлу; онъ вѣдь не можетъ наслаждаться otium cum dignitate, слѣдоват. ему дѣло нужно, и онъ при дѣлѣ вездѣ будетъ полезенъ и хорошъ. Я его издавна люблю, а еще и потому, что онъ тебя любитъ и благодаренъ за твои къ нему добрыя отношенія. Когда съ тобой увижусь, Богъ знаетъ. А видѣть тебя у насъ въ Москвѣ или въ Боучаровѣ нѣтъ никакой надежды. Всего досаднѣе, что у насъ дѣти не могутъ дружиться, какъ мы съ тобою; но на все воля судьбы. Скажи, пожалуйста, мой дружескій и низкій поклонъ Аполлинаріи Михайловнѣ, и прощай покуда. Я собираюсь въ деревню и жалѣю о тебѣ, что ты прикованъ къ городу. Нельзя ли бы было предложить указъ, чтобы васъ служащихъ по очереди черезъ годъ высылали изъ Питера на цѣлое лѣто? Это было бы и для васъ лучше, и для насъ всѣхъ.

33.

Не знаю, какъ тебя благодарить, любезный другъ, за твою дружбу, за милый пріемъ моего добродушнаго крестника[2]) и за устройство его въ дѣлѣ служебномъ. Что Богъ дастъ ему впередъ, зависитъ отъ судьбы и отъ него самого; но что первый шагъ по твоей милости онъ могъ сдѣлать такъ неожиданно успѣшно, за это уже конечно можетъ благодарить Бога.

Его отецъ (отличный человѣкъ, но лицо вполнѣ типическое, котораго существованіе Самаринъ долго считалъ миѳомъ), просилъ меня напомнить тебѣ, что такъ какъ онъ ничѣмъ не можетъ тебя благодарить, то по крайней мѣрѣ будетъ молиться за здоровье раба Божіи Алексѣя и чадъ его.

Недавно здѣсь въ Москвѣ встрѣтилъ я человѣка еще не стараго и даже молодаго на видъ, замѣчательнаго объема, свидѣ-

---

1) Въ свойствѣ съ А. С. Хомяковымъ по матери его Маріѣ Алексѣевнѣ, ур. Киреевской.

2) Дмитрій Владимировичъ Хитрово.

тельствующаго какъ я послѣ узналъ о добротности Саратовскихъ хлѣбовъ; лицо что-то знакомое, по спросу кн. Оболенскій, по дальнѣйшему спросу твой двоюродный братъ, котораго я видѣлъ еще ребенкомъ (т. е. онъ, а не я былъ ребенкомъ) у васъ. Не можешь вообразить, какъ мнѣ весело было глядѣть на него, какъ много сейчасъ вспомянулось того и тѣхъ, которыхъ уже давно нѣтъ. Ничто не имѣетъ прелести ранней дружбы; позднѣйшія могутъ быть также крѣпки, но у нихъ всегда не достаетъ какаго-то аромата, который ранняя дружба получаетъ навсегда отъ тѣхъ благоуханныхъ годовъ дѣтства или молодости, въ которые она началась. Какъ бы судьба и жизнь ни раскидывали, а память о друзьяхъ молодости дорога́, и всякое слово объ нихъ дорого. Старше тебя у меня нѣтъ никого, но даже и тѣ, которые моложе, все-таки изъ мысли не выходятъ. Вотъ напр. хоть бы Одоевскій и отшатнулся злодѣй и къ разнымъ нечестивцамъ присталъ, а всякій разъ, какъ кто пріѣдетъ изъ Питера, спросишь: ну что же Одоевскій? Видишь ли тыего? Скажи ему, что здѣсь разсказываютъ, будто онъ выдумалъ какой-то новый органъ, который только тогда и играетъ, когда въ его утробу засадятъ крѣпостнаго человѣка*). Если это правда, то какой страшный анахронизмъ, да еще какой нерасчетъ! Вѣдь при эманципаціи онъ органъ возметъ себѣ по праву: такъ какъ его туда усаживали, онъ объявитъ, что это его усадьба. Ты пишешь про диступъ Погодина: выходитъ, что Петербургская публика осрамилась, да и нашъ Московскій боецъ также не заслужилъ лавровъ. Пріѣхалъ отъ васъ, забился на Дѣвичье поле, да никуда и носа не показываетъ; знать, что не сумѣлъ поддержать честь Москвы. А вѣдь дѣло-то какое было ясное! Просто обидно. Его «Современникъ» осмѣялъ, и по дѣломъ.

Что тебѣ сказать о себѣ? Право нечего. Сижу то въ обществѣ Л. Р. С., то въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, куда меня засадилъ Кошелевъ, путнаго самъ ничего не дѣлаю, а такъ себѣ поживаю и не скучно. Вотъ и все.

За сообщеніе этихъ писемъ мы обязаны благодарностью сыну А. В. Веневитинова, Михаилу Алексѣевичу. *Изд.*

---

*) Это знаменитый Себастіановъ (соединеніе клавикордовъ съ органомъ), по кончинѣ князя Одоевскаго переданный его вдовою Московской Консерваторіи.

ПИСЬМА

КЪ

Николаю Михаиловичу

Языкову.

А. С. Хомяковъ еще юношей познакомился съ поэтомъ Николаемъ Михаиловичемъ Языковымъ (род. 4 Марта 1803. ум. 26 Декабря 1846) въ дружественномъ имъ обоимъ домѣ Елагиныхъ (у которыхъ Языковъ, уже прославившійся своими стихами, жилъ долгое время въ Москвѣ, по возвращеніи своемъ изъ Дерпта).

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ;
Они жрецы единыхъ Музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ.

Оба они выступили на поприще словесности почти одновременно, еще въ царствованіе Александра Павловича.

Лѣтомъ 1836 года они породнились: Хомяковъ женился на младшей сестрѣ Языкова, Екатеринѣ Михаиловнѣ. Нѣкоторыя письма Хомякова къ Языкову появились въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 года; здѣсь они печатаются вполнѣ и сколько ихъ сохранилось.

Къ Н. М. Языкову.

1.

Грустное извѣстіе пришло изъ Петербурга. Пушкинъ стрѣлялся съ какимъ-то Дантесомъ, побочнымъ сыномъ Голландскаго короля. Говорятъ, что оба ранены тяжело, а Пушкинъ, кажется, смертельно. Жалкая репетиція Онѣгина и Ленскаго, жалкій и слишкомъ ранній конецъ. Причины къ дуэли порядочной не было, и вызовъ Пушкина показываетъ, что его бѣдное сердце давно измучилось и что ему хотѣлось рискнуть жизнію, чтобы разомъ отъ нея отдѣлаться или ее возобновить. Его Петербургъ замучилъ всякими мерзостями; самъ же онъ себя чувствовалъ униженнымъ и не имѣлъ ни довольно силы духа, чтобы вырваться изъ униженія, ни довольно подлости, чтобы съ нимъ помириться. Жена вѣроятно причина дуэли; впрочемъ вела себя всегда хорошо.

Бѣдный Пушкинъ! Пожалѣй объ немъ и помни; что если онъ умретъ, такъ тебѣ надобно будетъ вдвое болѣе трудиться. Заочно лобызаетъ тебя твой любящій братъ А. Хомяковъ *).

*) Хомяковъ приписалъ это въ письмѣ жены своей изъ Москвы въ Симбирскъ отъ 1 Февраля 1837 года. „Я чуть не плачу, вспомнивъ о немъ (т. е. о Пушкинѣ). Читали ли вы въ Литер. Приб. повѣсть Веневитинова *Колдунъ?*“, писала брату Екатерина Михаиловна.

2.

Любезный братъ Николай Михаиловичъ.

Ты уже вѣроятно имѣешь о дуэли Пушкина довольно много подробностей, и поэтому разсказывать не стану тебѣ розсказней. Одно, что тебѣ интересно будетъ знать, это итогъ. Пушкина убили непростительная вѣтренность его жены (кажется, только вѣтренность) и гадость общества Петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ твердости въ характерѣ (но этаго отъ него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не можетъ. Онъ отшатнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а присталъ къ людямъ, которые его принимали изъ милости. Тутъ усыпилъ онъ надолго свой даръ высокой и погубилъ жизнь, прежде чѣмъ этотъ даръ проснулся (если ему было суждено проснуться). Государь щедръ и милостивъ къ его семьѣ; этаго я ожидалъ отъ Государя. Посланникъ Голландскій принужденъ оставить Петербургъ, потому что общество все противъ него возстало, а Государь оправдалъ поступки общества. Въ послѣдніе дни жизни Пушкина 25000 человѣкъ приходили и пріѣзжали справляться объ его здоровьѣ. Это все таки утѣшительно. По крайней мѣрѣ гадость общества не безраскаянная. Не умѣли сохранить, но умѣли пожалѣть. Будь здоровъ и не забывай тебѣ преданнаго брата А. Хомякова.

3.

Любезный братъ Николай Михайловичъ.

Поздравь меня! Катенька подарила меня сыномъ Степаномъ. Теперь ему уже шестой день. Родился онъ поутру девятаго числа; мучилась Катенька въ самое время полнаго луннаго затменія. Фактъ поэтическій! Я не могу тебѣ выразить моей радости; но я не сыну радъ, а женѣ. Такихъ тяжелыхъ, такихъ свѣтлыхъ минутъ жизнь уже представить не можетъ.

Зачѣмъ, спросишь ты, медлилъ я отправкой извѣстія? Я думалъ, что ты не ожидаешь еще, чтобы Катенька родила и по-

тому не безпокоишься; и лучше казалось тебя увѣдомить, что она не только родила, но и послѣ родовъ здорова. На четвертый день она была немного испугана стукомъ ширмъ, и опять я отложилъ посылку эстафеты. Но теперь будь покоенъ и радуйся. Оній, который я тотчасъ ей далъ въ два пріема, черезъ три часа одинъ за другимъ, или, что̀ болѣе вѣроятно, милость Божія отвратила всѣ послѣдствія, и она хороша, очень хороша, какъ лучше быть нельзя,—это слова Зейдлера. Дай Богъ, чтобы такъ продлилось. Мальчикъ, кажется, въ вашу семью лицомъ и много уже привычекъ матушки своей: не терпитъ жара, какъ она и пр. и пр. Цвѣтъ глазъ неизвѣстенъ, ростъ крупный, голова пребольшая, цвѣтъ лица рака варенаго.

Катенька тебя цѣлуетъ и поздравляетъ съ наступающимъ праздникомъ. Будь здоровъ тѣломъ и душою. Цѣлую тебя заочно. Тебѣ душевно преданный братъ А. Хомяковъ.

Апрѣля 14 д. (1837).

Мицкевичъ вызвалъ Дантеса на дуэль.

Нельзя ли приложенное къ Прасковьѣ Михайловнѣ *) письмо доставить съ нарочнымъ. Эстафеты въ деревню посылать почтамтъ не берется, а изъ Сызрани кто доставитъ? Пожалуйста сдѣлай это.

4.

(Іюнь 1837).

Любезнѣйшій братъ, Николай Михайловичъ. Пора тебѣ въ деревню, если только у васъ погода такая же, какъ у насъ. Здѣсь дождь и тепло; вешняя, хлѣбная погода, зовущая на вольный воздухъ, въ поля широкія, въ луга муравчатые.

Катенька тебя цѣлуетъ и благодаритъ за письма. Сама писать еще не можетъ, плохо поправляется, съ лихорадочкой еще не раздѣлалась; впрочемъ ты можешь быть на ея счетъ совершенно покойнымъ: она весела, любуется своимъ мальчикомъ и со всевозможною материнскою слѣпотою увѣряетъ, что

*) Бестужевой, ур. Языковой.

онъ очень хорошъ. Она надѣется быть въ Симбирскѣ и въ Репьевкѣ [1]) въ первыхъ дняхъ Іюля. Устрой такъ, чтобы она могла на всѣхъ васъ наглядѣться. Да нельзя ли тебя будетъ увезти? Вчера были крестины Степушки, пиршество, на которомъ возсѣдали тетки, старушки, и снова отличалась оживающая Марья Васильевна [2]); она здоровѣетъ, но все еще имѣетъ черныя мысли. Тебя, безъ твоего согласія, назначили было мы крестнымъ отцемъ, да нельзя: указомъ запрещены отсутствующіе крестные отцы и матери.

Здѣсь были на дняхъ Катенька Мойеръ и Воейковы [3]). Необыкновенно милыя дѣвушки. Весело на нихъ смотрѣть. Разумѣется, рѣчь была объ тебѣ, и разспросовъ куча. Икалось ли тебѣ?

Какова жалкая судьба Пушкина! Убитъ дрянью, и дрянь Полевой въ дрянной Библіотекѣ вызываетъ на какую-то дрянную подписку въ честь покойника. Лучшія мысли оскверняются такими органами. Говорятъ, что иностранныя газеты писали о Пушкинѣ хорошо и много; не знаю, правда ли, а это было бы утѣшительно. Франкфуртскій говорилъ объ немъ скверно, и это весело, какъ ругательство Булгарина и Библіотеки [4]).

Пожалуста, поторопись выслать отпускную Аннушкѣ: женихъ этимъ весьма конфузится.

5.

Изъ письма Е. М. Хомяковой.

12 Апрѣля (1839).

Петръ Васильевичъ [5]) собирается писать къ вамъ много. Онъ милъ до чрезвычайности, всякій разъ какъ мы увидимся, все говоритъ объ васъ. Авдотья Петровна, Ив. В. всѣ помнятъ васъ.

---

[1]) Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, село Репьевка, гдѣ жила старшая сестра Е. М. Хомякова, Прасковья Михаиловна Бестужева.

[2]) Киреевская, одна изъ родственницъ по матери Хомякова.

[3]) Екатерина Ивановна Мойеръ (съ 1846 г. за В. А. Елагинымъ) и три двоюродныя сестры ея, дочери Свѣтланы (Воейковой). Въ стихотвореніяхъ Языкова есть къ ней посланіе.

[4]) См. разслѣдованіе М. А. Веневитинова. „Некрологи Пушкина въ Нѣмецкихъ газетахъ 1837 года.“ Спб. 1900.

[5]) Киреевскій. Далѣе говорится объ его матери и братѣ.

1 Апрѣля день имен. Марьи Вас.[1]) Эта милая семья была надута и обманута нами прекрасно. Вы знаете, какъ они всѣ любятъ мистифировать. Знавши это, мы хотѣли попробовать, не попадутся ли они сами въ сѣти. Написали письмо отъ Чадаева, въ которомъ онъ проситъ М. В. переписать для него одну рукопись имъ написанную, прося позволенія пріѣхать прочитать ее въ 9 часовъ вечера. Они повѣрили, освѣтили домъ и приготовились слушать его дивное твореніе. Въ 9 часовъ вмѣсто Ч. приноситъ человѣкъ бумагу, гдѣ нарисована была рыба. Вообразите ихъ удивленіе!

Приписка А. С. Хомякова.

Любезный братъ Николай Михайловичъ. Твое послѣднее письмо было не совсѣмъ хорошо; но такъ какъ это очевидно слѣдствіе твоей простуды, то я не нахожу причинъ безпокоиться и, заочно не видавъ тебя, говорю тебѣ: бодрись и будешь здоровъ, т. е. совершенно. Катя пишетъ тебѣ объ своей шалости: она отлично обманула всѣхъ Киреев. и Елагиныхъ. Смѣха было вдоволь, особенно потому что въ своемъ письмѣ Чад. говоритъ о своемъ возвращеніи въ лоно Церкви Правосл., и П. В. и прочіе на этомъ уже основали многія надежды на будущее.

Вѣсть очень важная и утѣшительная, которая, кажется, несомнѣнна, но едвали будетъ въ газетахъ: это согласіе епископа Семашки и множества уніатскихъ духовныхъ присоединиться къ Церкви Г. Росс. и принятіе ихъ въ Синодѣ. Эта вѣсть, съ которою можно другъ друга поздравить, истинно радостна. Только смѣшно будетъ, какъ объявятъ о пришествіи этого епископа въ Синодъ. Се Машка идетъ! Даже неприлично и напоминаетъ стихъ Мерзлякова: Бульонъ течетъ во храмъ[2]).

---

[1]) Дочь А. П. Елагиной, сестра братьевъ Киреевскихъ. Почеркъ былъ у нея прекрасный, и много переписывала она для братьевъ и друзей. Полная Библія въ Русскомъ переводѣ Болховскаго архимандрита Макарія (въ то время не дозволяемая къ печати) дважды переписана ея рукою.

[2]) Хомяковъ ошибся: это не Мерзляковъ, а Раичъ въ своемъ переводѣ Освобожденнаго Іерусалима написалъ:

Вскипѣлъ бульонъ,
Течетъ во храмъ.

Кланяйся брату Петру Михайловичу [1]). Что вамъ Нѣмцы нѣсколько докучаютъ, понятно. Есть что-то въ нихъ плоховатое, именно какъ Плещеевъ говаривалъ: Всякій Нѣмецъ по естеству тупъ. Впрочемъ все же лучше сумасбродныхъ Французовъ, хотя эти веселѣй. Омеопатія здѣсь пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе славу и основаніе твердое. Это можешь сказать Ивану Петр. [2]) которому скажи мой поклонъ. Отечественныя Записки порядочнѣе всѣхъ журналовъ, въ нихъ Лермонтовъ написалъ повѣсть превосходную и по содержанію, а по расказу *Бела*. Въ родѣ Марлинск., но лучше. Стиховъ хорошихъ никто не пишетъ. Вяземскій, какъ слышно, написалъ за границей милые стихи на Русскій самоваръ.

Экспедиція издаетъ Юридическіе Акты пространные. Вообрази себѣ, что повидимому грамотность была въ старой Руси гораздо болѣе теперешней распространена и даже гораздо болѣе.

6.

(19 Генв. 1840).

Отечественныя Записки необыкновенно толсты, просто мамонтообразны. Кто захочетъ ихъ перещеголять, тотъ уже будетъ принужденъ издавать фоліанты. За всѣмъ тѣмъ онѣ не дурны, даже сравнительно хороши и обѣщаютъ быть лучшимъ Русскимъ журналомъ. Этому отъ души радуюсь. Спадаютъ, видно, оковы плѣна, наложеннаго Поляками на нашу журналистику. Кажется, однако, Сенковскій понялъ, что соперничества литературнаго онъ не выдержитъ и хочетъ дать ученое направленіе Библіотекѣ. Можно будетъ и ему сказать спасибо. Помнишь ли сказку объ Опричникѣ въ Прибавленіяхъ? Она выпла Лермонтова. На него есть надежды.

7.

20 Мая (1840) Москва.

Я опять погрузился въ тихій сонъ кромѣ того, что получилъ нѣкоторый успѣхъ какъ прозаторъ статьями, читанными на вечерахъ у Киреевскаго. Муза опять раскланялась. Зову,

---

[1]) Старшему брату Е. М. Хомяковой. А. С. Пушкинъ высоко цѣнилъ его.

[2]) Если не ошибаемся, это докторъ Посниковъ, который сопровождалъ Н. М. Языкова въ его путешествіи за границей продолжавшемуся цѣлыя пять лѣтъ (1838—1843).

да не тутъ-то было: улетѣла, вѣроятно убоявшись голода всеобщаго въ Россіи. Впрочемъ другія болѣе храбрыя Музы бодрствуютъ. Каролина К. написала прекрасную балладу, а Милькѣевъ, тебѣ неизвѣстный Сибирякъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ и пишетъ славныя вещи [1]). Жаль, что я ничего наизустъ не помню, а то стоило бы тебѣ сообщить. А вотъ еще жалко: Лермонтовъ отправленъ на Кавказъ за дуэль. Боюсь, не убили бы. Вѣдь пуля дура, а онъ съ истиннымъ талантомъ и какъ поэтъ, и какъ прозаторъ. Когда-то опять тебѣ пошлю свои вирши? Читалъ ли ты V. Hugo, Les ombres? Вздоръ. Онъ плошаетъ. Видно, изсякаетъ источникъ Касталійскій вездѣ: и Англія, и Германія насъ питаютъ жидкостями, точно будто доктора намъ всѣмъ прописали воды. Прочтай, да будутъ оныя тебѣ полезны, и тогда пой насъ хмельной брагой по твоему обычаю безъ примѣси воды негодной.

8.

Письмо Е. М. Хомяковой.

20 Мая, Москва.

Грѣхъ вамъ жаловаться на меня: я не только пишу сама, но и другихъ всѣхъ умоляю писать. Валуева заняли экзамены [2]), а то онъ же будетъ отвѣчать на всѣ вопросы подробно.

Въ Москвѣ все тихо и теперь скучно; всѣ разъѣхались, вечера крикливые прекратились; иногда, но и то рѣдко, студенты или вѣчные жители столицы, профессора даютъ пищу спорамъ. Александръ Ивановичъ Тургеневъ ѣдетъ тоже скоро въ Парижъ, оказавъ услугу Симбирску отставкой губернатора, на мѣсто котораго назначенъ какой-то Мухановъ; говорятъ всѣ, необыкновенно честный.

Вообразите, что въ Тулѣ хлѣбъ продается 6 руб. пудъ. Ужасно! А поля всѣ до сихъ поръ черныя. Алексѣй почти весь доходъ употребилъ на кормленіе крестьянъ.

---

[1]) См. въ 4 томѣ настоящаго изданія посланіе А. С. Хомякова къ Милькѣеву, котораго стихотворенія изданы были особою книжкою.

[2]) Д. А. Валуевъ кончилъ ученіе въ Московскомъ университетѣ въ 1841 году.

Какъ я буду рада, когда услышу, что Гоголь у васъ; онъ васъ такъ любитъ. Вяземскій былъ здѣсь и пробылъ съ мѣсяцъ; онъ что-то не милъ совсѣмъ, какой-то скучный. Какъ сравнить его съ Тургеневымъ! Герке вамъ кланяется; онъ потерялъ свое мѣсто, потому что употреблялъ время не на ученіе дѣтей, а больше забавлялся ходить изъ дома въ домъ. Теперь его взялъ къ себѣ Соймоновъ, но тутъ жалованье небольшое, кажется. Всякой день бываетъ у насъ и дѣлаетъ комплименты маменькѣ.

9.

(1840).

Мнѣ очень жаль тебя, любезный братъ Николай Михайловичъ. Заѣхалъ П. Михайловичъ въ Дрезденъ, да и сидитъ, а ты одинъ въ уголкѣ Нѣмецкой стороны съ товарищемъ-скукою. Вотъ то-то; я тебѣ совѣтовалъ ѣхать въ Парижъ. Теперь никакихъ отговорокъ нѣтъ: тотъ, кто можетъ писать стихи къ Рейну (лучшихъ стиховъ нѣтъ на Р. языкѣ по полнозвучію, силѣ и движенію стиха), тотъ можетъ ѣхать веселиться въ Парижъ. Досаденъ мнѣ П. Михайловичъ. Что ему сидѣть въ Дрезденѣ! Взялъ бы дочерей и ѣхалъ въ Ганау. Пожили бы вмѣстѣ и весело, и хорошо, и не безъ пользы для дѣвицъ, которымъ вѣроятно Ганау доставилъ бы возможность учиться, а родное общество придавало бы или сохраняло эту особенную прелесть женскаго сердца, согрѣтаго семейною жизнью. Я до сихъ поръ изъ дѣтей П. М. видѣлъ только сыновей. Славные малые, избалованные нѣсколько (да это въ мальчикѣ ничего), но очень умные и способные къ успѣхамъ въ ученіи и жизни. Не знаю, по пристрастію ли къ вамъ или по чему другому, Саша мнѣ понравился лучше Васи. Онъ на васъ всѣхъ похожъ, а особенно на тебя. Былъ я съ ними въ Кремлѣ. Кремль сильно подѣйствовалъ на меньшаго; онъ очень радовался, разспрашивалъ и удивилъ меня твердымъ знаніемъ Рус. Исторіи, въ которой онъ нѣсколько разъ поправлялъ старшаго.

П. В. Киреевскій пріѣзжалъ сюда на нѣсколько дней и нынче ѣдетъ назадъ въ деревню. Семенъ (Semen) уговаривалъ его писать, и они сдѣлали уже условіе *). Киреевскій берется

*) Издатель, книгопродавецъ и типографщикъ Августъ Семенъ.

написать Исторію первоначальнаго христіанства до 5-го столѣтія или 4-го. Вѣроятно будетъ вещь славная, если будетъ, т. е. если ему достанетъ терпѣнія. Ты будешь меня бранить: я собираю матеріалы для книги, творенія прозаическаго; впрочемъ вѣроятно сборъ матеріаловъ поведетъ меня такъ далеко, что до книги не доберусь.

10.

Жена посылаетъ тебѣ стихи [1]), мною написанные на дняхъ. На силу собрался. Хорошо бы, коли бы съ легкой руки да началъ я писать побольше и бросилъ наконецъ душеубійственную лѣнь. Что говорятъ добраго нимфы Крейцнаха? Живительны ли ихъ объятія? Видѣлъ я на дняхъ письмо Коппа, который объ тебѣ отзывается очень хорошо, чему всѣ весьма обрадовались. Неужели братъ Петръ Михайловичъ не съѣздитъ въ Парижъ? Стыдно будетъ! Въ его лѣта смѣшно бояться подозрѣній; они на него никакъ пасть не могутъ, а бояться Парижскихъ смутъ тоже нечего. Это глупыя вспышки; а если пустой страхъ помѣшаетъ ему быть въ Парижѣ, то долго и долго будутъ ему сниться *Jardin des Plantes* и *Musée d'Anatomie comparée*, и кабинеты ископаемыхъ и пр. и пр.[2]); а совѣсть будетъ ему твердить упреки. Еще бы лучше вамъ обоимъ вмѣстѣ осенью туда скатать; да гдѣ тебѣ рѣшиться! Авось бы я васъ подзадорилъ и туда, и сюда, и въ Швейцарію, и въ Италію, и во всѣ стороны. Что бы за стихи ты написалъ, и сладкіе, и звонкіе, чудо!

11.

(Москва, 28 Августа 1840 г.).

Что это ты клевещешь на Италію, что тамъ-де тоска и дороговизна? Какъ по Ниццѣ судить объ Италіи? Городъ иностранный, пограничный, чуждый Италіи, не принадлежащій никакой землѣ, а недужнымъ всѣхъ земель. Впрочемъ, хотя я вполнѣ увѣренъ, что ты сотворилъ (позволь сказать) великую глупость, выбравъ жилище зимнее въ Ниццѣ, и пропустилъ

1) „Гордись, тебѣ льстецы сказали".

2) П. М. Языковъ много и успѣшно занимался минералогіей.

славный случай видѣть прекрасный Неаполь и вѣчный Римъ; но теперь едва ли тебѣ дѣйствительно не лучше туда уже не ѣздить, а выбрать мѣстопребываніе въ людствѣ, въ шумѣ и веселости, сирѣчь въ Парижѣ. Избѣгай тоскливыхъ мѣстъ и на одномъ мѣстѣ не закисай. Таковъ совѣтъ Иноземцева. «Пусть онъ ѣздитъ побольше, веселится и радуется на Божій міръ и людскую суету: вотъ ему лекарство». Таковы слова Иноземцева. Зиму въ Парижѣ до Февраля, потомъ Италія до Мая, а потомъ куда Богъ дастъ, на воды или въ святую Русь, черезъ Вѣну и земли Славянскія, или черезъ Грецію и Царьградъ. Да не рѣшишься ты на такой подвигъ: духа не достанетъ.

Наша Москва входитъ въ славу. Сюда явился Гай, возстановитель Славянства Иллирійскаго [1]), и Москва поклонилась ему для его литературныхъ предпріятій двадцатью тысячами. Что дастъ Петербургъ [2]), не знаю; а хорошо дѣлаетъ первопрестольный градъ, когда подумаешь, какой тяжкій [3]) годъ и какъ пусть городъ лѣтомъ. Потомъ пріѣхалъ начальникъ оппозиціи Французской, Mauguin, но былъ недолго. Видѣлъ я его у Кар. Карловны [4]), и онъ сидѣлъ и бесѣдовалъ отъ 7 до 2 час. ночи. Мы ему читали урокъ, какъ-де Русь смирна и благонравна, какъ-де мы всѣхъ любимъ и готовы всегда любить, какъ-де Ляхи-грѣховодники на насъ лгутъ, а сами виноваты. Авось впрокъ пойдетъ ученіе; а какое глубокое невѣжество, этому не повѣришь! Довольно одного примѣра: Mauguin думалъ, что наши цари были Магометане. Каково! И это одно изъ первыхъ лицъ во Франціи и особенный покровитель и заступникъ

---

[1]) Докторъ Гай извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ проводниковъ Австрійской политики. Такъ-называемая Иллирская литература должна была служить Хорватамъ и Сербамъ-католикамъ въ Славоніи, Далмаціи и Босніи. Хорватское нарѣчіе въ Загребѣ и его окрестностяхъ слишкомъ бѣдно, чтобы сдѣлаться языкомъ литературнымъ; поэтому Гай принялъ Сербскій языкъ, но сталъ писать на немъ Латинскими буквами. Чтобы не называть этого языка Сербскимъ, такъ какъ въ этомъ имени Славяне привыкли заключать представленіе о Православіи, Гай придумалъ названіе Иллирскаго языка и Иллирской литературы (Гильфердингъ, т. II, стр. 81).

[2]) Россійская Академія выдала Гаю, успѣвшему войти въ довѣренность къ президенту ея С. С. Уварову (черезъ графа Бенкендорфа), пять тысячъ рублей.

[3]) Вслѣдствіе неурожая: большинство нашего крестьянства ѣло тогда хлѣбъ съ лебедою.

[4]) Павловой.

бѣдныхъ Поляковъ. Надѣюсь, что онъ не совсѣмъ теперь будетъ вѣрить правости ихъ дѣла. Взялъ онъ мою «Россію» въ переводѣ Кар. Карловны. Кажется, ему понравилось. Право хорошо, что Москва начинаетъ привлекать вниманіе. Хоть пользы прямой нѣтъ, да мы по крайней мѣрѣ сами будемъ ее уважать.

Братцу Петру Михаиловичу мой поклонъ. Пожалуста пиши къ Прасковьѣ Михайловнѣ, чтобъ она въ Москву приплыла; а то, право, она, какъ щука въ мелкихъ озерахъ безъ истока, зарастетъ мхомъ. За это сравненіе Катенька ужасно сердится и грозитъ разорвать письмо. Правда, что маленькое путешествіе Пи́кати [1]) въ Казань ей уже принесло пользу, но все это недовольно. Надобно средство посильнѣе, именно Москва, чтобъ ее пѣсколько расшевелить. Вообрази, что мы ѣдемъ въ деревню. Не правда ли, что выбрали самое время [2])?

Приписка Д. А. Валуева.

Уморительно было видѣть, какъ всѣ до одного хотѣли высказаться передъ Могеномъ: другъ другу не даютъ говорить, перебиваютъ, и всѣ были необыкновенно глупы (за исключеніемъ Орлова и Хомякова). Шевыревъ и Павловъ особенно ополячились. Богъ наказалъ за дурацкое самолюбіе. Каролина Карловна тоже было плошины необъятной, съ дурацкими вопросами, кривляньемъ и пр. Съ этимъ согласны и Х., даромъ что друзья.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Вообразите, милые друзья мои, Батюшка и Вессель [3]), что мы завтра, т. е. 29 Августа, ѣдемъ въ деревню: надобно побаловать Алексѣя и дать ему возможность поохотиться. Мнѣ впрочемъ пріятно съѣздить куда нибудь изъ Москвы: Я засы-

---

[1]) Пи́кать—семейное прозвище П. М. Бестужевой.

[2]) Хомяковы оставались въ Москвѣ по случаю рожденія старшей ихъ дочери Маріи Алексѣевны.

[3]) Батюшкою въ семьѣ Языковыхъ звали старшаго брата, Петра Михаловича, а Весселемъ—поэта Николая Михаиловича. Средній братъ Александръ Михаиловичъ (изображенный въ Запискахъ Д. Н. Свербеева) звался Дюкомъ.

дѣлась въ городѣ, пора подышать деревней. Боюсь только для Маши: погода ужасно дурная; но Богъ милосердъ. Недавно мы съ Авдотьей Петровной[1]) были вмѣстѣ у Троицы; она же, не смотря на то что довольно богомольна, кажется, на этотъ разъ больше ходила къ Троицѣ для удовольствія, чѣмъ для Угодника. Они съ мужемъ спорили и слушали другъ друга съ большой жадностію; было превесело. Потомъ я была у нихъ на дачѣ. У Петра Васильевича [2]) недавно залѣзли воры въ сундукъ, гдѣ хранятся пѣсни, но пѣсней никто не взялъ. Алексѣй Андреевичъ Елагинъ пишетъ что у него въ деревнѣ завелись *нечистые* подъ диваномъ, гдѣ онъ сидитъ; они трубятъ въ трубу. Онъ трусъ ужасной. Я его люблю и всегда молюсь за него Богу, чтобъ Онъ обратилъ его, а то А. А. ничему и ни во что не вѣритъ; мнѣ жаль такихъ. Вы что-то совсѣмъ неласково пишете объ моей Машѣ; развѣ вы не рады ей? Смотрите не разлюбите меня! Алексѣю прошу не вѣрить объ Пи́кати: она не щука, ибо щука не читаетъ *Thiers*. Зовите ее ко мнѣ зимою. Какъ вамъ должно быть весело въ чужихъ краяхъ! Кошелева недавно возвратилась, завидно мнѣ. Прощайте покуда, мои милые. Иноземцевъ говоритъ, что онъ покоенъ теперь на счетъ Весселя, потому что у него не болитъ спина. Цѣлую васъ и крещу васъ. Христосъ съ вами всѣми.

12.

20 Сентября (1840), Липицы.

Гдѣ-то ты теперь? Если ты только здоровѣешь, то какъ ты счастливъ! Жалки мы, живущіе теперь въ голодающей Россіи, т. е. въ голодающихъ частяхъ Россіи. Сколько гнусныхъ, грустныхъ, нестерпимыхъ хлопотъ! Если бы еще такой годъ, то хоть бѣжать! Отъ всего отбило, и отъ Музъ, и отъ поэзіи, т. е. я ужъ не вижу поэзіи въ охотѣ и не имѣю охоты къ поэзіи. Что ты не напишешь на перенесеніе тѣла Наполеоновскаго? Иноземцевъ велѣлъ мнѣ тебѣ кланяться. Онъ проситъ тебя, если можно, ему подробно описать себя и теперешнее

---

[1]) Елагиной, ниже говорится о второмъ ея супругѣ Алексѣѣ Андреевичѣ.
[2]) Киреевскаго.

состояніе твоей болѣзни, какъ дѣлается для заочныхъ консультацій. Я доставлю ему.

13.

16 Октября (1840) Липицы.

Я въ деревнѣ теперь уже живу полтора мѣсяца, и, кажется, такой мерзкой погоды не помню съ тѣхъ поръ, какъ началъ что-нибудь помнить. Дожди безпрестанные, до того сильные, что не оставили ни одной мельницы и обратили всѣ поля въ болота непроходимыя. Теперь начался морозъ, а вѣроятно скоро и зима. Хочется писать стихи, да что-то не ладится, а прозу право писать скучно. Ужъ и такъ ей довольно чести, что ею говоришь, а то еще писать ее!.. Тебя тоска береть по Россіи, а жену мою и меня беретъ тоска по чужбинѣ. Хоть сейчасъ поѣхалъ бы туда.

Шевыревъ въ От. З. напечаталъ хорошіе стихи. Читалъ ли ты Лермонтова переводъ изъ Гёте: «Горныя вершины» [1]) и пр.?

14.

3-е Генваря 1841 года. Москва.

Что мнѣ тебѣ сказать, любезный братъ? Приходится сдѣлать тебѣ сильный попрекъ, а вотъ какой именно. Уже мѣсяца три я тебѣ пишу: скажи-де твоими славными стихами что-нибудь о прахѣ Наполеона—а ты ни слова. Пришлось мнѣ написать двѣ пьесы, которыя печатаются въ Москвитянинѣ. Понимаешь! Это въ видѣ упрека маленькое хвастовство, что я-де не бросилъ Музъ. Твой Рейнъ, твои Имянины и всѣ твои послѣдніе стихи такъ хороши, что просто чудо. Слава Коппу [2]), и какъ ни говори, слава сторонамъ Нѣмецкой и Итальянской. Весело, что такая молодость разыгралась опять. Москвитянинъ началъ являться. Первая книжка не хорошо составлена, хотя Шевырева статья славная; но журналистической ухватки нѣтъ. Жуковскій сюда пріѣхалъ. Очень милъ, объ тебѣ говоритъ утѣшительно,

---

[1]) Появились въ 7-й кн. Отечественныхъ Записокъ 1840 года, чѣмъ и опредѣляется годъ этого письма.

[2]) Извѣстному врачу въ Ганау.

и Катенька ему очень рада. Онъ ей весьма нравится, гораздо больше, чѣмъ Вяземскій, къ которому она совсѣмъ несправедлива.

Это письмо есть приписка къ письму Екатерины Михаиловны, которая, посылая брату за границу стихи Алексѣя Степановича: „Бывало, въ глубокій полуночный часъ“ писала:

«Вы, я думаю, не знаете стиховъ мужа, написанныхъ на смерть нашихъ малютокъ. Онъ недавно только рѣшился прочитать ихъ мнѣ, а уже годъ какъ они написаны. Каролина *) падала отъ нихъ въ обморокъ и послѣ нихъ стала крестить Ипполита всякій вечеръ. И. В. Киреевскій говоритъ, что это самые лучшіе стихи Алексѣя Степановича».

15.

Любезный другъ Николай Михайловичъ!

Не совсѣмъ скоро дошло письмо твое до меня; но, прочитавъ оное, я исполнился негодованіемъ. Можно ли пренебрегать Гаштейнскимъ курсомъ изъ того, что срокъ паспортный вышелъ? Во-первыхъ, позволительно ли и сомнѣваться, что тебѣ дадутъ отсрочку, а если бъ не хлопотали даже объ отсрочкѣ, то неужели такъ сейчасъ и приступятъ тебя угнетать и описывать? Будь покоенъ и поступай разумно; а здѣсь многіе за тебя примутся хлопотать: А. И. Тургеневъ, Вяземскій и пр. и пр. Кого хочешь, всѣхъ можно поставить на ноги или хоть съ ногъ сбить хлопотами, если нужно; тѣмъ болѣе, что Луганскій теперь правая рука Перовскаго, а отъ Перовскаго все зависитъ. Поѣзжай въ Гаштейнъ.

Мы здѣсь плохо трудимся. Однако сборники у Валуева печатаются; пѣсни готовятся, и пр. и пр. Я отъ стиховъ отставалъ, прозою дразню профессоровъ, что ты и увидишь въ скоромъ времени. Прощай, будь здоровъ. На нынѣшней почтѣ пишу къ Гоголю. Думаю, кто-нибудь выѣдетъ къ тебѣ навстрѣчу, но еще неизвѣстно кто. Твой А. Хомяковъ.

Апрѣля, 4 д. Москва (1841).

---

*) Каролина Карловна Павлова. Ипполитъ—ея единственный сынъ.

Валуева долго пачкали аллопатіею, теперь лѣчитъ и вылѣчиваетъ гомеопатія.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Побраните мужа за его прозу. Это все вина Валуева: онъ оторвалъ его совсѣмъ отъ поэзіи. Что, видѣли ли они Смирнову? Что говорилъ о ней Н. В. [1])? Влюбленъ или нѣтъ? Да говорятъ не влюбиться нельзя.

16.

Письмо Д. А. Валуева.

(1841).

Сегодня мы проводили Авдотью Петровну въ дальніе заморскіе края. Авось вы съ ней гдѣ-нибудь съѣдитесь, и тогда оживится ваше долгое и скучное сидѣнье; да и не худо было бы, если уже Богъ дастъ, вамъ воротиться съ ними во-свояси: все, я думаю, съ старыми Московскими пріятелями и льготнѣе, и привольнѣе. Я такъ свыкся съ ними, что, какъ проводилъ ихъ, невольно осталось необыкновенное чувство пустоты и безуютности; а всего поѣхали на три мѣсяца. Впрочемъ отъ осени жду многихъ великихъ и богатыхъ милостей, и васъ, и ихъ, и многое, многое. Тогда, дастъ Богъ, всякая пустота пополнится, а все дурное замретъ и сотрется. Говорятъ (да и вы говорите), что рифмы ваши и прочіе необходимые покровы человѣческаго, слѣд. и вашего, тѣла требуютъ приращенія и пополненій: вѣсть самая пріятная и усладительная. Наши духовныя, литерарныя и прочія приращенія тоже идутъ добрымъ порядкомъ. Сологубъ выдалъ томъ повѣстей, Лермонтовъ пишетъ стихи со дня на день лучше (надѣемся выслать послѣдніе, чудные), Гоголь пишетъ. Ал. Ст. работаетъ, И. В. Кир. приготовляетъ большое сочиненіе (Ист. Церкви). Москвитянинъ идетъ въ гору и дѣйствительно становится какимъ-то, хотя и юродивымъ, проявленіемъ Русскаго толка и смысла. Одинъ пресловутый Петръ В. [2]) пока ни пру ни ну; впрочемъ авось устыдится.

---

[1]) Гоголь.

[2]) Петръ Васильевичъ Киреевскій.

Печатаются Записки Моск. юриста; тоже вещь будетъ очень хорошая. Здѣсь теперь покуда одна Матильда Еремѣвна Демидова*); на дняхъ начнутся веселья и празднества, и та въ восторгѣ и обожаньи Москвы.

Что же это вы хотѣли мнѣ отвѣтить, да и замолкли? Или отъ того, что я довольно безсовѣстно хотѣлъ поймать васъ за слово? Дѣло въ томъ, что одинъ-одинехонекъ, ни съ чѣмъ не совладаешь, да и полагаться на себя одного трудно.

Прощайте будьте здоровы, крѣпки духомъ и тѣломъ.

Весь вашъ Д. В.

17.

Жена вѣроятно пишетъ тебѣ обо всѣхъ дѣлахъ и вѣяніяхъ общества. Прибавлю, что мы съ нею были вчера въ Б. Собраніи, гдѣ она могла разсмотрѣть Царя, Цесаревича и Цесаревну. Возвратилась она очень довольная и веселая. Ей удалось какъ нельзя лучше всѣхъ видѣть.

Въ Москвитянинѣ былъ разборъ Лермонтова Шевыревымъ, и разборъ несовсѣмъ пріятный, по моему нѣсколько несправедливый; Лермонтовъ отмстилъ очень благоразумно: далъ въ Москвитянинъ славную пьесу, споръ *Шата съ Казбекомъ*, стихи прекрасные. Между нами буди сказано, Лермонтовъ сдѣлалъ неловкость: онъ написалъ на смерть Наполеона стихи, и стихи слабые; а еще хуже то, что онъ въ нихъ слабѣе моего сказалъ то, что было сказано мною. Это неловкость, за которую сердятся на него Лермонтисты. Другому бы я этого не сказалъ, потому что похоже на хвастовство; но ты примешь мои слова какъ они есть, за безпристрастное замѣчаніе. Лермонтовъ такъ вообще хорошъ, что на него досадно, когда онъ остается ниже себя. Вотъ образчикъ пьесы еще не напечатанной.

Не хвались еще заранѣ,
Молвилъ старый Шатъ:
Тамъ на Сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ.

*

*) Племянница Наполеона.

Отъ Алтая до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки.

*

Гнутся бѣлые султаны
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.

*

Боевые батальоны
Мѣрно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ.

*

Сотни пушекъ мѣрнымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
Зажжены какъ передъ боемъ
Фитили горятъ.

*

И испытанный годами
Въ бурѣ боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой и пр. пр. *)

Не правда ли, что живо и хорошо? Есть другая его пьеса, гдѣ онъ стихомъ нѣсколько сбивается на тебя. Не знаю, будетъ ли напечатано. Стихъ въ ней пышнѣе и полнозвучнѣе обыкновеннаго.

18.

Изъ письма Е. М. Хомяковой.

Гоголь въ восторгѣ отъ вашихъ стиховъ «Посланіе къ Павловой»; выучилъ ихъ наизустъ. Онъ проситъ васъ написать ему въ Вѣну. Когда вы будете въ Ганау, онъ непремѣнно пріѣдетъ туда; онъ любитъ васъ ужасно и говоритъ всегда съ большимъ восхищеніемъ объ васъ, такъ какъ объ Италіи. Я люблю Гоголя; онъ очень добрый и любитъ сестеръ, заботится объ нихъ. Это все дѣлаетъ честь ему. Теперь онъ очень радъ, что помѣстилъ одну у препочтенной и богомольной дамы, ста-

*) Стихи эти появились въ 6-й кн. „Москвитянина“ 1841 года. Хомяковъ приводитъ ихъ съ памяти, и потому не вполнѣ вѣрно.

рой Раевской; она сосѣдка наша въ Богучаровѣ, и я собираюсь познакомиться съ ней. Всѣ здѣсь нападаютъ на Гоголя, говоря, что, слушая его разговоръ, нельзя предполагать въ немъ чего-нибудь необыкновеннаго, Иванъ Васильевичъ Киреевскій, что съ нимъ почти говорить нельзя: до того онъ пустъ. Я сержусь за это ужасно. У нихъ кто не кричитъ, тотъ и глупъ. Тургеневъ [1]) здѣсь попрежнему у ногъ Кат. Алек. Свербеевой; онъ очень забавенъ, разсказываетъ анекдоты, хотя немного неприличные, но пресмѣшные. Вяземскій мнѣ не нравится, какъ-то скученъ; онъ, говорятъ, не былъ такой; читалъ и оживился, читая стихи ваши „Къ морю“. Каролина Павловна отвѣчаетъ вамъ стихами; ждите посланія длиннаго; надняхъ она читала прекрасную балладу свою Старуха. Павловъ передъ ней теряетъ; она уничтожаетъ его. Скоро стихи ея будутъ читать больше его повѣстей. Онъ, кажется, этого боится, разсердился на Киреевскаго, когда тотъ сказалъ ему, что онъ слишкомъ подражаетъ Бальзаку. Авдотья Петровна была очень рада вашему письму. Она уже переѣхала на дачу къ Симонову, и сегодня Воскресенье [2]) ея отсутствіе изъ Москвы очень чувствительно. Слышали ли вы, что Сологубъ женится на графинѣ Вьельгорской; вѣроятно самъ будетъ при дворѣ. Она лѣтъ 16 и хороша, какъ кто бы? Какъ ангелъ. Когда-то вы, Вессель? Подумаете съ возвратомъ въ Россію и объ судьбѣ своей.

Какъ сержусь я на васъ, Вессель, что вы прислали 8 чудныхъ пьесъ Шевыреву, а намъ ничего. Это право, право безсовѣстно поступать такъ, и съ кѣмъ же? Съ родной сестрой! Прошу прислать ихъ скорѣе, а то разсержусь. Мужъ для вечеровъ Киреевскаго написалъ двѣ статьи, которыя произвели большой шумъ и крикъ. Тург. послалъ ихъ въ Парижъ.

---

[1]) Александръ Ивановичъ.

[2]) У А. П. Елагиной обыкновенно собирались друзья и знакомые по Воскресеньямъ.

19.

1-е Іюля, Богучарово (1841).

Любезный братъ, Николай Михайловичъ. Посылаю тебѣ остатки твоего капитала. Находится у меня еще билетъ твой въ 8000 р.; но онъ Петербургскій, и по немъ получать въ Москвѣ нельзя. Если тебѣ онъ потребуется, то увѣдомь, чтобы можно было сдѣлать переводъ на Петербургъ. Дѣло довольно медленное въ нашей весьма некоммерческой Руси, а если отдать его въ Москвѣ банкиру, то вычтетъ чертовскій дисконтъ. Что тебѣ сказать о себѣ? Въ деревнѣ хлопотъ много, а теперь бездна потому, что собираемся святить церковь. Литературныя мои занятія (т. е. проза, а не стихи, тѣ сами по себѣ дремлютъ) отъ этого страдаютъ, да и глаза что-то болятъ. Между прочимъ скажу тебѣ новость такую невѣроятную, что если бы она не была совершенно достовѣрная, я бъ не смѣлъ даже объ ней и слова вымолвить. Я нашелъ Славянскую надпись, т. е. *четыре* надписи... Какого времени? 6-го или 7-го вѣка *до* Р. Х. *) Что скажешь? Нѣмцы попадаютъ въ обморокъ. Если есть у васъ ученые въ Ганау, то скажи имъ это, не какъ сомнительный фактъ, но вѣрный и ясно доказанный. Это открытіе важнѣе (ибо 8-ю или 9-ю вѣками древнѣе) Паннонской надписи, руновъ Палацкаго на Чернобогѣ и пр. и пр. А что скажешь о Латинской надписи 2-го вѣка? *Deo Augusto Berontonti*, т. е. *Beroni tonanti*. Вотъ куда зашелъ Перунъ! Что-то твое послѣднее письмо не отзывается здоровьемъ. Выздоравливай и крѣпчай. У меня чудесъ историческихъ пропасть. Никто еще не знаетъ, что это за Славяне, которыхъ мы потомки. Я за поясъ заткнулъ Шишкова и Костенецкаго. Прощай, будь здоровъ. Братцу П. Мих. мой дружескій поклонъ. Я такъ своему открытію радъ, что боюсь, не во второй ли разъ къ тебѣ объ немъ пишу. Переворотъ въ Исторіи!

Отыскано нѣсколько сочиненій Климента, ученика Кирилловскаго, и проповѣдь Иларіона Кіевскаго при Ярославлѣ. Недурная старинка!

---

*) Рѣчь идетъ о Ликейскихъ надписяхъ. Сравни т. V-й, стр. 304 и слѣд.

20.

Липицы, 18 Сентября.

Любезный братъ Николай Михайловичъ.

Твое послѣднее письмо наполнено какою-то болѣзненною тоскою; отъ скуки ли или отъ того, что ты здоровьемъ опять разстроенъ? Дай Богъ, чтобы только отъ скуки. На нее лѣкарство простое: Римъ или Парижъ, или какой бы то ни было городъ многолюдный и веселый по своимъ художественнымъ богатствамъ. Если можно, не засиживайся въ Ганау: онъ тебѣ столько же вреденъ, сколько Коппъ полезенъ; а кажется мнѣ, Италія должна бы тебѣ принести величайшую пользу. Съѣзди на Югъ. Теплый климатъ, согрѣвающій тѣло, и красота формъ, согрѣвающихъ душу, новость предметовъ, беззаботность, общество Гоголя, все это докончитъ начатое лѣкарствами Коппа. Мельгуновъ явно собою доказываетъ цѣлительную силу Италіи.

Слышалъ ли ты или не слыхалъ, что я выступилъ въ журналахъ какъ юристъ по случаю указа о сельскихъ условіяхъ?[1]) Многи возсташа на мя, но многіе и за меня. Татариновъ написалъ на меня возраженіе, которое имѣло великій успѣхъ, но которое дѣйствительно очень слабо. Буду отвѣчать. Какъ эта борьба, такъ и хлопоты по предметамъ историческимъ совершенно отпугнули Музу; а впрочемъ я и безъ того теперь былъ бы не стихотворецъ, ибо наступила осень, и охота за зайцами вытѣснила бы во всякомъ случаѣ охоту за риѳмами. Прощай, будь здоровъ. Твой А. Хомяковъ.

21.

Липицы [2]), 16 Октября (1841).

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Тульской деревни случилось весьма смѣшное происшествіе, которое описать слѣдуетъ въ поучительную память потомству. Была у нѣкоего Михайла Ѳед. Голикова собака борзая, рѣзвости, красоты и силы баснословной. Я ее торговалъ, но цѣна ея 1000 р. показалась мнѣ

---

[1]) См. въ III-мъ томѣ, стр. 62 и слѣд. Двѣ статьи Хомякова о сельскихъ условіяхъ появились въ 6 и 8 книгахъ „Москвитянина“ 1842 года.

[2]) Смоленское имѣніе А. С. Хомякова, Сычевскаго уѣзда, нынѣ принадлежащее младшему его сыну Николаю Алексѣевичу. — На письмахъ Хомякова рѣдко выставлялись года, и они здѣсь расположены гадательно.

слишкомъ великою. Собака состарѣлась, перестала скакать; просили 800 р., опять я отказался. Голиковъ умеръ; я пресловутую собаку, сѣрую, огромную, великолѣпнѣйшую, какую когда-либо видѣлъ, купилъ за 40 р. Но собака, не привыкши еще къ моимъ людямъ, воспользовалась ихъ оплошностью и отправилась прямикомъ на свою родину. Въ тоже время *барсъ* или иной звѣрь, ушедшій изъ звѣринца, перерапилъ или съѣлъ множество народа подъ Тулою. Награда въ 400 р. была обѣщана тому, кто его убьетъ. Собаку приняли за барса и убили. Губернаторъ князь Голицынъ, человѣкъ рѣшительный, военный, послалъ немедленно чиновника съ тройкою за убитымъ звѣремъ и велѣлъ привезти его къ себѣ *прямо, гдѣ бы онъ ни былъ*. Чиновникъ, исполняя порученіе, привезъ къ губернатору въ домъ. Губернаторъ былъ въ соборѣ на молебствіи по случаю царскаго дня. Ревностный чиновникъ везетъ собаку къ собору. Народъ, не дослушавъ молебствія, высыпалъ изъ собора, оглядѣлъ убитаго звѣря и рѣшилъ, что это—*Французскій волкъ*. Послѣ молебствія выступили изъ собора всѣ власти въ орденахъ и лентахъ съ приличною важностью. Осмотрѣли звѣря, спросили мнѣнія докторовъ. Докторъ Геслеръ, мужъ ученый, осмотрѣлъ и *рѣшилъ*, что это *Американская гіена*. Два дня вся Тула ходила смотрѣть на чудовище, и всѣ власти торжествовали побѣду; на третій день кучеръ мой пришелъ также посмотрѣть и объявилъ, что это-де борзая собака барина, по кличкѣ *Туманъ*. Его хотѣли посадить на съѣзжую за то, что разстраиваетъ радость народную. Вотъ главныя черты, и сколько было смѣшныхъ подробностей, нельзя вообразить. Бывали когда собачьи похороны такія торжественныя?

Приписка Д. А. Валуева.

(1842).

Каковы стихи Хомякова, которые вамъ посылаемъ теперь *). Это уже Наполеонъ третій. Первый былъ не такъ хорошъ и былъ весьма дурно принятъ всѣмъ домомъ Елагиныхъ; это раздосадовало Ал. Ст., и онъ написалъ двѣ славныхъ пьесы. Таже судьба постигла и Москвитянина. 2 № былъ уже лучше, а 3-й

*) „Небо ясно, тихо море“, „Когда мы разрыли могилу вождя“ и „Не сила народовъ тебя подняла“.

рѣшительно хорошъ. Алексѣй Андреевичъ [1]) говоритъ, что для того, чтобъ заставить Русскаго человѣка сдѣлать что-нибудь порядочное, надо сперва разбить ему рожу въ кровь. Только Погодинъ наживаетъ себѣ непріятности за свою нелѣпость. Жуковскій обѣдалъ у Черткова: обѣдъ, послѣ котораго онъ просилъ Авд. Петр. что нибудь поѣсть; а Погодинъ напечаталъ, что Жуковскаго закормили; описаніе обѣда, разговоровъ присутствующихъ, въ томъ числѣ помѣстилъ и Свербеева. Свербеевъ написалъ ему формальное письмо съ просьбою впередъ не дѣлать. Пошли споры, объясненія, извиненія и т. д. Жуковскій тоже просилъ оставить его въ покоѣ: отъ друзей не убережешься. Глинка напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, что Хомяковъ Московскій соловей. Дм. Никол. [2]) говоритъ, что пожалуй его вздумаютъ назвать дроздомъ или цаплей. Жуковскій уѣхалъ вчера отъ насъ: стремится къ своей невѣстѣ. Дай Богъ ему счастія и не обмануться въ надеждѣ. Мы каждый вечеръ ему играли шарады, и были удачныя. Я бывалъ лягушкой и солнцемъ, а разъ для 1-го Марта [3]) вздумали приготовить заранѣе со стихами и проч. Сочиняли Хом., Крюковъ и др., и не удалось; я же покрылся совершеннымъ стыдомъ: вышелъ, не договорилъ куплетовъ и скрылся.

22.

Изъ письма Е. М. Хомяковой.

1 Апрѣля (1842).

Здѣсь славный живописецъ, и я съ супругомъ снимаемъ наши портреты.

Митя Валуевъ опять нездоровъ; видно, рано выѣхалъ на вечера, сдѣлалась лихорадка, его долго лѣчилъ мужъ гомеопатіей, но не могъ помочь, теперь принялся за хину. Хорошо бы ему было съѣздить въ чужіе края, но врядъ ли онъ рѣшится. Гоголь третьяго дни приходилъ обѣдать къ намъ. Я очень люблю

---

[1]) Елагинъ.

[2]) Свербеевъ.

[3]) День именинъ Авдотьи Петровны Елагиной, въ домѣ у которой жилъ Валуевъ передъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ сряду, будучи по университету товарищемъ ея сына Василья Алексѣевича Елагина.

его; онъ не такъ глубокъ, какъ другіе, и поэтому съ нимъ гораздо веселѣе. Онъ познакомился даже и съ Машенькой. Онъ все не хорошо себя чувствуетъ: у него пухнутъ ноги. Крѣпко собирается къ вамъ и говоритъ, что будетъ счастливъ, когда сядетъ въ карету и уѣдетъ изъ Москвы. Повѣсть его въ Москвитянинѣ чудесная [1]). Какъ вы достали себѣ Москвитянина? Скоро, то-есть, дни черезъ два ѣдетъ въ чужіе краи Поповъ; онъ обѣщаетъ непремѣнно заѣхать къ вамъ, гдѣ бы вы ни были. Теперь у насъ все концерты, но скоро надобно приготовляться къ говѣнью. Вечера наши все продолжаются; прерывались только не на долго, по случаю смерти Орлова [2]) Кто бы могъ ожидать, что онъ такъ скоро отправится? Онъ, казалось, былъ желѣзнаго здоровья.

Жаль что васъ нѣтъ здѣсь теперь, а то бы мы поѣхали вмѣстѣ на дамскій базаръ для бѣдныхъ. Каждая красавица беретъ на себя роль купца, на три дни, дѣлаетъ лавку въ собраніи и продаетъ въ тридорога всякую дрянь. Я хотѣла взять столъ [3]) и продавать, но мужъ не пустилъ. Не правда ли, это съ его стороны тиранство? Попросите его смилостивиться и пустить меня взять въ ротъ сигару.

Приписка А. С. Хомякова.

Какова выдумка моей жены? Курить сигару. Не правда ли къ лицу ей? Истая Амазонка! Я обѣщаю ей дать позволеніе тогда, когда она нѣсколько подобрѣетъ или, по ихъ нарѣчію, перестанетъ быть интересною. Впрочемъ братъ Петръ М. совершенно правъ былъ, сказавъ, что Катенька нѣсколько поправилась. Эта перемѣна произошла нынѣшнею зимой. Недавно былъ у насъ смѣхъ великій. Есть здѣсь юноша Аксаковъ, сынъ вашего Симбирскаго Сергѣя Тим.[4]) Онъ же и литераторъ, и патріотъ, особенно Москвичъ, и страстный поклонникъ Пушкина. Есть здѣсь вицъ-губернаторъ Новосильцовъ, по прозвищу Щелкунъ. Встрѣтившись съ Акс., Новос. счелъ необходимымъ го-

---

[1]) Это повѣсть—„Римъ“.

[2]) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ скончался 14 Марта 1842 года.

[3]) Лавки называются столами. Е. Х.

[4]) Константинъ Сергѣевичъ.

ворить о литературѣ. Акс. назвалъ Пушкина. Новос. очень важно сказалъ: «У меня на него свой взглядъ и совсѣмъ особенное мнѣніе». Акс.: «Какое же?» Нов.: «Онъ прекрасенъ, но не превосходенъ». Акс. сталъ горячиться, доказывать совершенство Пушкина и спросилъ, что же именно въ Пушкинѣ не нравится Нов.,-Нов. отвѣчалъ, что Пушкинъ не возвышенъ. Акс. сталъ цитовать Пророка, Поэта и пр.; наконецъ, думая, поразить противника, сказалъ стихи: «И внемлетъ арфѣ Серафима въ священномъ ужасѣ поэтъ». Нов. помолчалъ и, подумавъ, важно сказалъ: «Прекрасно, но не превосходно».

Мы печатаемъ разныя книги старо-Русскія и дѣлаемъ годовую складчину по 300 рубл. сер. Братъ Александръ Мих. тутъ съ нами. Петръ Вас. завѣдываетъ дѣломъ. Не будешь ли ты въ этомъ дѣлѣ?

23.

*При посылкѣ стиховъ К. К. Павловой**).

(1842).

Каково оперилась барыня! Чудо, да и только. Ея дѣятельность радуетъ насъ, и только то досадно, что какъ ни верти,

---

*) Стихи, посланные Н. М. Языкову въ чужіе края, напечатаны въ собраніи стихотвореній К. К. Павловой, изданныхъ въ Москвѣ въ 1863 году (О. Ѳ. Кошелевой, подъ наблюденіемъ профессора И. Д. Бѣляева), на стр. 7, 40 и 41; гдѣ они обозначены одни Октябремъ 1840, а другіе Іюнемъ 1842 года. Опущены были въ печати слѣдующія три строфы:

Средь дѣяній земнаго
Мигъ торжественный слетятъ;
Думы въ образъ, мысли въ слово
Животворно облачитъ

*

И минутъ тѣхъ вдохновенье
Принесу тому я въ даръ,
Кто въ покорность и въ терпѣнье
Обратилъ мой праздный жаръ.

*

Кто меня крутой дорогой
Бытія вести умѣлъ
И душѣ съ любовью строгой
Указалъ благой удѣлъ.

а все-такй она выходитъ Нѣмка. Она кромѣ лирическихъ пьесъ пишетъ маленькую поэму. Барыни, собравшись на балъ, разсказываютъ свою исторію другъ другу. Задача, какъ ты видишь, не легка и исполняется прекрасно. Въ стихѣ, при истинной поэзіи, сохранена легкость и непринужденность свѣтскаго женскаго разговора, и это сдѣлано съ такимъ искусствомъ, отъ котораго часто не отказался бы Пушкинъ[1]).—Что это отъ тебя такъ давно ни слуха, ни духа? Насъ за тебя встревожили извѣстія, писанныя тобою въ Симбирскъ, и мы ждемъ съ нетерпѣніемъ письма отъ тебя, чтобы вѣрить имъ или не вѣрить. Дай Богъ, чтобъ это было только минутное облачко!

Что-то у васъ въ Римѣ? А у насъ зимы просто не бывало. Вообрази себѣ, что въ Январѣ вся погода простояла въ 2 гр. тепла, что многія рѣки разошлись, что поля безъ снѣга и что наконецъ въ старомъ градѣ Ольги зазеленѣли поля и почки на деревьяхъ стали наливать. Теперь подпало было снѣга, но опять идетъ дождь. Прощай любезный братъ; будь здоровъ и веселъ. А. Х.

24.

21 Мая, Москва (1843).

Ты уже теперь, любезный братъ, Николай Михайловичъ, вѣроятно въ своей Гастунѣ? Получилъ ли ты отъ П. Михайловича наставленіе, какъ поступить съ твоей отсрочкой? Если нѣтъ, то вотъ тебѣ краткое наставленіе. Нужно свидѣтельство доктора о болѣзни. На это у тебя Коппъ. Нужно подтвержденіе свидѣтельства отъ любой миссіи, большой или малой. Ихъ у насъ въ Германіи сколько душѣ угодно, и отказа быть не можетъ. Потомъ эти бумаги пошли въ Питеръ съ просительнымъ письмомъ Перовскому и съ увѣдомленіемъ Вяземскаго или Даля[2]), что бумаги посланы, и все тутъ. Выходитъ все дѣло въ одномъ какомъ-нибудь письмѣ. Сдѣлай это. Хочешь ли домой или нѣтъ, а не мѣшаетъ взять предосторожности для большей

[1]) Говорится о повѣсти К. К. Павловой (въ стихахъ и въ прозѣ): „Двойная Жизнь“.

[2]) В. И. Даль (писавшій подъ псевдомимомъ казака Луганскаго), тогда директоръ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго.

свободы; но все это дѣлай безъ хлопотъ и не воображая затрудненій. Гоголю скажи мой поклонъ. Говорятъ, онъ много подвинулся въ М. Душахъ и читалъ великой княгинѣ. Правда ли? Если правда, то радостная. Будь здоровъ. Твой А. Хомяковъ.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Митя Валуевъ, не смотря на мои немощи, замучилъ меня переводами для Дѣтской Библіотеки. Записки по три въ день пишетъ ко мнѣ и все спрашиваетъ, сижу ли я и пишу.

Недавно здѣсь былъ дня на два Соллогубъ; онъ сталъ толстый, толстый. Желалъ познакомиться со всѣми лит. людьми, составляющими наше общество; мужъ собиралъ ихъ у себя, подводилъ и рекомендовалъ ему всѣхъ. Потомъ Соллогубъ читалъ свою повѣсть; говорятъ, славная; я не могла дождаться чтенія, потому что оно началось въ 3 часа ночи послѣ ужина и продолжалось до 5; въ 6 утра только всѣ разошлись. Здѣсь на прошлой недѣлѣ былъ Рубини; Москва сухо и безъ восклицанія приняла его. Нашли по большей части всѣ, что поетъ нехорошо. Въ томъ числѣ и Дмитрій Ник. Свербеевъ. Въ первый концертъ было 3,500 человѣкъ, а во второй только одна тысяча. Мнѣ понравилось, и мужъ былъ въ восторгѣ.

25.

(Изъ деревни въ Москву, 1845).

Я уже тебѣ писалъ о Валуевѣ; мой совѣтъ ему — Крымъ, Крымъ и Крымъ. Это лучше, ближе и вѣрнѣе, чѣмъ чужіе края; тамъ же есть и доктора искусные, особенно братъ Арендта, котораго очень хвалятъ, который знаетъ отлично свойства климата и соединяетъ благороднѣйшую душу съ великимъ искусствомъ. Какъ-то вы рѣшите на общемъ совѣтѣ? Если въ Италію, то я очень радъ буду знать, что Поповъ ѣдетъ съ Валуевымъ. Всего же болѣе желаю скорѣйшаго рѣшенія.

Ты пишешь мнѣ о лишнихъ экземплярахъ моей статьи, а какой не знаю. Впрочемъ все равно: оставь покуда у себя. Павлову скажи, что я виноватъ, но не совсѣмъ. Просто не сложу стиха, хоть убей. Видно, стихъ не пришелъ. Для Альманаха постараюсь что-нибудь сдѣлать.

Ты пишешь мнѣ о страшной рѣзнѣ и о побѣдѣ на Кавказѣ. Вѣроятно это было при взятіи Дарго; но я получилъ другое извѣстіе, весьма непріятное. Послѣ взятія крѣпости Воронцовъ далъ себя запереть въ лѣсахъ Ицхеріи и понесъ ужасный уронъ. Три генерала, Викторовъ, Пассекъ и фонъ-Фокъ, убиты; множество полковниковъ, между прочими Бибиковъ, бездна офицеровъ легли на мѣстѣ. Дѣло, говорятъ, плачевное. Меня это бѣситъ и огорчаетъ. Узнай пожалуста черезъ Ермолова, если можно, что̀ было? Газеты вѣроятно этаго не протрубятъ. Видно, Русскіе генералы лучше Русскихъ лордовъ. Ужъ коли лорда, такъ выписать бы настоящаго, хоть напр. Элленбору. Признаюсь, я боялся этаго пораженія по медленности движеній Воронцова. Въ горахъ надобно быть молніей, а не Австрійцемъ.

Похлопочи объ Валуевѣ; толкай, гони, не давай покоя, выживай его поскорѣе, но, право, держись Крыма. Валуевъ не только до́рогъ, но нуженъ. Онъ менѣе всѣхъ говоритъ, онъ почти одинъ дѣлаетъ, и будь онъ здоровъ, такъ то̀ ли бы онъ сдѣлалъ! Если Богъ его сохранитъ, много будетъ пользы отъ его жизни, и имя его помянется съ похвалою и благодарностью. Я его люблю какъ сына.

26.

(Осень 1845).

Когда-нибудь Гоголь подслушаетъ насъ или прочтетъ наши письма и вклеитъ въ комедь; да и по дѣломъ! Я бы сталъ писать, да дѣла мѣшаютъ; а ты? Мнѣ здоровье мѣшаетъ. Вотъ дѣла̀ устрою или желудокъ вылѣчу и примусь писать; право примусь, ей-ей примусь. Да что́ это въ самомъ дѣлѣ? Неужели думаютъ, что у насъ запасъ вдохновенія, какъ у старыхъ шутниковъ запасъ анекдотовъ и заученыхъ остротъ, весь израсходовался? и пр. и пр. Полно храбриться и мнѣ попрекать, и себя обманывать обѣщаніями. Станемъ лучше передъ собою и совѣстью и, ударяя себя въ грудь, возопіимъ: согрѣшили, беззаконновали и пр. Въ тебѣ какъ-то мало покаянія, и отъ этаго на тебя мало, на меня болѣе, надежды. Впрочемъ, я такъ давно каюсь, что право думаю (или, кажется, это мысль Павлова), что я къ покаянію привыкъ и радъ продолжать грѣхъ, чтобы

не отвыкать отъ этаго христіанскаго и смиреннаго сокрушенія сердечнаго. Какъ бы то ни было, а я радъ, что ты хоть на зиму будешь Москвичемъ. Не вѣрю я твоимъ дѣламъ, или лучше сказать не вѣрю, чтобы ты письменно не могъ ихъ обдѣлать, но увѣренъ, что тебѣ Москва непремѣнно полезна, что тебѣ въ ней легче выздоровѣть, легче писать и даже забраться въ теплый край, за сине море, если потребуетъ твое здоровье.

Что бы вмѣстѣ? Впрочемъ это покуда мечта, и самая несбыточная для меня; но, можетъ быть, тѣмъ легче сбудется, такъ какъ я уже часто замѣчалъ. Сестра твоя все какъ-то не такъ, не совсѣмъ и дурно. Для меня она совѣсть. Это хорошо: можетъ быть, я исправлюсь; но плохо то, что для себя она настоящее раскаяніе, которому и сонъ немилъ, и пища противна. Отъ этаго она непремѣнно похудѣетъ. Еще другая забота: Катенька такъ терзается желаніемъ стиховъ, что у меня душа не на мѣстѣ. Ну какъ дочь! Вѣдь будетъ или Зинаидой В. или Каролиной [1]).

Прощай. Цѣлую тебя заочно и надѣюсь, что насъ скоро зима сблизитъ. Я тотчасъ явлюсь въ Москву по первому снѣгу.

27.

Жена моя немножко стала оправляться. Ее сильно поразилъ этотъ ударъ; онъ и мнѣ не легче, да у меня нервы-то покрѣпче. Теперь она говѣетъ, и это, разумѣется, ее успокоитъ. Какая тяжелая потеря для всѣхъ насъ, для нашего дѣла, а особенно для Катеньки и меня! Я такъ съ нимъ сжился душою, что съ трудомъ понимаю, какъ мнѣ быть безъ него. Такія потери могутъ просто отучить отъ жизни, и зачѣмъ это Иноземцевъ посылалъ ужъ его? И леченіе было постыдное, и отправленіе постыдное. Я писалъ къ Своехотову [2]) и Панову,

---

[1]) Княгиня Волконская и Каролина Карловна Павлова, ур. Яниш.

[2]) Михаилъ Гавриловичъ Своехотовъ приглашенъ былъ сопровождать Валуева въ его предсмертную поѣздку и довезъ его до Новгорода, гдѣ Валуевъ скончался 23 Ноября 1845 года (погребенъ въ Москвѣ въ Даниловомъ монастырѣ, близъ Венелина. Черезъ 15 лѣтъ по близости отъ нихъ легъ и А. С. Хомяковъ). Своехотовъ (род. въ 1820, ум. въ 1870 годахъ) былъ очень своеобразный человѣкъ, самоучка-живописецъ, стихотворецъ, врачъ-гомеопатъ и нерѣдко весьма ядовитый острословъ. А. С. Хомяковъ любилъ его.

чтобы, если можно, перевезти его въ Москву въ Ваганьково подлѣ Крюкова или въ Даниловскій монастырь подлѣ Венелина. Мнѣ это было бы отраднымъ. Какъ много я ему обязанъ, какъ много онъ охранялъ меня отъ лѣни и праздности! Его жизнь и дружба были мнѣ Божіимъ благодѣяніемъ, а и онъ меня любилъ какою-то любовью полубратскою, полусыновнею. Какъ грустно и тяжело вспомнить, что онъ былъ!

Догадаемся ли мы пользоваться примѣромъ, даннымъ имъ, самоотверженія, дѣятельности и обще-полезныхъ стремленій? Какъ много бы еще сдѣлалъ онъ, если бы пожилъ! Память его съ похвалою.

Д. 4 д. 1845.

28.

20 Іюня, Богучарово (1846).

Самаринъ (т. е. С. младшій), котораго я просилъ взять съ собою въ Нѣмецію Греческую рукопись о Православной вѣрѣ, согласился на это порученіе и на трудъ отдать ее въ печать[1]). Поповъ зналъ про это и хотѣлъ рукопись оставить въ Москвѣ; но онъ уѣхалъ и оставилъ ли ее, не знаю. Не оставилъ ли онъ ее тебѣ или Коссовичу? Пожалуйста, увѣдомь поскорѣе. Такъ же увѣдомь, если знаешь, какъ, т. е. куда писать къ Попову. Можетъ быть, онъ успѣетъ оплошность свою исправить. Жена моя и дѣти всѣ хороши, я здоровъ и на дняхъ сажусь за окончательную статью, которую хочу обдѣлать порядкомъ и ею кончить свою журналистскую дѣятельность.

Сборникъ[2]) идетъ въ П. съ успѣхомъ; но моя статья возбуждаетъ въ обществѣ великое негодованіе: ее всѣ называютъ *дерзкою*. На здоровье: пусть глядятся въ зеркало на свою фигуру. Авось Богъ поможетъ сказать имъ поболѣе въ послѣдней статьѣ. Будь здоровъ. Твой А. Хомяковъ.

Жаль мнѣ Петра Михайловича, хоть онъ и можетъ перенести свой убытокъ. Не досталось ли на орѣхи тебѣ и намъ?

---

[1]) Рѣчь идетъ о рукописи „Церковь одна“ (см. II-й томъ настоящаго изданія). Для нея составлены были предисловіе и введеніе, нынѣ утраченныя.

[2]) Т. е. первый Московскій Сборникъ 1846 года, со статьею Хомякова „Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ“ (см. I-й томъ настоящаго изданія).

Вѣроятно весь хлѣбъ шелъ однимъ транспортомъ; да не знаешь ли, отчего это Балдовъ[1]) не отвѣчаетъ мнѣ ни слова на письмо? Когда будешь къ нему писать, спроси.

29.

Мы всѣ къ вамъ собирались въ Москву; но женѣ жаль было разстаться съ деревнею, и она откладывала со дня на день; наконецъ объявила, что ей ѣхать почти нельзя и послѣ такаго объявленія послала за барыней, которой предшественницы упоминаются съ большою похвалою во время плѣненія Израиля въ Египтѣ, и съ ея помощію произвела вчера въ ночь на свѣтъ очень любезную дѣвицу. Имя новорожденной оставалося сомнительнымъ. Хотѣлось бы назвать по имени любезной сестрицы; но да помилуй, какъ же назвать Прасковьей? Всякая женщина, не названная Прасковьей, рада радехонька этому неназванію, точно такъ, какъ извѣстно, что всякій мужчина, не знающій по-гречески, радъ радехонекъ своему незнанію. Поэтому рѣшились на ближайшее средство (замѣть, что это мое предположеніе) назвать дочь Софіей. Затѣмъ прощай; цѣлую тебя.

Окт. 7 д. (1846, Богучарово).

Если Петръ Александровичъ[2]) еще въ Москвѣ, то обними его за меня; покажи письмо и проси извиненія за неуважительный отзывъ объ имени его супруги. Жена, слава Богу, хороша.

Письма къ А. М. Языкову.

1.

Любезный братъ Александръ Михайловичъ!

Великая потеря понесена нами, и едвали кому-нибудь она чувствительнѣе, чѣмъ вамъ, по особенной любви, соединявшей васъ съ покойнымъ братомъ. Одно можетъ вамъ служить хоть нѣсколько утѣшительнымъ воспоминаніемъ, то, что вы видѣли его незадолго до его кончины и своимъ пріѣздомъ принесли ему истинную радость. Задолго до вашего пріѣзда онъ утѣшался мыслію объ немъ и говорилъ мнѣ во время моей поѣздки въ

[1]) Этотъ Балдовъ управлялъ имѣніями Языковыхъ.

[2]) Бестужевъ.

Москву нѣсколько разъ о томъ, какъ онъ ждетъ васъ и какъ ему пріятно обѣщаніе ваше пріѣхать къ нему. Ничто кромѣ болѣзни Катеньки не могло бы меня удержать или лучше сказать насъ удержать въ то время въ деревнѣ и заставить насъ отказаться отъ нѣсколькихъ дней, которые мы могли бы провести вмѣстѣ. Но Богу угодно было иначе. Жена моя была еще очень слаба, а теперь, только что она начала поправляться, ударъ, поразившій ее, опять ее разстроилъ: кашель, хотя не очень сильный, продолжается, и послѣ обѣда у нея легкая лихорадка. Впрочемъ ей становится получше, и Богъ дастъ, гомеопатія и время поправятъ ее. Петръ Михайловичъ доставилъ намъ великое удовольствіе, пріѣхавъ къ намъ на два дня.

Нынче онъ опять отправился въ Москву.

Въ братцѣ Николаѣ Михайловичѣ общество понесло великую потерю, еслибъ оно только умѣло ее понимать. Для насъ эта потеря невыразимая. Гдѣ найдется такое рѣдкое соединеніе блистательнѣйшаго и художественнаго дара съ чуднымъ сердцемъ, съ кротостію и нѣжностью нрава, съ способностью любить своихъ ближнихъ и быть для нихъ всегдашнею отрадою? Богъ ему далъ слишкомъ короткую жизнь; но неожиданная его смерть, неожиданная для всѣхъ, была имъ предвидѣна, и она была тиха и встрѣчена имъ въ духѣ покорности и мира христіанскаго. Дайте, пожалуйста, о себѣ вѣсть: каковы-то вы? Это насъ много успокоитъ. Вашъ отъ всей души А. Хомяковъ.

Янв. 11 д. (1847. Богучарово).

2.

23-го Апрѣля 1852.

Простите меня, любезный братецъ Александръ Михайловичъ, въ моемъ долгомъ молчаніи на ваше письмо. Я еще весь какъ-то разбитъ во всемъ, въ занятіяхъ, во времени, въ мысляхъ. Старый ладъ конченъ, а новый никакъ еще не хочетъ устроиваться. Не то, чтобы я себѣ волю давалъ или баловалъ себя; нѣтъ, я и строго себя муштрую, да изъ этого какъ-то все ничего не выходитъ. На желаніе князя Черкасскаго*) узнать о мо-

*) Князя Петра Дмитріевича, Симбирскаго губернатора.

ихъ зимнихъ дорогахъ спѣшить отвѣтомъ было не для чего, ибо приложеніе или испытаніе были уже невозможны. Правило, на которомъ они основаны, состоитъ въ томъ, что имъ не должно давать портиться, а что испорченное поправлять уже трудно: вы видите, что это правило почти общее для всего, начиная съ воспитанія и т. д. и т. д. Поэтому дорогу устраиваю я съ перваго снѣга, былъ бы онъ хоть въ вершокъ глубины. Начала слѣдующія: снѣга отгребать не должно, ибо онъ составляетъ самый матеріалъ дороги (этимъ отвергается Шведскій треугольникъ). Все достоинство дороги зависитъ отъ уплотненія нижняго слоя (поэтому всякое замедленіе въ прокатываніи съ начала зимы уже невознаградимо); снѣгъ никогда не ложится ровно даже при погодѣ, почти совсѣмъ тихой (поэтому нужно разрыхлять его и равнять прежде уплотненія, это объясняетъ неудачу опытовъ съ катками). Вслѣдствіе этихъ правилъ, первымъ орудіемъ для зимнихъ дорогъ полагаю я борону, захватывающую всю ширину полосы, которую назначено обдѣлать. Эту ширину кладу я въ сажень. Борона идетъ отдѣльно или привязывается впереди указывающаго снаряда между нимъ и лошадьми. Снарядъ же весь состоитъ изъ саженнаго довольно тяжелаго катка садоваго, который придавливаетъ и сжимаетъ снѣгъ, разгрыхленный и уровненный бороною. Но такъ какъ при большихъ снѣжныхъ навалкахъ (за разъ слишкомъ на три вершка), катокъ заваливается въ снѣгу и уже катиться не можетъ, а идетъ въ упоръ и, наконецъ, останавливается отъ изнуренія лошадей, то для этихъ случаевъ сдѣланъ у меня утюгъ. Позади бороны прикрѣпляется снарядъ, составленный изъ трехъ паръ простыхъ самыхъ полозьевъ, связанныхъ между собою. Груда ихъ обивается лубкомъ до половины полозьевъ и сверхъ того листовымъ нетолстымъ желѣзомъ. Вся ширина утюга тоже сажень. На хвостъ накладывается тотъ же катокъ, и черезъ такое устройство получается наклонная плоскость, спереди легкая и тяжелая сзади, которая идетъ почти безъ сопротивленія, сжимая разровненный снѣгъ и приготовляя возможность катку дѣйствовать на другой день уже всею своею тяжестью. Если навалка продолжается нѣсколько дней, то утюгъ долженъ проходить по дорогѣ всякій день до конца ея. Одного прохода въ день достаточно; но за то ни одного дня пропускать не должно,

какая бы ни была погода: ухабецъ трехъ-дневный уже упрямъ и не разбивается бороною. Смотря по ширинѣ дороги, саженный снарядъ дѣлаетъ два, четыре или шесть концовъ, чтобы захватить ее всю. Добрая тройка (т. е. овсяная, хоть и не возная) легко справляется съ этой работою и проходитъ въ день отъ 36 до 42-хъ верстъ, т. е. 18 верстъ двухъ-саженной, 9 верстъ четырехъ-саженной или отъ 6 до 7-ми верстъ шести-саженной дороги. Дѣло, какъ видите, очень просто, а за полный успѣхъ я совершенно отвѣчаю.

Вотъ любезный братецъ, все, что я могу сказать объ этомъ дѣлѣ. У насъ же новаго довольно. Вышелъ Сборникъ и, кажется, имъ можно похвастаться. Довольно соченъ. Вышли записки С. Т. Аксакова объ охотѣ, и едва ли въ отношеніи языка было у насъ что нибудь подобное. Эта книга настольная для литератора. Что о себѣ сказать? Маша у меня выздоровѣла; дѣти здоровы, а я такъ глупъ, что безпрестанно спрашиваю у себя и готовъ спрашивать у всѣхъ: «неужели ея вправду нѣтъ?» Прощайте, будьте здоровы. Вашъ А. Хомяковъ.

3.

(1854).

Объ васъ дурные слухи, любезный братецъ Александръ Михайловичъ: и не здоровы вы, и хандрите. Это слова не мои, а Дмитрія Николаевича Свербеева. Должно быть, и хандрите-то вы отъ нездоровья. Такъ какъ наша любезная Наталья Алексѣевна *) сказала мнѣ главный симптомъ вашей болѣзни, то я присовѣтую вамъ и лѣкарство. Просто березовый уголь съ сахаромъ во 2-мъ гомеопатическомъ дѣленіи, которое вы сами и сдѣлаете, а принимать три дня сряду, и два дня перемежки. Перемежку увеличивать по мѣрѣ улучшенія въ здоровьѣ. Сдѣлайте это. А хандрить вамъ просто не приходится. Если вы ужъ будете хандрить, то кому же улыбаться и быть бодрымъ? Что же мнѣ-то дѣлать, который охотно и очень охотно, не торгуясь, отдалъ бы все, что имѣю теперь или впереди, за годъ одинъ того, что потерялъ? Мы живемъ въ тяжелое и испыты-

*) Супруга А. М. Языкова, урожд. Наумова.

вающее время. Дѣло большое на границѣ, дѣло большое дома. Вопросъ Бибиковской больше и важнѣе вопроса Царьградскаго. Двѣ партіи: одна хочетъ коснѣть въ прошлой мерзости, другая хочетъ ее поправить новою глупостью. Голоса добрыхъ и разумныхъ людей не слыхать. Кому стыдно? Добрымъ и разумнымъ. Отзовитесь! Надобно куда слѣдуетъ направить отовсюду настоящую мятель протестовъ и противъ прошедшаго, и противъ новаго. Кто лучше васъ можетъ это сдѣлать изъ Симбирска? Вы желаете свободы для крестьянъ, но вы человѣкъ практическій, а не утопистъ. Разбирите инвентарь въ его нелѣпости и предложите хоть проектъ мѣстнаго разрѣшенія. Многіе уже за это берутся; между прочимъ и Д. Н. [1]), который впрочемъ объ этомъ секретничаетъ. Не выводите меня ему. Подбейте еще кого знаете въ Симбирскѣ, но не медлите. Я сегодня слышу, что по этому вопросу въ Петербургѣ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника. Тамъ очень будутъ рады доброму слову. Самъ я не пишу по причинамъ, весьма понятнымъ; но мысль моя и желаніе передадутся. Инвентарь доставятъ вамъ или Наталья Алексѣевна или Д. Н. Достать можно.

Я опять взялся за стихи. Прилагаю слѣдующіе, которыя имѣютъ успѣхъ и вамъ будутъ интересны [2]).

Я послалъ ихъ въ П-гъ. Какъ вы думаете, признаютъ ли ихъ патріотическими и меня патріотомъ своего отечества?

А вѣдь надобно было правду сказать. Прощайте любезный братецъ. Будьте здоровы и будьте бодры. Это нужно всѣмъ и каждому: всякій человѣкъ на это званъ и посланъ. Прощайте.

Вашъ А. Хомяковъ.

---

[1]) Свербеевъ.

[2]) Приложено стихотвореніе: „Тебя призвалъ на брань святую“.

ПИСЬМА

КЪ

Александру Ивановичу

Кошелеву.

Достопамятный общественный дѣятель, агрономъ и финансистъ, ревнитель Русскаго просвѣщенія, Александръ Ивановичъ Кошелевъ род. 6 Мая 1806 года, скончался 12 Ноября 1883. Приводимъ (изъ „Русскаго Архива“ 1879 годъ, кн. III-й) собственныя его воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ. Изъ единомышленныхъ сверстниковъ Хомякова одинъ Кошелевъ пережилъ его. Это обстоятельство даетъ особенное значеніе его воспоминаніямъ, усугубляемое тѣсною дружбою ихъ соединившею. *Изд.*

Воспоминанія А. И. Кошелева о Хомяковѣ.

Первое мое знакомство съ А. С. Хомяковымъ было въ 1823 году, въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ. Короче другъ съ другомъ мы сошлись въ Петербургѣ, въ Мартѣ 1827 года, во время предсмертной болѣзни Дмитрія Веневитинова. Братъ Хомякова Ѳедоръ ухаживалъ за больнымъ, какъ нѣжнѣйшая мать или сестра; а насъ (своего брата Алексѣя и меня) онъ почти не впускалъ къ больному, находя, что мы очень неловки и только его тревожили своимъ уходомъ. Во время этихъ нѣсколькихъ сутокъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, въ третьей комнатѣ отъ больнаго, среди тревогъ и страховъ, мы много толковали и спорили о философіи вообще и о Шеллингѣ въ особенности, о Христіанствѣ и о другихъ жизненныхъ вопросахъ, и вслѣдствіе того очень сблизились. Затѣмъ, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, съ 1827-го по 1831-й годъ, А. С. Хомяковъ часто живалъ тамъ, и тогда почти ежедневно мы видѣлись или у князя Одоевскаго, или у К. А. Карамзиной, или другъ у друга. Хомяковъ всегда былъ строгимъ и глубоковѣрующимъ Православнымъ Христіаниномъ, а я—заклятымъ Шеллингистомъ, и у насъ были споры безконечные. Никогда не забуду одного спора, окончившагося самымъ комическимъ образомъ. Проводили мы вечеръ у князя Одоевскаго, спорили втроемъ о конечности и безконечности міра, и незамѣтно бесѣда наша продлилась до трехъ часовъ ночи. Тогда хозяинъ дома намъ напомнилъ, что уже поздно и что лучше продолжить споръ у него же на слѣдующій день. Мы встали, начали сходить съ лѣстницы, продолжая споръ; сѣли на дрожки и все-таки его не прерывали. Я завезъ Хомякова на его квартиру; онъ слѣзъ, я оставался на дрожкахъ, а споръ шелъ своимъ чередомъ. Вдругъ какая-то Нѣмка, жившая надъ воротами, у которыхъ мы стали, открываетъ форточку въ своемъ окнѣ и довольно громко говоритъ: Mein Gott und Herr, was ist denn dass? *). Мы расхохотались, и тѣмъ окончился нашъ споръ.

Въ Петербургѣ, у князя Одоевскаго, мы часто встрѣчали профессора Велланскаго, графа М. Ю. Віельгорскаго и другихъ умныхъ и ученыхъ людей. Въ нашихъ бесѣдахъ принималъ живое участіе пріѣхавшій изъ Москвы нашъ пріятель В. П. Титовъ. Вечера и обѣды у князя Одоевскаго все болѣе и болѣе скрѣпляли нашу дружбу и сильно содѣйствовали къ нашему умственному и нравственному развитію. У К. А. Карамзиной мы видали часто Блудова, Жуковскаго, П. А. Муханова и другихъ; а изъ женщинъ особенно насъ очаровывала и красотою, и умомъ дѣвица Россетъ, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Н. М. Смирнова. Хомякову она внушила стихи: „Иностранкѣ“;

*) Боже мой, Господи, что же это такое?

но когда она ихъ узнала отъ П. А. Муханова, то осталась ими очень недовольною и нѣкоторое время относилась къ Хомякову весьма холодно. Въ Карамзинской гостиной предметомъ разговоровъ были не философскіе предметы, но и не Петербургскія пустыя сплетни и росказни. Литературы, Русская и иностранныя, важныя событія у насъ и въ Европѣ, особенно дѣйствія тогдашнихъ великихъ государственныхъ людей Англіи Каннинга и Гускиссона, составляли всего чаще содержаніе нашихъ оживленныхъ бесѣдъ. Эти вечера, продолжавшіеся до позднихъ часовъ ночи, освѣжали и питали наши души и умы, что въ тогдашней Петербургской душной атмосферѣ было для насъ особенно полезно. Хозяйка дома умѣла всегда направлять разговоры на предметы интересные.

Такъ прожили мы до Іюня 1831 года, когда я, больной, отправился за границу. Свидѣлся я опять съ Хомяковымъ въ Москвѣ, въ началѣ 1833 года. Съ этого времени мы зимою постоянно живали въ Москвѣ, очень часто видались, и у него, и у меня, и особенно у И. В. Кирѣевскаго. Послѣдній жилъ у Красныхъ воротъ съ своею матерью, А. П. Елагиною, которую мы всѣ горячо любили и глубоко уважали. Тутъ бывали нескончаемые разговоры и споры, начинавшіеся вечеромъ и кончавшіеся въ 3, 4, даже въ 5 и 6-мъ часу ночи или утра. Тутъ вырабатывалось и развивалось то направленіе Православно-Русское, котораго душою и главнымъ двигателемъ былъ Хомяковъ.

Многіе изъ насъ въ началѣ были ярыми Западниками, и Хомяковъ почти одинъ отстаивалъ необходимость для каждаго народа самобытнаго развитія, значеніе вѣры въ человѣческомъ душевномъ и нравственномъ быту и превосходство нашей Церкви надъ ученіями Католичества и Протестантства. Впослѣдствіи большинство изъ насъ перешло, по искреннему убѣжденію, къ этому направленію; но нѣкоторые изъ нашихъ пріятелей и собесѣдниковъ остались при своихъ съ Запада полученныхъ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ и прозвали насъ Славянофилами, хотя расположеніе и любовь къ Славянамъ никогда не составляли самаго существеннаго основанія нашихъ убѣжденій.

Въ нашихъ бесѣдахъ читались разныя статьи, которыя, за строгостью и безсмысленностью цензуры, не могли быть переданы печати. Хотя вѣра и философія были преимущественными предметами этихъ бесѣдъ, однако часто возбуждались и политическіе вопросы, и въ особенности вопросъ о прекращеніи крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей. Насчетъ способовъ и времени совершенія этой реформы были между нами разногласія: Кирѣевскіе, какъ Иванъ, такъ и Петръ, опасались радикальныхъ и спѣшныхъ по сему предмету мѣръ; а Хомяковъ и я мы крѣпко отстаивали полное освобожденіе крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи. Но всѣ мы были согласны въ томъ, что крестьяне должны быть надѣлены землею, и что птичья свобода для крестьянъ была бы не добромъ, а величайшимъ бѣдствіемъ, не шагомъ впередъ, а страшнымъ шагомъ назадъ. Бытъ народа Русскаго и его воззрѣнія, какъ вѣроисповѣдныя, такъ и общественныя, были самою любимою темою нашихъ разговоровъ. На вечерахъ у Елагиной, Кирѣевскихъ, Свербѣевыхъ и у насъ бывали Чаадаевъ, Герценъ, Грановскій и другіе сторонники противныхъ мнѣній. Явились туда также молодые люди: К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, Поповъ, Валуевъ, В. Елагинъ и другіе, которые не замедлили вполнѣ присоединиться къ Православно-Русскому

направленію и подчиниться благому вліянію Хомякова. Эти вечера много принесли пользы, какъ лицамъ въ нихъ участвовавшимъ, развивая и уясняя ихъ убѣжденія, такъ и самому дѣлу, т. е. выработкѣ тѣхъ двухъ направленій, такъ-называемыхъ Славянофильскаго и Западнаго, которыя ярко выказались въ нашей литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Такъ протекли многіе годы, и только война съ Турціею, въ союзѣ почти со всею Европою, своими тяжкими ударами нѣсколько измѣнила характеръ этихъ бесѣдъ. Уже не Церковь съ своими догматами и учрежденіями, не Философія Нѣмецкая, не община съ своими обычаями и установленіями, занимали насъ преимущественно. Грозныя событія 1854 и 1855 годовъ приковали къ себѣ все наше вниманіе. Мы всѣ чувствовали, что бѣдствія, которыя испытывала Россія, ею вполнѣ заслужены, и по этому поводу Хомяковъ съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ о томъ, что безнаказанно нельзя ни стѣснять и подавлять духъ человѣческій, ни допускать его стѣсненіе и подавленіе. Вскорѣ начавшееся новое царствованіе подало намъ надежды на лучшее будущее. Утомленные гнетомъ только окончившагося тридцатилѣтняго царствованія, мы радостно собрались у меня вечеромъ въ самый день присяги Государю, весело выпили за его здоровье и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось великое дѣло освобожденія крестьянъ, и Русскій человѣкъ могъ ожить умомъ и духомъ.

Вскорѣ послѣ того мы задумали издавать журналъ, но препятствій къ тому оказалось много. Въ сотрудникахъ, и весьма даровитыхъ, у насъ не было недостатка; но многіе изъ нихъ, Хомяковъ, И. Киреевскій, К. Аксаковъ и нѣкоторые другіе были подъ цензурною опалою, т. е. всѣ ихъ статьи должны были цензуроваться не въ Москвѣ, а исключительно въ Петербургѣ. Такое распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе статей, ими представленныхъ къ напечатанію во 2-й книгѣ Московскаго Сборника. Я былъ нѣсколько разъ у попечителя университета В. И. Назимова, ѣздилъ въ Петербургъ къ А. С. Норову, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія (въ то время цензура еще не была передана въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ); отправлялся туда и Хомяковъ. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и разнаго рода разъясненій, особенно при горячемъ содѣйствіи В. И. Назимова, я получилъ разрѣшеніе издавать журналъ подъ именемъ „Русская Бесѣда“. Съ особеннымъ жаромъ посвятилъ себя этому изданію А. С. Хомяковъ и вѣрно исполнилъ данное имъ мнѣ слово: не отказываться ни отъ какой работы, которую я, какъ издатель и редакторъ, на него наложу. Въ Бесѣдѣ онъ напечаталъ много стихотвореній и статей; послѣднія появлялись то съ подписью его имени, то отъ имени Бесѣды. Онѣ всѣ вошли въ I-й томъ полнаго собранія его сочиненій, напечатаннаго въ Москвѣ. Къ удовлетворительному ходу Русской Бесѣды особенно много содѣйствовалъ Хомяковъ не только помѣщеніемъ въ ней своихъ сочиненій, но и тѣмъ, что онъ умиротворялъ возникавшія въ средѣ ея сотрудниковъ разногласія. Всѣхъ требовательнѣе и настойчивѣе былъ К. Аксаковъ, и тутъ мнѣ не разъ случалось обращаться къ Хомякову, для укрощенія порывовъ его исключительности. Впрочемъ, дѣло шло у насъ ладно, и въ теченіи пяти лѣтъ не было напечатано въ Русской Бесѣдѣ ни одной статьи, которая бы возбудила неудовольствіе кого-либо изъ сотрудниковъ.

Не могу не упомянуть объ одномъ случаѣ, бывшемъ при изданіи Бесѣды и окончившемся особенно счастливо, по милости Хомякова. Напечатана была въ 1858 году статья „Возрожденіе Болгаръ“, гдѣ Греко-Фанаріоты выставлены были въ настоящемъ ихъ видѣ, и гдѣ обстоятельно описывалось угнетеніе Болгаръ Цареградскимъ патріархатомъ. Эта статья, пропущенная цензурою, вызвала замѣчанія тогдашняго об.-прокурора Св. Синода, графа Александра Петровича Толстаго, и въ Цензурномъ Комитетѣ получена была бумага, которою требовалось отъ редакціи Русской Бесѣды разъясненія и дѣлались ей разныя внушенія. Я тотчасъ же отправилъ эту бумагу въ копіи по эстафетѣ въ деревню къ Хомякову, который черезъ два дня доставилъ мнѣ великолѣпный отвѣтъ на всѣ предъявленныя мнѣ замѣчанія и внушенія. Я велѣлъ этотъ отвѣтъ переписать, подписалъ и отправилъ его въ Цензурный Комитетъ. Отвѣтъ былъ таковъ, что уже болѣе мы не получали никакихъ замѣчаній и внушеній, хотя и продолжали писать и печатать статьи въ томъ же смыслѣ. Прилагаю ниже этотъ отвѣтъ [1]).

Опубликованіе Высочайшаго рескрипта на имя Виленскаго генералъ-губернатора несказанно обрадовало Хомякова, и онъ всею душею предался разъясненію въ бесѣдахъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Онъ слѣдилъ съ самымъ живымъ участіемъ за ходомъ этаго дѣла, какъ въ Губернскихъ Комитетахъ, такъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ, учрежденныхъ въ Петербургѣ. Онъ вообще не одобрялъ дѣйствій ни тѣхъ, ни другихъ, находя, что первые руководствовались узкими сословными интересами, а вторые не обращали надлежащаго вниманія на требованія въ этомъ дѣлѣ народнаго духа и быта. Онъ особенно не одобрялъ предположеній, касавшихся переходнаго девятилѣтняго положенія для крестьянъ, устройства волостнаго суда и управленія, и тѣхъ статей, которыя, по его мнѣнію, подкапывали Русскую общину. Это свое неодобреніе переходнаго состоянія и свои мысли на счетъ выкупа онъ ясно и рѣзко высказалъ въ письмѣ къ І. Я. Ростовцову. Въ этомъ письмѣ, коего черновой подлинникъ сохранился въ бумагахъ покойнаго, онъ пространно и обстоятельно доказывалъ несостоятельность девятилѣтняго переходнаго положенія и необходимость одновременнаго обязательнаго выкупа [2]). Самъ онъ не дожилъ до окончательнаго рѣшенія этого дѣла. Онъ скончался отъ холеры 23 Сентября 1860 года, въ своей деревнѣ, въ с. Ивановскомъ, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

Имѣвъ счастіе много лѣтъ пользоваться дружбою А. С. Хомякова и быть съ нимъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, я могу сказать, что въ моей жизни мнѣ не случилось встрѣтить человѣка болѣе постояннаго въ своихъ

---

[1]) Онъ напечатанъ въ III-мъ томѣ настоящаго изданія сочиненій А. С. Хомякова, стр. 455. *Изд.*

[2]) Письмо къ графу Ростовцову о способѣ увольненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщено въ III-мъ томѣ настоящаго изданія, стр. 291 и слѣд. Оно написано въ этомъ 1859 г. по просьбѣ графа Блудова, и до такой степени замѣчательно, что графъ І. Я. Ростовцевъ, какъ мы слышали отъ лицъ къ нему близкихъ, выражалъ намѣреніе пригласить Хомякова къ участію въ трудахъ редакціонныхъ комиссій; но приглашеніе это почему-то не состоялось. *Изд.*

убѣжденіяхъ и въ сношеніяхъ съ людьми. Я зналъ Хомякова 37 лѣтъ, и основныя его убѣжденія 1823 года остались тѣже и въ 1860 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ нельзя было упрекать его въ косности. Напротивъ, онъ постоянно шелъ впередъ въ развитіи своихъ мыслей, тщательно всматривался въ событія и сопровождавшія ихъ обстоятельства, угадывалъ очень удачно ихъ внутренній смыслъ и соображалъ свои мнѣнія съ ихъ требованіями. Многіе упрекали его въ любви къ софизмамъ и спорамъ и увѣряли, что онъ противорѣчилъ часто самъ себѣ, защищая сегодня то, что онъ опровергалъ наканунѣ. Такой упрекъ показываетъ лишь одно, что люди, позволявшіе его себѣ, не вникали въ глубокій смыслъ его словъ. Дѣйствительно, онъ иногда какъ будто противорѣчилъ себѣ: такъ, въ бесѣдѣ съ иными людьми, онъ словно отдѣлялся отъ Православной Церкви, нападая на нѣкоторые ея обряды, на ея служителей и на подчиненное ея положеніе гражданской власти, и дозволяя себѣ все это даже осмѣивать; въ бесѣдѣ же съ другими лицами, онъ крѣпко отстаивалъ необходимость соблюденія церковныхъ обрядовъ и строго порицалъ тѣхъ, которые самовольно, или изъ пренебреженія, или изъ личной гордости, позволяли себѣ становиться выше Церкви и не исполнять ея установленій. Въ такихъ его рѣчахъ было только видимое, а вовсе не дѣйствительное противорѣчіе. Для Хомякова дороже всего была жизнь, правда, какъ въ Церкви, такъ и въ человѣкѣ. Когда онъ видѣлъ передъ собою людей, для которыхъ обрядность составляла суть Церкви, то считалъ долгомъ разить эту обрядность; когда же, напротивъ того, онъ встрѣчалъ людей, которые, соглашаясь съ главными догматами Церкви, съ ея идеальною стороною, считали обряды принадлежностью толпы, а не развитой части исповѣдниковъ, то онъ защищалъ обряды, будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что мы, какъ люди, должны имѣть и опредѣленныя, осязательныя формы для выраженія нашихъ чувствъ и убѣжденій, что мы обязаны дорожить связью съ народомъ, отнюдь себя изъ него не исключать и быть съ нимъ въ возможно-полномъ единствѣ. Онъ былъ душою преданъ свободѣ, всегда имѣлъ ее въ виду и крѣпко за нее ратовалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отстаивалъ самодержавіе. Многимъ казались такія его рѣчи софизмами; а между тѣмъ тутъ, въ его понятіяхъ, не было ничего противорѣчащаго. Хомяковъ пуще всего ненавидѣлъ ложь, а именно такою представлялась ему всякая Западно-Европейская конституція, переложенная на нашу почву. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что система противувѣсовъ (système des contre-poids), господствующая на Западѣ, была произведеніемъ ложнаго, внѣшними обстоятельствами обусловленнаго развитія тамошняго просвѣщенія и тамошней жизни; что она совершенно непримѣнима къ Россіи; что у насъ должна быть иная, болѣе полная, болѣе человѣчная свобода, и иная, болѣе сильная, болѣе дѣйствительная власть; и что мы сумѣемъ согласовать самодержавіе съ широкою гласностью и со всенароднымъ представительствомъ. Онъ могъ ошибаться, но никогда и ни въ какомъ случаѣ онъ не позволялъ себѣ говорить противъ своихъ убѣжденій, а убѣжденія его были такъ тверды и постоянны, какъ едва ли въ комъ-либо изъ Русскихъ. Случалось мнѣ его упрекать въ томъ, что онъ излагалъ свои мнѣнія въ видѣ софизмовъ, и я получалъ отъ него въ отвѣтъ: „Наше общество такъ апатично, такъ сонливо, и понятія его покоятся подъ такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотомъ пробивать кору ихъ умственнаго бездѣйствія и безмыслія“.

Во все продолженіе нашей дружбы, т. е. слишкомъ тридцати лѣтъ, ни разу Хомяковъ на меня не сердился, и никогда, ни на одинъ день, не было между нами холодности. Случалось мнѣ на него сердиться и даже его бранить, но своею дѣтскою кротостью онъ тотчасъ меня обезоруживалъ, и никогда мы съ нимъ не расходились съ дурнымъ чувствомъ другъ противъ друга. Какъ онъ способенъ былъ сильно любить, такъ и сильно ненавидѣть; но онъ ненавидѣлъ не людей, даже не представителей какихъ-либо мнѣній, а развратниковъ и существа бездушныя, употреблявшія насиліе къ достиженію своихъ цѣлей. Пуще всего онъ ненавидѣлъ насиліе, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось. Благотворенія, путемъ насилія, возбуждали особенное его негодованіе, и онъ безпощадно разилъ либераловъ, которые желали быть благодѣтелями народа, вопреки его желаніямъ. Онъ былъ не скоръ на осужденія, старался переноситься въ положеніе тѣхъ, кого въ чемъ-либо обвиняли, и позволялъ себѣ порицаніе, даже жесткое, но не иначе, какъ по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и по оцѣнкѣ тѣхъ побужденій, которыми обвиняемый могъ руководствоваться. Вообще же онъ былъ чрезвычайно благодушенъ къ людямъ, и только въ крайнемъ случаѣ онъ позволялъ себѣ показывать къ человѣку неуваженіе. Особенно кротокъ онъ былъ къ людямъ глупымъ и увѣрялъ, что онъ еще въ жизни не встрѣчалъ ни одного дурака, и что въ глупѣйшемъ человѣкѣ есть сторона, въ которой онъ уменъ.

Простота его обхожденія была очаровательна. Онъ себя цѣнилъ очень невысоко, даже черезъ-чуръ невысоко, никогда и никому не давалъ почувствовать свое надъ нимъ превосходство и ко всѣмъ относился какъ къ существамъ, вполнѣ ему равнымъ.

Хомяковъ интересовался всѣмъ, имѣлъ обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ человѣческаго знанія, и не было предмета, который былъ бы ему чуждъ, или въ которомъ бы онъ не принималъ участія. Помню, однажды отправились мы на вечеръ къ Свербеевымъ, куда насъ пригласили для бесѣды съ однимъ Русскимъ, возвратившимся съ Алеутскихъ острововъ. Шутя, я говорю ему; „Ну, другъ Хомяковъ, придется тебѣ нынче послушать и помолчать“. Въ началѣ вечера, дѣйствительно, Хомяковъ долго слушалъ этаго заѣзжаго Русскаго, распрашивалъ его подробно насчетъ Алеутскихъ острововъ, но подъ конецъ высказалъ ему по этому предмету такія свѣдѣнія и соображенія, что путешественнику почти приходилось обратить оглобли и ѣхать откуда пріѣхалъ, для окончательнаго ознакомленія съ мѣстами, гдѣ онъ пробылъ уже нѣсколько лѣтъ.

Память и способность скорочтенія были въ Хомяковѣ изумительныя. Помню однажды, въ спорѣ богословскомъ съ И. Киреевскимъ, онъ сослался на одно мѣсто въ твореніяхъ однаго св. отца, которыя онъ читалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ библіотекѣ Троицкой Лавры и которыя только тамъ и имѣлись. Киреевскій усумнился въ вѣрности цитаты и сказалъ Хомякову въ шутку: „Ты любишь ссылаться на такія книги, по которымъ тебя нельзя повѣрить“. Хомяковъ указалъ почти страницу, 11 или 13, и мѣсто на этой страницѣ (въ серединѣ), гдѣ находится сдѣланный имъ цитатъ. По учиненной справкѣ, ссылка его оказалась совершенно вѣрною. (Это было рѣдкое изданіе твореній Св. Кирилла Іерусалимскаго). Однажды онъ увидѣлъ у меня на столѣ три-четыре книги, только-что купленныя, и взялъ ихъ у меня на одну

ночь. На слѣдующее утро книги были мнѣ возвращены; и когда послѣ, мѣсяцъ спустя, я ихъ прочелъ и вздумалъ экзаменовать моего скорочтеца, то убѣдился, что онъ въ одну ночь внимательнѣе ихъ прочелъ, чѣмъ я въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Хомяковъ сочинялъ свои статьи не скоро: онъ долго ихъ обдумывалъ и обработывалъ въ головѣ; но когда онъ начиналъ ихъ писать, то онѣ выливались у него на бумагу быстро, и онъ мало ихъ исправлялъ. Стихотворенія свои онъ почти никогда самъ не передавалъ бумагѣ: по большей части ихъ записывали тѣ, кому онъ ихъ сообщалъ. Когда случалось упрекать Хомякова въ томъ, что онъ слишкомъ мало пишетъ и слишкомъ много говоритъ, то онъ отвѣчалъ: „Изустное слово плодотворнѣе писаннаго; оно живитъ слушающаго и еще болѣе говорящаго; чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова произнесенныя и слышанныя краснѣе словъ писанныхъ и читанныхъ".

Обряды церковные, и въ особенности посты, онъ соблюдалъ строго, никогда при томъ не осуждая тѣхъ, которые въ этомъ отношеніи дѣйствовали иначе. Даже въ Парижѣ, гдѣ въ первый разъ онъ былъ въ ранней молодости, онъ сумѣлъ во весь Великій Постъ ни разу не оскоромиться. Онъ говорилъ, что содержитъ посты потому, что Церковь ихъ установила, что не считаетъ себя вправѣ становиться выше ея и что дорожитъ этою связью съ народомъ. Въ церковь онъ ходилъ очень прилежно, и хотя имѣлъ привычку вставать по утрамъ поздно, часу въ 12-мъ, однако по праздникамъ не пропускалъ обѣдни и часто ходилъ даже къ заутрени. Молился онъ много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывать. Никто и никогда не могъ упрекнуть его въ святошествѣ. Для Хомякова вѣра Христова была не доктриною и не какимъ-либо установленіемъ: для него она была жизнью, всецѣло обхватывавшею все его существо. Когда онъ говорилъ о Христѣ и его ученіи, о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ и церквахъ, и о судьбѣ Христіанства въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, тогда въ словахъ его была какая-то сила необычайная, возбуждавшая въ слушателяхъ понятіе о дѣятельности апостольской. И жизнь его подкрѣпляла силу его словъ.

Въ заключеніе не могу не упомянуть о рѣдкой способности Хомякова привлекать къ себѣ и привязывать и стариковъ, и сверстниковъ своихъ, и молодежь. Онъ становился средоточіемъ вездѣ, гдѣ находился, и въ Москвѣ, и въ каждой гостиной, куда онъ пріѣзжалъ. Этимъ онъ былъ обязанъ, конечно, своему обширному, глубокому и своеобразному уму, и своей всегда живой и завлекательной рѣчи, но еще болѣе кротости и безобидности своей бесѣды. Молодежь, особенно *свирѣпая*, какъ онъ ее называлъ, расположенная къ тому, что впослѣдствіи названо было нигилизмомъ, была предметомъ его особенной заботливости. Онъ любилъ бесѣдовать съ этими юношами, которые были къ нему чрезвычайно хорошо расположены, и онъ на нихъ дѣйствовалъ благодѣтельнѣе всякихъ проповѣдей и другихъ внушеній.

Да! Жизнь этого человѣка была постояннымъ подвигомъ на благо ближняго, подвигомъ, который достойно оцѣнится развѣ потомствомъ.

28 Февраля
1873.

А. Кошелевъ.

Съ грустью передаю печати нѣсколько уцѣлѣвшихъ у меня писемъ А. С. Хомякова. Самыми интересными для постороннихъ читателей были бы тѣ, которыя онъ писалъ ко мнѣ въ то время, когда мы были еще различныхъ мнѣній и когда я только переходилъ отъ прежнихъ своихъ убѣжденій къ нынѣшнимъ и нуждался въ его разъясненіяхъ и указаніяхъ. Эти письма послѣднихъ сороковыхъ и первыхъ пятидесятыхъ годовъ были чрезвычайно хороши и интересны, и сообщались мною пріятелямъ, которые ихъ читали, даже переписывали, и по большей части зачитывали. Къ сожалѣнію, изъ этихъ писемъ сохранилось у меня только два, изъ которыхъ одно самое важное, даже безъ начала. Интересны также письма, предшествовавшія изданію Русской Бесѣды, а равно и тѣ, которыя писаны были ко мнѣ Хомяковымъ во время выхода въ свѣтъ книгъ этого журнала. Читатель съ удовольствіемъ познакомится и съ мыслями А. С. Хомякова насчетъ трудовъ Редакціонныхъ Комиссій по крестьянскому дѣлу. Всѣ эти письма, имѣющія общее значеніе, мы рѣшаемся передать печати; думаемъ, что многіе скажутъ намъ за это спасибо. Остаются письма дружескія, безцѣнныя для меня, но не интересныя для публики. Ихъ мы считаемъ не подлежащими опубликованію. Желательно, чтобы другія, бывшія въ сношеніяхъ съ А. С. Хомяковымъ лица, послѣдовали моему примѣру, сообщили свои воспоминанія объ этомъ замѣчательнѣйшемъ человѣкѣ нашего времени и передали печати уцѣлѣвшія у нихъ его письма.

Письма А. С. Хомякова къ А. И. Кошелеву.

1.

Третьяго дня получилъ я отъ тебя письмо, любезный Кошелевъ, и ты пишешь, что прежде этого писалъ ко мнѣ два раза; одно письмо я получилъ, а другого нѣтъ. Это съ Тульской почтой случается. На письмо же твое не отвѣчалъ потому, что самъ тогда собирался въ Москву; однако вотъ и до сей поры не собрался. Преглупая это штука вѣтренная оспа: тянется, тянется безъ конца; особенно подсыхаетъ очень медленно. За всѣмъ тѣмъ, если Богъ дастъ, дня черезъ четыре надѣюсь подняться съ мѣста и явиться къ вамъ. Давно уже хочется мнѣ къ вамъ перебраться въ бѣлокаменную, впрочемъ не ради бѣлокаменной, а ради васъ. Жизнь же Московская, думаю, немного чѣмъ живѣе деревенской; самъ Аксаковъ въ этомъ согласится, не смотря на свое поклоненіе Москвѣ. Его письма наполнены восторгомъ по случаю древней сельской жизни въ Россіи. Очевидно онъ принимаетъ за дѣйствительно бывшее многое, что существовало только въ законѣ, а не на дѣлѣ. Иначе представился бы случай единственный въ мірѣ: золотой вѣкъ, о которомъ никто не помнитъ черезъ 150 лѣтъ, не смотря на крайнюю желѣзность послѣдовавшаго. Если онъ въ Москвѣ, сообщи ему это замѣчаніе. Прощай, любезный другъ. Скажи Ольгѣ Ѳедоровнѣ *) мой низкій поклонъ; дай вамъ Богъ счастливаго и радостнаго новаго года. Твой А. Хомяковъ.

---

*) Супруга А. И. Кошелева, урожд. Петрово-Соловово.

2 *).

Есть свѣтлые дни въ Церкви современной. Хорошо дѣлаютъ тѣ, которые радуются ихъ свѣту; но путеводнымъ свѣтиломъ избирать не должно никого, а слова и смыслъ дѣлъ каждаго повѣрять собственнымъ судомъ. Святой не безъ ошибки и не безъ грѣха. Въ немъ это небольшая тѣнь; а того и смотри, я, не имѣя его святости, приму именно его ошибку или грѣхъ, и во мнѣ родится великое заблужденіе или сильный порокъ. Аксаковъ К. С. прекрасно сказалъ про легенду объ Исакіи Печерскомъ: «Онъ тѣмъ былъ виноватъ, что повѣрилъ образу Христа, не свѣривъ его словъ съ ученіемъ Христа». Изучать можно живаго, какъ и мертваго: проникаться его духомъ и теплотою его любви, если мы чувствуемъ въ немъ духъ благодати и любви; но *вѣрить* не должно никому. Какъ же быть Православнымъ? То, что̀ вся Церковь высказала, тому вѣровать безусловно; знать, что все, что̀ она когда нибудь выскажетъ, будетъ безусловно истинно; но что̀ она еще не высказала, того за нее не высказывать авторитативно, а стараться самому уразумѣть, со смиреніемъ и искренностью, не признавая впрочемъ надъ собою ничьего суда, покуда Церковь своего суда не изрекла. Скажи, не просто ли и не удовлетворительно ли это?

Но ты спрашиваешь еще: «Столько вѣковъ прошло со времени соборовъ; неужели Церковь онѣмѣла? А такъ кажется, если заключить все Православіе въ Востокѣ». Прими въ соображеніе ея бурную жизнь, т. е. тѣхъ обществъ, которыя ее составляли, необходимость борьбы внутри, мученичество многовѣковое Православныхъ народовъ, покоренныхъ иновѣрцами. Развѣ этотъ внутренній подвигъ самоохраненія можно назвать нѣмотою? Но прибавь еще завоеваніе во Христа всего Сѣвера, а теперь прибавь неожиданное и свѣтлое пробужденіе лучшаго сознанія на Востокѣ, которому мы были свидѣтелями (я говорю о патріаршемъ опредѣленіи, не уступающемъ по важности

*) Начало этого письма утратилось. Оно писано въ 1854 году.

соборнымъ). Этаго развѣ мало? *) Впрочемъ все церковное слово вызывается только необходимостью остановить заблужденіе въ самой Церкви. Такой необходимости не было, и все церковное слово молчало. Въ наше время явился было въ силѣ полу-Римскій іерархизмъ, и вотъ церковное слово сокрушило его навсегда, за что истинно и душевно благодарю Бога: ибо я опасность видѣлъ давно и не смѣлъ надѣяться на отпоръ, не видя, откуда ему быть.

Лучше выразиться и болѣе Христіанское понятіе имѣть о Церкви нельзя, чѣмъ ты выразился въ концѣ перваго письма своего: «Церковь не Академія; она обхватываетъ всего внутренняго человѣка и стремится все тайное въ немъ проявить въ мірѣ для Божіей славы. Важнѣйшее въ человѣкѣ не чувство, не знаніе, но дѣло—т. е. крестное исповѣданіе Христа».

Объ словѣ чувство нужна бы, можетъ быть, оговорка; но мысль ясна совершенно, и потому я не затѣваю спора, который былъ бы безполезенъ, и вполнѣ соглашаюсь или, лучше сказать, благодарю. Но на этомъ весьма справедливомъ и святомъ основаніи ты возводишь (позволь сказать) зданіе сомнѣній несправедливыхъ на счетъ права Церкви Восточной считать себя единственно Православною. Что, если бы въ третьемъ, виноватъ, въ четвертомъ вѣкѣ, человѣкъ, побывавъ въ Китаѣ, не нашелъ бы въ Римскомъ мірѣ многаго добраго, которое онъ видѣлъ у Конфуціанистовъ; или, въ VIII-мъ, нашелъ у Мусульманъ множество прекрасныхъ учрежденій и явленій общественныхъ, которыхъ не было у Христіанъ (а это дѣйствительно было), что тогда? Отказалъ ли бы Христіанскому міру въ правѣ называться единственно Христіанскимъ? Нѣтъ. Не тоже ли и тутъ? Едва ли ты меня оподозришь въ пристрастіи къ достоинству частной или общественной нравственности въ мірѣ Востока, и я совершенно готовъ допустить и допу-

*) Здѣсь Хомяковъ разумѣетъ: „Окружное посланіе единой святой, соборной и апостольской Церкви ко всѣмъ Православнымъ Христіанамъ“, изданное Св. Синодомъ въ переводѣ съ Греческаго, Спб. въ 1850 году. Это посланіе служитъ отвѣтомъ на окружное посланіе Пія IX отъ 6 Января 1848 г. и содержитъ въ себѣ предостереженіе противъ притязаній Римскаго папства.

скаю во многомъ огромное превосходство Запада, особенно Протестантскаго, надъ нами; но ты видишь, что приведенные мною примѣры совершенно параллельны, и если бы ты былъ правъ теперь, то былъ бы неправъ, отказывая въ Христіанствѣ Китайцамъ въ IV-мъ и Аравитянамъ въ VIII-мъ вѣкѣ. Что Магометане содѣйствовали многому доброму на Западѣ, нѣтъ сомнѣнія; что тому же содѣйствовали язычники-Римляне, язычники-Германцы наслѣдствомъ своихъ законовъ и обычаевъ, также нѣтъ сомнѣнія; но что же изъ этого? Получаютъ ли они право на соперничество съ Христіанами въ Христіанствѣ самомъ? Равноправны ли они съ ними исторически? Нѣтъ. И мы получимъ многое и прекрасное отъ Римско-протестантскаго міра; но изъ этаго не истекаетъ для него ни равноправства, ни даже права на соперничество. Правда, ты скажешь, какъ и сказалъ въ письмѣ, что «къ осуществленію Царства Божіяго многое содѣйствуетъ посредственно и безъ сознанія, но что разницу составляетъ исповѣданіе Христа душою, словомъ и дѣломъ». Поэтому Аравитяне, Китайцы и язычники не были Христіанами, хотя содѣйствовали къ улучшенію Христіанъ. Поэтому же самому неправо исповѣдающіе, хотя отчасти и исповѣдающіе Христа, не могутъ вполнѣ назваться Христіанами, т. е. Православными, хотя они Православныхъ учатъ добру. Временное превосходство нравственное міра Мусульманскаго ничего не доказывало противъ исключительнаго Христіанства Европы. Временное превосходство Запада ничего не доказываетъ противъ исключительнаго Православія Православныхъ народовъ.

Трудно грубой природѣ человѣческой возвыситься до образца Богочеловѣкомъ даннаго; болѣе еще трудно его принять; болѣе еще трудно свое пониманіе сколько нибудь освободить отъ данныхъ міра историческаго, постоянно его затемняющихъ. Поэтому міръ церковный, т. е. тотъ историческій міръ, въ который облечена Церковь, можетъ и казаться и быть долго не только не совершеннымъ, но и вполнѣ дряннымъ, не смотря на совершенство заключаемой въ немъ святыни. Всѣ начала нравственныя и духовныя могутъ быть вѣрными (хотя и это для человѣка отдѣльнаго уже невозможно), а проявленія могутъ всѣ быть ложными отъ ложнаго пониманія факта, т. е.

данной, въ которой начало должно проявиться. Это очень разительно въ исторіи Св. Амвросія и Ѳеодосія Великаго по случаю бунта въ Салоникѣ. Оба путали страшнымъ образомъ, а оба дѣйствовали подъ вліяніемъ самыхъ Христіанскихъ началъ; и изъ этого вышло съ одной стороны великое преступленіе, съ другой поступокъ противузаконный въ смыслѣ церковномъ. Церковь видитъ мерзости и не протестуетъ просто потому, что ей не дано пониманія факта; она можетъ учить началу и не можетъ учить приложенію, и поэтому болѣе совершенное проявленіе добраго начала можетъ встрѣтиться въ религіи менѣе совершенной вслѣдствіе лучшаго пониманія факта.

«Дѣло всего человѣчества было бы уже кончено», говоришь ты, «если бы явилась на землѣ вполнѣ Православная Церковь, и поэтому притязаніе какой бы ни было церкви на это названіе должно отвергнуть и допустить только возможность помѣстнаго проявленія началъ Христіанскихъ въ разныхъ церквахъ и будущее ихъ примиреніе или взаимное пополненіе». Я готовъ съ тобою согласиться и соглашаюсь въ первомъ положеніи; но остальное совершенно произвольно: ибо Церковь, будучи облечена въ видимое и, такъ сказать, матеріальное тѣло народовъ признающихъ ее, еще не проявлена, покуда не подчинитъ себѣ всей своей оболочки; а до этого еще очень далеко. Она живое начало и, въ духовномъ смыслѣ и общеніи, она даже живое тѣло; но только въ духовномъ смыслѣ. Фактическихъ же явленій жизни земной она не подчинила себѣ, а такое подчиненіе нужно для истиннаго проявленія. Поэтому нѣтъ никакой необходимости предполагать въ ней дробленіе на разныя части; ибо если они всѣ содержатъ въ себѣ *начала* неполныя, Церковь была бы уже не органическое тѣло, а аггрегатъ взаимно несогласныхъ тѣлъ: если бы хоть одна часть содержала въ себѣ полное начало, она одна и была бы Церковью.

Ни одинъ народъ, какая бы ни была его религія, не лишенъ совершенно добрыхъ началъ; но они восходятъ по лѣстницѣ къ большему и большему разумѣнію истины и къ большей возможности ея жизненныхъ проявленій. Язычникамъ доступна правда, какъ говоритъ св. Апостолъ; о Самаритянахъ же какъ свидѣтель-

ствуетъ Спаситель? «Вы поклоняетесь Богу, котораго не знаете; мы же (т. е. Іудеи) поклоняемся Богу, котораго знаемъ». Замѣть, не другому, а только болѣе познаваемому. Если таково отношеніе религій весьма низкихъ къ весьма высокимъ и даже къ высшей, то и подавно таково отношеніе отщепенцевъ Православія, т. е. Католиковъ и Протестантовъ, къ Православію. Поэтому, не смотря на страшную примѣсь лжи, въ нихъ можетъ безпрестанно, и въ частной, и въ общественной жизни, проявляться чисто-Православное, ими самими не вполнѣ сознаваемое начало. Разумѣется, все-таки полнѣйшее возможно только Православію совершенному; но оно возможно при свободномъ пониманіи жизненныхъ фактовъ, а это зависитъ во многихъ отношеніяхъ отъ историческаго развитія народовъ, въ которомъ Православные могутъ весьма долго уступать не-Православнымъ.

Я сказалъ, что Западныя ученія, т. е. церкви, безусловно ложны; но, кажется, ты моимъ словамъ далъ не совсѣмъ вѣрное толкованіе, ибо спрашиваешь, какъ столько прекраснаго и добраго могло бы возникнуть изъ безусловной лжи? Безусловноложное ученіе значитъ по моему система ложная въ ея общемъ объемѣ и строѣ, а не такая система вѣрованія, въ которой всѣ части ложны. Магометанство, признавая единство Божіе, уже не ложно въ этомъ смыслѣ; но въ тоже время ученіе, наиближайшее къ истинѣ, уже безусловно ложно въ своемъ общемъ объемѣ, если оно допускаетъ хотя малѣйшую ложь на правахъ истины. Поэтому я и говорю, что всѣ общины Христіанскія должны къ намъ прійти съ смиреннымъ покаяніемъ, не какъ равныя къ равнымъ, а какъ владѣльцы частныхъ истинъ, которыхъ они ни связать между собою, ни вполнѣ за собою утвердить не могутъ; должны прійти къ тѣмъ, которые, будучи свободны отъ лжи, могутъ имъ доставить полную гармонію и безстрастное владѣніе тѣми истинами, которыя теперь отъ нихъ безпрестанно ускользаютъ и, не будь насъ, отъ нихъ бы непремѣнно ускользнули. Православіе не есть спасеніе человѣка, но спасеніе человѣчества.

Не даромъ, говоришь ты, допущено Богомъ отдѣленіе Запада отъ Востока, и ты совершенно правъ по моему убѣжде-

нію, хотя Киреевскій этаго не допускаетъ. Католицизмъ и Протестантство своими односторонними взглядами и взаимною ихъ борьбою послужили, по волѣ Провидѣнія, къ уясненію общей гармоніи нами дѣтски сохраненной. Я даже на этотъ счетъ говорилъ Киреевскому слѣдующую притчу. Учитель, уходя, сказалъ тремъ ученикамъ: «помните, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ». Старшій остался при этомъ; второй чрезъ нѣсколько времени разными ложными доказательствами увѣрилъ себя, что они болѣе двухъ прямыхъ; меньшой также ложными доводами увѣрилъ себя, что они меньше. Старшій все повторялъ добродушно слово учителя: «равны». Меньшіе спорили и взаимно опровергали другъ друга, уличая и доводя другъ друга до нелѣпости. Тогда старшій, вслушавшись, уличилъ обоихъ, доказавъ имъ съ помощію ихъ же доводовъ, что они ошибались и что правъ былъ только учитель. Пришелъ и учитель самъ ни на кого не гнѣвный и сказалъ меньшимъ: «благодарите старшаго, безъ него вы не сохранили бы переданной мною истины»; а старшему: «благодари меньшихъ, безъ нихъ ты не уразумѣлъ бы переданной мною истины». А все таки, разумѣется, старшій болѣе сдѣлалъ, и меньшіе къ нему же возвратились.

Что прибавлю еще? А вотъ что. Не чувствуешь ли ты, что самый нашъ полуспоръ (ибо споромъ назвать его нельзя) возможенъ только у насъ. А развѣ въ немъ нѣтъ важности? Нѣтъ ручательства за будущее? Мы и мы одни Православны, но увы, когда-то сумѣемъ мы быть Православными и понять свою собственную жизнь!

Вотъ, любезный другъ, отвѣтъ на твое письмо, долго замедленный; удовлетворительный ли и во сколько удовлетворительный, самъ суди. А все время у меня расположилось не по моимъ расчетамъ и желаніямъ. Два раза ѣздилъ въ Донковъ, два раза ѣхалъ оттуда къ тебѣ, да ни разу не удалось поѣхать вправду. Матушка у меня все больна ревматизмомъ въ спинѣ (подозрѣваю нѣчто въ родѣ удара), отпуститъ меня, да и торопитъ возвратомъ; а къ несчастію въ обѣ мои поѣздки, особенно послѣднюю, дороги сильно разгрязнились, и поэтому для пути въ Сапожокъ потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ въ

сухую погоду, а времени у меня было не то, что въ обрѣзъ, а еще меньше. Такъ я у тебя и не былъ, а какъ хотѣлось! Мнѣ давно, давно хочется побывать въ Песочномъ [1]), взглянуть и на Песочное, и на тебя въ немъ; да вотъ въ руки не дается. Разумѣется, по твоему назначенію, въ Лебедяни буду къ сроку; но къ Черкасскому писать куда, не знаю. Поэтому не пеняй, что не пишу. Ты расхозяйничался, я тоже, и между прочимъ къ будущему году долженъ разжиться машинами сѣяльными (думаю Гренвицкаго), да конною сѣноткускою и загребальнею, которыя ты привезъ изъ Англіи. Въ Смоленскѣ у меня съ будущаго года все хозяйство машиной; тутъ машины особенно нужны, онѣ составляютъ чистую экономію. Похвалишь ли сѣноткуску и загребальницу? Ихъ, кажется, всѣ одобряютъ. У меня всѣ луга сѣяные, и, слѣдовательно, удобны для машинъ. А меня совершенно заѣдаетъ мой сахарный заводъ: все заманиваетъ на новыя выдумки, которыхъ успѣхъ plus quam сомнителенъ. Всю вымочку устроилъ я на новый ладъ, но дѣйстоительно изобрѣлъ я великолѣпную цѣдилку, процѣживающую нажимомъ: ее навѣрное примутъ всѣ сахоровары, ибо она и въ сравненіе не идетъ съ прежними. А теперь новый червякъ засѣлъ мнѣ въ голову: дефекація [2]) безъ огня. Вожусь съ нею теперь уже цѣлый мѣсяцъ; плохо ладится, да затѣя-то сильно заманчива. Если бы она удалась, вѣдь былъ бы переворотъ въ сахароваренъи, и какъ на смѣхъ, иногда опытъ выходитъ совершенно удовлетворителенъ, а повторишь его, кажется точь въ точь — не выходитъ ничего. Ужасно досадно!

Газетъ я почти не смотрю. Что въ нихъ? Разъ прочелъ, что мы, выступая изъ Валахіи и Югозападной Молдавіи, оставили своихъ больныхъ и раненыхъ на попеченіе Турокъ, и довольно съ меня. Чего же лучше? Послѣ этого что еще читать? Ты замѣтилъ ли это? Оно сказано въ прокламаціи Селима-паши и у насъ перепечатано безъ примѣчаній. Теперь слухъ идетъ о пораженіи Англичанъ на берегу Крыма, да плохо вѣрю:

---

[1]) Имѣніе А. И. Кошелева, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

[2]) Дефекаціею называется въ химіи очищеніе влаги отъ посторонних примѣсей.

столько идетъ пустыхъ слуховъ, что скучно ихъ и слушать. Впрочемъ они распространяются не безъ расчета: по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

Прощай, любезный Кошелевъ. До свиданія въ Лебедяни. Надѣюсь къ тому времени кончить мою Французскую статью и прочесть ее тебѣ. Потолкуемъ; жаль только, что Самарина нѣтъ. Письмо это я кончилъ въ Боучаровѣ, начавъ въ Ивановскомъ [1]). Прощай еще разъ.

3.

(1854).

Если ты еще отъ Аксакова не получалъ или письма моего [2]). или отчета объ немъ, то я на всякій случай скажу тебѣ нѣсколько словъ объ Аксаковскомъ письмѣ. Я далеко не такъ съ нимъ несогласенъ: нѣтъ. Онъ ударилъ въ крайность, но крайность эта вызвана другою крайностью, въ которую вообще всѣ люди религіозные, и даже самые Святые Отцы, нерѣдко впадаютъ. Вопросъ о горѣ, объ его значеніи въ жизни, объ молитвѣ и ея дѣйствіи и проч. входитъ очевидно въ широкій разрядъ вопросовъ, возникающихъ изъ сопоставленія Божіяго Провидѣнія и человѣческой свободы, или (болѣе общимъ выраженіемъ) изъ сопоставленія законовъ міровыхъ, логически развивающихся,и законовъ или явленій, повидимому, исключительныхъ. Изъ этого, не вполнѣ для насъ разрѣшимаго, противорѣчія возникаютъ два взгляда или двѣ системы: одна, вездѣ признающая только законъ міровой и называющая всякое нарушеніе его чудомъ, т. е. явленіемъ, рѣдко и почти никогда недопускаемымъ приверженцами этой системы; и другая, вездѣ признающая только частный законъ каждаго отдѣльнаго явленія, прямо возводимаго къ волѣ Божіей. Если можно шутить, говоря о такихъ предметахъ (а впрочемъ почему и не шутить? шутка падаетъ не на предметъ, а на нашу слѣпоту), то можно бы сказать, что одни видятъ въ мірѣ только управленіе коренными законами, а другіе только сепаратные указы. Аксаковъ, по сво-

[1]) Боучарово или Богучарово—помѣстье Хомякова не доѣзжая Тулы (изъ Москвы). Тамъ онъ жилъ большую часть года. Ивановское—близъ города Донкова: тамъ онъ скончался 23 Сентября 1860 г.

[2]) „О значеніи страданія и молитвы". Напечатано во II-мъ томѣ Полнаго Собранія сочиненій Хомякова, стр. 284 и слѣд.

ему характеру и по привычкамъ ума своего, долженъ непремѣнно принадлежать къ первой системѣ, и безъ сомнѣнія, онъ долженъ крайне стѣснять вліяніе воли человѣческой и слѣдовательно молитвы на жизненныя явленія. Это ошибка, и ошибка великая, въ которой есть нелогичная сторона (именно та, что допускается партикуляризмъ въ области нравственной и отрицается въ области явленій видимыхъ); но признаюсь, я этой ошибкѣ у насъ готовъ радоваться, потому что противоположная ошибка преобладаетъ безмѣрно, какъ ты можешь видѣть въ людяхъ даже великаго ума, но съ направленіемъ И. В. Кіреевскаго. Богомъ данныя силы разума оставляются въ какомъ-то преступномъ пренебреженіи отъ вѣчнаго ожиданія чудесъ. Это—наша болѣзнь. Удержать настоящую середину трудно и едва ли вполнѣ возможно человѣку, каковъ бы ни былъ его разумъ и какова бы ни была чистота воли, освѣщенной Божіею милостію и благодатію. Тутъ даже споръ невозможенъ, и остается только каждому смиренно сознавать, что, не слишкомъ строго строя свою систему, онъ долженъ повиноваться въ случаяхъ исключительныхъ простымъ требованіямъ сердца, а вообще напрягать всѣ Богомъ данныя силы, не требуя отъ Него чудесъ и исключеній изъ общихъ законовъ. Ты видишь, что я, не оправдывая мнѣній Ивана Сергѣевича, не могу и обвинять ихъ строго: какой-то стоицизмъ (положимъ, и не совсѣмъ Христіанскій) даетъ имъ въ моихъ глазахъ особенное достоинство при теперешнихъ обстоятельствахъ. Излишекъ же стоическаго равнодушія къ жизни, ея радостямъ и горестямъ исправится самъ собою. Вообще стоицизма болѣе въ молодости, чѣмъ въ послѣдующее время. Письмо Аксакова много мнѣ напоминало меня самого тому лѣтъ за двадцать съ небольшимъ. Быть можетъ, въ этомъ настроеніи духа есть и примѣсь безсознательной гордости; но не только чужая (какъ говоритъ пословица) и своя-то душа—потемки. Это отчасти, кажется, выражаетъ Апостолъ, говоря: «совѣсть моя меня не обвиняетъ, но Богъ больше моей совѣсти».

Сколько заботъ и хлопотъ, сколько безпрестанныхъ переѣздовъ накликалъ я на себя затѣею сахароваренія! Я бы готовъ былъ себя бранить; но такъ какъ я предпринялъ заводъ съ ви-

дами эманципаціи, полагаю, что я правъ и что скуку хлопотливаго лѣта, отчасти опредѣленнаго на переѣзды изъ Тулы въ Донковъ и обратно, я долженъ переносить не только безъ досады, но даже и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ [1]).

Что это Турецкія дѣла! Punch весь наполненъ пасмѣшками надъ нами. Картины и половина текста вырѣзаны и выскоблены, а все-таки бездна еще проскакиваетъ самыхъ оскорбительныхъ шутокъ. Рекрутство не для войны, но по случаю страшной убыли войска отъ холеры на маневрахъ. Такъ говорятъ.—Не люблю Американцевъ, но спасибо имъ, что они Австрію такъ осрамили въ дѣлѣ Косты и другаго бѣглеца. Всего милѣе то хладнокровіе, съ которымъ Американцы въ этомъ дѣлѣ поступили.

4.

Какъ мнѣ тяжело было въ Смоленской деревнѣ! Она вся была мною устроена для нея, и ея любимое мѣсто [2]). Но за то какъ я увидѣлъ, что съ собою не справлюсь, такъ я и налегъ на работу: далъ большую статью Аксакову въ отвѣтъ Киреевскому, много работалъ для своей постоянной работы, а теперь еще пишу статью для напечатанія гдѣ можно, т. е. за границею, въ отвѣтъ на книгу Laurentie, которая сама есть отвѣтъ извѣстной статьѣ Тютчева [3]). Кое-какъ съ собою справляюсь. Я почти все съ дѣтьми и иногда самъ себѣ удивляюсь. Дѣйствительно, я иногда чувствую себя почти столько же матерью, сколько отцомъ, и даже боюсь, чтобы это не дало отношеніямъ моимъ къ дѣтямъ какой-то изнѣженности, которая никуда бы не годилась.

Съ Царьградомъ дѣла еще не уладились, а въ Греціи глупое возстаніе было къ несчастію соединено съ раздоромъ церковнымъ и шло отъ мелкаго духовенства. Жалко, что дѣла духовныя смѣшаны съ политикою.

---

[1]) На сахарномъ заводѣ въ Донковской деревнѣ Хомяковъ употреблялъ исключительно трудъ вольнонаемный, что въ то время было рѣдкостью.

[2]) Хомяковъ говоритъ о супругѣ своей, Екатеринѣ Михайловнѣ (сестрѣ поэта Языкова), скончавшейся 26 Января 1852 г.

[3]) Напечатанной за границею отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ La Russie et la Révolution. См. Р. Архивъ 1874, II, 42.

5.

(1855).

Печально письмо твое, любезный Кошелевъ, и видно, у тебя очень невесело на душѣ. Авось Крымскія вѣсти не поправятъ ли этого настроенія; авось не ободрятъ ли народа? Хозяйственный годъ тебѣ такъ же тяжелъ, какъ и мнѣ, съ тою однако большою разницею, что у тебя и средствъ больше и, главное, все имѣніе свободно; но я увѣренъ, что въ тебѣ уныніе не отъ хозяйственныхъ неудачъ. Ты пережилъ на свой вѣкъ неудачи и заботы покрупнѣе этихъ и никогда не унывалъ. Тебя гнететъ еще неосвѣжившійся воздухъ, неизвѣстность общаго будущаго, современное страданіе народное и неувѣренность, чтобы болѣзнь была къ росту. Многіе, чуть чуть не всѣ, повѣли носы. Я одинъ еще бодрюсь, и ко мнѣ приходили за утѣшеніями. Мои обѣщанія сбываются покуда только въ Крыму, и за это меня уже пріѣзжалъ благодаритъ Бахметевъ (Алексѣй Николаевичъ). Увидите, сбудутся всѣ; но намъ подобаетъ подвизаться. На насъ всѣхъ теперь великая отвѣтственность.

Назимовъ еще ничего не сдѣлалъ и вѣроятно ничего не сдѣлаетъ, но по крайней мѣрѣ очень милъ. Говоритъ, что непремѣнно исполнитъ мое порученіе (не называетъ прошеніемъ), но я все не вѣрю. Если наше дѣло пойдетъ, и будетъ журналъ, Поповъ обѣщаетъ непремѣнно, кромѣ своихъ работъ, къ каждому номеру по шести листовъ изъ Петербурга перваго сорта отъ лучшихъ сотрудниковъ. Это было бы важно. Теперь о себѣ. Нынче получилъ изъ Питера письмо, по которому предполагаю, что моя вторая брошюрка вышла; впрочемъ это еще не вѣрно. А вѣрно то, что ея у меня потребовалъ или пожалуй попросилъ офиціально Олсуфьевъ отъ имени Государыни. Я послалъ весьма некрасивый списокъ (другаго не было) и извинился поспѣшностію. Въ письмѣ Олсуфьева Государыня поручаетъ мнѣ сказать, что покойный Императоръ былъ первою очень доволенъ *). Я въ отвѣтъ сказалъ, что это мнѣ потому особенно дорого (разумѣется, слова другія), что смертію своею Государь

*) Говорится о богословскихъ книжкахъ, нынѣ вошедшихъ во второй томъ сочиненій А. С. Хомякова.

доказать искренность своихъ убѣжденій. Вѣдь это должно было сказать. Изъ другого источника знаю я и слова покойнаго, очень замѣчательныя. Dans ce qu'il dit de l'Église il est très-libéral; mais dans ce qu'il dit de ses rapports avec l'autorité temporelle, il a parfaitement raison, et je suis de son avis *). Многіе тутъ хотятъ видѣть лицемѣріе, но изъ чего и для кого? Всѣ мы, и духовные, и свѣтскіе, виноваты въ его ошибкахъ.... Я думаю, онъ, по крайнему разумѣнію, желалъ правды. Иные его бранятъ, иные имъ гордятся безъ смысла...

6.

Я надѣялся не письменно, а словесно въ Москвѣ отвѣчать на твое письмо, полагая, что самому удастся попасть на выставку; но дѣла требуютъ меня совсѣмъ въ другую сторону, именно въ Ефремовъ и Донковъ, и этой поѣздки я отсрочить не могу, потому что позже, вѣроятно, матушкинъ отъѣздъ въ Москву меня лишитъ возможности совершить мое дѣловое путешествіе по деревнямъ. Нынѣшній годъ я хочу еще одну деревню отпустить на отсыпь, если прежде отпущенные окажутся исправными. Признаюсь, я этимъ очень дорожу, и хочется дѣло повернуть поскорѣе. Въ Смоленской губерніи я нынѣшній годъ отпустилъ двѣ деревни на денежныхъ условіяхъ, т. е. на оброкъ, но съ общаго согласія и по запискѣ за общею подписью, съ обозначеніемъ земли и угодій, за которыя будетъ взноситься плата. Мало-по-малу всю барщину уничтожу и уже началъ въ двухъ мѣстахъ обдѣлку земли наймомъ, но еще въ очень маленькомъ размѣрѣ, а съ будущаго года усиливаю эту обдѣлку и для этого вѣроятно буду обзаводиться многими улучшенными орудіями.

Если ты увидишь Киреевскаго, спроси у него, читалъ ли онъ въ твореніяхъ св. отцовъ великолѣпное завѣщаніе Ефрема Сирина и можетъ ли онъ послѣ этаго памятника стоять за легенду о нерукотворенной иконѣ Спасителя? А если ты самъ не читалъ, прочти. Мало вещей знаю я болѣе поэтическихъ и говорящихъ о душѣ.

*) Въ томъ что онъ говоритъ о Церкви, онъ очень свободолюбивъ; но въ томъ, что онъ говоритъ объ ея отношеніяхъ къ свѣтской власти, онъ совершенно правъ, и я его мнѣнія.

Что-то скажешь ты о перемѣнахъ въ министерствѣ? Не двинетъ ли Бибиковъ [1]) извѣстнаго вопроса? Да каково удружилъ Львову?[2]) Я увѣренъ, что онъ пострадалъ отъ слѣдующаго соображенія: къ нему, дескать, на цензуру ходятъ самые скверные люди, Тургеневъ, Аксаковъ, Хомяковъ и пр. Долженъ быть ненадеженъ. Хоть онъ покуда и не виноватъ, да смѣпить его in timorem. А Киреевскому скажи, что его статью баронъ Корфъ считаетъ, кажется, Аксаковскою (по крайней мѣрѣ я это предполагаю по его отзыву) и считаетъ крайне *вредною* и *опасною* за то, что онъ, похваливъ старую Русь, не прибавилъ, что новая все-таки много лучше, и это онъ сказалъ не шутя.

7.

(1855).

Рѣшительно дѣйствуешь ты, любезный Кошелевъ, и можетъ быть такъ и лучше. Молодцы Западные не дремлютъ; дремать не слѣдуетъ и намъ. Но какова слѣпота! А едва ли насъ допустятъ къ соучастію въ журналѣ. Впрочемъ знай, что все, что ты по этому дѣлу дѣлаешь, мною напередъ уже подписано и объ моемъ согласіи не безпокойся. Всячески постараюсь быть въ Москву, либо къ 10-му, либо къ 12-му. Ранѣе не могу. Пишу къ тебѣ только нѣсколько строкъ потому, что вчера утомилъ глава такъ, что боюсь писать, какъ бы не разболѣлись. Я очень радъ назначенію Вяземскаго [3]).

8.

(Осенью 1855).

Правда твоя, любезный Кошелевъ, что тебѣ теперь ѣхать въ Питеръ, кажется, не для чего; но я не вижу, зачѣмъ и мнѣ-то ѣхать? Что я буду дѣлать? Или, лучше сказать (потому что дѣлать кое-что можно), о чемъ буду просить? Снова о разрѣшеніи печатать? Да вѣдь разъ уже прошено: вторичная просьба нѣсколько унизительна и едва ли полезна: N.[4]) или прямо упрется, или, что, еще вѣроятнѣе, отзовется, что запрещеніе шло не отъ него, и слѣдовательно разрѣшать онъ до пріѣзда Государева

[1]) Дмитрій Гавриловичъ, тогда министръ внутреннихъ дѣлъ.
[2]) Князь В. В. Львовъ, цензоръ въ Москвѣ.
[3]) Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.
[4]) Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія.

ничего не можетъ. Узкій лобъ этого сановника очевидно туго набитъ какимъ-то глупымъ предубѣжденіемъ или можетъ быть страхомъ передъ Д.[1]) Онъ А.[2]) прямо сказалъ, что мы всѣ люди опасные и между прочимъ, что его статья о родовомъ бытѣ совершенно злонамѣренная. Конечно въ ней столько же злонамѣренности, сколько и въ Cuisinière bourgeoise; но именно потому-то и оправданіе невозможно, что обвиненіе совершенно безсмысленно. Даже и не придумаешь что̀ сказать. Главный, я думаю, порокъ нашъ въ глазахъ Норова то, что мы не мямли, какъ онъ самъ. Скажи, что же я сдѣлаю въ Питерѣ? Дать, скажешь ты, ходъ общественному вліянію? Прекрасно. Но это вліяніе какъ соломенный пылъ, ярокъ да коротокъ. Будь Царь въ Питерѣ, можно бы желѣзо разогрѣть, да и на наковальню; а то разогрѣешь, да оно пять разъ успѣетъ простыть до царскаго пріѣзда, а замѣть, что рѣшеніе нашего дѣла непремѣнно отложатъ до этаго времени. Выходитъ ли изъ того, что я не долженъ или не хочу ѣхать? Совсѣмъ нѣтъ: я и долженъ, и хочу (хоть и не хотѣлось бы); но мнѣ кажется, лучше нѣсколько повременить. Одно твое замѣчаніе неопровержимо: это на счетъ Царскосельской жизни; но всѣ другія обстоятельства противъ лишней поспѣшности, а оно одно едва ли достаточно, чтобы перетянуть всѣ остальныя. Видишь ли мое соображеніе, о которомъ я впрочемъ тебѣ уже, кажется, говорилъ? Величайшая, какъ мнѣ кажется, выгода была бы, еслибъ я могъ пріѣхать въ Питеръ какъ бы за другимъ дѣломъ, а по этому дѣлу уже дѣйствовать не какъ проситель, а какъ обвинитель. На это у меня есть надежда, и не отдаленная. Ружье, о которомъ я тебѣ говорилъ, на дняхъ будетъ въ пробѣ. Начальство заводское[3]), т. е. тѣ, которые особенно завѣдываютъ частью механическою, наконецъ само сильно заинтересовалось. Безъ всякой моей просьбы назначены лучшіе мастера и отдѣлены даже на время отъ казенныхъ работъ. Ожидаютъ любопытныхъ результатовъ. Явится мнѣ въ Питеръ (если только дѣйствительно ружье оправдаетъ мои надежды) подъ прикрытіемъ этого батарейнаго орудія очень было бы выгодно. Кругъ вопросовъ, лицъ, интересовъ

---

[1]) Дуббельтомъ.

[2]) К. С. Аксакову.

[3]) На Тульскомъ оружейномъ заводѣ.

былъ бы разомъ затронутъ большой (замѣть, что я еще хочу предложить устройство металлическихъ казематовъ и просить опыта своей Московки для винтовыхъ пароходовъ), и подъ шумокъ дѣло это можетъ обдѣлаться скоро и почти незамѣтно. Вотъ мое мнѣніе, но рѣшеніе предоставляю тебѣ; ибо дѣло общее, а какъ охоты къ поѣздкѣ во мнѣ вовсе нѣтъ, то я, можетъ быть, самъ себя нѣсколько надуваю, чтобы только не спѣшить скучною обязанностью. Какъ бы мнѣ мало были благодарны мои Петербургскіе благопріятели, если бы знали, какова мнѣ пилюля ѣхать въ Питеръ! Говорятъ, и этому отчасти можно вѣрить и радоваться, что N.[1]), съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ, выражаетъ туже нелюбовь къ этому болоту.

Что скажешь ты о томъ, что нашъ авангардъ весь подъ командою Поляковъ? Можетъ быть, это случайность; но если не случайность, то весьма хитрая штука. Это можетъ быть замѣчено Европою и, при счастіи, можетъ заинтересовать Поляковъ. Не мѣшало бы и на Прутѣ, и на Австрійской границѣ имѣть начальниковъ Сербовъ, Кроатовъ, Чеховъ и др. Этимъ можно бы было держать розгу надъ спиною Австріи. А впрочемъ ты видишь, что я, кажется, былъ правъ, сомнѣваясь въ движеніи Пелисье впередъ. Повидимому, онъ хочетъ дотянуть до зимы. Жаль и не жаль Самарина[2]): ему нужно было освѣжиться, а до пуль авось не дойдетъ. Онъ самъ теперь пишетъ: «странно, когда могъ писать и былъ свободенъ, казалось не о чемъ и не для чего и не хотѣлось; а теперь такъ и рвется рука къ перу, и пропасть статей въ головѣ и, казалось, сейчасъ бы написалъ».

Конецъ твоего письма меня не порадовалъ и безпокоитъ. Ты хочешь устроить планъ освобожденія крестьянъ въ своемъ имѣніи. Это прекрасно; злишься на уродливость и грѣшность крѣпостнаго состоянія, это славно; но прибавляешь: «мое желаніе переходитъ чуть чуть не въ лихорадочное состояніе; жена моя еще усиливаетъ его, а капельки-то камень пробиваютъ». Здоровъ ли ты? Не разстроенъ ли чѣмъ нибудь? Пожалуста будь здоровъ, столько же сколько ты всегда бодръ. Обнимаю тебя крѣпко-накрѣпко.

---

[1]) Государь, ѣздившій осенью 1855 года подъ Севастополь.

[2]) Ю. Ѳ. Самаринъ, служившій тогда въ ополченіи.

9.

(Въ концѣ 1855).

Ты меня вѣроятно или уже считаешь въ Питерѣ или бранишь за медленность и за нетвердость въ словѣ; но я ничѣмъ не виноватъ. У меня уже укладывались въ дорогу, какъ вдругъ пошли дѣти болѣть и не разомъ, а одинъ за другимъ. Хотя, слава Богу, у нихъ и несерьозныя были болѣзни; но во-первыхъ, ты знаешь, что я самъ ихъ медикъ, а во-вторыхъ, нельзя же мнѣ было больныхъ оставить въ деревнѣ однихъ? Вѣрь мнѣ, это мнѣ такъ досадно самому и даже болѣе чѣмъ досадно, что и сказать не могу; тѣмъ болѣе досадно, что ружье мое давно готово и вполнѣ оправдало мои ожиданія. На сто саженей оно вѣрно до невѣроятности; на 300 саженей оно разбило совершенно небольшой щитъ; на версту оно пробиваетъ на вылетъ четырехъ-вершковую доску и свободно еще пробиваетъ вершковую доску на полторы версты. Такъ оно исполнило все, чего я хотѣлъ на счетъ стрѣльбы, а въ отношеніи вѣса даже превзошло мои ожиданія. Весь вѣсъ 22½ ф. Чего же лучше? *) И по этому суди, что мнѣ самому нетерпѣливо хочется въ Питеръ. Мнѣ такъ больно, что я еще не могъ исполнить того, что считаю своею обязательною попыткою въ Петербургѣ, что я на сей разъ ничего не стану говорить объ нашемъ предположеніи на счетъ журнала. Успѣхъ Каткова, льготы данныя Университету, все какъ будто обѣщаетъ успѣхъ и намъ; но все это еще очень не вѣрно.

Порадовался ли ты успѣху Муравьева? Я отъ души радуюсь: во-первыхъ пора хоть гдѣ нибудь порадоваться какимъ нибудь дѣломъ; во вторыхъ, онъ въ прошлое царствованіе былъ долго подъ опалою и (каковъ ни есть) сохранилъ какую-то независимость отъ двора. Его побѣда будетъ многимъ горька на Сѣверѣ. Для Государя новаго это великая выгода: люди бывшіе подъ опалою или не участвовавшіе въ системѣ прошлаго времени—находка. Они способствуютъ освобожденію правительства отъ той дрянной камариллы (старой дворни), которая надѣлала столько уже вреда. Я жду оттуда новыхъ вѣстей: не оставитъ же онъ Омера-паши въ покоѣ.

*) Это ружье должно было служить для цѣлей артилерійскихъ.

10.

(Конецъ 1855 года).

Ты такъ меня озадачилъ, любезный Кошелевъ, своимъ письмомъ, что просто испугалъ. Вообрази себѣ мальчика, у котораго спросили бы строгимъ голосомъ: «А какъ звали двоюродную тетку Навуходоносора?» Онъ просто бы обмеръ и не вдругъ бы спохватился, что за нимъ и обязанности такой нѣтъ знать эту двоюродную тетку. Такъ и со мною случилось. «А готова у тебя статья? О чемъ она? И если не готова, то скоро ли изготовишь? Ужъ мы печатаемъ и тебя ждемъ». Мнѣ сначала и въ голову не пришло, что это таже двоюродная тетка Навуходоносора, и что я вовсе не обѣщалъ статьи и отъ тебя ни слова не слыхалъ, поэтому и не думалъ и предмета не имѣю и т. д. Всего этаго я не придумалъ, а просто перепугался какъ виноватый. Что дѣлать? О чемъ писать? А тутъ я говѣлъ; а тутъ навязались на меня спазмы желудочные прелюбопытные (и которые стоили бы описанія, да ты въ этомъ толку не понимаешь), насилу началъ я отъ нихъ отдѣлываться, и при этомъ статья. Съ горя написалъ къ редактору Р. Б. письмо, которое и посылаю тебѣ. Годно, хорошо; не годно, брось. Я половину ужъ написалъ, какъ догадался, что я собственно въ просакъ попалъ и напрасно перепугался, и имѣлъ полное право писать къ Кошелеву, что редакторъ Р. Б. на меня предъявляетъ искъ незаконный; но ужъ дѣло было начато: лучше кончить. Такъ я и сдѣлалъ, а нѣсколько лишнихъ дней потерялъ по вышесказаннымъ причинамъ, тѣмъ болѣе, что спазмъ желудочный приходилъ ко мнѣ именно въ обычное время моихъ занятій. Хороша ли статья, не знаю; но думаю, что какъ по важности и общей занимательности предмета, такъ и по нѣкоторому исповѣданію убѣжденій, она для перваго номера пригодна. Суди и ряди! Если и въ печку бросишь, не опечалишь; я же теперь особенно утѣшенъ тѣмъ, что узналъ дѣйствіе алумины въ нѣкоторыхъ формахъ желудочныхъ спазмовъ.

На вопросъ твой, скоро ли въ Москву, я почти готовъ отвѣчать пріѣздомъ; но все дорога держитъ. Хотѣлось бы саннаго пути. Кромѣ того лѣчу здѣсь занесенную ко мнѣ въ деревню

гнилую горячку съ пятнами. За Тулой и въ Тулѣ отъ нея смертныхъ случаевъ довольно. Слышно ли объ ней въ Москвѣ, или это мѣстное явленіе? Впрочемъ это меня не задержало бы: у меня Загряжскій [1]) такой искусный Amanuensis, что я на него полагаюсь вполнѣ. Просто жду снѣга. Между нами, надежды на будущій урожай весьма не блистательны, не отъ засухи, какъ думаютъ, а отъ холодныхъ дождей сейчасъ послѣ посѣва, которые залили и сгноили его. На дняхъ узналъ я, что въ сосѣдствѣ одинъ баринъ выдумалъ сушилку для хлѣба: въ сутки отъ 72 до 87 четвертей (разумѣется, не въ снопахъ); расходъ дровъ—кубическая сажень осины или другаго плохаго матеріала слишкомъ на 20 дней, т. е. на 1500 четвертей. Вѣдь это дѣло очень хорошее. Увѣряютъ, будто бы это зерно всходитъ и годно для посѣва, что̀ уже невѣроятно; но дешевизна, какъ ты видишь, необычайная: $^1/_2$ копѣйки серебромъ на четверть при дорогихъ дровахъ (7 р. 50 к. сер. сажень), и при этомъ никакой механической силы и устройство легкое. Это заслуживаетъ полнѣйшей справки. Если окажется правдою, то замѣть. Глѣбовъ выдумалъ свой великолѣпный змѣевикъ [2]), а сушилку выдумалъ Новосельскій [3]). Оба псовые охотники. Изъ этаго слѣдуетъ польза псовой охоты для изощренія ума и объясняется превосходство Англіи по хозяйству сельскому, такъ какъ Англичане великіе fox-hunters. Вотъ, какъ видишь, новое открытіе въ психологіи.

11.

(Петербургъ, Мартъ 1856).

Любезный Кошелевъ! Я, не смотря на твое первое письмо, не сталъ бы тебѣ писать ничего, если бы не получилъ твоего втораго письма. Оно писано подъ вліяніемъ нѣсколько раздраженнымъ, но объ этомъ при свиданіи; а вотъ покуда здѣсь до сихъ поръ ничего я не сдѣлалъ и думаю, что ничего не сдѣлаю. Послѣ тебя, дѣло не двинулось ровно ни на волосъ. Н(оро)въ очень хорошъ, очень милъ, и только. Я нѣсколько подозрѣваю, что Д(авыдовъ) его ставитъ въ уголъ, когда онъ зашалится: по крайней мѣрѣ таково мое впечатлѣніе. Вотъ положеніе, какъ я

[1]) Алексѣй Александровичъ, сосѣдъ Хомякова, управлявшій его имѣніями.

[2]) Змѣевикъ—снарядъ для сахароваренья.

[3]) Сосѣдъ Хомякова, Григорій Наумовичъ Новосельскій, охотникъ на волковъ и композиторъ.

понимаю. Можетъ быть, съ насъ снимутъ запрещеніе, но что толку? Мы останемся подъ страшнымъ присмотромъ, и малѣйшее слово живое будетъ прихвачено. Отказъ въ журналѣ или нашъ отказъ отъ журнала не значитъ ничего. Это насъ не срамитъ; но если насъ будутъ тщательно обезцвѣчивать и лишать всякаго вкуса и содержанія, мы потеряемъ всякое значеніе въ мірѣ людей мыслящихъ и погибнемъ навсегда или по крайней мѣрѣ надолго. Поэтому я и рѣшился дѣйствовать прямѣе и идти напроломъ: отдалъ Н—ву свою статью (за которую съ меня взята подписка) и сказалъ: или она должна быть позволена, или мнѣ ихъ милость ни на что не нужна. Нынче я отъ него получу отвѣтъ. Чтобы ты могъ понять взглядъ здѣшнихъ пошляковъ на наше направленіе, скажу тебѣ только то, что Н—въ жаловался мнѣ на Киреевскаго. «Киреевскій мнѣ писалъ, и вообразите: онъ проситъ разрѣшенія и въ тоже время объявляетъ, что онъ нисколько не хочетъ измѣнить своего взгляда и образа дѣйствій и выраженій». Я тутъ его перебилъ, будто не понимаю его: «Конечно, Киреевскій смѣшно оговаривается; онъ долженъ васъ знать и знать, что ваше превосходительство убѣждены, что человѣкъ не мѣняетъ убѣжденія какъ рубашку, и что честный человѣкъ говоритъ, какъ думаетъ». Вообрази его физіономію при этомъ! Впрочемъ, мы очень хороши, а дѣло не подвигается. Нуженъ ultimatum рѣзкій, и по крайней мѣрѣ, если его примутъ, то мы сколько нибудь можемъ надѣяться, а безъ этого рѣшаться ни на что нельзя. Мое требованіе насчетъ моей статьи достигаетъ этой цѣли.— Теперь положеніе вдвое труднѣе, чѣмъ прежде. Послѣ мира (на который всѣ согласились кромѣ графа Д. Н. Блудова, который ведетъ себя какъ будто по заказу К. С. Аксакова), двѣ дороги: или поправлять скверное впечатлѣніе бо́льшимъ расширеніемъ предѣловъ нашей умственной жизни, или безумно заупрямиться въ войнѣ противъ народности. Государь за первый путь; весь дворъ (т. е. сильные) за второй, который вѣроятно и восторжествуетъ. Въ обоихъ случаяхъ нужно рѣзкое опредѣленіе, которое я и стараюсь вызвать. Если оно будетъ неблагопріятно, намъ слѣдуетъ отказаться отъ всего и переждать.

Я вездѣ въ Русскомъ платьѣ. Когда пріѣду, разскажу тебѣ все. Скандалъ былъ страшный, но я выдержалъ, хотя знаютъ,

что я заказалъ фракъ на случай. Когда у меня спрашиваютъ, отъ чего я не надѣваю фрака, уже готоваго, я отвѣчаю: «чтобы не подумали, что Россія меня уступила вмѣстѣ съ берегами Прута». Прощай покуда.

12.

(Іюнь 1856).

Я къ тебѣ не писалъ, любезный Кошелевъ, послѣ нашей общей потери. Какая тяжелая, какая неожиданная! Киреевскій не только намъ былъ дорогой другъ: онъ былъ для Бесѣды (въ этомъ я разумѣю не одинъ печатный журналъ) необходимымъ дѣлателемъ. Его спеціальность не имѣетъ другаго представителя; да если бы и имѣла, то не найдется такаго, который бы имѣлъ его особенныя, свойственныя ему одному достоинства. Знаешь ли, что когда мнѣ сказали объ его смерти (это сказано мнѣ было при входѣ въ домъ, на возвратѣ изъ Смоленской губерніи), послѣ перваго потрясенія мнѣ тотъ часъ пришелъ въ голову ты, его старѣйшій другъ. Какъ вынесъ ты этотъ ударъ? Онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ тебя поразить, что, судя по твоему письму къ Самарину, ты какъ будто былъ особенно бодръ и веселъ. Я долго не могъ опомниться. Какъ то вынесетъ Авдотья Петровна и бѣдный Петръ Васильевичъ [1]), который такъ давно хвораетъ? Нынче въ ночь я ѣду[2]) къ нимъ: раньше не могъ, потому что говѣлъ. Какая-то особенная судьба Ив. В. Кир.! То цензура и власть царская останавливали его, то теперь смерть, и всякій разъ на половинѣ труда. Какое-то также особенно строгое испытаніе нашему направленію: какъ будто опытъ нашего терпѣнія и постоянства. Рѣдѣетъ кругъ нашъ, жизнь обращается для каждаго какъ будто въ воспоминанье. Подвигъ становится все строже и строже. Видно, такъ надобно.

Посылаю тебѣ на судъ приписку, которую предлагаю сдѣлать къ статьѣ. Если понравится, утверди и напиши Филиппову[3]). Я экземпляръ посылаю прямо къ нему для скорости. Если что

---

[1]) А. П. Елагина—мать И. В. Киреевскаго, а Петръ Васильевичъ—братъ его.

[2]) Въ село Петрищево, близъ города Бѣлева.

[3]) Тертій Ивановичъ Филипповъ (тогда учитель I-й Московской гимназіи, впослѣдствіи государственный контролеръ) помогалъ А. И. Кошелеву въ печатаніи „Русской Бесѣды“ въ 1856 году.

не понравится, мѣняй, марай и дѣлай какъ лучше знаешь. А приписка необходима. Когда я приписывалъ къ біографіи Меткальфа, не думалъ я объ этой припискѣ.

13.

(Начало Ноября 1856).

Отвѣчаю тебѣ по первой почтѣ, любезный Кошелевъ: скорѣе этаго отвѣчать нельзя. Программа, по моему мнѣнію, должна оставаться таже, но прилагаю коротенькое вступленіе, которое было бы полезнымъ. Не знаю, понравится ли оно тебѣ. Ты замѣтишь, что я между прочимъ сказалъ объ обозрѣніяхъ политическихъ. Думаю, что такое слово (если оно пропустится) можетъ быть полезнымъ при теперешнемъ нападеніи на нихъ. Что за колпакъ этотъ В.! Самъ участвуетъ въ журналѣ и самъ его рѣжетъ и чортъ знаетъ почему? Нѣтъ ни поводовъ къ подозрѣнію, ни жалобъ отъ Министерства Иност. Дѣлъ, ни жалобъ отъ кого бы то ни было, ни отклоненія отъ программы (въ чемъ виноватъ Вѣстникъ), ровно ничего. Положимъ, что канцелярія или секретарь просто желаютъ получать на водку (въ чемъ я почти убѣжденъ съ Черкасскимъ); да вѣдь онъ читаетъ же самъ, что подписываетъ и можетъ сказать имъ, что они врутъ. Просто гадко! Смотри ты самъ не очень этимъ волнуйся. Св. поручилъ мнѣ (и право очень серьезно) оберегать тебя отъ волненія: онъ, что вы ни говорите и какія глупости онъ ни дѣлаетъ, истинный другъ. Онъ меня тронулъ, говоря о насъ и о тебѣ въ особенности. Поводомъ къ разговору были крайне дурныя извѣстія о Петрѣ Васильевичѣ. Ты пишешь, что ему легче, а Л. И. Поповой [1]) писали, что его пріобщили; только не знаю, которое извѣстіе новѣе. Очень боюсь за него, и ты знаешь, что съ самой смерти И. В. я не ожидалъ, чтобы Петръ вынесъ горе [2]). Грустно будетъ, если онъ умретъ. Хотя собственно плодовъ отъ его письменной дѣятельности ждать нельзя, но онъ имѣетъ на свой округъ замѣ-

---

[1]) Елисавета Ивановна Попова, ученица А. П. Елагиной и другъ Валуева.— Выше говорится о Д. Н. Свербеевѣ.

[2]) П. В. Кирѣевскій ум. 25 Октября 1856 г. у себя въ Слободкѣ, подъ Орломъ.

чательное вліяніе. Чудная и чистая душа! И такъ смотри не волнуйся даже глупостями В. Если нельзя будетъ писать обозрѣнія, то мы тоже самое можемъ ввести въ другія формы и, можетъ быть, дать имъ еще болѣе строгое значеніе.

14.

(Іюнь 1857).

Бесѣда вышла 27-го, и съ великимъ эффектомъ. Спрашиваютъ, откуда у насъ такъ силы прибыло. Не въ примѣръ, дескать, лучше прошлогодней. Серьезно, это общій отзывъ. Но главный герой Черкасскій. Отъ него всѣ въ восторгѣ, называютъ единственнымъ публицистомъ нашимъ, а въ Англійскомъ клубѣ прибавляютъ, что онъ публицистъ-философъ. Безъ шутки, ни одна статья не имѣетъ и въ половину успѣха равнаго его статьямъ. Многіе предпочитаютъ его вторую статью первой, съ чѣмъ я конечно не согласенъ, но говорю тебѣ чужой отзывъ. Вообрази себѣ, что послѣ тебя я въ своей брошюрѣ вдругъ какъ бы запнулся. Пробовалъ, выходила размазня; отдохну, попробую еще, опять тоже. На силу на дняхъ одолѣлъ догматическую часть такъ, что самъ я вполнѣ доволенъ и, кажется, всѣ вы будете довольны. Ясно, строго и вполнѣ ново по изложенію. Ты посмѣешься этой самолюбивой откровенности или откровенному самолюбію; но признайся, что въ такой работѣ, если хоть мало мальски недоволенъ, лучше ужъ не пиши. Теперь я и брошюрку подвигаю, и Соловьева [1]) обдѣлываю. Не прогнѣвайся, что выдетъ крутенько. Формы будутъ совершенно вѣжливы, а содержаніе не совсѣмъ пріятно.

Все разлетѣлось изъ Москвы. Я послѣдній изъ нея выѣзжаю по всегдашнему моему обычаю: меня уже взяла тоска по деревнѣ. «Молва» идетъ успѣшно. Подписка хватила за 600 человѣкъ. Между тѣмъ ни одной почти нѣтъ статьи, сколько нибудь отзывающейся на современную, дѣйствительную молву. Вообрази, что я редакторамъ [2]) долженъ былъ напомнить, что надобно же что нибудь сказать по случаю (весьма грустному) смерти Иннокентія, о которой ты вѣроятно уже знаешь. Пастырь не пастырь, а все-таки крайне замѣчательный человѣкъ, и смерть его нельзя не считать потерею и пройти молчаніемъ.

---

[1]) См. въ III-мъ томѣ статьи о трудахъ С. М. Соловьева.

[2]) К. С. Аксакову и С. М. Шпилевскому (нынѣ директору Демидовскаго лицея).

Блудова на дняхъ проѣзжала. Везетъ хартію крестьянамъ [1]). Спасибо ей отъ души.

15.

(Августъ 1857).

Письмо твое, любезный Кошелевъ, пришло ко мнѣ въ весьма грустное для меня время. Оно застало меня въ то время, когда я изъ Москвы перевозилъ въ деревню гробъ матушки. 24 Іюля скончалась она не болѣзнію, а истощеніемъ силъ; за нѣсколько дней выѣхала она изъ Москвы, доѣхала до Подольска и возвратилась назадъ безъ всякой нужды. Потомъ были у нея спазмы, и она вызвала меня изъ Донкова черезъ эстафету. Я пріѣхалъ; она уже оправилась и снова со мною собиралась. Такъ продолжалось 10 дней, послѣ которыхъ она угасла. Два раза пріобщалась она и соборовалась за нѣсколько дней до кончины. Страданій кромѣ послѣдней ночи не было. Голова была свѣжа, мысль и всѣ интересы жизни во все время кромѣ предсмертнаго дня, въ которомъ слабость дошла до крайнихъ предѣловъ, а едва ли она дѣйствительно ожидала смерти. Признаюсь, и я себя долго обманывалъ: видѣлъ, какъ она слабѣетъ и все еще надѣялся. Грустно, что ея уже нѣтъ; не говорю объ ней какъ о матери моей или даже какъ о женщинѣ истинно и глубоко добродѣтельной, но говорю какъ о добромъ и почтенномъ образчикѣ прежней эпохи. Много ли женщинъ или мужчинъ среднихъ лѣтъ, а подавно молодыхъ, въ которыхъ такъ сильно развиты были интересы серьезно-религіозные, политическіе и общественные?[2]) Въ ней безспорно отражалась эпоха крѣпкая, Екатерининская, съ лучшей ея стороны. Духовное ея существо не было ни разварено (отъ 1801 до 1825), ни придавлено (отъ 1825 до 1855). Мнѣ очень грустно и немножко странно, что некому меня дома бранить. Кажется бы, много далъ, чтобы опять слышать тѣ комплименты, которыми иногда она меня такъ щедро надѣляла. Дѣти очень жалѣли о своей бабушкѣ, и потеря ея будетъ чувствительна. Но правду сказать, можно ли было ожидать еще долгой жизни послѣ 87 лѣтъ? Предѣлъ человѣческой жизни для нея не былъ положенъ слишкомъ тѣсно; да и горестей ей было удѣлено немало.

---

[1]) Въ имѣніи ея подъ городомъ Вязьмою.

[2]) Съ пищущимъ эти строки она, въ самый день кончины своей, говорила о новомъ тарифѣ.

Твое письмо очень меня порадовало: оно писано въ добромъ духѣ и даетъ хорошія вѣсти о тебѣ самомъ. Между прочимъ меня очень порадовало то, что мы такъ низко пали въ глазахъ Европы: пусть она равняетъ насъ хоть съ Ангальтъ-Бернбургомъ! Для насъ же здоровѣе, во всѣхъ отношеніяхъ, а наше время придетъ, и ужъ не такое какъ прежде. Но для этаго нужно, чтобы развилась у насъ внутренняя жизнь, не такъ какъ теперь. Я свою долю въ «Бесѣду» внесъ. Аксаковская статья также вѣроятно готова: трезвонъ Соловьеву будетъ полный. Поблагодаритъ и не забудетъ. Я къ Елагину писалъ, чтобы онъ своихъ Венгровъ непремѣнно высылалъ. Б. какъ будто обошелся. Безсоновъ хлопочетъ помѣститься въ типографію Синодальную въ Москвѣ: и для него было бы хорошо, и типографія выиграла бы много. Ее теперь ревизуютъ и всю раскассировали. Изъ Петербурга вѣсти весьма хороши: дай Богъ здоровья и успѣха Александру II-му! Муравьевъ ѣздитъ по Россіи какъ гроза: лихорадка и другая болѣзнь такъ и трепятъ всѣ палаты и всѣхъ чиновниковъ его вѣдомства *). Съ крестьянами хорошъ и восхищается ихъ умомъ и смысломъ. Что-то Богъ дастъ впередъ?

Ты знаешь, что Иннокентій умеръ и что на его мѣсто назначенъ Дмитрій, нашъ Тульскій. Какъ я радъ, что объ его прощаніи съ Тулою не будетъ ничего въ газетахъ! Это такъ было хорошо, искренно и трогательно, что стыдно было бы видѣть это вмѣстѣ съ прочими вѣстями о прощаніяхъ съ обожаемыми начальниками. Весь городъ подвинулся отъ мала до велика, и провожали его карету за нѣсколько верстъ пѣшкомъ; а въ Соборѣ рыданія были общія. Находитъ же человѣкъ отзывъ хоть бы и у насъ! Я съ нимъ много говорилъ о Болгарахъ: вѣдь теперь онъ долженъ объ нихъ печься. На него, кажется, можно надѣяться.

Не переговоришь ли ты съ Брокгаузомъ объ изданіи моей третьей брошюры и о переводѣ ея на Нѣмецкій языкъ? Но надобно будетъ какъ нибудь переслать переводъ въ Москву въ рукописи, или уже не перевести ли въ Москвѣ? Дней черезъ десять я ее кончу. Она мнѣ много труднѣе досталась противъ

*) Это былъ достопамятный объѣздъ, произведенный министромъ государственныхъ имуществъ, М. Н Муравьевымъ.

первыхъ, и я уже не вижу, что бы можно было къ ней прибавить. Я смотрю на нее какъ на конецъ моей работы по этой части, т. е. по отношенію къ Риму и къ реформѣ. Развѣ втянутъ въ полемику, но этаго я не ожидаю. Пригвозди Безобразова! [1]) Мнѣ за него жаль, что онъ не съ нами.

16.

(Въ исходѣ 1857).

Множество разныхъ разностей задержало мою Французскую работу; но она почти кончена и, кажется, тебя удовлетворитъ. Былъ у меня нашъ Парижскій священникъ [2]), и я очень радъ, что съ нимъ познакомился. Онъ мнѣ говорилъ о моихъ двухъ брошюрахъ, и вотъ между прочимъ отзывъ, который, кажется мнѣ, долженъ быть вѣренъ.—«Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобы онѣ подѣйствовали и къ коимъ нибудь произвели убѣжденіе; но они рѣшительно произвели страхъ въ томъ смыслѣ, что кто ихъ читалъ (изъ иновѣрцевъ), потомъ рѣшительно избѣгаетъ спора. Многіе мои знакомые изъ Католиковъ, съ которыми въ прежнее время у меня бывали пренія, теперь вовсе отъ нихъ отказываются, а если къ нимъ начнешь приступать, то отвѣтъ одинъ: Eh, monsieur! On peut tout prouver avec un certain abus de la logique [3]). Одинъ сказалъ мнѣ: L'Orient vous a transmis le don du sophisme [4]). Болѣе же ничего ни отъ кого я добиться не могъ».—Отзывы Протестантовъ также нетерпимы; но все равно. Логическую основу положить нужно, и я не думаю, чтобы я даромъ работалъ. Остальное, если Богу угодно будетъ дать дѣлу успѣхъ, пойдетъ отъ цѣлой жизни и отъ ея разнообразныхъ явленій; только бы тѣже начала выражались и во всѣхъ явленіяхъ. Пріѣзжай, любезный Кошелевъ. Нужно составить планъ кампаніи зимней и дѣйствій будущаго года.

Нужно намъ достать Майкова: его огромный трудъ показываетъ, что въ человѣкѣ есть сила [5]).

---

[1]) Владимира Павловича, позднѣе академика.

[2]) Отецъ І. В. Васильевъ.

[3]) И, сударь, съ извѣстнымъ злоупотребленіемъ логики можно все доказать.

[4]) Даръ софизма переданъ вамъ отъ Востока.

[5]) Говорится объ Аполлонѣ Александровичѣ Майковѣ и его книгѣ: „Исторія Сербскаго языка“.

17.

(Лѣто 1858).

Сегодня поутру твой эстафетъ меня разбудилъ въ половинѣ 8-го и немножко напугалъ. Прочитавъ, хотѣлъ было опять соснуть, да не тутъ-то было. Жаръ и мухи не позволили. Поэтому всталъ, принялся за перо и, не смотря на многіе вольные и невольные перерывы, исполнилъ урокъ. То ли я писалъ и такъ ли? Не знаю. Держался твоихъ наставленій, старался выразить мысль посильнѣе и въ тоже время крайне умѣренно. Объ успѣхѣ ты можешь судить лучше меня, вовсе непривычнаго къ офиціальной перепискѣ. Самый запросъ не совсѣмъ для меня неожиданъ. Я былъ у графа Толстаго въ Пб. два раза; онъ у меня разъ, и другъ друга не заставали; но видѣлъ NN въ ужасѣ*), и онъ говорилъ мнѣ объ еще большемъ ужасѣ своего начальника. Я за это его побранилъ; но видѣлъ, что толку не будетъ. Ему Толстой поручилъ было написать возраженіе; онъ говорилъ, что ему и больно нападать на «Бесѣду», да и едва ли гдѣ помѣстятъ возраженіе его. Я ему совѣтовалъ опять таки помѣстить въ «Р. Бесѣдѣ». Онъ разговоръ замялъ; но, какъ я уже сказалъ, выражалъ сильнѣйшій испугъ и раздраженіе. «Бесѣда» вышла незадолго; изъ Царьграда, очевидно, никакихъ еще вѣстей быть не могло, и всѣ эти росказни объ Михаилѣ какомъ-то и о гнѣвѣ патріарха должны быть чистѣйшею выдумкою. Сердится наша іерархія и особенно нашъ графъ А. П. Толстой, котораго Греки кругомъ обошли. Какъ бы они не надѣлали каши и бѣды неисправимой! На статью нашего Берлинскаго священника, которой мнѣ дано экземпляровъ двадцать, отвѣчать нечего. Что ихъ дразнить? Ты видишь, что Нѣмцы на него вовсе не обратили вниманія: это явно изъ самой брошюры, а намъ только можно порадоваться полному согласію Грека Аѳинскаго, человѣка духовнаго и просвѣщеннаго, съ нами. Быть можетъ, онъ и съ моими брошюрами знакомъ и не безъ пользы ихъ читалъ. Въ возраженіи на него нашего свя-

---

1) Т. И. Филиппова, поступившаго тогда на службу въ Св. Синодъ, подъ начальство графа А. П. Толстаго, на родственницѣ котораго (Маріѣ Ивановнѣ Иракліоновой) онъ женился.

щенника, кажется, есть косвенный намекъ на меня. Вѣдь онъ прежде хотѣлъ мнѣ возражать, да не рѣшился. Богъ съ нимъ! Голова некрѣпкая, да и ученость небольшая. Кстати, не слыхалъ ли ты о судьбѣ моей третьей брошюры? Мнѣ бы очень нужно знать, напечаталъ ли ее наконецъ Брокгаузъ? *) Письмо и объясненіе ты бы ужъ долженъ получить завтра къ обѣду; но такъ какъ со станцій нѣтъ эстафетовъ, а нужно послать изъ Тулы, то пожалуй получишь мое писаніе не прежде Пятницы поутру.

Смерть Иванова для меня просто ударъ, и жестокій ударъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ онъ мнѣ сталъ дорогъ въ тѣ два или три раза, въ которые я его видѣлъ. Это былъ святой художникъ по тому смиренному отношенію къ религіозному художеству, которое составляло всю его жизнь. Статью начатую придется всю передѣлать. Иное написать можно о живомъ, иное о мертвомъ. А вѣдь ужъ противъ него были сильныя интриги и, можетъ быть, оскорбленное чувство сдѣлало его воспріимчивѣе къ болѣзни. Милъ Петербургъ, нечего сказать!

Напрасно ты просишь меня о «Бесѣдѣ»: развѣ я не понимаю всей ея важности? Все, что могу, то сдѣлаю, покуда ты на службѣ земской. А все-таки ты бы непремѣнно долженъ порядкомъ стянуть съ Черкасскаго: годъ цѣлый гулялъ и теперь до Сентября ничего не будетъ дѣлать. Его обозрѣнія были бы крайне для «Бесѣды» необходимы, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Я не знаю, когда его увижу, да и меня онъ не послушаетъ. Толкни его письменно.

18.

(Октябрь 1859).

Вѣроятно ты уже слышалъ, любезный Кошелевъ, какъ я умудрился вылетѣть изъ тарантаса на охотѣ и какъ отлично я себѣ вытянулъ жилы вертлуга. Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ я лежу почти постоянно: это очень тяжелая болѣзнь, которая многихъ оставляла хромыми на всю жизнь; такихъ я знавалъ. Надѣюсь, что омеопатія не дозволитъ ей такой вольности со мною; но я все еще сильно хромаю, и особенно съ трудомъ сижу. Боль

*) Третью богословскую брошюру А. С. Хомякова отвозилъ Брокгаузу въ Лейпцигъ пишущій эти строки, упомянутый на стр. 157-й подъ буквою *Б.*

теперь уже небольшая, но постоянная; впрочемъ, кажется, могу разсчитывать на полное выздоровленіе.

Отъ души радуюсь, что ты въ Питерѣ и въ дѣятельности: тебѣ это нужнѣе хлѣба, а твоя дѣятельность непремѣнно полезна и добра. Бѣднаго Самарина свалила было излишняя ревность: слава Богу, говорятъ, онъ оправился и поѣхалъ весело за границу. Избави насъ Богъ отъ такой потери! Только нынче получилъ я письмо, которое меня успокоило, а то я все время мучился страхомъ за него и горемъ за всѣхъ насъ. Скажи Черкасскому мою душевную благодарность; кажется, онъ его спасъ. Еще разъ скажу, радуюсь за тебя, что ты въ Комитетѣ, и радуюсь, что не въ Ростовцовскомъ: ты свободнѣе.—Исполнилъ ли ты намѣреніе свое за границею? Вѣроятно нѣтъ, а то было бы слышно. А я не утерпѣлъ: досадно стало, что дѣло усложняется и портится безъ нужды, я и написалъ письмо (въ первыхъ числахъ Августа) къ Якову Ивановичу.

Разумѣется, онъ его получилъ; но пошло ли въ прокъ, не знаю. Посылаю тебѣ копію; тому уже два мѣсяца, какъ оно писано. Я знаю, что во многомъ ты со мною несогласенъ; а все-таки прошу тебя, сдѣлай одолженіе, пусти его въ ходъ. Я глубоко убѣжденъ, что путь мною предлагаемый есть лучшій и даже единственный. Если отъ васъ будетъ зависѣть, не давайте путать внутреннее устройство міровъ. Стыдно, право, нашему умному и дорогому Б.*), что онъ подписалъ такую, съ позволенія сказать, дребедень. Ужасно затягиваетъ эта административная мудрость, точно въ омутъ: закружитъ, да и утопитъ. Вся эта регуляризація, все это абсолютное большинство никуда не годятся. Выдумывать напередъ казуистику не слѣдуетъ: пусть вопросы возникаютъ на практикѣ, а сомнительныя сходки очевидно должны разрѣшаться; если самъ міръ не разрѣшитъ, то третьями или, по моему, временнымъ княземъ, выбраннымъ ad hoc. Но и это будетъ рѣдко случаться. Комитетъ поступаетъ съ крестьянами, какъ неразумные воспитатели, которые, чтобы предупредить дѣтей отъ разврата, даютъ имъ его подробнѣйшее описаніе. Опасность родится отъ излишней предосторожности, и положеніе, созданное Комитетомъ объ мірскихъ сходкахъ,

*) Графу Д. Н. Блудову.

убѣетъ самую сходку. Аксаковъ, при своемъ лпризмѣ, правъ, и болѣе практиченъ, чѣмъ практики. Не должно заковывать жизнь, когда ее только пробуждаешь: дай ей просторъ и жди ея собственнаго ума. Въ Москвѣ одинъ баринъ по системѣ Галя дѣлалъ дѣтямъ своимъ желѣзные колпаки со всѣми шишками добродѣтели и разума. Изъ пяти трое умерли, а двое вышли дураками. Это фактъ. Зачѣмъ же Б.[1]) хочетъ повторить тотъ же опытъ надъ мірами? Я такъ люблю Б., что мнѣ больно было видѣть его имя подъ этими протоколами. Впрочемъ я очень понимаю всю трудность связать жизнь обычную съ жизнію законною и, разумѣется, не прихожу съ Конст. Акс. въ негодованіе; но нахожу его правымъ въ принципѣ. «Господа, играйте ближе къ натурѣ!» какъ говорилъ Еропкинъ, когда хитрили и мудрили въ вистъ.

19.

(Май 1860).

Здѣсь былъ Самаринъ, который расказывалъ про борьбу съ Панинымъ и, кажется, рѣшительную побѣду Комиссіи. Должно быть, ихъ работы кончатся въ первыхъ числахъ или къ половинѣ Іюля; но въ тоже время слышно, что *..[2]) все болѣе и болѣе склоняется къ выкупу; только не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу. Я хочу предложить слѣдующія предварительныя мѣры, которыя облегчили бы выкупъ и всякую добровольную сдѣлку между помѣщикомъ и крестьянами:—1-*я*. Открыть банки снова для залога и перезалога имѣній, — 2-я. Такъ какъ для этого нѣтъ денегъ, то получать будутъ четырехъ-процентными серіями. На нихъ охотниковъ окажется множество, потому что пропасть сдѣлокъ остановилось за невозможностью закладывать. Но рынокъ никакъ не будетъ заваленъ, а проценты будутъ обезпечены тѣми имѣніями, которыя закладываются, и слѣдовательно государственный долгъ не прибавится ни на волосъ. —3-я. Серіи эти будутъ приниматься въ подушныя и при продажѣ казенныхъ земель и имуществъ, но не при откупныхъ уплатахъ, ни при штрафныхъ. Въ частномъ оборотѣ курсъ вольный. Впрочемъ положеніе объ нихъ должно быть одинаково

---

[1]) Графъ Блудовъ.—[2]) Государь?

какъ и о прежнихъ серіяхъ, которыя и теперь берутся съ преміей. Эта мѣра при теперешнихъ обстоятельствахъ будетъ имѣть то послѣдствіе, что почти всѣ незаложенныя имѣнія заложатся, а государству не будетъ ни гроша убытка, и не потребуется ни копѣйки денегъ. Обороты страшно усилятся по той простой причинѣ, что ни одной серіи не пойдетъ въ ходъ, которая не была бы дѣйствительно нужна и что всѣ онѣ будутъ ничто иное какъ заемъ не правительственный, но частныхъ людей, обезпеченный правительствомъ.—4-я. Объявить, что переводъ казеннаго долга, по добровольному согласію, на крестьянъ при такой-то мѣрѣ земли (разумѣется не свыше 2 д., кромѣ угодьевъ) не встрѣтитъ никакаго затрудненія. Смѣшно въ этомъ упираться: у крестьянина, какъ у помѣщика, двѣ руки да двѣ ноги, да сверхъ того усадьба, земля и круговая порука, а подушныя съ процентами (3,85) менѣе мѣщанской повинности.

Эти мѣры разрѣшатъ весь узелъ скорѣе, чѣмъ какія бы то ни было многосложныя операціи и выдумки. Прибавь еще, что, кромѣ серій, нежелающіе закладывать имѣніе могутъ получать листы безпроцентные на покупку казенныхъ земель, и имѣніе будетъ считаться заложеннымъ только по покупкѣ этихъ земель. Что скажешь, любезный Кошелевъ, объ этихъ предложеніяхъ? Казалось бы, что за ихъ пользу можно ручаться; я ихъ посылаю въ Питеръ и прошу отвѣта отъ Черкасскаго, Бунге и Милютина. Сообщи мнѣ свое мнѣніе, чтобы, если нужно, что нибудь измѣнить и пополнить*).

К. С. Аксаковъ сдѣлался опять очень боленъ, но кажется это только жестокая и дурнокачественная лихорадка, отъ накопленія желчи. Я ожидалъ для него этой болѣзни.

20.

Москва, 3 Августа 1860.

Пишу тебѣ изъ Москвы, покуда лошадей закладываютъ. Пріѣхалъ я въ Москву на четыре дня, пробылъ шесть; пріѣхалъ по дѣламъ, между прочимъ нужно 10,000 сер. на обороты; денежный рынокъ таковъ, что условія бѣшеныя; придется иначе обернуться. Это я говорю, чтобы сказать только о состояніи денежнаго рынка и о послѣдствіяхъ запертаго банка. Вообще

*) Ср. томъ III-й, стр. 475.

я утверждаю, что движимый капиталъ просто составилъ заговоръ противъ Россіи вообще, и наши государственные люди служатъ ему орудіемъ, не воображая того. Къ твоимъ словамъ о незнаніи и наукѣ прибавлю, что невѣжу не то обманетъ, не то нѣтъ, а ученыхъ непремѣнно. Одна изъ причинъ моего пріѣзда—Б.[1]). Я у него былъ почти всякій день, настроивая на выкунъ. Онъ просилъ у меня моего письма къ Ростовцову и вообще согласенъ съ нами, но вѣдь это размазня: достанетъ ли твердости что нибудь отстоять и что нибудь опровергнуть, сомнѣваюсь. Пожалуй, теперь много значитъ Поповъ[2]); ты бы съ нимъ переписался. Я старше ему пріятель, чѣмъ ты; но ты въ этомъ дѣлѣ болѣе можешь отъ него добиться толку. Изъ словъ самаго Б. боюсь, что онъ въ кодификаціи наплететъ путаницу, набивая юридическими формами то, что должно быть совершенно свободнымъ. Такъ, напр., цѣлая большая глава о формахъ найма работниковъ въ деревняхъ вмѣсто самыхъ простыхъ сдѣлокъ. Это тебѣ къ свѣдѣнію.

Аксаковъ съ половины Августа ѣдетъ за границу; кажется его Варвинскій спасъ отъ смерти. Ивану С. была въ Хорваціи просто овація или, лучше сказать, рядъ овацій. Гдѣ онъ теперь, неизвѣстно; удалось ли что въ Бѣлградѣ, неизвѣстно.

Я тебѣ въ «Бесѣду» ничего еще не писалъ. Въ деревнѣ начну немедля. Отчего не писалъ? Переводилъ Павла Апостола съ оригинала: къ Галатамъ и къ Ефесеямъ. Самъ очень доволенъ; кто читалъ, всѣ очень довольны, а въ «Православномъ Обозрѣніи», кажется, не рѣшатся напечатать, чтобы не оскорбить Синода. Придется печатать въ Лейпцигѣ, а какъ это обидно! Просто ножъ острый, но что же дѣлать? Павла всего переведу: не могу отстать и, право, думаю сдѣлать очень хорошую вещь. Во многомъ я отъ всѣхъ переводовъ отхожу и надѣюсь, что во многихъ случаяхъ возстановилъ истинный смыслъ [3]).

Прощай, дорогой и милый другъ.

---

[1]) Графъ Блудовъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, жившій тогда въ Нескучномъ.

[2]) Служившій во II-мъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

[3]) Въ этотъ пріѣздъ Хомякова изъ деревни въ Москву, пишущій эти строки бесѣдовалъ съ нимъ въ послѣдній разъ въ Сокольникахъ, на дачѣ у больнаго К. С. Аксакова; рѣчь шла объ апостолѣ Павлѣ.

ПИСЬМА

КЪ

Александру Николаевичу

Попову.

А. Н. Поповъ, юристъ и историкъ, человѣкъ самостоятельнаго ума и большаго просвѣщенія, родился въ 1820 году, скончался 16 Ноября 1877 года. Онъ принадлежалъ къ числу младшихъ пріятелей и единомышленниковъ А. С. Хомякова, который узналъ его въ семействѣ Елагиныхъ (старшій сынъ ихъ, Василій Алексѣевичъ, былъ ему товарищемъ по Московскому университету). Поповъ служилъ сперва въ Министерствѣ Юстиціи, а потомъ до конца жизни во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, подъ начальствомъ графа Д. Н. Блудова. *Изд.*

1.

28 Іюля (1846 года, изъ деревни).

Не знаю, что̀ говорятъ объ М. Сборникѣ журналы Петербургскіе. Слышу, что О. З. [1]) бранятъ его, и не умно; впрочемъ это очень неважно. Важнѣе и досаднѣе то, что строгость цензуры вѣроятно будетъ пробуждена статьями Аксакова [2]). Его

---

[1]) Отечественныя Записки.

[2]) Здѣсь говорится о Константинѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. Въ первомъ Московскомъ Сборникѣ (дозволеніе тогдашней предварительной цензуры означено 13 Мая 1846) находимъ только одну статью К. С. Аксакова: „Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи“, и въ ней между прочимъ слѣдующія въ то время страшныя строки: „Слово, оканчивающееся на *бургъ*, сохраняетъ весь свой иностранный характеръ; *бургъ* такъ чуждъ, такъ противенъ Русскому духу. Что̀ дѣлать? *Петербуржанинъ*—всѣ засмѣются, *Петербуржакъ*—еще смѣшнѣе. *Петербургецъ* или *Петербуржецъ* или *Петербурецъ*, какъ употребляютъ—точно также чуждо и неловко, особенно въ женскомъ: *Петербурка* или *Петербуржка*. *Петербуржичъ* тоже смѣшно. Что̀ дѣлать. Какъ-то совѣстно къ имени иностранному придѣлывать Русское окончаніе. Нѣтъ, видно, какъ ни бейся, а отъ иностраннаго имени не получишь Русскаго окончанія!“—Во второмъ „Московскомъ Сборникѣ“ (дважды цензурованномъ, въ Петербургѣ 16 Августа 1846 и въ Москвѣ 21 Февраля 1847), про который говорится въ слѣд. письмѣ, К. С. Аксаковъ помѣстилъ, подъ псевдонимомъ *Имрекъ*, три превосходныхъ критическихъ разбора на „Вчера и Сегодня“ графа Соллогуба, на исторію „Русской литературы“ Никитенки и на „Петербургскій Сборникъ“ Некрасова. Въ первомъ разборѣ особенно досталось князю В. Ѳ. Одоевскому за его космополитство и И. С. Тургеневу. По поводу выраженій Никитенки про „звѣрское, брадатое лицо“ стрѣльцовъ, „владѣвшихъ пищалью не какъ благороднымъ орудіемъ, а какъ дреколіемъ“, Аксаковъ замѣчаетъ: „Развѣ не случается, что дреколіе подымается за правое дѣло, какъ напр. въ 1812 году, а пищаль, напротивъ, служитъ дѣлу ложному?“—Въ раз-

неосторожность, которую можно уважать потому, что она отчасти происходитъ отъ его смѣлой откровенности, пріобрѣтаетъ ему безконечныя похвалы нашихъ западниковъ. Если бы было въ немъ поболѣе разсужденія, онъ понялъ бы, что его хвалятъ особенно за тотъ вредъ, который онъ намъ дѣлаетъ, или сдѣлать можетъ, и за то, что онъ дѣйствуетъ въ смыслѣ современности страстной (разумѣется почти безсознательно), а не въ смыслѣ безстрастной истины и добраго нашего дѣла. Я съ этого началъ письмо, потому что это меня очень за сердце задѣваетъ.

Я готовлю послѣднюю свою статью. Въ предпослѣдней я уже сказалъ, кажется, почти все; теперь хочу досказать остальное и указать не только на болѣзнь, но и на единственное средство къ ея лѣченію; но боюсь, чтобъ напуганная цензура не положила препятствій; а я говорилъ съ безтолковою публикою только для того, чтобы все высказать. Глупо съ нашей стороны давать себѣ видъ политическихъ дѣйствователей. По сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше соціализма, который есть ничто иное какъ выводъ, и выводъ односторонній, изъ общаго воспитанія человѣческаго духа. Признаюсь, я, всегда равнодушный не только къ успѣху, но даже и къ тому, прочтетъ ли меня публика и увидитъ ли мое произведеніе, я безпокоюсь теперь мыслію, что цензура остановитъ мою послѣднюю статью, тѣмъ болѣе, что, не смотря на ловкость, пріобрѣтенную мною въ осторожномъ выраженіи своихъ мнѣній, многое изъ основныхъ принциповъ будетъ по необходимости не только смѣло думано, но и смѣло выражено, безъ чего оно осталось бы совершенно непонятымъ. А если статью кончу и статью пропустятъ, я буду очень счастливъ:

борѣ „Петербургскаго Сборника“ читаемъ: „Апатіею и эгоизмомъ казнятся Русскіе люди за презрѣніе къ народной жизни, за оторванность отъ Русской земли, за аристократическую гордость просвѣщенія, за исключительность присвоеннаго права называть себя настоящимъ и отодвигать въ прошедшее всю остальную Русь. Спѣсивое невѣжество противополагаютъ они всей древней, всей остальной, и прежней, и нынѣшней, Руси,—гордость учениковъ, ставящихъ себя, въ свою очередь, въ учители“.

прощусь съ публикою надолго, если не навсегда, и посвящу себя вполнѣ одному своему дѣлу, моей милой и слишкомъ долго оставленной Семирамидѣ [1]).

Живу я теперь въ деревнѣ; купаюсь, ѣзжу съ собаками, стрѣляю, обыгрываю Василья Александровича Трубникова [2]) на билліардѣ, и отпускаю бороду, съ которою не хочется разставаться. Что-то вы подѣлываете? Самаринъ, какъ слышно, уѣхалъ въ Ригу. Если уѣхалъ и будетъ тамъ жить, то, пожалуйста, пришлите адресъ его; также напишите, не извѣстенъ ли маршрутъ меньшаго Самарина по чужимъ краямъ. Пановъ [3]) по неосторожности заперъ у себя рукопись, которую Самаринъ брался напечатать за границею [4]). Это было намѣреніе Валуева, и надобно его исполнить тѣмъ болѣе, что рукопись очень важная и въ Россіи не можетъ быть напечатана, хотя содержитъ исповѣданіе вѣры православной на Греческомъ языкѣ. Если бы знать повѣрнѣе маршрутъ Самарина, то можно бы было рукопись къ нему переслать или по почтѣ, или съ путешественниками за границу. Впрочемъ признаюсь, на это мало надежды, и едва ли не придется ждать путешествія другаго какаго-нибудь изъ благонамѣренной братіи.

Прощайте покуда, любезный Александръ Николаевичъ; я отъ васъ писемъ не прошу, будучи самъ лѣнивый корреспондентъ, но давайте почаще о себѣ знать намъ вообще и не забывайте въ своихъ частныхъ трудахъ общаго труда.

Приписка Е. М. Хомяковой.

Стыдно, что вы браните Петербургъ, куда почти собрался было уже мой мужъ. Мнѣ бы очень хотѣлось куда-нибудь

---

[1]) Т.-е. Запискамъ о Всемірной Исторіи.

[2]) Онъ управлялъ имѣніями А. С. Хомякова и былъ, кажется, сродни А. Н. Попову.

[3]) Василій Алексѣевичъ Пановъ, родственникъ Валуева и издатель двухъ первыхъ „Московскихъ Сборниковъ“ 1846 и 1847 годовъ. Онъ умеръ также юношей.

[4]) Говорится о Катихизисѣ („Церковь одна“), которымъ начинается второй (богословскій) томъ сочиненій Хомякова. Кто переводилъ его по-гречески и сохранился ли этотъ переводъ, намъ неизвѣстно. Хомяковъ даже и отъ близкихъ друзей скрывалъ, что Катихизисъ этотъ писанъ имъ: къ выраженію общаго церковнаго ученія считалъ онъ лишнимъ присоединять частное имя.

съѣздить, и всего лучше ѣхать въ Петербургъ, потому что тамъ вы и Самаринъ, для которыхъ, кажется, не стыдно Алексѣю Степановичу сдѣлать 700 верстъ.

2.

4 Марта (1847 г.).

У насъ все по старому, по прежнему; только и новаго что вышелъ Сборникъ. Что-то о немъ будутъ говорить? По моему всего въ немъ замѣчательнѣе конецъ (Аксаковская З. Д.). Странный финалъ и производящій, какъ мнѣ кажется, самое тяжелое впечатлѣніе. Не говорю обо всей пьесѣ, въ которой много художественнаго достоинства, но объ концѣ. Столько-то съ тысячи, и это послѣднее слово этаго толстаго изданія [1]). Имѣяй очи да видитъ, но никто не увидитъ урока. Объ моей статьѣ [2]) только слышу, что ее Шевыревъ обвиняетъ въ какой-то Англійской гордости. Этого я просто не понимаю. Гдѣ онъ находитъ гордость! Перечитывая, нахожу только строгое и послѣдовательное изложеніе началъ. Положимъ, что въ своемъ дѣлѣ судьею я быть не могу, и что тутъ невольное самообольщеніе; но все, кажется, я могъ бы по крайней мѣрѣ придумать, на чемъ основано обвиненіе, даже считая его ложнымъ. Я и придумать не могу. Кавелинъ, какъ слышно, очень разгнѣвался; но мнѣ досадно то, что я, стрѣлявъ по Кавелину, попалъ еще въ другого противника, котораго конечно я оскорбить не хотѣлъ, въ Грановскаго. Повидимому, фактъ-то историческій данъ Кавелину имъ. По крайней мѣрѣ онъ отвѣчаетъ статьею, которую обѣщалъ мнѣ прочесть. Я буду его уговаривать не отвѣчать. Промахъ дать не бѣда; статья же безъ подписи, а факты несомнѣнны. Если мнѣ придется опровергать (что я конечно сдѣлаю на какой-нибудь полстраницѣ), я буду

---

[1]) Говорится о сценахъ, въ стихахъ и прозѣ, И. С. Аксакова, помѣщенныхъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1847 года и писанныхъ въ Мартѣ 1845 (какъ на нихъ означено), подъ заглавіемъ „Зимняя дорога“. Выраженіе „столько-то съ тысячи“ относится къ рекрутскому набору.

[2]) Говорится про статью „О возможности Русской художественной школы“. Не задолго передъ тѣмъ основалось въ Москвѣ, на Мясницкой, извѣстное Училище Живописи и Ваянія, и въ числѣ учредителей были Хомяковъ и Шевыревъ.

уже принужденъ поднять обвиненіе не въ незнаніи только, а въ недобросовѣстности, что̀ было бы мнѣ крайне непріятно.

Вообще я ничьихъ мнѣній о Сборникѣ не слыхалъ, потому что на Страстной никого не видалъ; поэтому и объ вашемъ Шлёцерѣ скажу только свое мнѣніе. Статья превосходная по безпристрастію, по добросовѣстности и по логической строгости разбора. Она, какъ мнѣ кажется, должна оскорбить многихъ (разумѣется, не какъ личность, а какъ улика) и въ тоже время освѣжить взглядъ на первую эпоху нашей исторіи, а это не шутка: первыя стихіи непремѣнно отражаются во всемъ послѣдующемъ развитіи. Ложное понятіе (если даже не ложное, то безъ сомнѣнія одностороннее), внесенное Шлёцеромъ, содержитъ въ себѣ причину безконечнаго множества ошибокъ во всѣхъ частяхъ и періодахъ Русской Исторіи. Вы это выразили. Конечно объ этомъ уже догадывались многіе; но догадка, покуда Шлёцеровскій авторитетъ не былъ потрясенъ и его изслѣдованія не были уличены въ односторонности, оставалась на степени догадки и не могла дать полной свободы, которая въ наукѣ пріобрѣтается только вами избраннымъ наукообразнымъ путемъ. Трудъ вашъ имѣетъ характеръ собственно отрицательный; но это-то логическое отрицаніе и будетъ нужно.

Соловьева статья [3]) очень хороша. Она, по правдѣ, содержитъ только то (или почти только) что̀ сказано было Валуевымъ; но въ ней достоинство ясности, которой у Валуева не всѣ могли доискаться, и для меня это важное достоинство, что Соловьевъ отдалъ полную справедливость труду Валуева, чего не сдѣлали тѣ, которымъ давно слѣдовало это сдѣлать.

Вообще «Московскій Сборникъ» хорошая и полезная вещь.

Послѣ вашего отъѣзда ровно ничего новаго нѣтъ. Одна только новость: болѣзнь бѣднаго Чаадаева. Я у него не былъ,

---

[3]) „О мѣстничествѣ“. Эта статья посвящена памяти Д. А. Валуева, которому С. М. Соловьевъ былъ товарищемъ. Московская цензура находилась тогда въ вѣдѣніи попечителя учебнаго округа, т.-е. графа С. Г. Строганова, который собственно для того и былъ назначенъ въ эту должность на мѣсто добродушнѣйшаго князя С. М. Голицына, чтобы строже слѣдить за умственнымъ Московскимъ движеніемъ.

но по слухамъ это нервическое разстройство, которое очень близко къ сумасшествію.

Забылъ прибавить объ вашей статьѣ, что въ ней есть одно слово, за которое я вамъ тысячу поклоновъ отвѣшиваю. Это: «оторвавшись отъ прошлаго и *фанатически* вѣруя въ силу будущаго». Славно и глубоко!

Преосвященный [1]) въ большой дружбѣ съ Аксаковымъ.

У меня въ домѣ опять всѣ были больны, и даже довольно серіозно, но теперь, слава Богу, все кончилось благополучно, я чувствую, что, кажется, надобно бы хоть мѣсяца на три заграницу. Будетъ ли только это возможно?

Прощайте. Что ваша служба? Меня здѣсь испугали за васъ, сказавъ, что васъ не пожалѣлъ Коломенскій [2]) столбъ, отъ котораго вы бы такъ рады отдѣлаться. Правда ли? Авось нѣтъ. Другіе говорятъ, что онъ самъ шатается. Я безъ всякой злобы этому былъ бы очень радъ.

3.

(Весна 1847 года).

Насилу насилу, собрались мы изъ Москвы, послѣ страшныхъ споровъ и толковъ и, такъ сказать, междоусобій. Авось и вправду мы выѣдемъ и попадемъ за границу. По причинамъ, которыя я вамъ разскажу въ Петербургѣ, мнѣ не хочется быть публикованнымъ въ Москвѣ; а такъ какъ дѣло возможно въ Петербургѣ, то хорошо бы было, если бы вы сдѣлали мнѣ одолженіе и напечатали бы про нашъ отъѣздъ за границу: въ Германію, Англію, Францію и Италію (ибо я и самъ не знаю, куда доктора пошлютъ) ѣдутъ отставной штабсъ-ротмистръ А. С. Хомяковъ, жена его Катерина М. Х., дѣти Марья и Дмитрій, иностранка Эмма Гатфильдъ и вольноотпущенная Арина Артемьева. Да еще вы сами предложили, то я и могу васъ просить: похлопочите, нельзя ли въ послѣднихъ числахъ Мая, отъ 25-го, имѣть мѣста на Штеттинскомъ пароходѣ. Число ѣдущихъ вамъ извѣстно. Надобно, чтобы всѣмъ мѣсто было.

---

[1]) Кто именно, не знаемъ.

[2]) Министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ (огромнаго роста).

Я думаю, надобно взять каюту; но какъ знаете. Больше ничего не пишу. Надѣюсь скоро съ вами потолковать обо всемъ въ Питерѣ, гдѣ пробуду дней 12 или 14 [1]).

4.

(4 Мая 1848 г.).

Порученіе ваше я исполнилъ; до сихъ поръ не писалъ къ вамъ потому, что ждалъ отъ васъ вѣсти. Что вамъ сказать? Люди, которые должны бы дать отвѣтъ, народъ самый нерѣшительный въ цѣломъ мірѣ. Они васъ любятъ и уважаютъ и ничего не говорятъ. «Надобно спросить у Сони». Да совсѣмъ ненадобно; до нея еще дѣла нѣтъ. Она не могла еще узнать порядочно Алекс. Никол.: вы скажите свое мнѣніе. «Да если мы скажемъ, то это будетъ уже рѣшительное согласіе, и послѣ того, если Соня не захочетъ подтвердить наше рѣшеніе, то мы будемъ обвиняемы въ двуличности». Да совсѣмъ нѣтъ. Ваше согласіе только предварительное, и послѣдняя инстанція рѣшитъ независимо отъ васъ. «Такъ спросимъ у нея». Разумѣется, на это я не согласенъ и думаю, что не долженъ согласиться, а другаго отвѣта не могу добиться. Но по моему одно дѣло ясно: если С. рѣшитъ въ вашу пользу, когда поближе васъ узнаетъ, старшіе будутъ согласны; въ этомъ я убѣжденъ. Ваше дѣло устроить себя или приготовить свой путь такъ, чтобы это было не безразсудно; а съ своей стороны я могу сказать, что васъ такъ любятъ и цѣнятъ, что, кажется, все можетъ устроиться къ добру. Надобно только, чтобы С. узнала васъ и рѣшила вопросъ. Я бы счелъ это великимъ счастіемъ для себя. Покуда болѣе сказать не могу; разсудите сами, что̀ нужно далѣе, а мнѣ поручайте, и знайте, что ваши порученія мнѣ очень дороги [2]).

Скажите пожалуста Веневит., что я его посылку получилъ въ исправности и ему буду на дняхъ писать; также хотѣлось

---

[1]) Хомяковъ уѣхалъ за границу изъ Петербурга 31 Мая 1847.

[2]) А. Н. Поповъ искалъ руки Софьи Петровны Бестужевой (вышедшей впослѣдствіи замужъ за Н. Д. Давыдова), которая по матери своей была родная племянница супругѣ А. С. Хомякова. Позднѣе А. Н. Поповъ женился на Маріѣ Петровнѣ Мосоловой.

бы написать и Самарину; если онъ уже въ Питерѣ, поклонитесь ему отъ меня.

Вчера былъ диспутъ Буслаева, не очень интересный, хотя и довольно живой [1]). Сильные были пріемы Санскритскихъ корней, за что Аксаковъ нѣсколько сердится. Я ратоборствовалъ, но немного, потому что публика была уже крайне утомлена. Прощайте покуда.

5.

(1848).

Кажется, Мамоновъ [2]) берется доказать вамъ, что вы несовсѣмъ были къ нему справедливы. По крайней мѣрѣ онъ сдѣлалъ эскизъ, который, будетъ ли конченъ или нѣтъ (ибо это дѣло сомнительное), есть уже самъ по себѣ прекрасное художественное произведеніе, стиля совершенно новаго и высокаго. Это еще не икона, но стѣнная живопись церковная, доведенная до необычайной красоты. Предметъ былъ ему заданъ мною— Путники въ Эммаусъ; но онъ взялъ не тотъ моментъ, за который берутся обыкновенно живописцы, моментъ преломленія хлѣба. Лука молодой, а Клеопа уже старикъ, шли и говорили;

---

[1]) Ѳ. И. Буслаевъ защищалъ свою магистерскую диссертацію „О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ“ 3 Мая 1848 года. Диспутъ продолжался слишкомъ три часа.

[2]) Эммануилъ Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (старшій сынъ масона и основателя Петербургскаго Общества Поощренія Художниковъ, Александра Ивановича Мамонова) принадлежалъ къ многому числу высокодаровитыхъ Русскихъ людей, которые берутся за дѣло черезъ-чуръ свысока и сгоряча и потомъ кончаютъ, можно сказать, ничѣмъ. Это былъ художникъ и мыслитель замѣчательный, но къ сожалѣнію почти ничего не произведшій. У него не доставало воли для исполненія широко задуманныхъ созданій. Между прочимъ, владѣлъ онъ необыкновеннымъ искусствомъ рисовать портретные очерки съ памяти, и въ альбомахъ у его пріятелей сохранились нѣкоторые прекрасные его рисунки этаго рода. Друзья его, въ бесѣдахъ съ которыми расточалъ онъ необыкновенныя дарованія ума и тонкаго художественнаго вкуса, никогда его не позабудутъ. Изъ недоконченныхъ портретовъ, писанныхъ имъ на полотнѣ, замѣчательны особенно портреты Хомякова (находящійся у Д. А. Хомякова) и И. В. Киреевскаго (у Маріи Васильевны Боеръ). Надо замѣтить, что А. С. Хомяковъ былъ большой знатокъ въ живописи и самъ иногда рисовалъ.

къ нимъ съ лѣвой руки присоединился путникъ, выше ихъ ростомъ — Христосъ. Они идутъ. Онъ говоритъ, а они слушаютъ. Много красоты и власти въ Христѣ, но апостолы просто удивительны. Горѣніе сердецъ и слѣпота выражены превосходно. Пейзажъ бѣдный, какъ въ первой школѣ Рафаэля. Вдали Іерусалимъ, очень похожій на Русскій городъ. Тишина и какая-то святость наполняютъ картину и передаются зрителю на долго. Картина уже начерчена на холстѣ и будетъ скоро отдѣлываться красками. Не знаю, какъ-то тутъ справится художникъ, но у меня большая надежда на успѣхъ. Далѣе онъ хочетъ прослѣдить учениковъ въ слѣдующіе два момента: они уговариваютъ Христа отдохнуть съ ними и потомъ узнаютъ Его. Вы видите, что задача полная и прекрасная. На меня это подѣйствовало благотворно, порадовало, оживило и заставило работать усерднѣе. Если ужъ и Мамоновъ работаетъ, то кому же еще позволено лѣниться? Впрочемъ вы не ждете добраго примѣра, а трудитесь вдоволь. Предпринятая вами статья трудъ не малый. Кончите ее; не удастся ли вамъ въ видѣ непротивномъ цензурѣ представить христіанскую истину Европейскаго требованія на Западѣ при невозможности удовлетворенія этому требованію безъ христіанства? — Благодарю васъ за хлопоты объ моей статьѣ: я ею дѣйствительно дорожу именно какъ заключительною, кромѣ послѣсловія, которое будетъ нѣсколько въ стилѣ проповѣди. Нельзя ли ее пропустить прямо черезъ негласный комитетъ, т.-е. получить напередъ одобреніе Бутурлина или какъ-нибудь косвенно, выказавъ всю подлую ложь Давыдовскаго сужденія? [1]). Впрочемъ, какъ знаете. Разумѣется, вы очень справедливо догадываетесь, что одобреніе моего Исповѣданія [2]) было бы для меня гораздо дороже всѣхъ моихъ статей; но вотъ теперь и объ немъ затрудненіе. Протасовъ черезъ Веневитинова посылаетъ мнѣ на пересмотръ экземпляръ съ своими отмѣтками, вообще неважными, но справедливыми (вѣро-

---

[1]) Извѣстный Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, деканъ словеснаго факультета въ Московскомъ университетѣ. Бутурлинскій комитетъ, носившійся съ мыслію, не процензировать ли самую Библію, слишкомъ памятенъ, чтобъ о немъ говорить.

[2]) Катехизическое ученіе о церкви, составленное А. С. Хомяковымъ. (См. II томъ его сочиненій).

ятно синодскими) и желаетъ, чтобы я объ этомъ самъ у Филарета похлопоталъ. Это дѣло крайне трудное съ такимъ человѣкомъ; я у него побываю и за дѣло примусь, разумѣется очень осторожно, чтобы не испортить всего. Но не лучше ли бы было, и даже не нужно ли, чтобы къ Филарету пришелъ экземпляръ съ запросомъ, разумѣется не отъ Синода или отъ Протасова, а отъ кого-нибудь изъ безцвѣтныхъ членовъ Синода, къ которымъ здѣшній митрополитъ равнодушенъ, безъ упоминанія моего имени? Подумайте объ этомъ и поговорите, а я покуда слегка толкнусь къ самому. Хотѣлъ было это сдѣлать черезъ барынь (напр. Наталью Петр. Кир.), да всѣхъ ихъ боюсь, а ея болѣе всѣхъ. Какъ-то это удастся? А меня это сильно тревожитъ. Кромѣ того, что я крѣпко дорожу этою работою и по совѣсти считаю ее весьма доброю и полезною, я еще гляжу на нее какъ на завѣщаніе Валуева, который меня понудилъ этимъ заняться въ надеждѣ добраго дѣйствія на Англію, и никогда съ нею не разставался и перечитывалъ ее часто, особенно когда на него нападала болѣзненная тоска.

Правда ли, что Австрія доводитъ Елачича до отчаянія и отдаетъ Славянъ и даже Хорватовъ связанныхъ Мадьярамъ? Если правда, то грустно. Уступить стыдъ и грѣхъ; возстать— кровопролитіе сильное, буря страшная, но разумѣется, все лучше уступки. Видно, безъ грозы не прочистится. Что за подлецы эти Австрійцы! Что за слѣпота въ мнимой мудрости политики Меттерниховой! — Въ Англіи вышла странная, но, говорятъ, весьма неглупая книга, подъ названіемъ *Славянская реакція* противъ современнаго безвѣрія. Какъ странна эта внутренняя симпатія! И въ одной только Англіи! Я туда пишу объ Окружномъ Посланіи и о прочемъ [1]).

Въ скоромъ времени пошлю вамъ (т.-е. недѣли черезъ четыре) ряду свою съ крестьянами [2]). Она почти совершена, но еще кое о чемъ торгуемся. По моему, это величайшій знакъ ихъ добросовѣстности.

---

[1]) Къ Пальмеру.

[2]) Хомяковъ добивался добровольнаго договора съ врестьянами и продолжалъ это дѣлать до кончины.

6.

(17 Марта 1848).

Правы вы были, когда писали, что дѣла́ есть на свѣтѣ еще и поважнѣе Парижскихъ. Паденіе Австріи или, лучше сказать, распаденіе ея, совершилось или совершается. Для иныхъ это дѣло чисто-политическое, для насъ дѣло историческое. Исчезаетъ слѣдъ Карловской Имперіи. Первенство Германской стихіи, по крайней мѣрѣ въ отношеніи вещественномъ, миновалось. Папа, раскачавъ Италію и пустивъ въ ходъ силы неподвѣдомственныя ему, сидитъ себѣ въ уголкѣ Рима грустненькій и слабенькій. Папство Григорія идетъ туда же, куда Карлова Имперія, въ историческій архивъ. Туда же за ними Протестантство и Католицизмъ. Поле чисто. Православіе на міровомъ череду. Славянскія племена на міровомъ череду. Минута великая, предугаданная, но не приготовленная нами.

Теперь вопросъ, сумѣемъ ли мы воспользоваться ею? Можемъ ли воспользоваться ею? Грустно, а должно признаться, что опасеній должно быть у насъ столько же, сколько и надеждъ. У большей части Славянъ порча Германо-Римская (Богемія и Польша) прошла до костей и мозга. У другихъ, менѣе испорченныхъ (Словаки, Краинцы и др.) была и есть склонность къ намъ; но первая радость, первое опьяненіе свободы вѣроятно увлекутъ ихъ къ той области, изъ которой исходитъ видимое движеніе, т.-е къ Западу. Чистѣйшіе народы, наименѣе подвергшіеся вліянію Запада во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ религіозномъ (Сербскіе), вѣроятно подпадутъ двойному соблазну политическаго построенія и вещественнаго просвѣщенія, которое насъ увлекло съ Петровской эпохи. Вотъ опасности вѣроятныя и едва ли не вѣрныя, которыя предстоятъ намъ; вотъ съ чѣмъ намъ приходится бороться. Силъ потребуется немало, силъ сознательныхъ, многосторонніхъ и соотвѣтствующихъ требованіямъ современнымъ.

Такова наша общественная задача, общественная, а не правительственная; ибо правительство только направляетъ употребленіе силъ, а не создаетъ силъ. Безнаказанно нельзя смѣшивать общественную задачу съ политической; на это можетъ

только рѣшиться революціонная Франція, и разумѣется она и пожнетъ плоды своего безумія. Германія склонна къ той же ошибкѣ; но есть еще надежда, что она нѣсколько позамедлитъ и надоумится примѣромъ сосѣдки. Со временъ революціи торжествуетъ (хотя, разумѣется, существуетъ издавна) нелѣпое ученіе, смѣшивающее жизнь общества государственнаго съ его формальнымъ образомъ. Это ученіе такъ глубоко пустило свои корни, что оно служитъ основаніемъ самому протестантству политическому (коммунизму или соціализму), разрѣшающему задачу общества только новою формою, враждебною прежнимъ формамъ, но въ сущности тождественною съ ними. Можно еще прибавить, что оно пустило такъ глубоко корни, что человѣкъ съ здравою логикой ясно понимаетъ необходимый *Съверно-Американизмъ* (такова общая формула) самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Западнаго движенія и можетъ также легко прослѣдить его въ неподвижности Голохвастова и моихъ тетушекъ, какъ и въ любомъ горячемъ студентѣ, мечтающемъ о перемѣнахъ и переворотахъ цѣлаго міра. Перевоспитать общество, оторвать его совершенно отъ вопроса политическаго и заставить его заняться самимъ собою, понять свою пустоту, свой эгоизмъ и свою слабость: вотъ дѣло истиннаго просвѣщенія, которымъ наша Русская земля можетъ и должна стать впереди другихъ народовъ. Корень и начало дѣла—религія, и только явное, сознательное и полное торжество Православія откроетъ возможность всякаго другаго развитія. Паденіе Папства откроетъ путь, ибо Протестантство уже пало; но этаго мало. Поле чисто, да его надобно вспахать анализомъ науки и засѣять сѣменемъ живымъ. Хватитъ ли у насъ силъ и ревности? Будетъ ли свобода добру, или смѣшаютъ его со зломъ, потому только, что оба похожи другъ на друга способностью жить и двигаться?

Объ Москвѣ мнѣ вамъ писать новаго нечего кромѣ того, что по случаю поэмы *Двойная Жизнь* и Шевыревскаго разбора произошли опять смуты между Шевыревымъ, Павловымъ и Аксаковыми; да вотъ чудесный анекдотъ. Смутные слухи объ епископѣ раскольничьемъ въ *Галиціи* прошли въ общество, и вотъ какъ они формулировались въ немъ. Сцена Англійскій клубъ. «Вотъ каковы мы! Знаемъ все, что дѣлается во Фран-

ціи, а что въ Россіи—не знаемъ и не слышимъ».—Да что же въ Россіи?—«А вотъ что: въ *Галицкихъ* лѣсахъ поймали *дикаго архіерея*». Кажется уже лучше этого и не придумаете. Пожалуста пустите въ ходъ.

М. 17 д.

7.

(1848).

Завтра, любезный Александръ Николаевичъ, выѣзжаемъ мы изъ Москвы. Пора, давно пора! Жары смертельныя, холера сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, всѣ перепуганы, и даже тѣ которые къ испугу не очень способны тревожатся невольно отъ безпрестанныхъ толковъ, отъ которыхъ отбиться невозможно. Медицина отвратительна, по какому-то грубому равнодушію медиковъ, въ одно время трусливыхъ и беззаботныхъ. Опытовъ не дѣлаютъ и дѣлать не хотятъ, а тащатся безсмысленно въ колеѣ уже проторенной. Я не могу добиться, чтобы кто-нибудь изъ нихъ рѣшился хоть испытать простое лѣченіе слѣдующимъ средствомъ: Mogrhii Acétici съ водою лавровишневой или съ разведенною амигдалиною и въ тоже время кл. изъ крахмала съ опіумомъ. Если, чего Боже избави, у васъ тоже есть въ Питерѣ слѣдъ холеры, поищите медика, который бы рѣшился на такой опытъ, и уговорите его. Вѣдь кромѣ пользы, доктору была бы Европейская слава. Что до меня касается, впрочемъ, я держусь одного, говорю тоже безпрестанно всѣмъ знакомымъ, и вамъ, и Веневитинову, и Муханову: имѣйте всегда при себѣ стекляночку *Ipécacuana* и стекляночку *Vératrum Album*. Тысяча человѣкъ этимъ лѣчены въ Мценскѣ, и никто не умеръ; но доктора не хотятъ про это и слушать.

. . . . . .

Въ общей бѣдѣ есть у меня и частная досада, хотя впрочемъ эта частная досада есть также отзывъ другой общей заразы, хотя и не холеры. Мою статью объ Англіи не пропустила цензура. Если бы вы только могли видѣть, что именно не пропущено, вы бы едва повѣрили своимъ глазамъ; а замѣтьте, что это не особенная строгость ко мнѣ, а просто страхъ, принятый за правило здѣшними цензорами, которыхъ будто бы пугаютъ изъ вашихъ сторонъ. Да гдѣ же тутъ толкъ? Неужели генералы и даже адмиралы разные, какъ говоритъ

Гоголь, не понимаютъ уже ровно ничего въ теперешнемъ положеніи дѣлъ? Неужели не понимаютъ, что налагать молчаніе на самодѣльную мысль все тоже, что̀ готовиться къ войнѣ и запретить всякую выдѣлку пороха для того, чтобы онъ не сдѣлался орудіемъ мятежа; тоже, что̀ обезоружить страну для того, чтобы она не употребила оружія во зло? Вы кое-кого видите людей умныхъ, благомыслящихъ и отчасти небезсильныхъ. Пожалуста поговорите, попросите ихъ объ томъ, чтобы была дана хоть малая свобода Московской цензурѣ. Вы меня знаете; вы знаете, что мнѣ статья журнальная не можетъ быть дорога̀ по славѣ или самолюбію. Но видѣть, что нѣтъ никакой возможности принести хоть какую-нибудь пользу, это несносно; а еще несноснѣе видѣть, что этотъ слѣпой страхъ, которымъ проникнута цензура, ведетъ къ бѣдѣ. Москва съ своимъ Кремлемъ и тройнымъ оцѣпленіемъ святыхъ мѣстъ, охватывающихъ ее со всѣхъ сторонъ: это Оксфордъ Россіи, но Оксфордъ огромный, много сильнѣе Англійскаго. Въ ней сосредоточивается и выражается сила историческая, сила преданія, сила устойчивости общественной; но этой силѣ нужно выраженіе, этому выраженію нужна свобода, хотя бы въ свободѣ и проглядывало какое-нибудь, повидимому, оппозиціонное начало. Эта мнимая оппозиція есть истинное и единственное консерваторство. Пусть этому началу положатъ совершенную преграду, пусть отнимутъ всякую возможность выраженія у этой силы преданія и общественной устойчивости; пусть заморятъ ее совершеннымъ молчаніемъ (ибо молчаніе есть смерть силы духовной), и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ пусть поищутъ съ фонаремъ живой силы охранной — и не найдутъ. Теперь не только можно, но должно поощрить, развязать умственное движеніе въ центрѣ жизни нашей, въ Москвѣ, а цензура дѣлается неслыханнымъ бичомъ. Просто повѣрить нельзя, до чего она доходитъ. Я не стану ничего цитовать, потому что пришлось бы цитовать цѣлыя статьи; но одно слово можетъ вамъ дать нѣкоторое понятіе объ этомъ сумасшествіи. Слова *низшіе классы, рабочій народъ* или *классъ* запрещаютъ рѣшительно въ статьѣ объ Англіи. Довольно ли этаго? Разумѣется, нельзя и думать, чтобы такія наставленія были даны цензорамъ; но они до того напуганы, что у нихъ просто умъ помутился; а между

тѣмъ словесность должна замолкнуть, всякая жизнь умственная должна замолкнуть въ Москвѣ, и тогда я желалъ бы посмотрѣть, что̀ положитъ преграды умственной контрабандѣ. Это дѣло не шуточное. Надобно, чтобы объ немъ подумали; надобно, чтобы цензорамъ и властямъ цензурнымъ здѣшнимъ было объяснено, что этотъ нелѣпый страхъ вреденъ и крайне вреденъ, что онъ не къ добру. Я знаю, кто радуется этому молчанію словесности нашей, кто съ насмѣшкой говоритъ: tu l'as voulu [1]), какой духъ торжествуетъ въ безсиліи доброй мысли; и вы это можете знать и всякій разумный и благомыслящій долженъ это знать. А въ тоже время въ обществѣ, которое ничего не знаетъ, но досадуетъ на молчаніе, слышно: «Вотъ, видите ли, никто добраго слова не хочетъ сказать» или, какъ я слышалъ: «La conspiration de la parole est remplacée par la conspiration du silence [2]). Очень забавное положеніе.

8.

Эврика! Холера меня такъ задѣла заживо опустошеніями, которыхъ полный размѣръ еще не извѣстенъ (я его полагаю слишкомъ въ милліонъ убылыхъ), что я ополчился на нее рѣшительно. Не всякая болѣзнь имѣетъ спецификъ; большая часть болѣзней зависитъ вполнѣ отъ организма, и сколько паціентовъ, столько же и спецификовъ. Но заразительная или міазматическая непремѣнно имѣетъ одинъ спецификъ, потому что всегда происходитъ отъ одной и той же причины. Отъ этой мысли я отправился и сталъ добиваться лѣкарства. Гомеопатія мнѣ не измѣняла *ни раза;* но я чувствовалъ, что ея употребленіе въ большомъ видѣ невозможно и не можетъ еще быть средствомъ къ прекращенію холеры. Наблюденіе и опытъ дали мнѣ это средство. Я бью теперь холеру палету́: не только у себя, но и у сосѣдей я ее совершенно прекращаю въ два-три дня и теперь смѣло утверждаю, что изъ всѣхъ заразительныхъ болѣзней (какъ скарлатина, тифусъ и пр.) холера едва ли не всѣхъ менѣе опасна. Спецификъ самый простой — чистый деготь. Я испыталъ его въ разныхъ видахъ, и отдѣльно, и съ разными

[1]) Ты этаго хотѣлъ.

[2]) Заговоръ слова замѣненъ заговоромъ молчанія.

примѣсями, и по опыту остановился на слѣдующемъ составѣ: чистый деготь и конопляное масло пополамъ, начиная отъ стакана смѣси до полурюмки по возрасту больнаго. Замѣтьте, что холерины я не признаю за холеру; не признаю холерою даже рвоты и поноса соединенныхъ, хотя бы они сопровождались значительнымъ охлажденіемъ членовъ; эти случаи (а ихъ у меня перебывало до тысячи) отстраняются легко смѣсью вина съ масломъ пополамъ и другими тому подобными средствами. Холерою признаю я только корчевую, и этихъ паціентовъ перебывало у меня до полутораста. Смертныхъ случаевъ было только четыре или пять, и тѣ или изъ весьма старыхъ, или изъ родильницъ. Лѣченіе слѣдующее: пріемъ по возрасту дегтярной смѣси, растираніе тѣла перцовкой съ крапивою или другимъ жгучимъ составомъ; горчичникъ или хрѣнъ на желудкѣ, питье парнаго молока или, по недостатку его, тепловатой отварной воды или миндальнаго молока, и строжайшее запрещеніе воды холодной или кваса на нѣсколько дней. У всѣхъ больныхъ проявляется послѣ холеры, въ первые дни, такая страсть къ холодному питью, что многихъ крестьянъ я былъ принужденъ связывать или пеленать. Холодное питье—совершенный ядъ; оно убиваетъ иногда мгновенно и почти никогда не проходитъ даромъ. Дѣйствіе лѣкарства—мгновенное прекращеніе рвоты, согрѣваніе тѣла, теплый и часто сильный потъ и тихій сонъ. Понось уменьшается мало-по-малу, чему разумѣется способствуютъ другія простыя средства; корчи перестаютъ очень скоро при растираніи. Были два или три случая, что рвота не вдругъ уступила; повторенный, но уже уменьшенный пріемъ той же дегтярной смѣси или дегтя съ уксусомъ перервалъ ее. Впрочемъ эти случаи по рѣдкости своей почти не заслуживаютъ упоминанія. Мнѣ попадались въ чужихъ деревняхъ многіе уже запущенные больные, и никто не умиралъ. Въ сухой холерѣ я употреблялъ тоже средство съ тѣмъ же успѣхомъ; напередъ давалъ нѣсколько стакановъ теплой воды для произведенія рвоты *). Успѣхъ этаго лѣченія несомнѣненъ;

*) Тифозныхъ послѣдствій не бываетъ никогда; но я нахожу, что повтореніе пріема, уменьшеннаго въ половину черезъ сутки, значительно ускоряетъ выздоровленіе. Впрочемъ это еще требуетъ повѣрки.

ибо, какъ я уже сказалъ, я не признавалъ холерою болѣзнь только въ началѣ, а лѣчилъ ее въ полномъ и сильномъ развитіи съ постояннымъ и полнымъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ такъ великъ, что я смѣло взялся бы прекратить холеру въ недѣлю въ любой столицѣ, будь она величиною и людностью съ Лондонъ. Но для прекращенія ея еще одно правило необходимо: какъ скоро кто-нибудь заболѣлъ, лѣчить его или дома, или въ больницѣ, и тотчасъ всему дому отъ перваго до послѣдняго жильца давать три дня предохранительное средство. Я объ немъ уже писалъ вамъ*): это ежедневный пріемъ въ ложкѣ воды трехъ или пяти капель спирта, въ которомъ распущены три грана камфоры на штофъ спирта. Это такъ же вѣрно какъ *Belladonna* въ скарлатинѣ, если не вѣрнѣе. Съ этими мѣрами я отвѣчалъ бы за любой городъ.

Вы видите, что это дѣло не шуточное: милліона народа или около того уже не досчитывается Россія; сколькихъ еще похититъ болѣзнь у насъ и въ Европѣ, неизвѣстно. Опытъ долженъ быть на совѣсти всѣхъ тѣхъ, кому есть возможность произвесть этотъ опытъ. Я самъ бы пріѣхалъ для этаго въ Петербургъ; но вы можете представить себѣ, что теперь не таково время, чтобы мнѣ оставить своихъ и матушку, которая, разумѣется, не можетъ быть покойна, когда холера едва прекращена въ нашемъ сосѣдствѣ, а все еще валитъ народъ верстахъ въ 15-ти и даже ближе.

Хочется мнѣ объ этомъ лѣченіи публиковать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, только не знаю, помѣстятъ ли публикацію; а васъ я попросилъ бы похлопотать, чтобы въ Питерѣ испытали мое лѣченіе. Пусть нарядятъ добросовѣстнаго и смышленаго чиновника; пусть отведутъ теплую палату въ больницѣ и пусть въ этой палатѣ другаго уже лѣченія не дѣлаютъ. Какіе бы ни поступали трудные больные, если только они ни испорчены уже другимъ лѣченіемъ, я убѣжденъ, что смертность будетъ совершенно ничтожна. Жизнь тысячъ и тысячъ людей можетъ зависѣть отъ добросовѣстнаго изслѣдованія предлагаемаго мною способа, и отказать въ этомъ изслѣдованіи

*) Этаго письма у насъ не имѣется. *Изд.*

было бы просто преступленіемъ. Быть можетъ, я ошибаюсь и принимаю за общій спецификъ лѣкарство, котораго успѣхъ зависѣлъ отъ мѣстныхъ причинъ; но множество обстоятельствъ заставляютъ меня вѣрить въ совершенно-специфическую силу этаго лѣченія. При этомъ оно доступно всѣмъ, всюду можетъ быть употребляемо самими жителями по простой инструкціи отъ правительства, и если я правъ, то холера перестаетъ быть бичомъ, такъ же какъ оспа. Дай Богъ, чтобы это было такъ! Я увѣренъ, что вы этаго не оставите безъ вниманія и надѣюсь, что вамъ удастся пробудить совѣсть въ комъ-нибудь изъ имѣющихъ власть и начальство. Я не боюсь холеры нисколько; я съ нею боролся и вездѣ искалъ случая съ ней бороться; но ужасъ беретъ при видѣ и слухѣ ея опустошеній. Мелкія начальства тупы и робки; въ одномъ только Питерѣ возможенъ опытъ рѣшительный и общеполезный; въ немъ только еще можно найти людей, которые на это посмотрятъ какъ на дѣло долга и совѣсти. Только прибавлю, что на докторовъ полагаться нельзя, а необходимо присутствіе ревностнаго и добросовѣстнаго чиновника въ самой больницѣ.

На дняхъ у меня былъ случай, котораго я не могу вспомнить безъ нѣкотораго ужаса и въ тоже время благодарности Богу. Жена моя пошла съ маленькою Катенькой и дѣвушкой гулять въ лѣсъ; тамъ встрѣтилась имъ крупная дворная собака, подбѣжала къ нимъ и пошла за ними; такъ проводила она ихъ почти до дому, около версты, потомъ бросилась отъ нихъ въ сторону, перекусала всѣхъ собакъ, кидалась на людей и на скотину; она была въ полномъ разгарѣ бѣшенства и, еще прежде чѣмъ попалась навстрѣчу къ женѣ моей, перекусала многихъ. Признайтесь, что это счастіе почти невѣроятное. Богъ помиловалъ!

Статью мою, наконецъ, пропустили. Не знаю какъ, ибо цензура рѣшительно сперва отказала; но знаю, что Погодинъ и Шевыревъ лѣзли изъ кожи. Кажется, безъ самолюбія могу сказать, что она того стоитъ. Англичане, которымъ она читана была, говорятъ, что она была бы подаркомъ для Англіи. Не знаю, читали ли вы ее; на дняхъ пошлю вамъ два экземпляра со вставкою, выпущенною цензоромъ, а потомъ и остальныя.

Выпусковъ немного, но жаль ихъ*). Думаю о послѣдней статьѣ. Не все же холера будетъ поглощать людскія мысли и вниманіе. На дняхъ получилъ я изъ Лондона большое письмо: много хорошаго и радостнаго. Въ газетахъ вижу молодечество Сербовъ и Хорватовъ; не все же одно горе: есть и утѣшеніе.

Будьте сами бодры. Устроивайте себя удобно и разумно. Что вы не хотите перерѣзывать дороги Кавелину, за это, кажется, васъ нельзя не похвалить. Совѣтовъ же дать я не могу. Вамъ видиѣе дѣла Петербургскія. Объ васъ у насъ разговоръ очень часто; но какъ бы ни были дружественны расположенія всѣхъ, невозможно ничего сказать, когда главное лицо въ дѣлѣ остается въ сторонѣ; а отъ него отвѣтъ можетъ быть только при свиданіи, и я стараюсь избѣгать всего, что могло бы испортить или дать дурное направленіе дѣлу. Правъ ли я? Если не правъ, то конечно не изъ равнодушія.

Прощайте покуда. Дай вамъ Богъ всякаго счастія. Кланяйтесь Самарину отъ меня; слышу, что онъ писалъ ко мнѣ, но письма еще не получалъ.

I. 28 д. Боучарово.

9.

(16 Августа 1848).

Вы очень были неправы ко мнѣ, полагая, что я на васъ сердитъ или по крайней мѣрѣ досадую за содержаніе и строй вашихъ писемъ. Теперь вы уже увѣрились въ противномъ. Я бы могъ самъ на васъ сердиться за это мнѣніе; но знаю по опыту довольно грустному, что вообще люди, которые даже очень коротко меня знаютъ (напр., Валуевъ, которому я былъ, повидимому, совершенно знакомъ) всегда меня подозрѣваютъ въ какомъ-то эгоизмѣ, не въ отношеніи можетъ быть дѣлъ общихъ, но въ отношеніи дѣлъ пріятелей и друзей. Видно, есть что-нибудь необходимо вводящее въ эту ошибку; слѣдовательно и не на кого пенять. Я очень живо принимаю къ сердцу ваше тревожное состояніе, ясно вижу положеніе дѣла: съ вашей стороны неизвѣстность о томъ, какъ будетъ расположена С.; со стороны ея старшихъ необходимость думать объ ея буду-

*) Подлинникъ статьи утраченъ. *Изд.*

щемъ; наконецъ, то важнѣйшее обстоятельство, что у васъ чувство не дѣтское, не безразсудное, а истинное и серьезное. Я всею душою желаю, чтобы все кончилось хорошо; но понимаю также, что, какъ бы я ни сочувствовалъ, это все не то какъ вы чувствуете, слѣдовательно тревога ваша есть состояніе неизбѣжное. Одинъ мой совѣтъ (удобоисполнимъ или нѣтъ, вамъ лучше знать)—сказать себѣ: не я хотѣлъ бы, но я хочу. Тогда тревога упадаетъ передъ рѣшимостью и, какія бы ни были приготовленія къ бою и его рѣшеніе, судьба беретъ съ души только законную подать, а лишней не возметъ. Дѣятельность человѣка получаетъ твердость и опредѣлительность только при естественномъ или самопредписанномъ спокойствіи его духа. Вообще я очень знаю, что легче все это сказать, чѣмъ сдѣлать. Не забудьте однако: С. молода, да и вы не стары (это я сказалъ просто для разнообразія слога, а слѣдовало просто сказать молоды). Время есть, были бы воля и сочувствіе.

Послѣ моего послѣдняго письма опыты мои надъ холерой продолжались и вполнѣ подтвердили мое убѣжденіе. Нѣкоторыя усовершенствованія сдѣланы мною еще. Пріемъ уменьшенъ первоначальный до полустакана, за то повторяется черезъ четыре или шесть часовъ, разумѣется въ уменьшенномъ видѣ и черезъ сутки также уменьшенный. Питье изобрѣтено отличное: молоко, въ которое вливается нѣсколько уксусу. Творогъ осѣдаетъ быстро, и свѣжая сыворотка утоляетъ жажду и возстановляетъ силы съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Дай Богъ, чтобы это лѣченіе приняли, и я по совѣсти убѣжденъ, что холера, какъ бичъ, сдѣлается просто рококо. Лѣкарство найдено эмпиризмомъ крестьянъ; я же имѣю только ту заслугу, что сознательно его изучилъ и усовершилъ, именно примѣсью масла и распредѣленіемъ пріемовъ. Вѣрьте мнѣ впрочемъ, что это мнѣ далось не даромъ: я рѣшительно вступилъ въ бой съ холерой, и эта двухмѣсячная борьба не случайная, а веденная съ намѣреніемъ и рѣшительностью, отозвалась порядкомъ на моемъ здоровьѣ. Я въ продолженіе всего этаго времени испыталъ все волненіе битвы.

Вы не можете представить, какъ ваше письмо мнѣ было полезно. Ваше слово было для меня тоже самое, что слово под-

сказанное человѣку, который роется въ своей памяти, перелистываетъ ее всю и не можетъ дорыться до какаго-нибудь воспоминанія близкаго и знакомаго, которое именно теперь-то и не дается. Въ головѣ моей былъ узелъ или, лучше сказать, развязка моихъ статей, а я ходилъ, ходилъ и отыскать его не могъ. Вы мнѣ его подсказали и поистинѣ оживили меня. Мнѣ яснѣе сталъ весь объемъ работы моей; а безъ васъ онъ, можетъ быть, долго еще ускользалъ бы отъ меня.

На счетъ статьи объ Англіи [1]) я скажу вамъ, что я многаго не сказалъ, потому только, что боялся излишняго многопредметства. Я хотѣлъ удержать вниманіе читателей только на томъ, что́ нужно. Отъ того-то я не говорилъ объ отношеніяхъ Англичанъ къ пластикѣ и музыкѣ. Слабость ихъ въ первой зависитъ отъ двухъ противоположныхъ причинъ: отъ Протестантства, которое ведетъ къ genre, и отъ высокихъ требованій, которыя имъ удовлетворяться не могутъ. Это оправдывается высокими достоинствами Англійскихъ каррикатуръ. Вопросъ о музыкѣ труднѣе и многосложнѣе; въ моемъ мнѣніи объ немъ много гадательнаго. Поэтому мнѣ не приходилось говорить объ немъ. Прилагаю при семъ два экземпляра уже поправленной статьи, т. е. такой, какая она была у меня. Выпущено мало и неважное, но кое-что затемнено и ослаблено выпусками. Скоро получите еще нѣсколько экземпляровъ. Если почтете нужнымъ, выправьте и тѣ. Я бы очень хотѣлъ послать одинъ графинѣ Антуанетѣ Дмитріевнѣ [2]), да какъ-то боюсь, чтобы не было смѣшно послать журнальную статью.

А. 16 дня.

10.

(1848).

Вы уже моихъ писемъ вѣроятно боитесь какъ огня; но теперешнее не таково, чтобъ оно вамъ надѣлало хлопотъ. Мнѣ бы писать не должно по глазамъ; но ваше письмо къ женѣ таково, что мнѣ стыдно бъ было откладывать отвѣтъ. Ваши пени мнѣ напрасны и очень напрасны, если я что нибудь по-

[1]) Появилась въ Іюльской книгѣ Москвитянина 1848 года.

[2]) Блудовой, съ которою въ то время Хомяковъ еще не былъ *лично* знакомъ. Графиню звали Антониною Дмитріевной.

нимаю въ дѣлѣ. Хозяйственныя дѣла держатъ Б.*) въ Симбирской губерніи, а они всякую почту писали мнѣ пріискать имъ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню, потому что они такъ и рвутся сюда. Не будь такой поздней осени, С. П. хотѣла пріѣхать даже къ намъ гостить безъ матери. Нѣтъ (я это говорю отъ чистаго сердца, но разумѣется, по моему крайнему разумѣнію), нѣтъ никакой, ни самомалѣйшей причины къ вашему унынію. Вотъ какъ я дѣло вижу: прочее покажетъ время. Мнѣ за васъ больно и тяжело; но вѣрьте мнѣ, я столько видѣлъ въ васъ въ этомъ дѣлѣ искренняго и глубокаго чувства, что я за грѣхъ бы себѣ поставилъ и прошлаго года вамъ подавать надежды, которыхъ бы я не имѣлъ, и теперь продолжать ваше душевное волненіе, еслибъ я полагалъ, что все должно кончиться грустной неудачей. Вѣрьте мнѣ въ томъ, что все это близко и очень близко мнѣ къ сердцу, и скажу прямо, не только потому, что вы въ этомъ видите свое счастіе, но и потому, что я вижу тутъ возможность двойнаго счастія, которое было бы мнѣ дорого. Объ одномъ прошу: не болѣйте душою преждевременно. Зима все скажетъ. Если я ошибаюсь и увижу свою ошибку, я сейчасъ къ вамъ объ этомъ напишу. Прощайте, глаза горятъ.

11.

22 Октября (1848 г.).

Пространно и многословно было написалъ я введеніе къ рукописи; но дошелъ до половины и нашелъ, что все лишнее можетъ вредить, а необходимаго мало, и это малое написалъ я въ немногихъ словахъ. Мнѣ кажется, болѣе не нужно. Вотъ вамъ, л. А. Н., и отвѣтъ на вашъ вопросъ о томъ, что́ я дѣлаю въ деревнѣ. Не знаю, какъ вы будете довольны предисловіемъ и введеніемъ; а по совѣсти скажу вамъ, что я доволенъ. Дай Богъ, чтобы это пошло въ ходъ! Для меня это дѣло совѣсти. Я говорю тутъ не какъ христіанинъ, а какъ работникъ науки. Стыдно, что Богословіе, какъ наука, такъ далеко отстала или такъ страшно запутана. Когда предстоитъ средство ее выдвинуть изъ темноты, этому дѣлу способствовать обязанъ

*) Петра Александровича и Прасковью Михаиловну Бестужевыхъ, на дочери которыхъ, Софьѣ Петровнѣ, хотѣлъ жениться А. Н. Поповъ.

всякій кто можетъ. Поэтому я постарался вкратцѣ въ предисловіи опредѣлить характеръ рукописи, безъ чего, пожалуй, его бы и не замѣтили, а въ введеніи постарался, такъ сказать, *павосомъ* (говоря слогомъ новой школы) обратить вниманіе читателей на предстоящій вопросъ. Есть, можетъ быть, въ концѣ и нѣчто раздражающее или гордое; но безъ нѣкоторой обличительной смѣлости едва ли можетъ выходить истина на поприще міровое. Помните пожалуйста, какъ я написалъ; сами же скажите мнѣ свое мнѣніе откровенно и если вы недовольны или придумали лучше, то пошлите и свое введеніе къ Жуковскому. Пусть онъ выберетъ. Дѣло общее. Къ Жуковскому пишу на дняхъ. Правда ваша: надобно спѣшить, а не то отцы напутаютъ. Макарій*) провонялъ схоластикой. Она во всемъ высказывается, въ безпрестанномъ цитованіи Августина, истиннаго отца схоластики церковной, въ страсти все дробить и все живое обращать къ мертвому, наконецъ въ самомъ пристрастіи къ словамъ Латинскимъ, какъ напр.: основное для него слово *религія*, или уморительно-смѣшное выраженіе *фамилія* патріарховъ. Я бы могъ его назвать восхитительно-глупымъ, если бы онъ писалъ не о такомъ великомъ и важномъ предметѣ. Я радъ, что онъ, такъ сказать, по образу деревенскихъ барынь, въ контрѣ и пикѣ съ Филаретомъ. Авось, хоть со злости, что-нибудь да осмѣлятся сказать или изъ Академіи, или изъ духовенства Московскаго или Кіевскаго. Но, увы! страхъ такъ великъ, что и личная досада, пожалуй, смолкнетъ или будетъ только работать подспудно, если не совсѣмъ безъ пользы, то по крайней мѣрѣ безъ чести. Стыдно будетъ, если иностранцы примутъ такую жалкую дребедень за выраженіе нашего православнаго Богословія, хотя бы даже въ современномъ его состояніи.

Теперь объ другомъ. Я не могу никакъ отыскать Тульскаго Комитета: онъ, говорятъ, съ тѣмъ только допущенъ, чтобы ему не собираться. Не думайте, чтобы я шутилъ. Право, не только такъ говорятъ, но утверждаютъ, что объ этомъ было трактовано властями официально и положено: быть Комитету по домамъ и сноситься письменно, а съѣздовъ не имѣть. Не знаю, правда ли это; но то вѣрно, что я не могъ сыскать Комитетъ, а то вѣроятно я попросился бы туда, хоть и безъ большой

*) Авторъ Православнаго Богословія и Исторіи Русской церкви.

надежды на пользу. Нельзя ли похлопотать, чтобы печатать позволялось объ условіяхъ и ихъ разныхъ формахъ и возможностяхъ? Вѣдь печатается же и хуже. Посмотрите Огарева въ М. В.: прямое отверженіе всякаго общиннаго отношенія и прямая похвала чистой контрактности. Неужели ни у кого не найдется смысла? Или вси обуяша до единаго?—Наконецъ, еще третье дѣло: нельзя ли узнать, не возмутся ли у Берда и Кларка сдѣлать мнѣ маленькій мѣдный паровой котелъ со всѣми принадлежностями, какъ будто на желѣзную дорогу, съ печью, но только безъ двигательнаго механизма, и что́ бы за это взяли? Сила всего на все въ $^1/_6$ конской силы. Пожалуста узнайте. Очень этимъ меня одолжите. Механизмъ я здѣсь самъ заказалъ, и будутъ точить при мнѣ; но котла со всѣми принадлежностями, запасными клапанами, мѣрки для паровъ и пр., здѣсь сдѣлать не сумѣютъ. Если машина удастся, въ чемъ я увѣренъ, я явлюсь съ нею къ вамъ въ Питеръ весною.

Живу въ деревнѣ тихохонько. Погода гадкая, но для полеванія удобная. Одна бѣда: собаки съ чумы не могутъ оправиться, да другая бѣда: зайцевъ нѣтъ. Какъ вы видите, для полнаго удовольствія на охотѣ не достаетъ самой малости.

Прощайте, будьте здоровы. Скажите мои поклоны моему милому Алексѣю [1]) и его женѣ, которую я даже не могу себѣ представить какъ новую знакомую, Комаровскимъ, Герке, Мухановымъ, князю Вяземскому и всѣмъ добрымъ людямъ во градѣ Вавилонѣ.

22 Октября.

12.

15 Декабря (1848).

О невѣрующій! Это говорится вамъ по случаю изъявленныхъ вами сомнѣній насчетъ рукописи. Когда нибудь при свиданіи мы поговоримъ объ ней яснѣе и обстоятельнѣе. Теперь мнѣ остается васъ поблагодарить за ея отправку къ Жуковскому [2]), къ которому я писалъ объ этомъ. Но я долженъ также вамъ попенять за то, что вы ни слова не сказали мнѣ объ введеніи (не предисловіи). Мнѣ бы очень хотѣлось знать ваше

[1]) Алексѣю Владимировичу Веневитинову.

[2]) В. А. Жуковскій, съ которымъ А. С. Хомяковъ прожилъ въ Эмсѣ въ одномъ домѣ нѣсколько недѣль, уже занимался 1848 году переводомъ Новаго Завѣта съ Греческаго на Русскій (переводъ этотъ изданъ въ Берлинѣ, въ 1895).

мнѣніе объ немъ. Введеніе много значитъ: оно ставитъ читателей на ту точку или въ то расположеніе, которыя нужны для данной книги, и слѣдовательно имѣетъ великое вліяніе на первоначальный успѣхъ. Мнѣ бы также очень хотѣлось знать, какъ переслана рукопись. Жуковскій въ своемъ письмѣ изъявилъ сомнѣніе насчетъ вѣрности доставки. Я ему отвѣчалъ глухо, что черезъ Вяземскаго. Такъ ли?—Тысячу разъ спасибо за ваши хлопоты по моему индустріальному порученію. Фабрикантъ понялъ дѣло очень хорошо, хотя въ планѣ и не достаетъ весьма важнаго—продольнаго разрѣза. Сомнѣніе ваше, что не слишкомъ ли мала машинка для моей цѣли, совершенно справедливо. Дѣйствительно, я желалъ бы, чтобы она была нѣсколько побольше, слѣдов. проще во внутреннемъ устройствѣ. Я примѣчаніе дѣлаю на оборотѣ плана и если машинисты согласятся ее устроить, то сдѣлаете одолженіе, закажите. Цѣна безмѣрна дорога, но въ Россіи и нельзя ожидать дешевле. Машинистовъ такъ мало, что они вездѣ монополисты. Съ меня просили вдвое болѣе на Русскихъ заведеніяхъ; впрочемъ на этотъ счетъ можно быть покойнымъ: будутъ и машинисты, и дешевыя издѣлія. Хорошо, если бы съ такою же увѣренностью можно было говорить о другихъ нашихъ важнѣйшихъ нуждахъ.

Мы все еще въ деревнѣ.. Держатъ насъ безснѣжіе и Московская холера, которая плохо уменьшается, не смотря на увѣреніе вѣдомостей. Впрочемъ, все таки она становится полегче. Для Университета, думаю, отставка Строгонова и особенно назначеніе его преемника мало чѣмъ легче холеры. Жаль мнѣ *alma mater*. Плохо ей придется отъ новаго опекуна. Выместитъ онъ*) на ней долгое пренебреженіе, въ которомъ онъ находился. Говорятъ тоже объ отставкѣ Грановскаго, Рѣдкина и Кавелина. Впрочемъ слышно, что эти отставки не имѣютъ ничего общаго съ назначеніемъ попечителя, а происходятъ отъ Крыловскаго дѣла. Jus Romanum одержалъ, какъ кажется, полную побѣду, и я этому бы очень радовался, если бы ученый не былъ такой ужасный взяточникъ.

Я здоровъ и веселъ, потому что съ нѣкотораго времени опять принялся за свои тетради и работаю ежедневно, хоть все еще

*) Д. П. Голохвастовъ.

не такъ какъ слѣдуетъ. Втянусь, но пять пойдетъ живѣе. Ежедневность великое дѣло: она дѣйствуетъ какъ-то благодѣтельно на совѣсть, заставляя ее принять участіе въ трудѣ. Мнѣ совѣсть была не нужна при Валуевѣ; теперь долженъ за нее взяться.

Объ Московскихъ ничего или почти ничего не знаю. Гнѣвъ Аксакова на васъ объясняется неудачею статьи и, какъ видно, выражается довольно забавно. Впрочемъ, кто тамъ съ кѣмъ мирится или ссорится (ибо въ этомъ состоитъ, кажется, вся дѣятельность нашихъ пріятелей), не могу вамъ сказать. Узнаю, когда пріѣду. — Если возмутся за мой заказъ, пожалуста напишите; я по первой почтѣ вышлю деньги *).

---

*) Графъ С. Г. Строгановъ такъ и оставилъ Московское попечительство, не узнавъ ближе Хомякова и друзей его и предубѣжденный противъ нихъ не столько лично, какъ по навѣтамъ литературныхъ противниковъ Хомяковскаго ученія. Весною слѣдующаго 1849 года, находясь въ Москвѣ во время празднествъ по случаю освященія Кремлевскаго дворца (передъ Венгерскою войною), онъ не скрывалъ своего неодобренія къ ихъ дѣятельности. Во дворцѣ, на вечерѣ у Государя, за чаемъ, къ которому были приглашены немногіе, въ томъ числѣ графъ Д. Н. Блудовъ, императрица Александра Ѳедоровна спросила: «Что это такое Славянофилы? Я бы желала увидать ихъ».—«Вашему Величеству не слѣдуетъ ихъ видѣть», замѣтилъ графъ Строгановъ: «это люди опасные».—«Ну опасность-то не очень велика», возразилъ графъ Блудовъ, «такъ какъ всѣ они могли бы помѣститься на одномъ этомъ диванѣ». Разговоръ шелъ при Государѣ. Позднѣе, графъ Блудовъ спрашивалъ Хомякова, что за причина нерасположенія къ нему бывшаго попечителя. Хомяковъ, въ отвѣтъ на это, повинился въ невоздержности языка своего и разсказалъ, что однажды случилось ему поспорить съ графомъ Строгановымъ, который, на замѣчаніе Хомякова, почему онъ не хочетъ чего-то сдѣлать, отвѣчалъ: Noblesse oblige (благородное происхожденіе обязуетъ). Хомяковъ возразилъ ему слѣдующимъ апологомъ. Въ Парижѣ воспитывались два друга-островитянина съ Отаити и очень усердно учились. Обстоятельства потребовали одного изъ нихъ домой, и на своемъ островѣ онъ сдѣлался виднымъ дѣятелемъ. Прошли года. Другой островитянинъ докончилъ ученіе и тоже возвратился на родину. Бывшій Парижскій пріятель очень ему обрадовался, но перервалъ первое же свиданіе, отозвавшись, что

13.

Посылаю вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, посылочку для графини Блудовой. Это Англія и моя послѣдняя рукописная статья, разумѣется, при письмѣ. Пожалуста скажите ей, что мнѣ стыдно взглянуть на бумагу, на которой напечатана Англія: я просилъ Погодина лишніе экз. для меня напечатать на порядочной бумагѣ, а онъ по своей привычной экономіи употребилъ на это бракованную.—Прочтите мою статью и скажите свое мнѣніе. Понялъ ли я вашу мысль и исполнилъ ли ее? Пополняетъ ли эта статья мои прежнія? Строга ли и порядочна ли? Я отдѣлался и радъ радехонекъ. Желаю душевно, чтобы цензура милостиво поступила со мною; но боюсь крѣпко, что ей все покажется Манихейскою ересью отъ перваго слова до послѣдняго. Во всякомъ случаѣ рукопись можетъ замѣнить печать, или по ней можно будетъ выхлопотать позволеніе. Этой статьи, кажется, нельзя обвинить въ темнотѣ. Авось поймутъ люди сѣдящіе во тьмѣ; имъ объяснится также и то, что́ прежде смущало ихъ: революціонерство Голохвастова и моихъ тетушекъ.

Сто лѣтъ прошло какъ я вамъ не писалъ; все собирался писать. У меня въ это время побывалъ Самаринъ. Можете вообразить, какъ я ему былъ радъ. Рига на него подѣйствовала во многомъ очень хорошо, знакомствомъ съ жизнью практическою, знакомствомъ съ нашимъ духовенствомъ даже въ его лучшихъ образцахъ, борьбою упорною, хоть и не совсѣмъ удачною, но не лишившею его бодрости, наконецъ какимъ-то

на этотъ разъ ему недосужно и что онъ непремѣнно долженъ отправиться на жертвоприношеніе, что будетъ заколото нѣсколько человѣкъ-плѣнниковъ, и что его отсутствіе на такомъ торжествѣ невозможно.—«Помилуй!», говоритъ ему его другъ: «Ты ли это? Какъ же ты можешь участвовать въ людоѣдствѣ?» — «Что́ дѣлать, мой милый! Noblesse oblige».

Позднѣе графъ Строгановъ (пережившій Хомякова слишкомъ на двадцать лѣтъ) измѣнилъ свое мнѣніе о такъ-называемыхъ Славянофилахъ. Пишущему эти строки случилось слышать отъ него такой отзывъ про К. С. Аксакова: «Это былъ святой человѣкъ». *Изд.*

внутреннимъ, весьма замѣтнымъ окрѣпчаніемъ. Одно мнѣ было грустно: въ немъ до нѣкоторой степени подавлена прежняя веселость; а очевидно это происходитъ не отъ недавней потери брата, а отъ житейской борьбы. Быть можетъ, такая перемѣна неизбѣжна, а все таки грустно ее видѣть. У насъ постоянно должно быть болѣе надеждъ, чѣмъ сомнѣній и слѣдовательно нѣкоторый запасъ веселости. Передъ нами живой примѣръ, который долженъ поощрять даже слабыхъ духомъ: это теперешнее дѣло Хорватовъ и всѣхъ Славянъ. Давно ли все это было мечтою, а теперь уже историческимъ фактомъ, котораго никто въ мірѣ уничтожить не можетъ? Конечно труднѣе передѣлка общественной мысли, чѣмъ насильственная революція; но когда тамъ совершилось несбыточное, почему не совершиться и у насъ несбыточному, нашему (хоть разумѣется половинному) обрусѣнію? Впрочемъ, я не обвиняю Самарина въ безнадежности: напротивъ, онъ очень бодръ; но жалко, что серьезность жизненнаго труда наложила какой-то характеръ грусти на его мысли и чувства. Авось это пройдетъ! Мнѣ тяжело видѣть въ комъ бы то ни было изъ нашихъ душевныхъ друзей, что̀ бы то ни было напоминающее мнѣ духовное состояніе Ивана Васильевича *).

Еще недѣли двѣ съ небольшимъ приходится мнѣ прожить въ деревнѣ. Пора въ Москву. Надобно только еще побывать въ трехъ деревняхъ и предложить въ двухъ деревняхъ *рядý* крестьянамъ. Разумѣется, на заключеніе ея положится годовой срокъ, а предложеніе будетъ сдѣлано непремѣнно нынѣшній годъ. За это нужно взяться уже не на словахъ, а на дѣлѣ. Я увѣренъ, что если къ нему приступить путемъ обычая, оно не представитъ тѣхъ великихъ трудностей, которыя пугаютъ наше воображеніе, налаженное на идею формальныхъ сдѣлокъ. Надобно надѣяться на совѣсть. Впрочемъ, поѣздка при теперешнихъ трескучихъ морозахъ и совершенномъ безснѣжіи, съ повѣркою счетовъ и бранью со старостами, не представляетъ мнѣ ничего особенно веселаго, и не будь этой *ряды*, я бы предпочелъ моей двухнедѣльной поѣздкѣ цѣлый мѣсяцъ ѣзды

*) Киреевскаго.

по Англіи и Италіи. Аксаковъ не простилъ бы такой ереси; я надѣюсь, что вы будете снисходительнѣе.

Не знаю, совершенно ли ясно я выразилъ свою мысль объ иконѣ. Вотъ вкратцѣ ея объясненіе. Вы, я и третій, мы имѣемъ какое-нибудь понятіе или представленіе, положимъ, о Павлѣ Апостолѣ. Выразимъ это, и выйдетъ религіозная картина; но вся церковь, т. е. все общество православныхъ, въ своемъ историческомъ существованіи, имѣетъ еще свое общее понятіе или представленіе объ Апостолѣ Павлѣ, можетъ быть, даже еще тайное и никѣмъ не выраженное на холстѣ. Выразите это: будетъ икона. Согласны ли вы со мною? Это новое опредѣленіе иконы, которое впрочемъ не разногласитъ съ общепринятымъ, но еще объясняетъ его.

Я это письмо посылалъ по почтѣ; но теперь выходитъ, что мнѣ необходимо послать въ Петербургъ повѣреннаго. Тамъ, говорятъ, торги на Москву [1]): новый примѣръ глупой, и въ этомъ случаѣ едва ли не плутовской, централизаціи. Пожалуста, если моему простоватому повѣренному понадобятся совѣты, или даже справки, не откажите, или попросите Веневитинова. Пожалуста, скажите ему и Аполлинѣ Михайловнѣ и всѣмъ Комаровскимъ мой поклонъ.

Что скажите объ моемъ почеркѣ? Не пахнетъ ли онъ нѣкоторой почтенной древностью? [2])

Посылку вы, разумѣется, разошьете и прочтете статью прежде, чѣмъ отдадите.

14.

(13 Февраля 1849. Москва).

Въ концѣ Января перебрался я, любезный Александръ Николаевичъ, въ Москву по безснѣжному пути, съ трудомъ немалымъ. Только что въѣхалъ я въ городъ, т. е. черезъ день, вдругъ матушка сдѣлалась больна. Въ первый разъ въ жизнь свою видѣлъ я ее больною. Обыкновенную ея рожу считаю я страданіемъ нѣсколько посерьезнѣе флюса или зубной боли, и только; а тутъ она была точно больна и тяжело больна. Открылась плёрези съ горячкою. Два дня болѣзнь все усиливалась, не смотря на лѣченіе. Докторъ говорилъ о консиліумѣ и

[1]) По поставкѣ спирта.

[2]) Одно время Хомяковъ сталъ писать очень округленно и вгонялъ длинныя буквы въ строку, что придавало его очень четкому почерку видъ архаическій.

о духовникѣ. Я струсилъ порядкомъ, но не захотѣлъ консиліума, къ которому я столько же имѣю довѣренности, сколько къ комитетамъ въ Россіи, и не послалъ за духовникомъ, чтобы испугомъ не усилить болѣзни. На третій день стало лучше, на четвертый опасность прошла, т. е. опасность отъ болѣзни. Осталась еще опасность самаго выздоровленія, всегда тяжелаго въ такихъ лѣтахъ. Слава Богу, все прошло какъ нельзя лучше; нужна теперь только осторожность. Скажу даже, что я радъ этой болѣзни: она (въ добрый часъ молвить) показала, что натура еще крѣпка и здорова, и мнѣ пережитая опасность какъ-то оставила особенно легкое чувство на сердцѣ.

Москва!... Точь въ точь прежняя, съ тѣми же рѣчами, съ тѣми же ухватками и только что нѣсколько усиленными сплетнями. Аксаковъ [1]) печатаетъ свою драму (между прочимъ онъ сознается, что не право оподозрилъ васъ по поводу статьи; самъ же онъ теперь не подлежитъ суду, потому что рѣшительно боленъ). К. Карловна [2]) попрежнему меня ненавидитъ, но звала со многими на слушаніе ея новаго еще некопченнаго романа. Ив. Аксаковъ началъ поэму необыкновенно смѣлую по замыслу [3]), ибо она взята прямо изъ простѣйшаго быта, съ героями Алешкой да Парашкой, и необыкновенно-поэтическую по выраженію, если только продолженіе будетъ отвѣчать началу. Что бы впрочемъ изъ поэмы не вышло, самая работа надъ нею должна его самаго много подвинуть въ художественномъ навыкѣ и въ простотѣ слова, котораго нѣтъ ни у него, ни у нашей поэзіи вообще. (Простота, пріобрѣтенная ею въ послѣднее время, есть, по правдѣ, только салонная вялость и не должна считаться пріобрѣтеніемъ). Наконецъ, обѣщаютъ намъ еще газету въ добромъ духѣ. На повѣрку-то выходитъ, что я дурно началъ отчетъ и что у насъ не безъ дѣятельности.

Причина дурнаго начала въ томъ, что меня разсердили безпрестанныя сплетни, очень удобныя для праздныхъ и очень тревожныя для дѣльныхъ, трудящихъ людей, каковъ напр. Ше-

[1]) Драма К. С. Аксакова „Освобожденная Москва".

[2]) Павлова, Каролина Карловна.

[3]) „Бродягу".

выревъ, котораго вѣчно заваливаютъ болѣе или менѣе злонамѣренными сплетнями. Западъ промышляетъ этимъ шибко. Также сердитъ меня и дурной пріемъ, сдѣланный обществомъ Самарину *). Его встрѣтили холодностію и шутками, весьма недоброжелательными, и все это потому, что общество, во-первыхъ, переполнено Нѣмецкими сочувствіями, а во-вторыхъ потому, что оно ставитъ какое-то глупое либеральство въ глупой оппозиціи правительству. Что же еще, если и самое правительство отступится отъ самаго себя и отъ своихъ началъ (какъ полагаютъ по назначенію Суворова), каково положеніе добросовѣстнаго дѣлателя? Умно и очень умно вы сдѣлали, не ввязываясь въ дѣло. Практическое приложеніе началъ, нами защищаемыхъ, покуда еще невозможно: оно производитъ только минутную тревогу, не принося плода. Воспитаніе общества только что начинается, а покуда оно не подвинулось сколько нибудь, никакого пути ни въ чемъ быть не можетъ. Изъ нашихъ многіе начинаютъ сомнѣваться въ успѣхѣ самаго этого воспитанія: они говорятъ и, повидимому, справедливо, что число Западниковъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, а наши пріобрѣтенія ничтожны. Это видимая правда и дѣйствительная ложь. Вотъ мое объясненіе. Мысль распространяется какъ мода. Начинается съ десяти герцогинь, идетъ къ тысячѣ дамъ салонныхъ и падаетъ въ удѣлъ сотнѣ тысячъ горничныхъ и гризетокъ. Числительное пріобрѣтеніе и дѣйствительный упадокъ. Тоже и съ мыслію: она переходитъ отъ десятка душъ герцогинь къ сотнѣ тысячъ горничныхъ душъ. Безъ слѣпоты нельзя не признать, что старая Западная мысль сдѣлалась нарядомъ всего горничнаго міра; но безъ пристрастія нельзя отрицать и того, что мы много выиграли мѣста въ душевной аристократіи. Кстати: вы начали завоеваніе однаго ума, въ которомъ я уже почти отчаявался, А. И. Кошелева. Онъ васъ очень полюбилъ, отдѣляетъ васъ отъ насъ, это не бѣда, но уже говоритъ почти наше и съ убѣжденіемъ. Свербеевъ чуть-чуть не плачетъ,

---

*) Пріѣзжавшему въ Москву и къ Хомякову подъ Тулою изъ Риги и вслѣдъ за возвращеніемъ въ Петербургъ заключенному въ Петропавловскую крѣпость, по жалобѣ Рижскаго генералъ-губернатора князя Суворова на его Рижскія письма.

утѣшаясь только тѣмъ, что это кратковременное затменіе ума въ Кошелевѣ. Если онъ будетъ въ Петербургѣ, пожалуста займитесь имъ и докончите начатое. Это пріобрѣтеніе было бы важно не только по уму, но и по характеру серьозной воли въ Кошелевѣ. По случаю Кошелева могу вамъ сказать о другомъ обращеніи: Пальмеръ (къ которому я на дняхъ пишу), кажется, рѣшительно переходитъ въ Православіе и, по положенію его въ Англійскомъ обществѣ, я думаю, что примѣръ его будетъ не безплоденъ.

Такъ-то идетъ серіозное дѣло, а покуда здѣсь à l'ordre du jour [1]) важные вопросы: какъ принять статью Аксакова въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о дѣтскихъ и полудѣтскихъ балахъ? Ѣхать или не ѣхать на горы постомъ? [2]). И тому подобное.

Скажите пожалуста мой дружескій поклонъ всѣмъ пріятелямъ и по преимуществу Веневитинову, котораго поблагодарите за его хлопоты; да спросите отъ меня по просьбѣ Герке [3]), не сердитъ ли онъ за что нибудь на старичка. Онъ писалъ къ Алексѣю В. и не получилъ отвѣта и боится, не сердится ли на него Веневитиновъ, чего, разумѣется, я нисколько не предполагаю. Поклонъ особенный и Мухановымъ. Хорошо сдѣлалъ Николай Алексѣевичъ, что вышелъ въ отставку, а и досадно: мнѣ, не знаю почему, очень хотѣлось видѣть его сенаторомъ, почти столько же сколько женатымъ, хотя признаюсь, что послѣднее желаніе разумнѣе перваго [4]).

Гоголь ѣдетъ въ Іерусалимъ и теперь уже въ морѣ. Онъ писалъ изъ Мальты.

---

[1]) На очереди.

[2]) Въ ходившихъ тогда стихахъ Д. Н. Свербеева говорилось про К. С. Аксакова:

Ты въ ревности святой предалъ проклятью горы.
На нихъ катались въ постъ земли Московской воры!

[3]) Старикъ-учитель поэта Д. В. Веневитинова.

[4]) Николай Алексѣевичъ Мухановъ вскорѣ снова поступилъ на службу, сдѣлался потомъ даже членомъ Государственнаго Совѣта, но кончилъ жизнь холостякомъ.

15.

Сейчасъ получилъ ваше: объ устройствѣ уголовныхъ судовъ; еще не прочелъ и потому и сказать ничего не могу.

Мы всѣ ходимъ уже бритые. Аксаковы получили предписаніе отъ полиціи, но впрочемъ весьма вѣжливое. К. С. крайне некрасивъ безъ бороды въ Нѣмецкомъ платьѣ. Трубниковъ пишетъ очень забавно: «Велѣно бриться. Что жъ? И бриться станемъ, коли въ томъ общая польза». Это слово получило великій успѣхъ.

Объ Венгерской войнѣ толки въ обществѣ весьма невыгодные. Фрондеры не понимаютъ ея необходимости, а по моему эта необходимость ясна. Къ несчастію, изложеніе причинъ въ толкованіи на манифестъ очень неудовлетворительно, а статья въ Сѣв. Пчелѣ изъ рукъ вонъ плоха и неловка.

О Петербургскомъ заговорѣ [1]) толкуютъ много, кто съ негодованіемъ, кто съ состраданіемъ; мое мнѣніе увидите въ прилагаемомъ при семъ письмѣ къ графинѣ Блудовой, которое запечатайте. Дѣло важное и урокъ великій. Кто-то пойметъ этотъ урокъ?

Разсказываютъ великолѣпное слово, сказанное гр. Закревскимъ одному изъ его пріятелей. «Что, братъ, видишь: изъ Московскихъ Славянъ никого не нашли въ этомъ заговорѣ. Что это значитъ по твоему?» — «Не знаю, в. сіятельство». — «*Значитъ*, всѣ тутъ; да хитры, не поймаешь слѣда». Это *значитъ* просто геніальное слово!

16.

(Январь 1850).

Я къ вамъ уже Богъ знаетъ какъ давно не писалъ: у меня все еще глаза не поправлялись, а секретарь мой [2]) былъ не въ состояніи писать по собственнымъ недугамъ, кончившимся тому десять дней прибавленіемъ къ семьѣ новаго лица, Нико-

---

[1]) Исторія Петрашевскаго.

[2]) Т.-е. супруга Хомякова, Екатерина Михаиловна. Н. А. Хомяковъ родился 19 Января 1850.

лая Алексѣевича. Впрочемъ, все идетъ, слава Богу, хорошо. Глазамъ моимъ также становится лучше, и я пишу къ вамъ нѣсколько словъ, первыя письмена послѣ моего воспаленія.

Что это вы-то вздумали хворать? Если еще не поправились, возьмитесь за гомеопатію. Вамъ, кажется, нужны *Sulphur* дѣленіе XXX каждые два дня и послѣ, вѣроятно, *Silicca* тоже дѣленіе и такой же пріемъ.

У насъ здѣсь ровно ничего нѣтъ новаго. Все попрежнему; только Сверб. стали давать балы, а Аксаковъ пишетъ грамматику. Мамоновъ также, кажется, сильно трудится по живописи. Бодянскій, вступивъ снова въ университетъ, грызется неприличнымъ образомъ съ Шевыр. Ученость дремлетъ, словесность пишетъ дребедень, за исключеніемъ комедіи Островскаго, о которой вы уже знаете и которая, говорятъ, превосходное твореніе, и продолженія «Бродяги», не уступающаго началу; да Гоголя, который очень веселъ и слѣд. трудится. Выходитъ на повѣрку, что хоть нечѣмъ хвастаться, да и нѣтъ причинъ слишкомъ хандрить.

Видите ли Ѳ. И. Тютчева? Разумѣется, видите. Скажите ему мой поклонъ и досаду многихъ за его стихи. Всѣ въ восторгѣ отъ нихъ и въ негодованіи на него. Не стыдно ли молчать, когда Богъ далъ такой голосъ? Если онъ вздумаетъ оправдываться и ссылаться, пожалуй, на меня, скажите ему, что это не дѣло. Безъ притворнаго смиренія я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозаторъ вездѣ проглядываетъ и слѣдовательно долженъ наконецъ задушить стихотворца. Онъ же насквозь поэтъ (durch und durch). У него не можетъ изсякнуть источникъ поэтическій. Въ немъ, какъ въ Пушкинѣ, какъ въ Языковѣ, натура античная въ отношеніи къ художеству. Пристыдите его молчаніемъ. Статья его въ Revue des d. M. *) вещь превосходная, хотя я и не думаю, чтобы ее поняли и у васъ въ Питерѣ, и въ чужихъ краяхъ. Она заграничной публикѣ не по плечу. За одно попеняйте ему, за нападеніе на *souveraineté du peuple*. Въ немъ дѣйствитель-

*) Въ первой книгѣ Revue des deux Mondes 1850 появилась безъ имени статья Тютчева: La question romaine.

но *souveraineté suprême*. Иначе что же 1612 годъ? И что дѣлать Мадегасамъ, если волею Божіею холера унесетъ семью короля Равапы? Я имѣю право это говорить, потому именно, что я анти-республиканецъ, анти-конституціоналистъ и проч. Самое повиновеніе народа есть *un acte de souveraineté!* А все-таки статья Ѳ. И. Т. есть не только лучшее, но единственное дѣльное сказанное объ Европейскомъ дѣлѣ, гдѣ бы то ни было. Скажите ему благодарность весьма многихъ.

Добрый и славный Шевыревъ! Онъ хлопоталъ какъ могъ и теперь хлопочетъ для Коссовича. Я слышалъ, что онъ что-то другое ему пріискалъ. Знаетъ ли про это Коссовичъ, и правда ли это? Шевыревъ ко мнѣ почти не ѣздитъ: боится Закревскаго. Это смѣшная сторона отличнаго человѣка. Мнѣ, кажется, не нужно прибавлять, что я буду пріискивать всякое средство быть полезнымъ для Каэтана Андреевича[1]). Что-то Богъ дастъ?

17.

(Богучарово) 6 Ноября 1850.

Послѣ многихъ и неутѣшительныхъ странствованій по такъ-называемымъ степнымъ уѣздамъ, т.-е. за-Тульскимъ, въ которыхъ совсѣмъ хлѣбъ не родился нынѣшняго года, возвратившись во-свояси, кончилъ я статейку, которой вы требовали, и нынѣ посылаю ее вамъ. Графиня[2]) найдетъ ее, я надѣюсь, довольно понятною. Во-время ли она придетъ, не знаю; будетъ ли полезна, также; но знаю то, что всѣ ея основы рѣшительно противоположны направленію господствовавшему въ недавнее время. Дѣльна ли она, судить не могу; кажется мнѣ, что она предметъ охватываетъ, раздѣляя потребности воспитанія на потребности мѣстныя, т.-е. Русскія, и на потребности общечеловѣческія, т.-е. на потребности самой науки. Надѣюсь, что я указалъ на многіе еще не довольно замѣченные промахи на-

---

[1]) К. А. Коссовичъ былъ тогда учителемъ Греческаго языка во 2-й Московской гимназіи. Начальство преслѣдовало его за живость преподаванія, противорѣчившую затянутости зубренія. Мѣсто ему достали Блудовы: онъ переѣхалъ въ Петербургъ редакторомъ ученыхъ работъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, управленіе которой въ то время обновилось съ назначеніемъ барона М. А. Корфа ея директоромъ.

[2]) Графиня А. Д. Блудова.

шего общественнаго образованія въ обоихъ отдѣлахъ, на причины, почему желаніе сдѣлать воспитаніе Русскимъ не исполняется, и желаніе сдѣлать его ученымъ исполняется точно также мало. Усиленіе кадетскихъ корпусовъ въ Москвѣ, не смотря на мою нелюбовь къ кадетскимъ корпусамъ, считаю отчасти признакомъ того, что начинаютъ замѣчать необходимость помѣщать училища ближе къ центру народной жизни, и поэтому надѣюсь, что нѣкоторыя мысли могутъ найти сочувствіе. Сочувствія же къ большей части своихъ мнѣній не ожидаю; но думаю, что вы съ большею частью моихъ замѣчаній будете согласны. Нападенія мои въ иныхъ случаяхъ не совсѣмъ мягки, но кажется иначе и выразиться было невозможно: сильное нападеніе только и можетъ быть понято, особенно иными читателями. Кончая статью о воспитаніи, я не могъ не коснуться и книгопечатанія, потому что полагаю печатаніе главнымъ воспитателемъ народа. Не знаю, одобрите ли вы это окончаніе статьи и особенно довольно рѣзкую форму нападенія на современную цензуру. Я хотѣлъ бы, но не рѣшился, примѣрами доказать, что теперешняя цензура вредна и религіи, и даже правительству. Это бы было дурно принято и возставило бы противъ меня и Ширинскаго и, можетъ быть, Протасова [1]). Поэтому я держался общихъ доводовъ. Вообще, прочитавъ, то что́ я написалъ, скажите мнѣ свое мнѣніе откровенно. Вы понимаете, что если я самолюбивъ (хоть я и не сильно падокъ къ этому пороку), во всякомъ случаѣ я совсѣмъ не самолюбивъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ пишу, какъ теперь, болѣе по чувству обязанности, чѣмъ по влеченію внутреннему, и гдѣ даже имени моему не должно являться. Я бы очень желалъ знать, не замѣтите ли какихъ пропусковъ или даже просто неосновательныхъ или недосказанныхъ мыслей. Въ статьѣ, которую я писалъ бы для публики, я бы, разумѣется, искалъ доводовъ болѣе глубокихъ и основанныхъ на внутреннихъ законахъ разума; тутъ я старался только быть понятнымъ. Удалось ли мнѣ это? Вы знаете, что по мнѣнію многихъ это удается мнѣ рѣдко [2]).

[1]) Князь П. А. Ширинскій-Шахматовъ былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія, а графъ Н. А. Протасовъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

[2]) Рѣчь идетъ про статью объ общественномъ воспитаніи (см. томъ III-й), которую Хомяковъ писалъ по желанію графини Блудовой для представленія

Что̀ вамъ сказать о себѣ? Боль во лбу прошла: охочусь на славу. Отрадка [1]) скачетъ во удивленіе всѣхъ, и только? Не совсѣмъ. Вообразите себѣ, что привычка въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ писать статейку такъ меня втянула въ писаніе, что рука и перо перешли какъ-то естественно къ болѣе серьозному предмету, Семирамидѣ, и я за нее принялся опять не на шутку. При этомъ учу дѣтей и очень радуюсь, видя, какъ мало-по-малу головка М... зрѣетъ и свѣтлѣетъ. Она начинаетъ входить въ разумъ. М... нарисовала сама, безъ всякой помощи, и почти кончила Христа Тиціанова Alla Moneta, и очень удовлетворительно. Но вотъ случай любопытный и которому я едва бы повѣрилъ, если бы это не случилось при мнѣ. Онъ доказываетъ, какъ слова̀ Вѣры и Христіанства непонятнымъ образомъ даютъ серьезное и глубое направленіе дѣтской мысли. С..., которой минуло четыре года, на дняхъ при мнѣ, въ прошлое Воскресенье, озадачила свою няню. «Няня, что̀ это въ церкви говорили: примите, ѣдите тѣло мое. Чье это тѣло?» Няня, отвѣчала, что Христово. С..., помолчавъ, сказала: «Няня, какъ же это тѣло Христово? Вѣдь Христосъ Богъ, а у Бога тѣла нѣтъ». Говорятъ о томъ, какъ можетъ быть, чтобы народъ интересовался отвлеченностями; а вотъ вопросъ четырехлѣтняго ребенка. Няня не умѣла, разумѣется, отвѣчать, и очень мило было смотрѣть, какъ М... взялась за объясненіе, и право очень удовлетворительно. Этотъ маленькій случай въ дѣтской жизни очень заинтересовалъ меня. Ясно, что дѣтямъ можно преподавать Христіанство гораздо серьезнѣе, чѣмъ вообще полагаютъ.

Что-то вы подѣлываете? Что̀ Коссовичъ? Ѣдетъ-ли? Ни отъ васъ, ни отъ него нѣтъ слуха давно.

Я познакомился съ нашимъ губернаторомъ. Человѣкъ неглупый и образованный, и довольно пріятный [2]). И того у насъ отнимаютъ. Говорятъ, что будетъ Толстой Егоръ Петровичъ; что-то не вѣрится. Попросите черезъ кого-нибудь Перовскаго, чтобы онъ сжалился надъ Тулою, да далъ бы кого-нибудь хорошаго.

покойному Государю (тогда еще Великому Князю, которому подчинены были военно-учебныя заведенія.

[1]) Любимая борзая собака Хомякова.

[2]) Это былъ Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Амурскій).

Вѣдь просто бѣдствуемъ губернаторами. Здѣсь безъ меня былъ у насъ Аксаковъ. Жена говоритъ, что Малороссію бранитъ. Я этого ждалъ.

18.

(1-го Декабря 1850.).

Письмо ваше очень насъ огорчило не потому, чтобы мы думали, что вы перестали имѣть къ намъ дружбу или долго могли сердиться, когда съ нашей стороны не было намѣренія вамъ сказать непріятное, но потому, что грустно было угадывать и, такъ сказать, видѣть заглазно волненіе ваше и тяжелое состояніе, въ которомъ вы находитесь. Впрочемъ, жена моя объ этомъ уже вѣроятно писала, а слѣдовательно говорить болѣе объ этомъ не стану. Вы легко повѣрите, что мы все тѣже для васъ, какъ и были, и будемъ все также васъ душевно любить и искренне и отъ всего сердца желаемъ вамъ всего, всего добраго. Объ себѣ скажу вамъ покуда только то доброе, что я давнымъ давно не работалъ такъ много и такъ аккуратно. Все въ Исторіи принимаетъ какой-то новый видъ и живой смыслъ. Такъ напр. теперь пишу время Оттоновъ и первыхъ Салійцевъ[1]). Какъ ясно выступаетъ взаимная зависимость двухъ властей, свѣтской и духовной, и ихъ истеченіе изъ одной идеи Римской державы въ ея новой формѣ Всехристіанства, Tota Christianitas. Какъ ясна впереди роль Франціи, чисто-отрицательная. Когда общая идея, которую воплощали въ себѣ Германія и Италія, была уже уличена во лжи, когда все великое и поэтическое, что заключалось въ этой идеѣ, было признано мечтою: тогда на сцену выдвигается Франція съ жизнью чисто-мѣстною и условною, съ адвокатской сухостью мысли, съ взглядами и требованіями крайне ограниченными, но за то крайне практическими. Когда Французъ Ногаре, посланникъ Французскаго короля, далъ Папѣ оплеуху, какъ [2]) чудно выразилось отношеніе жизни реальной къ самымъ высокимъ мечтамъ! Что за чудная вещь простая истина Исторіи! Какъ удивительно, и съ какою стройною логикой развивается вся эта цѣпь заблужденій неизбѣжныхъ, принимаемыхъ временно за истину и потомъ обличаемыхъ истиною дѣйствительной! Вы видите, что я въ духѣ труда дѣльнаго.

[1]) См. въ VII томѣ. — [2]) См. примѣчаніе въ концѣ книги.

Къ Коссовичу писалъ я на дняхъ. Мнѣ и досадно на него потому, что чувствуется, что онъ могъ бы дѣло отъѣзда своего уладить, и жаль его потому, что вижу, что у него не охоты не достаетъ, а ловкости и практическаго толка. Не знаю, сумѣетъ ли онъ наконецъ доѣхать до Англіи. Кажется, онъ даже не рѣшился еще объяснить Корфу, чего именно онъ желаетъ. Ужъ я хочу писать Боппу или Лассену, чтобы они вступились и по-санскритски написали пояснительное письмо къ барону.

Прощайте покуда, любезный Алекс. Николаевичъ. Не знаю, писалъ ли я вамъ, что нынѣшній годъ мнѣ удалось сдѣлать въ одной деревнѣ *ряду* съ крестьянами. Минута была очень пріятная по той ясности, съ которою въ нихъ выражался совокупный смыслъ: явленіе рѣдкое вездѣ, а у насъ какъ будто неугадываемое.

1 Дек.

19.

(1851).

Душевно благодарю васъ, любезный А. Н., за дружескую присылку издаваемыхъ вами Памятниковъ[1]). Всѣ экземпляры разосланы мною по принадлежности, но еще, кажется, никто за чтеніе ихъ не принимался кромѣ страстнаго дипломата Д. Н. Свербеева, который сейчасъ принялся за книгу, привлекаемый дипломатическимъ ея благоуханіемъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что Ливонскихъ бумагъ нѣтъ, и спрашивалъ, извѣстно ли вамъ, что, во время ихъ подвига по Архиву[2]), его трудами и трудами П. Вас. Киреевскаго были приведены въ порядокъ и переписаны многія бумаги по дѣламъ Ливонскимъ, которыхъ копіи при Архивѣ, а реестръ находится въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

У меня къ вамъ просьба: знаете ли Микуцкаго или слыхали про него? Студентъ бѣдный въ полномъ смыслѣ этаго слова,

---

[1]) Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи издавались II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его И. Величества Канцеляріи, гдѣ начальникомъ былъ графъ Д. Н. Блудовъ и служилъ А. Н. Поповъ.

[2]) Д. Н. Свербеевъ нѣкогда служилъ правителемъ Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. (См. его Записки).

лѣтъ подъ сорокъ, бывшій солдатомъ, великій филологъ, извѣстный нашей Академіи, одобренный Шафарикомъ, страстный къ своему дѣлу едва ли не болѣе Коссовича[1]). Теперь кончаются его студенческіе года, и ему предстоитъ заглохнуть въ какомъ-нибудь училищѣ. Чтобы спастись отъ этаго, ему нужно магистерство. Теперь онъ стипендіатъ Царства Польскаго; нужно продлить стипендію еще на годъ, чтобы онъ могъ оставаться при университетѣ. Университетъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе, которое на прошлой недѣлѣ пошло; но дѣло можетъ затянуться. Вы не безъ знакомства при Министерствѣ и знакомы съ Норовымъ. Пожалуста ускорите это дѣло; я увѣренъ, что вы не откажитесь отъ случая быть полезнымъ великому труженику и хорошему, много страдавшему человѣку.

Новаго здѣсь ничего нѣтъ кромѣ весьма удачнаго пира въ честь Іордана и Айвазовскаго, винигрета изъ разнородныхъ лекцій, въ которомъ Грановскій отличился изяществомъ изложенія и былъ всѣми восхваленъ, а Шевыревъ отличается дѣльностью и никѣмъ почти не признанъ, да еще великаго оскорбленія бонтоннаго общества по случаю стиховъ, напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Я стихамъ очень радъ, а оплеухѣ полученной обществомъ вдвое.

20.

Послѣ вашего отъѣзда изъ Москвы, гдѣ и я недолго оставался по неудачѣ въ своей спекуляціи, у меня было прошла боль во лбу, но потомъ ни съ того ни съ сего возвратилась втрое сильнѣе и мучила меня недѣли двѣ до нельзя; наконецъ, отъ времени или отъ Belladonna, не знаю, стала проходить и вотъ уже недѣля какъ меня посѣщаетъ только изрѣдка, т.-е. дня черезъ два, и то довольно легко; но все еще не совсѣмъ я отъ нея отдѣлался. Догадалась же она посѣщать меня по вечерамъ или передъ вечеромъ, въ самое мое разумное время, такъ что жаръ дневной, да эта вечерняя гостья совсѣмъ отъ всего отбили меня. Что-то будетъ на будущей недѣлѣ? Здѣсь проѣзжалъ Самаринъ съ Бибиковымъ[2]) и отъ этого не могъ ко

[1]) С. П. Микуцкій, недавно скончавшійся профессоръ Варшавскаго университета. Хомяковъ съ нимъ занимался Литовскимъ языкомъ.

[2]) Ю. Ѳ. Самаринъ послѣ своего заточенія посланъ былъ на службу въ Симбирскъ, а оттуда вскорѣ переведенъ въ Кіевъ къ тамошнему генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову.

мнѣ завернуть; звалъ меня въ Москву, и я охотно бы съ нимъ съѣздилъ повидаться, да у меня вдругъ навернулась куча дѣлъ, такъ что отлучиться не было никакой возможности. Теперь же Самаринъ вѣроятно давно уѣхалъ, и мнѣ крайне жаль, что я его не видалъ. Главное мое дѣло, разумѣется, счетъ хозяйственный при сдачѣ дѣлъ Василіемъ Александровичемъ [1]). Чѣмъ ближе его отъѣздъ, тѣмъ болѣе жалѣю я о необходимости разставанія; думаю, что и ему это тяжело. Какъ бы радъ я былъ, если бы ему удалось найти хорошее мѣсто. Едва ли я не виноватъ самъ во многомъ, что̀ безспорно имъ упущено. При его характерѣ ему необходимъ былъ помощникъ-исполнитель, а этаго-то и не было. Я же съ своей стороны всегда буду любить Василья Александровича.

Коссовичъ мнѣ пишетъ о библіотекѣ и спрашиваетъ моихъ мыслей; скажите ему, что средства Московскія мало мнѣ извѣстны, но на будущей почтѣ я ему напишу, что̀ знаю или лучше сказать, что̀ предполагаю.

Отъ графини Блудовой получилъ я письмо. Бѣдная больна. Еслибы она вѣрила гомеопатіи, это прошло бы скоро; но за всѣхъ лечащихся аллопатіею я всегда боюсь, какъ бы не затянулась болѣзнь. Посовѣтуйте ей полечиться у гомеопата. Нашимъ общимъ друзьямъ Славянамъ по моему очень нехорошо приходится въ Австріи. Великое счастіе, если въ Булгаріи учредится господарство; это даже радость, которой я вѣрить не смѣю, но планы колонизаціи въ Венгріи представляютъ великую опасность. По характеру народовъ сомнѣнія нѣтъ, что эта колонизація сильнѣе пойдетъ въ округахъ Славянскихъ, чѣмъ между драчунами-Мадъярами; а колонизація Штиріи имѣетъ явную цѣль окончательно въ ней убить Славянскую стихію. А все таки вѣрится, что Богъ поможетъ.

Коссовичъ пишетъ также, что нашъ Лондонскій священникъ въ Петербургѣ [2]). Пожалуста познакомьтесь съ нимъ. Онъ отличнѣйшій человѣкъ. Если что̀ отъ него узнаете о церковныхъ дѣлахъ въ Англіи, увѣдомьте.

Августа 28 дня
Богучарово (1851).

[1]) Трубниковымъ.—[2]) Евгеній Ивановичъ Поповъ.

21.

Живу покуда еще въ Богучаровѣ: пишу. Написалъ статью для Аксаковскаго сборника и посылаю ее. Главное же, воюю съ Губ. Правленіемъ. Хуже всякаго Бема и Кошута! Отбили навозъ у ямщиковъ на станціи, не только противъ всѣхъ правъ, но еще и противъ словъ контракта, заключеннаго съ казною за семь мѣсяцевъ. И какъ вы думаете, какую бы причину нашли они для этого разбоя? «Ямщики-де», говоритъ Правленіе, «не могутъ и не умѣютъ пользоваться навозомъ, и сверхъ того свободнѣе будутъ заниматься гоньбою почтовою, когда избавятся отъ хлопотъ по очищенію двора». Это невѣроятно, но именно таковы отвѣты Правленія и его достойнаго представителя, Барановича. Дѣло любопытное по наглости нарушенія правъ собственности и контрактныхъ условій. Въ скорости думаю довести его до гр. Перовскаго или до 1-го департамента Сената, а между тѣмъ еще здѣсь вожусь съ нимъ и забавляюсь толками Тульскими объ моей неуступчивости. Вотъ сельскія занятія.

Гдѣ Коссовичъ? Живъ ли? Пріѣхалъ ли? Ни слова отъ него съ самаго пріѣзда Кошелева! Въ Москву ѣду на дняхъ. Странно будетъ, что ни Свербеевой, ни Аксак. тамъ не будетъ зимою. Хочу поналечь на труды въ свободное время.

Прощайте, любезный Александръ Николаевичъ. Будьте здоровы и дайте о себѣ вѣсть.

Д. 3-го (1851).

22.

(Февраль 1852).

Только что ударъ палъ мнѣ на голову, новый ударъ, тяжелый для всѣхъ, послѣдовалъ за нимъ: Николинькинъ крестный отецъ, Гоголь нашъ, умеръ. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли; онъ говорилъ, что въ ней для него снова умираютъ многіе, которыхъ онъ любилъ всей душою, особенно же Н. М. Языковъ. На панихидѣ онъ сказалъ: все для меня кончено. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ какомъ-то нервномъ разстройствѣ, которое приняло характеръ религіознаго помѣша-

тельства. Онъ говѣлъ и сталъ себя морить голодомъ, поперекая себѣ въ обжорствѣ. Иноземцевъ не понялъ его болѣзни и тѣмъ довелъ его до совершеннаго изнеможенія. Въ Субботу на Масляницѣ Гоголь былъ еще у меня и ласкалъ своего крестника. Въ Субботу или Воскресенье на первой недѣлѣ онъ былъ уже безъ надежды, а въ Четвергъ на нынѣшней недѣли кончилъ. Ночью съ Понедѣльника на Вторникъ первой недѣли онъ сжегъ въ минуту безумія все что̀ написалъ. Ничего не осталось, даже ни одного чернового лоскутка. Очевидно, судьба. Я бы могъ написать объ этомъ психологическую студію; да кто пойметъ, или кто захочетъ понять? А сверхъ того и печатать будетъ нельзя. Послѣ смерти его вышла распря: друзья его хотѣли отпѣвать его въ приходѣ, въ церкви, которую онъ очень любилъ и всегда посѣщалъ, Симеона Столпника; Университетъ же спохватился, что когда-то далъ ему дипломъ почетнаго члена и потребовалъ къ себѣ. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотѣли, рѣшили участь его тѣла, противъ воли его друзей и духовныхъ братій, и приходъ, общее всѣхъ достояніе, долженъ былъ уступить домовой церкви, почти салону, куда не входятъ ни нищій, ни простолюдинъ. Многознаменательное дѣло. Эти сожженныя произведенія, эта борьба между пустымъ обществомъ, думающимъ только объ эффектахъ, и серьезнымъ направленіемъ, которому Гоголь посвящалъ себя, борьба рѣшенная въ пользу Грановскихъ и Павловыхъ и прочихъ городскимъ начальствомъ: все это какой-то живой символъ. Мягкая душа художника не умѣла быть довольно строгою, и строгость свою обратила на себя и убила тѣло. Бѣдный Гоголь! Для его направленія нужны были нервы желѣзные.

Ляжетъ онъ все-таки рядомъ съ Валуевымъ, Языковымъ и Катенькой и со временемъ со мною, въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Славянскою колонною Венелина. Такъ и надобно было.

У меня другое грозитъ горе: кажется, матушка не надолго у насъ загостится!

23.

Досадно мнѣ, любезный Александръ Николаевичъ, что не удалось мнѣ встрѣтить васъ въ Богучаровѣ. Меня въ это время судьба загнала въ Донковъ, на несказанную скуку. Ѣхалъ я на двѣ недѣли, а прожилъ слишкомъ мѣсяцъ въ самыхъ непріятныхъ хлопотахъ, безпрестанно ожидая, что заводъ нынче или завтра будетъ пущенъ въ ходъ и безпрестанно обманываясь въ своихъ надеждахъ по милости неаккуратности или плутни Россійскихъ негоціянтовъ, какъ себя называютъ Тульскіе плуты и алтынники-купцы. А потомъ, то сахароваръ боленъ, то льетъ такой дождь, что матеріаловъ нельзя подвозить и трубъ класть нельзя, наконецъ всѣ возможныя неудачи. Въ пустынѣ и безъ сношенія съ просвѣщеннымъ міромъ, даже безъ Московскихъ Вѣдомостей, съ горя я сталъ изучать сахароваренье, искать новыхъ путей, выдумалъ славныя и крайне-удобныя печи, и наконецъ собираюсь уже просить привилегіи на усовершенствованіе въ добываніи сахара, хотя, по правдѣ, я еще ни фунта не добылъ, а свекловицы попортилъ довольно. Вотъ какъ прошла моя осень. Теперь опять я на нѣсколько времени возвратился къ своимъ. Но, отдѣлавшись отъ своей трудной и скучной работы, вспоминаю объ ней не безъ удовольствія и живо чувствую то утѣшеніе, которое мнѣ доставили полный успѣхъ моихъ сдѣлокъ съ крестьянами, ихъ благодарность и одобреніе многихъ помѣщиковъ, которые готовы, кажется, послѣдовать моему примѣру. Одинъ даже принялся за дѣло. Если это пойдетъ, то не даромъ я трудился, и думаю, что пользу я принесъ бо́льшую, чѣмъ всѣми возможными писанными мною статьями.

24.

(1852).

Вы не отвѣчали мнѣ, любезный Александръ Николаевичъ, на мое письмо: неужели еще сердитесь? Какъ бы то ни было, я къ вамъ съ двойною просьбою. Одна не моя и изложена въ прилагаемомъ письмѣ отъ дочери Аграѳены Климовны. Предоставляю дѣло вашему расположенію и ея женскому краснорѣчію; а другая просьба моя. Вы знаете, что я писалъ къ архіепископу Казанскому Григорію объ дѣлѣ Пальмера. Получилъ

отъ него живой и теплый отвѣтъ; другое письмо мое къ нему тоже осталось не безъ отвѣта, но на этотъ разъ это было кусокъ льда [1]). Я на него не пеняю. Вѣроятно его добрые люди обдѣлали и напугали. За всѣмъ тѣмъ я его благодарю письмомъ, которое посылаю и посылаю также «М. Сборникъ» ради статьи Киреевскаго и для того, чтобъ не совсѣмъ перервать знакомство. Но книгу (хотя въ письмѣ я сказалъ, что посылаю) я къ нему прямо послать не хочу. Пожалуста возьмите на себя трудъ доставить ему книгу, которую адресую на ваше имя. Быть можетъ, вы захотите при случаѣ и человѣка узнать. Кажется, не совсѣмъ безъ пользы было письмо. По слухамъ дѣло пошло нѣсколько поживѣе, вѣрнаго же ничего не знаю. Пальмеру я писалъ, но отвѣта еще нѣтъ. Не пеняйте на меня за порученіе: можетъ быть, исполненіе его будетъ вамъ не непріятно, если сведетъ оно васъ съ человѣкомъ хорошимъ, какъ говорятъ о Григоріи, и дастъ случай узнать повѣрнѣе, какъ идутъ дѣла Англійскихъ катехуменовъ.

Объ себѣ скажу, что тружусь гораздо болѣе прежняго и вообще веду жизнь почти какъ назначалъ, но все таки ранняго отхода ко сну не могу устроить. Это, видно, до деревни. Я много въ душѣ перемѣнился. Дѣтство и молодость ушли разомъ. Жизнь для меня въ трудѣ, а прочее все какъ будто во снѣ. Два портрета [2]) я сдѣлалъ: одинъ уже кончилъ, и оба очень хорошіе и очень похожіе.—У васъ, кажется, есть какая-то старая, но довольно подробная карта Европы древней, гдѣ старыя имена городовъ въ Италіи. Если есть, пришлите.

25.

(1852).

Вы меня столько знаете, любезный Александръ Николаевичъ, что вполнѣ можете быть увѣреннымъ, что я никогда и никакъ не могу заслужить справедливаго упрека по своимъ дѣйствіямъ и мыслямъ общественнымъ. Много имѣлъ я пріятелей, которые были или скептики, или вовсе невѣрующіе (съ двадцатилѣтняго возраста), и почти всѣ сдѣлались людьми искренно вѣрующими. Много было либераловъ даже въ крайней степени (такова была

[1]) Оба письма см. ниже.

[2]) Портреты покойной Екатерины Михайловны Хомяковой.

эпоха), и они сдѣлались монархистами. До какой степени я имѣлъ на это вліяніе, не могу сказать; но кажется, это могло бы служить мнѣ достаточною похвалою. Теперь здѣсь ходитъ слухъ о какомъ-то негодованіи на «Московскій Сборникъ». Я статей другихъ не знаю кромѣ своей, а въ ней я сохраняю и отчасти развиваю свое всегдашнее убѣжденіе, что истинное просвѣщеніе имѣетъ по преимуществу характеръ консерваторства, которое есть постоянное усовершенствованіе, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка невозможна, а разрывъ гибеленъ. Мысль и жизнь моя, кажется, всегда были согласны между собою, и изъ нихъ я никогда не скрывалъ и не имѣлъ нужды скрывать ничего. Всѣ прежнія мои статьи того же содержанія, всѣ бесѣды того же смысла. Есть противъ переворотовъ ненависть политическая; она можетъ имѣть свою пользу, но она по моему низка и безсильна, ибо она принадлежитъ только богатымъ міра сего. У меня всегда была, какъ вы знаете, противъ тѣхъ же революцій ненависть нравственная, которая не только благороднѣе, но и сильнѣе, ибо она также возможна въ бѣдномъ, какъ и въ богатомъ. Это убѣжденіе не мѣшаетъ жизни мысли. Какъ этаго не умѣютъ прочесть во всѣхъ моихъ статьяхъ, не знаю. Впрочемъ, тѣ умѣли, которые меня сызмолода величали *сервилистомъ*. Впрочемъ, вѣроятно этотъ слухъ Московскій пустъ; ибо въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, полученномъ на дняхъ, нѣтъ ничего подобнаго. Я вамъ очень за него благодаренъ и за вашу дружбу. Искренно благодарю за совѣтъ быть въ одно время дѣятельнымъ и сильно наблюдать за своею внутреннею дѣятельностью. Я, кажется, что-то еще хотѣлъ сказать вамъ объ этомъ письмѣ, но выронилъ его на ухабѣ въ лужу, которыми изобилуетъ Москва донельзя.

У меня здѣсь возни хозяйственной пропасть. Купилъ деревню, завожу сахарный заводъ, безпрестанно толкусь въ хозяйственномъ обществѣ, и только? Какъ же не такъ? Разбираю Шведскія древности, выдумалъ сѣяльницу (просто чудо), улучшаю жатвенную машину и спорю съ И. С. Аксаковымъ объ устройствѣ и внутреннемъ смыслѣ третейскаго суда. Это мало изучено, а могло бы упростить судопроизводство до невѣроятной степени. Объ этомъ заставило меня думать насильное похищеніе телѣги у моего крестьянина.

26.

19 Марта (1853).

Я къ вамъ съ просьбою, любезный Александръ Николаевичъ, которая для меня важна, а вамъ, надѣюсь, никакихъ хлопотъ не сдѣлаетъ. Вотъ дѣло въ чемъ. Послѣ шестимѣсячныхъ трудовъ и опытовъ, я наконецъ попалъ на особенное производство для свекловично-сахарныхъ заводовъ, которое, если не ошибаюсь, должно дать несравненно бо́льшіе выходы, а именно до 35 фунтовъ кристаллическаго сахара изъ 10 пудовъ свекловицы (густоты сока 8° по Боме́). Эта вещь и для меня крайне важная, и для хозяйства Русскаго вообще, и можетъ быть теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Разумѣется, я хочу взять на это привилегію, но не знаю, куда сунуться и какъ за это взяться. Пожалуста узнайте, куда надобно обратиться и по какимъ формамъ и процедурамъ, и напишите мнѣ, потому что я не хотѣлъ бы медлить. Если вы знаете какого-нибудь сахаровара, онъ вамъ скажетъ, какова важность этаго открытія (если оно только подтвердится опытомъ) и, спрашивая, не забудьте сказать, что это результатъ при щелочневомъ выпариваніи и гущеніи.

О нашемъ житьѣ-бытьѣ Московскомъ вы знаете, и новаго писать нечего; но о себѣ скажу, что не даромъ присылала къ намъ графиня Антонина Дмитріевна рѣчь Сибура. Она, разумѣется, не стоитъ возраженія, а еще менѣе стоитъ возражать, какъ возражали у насъ съ колѣнопреклоненіемъ предъ Папою, который просто нагло плутуетъ; но она мнѣ подала поводъ къ вступленію въ статью полемико-религіозную, которая (если только будетъ напечатана) заставитъ его покаяться въ своихъ словахъ. Иные думаютъ, что теперь не время для такихъ вопросовъ. Чистый вздоръ! Борьба наша имѣетъ видъ, какъ и всякая борьба, чисто матеріальной схватки, чисто матеріальныхъ интересовъ; но это только видъ. Истинная-то борьба идетъ между началами духовными, логически развивающимися, и на этой почвѣ возможна побѣда; прибавлю еще, только на этой почвѣ возможна прочная побѣда. Надобно пробудить сочувствіе къ нашимъ началамъ или доказать ихъ превосходство,

ихъ бо́льшую строгость логическую, ихъ бо́льшую человѣчность и большее согласіе съ требованіями души человѣческой, и тогда будетъ поле наше. Безъ этаго, безъ нѣкотораго перелома въ общемъ Европейскомъ мышленіи, борьба будетъ нескончаема, не смотря на возможные успѣхи, которые все-таки достанутся нелегко. Величайшая бѣда то, что у насъ въ Европѣ нѣтъ органовъ. Умная газета за границею, особенно Французская, была бы машиною въ пять тысячъ паровыхъ силъ и стоила бы двухъ-сотъ-тысячнаго войска. Неужели она невозможна? Какъ бы то ни было, я теперь въ религіозной полемикѣ. Какъ-то Богъ дастъ совладать съ предметомъ?

27.

(Конецъ 1853).

Искренно благодарю васъ за присланное вами сочиненіе о сношеніяхъ нашихъ съ Хивою, а за любезное посланіе вдвое. Весь разсказъ о Бековичѣ, такъ же какъ и о посольствѣ Итальянца, и тотъ страхъ, который внушала Россія всей Закаспійской области, доказываютъ, по моему мнѣнію, великое и вѣковое наше ослѣпленіе. Все вниманіе наше постоянно было обращаемо на дѣла Европы; истинныя выгоды наши призывали насъ на сильнѣйшее дѣйствіе на Востокѣ, который достался бы намъ очень легко. Туда бы должно было, и можно было, отодвинуть казачество, совершенно неумѣстное на Дону. Разумѣется, это было бы дѣйствіемъ тихимъ и *почти* непринудительнымъ. Персія была бы у насъ постоянно въ рукахъ и т. д. Нравственность такаго распространенія точно такъ же явна, какъ справедливость завоеванія Алжиріи, и въ продолженіе почти вѣка у насъ въ Каспійской области наросли бы силы собственно Русскія, которыя конечно помогли бы намъ не только справиться, но еще и легко справиться съ Кавказомъ, особенно съ его лѣвымъ флангомъ, отъ котораго намъ столько хлопотъ. Петръ, кажется, понималъ дѣло; но его система насъ втянула слишкомъ глубоко въ междоусобія Европы и подавила наши *естественные инстинкты*.

Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ дальнѣйшихъ трудовъ, большаго историческаго и современнаго; но думаю, что въ этомъ послѣднемъ вамъ не совсѣмъ можно свободно двигаться, а эта

несвобода сильно повредить убѣдительности такаго писанія, которое могло бы и должно бы дать вамъ мѣсто между Европейскими публицистами. Если вы, хоть не вполнѣ, а отчастп избѣгли трудностей, представляемыхъ не столько самимъ предметомъ, сколько современными отношеніями, вы совершили дѣло весьма немалотрудное. Впрочемъ, я какъ-то убѣжденъ, что вы это сдѣлали, хотя и не видалъ и не знаю какими путями. Разумѣется, что вы, писавъ о Восточномъ вопросѣ, не могли не имѣть въ виду читателя заграничнаго; скажу болѣе, имѣли его въ виду по преимуществу (все равно, будетъ ли напечатано или нѣтъ): ибо, не обманывайте себя, въ Россіи нѣтъ Восточнаго вопроса. Такого полнаго равнодушія, какое питаютъ всѣ къ нему, нельзя вообразить. Равнодушіе объясняется очень просто. Общественное мнѣніе было совершенно оставлено въ невѣдѣніи обо всемъ дѣлѣ. Объявлено одно, что мы ничего брать у Турка не хотимъ: изъ чего же общественному мнѣнію и горячиться? Я такъ дѣло объясняю, но въ тоже время признаюсь, не могу и не удивляться. Просто никто и говорить не хочетъ. Должно однако сказать, что побѣда Бебутова и Синопское дѣло очень всѣхъ порадовали. Что-то впередъ Богъ дастъ? А по моему узелъ дѣла въ Сербіи, и въ томъ, какъ Сербы и Черногорцы объявятъ свое отношеніе не къ тому вопросу, который мы поставили, а къ вопросу объ огражденіи христіанъ вообще отъ разбоя и убійства. Слово Сербіи можетъ связать Англійское министерство по рукамъ и ногамъ, или поднять на него жесточайшую бурю въ парламентѣ.

Я замедлилъ вамъ отвѣчать, потому что опять ѣздилъ въ Ивановское*), а оттуда никому не пишу, потому что, по моимъ замѣчаніямъ, Донковская почта, по всей вѣроятности, совершаетъ кругосвѣтное путешествіе, прежде чѣмъ доходить до своего назначенія. Я предлагаю имя города перемѣнить и назвать *Завальемъ*: туда попадешь, словно куда завалился. У меня все идетъ кое-какъ. Къ несчастью, мой учитель Греческаго и Русскаго, Казаковъ, которымъ я былъ очень доволенъ, заболѣлъ бѣлою горячкою, и теперь это дѣло лежитъ на мнѣ, и

*) Принадлежащее нынѣ младшему сыну Хомякова, Николаю Алексѣевичу помѣстье подъ Донковымъ.

мы съ дѣтьми вмѣстѣ учимся по-гречески, и идетъ ничего себѣ. По крайней мѣрѣ я дѣлаю большіе успѣхи. Отправилъ на дняхъ большой трудъ о Санскритскомъ и Русскомъ языкахъ къ Гильфердингу и горжусь имъ. Кстати, узнайте, нѣтъ ли возраженій противъ брошюрки, написанной въ отвѣтъ Laurentie? Она въ Парижѣ, кажется, уже вышла. Это и вамъ интересно будетъ, а мнѣ кольми паче.

28.

Поздравляю васъ и поздравляю отъ всей души, любезный Александръ Николаевичъ: дай Богъ вамъ счастія въ жизни семейной! Оно одно только на землѣ и заслуживаетъ имя счастія. Благодарю васъ за то, что поспѣшили меня извѣстить (хотя это извѣщеніе было не совсѣмъ для меня неожиданнымъ: слухомъ земля полнится). Еще болѣе благодарю за приглашеніе быть у васъ посаженнымъ отцемъ. Въ этомъ вижу я доказательство вашей дружбы и принимаю приглашеніе ваше безотговорочно; но васъ самихъ прошу, подумайте: хорошъ ли будетъ посаженный отецъ, у котораго веселое выраженіе лица почти невозможно? Не будетъ ли онъ казаться пятномъ въ самую веселую минуту жизни? Любезная и добрая семья, съ которой вы соединяетесь, давно намъ знакома, и Катенька искренно любила Анну Климовну и ея дочерей. Поэтому судите, какъ мнѣ пріятна была вѣсть, которую вы мнѣ дали. Вчера вечеромъ пріѣхалъ вашъ посланный, и нынче я уже былъ бы въ Дугнѣ, но не пеняйте на меня за то, что пріѣду только послѣ завтра: завтра у меня именинница, которой я огорчить не могу отсутствіемъ. Матушка поздравляетъ съ радостью. Прощайте до послѣзавтрашняго дня *).

21 Іюля.

29.

(31 Января 1854).

Какъ благодаренъ я, и разумѣется не я одинъ, любезный Александръ Николаевичъ, за ваше доброе дѣло, которое вы назвали статьею. Это дѣло. Оно было не для всѣхъ писано и поэтому не подлежитъ критикѣ литературы или науки въ томъ

*) А. Н. Поповъ женился на Маріѣ Петровнѣ Мосоловой. Дугна—имѣніе Мосоловыхъ, Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи.

смыслѣ, въ которомъ подлежатъ ему другія статьи. Оно имѣетъ форму диссертаціонную, но оно собственно имѣетъ характеръ рѣчи апологетической передъ судомъ или судьею. Точки отправленія во многихъ мѣстахъ, напр. о покорности и присягѣ, взяты не изъ отвлеченныхъ законовъ мысли, а изъ права признаннаго за законъ положительный. Такъ и должно было быть. Вы принимаете такую-то норму и пр., слѣдовательно вы должны принять такія-то послѣдствія и пр. Это непремѣнно подразумѣвается во всякомъ практическомъ употребленіи слова, хотя наука, разумѣется, должна идти другимъ путемъ. Мнѣ пріятно было, что не я одинъ это почувствовалъ, но признали люди гораздо болѣе склонные къ отвлеченности, напр. Аксаковъ. Такъ-то сочувствіе даетъ даже людямъ повидимому отвлеченнымъ сознаніе необходимаго въ дѣлѣ прямо-жизненномъ. Лишнимъ считаю говорить объ ясности изложенія, о своевременности и важности оцѣнки отношеній Австріи къ намъ и другихъ прекрасныхъ сторонахъ статьи. Вы сами ихъ знаете, я только одно скажу: ихъ оцѣнили всѣ. Болѣе же всего я хвалю (извините гордое *я*, но вѣдь оно всегда скрывается во всякомъ мнѣніи) воздержность тона при мужествѣ поступка: оно свидѣтельствуетъ о мужествѣ не страстномъ и порывномъ, но тихомъ и упорномъ, т. е. о томъ, которое всегда нужно, а теперь болѣе чѣмъ когда нибудь, и намъ болѣе чѣмъ кому нибудь. Благодаримъ и благодаримъ душевно. Инструкціи ваши соблюдены въ точности, и къ моему великому прискорбію даже въ отношеніи къ С. Онъ дѣйствительно задалъ себѣ ролю вреднаго человѣка, а какъ жаль! Онъ такой истинно-славный человѣкъ между нами, лучшій въ домѣ, развѣ за исключеніемъ К. Дм.

Статья, говорятъ, принята была хорошо; но увы! однѣ статьи не рѣшатъ дѣла. Ихъ огромная заслуга въ томъ, что онѣ раздираютъ туманную завѣсу и даютъ людямъ большій просторъ и свободу. Рѣшеніе же будетъ зависѣть отъ хода дѣла, на которыя ни мы, никто дѣйствовать не можетъ, именно отъ мѣры оскорбленія; но по правдѣ сказать, неужели эта мѣра не переполнена? Что мнѣ вамъ сказать? Вы знаете, что я не сантименталень; но мнѣ *его* жаль *). Я бы радъ былъ сказать

*) Т. е. Государя Николая Павловича. Писано еще въ его царствованіе.

слово, какъ умѣю, не для Руси только, а и для него. Но гдѣ доступъ слову? Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ 12-му году. И такъ будетъ опять, ибо мы мыслію выше. А впрочемъ, можетъ быть, Богъ избавитъ отъ Тильзита. Одно страшно: пять лѣтъ, увы! еще не кончившагося самохваленія, противнаго Богу и чуждаго народному духу.

Ну да довольно объ этомъ. А объ чемъ же еще? Развѣ только о томъ, что, говорятъ, брошюрка запрещена. Можно было ждать этаго, а все-таки досадно въ теперешнюю минуту. Видно, система не хочетъ измѣниться, а при ней плохо и очень плохо.

Сказать ли о себѣ и объ насъ? Да что! У насъ все какъ всегда, и слава Богу!

31 Января.

Я кончилъ письмо спокойно, а приписываю въ тревогѣ: сей часъ говорятъ мнѣ, что графъ Дм. Николаевичъ умеръ [1]). Не вѣрю, но очень взволновался. Какъ горько было бы мнѣ, если бы это была правда [2]).

*

[1]) Извѣстіе неоправдавшееся: графъ Д. Н. Блудовъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ († 19 Февраля 1864) и успѣлъ еще многое сдѣлать на пользу отечества, между прочимъ своимъ живымъ участіемъ въ рѣшеніи вопроса о помѣщичьихъ крестьянахъ.

[2]) Письмо это писано въ то время, когда предстоялъ намъ разрывъ съ Франціею и Англіею, вслѣдъ за которымъ Хомяковъ написалъ свои стихи къ Россіи, гдѣ она призывается къ показанію и говорится про нее, что она

Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

Они напечатаны были гораздо послѣ войны, но тогда же, въ 1854 году, облетѣли всю Россію, не смотря на преслѣдованія полицейскія, отъ которыхъ доставалось не одному только со-

30.

(Осень 1855).

Я покуда кончилъ многотрудное дѣло: написалъ и переписалъ вторую статью, которую отчасти вамъ читалъ. Вскорѣ перешлю ее въ Петербургъ для пріисканія ей пути. Разумѣется, она будетъ тотчасъ же вамъ сообщена подъ великимъ молчаніемъ до времени. Я ею очень доволенъ; кажется, ею также очень довольны всѣ тѣ, которымъ я ее читалъ. Киреевскій одинъ только какъ будто находитъ вопросы слишкомъ упрощенными; но этимъ-то, мнѣ кажется, я и могу похвалиться, потому что въ этомъ именно состояли и цѣль, моя и вся трудность задачи. Болѣе всего меня обрадовалъ опытъ, сдѣланный мною надъ двумя сельскими неглупыми попами. Я имъ прочелъ въ переводѣ *) часть о таинствахъ, и они мнѣ откровенно сказали, что только при этомъ чтеніи они поняли

чинителю, но и нѣкоторымъ восторженнымъ читателямъ. Что̀ касается до Николая Павловича лично, то Хомяковъ высоко цѣнилъ его еще съ ранней своей молодости. Онъ передавалъ (конечно очень немногимъ), что, еще въ царствованіе Александра Павловича, служа въ гвардіи, случилось ему стоять поздно вечеромъ на караулѣ, и мимо его проходила стройная фигура тогдашняго великаго князя, оставляя впечатлѣніе строгаго благородства. Слова Хомякова о «самохваленіи» напоминаютъ намъ, какъ въ 1849 году, въ Варшавѣ, по окончаніи Венгерской войны, графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ вышелъ отъ Государя встревоженный, съ заплаканными глазами, и сказалъ находившемуся въ пріемной пріятелю своему, князю М. С. Воронцову: «Все кончено. Съ такими понятіями, съ такою увѣренностью въ собственную непогрѣшимость можно вести свою державу только къ погибели». (Слышано отъ князя С. М. Воронцова).

Говорилъ онъ: все творятъ
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ.

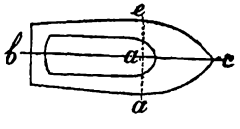
Современники помнятъ тяготу тогдашняго положенія, тѣмъ болѣе трагическую, что видимый виновникъ не сознавалъ творимыхъ бѣдъ. Хомяковъ, тогда и позже, утверждалъ, что виноваты всѣ мы, т.-е. образованное сословіе. *П. Б.*

*) Переводъ явно изустный. Переводъ, напечатанный во II-мъ томѣ, сдѣланъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и Н. И. Гиляровымъ-Платоновымъ. *Изд.*

мyропомазаніе, «а то въ семинаріяхъ, да и въ книгѣ Евсевія никакого яснаго смысла мы не получили». Это почти ихъ слова. Вообще я долженъ замѣтить, что я почти всегда въ простомъ и нѣсколько туповатомъ смыслѣ бѣлаго духовенства замѣчалъ больше способности понимать истину церковную, чѣмъ въ многозаучившихся чернецахъ и іерархахъ, или въ тѣхъ набожныхъ мірянахъ, которые слишкомъ много водятся съ монастырскими свѣтилами и пастырями.

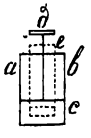
Не слыхали ли чего о первой статьѣ? Вотъ что между прочимъ было со мною по ея поводу. Получаю я отъ Олсуфьева письмо: искалъ, дескать, я книги такой-то, для представленія Цесаревнѣ; а у книгопродавцевъ нѣтъ. Нѣтъ ли у васъ или не знаете ли, гдѣ достать? Я отвѣчалъ: книгу по рукописи знаю, а печатной не видалъ, и въ Москвѣ ни у кого нѣтъ. Черезъ двѣ недѣли получаю прелюбезное письмо отъ него и экземпляръ. Признаюсь, я этотъ поступокъ нашелъ любезнымъ въ высшей степени. Олсуфьева благодарилъ; но кому дѣйствительно подобаетъ отъ меня благодарность, не знаю. Не знаете ли вы?

Много у меня всякихъ заботъ, а не терпится, чтобы не сердиться на беззаботность тѣхъ, кому слѣдовало бы заботиться, именно теперь, по военному дѣлу. Дѣлаю нынѣшнею зимою опытъ ружья моего изобрѣтенія, а между прочимъ прошу васъ, такъ какъ вы у источниковъ и случается видѣться со всякими властями военными и прочими, поговорите съ кѣмъ-нибудь поумнѣе (если бы можно съ Константиновымъ) о слѣдующихъ двухъ предложеніяхъ. 1 е Ланкастерское ядро, эллиптическое, есть очевидно частное приложеніе теоріи коническихъ пуль къ пушкѣ. Не выгодно ли будетъ дѣлать гранаты конусообразными, очень толстыми къ носку, удлиненными и урѣзанными къ хвосту?



Линія равновѣсія примѣрно была бы въ точкахъ *a* на разстояніи 3-хъ *x* отъ *e* и двухъ *x* отъ *c*. Это дастъ устойчивость и силу полету. По кругу *a*, *a*, *a* будетъ тоже и, главное,

утолщеніе гранаты, которой конецъ *а с а* я предложилъ бы сдѣлать въ формѣ тѣла образованнаго вращеніемъ циклоиды по оси *в с*. Заднюю же часть предложилъ бы я всаживать въ картонную гильзу, черезъ что плотнѣе бы входило ядро въ орудіе и не было бы растери силъ*). Въ бомбахъ и гранатахъ двѣ системы употребляются для зажиганья заряда: старая посредствомъ трубки и стапина, и новая посредствомъ удара. Обѣ имѣютъ невыгоды. Въ первой множество гранатъ лопается преждевременно, другая часть запаздываетъ взрывомъ и откидывается непріятелемъ или гаснетъ отъ заглушенія стапина (но это рѣже); во второй страшная и опытомъ доказанная невѣрность взрыва. Я предлагаю стапинъ въ разнимающейся трубкѣ съ колпачкомъ. Трубка *а* составлена изъ двухъ частей, *в* неподвижной и *с* подвижной, которая посредствомъ стержня *е* скрѣплена съ колпачкомъ *д*. Колпачокъ *д*, ударяясь о твердый предметъ, вталкиваетъ трубку *е* внутрь гранаты или бомбы вмѣстѣ съ горящимъ стапиномъ, и взрывъ происходитъ непремѣнно. Эта система соединяетъ выгоды обѣихъ и при удиненныхъ гранатахъ съ тяжелымъ концомъ должна быть близка къ совершенству.



Вамъ покажется смѣшно, что я поручаю вамъ или прошу васъ говорить о дѣлѣ совершенно и вамъ, и мнѣ постороннемъ, но что же дѣлать! Вѣдь у меня никакихъ нѣтъ сношеній съ Питеромъ; вы же видите и знаете многихъ. Хороша мысль, пригодится; пустая, никому не помѣшаетъ; а время нужно. Насъ бьетъ не сила (она у насъ есть) и не храбрость (намъ ея не искать), насъ бьютъ и рѣшительно бьютъ мысль и умъ. Если вы сами не видите никого изъ людей этаго Fach'a, не возьмется ли графъ Віельгорскій или Веневитиновъ имъ предложить мое предложеніе? Тогда оторвите отъ письма осьмушку и отдайте имъ. Не терпится глядѣть на нашъ сонъ. Развѣ что придетъ изъ за моря, спохватимся

*) А. С. Хомяковъ кончилъ курсъ на Математическомъ факультетѣ Московскаго университета, унаслѣдовавъ отъ отца своего большую любовь къ математическимъ наукамъ. Странно что Кавелинъ, знавшій его такъ близко, говоритъ, будто онъ не получилъ университетскаго образованія.

перенять, и то поздно. Я даже въ Крымъ писалъ къ Шепшину[1]) и бранился за ихъ тамошнюю глупость. Досадно мнѣ на Блудовыхъ. Такіе добрые и не могутъ понять, какая въ каждомъ не-Питерцѣ должна быть праведная злость, не на того или другого, а на все и всѣхъ. Вы это понимаете.

Вотъ, мой любезный Александръ Николаевичъ, въ этомъ письмѣ довольно вѣрная картина моего внутренняго быта. Къ этому прибавьте кое-какіе уроки дѣтямъ, что впрочемъ я нѣсколько запустилъ, и возню съ измѣненіемъ или лучше сказать уничтоженіемъ барщины и, елико возможно, укрѣпленіемъ общины сельской, и вы подумаете, что я не совсѣмъ безъ дѣла и хлопотъ. Но что за жалкая дѣятельность въ сравненіи съ тою, которая могла бы и должна быть у насъ! Ѣздилъ я къ матушкѣ на два дня и потомъ прождалъ еще Погодина въ Москвѣ дня два, но не дождался. Жаль: я думаю любопытное совершилъ онъ путешествіе. Что-то вы подѣлываете? Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы не говорите, есть ли какіе у васъ занятія кромѣ служебныхъ, и хорошо ли для васъ идетъ все? Будьте здоровы, скажите мой поклонъ любезной Марьѣ Петровнѣ [2]) и не забывайте вашего А. Хомякова.

31.

(Конецъ Февраля 1855 года).

Есть у васъ мое изображеніе, которое сильно похоже на Чижова? Не прислать ли вамъ новой фотографіи, которая рѣшительно похожа на меня? Не приписывайте такаго вопроса излишнему самолюбію. Ужъ коли портретъ, такъ едва ли не лучше, когда онъ похожъ [3]). Благодарю васъ душевно за ваши книжныя посылки; разумѣется, болѣе всѣхъ за одну: Тяпкина [4]). Но не прогнѣвайтесь: вамъ немножко стыдно, и вы съ собою

---

[1]) Николай Васильевичъ Шепшинъ. См. его некрологъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 года.

[2]) Супругѣ А. Н. Попова.

[3]) Это тотъ фотографическій портретъ, работы Бергнера, съ котораго гравюра приложена къ I-му тому настоящаго изданія.

[4]) Статейный списокъ Тяпкина, изданный А. Н. Поповымъ.

поступаете нехорошо. Мало книгъ такихъ интересныхъ по выбору предмета; мало такихъ прекрасныхъ по художественному строенію и по характеристической группировкѣ происшествій: лица выпуклы, дѣла говорятъ сами за себя, чтеніе въ одно время увлекательное и поучительное. Но какъ же такъ небрежно издавать? Вѣдь опечатокъ больше, чѣмъ въ какой-либо мнѣ извѣстной книгѣ, и кое-гдѣ слогъ требовалъ бы отдѣлки. Неужели вы сами этой работой не столько дорожите, сколько слѣдуетъ? Не сердитесь, если на васъ за это сердимся. Не знай я васъ, я и тогда бы сердился, а теперь разумѣется вдвое. Впрочемъ скажу правду: даже изъ вашихъ недоброжелателей (а вы не безъ оныхъ) всѣ почти отдаютъ вамъ справедливость и говорятъ, что это великій подарокъ нашей исторической словесности. Ждемъ другихъ.

Важная миновалась эпоха. Чтобы ни было, а будетъ уже не то. Эта эпоха въ высшей степени наставительна. Смерть доказала нравственную правоту человѣка, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ вы сами знаете, и винилъ не лицо, а систему и насъ всѣхъ. Сумѣемъ ли мы оправдать себя теперь, или наша бездѣйственность докажетъ, что мы даже не заслуживаемъ возможности дѣйствовать? Скорыхъ перемѣнъ я не жду, но характеръ будущаго царствованія будетъ непремѣнно зависѣть отъ того, кто первые подадутъ голосъ: честные или бездушные. Это рѣшитъ отчасти вопросъ: можно ли или нѣтъ уважать эту землю; можно ли или нѣтъ довѣрять ей, позволять мыслить вслухъ и жить общительно? Велика отвѣтственность на всѣхъ и на каждомъ. Дай Богъ намъ того, чего недостаетъ у многихъ: истинной любви къ добру, правдѣ и Россіи. Вы-то, я знаю, не будете сидѣть сложивши руки; во многихъ я не увѣренъ. А какая вѣроятно идетъ фабрикація клеветъ? Какъ стараются напугать, заподозрить и пр.? Должно быть просто любо! *Здѣсь* всѣ радуются Русской одеждѣ или стремленію къ ней *). Такъ ли у васъ въ Питерѣ? Даже прежніе враги Русскаго

*) Въ самомъ началѣ царствованія Александра Николаевича ходилъ слухъ о введеніи въ служебный міръ Русской одежды.

платья повеселѣли, какъ будто они сами его желали, да желать не смѣли. Дай Богъ лучшаго!

32.

(Лѣто 1855 г.).

Я у Кошелева провелъ три дня очень хорошо и весело; но о журналѣ почти рѣчи не было, да и быть не могло. Запрета съ насъ снимать и не думаютъ; а безъ этого какъ же приступиться? Отъ Норова ни слова, такъ же какъ и отъ Блудовыхъ, хотя я къ нимъ писалъ. Если бъ знать навѣрное, что они въ Москвѣ, я бы, можетъ быть, къ нимъ съѣздилъ. Впрочемъ, если бъ удалось мое ружье, то я имѣлъ бы не только предлогъ, но и причину съѣздить даже въ Питеръ; только оружейники тянутъ дѣло и все еще не кончаютъ. Обѣщаютъ на дняхъ сдѣлать и надѣются, что результаты будутъ блистательны. Что-то будетъ?

Мнѣ нынѣшній годъ изъ рукъ вонъ плохъ: свекловицу червь съѣлъ, яровыя почти пропали, въ оброкѣ остановка отъ войны. Просто, скверно. Вторая моя брошюра напечатана въ Лейпцигѣ, о чемъ я получилъ на дняхъ извѣстіе; но какъ она принята въ Питерѣ, не знаю. Еще пишутъ, что мнѣ какое-то очень пріятное извѣстіе изъ чужихъ краевъ, но какое? Не пишутъ. Вѣдь почта не оказія.

Весело, что вы своего «Стеньку» [1]) кончаете. Многое въ немъ не по сердцу придется *старолюбцамъ*; но эту эпоху необходимо понять, чтобы оцѣнить послѣдовавшую и яснѣе разумѣть предыдущія. Посылаю вамъ экземпляръ своего лексикончика [2]). Мало кто за него спасибо скажетъ: оцѣнить не оцѣнятъ журналы; а вѣдь такого еще не имѣетъ, да и не можетъ имѣть, ни одинъ Европейскій языкъ. Я послалъ экземпляры къ Ганкѣ, Шафарику и Штуру.

---

[1]) Бунтъ Стеньки Разина, изслѣдованіе А. Н. Попова, появившееся потомъ въ „Русской Бесѣдѣ“.

[2]) Ср. прилож. къ V тому.

33.

(Вторая половина 1855).

Жаль мнѣ васъ, любезный Александръ Николаевичъ, что вы по нездоровью не могли или не рѣшились къ намъ ѣхать. У меня на дорогѣ украли гомеопатическую аптечку, и я купилъ новую, полнѣйшую, довольно щеголеватую. Какъ бы я васъ проворно вылѣчилъ! Шутки въ сторону, мнѣ и жаль, что вы захворали, и досадно, что я васъ не видалъ. О многомъ нужно бы было переговорить. Я ѣду въ Москву не для свиданія съ Блудовыми, которыхъ жалѣю, что не видалъ (они всего пробыли тамъ дня съ три), но по вызову Кошелева. Западникамъ дано позволеніе на *журналъ съ обзоромъ политическихъ событій*. Редакторомъ, говорятъ, Катковъ [3]). Кошелевъ воспламенился и повелъ дѣло рѣшительно. Беретъ «Москвитянина», котораго названіе хочетъ перемѣнить и дѣлаетъ кличъ. Я ѣду дня на два къ нему. Славный человѣкъ! Такихъ дѣятельныхъ людей намъ очень нужно, а мы немножко вяленьки. При свиданіи разскажу, что у насъ въ Москвѣ было положено. Отъ Норова объ насъ ни слова. А между тѣмъ я получилъ отъ Олсуфьева еще письмо съ посылкою: переводъ моей первой брошюрки на Нѣмецкій языкъ, сдѣланный по заказу королевы Ольги Николаевны, и посланъ ко мнѣ отъ Императрицы. Все это вмѣстѣ составляетъ нѣчто довольно комическое. Переводъ сдѣланъ священникомъ нашимъ и слабенекъ, но меня радуетъ невольная солидарность духовенства и слѣдовательно вѣроятное позволеніе книжки. Вторая также отпечатана уже въ Лейпцигѣ. Ее молодой Гильфердингъ видѣлъ и купилъ. Онъ хотѣлъ и той

[3]) Это былъ „Русскій Вѣстникъ“. При Николаѣ Павловичѣ новые журналы вовсе не разрѣшались съ самаго 1836 г. т.-е. съ уничтоженія „Телескопа“. Даже Пушкину разрѣшены были только четыре книги „Современника“, и послѣ его кончины, по особому ходатайству Великой Княгини Маріи Николаевны—П. А. Плетневу. Начавшіяся съ 1839 г. „Отечественныя Записки“ считались возобновленіемъ прежняго, Свиньинскаго изданія этаго имени. „Русскій Вѣстникъ“ дозволенъ къ изданію покойнымъ Государемъ, во время его бытности въ Николаевѣ, въ 1855 году, по ходайству графа Д. Н. Блудова, при чемъ посредникомъ былъ пишущій эти строки, привезшій М. Н. Каткову извѣстіе о разрѣшеніи, въ день его именинъ, 8 Ноября 1855 г.

переслать нѣсколько экз. въ Россію; не знаю, исполнитъ ли. Я всячески постараюсь достать и той и другой нѣсколько экземпляровъ и тотчасъ же доставлю одинъ въ Оптино, а другіе перешлю въ Смирну и Аѳины: тамъ хорошо знаютъ Французскій языкъ и легко могутъ перевести и пустить въ ходъ (теперь же пожалуй обрадуются и по причинамъ политическимъ); но Блудовыхъ или кого-нибудь въ Питерѣ объ этомъ (т.-е. пересылкѣ въ Грецію) просить не хочу: и тутъ, пожалуй, встрѣтятся дипломатическія затрудненія. Вы знаете вѣроятно, что князь Вяземскій назначенъ въ товарищи Норову; едва-ли можно было лучше выбрать. Также знаете вѣроятно и о горячемъ дѣлѣ подъ Севастополемъ. Оно, кажется, было неудачно (подробности не знаю); но хорошо то, что атаковали мы отъ Черной. Значитъ, духъ бодръ. Что-то будетъ, а пора бы двору нашему пріосаниться; мнѣніе въ Европѣ, кажется, поворачиваетъ въ нашу пользу, и этимъ надобно бы пользоваться, показавъ въ одно время и величайшее миролюбіе, и рѣшительное намѣреніе не мириться, покуда хоть одинъ непріятель въ землѣ Русской. Слухи есть, что Карсъ взятъ.

35.

(Конецъ 1855).

Вы меня зовете въ Питеръ; признаюсь, мало жду я пользы отъ этой поѣздки, но ѣду и даже скоро. Теперь говѣю въ деревнѣ, а потомъ дѣтей въ Москву, а себя на желѣзную дорогу. Не говорите этаго никому; лучше пусть не знаютъ и не говорятъ. Я сказалъ, что мало жду пользы; видите, мнѣ кажется, что именно противъ меня больше вражды, чѣмъ я прежде думалъ. Напримѣръ, кромѣ меня и Киреевскаго, въ Катковскомъ объявленіи стоятъ же тѣ имена, которыя министръ объявляетъ негодными, а журналъ позволенъ. И такъ или моя личность, или что̀ еще вѣроятнѣе, наше направленіе крайне оподозрѣны, потому что статья въ чужомъ журналѣ не имѣетъ той силы, что̀ въ своемъ. А все-таки я ѣду, чтобы меня не винили. Отзывъ Норова (А. С.) показываетъ, какая страшная слѣпота въ Петербургѣ. Какое слово, какое лѣкарство можетъ снять такую катаракту? Это наростъ на зрачкахъ въ слоновую кожу толщиною. Вѣдь это человѣкъ и вѣрующій, и душою

искренній, и что дѣлаетъ и что говоритъ! Скажу опять: ѣду, но безъ большой надежды.

Что-то Богъ дастъ въ другой области, въ области политики? Мнѣ кажется, что война Америки съ Франко-англійскимъ союзомъ неизбѣжна, и что Наполеонъ желаетъ ее ускорить. Иначе трудно объяснить дерзкое объявленіе его консула о корабляхъ, купленныхъ Американцами у Русскихъ. Кажется, Америка менѣе всего можетъ это стерпѣть, такъ какъ это касается не только ея флага, но и собственности ея гражданъ. Или у него пошла голова кругомъ? Дай-то Богъ! Намъ нуженъ отдыхъ; очень становится тяжело. Боюсь только, какъ бы у насъ не обрадовались безъ мѣры этой ссорѣ. Надобно помнить, что Американцы могутъ разорить торговлю Англо-французскую, а флотъ все-таки можетъ сжечь и думаю сожжетъ Кронштадтъ, если мы задремлемъ, какъ дремали до сихъ поръ. Если мы не введемъ коническихъ ядеръ, которыя пробивали бы желѣзную обшивку пловучихъ батарей, если не придумаемъ пловучихъ минъ, Кронштадтъ долженъ горѣть, а тутъ потеря будетъ поважнѣе Свеаборга. Если бы воздухъ освѣжился внутри Россіи, если бы перестали бояться правды, то конечно не было бы такой дорогой цѣны, которую нельзя бы было заплатить; но все-таки дай Богъ, чтобы и физическія наши потери не возрастали безъ нужды. Я боюсь, чтобы не напала на насъ безпечность и умственный сонъ, къ которому мы привыкли, когда увидимъ, что въ нашу пользу совершается диверсія на Западѣ. Правда, что, слава Богу, во многомъ становится легче, и что всѣ до сихъ поръ перемѣны служатъ добрымъ предзнаменованіемъ для будущаго (и какъ всѣ благодарны!), но какъ еще много впереди! И какъ сильна дружина людей, находящихъ свои выгоды въ духотѣ земли и въ темнотѣ! Вотъ по моему разгадка отношеній Норова къ намъ; разумѣется, я не говорю о немъ лично. Вы меня зовете; не боитесь ли, что я еще напорчу? Вѣдь мнѣ оправдываться нельзя: я поневолѣ буду обвинителемъ; а вы сами знаете, хорошо ли это средство для пріобрѣтенія друзей? Не безъ страха поѣду я, конечно не за себя, но за друзей и за дѣло правды, которое есть дѣло Божіе.

Кажется, я нашелъ гомеопатическое лѣкарство отъ бѣшенства. Тогда (если это удастся) будутъ бѣсятся только алопаты [1]).

35.

(Лѣто 1856 г.).

Какой жестокій ударъ для насъ всѣхъ, любезный Александръ Николаевичъ, въ смерти Ивана Васильевича! Какая невознаградимая потеря для нашей бѣдной науки! Его спеціальность была философія, которой другіе отдаютъ только короткіе досуги, и эта спеціальность строилась у него такъ своеобразно, что мы могли надѣяться видѣть когда нибудь у себя начало новой философской эры, которой позавидовали бы другіе народы. Судьбы Божіи въ отношеніи къ нашему просвѣщенію имѣютъ какой-то характеръ особенной строгости: какъ будто бы въ наказаніе за долгую нашу ложь падаютъ удары на немногихъ стремящихся возвратиться къ истинѣ, испытывая ихъ терпѣніе. Авось Богъ же дастъ, что поле не опустѣетъ, и что новые будутъ возникать дѣятели, какъ вѣтви на священномъ деревѣ: uno avulso non deficit alter [2]). Но для друзей, для семьи (т. е. матери и

---

[1]) Въ эту поѣздку Хомякова въ Петербургъ, императрица Марія Александровна пожелала его видѣть. Онъ, какъ извѣстно, ходилъ въ Русскомъ платьѣ, въ то время опальномъ и для многихъ представителей высшаго общества отвратительномъ. Въ тогдашней Французской газетѣ «Le Nord» была даже статья изъ Петербурга, въ которой описывался Хомяковъ, показавшійся въ поддевкѣ въ Петербургскихъ гостиныхъ. Пріѣхать въ такомъ нарядѣ образованному человѣку во дворецъ считалось невозможнымъ, и Хомяковъ на этотъ случай заказалъ себѣ фракъ. Кажется, даже и день представленія Государынѣ былъ назначенъ; но случилось вотъ какое обстоятельство. У графа Блудова встрѣтилъ его графъ Киселевъ, и разумѣется за словомъ Алексѣй Степановичъ въ карманъ не лѣзъ. Потомъ графъ Киселевъ былъ у Государя и мимоходомъ выразилъ удивленіе, какихъ людей принимаетъ у себя старикъ Блудовъ, при чемъ комически описалъ, въ какомъ платьѣ и какого гостя онъ встрѣтилъ. Немедленно выражена была воля, вслѣдствіе которой представленіе не состоялось. Надо вспомнить, что въ это время покойная Государыня, ко благу Россіи, еще имѣла большое вліяніе на государственныя дѣла, и потому нельзя не пожалѣть, что она не бесѣдовала съ Хомяковымъ.

[2]) Если упала одна, то нѣтъ недостатка въ другой.

братьевъ) замѣны конечно нѣтъ. Вынесетъ ли слабое здоровье Авдотьи Петровны? Да и Петръ Васильевичъ не очень-то надеженъ. Вотъ два года все хвораетъ. На другой день послѣ Петрова я хочу къ нимъ съѣздить дня на два. И какъ Киреевскій было славно пошелъ! Теперь у меня корректурные листы его статьи. Нужно объ немъ сказать нѣсколько словъ и указать на его значеніе и на путь, который онъ отчасти проложилъ.

Говорятъ, онъ вамъ разсказалъ весь планъ и содержаніе второй половины *). Если такъ, пожалуста передайте мнѣ что вы помните, чтобъ я на дняхъ могъ составить для «Русской Бесѣды» нѣчто въ родѣ примѣчанія съ объясненіемъ его мысли. Не откажитесь отъ этого добраго труда.

А вотъ къ вамъ еще просьба. Матушка сказывала мнѣ, что вы и супруга ваша были бы не прочь пріѣхать въ коронацію, да затрудняетесь квартирою, что показалось мнѣ вѣроятнымъ. У насъ домъ будетъ пустъ на половину: пожалуста, пріѣзжайте къ намъ, вы насъ этимъ очень обрадуете, а право Марьѣ Петровнѣ и ея сестрицѣ не видать такаго или такихъ зрѣлищъ почти что стыдно. Не откажите. Мы славно заживемъ, и какая бы ни была удача или неудача праздниковъ народныхъ, а у насъ будетъ свой праздникъ. Прощайте покуда. Будьте здоровы и скажите мое почтеніе вашей супругѣ, которая, надѣюсь, васъ уговоритъ въ Москву, если бъ вы вздумали философствовать въ деревнѣ.

36.

Писалъ я къ вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, изъ Богучарова и послалъ письмо съ своимъ кучеромъ тому около мѣсяца. Сказалъ онъ мнѣ по пріѣздѣ, что васъ не засталъ, а письмо оставилъ. Тогда же мнѣ кое-что въ его разсказѣ показалось сомнительнымъ, а теперь сомнѣніе мое усилилось. Я васъ просилъ сказать мнѣ, не слыхали ли вы чего отъ нашего незабвеннаго Ивана Васильевича объ его второй статьѣ, что

*) И. В. Киреевскій скончался въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ на короткое время и гдѣ видался съ А. Н. Поповымъ.

бы могло послужить къ уясненію записокъ, оставшихся послѣ него, а еще болѣе, не сдѣлаете ли вы намъ великое удовольствіе и не пріѣдете ли къ намъ въ Москву съ Марьею Петровною и ея сестрицею на коронацію. Домъ просторенъ: вамъ бы было удобно, а намъ большая радость. Отвѣта отъ васъ не имѣлъ, но коронація будетъ только 26; подумайте, не пріѣдете ли? Благодарю васъ за надписанную на мое имя статью о царскихъ соколахъ. Ни къ какому царю такъ охотно не прицѣпилъ бы я своего родоваго имени, какъ къ Алексѣю Михайловичу, и весьма охотно посредствомъ дорогой мнѣ, по наслѣдственному преданію, охоты. Благодарю за эту дружескую память. Бартеневъ спрашивалъ меня, можетъ ли онъ вашъ соколиной списокъ перепечатать въ своемъ изданіи. Я сказалъ, что думаю, что можетъ; правъ ли я или нѣтъ? Онъ въ сомнѣніи [1]).

Сказать новаго нечего кромѣ того, что мнѣ здѣсь видъ посланниковъ и ихъ свиты просто оплеуха, а ухаживанье за ними нашихъ сановниковъ и военныхъ просто нестерпимо [2]).

37.

(Москва, 21 Января 1860).

Любезный Александръ Николаевичъ. Сто лѣтъ какъ я васъ не видалъ и безъ малаго сто какъ ничего объ васъ не знаю, кромѣ какъ косвенными путями. Лѣтомъ думалъ, не увижу ли васъ, и не сбылось. Осень пролежалъ я съ разбитою ляжкою, послѣ жесткаго прикосновенія къ матери сырой землѣ, *Гею*, утѣшаясь только тѣмъ, что подобный случай приключился съ Ираклемъ послѣ борьбы съ Юпитеромъ, и впрочемъ вовсе отчужденный отъ міра; а теперь обращаюсь къ вамъ съ величайшею просьбою.

---

[1]) Въ Августѣ 1856 г. пишущій эти строки отпечаталъ первое свое книжное изданіе „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича“, гдѣ помѣщены и письма къ подсокольничему Петру Семеновичу Хомякову, предку Алексѣя Степановича.

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что Хомяковъ писалъ къ Попову и въ слѣдующіе 1857—1859 годы; но этихъ писемъ у насъ не имѣется.

Есть у меня крестникъ, сынъ вамъ извѣстнаго В. И. Х.[1]), Дмитрій, добрый тихій и на видъ спаржеобразный юноша, нѣсколько смахивающій на юношескій образъ Донъ-Кихота, впрочемъ, дѣйствительно хорошій юноша, не безъ познаній, изъ первыхъ кандидатовъ юридическаго факультета, нрава нѣсколько дѣтскаго, какъ всѣ плотно сидѣвшіе дома, но готовый на трудъ и способный полюбить его. Этотъ юноша, и особенно по желанію отца, хотѣлъ бы служить въ Питерѣ. Вотъ мнѣ, какъ крестному отцу, обязанному нѣсколько пещися о немъ, и пришла мысль обратиться къ вамъ съ просьбою великою. Вы теперь начальникомъ канцеляріи у графа Блудова; не только тутъ служба очень хороша, но особенно хорошо было бы для молодого человѣка быть подъ вашимъ вѣдѣніемъ и направленіемъ. Кромѣ труда служебнаго онъ не отсталъ бы и отъ другихъ умственныхъ трудовъ, а это-то и желательно. Скажите, возможно ли бы было его помѣщеніе и какъ? Я увѣренъ, что если возможно, вы не откажете, а если скажете нельзя, значитъ точно нельзя.

Въ послѣднемъ случаѣ пожалуйста дайте совѣтъ, гдѣ полагаете вы лучшій путь для такаго молодаго человѣка, какого я вамъ описалъ и какія двери, чтобы на этотъ путь попасть. Восемь мѣсяцевъ, какъ онъ экзаменъ выдержалъ, и я боюсь для него Московской праздности: ее не всякій выноситъ безъ вреда. Вотъ, любезный Александръ Николаевичъ, моя великая просьба. Пожалуйста, во сколько возможно, исполните ее.

Объ васъ, какъ я уже сказалъ, вѣсти у насъ только косвенныя. Правда ли, нѣтъ ли, говорятъ, что вы готовите любопытнѣйшія изданія, напр. всѣ документы о княжнѣ Таракановой и еще много другого. Все это весело слушать, хотя мнѣ бы не того хотѣлось для васъ. Для себя хотѣлось было, чтобы вы были у насъ въ Москвѣ, но для васъ нѣтъ, развѣ бы на мѣстѣ князя Оболенскаго [2]). А впрочемъ вамъ слѣдовало бы быть

---

[1]) Хитрово.

[2]) Т.-е. начальникомъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

не издателемъ только даже самыхъ любопытныхъ памятниковъ, а либо дѣятелемъ, либо творцемъ. Знаю я, что въ этомъ случаѣ все-таки нельзя ждать себѣ оцѣнки скорой у насъ; но правда возьметъ свое, а отъ васъ немалаго можно и должно ждать. Не порадуете ли какою-нибудь доброю вѣстію о какомъ-нибудь вашемъ трудѣ?—О себѣ скажу, что, какъ только пріѣхалъ изъ деревни, я какъ будто растерялся; тамъ дѣлалъ мало, потому что болѣлъ, и здѣсь сначала хворалъ, но пишу нѣчто о переводѣ Бунзена Библіи для заграничнаго изданія, и новую теорію правъ наказаній для будущаго нашего сборника. Думаю еще о философской статьѣ, хотя ихъ никто и не читаетъ. Вотъ покуда дѣло. Что дальше, не знаю.

Января 21.

ПИСЬМА

къ

Юрію Ѳедоровичу

Самарину.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Для полнаго уразумѣнія этой переписки необходимо объяснить, хоть въ немногихъ словахъ, тѣ взаимныя отношенія, въ какихъ находились другъ къ другу Хомяковъ и Самаринъ съ К. С. Аксаковымъ. Оба послѣдніе были значительно моложе Хомякова. Хомяковъ родился въ 1804 г., К. С. Аксаковъ въ 1817, а Ю. Ѳ. Самаринъ въ 1819 (стало быть въ 1843 г., которымъ помѣчено первое изъ нижеслѣдующихъ писемъ, Хомякову шелъ 40-й годъ, а Самарину 24-й). Въ 1839 г. Аксаковъ и Самаринъ (оба кандидаты Московскаго Университета), до того времени почти незнакомые другъ съ другомъ, согласились готовиться вмѣстѣ къ экзамену на магистра. Дружно и горячо принялись они за работу: вмѣстѣ читали Гегеля (преимущественно „Логику"), вмѣстѣ же прочли всѣ памятники Русской словесности, древней и позднѣйшей, до половины XVIII вѣка, изучали лѣтописи, старинные грамоты и акты. Оба горячо любили Россію, для обоихъ Православіе было семейнымъ преданіемъ и достояніемъ, и оба же были жаркими почитателями Германскаго философскаго мышленія и литературы. Но когда предъ молодымъ, пытливымъ умомъ, изощреннымъ искреннею любовью, раскрылся цѣлый новый, своеобразный, невѣдомый имъ дотолѣ, міръ Русскаго народнаго духа и жизни, съ своими еще неизслѣдованными тайниками, они съ увлеченіемъ, съ восторженною радостью привѣтствовали его, будто обѣтованную землю. Они, казалось (да и дѣйствительно), обрѣли, наконецъ, почву для безпочвенной, блуждавшей дотолѣ Русской мысли; они нашли, или думали что нашли, полное оправданіе своимъ „непосредственнымъ" сочувствіямъ. Но полнымъ для приверженцевъ Гегелева діалектическаго процесса могло быть только философское оправданіе; а потому Гегель же и послужилъ на то, чтобъ объяснить, санкціонировать обрѣтенную ими новую истину, доказать ея всемірно-историческое значеніе. Быстро, на первыхъ же порахъ, была сдѣлана попытка построить, на началахъ же Гегеля, цѣлое міросозерцаніе, цѣлую систему своего рода „феноменологіи" Русскаго народнаго духа, съ его исторіей, бытовыми явленіями и даже Православіемъ. Эта попытка, собственно относительно Русской исторіи, выразилась отчасти и въ магистерской диссертаціи К. С. Аксакова о Ломоносовѣ, дописанной имъ въ 1844 году (см. мое предисловіе ко 2-му тому его сочиненій). Самаринъ же выбралъ себѣ предметомъ диссертаціи Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, какъ проповѣдниковъ.

Блистательно сдавъ экзаменъ въ Февралѣ 1840 года, оба магистранта, оба друга, ставши почти неразлучными, явились въ Московскомъ обществѣ смѣлыми и рьяными провозвѣстниками новаго ученія. Слѣдуетъ, однакоже, за-

мѣтить, что въ этомъ товариществѣ мысли и пропаганды, творчество мысли, страстное къ ней отношеніе, рьяность проповѣди принадлежали собственно К. С. Аксакову. Онъ былъ не только философъ, но еще болѣе поэтъ (не въ смыслѣ только стихописанія), и строгій логическій выводъ, даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, почти всегда упреждался въ немъ какимъ-то художественнымъ откровеніемъ. Добываемое анализомъ, изученіемъ, всецѣльно овладѣвало всѣмъ его существомъ, являлось въ немъ уже синтезомъ; его убѣжденія не оставались при немъ, но проникали всѣ изгибы его нравственнаго бытія, переходили немедленно въ жизнь, въ дѣло, или, при ограниченности поприща для „дѣла“, въ неустанную, повсюдную проповѣдь: все это съ такою полнотою искренности, съ такою внутреннею силою, для которой никакія уступки, никакія сдѣлки съ дѣйствительностью, ни даже соображенія съ условіями современности, не были возможны. Шумно огласились Московскія литературныя гостиныя необычайными для нихъ, пылкими его рѣчами, и хотя онъ скоро прослылъ за „чудака“, „фанатика“, человѣка „съ крайностями“ и „идеалиста“ (послѣднее, конечно, не безъ основанія), однакоже дѣйствіе его рѣчей было тѣмъ сильнѣе, что рядомъ съ нимъ появлялся всюду, какъ человѣкъ съ нимъ вполнѣ солидарный, Ю. Ѳ. Самаринъ, спокойный, воздержный, во всеоружіи свѣтскихъ приличій и самообладанія, чей блестящій и саркастическій умъ хорошо былъ извѣстенъ Московскому обществу.

Природа Самарина была совершенно противоположна природѣ К. С. Аксакова. Если Самарину недоставало творчества и почина, то онъ превосходилъ своего друга ясностью, логическою крѣпостью и всесторонностью мысли, зоркостью аналитическаго взгляда. Его требованія въ мышленіи были несравненно строже; его логику не могли подкупить никакія сочувствія и влеченія. Онъ не только ничего не принималъ на вѣру, но, въ противоположность своему другу, былъ исполненъ недовѣрія къ самому себѣ и подвергалъ себя постоянно аналитической провѣркѣ. К. С. былъ рожденъ ораторомъ и говорилъ лучше, чѣмъ писалъ. Самаринъ никого не увлекъ, подобно ему, художественностью и страстностью рѣчи; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода: подобнаго ему въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ Россіи, не было другаго и едва ли скоро будетъ.

Тѣмъ не менѣе, сблизясь съ К. С. Аксаковымъ, когда ему, т. е. Самарину, было только 20 лѣтъ, онъ былъ увлеченъ своимъ старшимъ другомъ, болѣе его надѣленнымъ творческимъ талантомъ, художественностью и силою чувства, и года два находился, какъ говорится, подъ вліяніемъ послѣдняго. Затѣмъ, ставъ зрѣлѣе, натура Самарина, съ прирожденною ей трезвостью ума, предъявила свои права; между ними (какъ видно изъ ихъ переписки, и къ крайнему огорченію К. С—ча), возникли не несогласія, но споры, свидѣтельствовавшіе, что Самаринъ не удовлетворялся для себя умственнымъ процессомъ своего друга и выходилъ на самостоятельный путь внутренняго развитія.

Въ обществѣ, въ которомъ они появились вмѣстѣ въ 1840 г., встрѣтили они Хомякова, и эта встрѣча была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Онъ превосходилъ ихъ не только зрѣлостью лѣтъ, опытомъ жизни и универсальностью знанія, но и удивительнымъ гармоническимъ сочетаніемъ противо-

положностей ихъ обѣихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; синтезъ вѣры и анализъ науки уживались вмѣстѣ, не нарушая правъ другъ друга; напротивъ, *въ безусловной, живой полнотѣ своихъ правъ*, безъ борьбы и противорѣчія, но свободно и вполнѣ примиренные. Онъ не только не боялся, но признавалъ обязанностью мужественнаго разума и мужественной вѣры спускаться въ самыя глубочайшія глубины скепсиса, и выносилъ оттуда свою вѣру во всей ея цѣльности и ясной, свободной, какой-то дѣтской простотѣ. Онъ презиралъ вѣру робкую, почіющую на бездѣйствіи мысли и опасающуюся анализа науки. Онъ требовалъ лишь, чтобъ этотъ анализъ былъ доводимъ до конца. Когда и какъ совершился въ немъ этотъ духовный и умственный процессъ, рѣшительно неизвѣстно: въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, когда его другъ Киреевскій еще издавалъ „Европейца“, міросозерцаніе Хомякова было, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, положительно тоже, что̀ и въ 1860 г., въ годъ его смерти. Всегда общительный, неутомимый посѣтитель всѣхъ интеллигентныхъ сборищъ, онъ, однакоже, не былъ проповѣдникомъ и, строго говоря, до встрѣчи съ Самаринымъ и К. С. Аксаковымъ, въ своемъ образѣ мыслей оставался почти одинокимъ *). Онъ никогда никому не навязывалъ „вѣры“, и никогда не выставлялъ ее въ себѣ напоказъ, какъ ни била она въ немъ жизненнымъ ключомъ, а занимался въ обществѣ діалектическими спорами: то съ отрицающими вѣру раціоналистами, то съ псевдо-вѣрующими и съ изувѣрствующими, обличая первыхъ путемъ логики и анализа въ несостоятельности раціонализма, а вторыхъ въ несостоятельности ихъ основаній вѣры, въ ихъ внутреннемъ противорѣчіи. Отъ этаго у многихъ онъ прослылъ человѣкомъ не только безъ вѣры, но и безъ всякихъ убѣжденій!

Встрѣча съ Самаринымъ и съ К. С. Аксаковымъ была и для Хомякова полна плодотворныхъ послѣдствій. Молодые люди отважно вступили въ бой съ этимъ атлетомъ діалектики (какъ называлъ его, кажется, въ своихъ воспоминаніяхъ Герценъ). Года два слишкомъ продолжались споры, все тѣснѣе и крѣпче, но постепенно сближая противниковъ. Впрочемъ, споръ шелъ не о значеніи народности вообще и Русской по преимуществу, не о духовной сущности и отличіяхъ Русскаго народа отъ Западной Европы и пр., и пр., а по преимуществу объ отношеніи философіи къ религіи и о Православіи, оправдываемомъ или выводимомъ молодыми людьми изъ началъ Гегеля. Философскія оправданія, на которыхъ они было успокоились, оказались несостоятельными. Хомяковъ раскрылъ имъ свое ученіе о Церкви, расширилъ ихъ собственную точку зрѣнія, исправилъ и поставилъ построенную ими теорію на новыя основы. „Я съ вами болѣе согласенъ, чѣмъ вы сами“, часто говаривалъ Хомяковъ К. С. Аксакову. Въ послѣднемъ, впрочемъ, это освобожденіе отъ оковъ Гегеля произошло безъ особенной внутренней борьбы: Гегель какъ

*) Хотя И. В. Киреевскій къ концу 30-хъ годовъ и измѣнилъ свое направленіе, но это измѣненіе совершилось не подъ воздѣйствіемъ, по крайней мѣрѣ не подъ прямымъ воздѣйствіемъ Хомякова, а инымъ путемъ (какъ объяснено въ біографіи Киреевскаго, помѣщенной въ изданіи его сочиненій). Какъ ни высоко цѣнилъ Хомяковъ его философскіе труды, между ними не было той крѣпкой связи единомыслія, какая установилась, какъ сказано будетъ дальше, между Хомяковымъ, Самаринымъ и К. С. Аксаковымъ.

бы потонулъ въ его любви къ Русскому народу. Самъ онъ, подъ однимъ своимъ стихотвореніемъ „Къ идеѣ“, посвященнымъ Ю. Ѳ. Самарину и писаннымъ въ 1842 г. съ эпиграфомъ: „Es existirt Nichts als Idee“, лѣтъ черезъ 10 сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Въ это время увлекала меня Германская философія, нисколько не заслоняя земскаго дѣла, которому въ служеніе хотѣлъ я принести философію и которому принесъ ее потомъ въ жертву. Жертва была законна. Выраженіе будетъ вѣрнѣе, если я скажу, что живой голосъ народный освободилъ меня отъ отвлеченности философской. Благодареніе ему“.

Иначе, разумѣется, долженъ былъ произойти этотъ переворотъ въ Самаринѣ. „Голосъ народный“ не могъ заглушить въ немъ совѣсть мыслителя. Долгія ночи проводилъ онъ уже не въ спорахъ, а въ бесѣдахъ вдвоемъ съ Хомяковымъ, домогаясь отвѣта мучительнымъ вопросамъ, вызваннымъ новою работою мысли и тѣмъ внутреннимъ раздвоеніемъ, о которомъ и свидѣтельствуетъ первое письмо. Это же письмо свидѣтельствуетъ о близости, которая установилась между 40-лѣтнимъ Хомяковымъ и его молодыми друзьями. Нѣкоторые изъ старыхъ его пріятелей полушутливо, полусерьезно упрекали его въ измѣнѣ, даже въ томъ, что онъ „льститъ молодому поколѣнію“... Этотъ союзъ, духовный, душевный, умственный и нравственный, скоро огласился во всемъ тогда интеллигентномъ и литературномъ мірѣ, какъ особый „толкъ“ или сектантство, пріобрѣлъ немало молодыхъ адептовъ, привлекъ и многихъ старыхъ друзей, при всемъ разнообразіи личныхъ характеровъ и несогласіи въ нѣкоторыхъ частностяхъ, къ единству общаго направленія, къ общей работѣ Русскаго народнаго самосознанія, однимъ словомъ, положилъ основаніе „славянофильству“. Это прозвище, данное въ насмѣшку Петербургскою литературою, которымъ обзывали во время оно приверженцевъ Шишкова и князя Шихматова, мало по малу утвердилось и, по общему признанію, уже заняло мѣсто въ исторіи Русскаго общества какъ почетное наименованіе.

Ив. Аксаковъ*).

(*Изъ „Русскаго Архива“ 1879 года*).

---

*) И. С. Аксакову принадлежатъ и примѣчанія къ этимъ письмамъ. Свои отношенія къ Самарину К. С. Аксаковъ выразилъ въ стихахъ:

Не душъ влеченья
Не сердца гласъ;
Цѣпь убѣжденья
Связала насъ. *Изд.*

Письма А. С. Хомякова къ Ю. Ѳ. Самарину.

1.

1843 г. Сент. 15.
С. Богучарово.

Любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ!

Письмо ваше отъ 26 Сентября меня очень обрадовало, не смотря на тяжелое расположеніе духа, въ которомъ оно писано. Благодарю васъ за то, что вспомнили и исполнили свое обѣщаніе писать; радуюсь, что свободное время у васъ не даромъ пропало. Содержаніе вашего письма было для меня не неожиданно. Вы, можетъ быть, вспомните нашъ разговоръ съ вами и Аксаковымъ, когда я вамъ обоимъ обѣщалъ внутреннюю борьбу и даже пророчилъ, что она начнется у васъ прежде, чѣмъ у него. Въ его природѣ болѣе мечтательности и, не въ гнѣвъ ему буди сказано, женственности или художественности, охотно уклоняющейся отъ требованій логики. Вы за дѣло принялись мужественно, сознавшись въ своемъ внутреннемъ раздвоеніи. Я этаго ожидалъ, но, признаюсь, не такъ скоро. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится раздвоеніе сознанное; но хорошо, что оно сознано. Несознанное можетъ вѣкъ продолжаться, и при немъ примиреніе невозможно.

Человѣкъ не имѣетъ права отступиться отъ требованій науки. Онъ можетъ съ утомленія закрыть глаза, насильно на себя наложить забвеніе; но послѣдующій за этимъ миръ есть гробъ поваленный, изъ котораго не выйдетъ никогда ни жизни, ни живаго. Если онъ разъ созналъ раздвоеніе между наукою (анализомъ) и жизнью (синтезомъ), ему остается одинъ только исходъ—въ самомъ анализѣ, ибо синтезъ самъ себя повѣрять не можетъ. Вѣрны ли положенія науки, вотъ вопросъ.

То есть, строго ли вѣренъ былъ самъ себѣ анализъ? Отъ этой повѣрки зависитъ возможность примиренья. При вашей откровенности съ самимъ собою и отчетливости въ мысляхъ, я совершенно увѣренъ въ окончательномъ выводѣ. Наука не вѣрна себѣ до сихъ поръ, смѣшивая признанное съ сознаннымъ и (не смѣйтесь) страдая постоянно тѣмъ недугомъ, въ которомъ она упрекаетъ мистиковъ. Это бросается въ глаза у Шеллинга, за котораго вы и заступаться не станете; это мнѣ кажется яснымъ въ Гегелѣ въ противоположеніи сознаннаго Seyn съ непосредственнымъ Seyn, изъ котораго первое выходитъ съ характеромъ отрицанія въ видѣ Nichts, и которое непозволительно потому, что сознанное противуполагается законно только сознанному. Иначе отношеніе (какое бы оно ни было) носитъ опять только характеръ признаннаго и не должно имѣть мѣста въ наукѣ сознанія. Впрочемъ это только между прочимъ. Найдете еще многое и многое, что не уйдетъ отъ васъ и вполнѣ возвратитъ вамъ свободу жизни, уличивъ во лжи чрезмѣрныя притязанія науки—анатоміи духа.

Я не знаю судьбы вашей диссертаціи *). Желаю ей добра и успѣха, потому что нахожу въ ней много истины и даже готовъ защищать ее противъ васъ. Едва ли вы теперь къ ней справедливы; если же и справедливы, то она тѣмъ важнѣе мнѣ кажется. Въ ней нѣтъ любви откровенной къ Православію. Да наука и не требуетъ любви. Въ Православіи вы видите только сторону отрицательную, его антагонизмъ съ другими ученіями, и въ этомъ-то безпристрастномъ взглядѣ проявляется тѣмъ сильнѣе его внутренняя гармонія, какъ обличеніе дисгармоніи другихъ ученій. Это единственное право науки на жизнь. Тайникъ жизни и ея внутренніе источники недоступны для науки и принадлежатъ только любви. Отъ того-то вашъ трудъ, искренній или нѣтъ въ смыслѣ Православія внутренняго и духовнаго, представляетъ по моему мнѣнію выводы по большей части истинные и искренность ученаго, хотя и не искренность вѣ-

*) Дѣло идетъ о диссертаціи Самарина: „Стефанъ Яворскій и пр.“. Въ это время она была уже написана и представлена Самаринымъ университету. Изъ трехъ частей диссертаціи только одна дозволена была въ печати и была предметомъ диспута.

рующаго, которой требовалъ Киреевскій. Для меня вашъ трудъ дорогъ, и полагаю, былъ бы полезнымъ, если бы могъ быть извѣстенъ; можетъ быть, полезнѣе внѣ Россіи, чѣмъ у насъ.

Мимоходомъ говорите вы о взглядѣ Гегеля на одинъ изъ основныхъ фактовъ Христіанства. Вы съ нимъ не соглашаетесь или, лучше сказать, признаете взглядъ его несогласнымъ съ ученіемъ Церкви. Вы совершенно правы. Но Гегель виноватъ не въ дурномъ толкованіи, а въ дѣтской довѣрчивости, съ которою онъ принялся толковать о текстѣ такъ, какъ этотъ текстъ ходитъ давно по философскимъ школамъ, т. е. въ усѣченномъ видѣ. Французы, Англичане, Нѣмцы уже разсуждали немало о древѣ познанія и постоянно оставляли въ сторонѣ прибавку: добра и зла. Съ этимъ связывается нашъ давнишній споръ съ вами. Простите, если повторю уже сказанное мною; но, кажется, оно было сказано не при васъ, а при Аксаковѣ и Бобарыкинѣ *).

Изъ двухъ человѣкъ одинъ знаетъ про свѣтъ только то, что онъ свѣтитъ, а другой разсказываетъ вамъ всѣ законы преломленія, раздробленія, отраженія лучей и т. д. Изъ двухъ говорящихъ о любви одинъ знаетъ только слово любить, а другой объясняетъ всѣ дѣйствія любви такъ ясно, что можно вывести безошибочно, какъ любящій поступитъ въ данномъ случаѣ. Вы скажете, что вторые гораздо лучше знаютъ свѣтъ и любовь, чѣмъ первые. Такъ. Но великій знатокъ свѣта — слѣпорожденный профессоръ, а знатокъ любви—чортъ. Знаютъ ли они? Очевидно менѣе первыхъ. У нихъ знаніе внѣшнее, у тѣхъ знаніе внутреннее, гораздо полнѣйшее, не смотря на отсутствіе логическихъ опредѣленій. Дерево знанія есть во всякомъ случаѣ миѣъ о знаніи добра и зла посредствомъ закона какого бы то ни было. Жизнь непосредственная, инстинктивная, не была опредѣлена для существа разумнаго. Законъ проявляетъ свободу. Свободное нарушеніе закона открывало дверь познанія такъ же, какъ и свободное исполненіе; но въ одномъ случаѣ человѣкъ получалъ положительное знаніе зла и узнавалъ добро какъ отрицаніе, въ другомъ наоборотъ. Вы видите дальнѣйшее раз-

*) Николаѣ Николаевичѣ, котораго стихотворенія изданы особою книжкою.

витіе. Знаніе же, какъ знаніе логическое, не имѣетъ ничего общаго съ знаніемъ добра и зла. Истинно же знаемъ мы только то, въ чемъ живемъ и чѣмъ живемъ. Ошибка Гегеля (оставляя въ сторонѣ усѣченіе текста) происходитъ отъ односторонняго и школьно-гордаго понятія о знаніи вообще. А по правдѣ, смѣшно подумать, какъ ученые съ одной стороны и хвалители невѣжества съ другой, по разнымъ причинамъ, старались пріучить и отчасти пріучили людей понимать разсказъ Моисея объ законѣ въ смыслѣ болѣе или менѣе справедливой сатиры на знаніе.

Какъ-то мы увидимся? Въ какой точкѣ пути вашего найду я васъ? Дай Богъ, чтобы вы поскорѣе получили предчувствіе внутренняго примиренія, если еще не примиреніе полное. Но позвольте дать вамъ совѣтъ. Не оставляйте себя безъ труда, кромѣ труда, который вы теперь предпринимаете для уясненія собственной мысли. Трудъ посторонній будетъ для васъ отдохновеніемъ и облегчитъ главную умственную работу. Прощайте, до свиданія, которому я еще срока назначить не могу. Еще вѣроятно пройдетъ мѣсяцъ, а можетъ быть и съ хвостикомъ: дороги совсѣмъ уже не существуютъ.

P. S. Какой бы ни былъ вашъ теперешній или будущій выводъ изъ полнаго изученія науки, не жалѣйте о подвигѣ мыслителей, какъ будто пропавшемъ даромъ. Правда, все это могло бы и не быть, какъ могла бы и не быть исторія; но сѣмена, посѣянныя давнымъ давно, должны дать плодъ, и не даромъ пропадаетъ трудъ того, кто приближаетъ время спѣлости.

2 *).

Очень трудно мнѣ отвѣчать вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, потому, что во всемъ почти согласенъ съ вами. Нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ я не согласенъ, взяты уже другими.

*) Числа и года не обозначено, но очевидно писано незадолго до диспута Ю. Ѳ. Самарина, бывшаго 3-го Іюня 1844 г., и служитъ вѣроятно отвѣтомъ Самарину на приглашеніе принять участіе въ публичномъ ученомъ спорѣ. Однакоже, сколько намъ извѣстно, Хомяковъ не выступалъ на диспутѣ оппонентомъ, да едва ли бы и могъ выступить по недостатку времени.

Если время позволитъ, я думаю на васъ напасть за то, что вы ставите въ упрекъ Стефану отсутствіе сочувствія съ вопросами современными и эти сочувствія ставите въ похвалу Ѳеофану. Стефанъ не могъ говорить противъ Реформы, ибо она дѣлалась во имя разума; а Ѳеофанъ могъ говорить противъ старовѣровъ, ибо они дѣйствовали во имя Церкви—слѣдовательно Церковь обязана была отъ нихъ отречься. Также Ѳеофанъ въ похвалу Петру говоритъ, что онъ епископовъ хотѣлъ простосердечныхъ. Изъ этого выходитъ: не ученость, а полнота духовная нужна Христіанину; ибо Христіанство не наука и наукообразнымъ быть не можетъ. Слѣдовательно онъ вполнѣ Православенъ. Такъ и его богословіе названо «полемика». Изъ этаго также видно, что положительнаго богословія онъ не принимаетъ, а только отрицательное. Поэтому, собственно-Протестантства въ немъ нѣтъ.

3 *).

Октября 10-го (1844 г.).

Ваши письма меня очень утѣшили. Я не боялся за васъ Петербурга: онъ представлялъ по моему мнѣнію только одну, такъ сказать, механическую опасность. Общество, служба, пріятели, театръ и пр. могли расхватать у васъ время такъ совершенно, что на себя остались бы только часы сна и обѣда. Вы эту опасность знали и слѣдовательно должны были ея избавиться легко, выгородивъ себѣ часть дня въ полное и неприкосновенное владѣніе. Другая опасность, вѣрованіе въ какую бы то ни было существенность службы, въ какую бы то ни было практическую пользу (разумѣется не для себя, а для другихъ) для васъ не существуетъ. Я знаю примѣръ, что люди добросовѣстные, съ душою доброю и благородною, были обмануты этимъ призракомъ: они повѣрили и погибли. Но это время прошло. Даже истые Петербургеры уже опомнились; а вамъ, узнавшимъ Русь и Русскую жизнь и ея отношенія къ механизму бумагоправленія до вступленія въ великую Петербургскую

*) Послѣ блистательнаго диспута Самаринъ, въ началѣ Августа того же 1844 года, отправился въ Петербургъ на службу. Его личное намѣреніе было избрать себѣ ученое поприще, но онъ повиновался въ этомъ случаѣ желанію своего отца.

фабрику, ошибка была невозможна ни на минуту. Что же оставалось? Обаяніе общества и его успѣховъ? Объ этомъ и думать нечего при такомъ обществѣ. Вотъ что я думалъ, когда вы поѣхали; а все-таки весело слышать отъ васъ, что именно все сбылось по моимъ предположеніямъ, что вы человѣкъ свободный по прежнему, что вы трудитесь и что мы увидимъ плоды этаго труда.

Когда кончите свой Новгородскій подвигъ [1]), не замедлите прислать и дайте позволеніе имъ воспользоваться. Первая просьба моя, вторая Валуева [2]). Да скажите: разбирая лѣтопись, не замѣтили ли вы слѣдъ Запада въ Новгородѣ? Мнѣ вліяніе Запада явно (въ равнодушіи религіозномъ, въ знакомствѣ съ Нѣмецкими загами о Дитрихѣ и т. д.); но замѣтно ли оно въ остаткахъ юридическаго быта? Намеки были бы драгоцѣнны. Они должны находиться въ послѣдней эпохѣ Новгорода; въ первой ихъ искать нельзя. Еще любопытно бы было знать отношенія Новгорода къ области. Имѣли ли областные жители право гражданства полное? Вопросъ очень важный. Нѣтъ ли намековъ для разрѣшенія его? Если области не имѣли полнаго права гражданства, то паденіе Новгорода объясняется легко. Впрочемъ, я думаю, по общему ходу Русскихъ обычаевъ, что области не были унижены, а что города находились только въ подчиненности, т. е. семейной. Новгородъ былъ господинъ не въ смыслѣ слова господинъ - владыка, а въ смыслѣ «господинъ - батюшка». Виноватъ за эту страницу Погодинскаго слога.

---

[1]) Самаринъ занимался тогда исторіей Новгорода и началъ писать изслѣдованіе о Князѣ и Вѣчѣ.

[2]) Дм. Александр. Валуевъ, племянникъ Хомякова по женѣ, молодой человѣкъ высокихъ, чистыхъ стремленій, полный любви къ наукѣ, скончавшійся въ слѣдующемъ 1845 году. Онъ успѣлъ издать при жизни два сборника „Историческій“ и „Симбирскій“, помѣстивъ въ послѣднемъ большое самостоятельное свое изслѣдованіе, цѣнное и до сихъ поръ „о мѣстничествѣ“. Кромѣ того ему принадлежитъ брошюра „о Христіанствѣ въ Абиссиніи“, и онъ же издавалъ „Библіотеку для воспитанія“, при содѣйствіи Хомякова, П. Г. Редкина и многихъ ученыхъ. См. ниже письмо Хомякова объ его смерти.

Еще веселѣе мнѣ отъ другого вывода, который я позволяю себѣ сдѣлать изъ вашего письма. Для васъ не прошло еще время борьбы и не наступило примиреніе Оно вамъ попрежнему кажется невозможнымъ. Такъ и должно быть. Оно невозможно, покуда хоть одна препона остается, покуда логическій міръ не отдѣлится въ мысли совершенно отъ міра жизни и факта, покуда онъ не познается какъ законъ отношеній, т. е. внѣшній. Придетъ непремѣнно время, когда вамъ представится онъ въ своей ограниченности и когда вы будете негодовать на гордость его притязаній точно такъ же, такъ вы теперь уже негодуете на притязанія формализма общественнаго въ его стремленіи подчинить себѣ живую свѣжесть вольной жизни, наприм. когда Киселевъ (чтобы ему ни дна, ни покрышки) замѣняетъ нестройную сходку правильною баллотировкою. Каково? Поистинѣ, народы дикіе любятъ порядокъ! Покуда еще не наступило примиреніе, мнѣ весело и болѣе чѣмъ весело видѣть, что механическій процессъ, которому подверглась ваша жизнь въ Петербургѣ, приноситъ добрые плоды. Вамъ становится яснымъ, что воля человѣка имѣетъ великое вліяніе на его мышленіе даже тогда, когда оно, повидимому, старается удержаться въ предѣлахъ необходимой, неуклончивой логики. Вы совершенно правы и даже вѣроятно въ отношеніи къ самому себѣ; но не судите себя слишкомъ строго и не обвиняйте совершенно свою волю. Вспомните, пожалуйста, мои слова предъ вашимъ отъѣздомъ и какого добра я ждалъ для васъ отъ Петербурга. Постоянныя занятія въ области чистаго умозрѣнія дѣйствуютъ на мысль, какъ усиліе что нибудь вспомнить. Не вспомнишь, покуда не поѣдешь съ собаками или не пройдешься пѣшкомъ. Кромѣ того жизненный законъ проявляется не только въ выводахъ философскихъ: онъ дѣлается явнымъ изъ законовъ исторіи, изъ художества, изъ права, изо всего, что есть. Всѣ эти выводы, которые вамъ являлись отдѣльными, покуда вы критически изучали всякій предметъ отдѣльно, сольются для васъ въ одну общую гармонію, въ одинъ общій выводъ освобожденной жизни. Видите какъ хорошо я разсуждаю о пользѣ вашего отсутствія; а едва ли вы повѣрите, какъ оно мнѣ досадно, какъ мнѣ часто хочется высказать вамъ мысли, которыя мнѣ безпрестанно приходятъ при чтеніи при разговорахъ и

пр.; именно вамъ: не потому только, что вамъ они были бы понятнѣе, чѣмъ кому либо, но и потому, что вы болѣе всѣхъ выражаете общую потребность человѣческаго ума въ нашъ вѣкъ, потребность мысли умиренной. Знаете ли, что мнѣ просто стало досадно, когда вы въ своемъ письмѣ вспомнили объ нашихъ прошловесеннихъ бесѣдахъ?

Кстати взглянувъ на эти строчки и увидѣвъ слово художество, я вспомнилъ, что N [1]) продолжаетъ питать гнѣвъ противъ меня и жаловался на меня Киреевскому, «Вообразите, онъ говоритъ, что Баварская церковь въ Византійскомъ стилѣ просто-пастишь! Не понимаю, какъ цензура пропустила». Это его подлинныя слова. Сколько грѣховъ прикрывается такою милою невинностью!

Велика нелѣпость указа, предлагаемаго Панинымъ [2]). Въ немъ выказывается совершенное незнаніе не только историческаго, но и современнаго міра. Впрочемъ давно уже можно ожидать какого нибудь подобнаго предложенія. Аристократическая партія растетъ и крѣпнетъ съ нѣкоторыхъ лѣтъ и, разумѣется, какъ на ноги станетъ, такъ родитъ намъ какую нибудь новую организацію государства. Таково правило всѣхъ партій въ Россіи. Государственный Совѣтъ Россіи существующей не признаетъ, или признаетъ ее только географически существующей и вѣчно хочетъ ее организировать. Собраніе и Сводъ Законовъ были въ его глазахъ только статистическою работою, какъ переписъ или кадастръ. Для нашего невѣжества они казались услугою оказанною поданнымъ, упрощеніемъ судопроизводства; въ глазахъ Совѣта они были справкою. «Мы знаемъ пространство и народонаселеніе области: надобно узнать, какими она законами управляется». Жаль, что вы не пишете, кто возражалъ. Возраженіе о будущемъ раздорѣ между чиновникомъ-властью и дворяниномъ (почетнымъ дармоѣдомъ) очень дѣльно и вѣрно; но любопытно, что никому въ голову не пришло возражать

---

[1]) О комъ упоминается неизвѣстно. *Изд.*

[2]) О какомъ проектѣ графа Панина (министра юстиціи) идетъ здѣсь рѣчь, неизвѣстно. Кажется, объ ограниченіи для чиновниковъ права пріобрѣтенія дворянскихъ населенныхъ имѣній.

святостью самаго факта, неприкосновенностью обычая и исторической жизни. Вѣчная революція такъ безусловно признана за законъ, что никому и не вздумается выразить сомнѣніе въ ея законности. Зная мои мнѣнія, вы можете вообразить, какъ предложенный указъ мнѣ пріятенъ; но съ другой стороны я вижу въ немъ только лишній промахъ безъ большихъ послѣдствій, досадный и едва-ли вредный. Жизнь свое возьметъ. Убавка покупщиковъ на дворянскія имѣнія и покупщиковъ самыхъ важныхъ, чиновниковъ-воровъ (единственныхъ соперниковъ воракупца) уронитъ цѣну имѣній. Требованія Экономіи Политической заставятъ отдѣлить права на землевладѣніе отъ правъ дворянскихъ, и скоро останется голый миѳъ, который умретъ незамѣченный никѣмъ. Слово дворянинъ перейдетъ въ разрядъ такихъ словъ какъ «разныхъ орденовъ кавалеръ», годныхъ только къ расширенію подписи подъ дѣловыми бумагами, но ничего незначащихъ. А все-таки очень досадно.

Я поневолѣ нынѣшній годъ рано пріѣхалъ въ Москву и остался безъ осени и безъ охоты. Многіе еще въ городъ не пріѣзжали. Я продолжаю свою многолѣтнюю работу и кромѣ этого написалъ только одну пьесу стиховъ, вѣроятно не имѣющихъ быть напечатанными: Исповѣдь Русскихъ. Она вызвана досадою на П. Вас. Киреевскаго [1]). Литературнаго движенія мало. Погодинъ и Киреевскій торгуются объ Москвитянинѣ, но нѣтъ почти надежды на успѣхъ. Съ одной стороны желаніе получить прибыль, хоть и умѣренную, но вѣрную; съ другой робость и тайное желаніе найти предлогъ для бездѣйствія. Досадно. Шевыревъ хорошъ, какъ и всегда (вы знаете, что я говорю безъ шутки): ревностенъ и готовъ къ дѣятельности. Страннѣе то, что, Павловъ [2]) сильно принимается за литера-

---

[1]) Петра Васильевича, родного брата Ив. В.—ча, извѣстнаго собирателя Русскихъ пѣсенъ и безусловнаго поклонника Русской старины, обладавшаго въ тоже время обширнымъ Европейскимъ образованіемъ. Поэтъ Языковъ называлъ его великимъ печальникомъ о Русской землѣ. Стиховъ Хомякова подъ названіемъ „Исповѣдь Русскихъ“ въ печати не имѣется; вѣроятно здѣсь разумѣются стихи: „Не говорите-то былое“, вызвавшіе отвѣтъ К. С. Аксакова. См. Р. Архивъ 1879, I, 218.

[2]) Николай Филипповичъ, извѣстный авторъ Ятагана и другихъ повѣстей.

турный интересъ; а все-таки едва ли что нибудь удастся. У насъ здѣсь, какъ вы знаете, Итальянская опера; очень недурна: голоса хорошіе и богатый репертуаръ, а театръ—пустыня. Не понимаю этаго отсутствія интереса; но не знаю, надобно ли жалѣть объ этомъ или нѣтъ, и хорошо ли музыкальное воспитаніе публики посредствомъ Итальянской оперы съ ея чисто-женскимъ характеромъ?

Теперь вотъ нѣсколько сплетень. Давыдовъ [1]) похитилъ протоколъ объ вашемъ диспутѣ и сгоряча въ этомъ признался, за что его Нахимовъ [2]) назвалъ виртуозомъ. Причина похищенія—самолюбіе, оскорбленное тѣмъ, что вы у него не были.—Глинко-Коптевская фаланга [3]) меня такъ огласила безбожникомъ, что одна дѣвица, встрѣтившая меня случайно на вечерѣ, говорила, уходя, хозяйкѣ: Mais il n'a rien dit de si horrbile [4]). Она воображала меня апокалипсическимъ дракономъ, разѣвающимъ пасть только для хулы. Въ Тулѣ я прослылъ развратникомъ. Удивительное счастіе на репутацію домашнюю; за то за границею меня утѣшаютъ лестными эпитетами, какъ наприм.: elend und eckelhaft [5]), что вмѣстѣ взятое составляетъ довольно пріятное сочетаніе разныхъ славъ.

Первая часть Валуево-Редкинской Библіотеки для дѣтей вышла. Пожалуста хвалите и распространяйте. Аксаковъ готовитъ туда статью: Князь Д. М. Пожарскій [6]). Обѣщаютъ Жуковскаго и Гоголя. На васъ надѣемся. Дѣло истинно-доброе.

Прощайте покуда. Мнѣ весело слышать, что вы сошлись съ Веневитиновыми, съ княземъ Вяземскимъ; весело не столько за васъ, сколько за нихъ. Это хорошія и чистыя души, требующія

---

[1]) Иванъ Ивановичъ, профессоръ Русской Словесности и деканъ словеснаго факультета.

[2]) Инспекторъ студентовъ.

[3]) Глинка Ѳеодоръ Николаевичъ; Коптевы братья.

[4]) Но онъ ничего не сказалъ такого страшнаго.

[5]) Жалкій и наводящій тошноту.

[6]) Статья осталась неписанною.

поддержки. Все тотъ же ли голосъ у А. О.[1]), пріятный и вредный какъ Итальянская опера, и таже ли способность понимать и не сочувствовать? Я ее люблю и не вижу: Петербургъ можетъ творить только Петербургское. Октяб. 10 дня.

P. S. Знаете ли, что недавно напечатана рукопись Лейбница, до сихъ поръ скрываемая Нѣмцами, гдѣ онъ себя признаетъ чистымъ Славяниномъ и объявляетъ антипатію ко всему Нѣмецкому? Это славное пріобрѣтеніе для Славянъ.

Окончательная насмѣшка судьбы надо мною: И. И. Давыдовъ и Терновскій[2]), прочитавъ «Ѳ. Ивановича» въ Дѣтской Библіотекѣ[3]), объявили, что они мнѣ сочувствуютъ. C'en est fait, mon malheur passe mon espérance.

Киреевскій взялъ Москвитянина[4]). Важная новость. Если будетъ издавать, мы на васъ надѣемся, и вы насъ конечно не посрамите.

Бѣдный Поповъ[5]) въ Университетѣ не находитъ мѣста. Онъ вамъ кланяется. Узнайте, пожалуста, не найдется ли ему каѳедры въ Университетѣ Петербургскомъ или Академіи Художествъ, или гдѣ нибудь по части просвѣщенія. Жаль будетъ, если и ему придется бросить науку. Прощайте. Читали ли La Russie envahie par les Allemands[6]), и дѣлаетъ ли она шумъ?

---

[1]) А. О. Смирновой. *Изд.*

[2]) Проф. Богословія въ Университетѣ.

[3]) Статья Хомякова въ Библіотекѣ для воспитанія, Валуевскаго изданія.

[4]) Ив. Вас. Киреевскій принялъ на себя редакцію Москвитянина на 1845.

[5]) Александръ Никол. Поповъ, тогда даровитый магистръ Московск. Университета, блистательно защитившій въ томъ же 1844 г. свою диссертацію о Русской Правдѣ. Не получивъ мѣста въ Университетѣ, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ напечаталъ въ „Р. Архивѣ“ изслѣдованіе о 1812 г. Скончался 16 Ноября 1877.

[6]) Извѣстная брошюра Вигеля.

4 [1]).

До сихъ поръ я еще не отвѣчалъ вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на ваше письмо ко мнѣ и къ Аксакову; во-первыхъ потому, что узналъ слишкомъ поздно про одну оказію, а во вторыхъ потому, что на многое иначе нельзя было отвѣчать какъ черезъ нѣсколько недѣль. Временная буря прошла. Ея истинная причина была не въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ того или другаго изъ насъ, а въ появленіи нѣсколькихъ статей за границею объ «mouvement slave» и «mouvement moscovite». Истинной опасности не было до сихъ поръ, и если ничто не перемѣнится, ея и не будетъ; но при проснувшихся подозрѣніяхъ можно добиться неосторожностью до опасности. Между тѣмъ нелѣпая строгость цензуры, особенно къ Москвитянину [2]), была единственнымъ слѣдствіемъ всего Петербургскаго перепуга; да и тутъ не знаю, не происходила ли отъ давняго и личнаго мнѣнія NN [3]). Статья моя объ желѣзныхъ дорогахъ подвергалась столькимъ мытарствамъ, что она не попадетъ въ 1-й нумеръ, а отложена до втораго и пропущена только по усильнымъ стараніямъ и просьбамъ. Чуть-чуть не послалъ я ее въ Петербургъ, не смотря на протестъ Константина Сергѣевича.

---

[1]) Писано въ самомъ началѣ 1845 года въ отвѣтъ на письмо Самарина къ Хомякову и К. С. Аксакову, въ которомъ, передавая воззрѣніе Петербургскаго общества и правительства на славянофильство, Самаринъ просилъ ихъ быть осторожными въ рѣчахъ и письмахъ, чтобы не подавать повода къ напраснымъ недоразумѣніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, открыто выражавшееся сочувствіе къ Русской народности, мнѣніе о необходимости принимать въ соображеніе въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики истинные національные интересы, призваніе Русской мысли къ самостоятельной работѣ въ сферѣ науки и т. п., сочтены были тогда многими за опасное новшество: доносовъ было немало. Точно также враждебно отнеслась къ Славянофиламъ и „либеральная“ литература, по преимуществу Петербургская.

[2]) Въ это время, по уговору съ М. П. Погодинымъ, редакція Москвитянина перешла въ руки Ив. В. Киреевскаго, при участіи Хомякова и всего круга его друзей; но выдано было только три книги, и затѣмъ Москвитянинъ опять перешелъ къ Погодину.

[3]) Графа С. Г. Строганова? *Изд.*

Положеніе наше уяснилось во многомъ. Мы въ одно время и признаны (полиціею, Отечеств. Записками, Библіотекой для Чтенія) и не сосланы. Это выгода великая и неоспоримая: руки развязаны для всякаго осторожнаго дѣйствія. Публика, читая, будетъ понимать то, чего бы не поняла безъ этихъ коментаріевъ и слуховъ. Цвѣтъ или, лучше сказать, общій очеркъ мысли опредѣлился, вниманіе пробуждено. Всякій высказанный принципъ получаетъ новую важность. Теперь надобно и должно высказывать принципы, и чѣмъ болѣе они будутъ высказываться, тѣмъ яснѣе будетъ, что они ни для кого не опасны, что они не новое что нибудь, не налагаемое нами на общество, но безсознательно въ немъ живущее, и что они до сихъ поръ составляли лучшую часть нашей умственной жизни. Надобно показать всѣмъ, что они (т. е. принципы) такъ же далеко отъ консерватизма въ его нелѣпой односторонности, какъ и отъ революціонности въ ея безнравственной и страстной самоувѣренности; что они, наконецъ, составляютъ начало прогресса разумнаго, а не безтолковаго броженія.

Шевыревъ (кто бы изъ васъ ожидалъ отъ него такой удали? я самъ ожидалъ не вполнѣ) сдѣлалъ подвигъ великій: онъ опредѣлилъ многое и опредѣлилъ съ каѳедры [1]), опредѣлилъ публично, въ услышаніе трехъ сотъ слушателей, съ тѣмъ глубокимъ убѣжденіемъ, съ тою смѣлостію и съ тою теплою любовію, которыя ему свойственны. Его изложеніе могло бы, разумѣется, быть лучше; но оно недурно, иногда очень хорошо и поправляется со дня на день. Его успѣхъ, по моему мнѣнію, превосходитъ успѣхъ Грановскаго [2]). Успѣхъ Грановскаго былъ успѣхомъ личнымъ, успѣхомъ оратора; успѣхъ Шевырева— успѣхъ мысли, достояніе общее, шагъ впередъ въ наукѣ. Это истинный успѣхъ профессора. Даже явное несогласіе большинства (вы видите, что я не обманываю себя) есть торжество. Это поднятые вопросы, это недовѣріе, это критика, переходящая въ умственную жизнь публики. Другая и не менѣе важная

---

[1]) С. П. Шевыревъ читалъ въ это время публичныя лекціи о древней Русской словесности.

[2]) Грановскій въ первый разъ читалъ публичныя лекціи въ 1844 г. въ началѣ.

выгода та, что, при уясненіи самихъ вопросовъ, мнѣніе каждое могло счесть своихъ послѣдователей или, по крайней мѣрѣ, людей склонныхъ къ нему. Ряды нашихъ друзей оказались необычайно рѣдкими и дружина ничтожною. Весь Университетъ (или почти весь, это все равно) держится другой стороны. Публика не держится покуда никого, но колыхается и должна пристать куда нибудь. Покуда большинство глядитъ къ Западу. Но это ничего не значитъ: правы будутъ тѣ, которые сильнѣе, прямѣе и постояннѣе станутъ ее пробуждать отъ ея умственной апатіи. Надобно только сохранять вполнѣ нравственное достоинство и безусловную, безстрастную чистоту во всѣхъ дѣйствіяхъ, и тогда нападенія Давыдова, который теперь уже сталъ насъ называть гнусными, Новосильцова [1]), который объявляетъ себя другомъ просвѣщенія и порядка и врагомъ Славянъ и безпорядка, и даже Краевскаго, который подводитъ насъ подъ первые два пункта, обратятся намъ же въ пользу. Мы же должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы, и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только Русское, но и всемірное [2]). Эта мысль одна только можетъ дать силу и постоянство.

Что съ вами, т. е. что съ вашими трудами? Увидимъ ли, услышимъ ли ихъ? Дайте свое имя въ Москвитянинѣ хоть подъ эфемерною статьею. Насъ немного, и каждый обязанъ сказать хоть слово. Вѣроятно, никто въ Петербургѣ не получаетъ здѣшнихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Достаньте ихъ хоть изъ министерства и отыщите статью Панова [3]) о лекціяхъ Шевы-

---

[1]) Въ то время Московскій вице-губернаторъ.

[2]) Обращаемъ особенное вниманіе читателей на эти знаменательныя, пророческія слова, писанныя 35 лѣтъ тому назадъ, когда водруженное Хомяковымъ и его друзьями знамя Русской народности не насчитывало и десяти человѣкъ приверженцевъ. Никто изъ нихъ не дожилъ до жатвы, да и теперь до жатвы далеко. Не совершенъ и еще неизмѣримо-дологъ тягостный трудъ полотья!

[3]) Пановъ, Вас. Алексѣевичъ, родственникъ Валуева и, какъ онъ, Симбирскій помѣщикъ, тогда еще очень молодой человѣкъ, кандидатъ Моск. Университета, сопутствовавшій Гоголю въ 1841 г. въ поѣздкѣ по чужимъ краямъ, посѣтившій также Славянскія земли. Объ этомъ посѣщеніи онъ издалъ бро-

рева и пустите ее сколько можно въ ходъ. N[1]) ея не пропустилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Она слаба и слабо писала, но она имѣетъ смыслъ и важность, особенно по вопросамъ современнымъ и потому, что непропущеніе ея показываетъ, каковъ гнетъ цензуры. Впрочемъ она и не безъ достоинства. Статья Киреевскаго, въ Москвитянинѣ, о движеніи литературъ Европейскихъ, вещь превосходная и Европейской важности. Въ библіографіи его же статьи очень хороши, хотя цензура ихъ окромсала безбожно.

Прощайте, дайте знать о себѣ и не забывайте Москвитянина. Отъ васъ самая малая статья будетъ дорога, потому, что она будетъ оживлена мыслію. Это не помѣшаетъ большимъ трудамъ, только чтобы глаза не болѣли, какъ у меня. Сказать ли вамъ, какъ я благодаренъ за ваше письмо? Оно и до сихъ поръ служитъ нѣкоторымъ memento mori нашему общему другу [2]). Будьте здоровы и не забывайте.

5.

28 Февраля 1845. Москва.

Только нынче поутру узналъ я, что вечеромъ можно къ вамъ писать, а я говѣю: времени мало, и глазъ болитъ. Поэтому и не могу вамъ многое писать. Благодарю за письмо, какъ и всегда, за дружескую память; но какъ благодарить за статью [3]), не знаю: такъ она меня обрадовала и утѣшила. Конечно, это еще не статья, а только очеркъ статьи; ее печатать нельзя (да вы и сами не хотите), не потому только, что она не додѣлана, но и потому что ее поймутъ превратно и сочтутъ похвалою тому, чему она дѣйствительно произноситъ строжайшій приговоръ. Все это, я думаю, и вы знаете не хуже насъ; но статья чудная и по строгости многихъ выводовъ, и по истинѣ взгляда, и по необычайно-живому выраженію мысли во многихъ мѣстахъ. Я съ вами совершенно согласенъ, также и Аксаковъ

шюру. Онъ же былъ издателемъ Московскихъ Сборниковъ 1846 и 1847, органовъ Славянофильскаго направленія. Скончался, кажется, въ 1851 году.

[1]) Графъ С. Г. Строгановъ. *Изд.*

[2]) То есть предостереженіемъ для К. С. Аксакова быть воздержнѣе въ рѣчахъ.

[3]) Это статья о Князѣ и Вѣчѣ. Она не была напечатана.

и кое-кто еще, напр. братья Елагины *). Я согласенъ, можно сказать, до радости: такъ мнѣ весело видѣть такое торжество въ результатахъ, къ которымъ мы стремимся порознь и по разнымъ путямъ мысли. Это показываетъ, какъ мало произвола у насъ въ основахъ мысли, и какъ мало страсти или тайныя желанія имѣютъ надъ нами власти. Весело мнѣ видѣть, какъ вы остаетесь вѣрными умственному труду и его строгимъ требованіямъ; ибо въ Петербургѣ труднѣе было, чѣмъ въ Москвѣ дойти до тѣхъ результатовъ, до которыхъ вы дошли. Видѣть всю отвратительность злоупотребленій принципа и все-таки признать принципъ: это точно нравственный подвигъ. Съ вами многіе или не согласны, или согласны вполовину; вполовину Поповъ, Валуевъ, Пановъ, кажется Погодинъ, который впрочемъ не былъ при чтеніи; совсѣмъ несогласны Киреевскіе. Но всѣ эти несогласія болѣе имѣютъ корень въ возмущенномъ сердцѣ, чѣмъ въ разумѣ. Доказательство то, что они вполнѣ признаютъ отрицательную часть и слѣдовательно должны бы принять и весь выводъ, да силъ не достаетъ.

Впрочемъ общее начало вашей статьи не совсѣмъ прилагается къ Исторіи Русской и едва ли гдѣ нибудь прилагалось вполнѣ къ какой нибудь Славянской Исторіи. Понятіе о князѣ жило болѣе какъ законъ, какъ требованіе, чѣмъ какъ историческій фактъ. Во всякомъ случаѣ вотъ какъ мнѣ представляется схема Русской Исторіи. Скажу кратко, потому что спѣшу. Частные князья прежнихъ, до-историческихъ временъ, можетъ быть, осуществляли идею о Князѣ (князья Древлянскіе, Радимичей и т. д.), можетъ быть, и нѣтъ; но Варяги уже этой идеи не осуществляли, особенно для Сѣверной Руси. Они были явленіемъ внѣшнимъ, военнымъ, по условію на Сѣверѣ и вза-

*) Василій и Николай Алексѣевичи, родные братья Киреевскихъ по матери, Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной. Н. А. Езагинъ, издатель „Бѣлевской Вивліоѳики“, содержащей въ себѣ Бѣлевскую писцовую книгу, † 11 Февраля 1876. Василій Алексѣевичъ (старше Николая) скончался 11 Іюля 1879 г. Это былъ человѣкъ обширныхъ свѣдѣній, дарованій и мысли всегда самобытной. Къ сожалѣнію онъ мало писалъ и еще меньше печаталъ, но все имъ напечатанное было замѣчательно. Его статьи были напечатаны въ Русской Бесѣдѣ, въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древн. и въ Бесѣдѣ, изданіи С. А. Юрьева.

мѣнъ Казаръ на Югѣ. Но требованіе жило, и законъ стремился къ проявленію. Такъ Великій Князь растетъ въ значеніи, поглощаетъ удѣлы и переходитъ въ Цари. (Точно также и въ Сербіи). Такъ какъ нормальное отношеніе, котораго требованіе жило, предполагаетъ полную независимость лица и полную его связь съ свободнымъ обществомъ, то очевидно оно осуществляется только при сильномъ и цѣльномъ обществѣ; иначе лицо изъ свободнаго переходитъ въ произвольное, Русь распадается внутри себя (доказательства: Расколы, Годуновъ, Салтыковъ, какъ требователи просвѣщенія и пр.). Вотъ моя схема; какъ объ ней скажите? Во всякомъ случаѣ извините мой Погодинскій слогъ.

Вы уже вѣроятно слышали о диспутѣ Грановскаго. Неловкостей была бездна: Бодянскій и Шевыревъ попались впросакъ. Грановскій защищался слабо. Р. [1]) осрамился впухъ. Лавры всѣ пожалъ И. И. Давыдовъ: передернулъ весь факультетъ какъ колоду, всѣхъ надулъ и всѣхъ утопилъ волнами академическаго краснорѣчія. Впрочемъ симпатіи народныя и студентскія выразились ярко и несомнѣнно. Вечеромъ NN потиралъ руки и говорилъ у Васильчиковыхъ: les Slaves sont battus.

Затѣмъ прощайте. Дайте что нибудь въ Москвитянинъ, хоть безъ имени. Рекомендую вамъ во 2-мъ нумерѣ мою статью объ охотѣ. Горжусь ею. Объ Тургеневѣ (И. С.) есть статья, котораго автора вы сейчасъ угадаете: кажется, въ цѣломъ мірѣ онъ одинъ можетъ говорить о Тургеневѣ серіозно [2]). Прощайте: ячмень на глазу мѣшаетъ писать.

6.

Іюня 23-го 1845 г.

Хорошо осрамилась наша Москва, любезный Юрій Ѳеодоровичъ: не умѣла таки сохранить журналъ. Погодину были дѣланы съ нашей стороны всѣ возможныя уступки; наконецъ, даже рѣшались отягчить будущій годъ кредитомъ въ десять ты-

---

[1]) Профессоръ П. Г. Редкинъ? *Изд.*

[2]) Это статья К. С. Аксакова, подписанная Имрекъ. Въ то время Тургеневъ еще не издалъ Записокъ Охотника, въ которыхъ, можно сказать, впервыя обнаружилась сила его таланта.

сячъ и сохранить ему пай въ сборѣ сверхъ тысячи подписчиковъ. Онъ не пошелъ ни на что. Киреевскій также отказался рѣшительно, не смотря на всѣ моленія, не смотря на ревность нѣсколькихъ купцовъ (вещь особенно дорогая для Киреевскаго), предлагавшихъ денежное обезпеченіе, и даже на мнѣніе всей семьи (кромѣ жены и брата П. В. К.), сказавшей ему безъ обиняковъ, что для него отказаться отъ журнала и отказаться отъ всякой умственной дѣятельности все равно. Я еще не видалъ 5 и 6 № Москвитянина; говорятъ, что они порядочны, но на долго это идти не можетъ: онъ долженъ рухнуть. За что приниматься послѣ этой неудачной попытки, не знаю; а что непремѣнно надобно и должно что нибудь предпринять, это для меня несомнѣнно, и надеждъ терять не слѣдуетъ. Всѣ отказываются отъ участія въ Москвитянинѣ. Я этаго нисколько не охуждаю; онъ дѣйствительно не заслуживаетъ поддержки, но мнѣ еще нужно написать двѣ статьи, и я на дняхъ принимаюсь за одну изъ нихъ. Разумѣется, ужъ это не ради журнала, а потому только, что хочу досказать недосказанное. А многое надобно досказать; боюсь только желчи своей, которая безпрестанно раздражается невѣжествомъ и нелѣпостями съ одной стороны и Европейскимъ обезьянствомъ лучшихъ людей, такихъ людей, которымъ слѣдовало бы идти съ нами за одно. Досадно, когда видишь, что Загоскинъ (хоть онъ и славный человѣкъ) за насъ, а Грановскій противъ насъ: чувствуешь, что съ нами за одно только инстинктъ (ибо Загоскинъ выраженіе инстинкта), а умъ и мысль съ нами мириться не хотятъ. Еще досаднѣе, когда видишь, что пробужденное въ насъ сознаніе нисколько не останавливаетъ безсмыслицу.

Я знаю, что все перемелится и будетъ мука, что всѣ ошибки исправятся силою жизни, что писанное у насъ не такъ сильно, какъ живое; а нельзя безъ горя видѣть, какъ безпрестанно увеличиваютъ уже существующую порчу и какъ это дѣлаютъ съ самыми благими намѣреніями, просто вслѣдствіе совершеннаго незнанія Руси. Указъ о производствѣ въ дворяне *), вну-

*) Указъ о томъ, что потомственное дворянское достоинство (съ правомъ владѣнія крѣпостными людьми) пріобрѣтается чиновниками, не дворянами по происхожденію, лишь съ чиномъ статскаго совѣтника, а не колежскаго асессора, какъ было прежде.

шенный мнимымъ аристократизмомъ Петербурга, соединяетъ въ себѣ всѣ условія для укрѣпленія разрыва уже существующаго, для увѣковѣченія начавшейся борьбы. Конечно онъ не будетъ въ исполненіи своемъ такъ дуренъ, какъ можно бы было предполагать по его логическимъ послѣдствіямъ; но при всемъ томъ онъ дѣлаетъ величайшій вредъ. Я не говорю ни о нарушеніи справедливости въ отношеніи къ людямъ, уже бросившимъ лѣтъ двадцать жизни своей для полученія колежскаго асессорства и слѣд. дворянства, ни объ увеличеніи взяточничества, ни объ уменьшеніи капиталовъ могущихъ обращаться въ поземельную собственность, и слѣд. объ уменьшеніи самой цѣнности дворянскихъ имѣній; ни объ убіеніи духа въ солдатахъ; но меня грустно поразило одно обстоятельство, котораго ни въ Москвѣ, ни въ Питерѣ не замѣтишь: это увеличившееся мгновенно чванство всѣхъ моихъ деревенскихъ сосѣдей. Они просто распухли отъ гордости. Ихъ всѣхъ произвели въ статскіе совѣтники, они стали вдвое дворянственнѣе противъ прежняго, вдвое далѣе отъ недворянскаго міра, и эта гордость переходитъ въ жизнь и перейдетъ въ наслѣдство. Между тѣмъ она обращается только противъ низшихъ: высшій, т. е. власть, т. е. чиновникъ, все также страшенъ, все также имѣетъ право преклонять ихъ статско-совѣтническія головы. Мнѣ жаль, что не рѣшились наши друзья напечатать вашу статью объ «Тарантасѣ» [1]). Можетъ быть, они и не должны были ее отдавать Погодину; но въ ней такъ много истиннаго и такъ много противъ современнаго, что ей слѣдовало быть напечатанною. Я это говорю особенно по поводу чиновника. Лѣстницу сдѣлали длиннѣе, но смыслъ ея не только не измѣненъ, но утвержденъ. Въ будущей своей статьѣ я намѣренъ былъ сказать тоже самое что вы сказали, и вы не прогнѣваетесь, если я намѣренія своего не измѣню. Будетъ ли напечатана ваша статья, или нѣтъ, все равно: такія вещи должны быть не только высказываемы, но повторяемы. Вѣрьте, что мнѣ не хотѣлось бы мѣшаться въ эту современную дѣятельность, и что мнѣ сто разъ веселѣе бы было догматизировать въ такъ называемой Семирамидѣ [2]) о древностяхъ, языкахъ и т. д.; но движеніе жизни

[1]) Статья Самарина о „Тарантасѣ“ графа Соллогуба напечатана въ Московскомъ Сборникѣ, изд. Пановымъ, 1846 года.

[2]) Такъ называлась у друзей въ шутку работа Хомякова надъ всемірною исторіей, изданная послѣ его смерти.

увлекаетъ въ другія занятія, не смотря на собственное горе и на горе Абиссинца-Валуева[1]). Такъ напр., меня втянули въ переписку съ Пальмеромъ[2]). Предметъ этой переписки (если вамъ извѣстно его печатное письмо ко мнѣ) безспорно такъ важенъ, что я и не могу роптать на необходимость продолжать ее, но пользы большой не ожидаю и досадую особенно на то, что имя мое тутъ примѣшано. Мнѣ хотѣлось бы лучше оставаться безъименнымъ въ этомъ дѣлѣ: болѣе бы было свободы, болѣе смѣлости и, можетъ быть, болѣе даже пользы, когда бы устранены были всѣ невольныя притязанія личности. Между тѣмъ я чувствую и глубоко убѣжденъ, что должно продолжать и что споръ религіозный заключаетъ въ себѣ всю сущность и весь смыслъ всѣхъ предстоящихъ намъ жизненныхъ споровъ. Вопросъ объ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ есть безъ сомнѣнія единственный истинно-всемірный вопросъ нашего времени.

Моя къ вамъ просьба: нельзя ли достать въ Питерѣ описаніе машины, изобрѣтенной прошлаго года Французомъ Андро, для движенія по рельсамъ посредствомъ сжатаго воздуха? Я ее знаю только по догадкамъ, но не знаю, какъ впускается сжатый воздухъ въ двигающій механизмъ; а въ Москвѣ ничего не достанешь. Въ Питерѣ это должно быть или при Корпусѣ Путей Сообщеній, или при Университетѣ. Если вамъ не слишкомъ будетъ хлопотливо, то постарайтесь достать. Мнѣ бы оно было нужно. Въ Англіи уже предложены тѣ употребленія сжатаго воздуха, которыя я предсказалъ въ статьѣ о желѣзныхъ дорогахъ [3]). Ни журналисты, ни публика наша этаго не замѣтили.

Я живу теперь въ деревнѣ. Погода славная, житье легкое и веселое. На дняхъ были мнѣ двѣ радости: изъ пяти выстрѣловъ я попалъ три раза въ цѣлковый на разстояніи пятидесяти ша-

---

[1]) О какомъ горѣ своемъ и Валуева упоминаетъ Хомяковъ, мы не догадываемся. Не о цензурныхъ ли притѣсненіяхъ „Библіотеки для Воспитанія“? Д. А. Валуевъ написалъ разслѣдованіе объ Абиссиніи и ея церкви. *Изд.*

[2]) Англійскій ученый богословъ, который, признавая неправильность Англиканской церкви, искалъ первоначально сближенія съ церковью Греко-восточною. См. 2-й томъ. *Изд.*

[3]) Напечатана въ Москвитянинѣ, въ началѣ 1845 года.

говъ. Вы, какъ стрѣлокъ, это оцѣните [1]). Вторая радость: я открылъ несомнѣнное свидѣтельство о житьѣ Славянъ на Кавказѣ въ IV-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Этимъ разрѣшаются многія историческія задачи. Прощайте, будьте здоровы, веселы и дѣятельны.

7.

1845. Дек. 17.

Вотъ ужъ полтора мѣсяца, какъ я собираюсь къ вамъ писать въ отвѣтъ на ваше письмо, но горькія заботы меня заставляли откладывать со дня на день. Вы знаете, какъ онѣ кончились. Изъ нашего круга отдѣлился человѣкъ [2]), котораго никто мнѣ никогда не замѣнитъ, человѣкъ, который мнѣ былъ и братомъ, и сыномъ. Этотъ ударъ былъ для меня невыразимо тяжелъ; но, отвлекая себя отъ личнаго чувства, я могу сказать, что это потеря невознаградимая для насъ всѣхъ. Его молодость, дѣятельность, чистота, миротворящая, хотя ни въ чемъ не уступающая, кротость нрава и, наконецъ, его совершенная свобода и независимость отъ лицъ и обстоятельствъ, все дѣлало его драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ сотрудниковъ въ общемъ дѣлѣ добра и истины. Богу угодно было, чтобы такая прекрасная жизнь рано кончилась; но къ счастію Валуевъ многое началъ, и начатое имъ, я надѣюсь, не пропадетъ, а продолжится. Тысячу разъ благодарю я васъ за ваши хлопоты о дозволеніи перевоза тѣла его въ Москву. Намъ отрадно будетъ его имѣть около себя, ибо всѣ мы теперь или позже, а принадлежимъ Москвѣ, какъ мѣсту нашей умственной дѣятельности; да и ему прилично лежать въ Москвѣ: онъ ей принадлежалъ, ибо есть такія направленія и такой характеръ мысли и жизни, которыя теперь нигдѣ кромѣ Москвы невозможны. Мѣсто ему назначаемъ мы въ Даниловскомъ монастырѣ возлѣ Венелина. Кажется, такъ всего лучше. Какое-то духовное сродство и безъ сомнѣнія единство цѣлей существовало между ними, не смотря на великія разницы въ жизни и чистотѣ. Вы конечно сочувствуете

---

[1]) Хомяковъ, подобно многимъ современникамъ своимъ, былъ отличный стрѣлокъ изъ пистолета. *Изд.*

[2]) Дмитрій Александровичъ Валуевъ.

моему горю; но никто не можетъ вполнѣ оцѣнить, что я въ Валуевѣ потерялъ и какъ много я ему обязанъ былъ во всѣхъ самыхъ важныхъ частяхъ моей умственной дѣятельности. Во многомъ онъ былъ моею совѣстію, не позволяя мнѣ ни слабѣть, ни предаваться излишнему преобладанію сухаго и логическаго анализа, къ которому я по своей природѣ склоненъ. Если что нибудь во мнѣ цѣнятъ друзья, то я хотѣлъ бы, чтобы они знали, что въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ дружба Валуева постоянно работала надъ исправленіемъ дурнаго и укрѣпленіемъ хорошаго во мнѣ.

Вы видите, что я теперь не совсѣмъ способенъ отвѣчать на ваше письмо, т. е. дать вамъ совѣтъ и мнѣніе: послѣ потери Валуева мнѣ кажется, что я легко могу увлечься эгоистическимъ желаніемъ приближать къ тому мѣсту, гдѣ самъ живу, тѣхъ людей, съ которыми связанъ глубокимъ сочувствіемъ и дружбою. Поэтому, если вы это замѣтите въ моемъ совѣтѣ, помните, что я самъ себя оподозрѣлъ. Вамъ, разумѣется, надобно выѣхать изъ Петербурга; но куда? Всего бы лучше, если бы можно на годъ или болѣе за границу; но по вашему письму это, кажется, совершенно невозможно. Мой совѣтъ выбрать (если уже въ Москву нельзя или можно только съ какою нибудь невозможною секретарскою должностію) одну изъ ближайшихъ губерній. Мнѣ кажется, намъ всѣмъ надобно быть довольно близко другъ отъ друга. Насъ слишкомъ мало, чтобы намъ расходиться по бѣлу-свѣту. Еще нуженъ намъ фокусъ, въ которомъ сосредоточивалась бы наша мысль, согрѣвая взаимно другъ друга, укрѣпляя наши личныя силы и устремляя ихъ къ одному направленію. Лучинки разрозненныя горятъ да и гаснутъ: вмѣстѣ связанныя онѣ передаютъ огонь цѣлому костру. Ни мы сами, ни Россія еще не дошли до той степени, въ которой разрозненіе и разсѣяніе наше по ея лицу могло бы быть полезно, возбуждая просвѣщеніе и мысль въ разныхъ точкахъ ея великаго пространства. Для изученія же Россіи пункты ближайшіе къ Москвѣ далеко не хуже другихъ, ибо теперешняя сила и жизнь Русская принадлежатъ исключительно Великой Руси, и если вы думаете, что Кострома или Вологда важнѣе Тулы и Рязани (въ чемъ я не поспорю), то съ другой стороны пустынность этихъ

областей дѣлаетъ ихъ изученіе невозможнымъ для человѣка, котораго должность привяжетъ къ одному мѣсту. Изъ областей не Велико-Русскихъ я могъ бы еще похвалить развѣ Харьковъ, какъ узелъ будущаго сращенія мысли Мало-Россійской съ Великою Русью. Конечно, лучше и несравненно лучше всего было бы житье въ Москвѣ и служба по просвѣщенію, т. е. Университету, но воля вашихъ близкихъ противъ этаго, и слѣдовательно говорить нечего . . . . . Что же дѣлать? Во-первыхъ, не унывать; во-вторыхъ, трудомъ внутреннимъ, который требуетъ мало времени и всегда возможенъ, замѣнить невозможный трудъ внѣшній. Пожалуста не забывайте, что Бэконъ былъ канцлеромъ, а въ васъ я предполагаю довольно силы, чтобы сохранить себя вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ крѣпкимъ и неприкосновеннымъ; а какъ подумаю, о многомъ и многомъ надобно-бы съ вами поговорить! Не будете-ли вы въ Москвѣ зимою? Еще совѣтъ, и важный: берегите свое здоровье, которое я считаю совсѣмъ не богатырскимъ. Говорятъ, бѣдный И. В. Кіреевскій очень боленъ. Дай Богъ, чтобы онъ поправился, или чтобы слухи объ немъ были преувеличены. Прощайте. Когда будете писать, дайте вѣсть и о Поповѣ. Какъ нашъ кругъ разрядѣлъ!

Вы знаете уже и о смерти Тургенева *). Жаль и его. Много милаго, добраго и любящаго было въ его душѣ. Его Европейское сплетничанье было не безполезно и не безъ достоинства; а любовь его къ такимъ людямъ какъ Неандеръ и др., показываетъ, какъ сильно въ немъ было сочувствіе со всякою духовною жизнію, хотя самъ онъ не могъ никогда углубиться въ себя.

8.

Апрѣля 6-го (1846 г.).

Поздравляю васъ съ наступающимъ и, когда письмо дойдетъ, уже наступившимъ праздникомъ. На дняхъ получили мы вѣсть объ васъ отъ Чижова, и вѣсти все хорошія, какъ вы въ Питерѣ все держитесь Московскихъ обычаевъ и пр. и пр. Одно грустно, что все таки въ Питерѣ. Я было за васъ порадовал-

*) Александра Ивановича.

ся, что вы оттуда выбираетесь хоть въ Чухляндію настоящую [1]), а теперь опять, кажется, не то выходитъ. Хоть комитетъ вашъ и устроенъ по Чухонскимъ дѣламъ, да совсѣмъ не то дѣйствовать на мѣстѣ, видѣть своими глазами, бороться съ наличными страстями, наконецъ, дѣлать самому справки, или дѣйствовать издали, по бумажнымъ донесеніямъ, по чужимъ справкамъ, нападать на заглазныя страсти и заглазныхъ людей и заступаться также за людей, которыхъ отъ роду не видывалъ. Все это дѣло мертвое и холодное, и скучное; добро бы было легкое и сопряжено съ бо́льшимъ досугомъ, а этаго и ждать нельзя. Такъ что мы можемъ радоваться вѣстямъ объ васъ, но не за васъ, потому что положеніе ваше крайне не завидно. Терпи казакъ, хоть и атаманомъ не будешь.

Впрочемъ за всѣмъ тѣмъ я не увѣренъ, совершенно ли безъ пользы пропадаетъ ваше время въ Петербургѣ [2]). Разумѣется, что тамъ ни прозелитовъ мысли, ни истиннаго сочувствія искать не должно (это было бы дѣтскою мечтою); но твердость высказанныхъ убѣжденій и вѣрность этимъ убѣжденіямъ въ жизни, во сколько она отъ насъ зависитъ, могутъ быть не совсѣмъ безплодными. Если другаго плода не будетъ, то уже какое-то невольное уваженіе къ мысли, даже скрытое иногда подъ личиною самодовольной насмѣшки, можетъ родиться хоть въ нѣкоторыхъ и приготовить ихъ къ будущему сочувствію. Въ васъ довольно смѣлости, чтобы выговаривать мысль явно, довольно твердости, чтобы устроивать свою жизнь по нормѣ, которая вамъ кажется лучшею; сверхъ того, въ васъ столько воздержности, что вы не на каждомъ шагу будете разбрасывать мысль, слѣдовательно есть возможность нравственнаго дѣйствія, хоть я убѣжденъ, что изо всѣхъ почвъ въ мірѣ, за исключеніемъ можетъ быть Вѣнской, самая неблагодарная почва Петербургская.

---

[1]) Т. е. въ Ригу. Самаринъ, прослуживъ около года въ Сенатѣ, перешелъ на службу въ М-во Вн. Дѣлъ помощникомъ дѣлопроизводителя въ открытомъ тогда комитетѣ по устройству Лифляндскихъ крестьянъ и предполагалъ отправиться въ Ригу, откомандированнымъ къ вновь назначенному генералъ-губернатору Е. А. Головину.

[2]) Самаринъ въ письмѣ своемъ къ Хомякову горько сѣтовалъ на безплодность своего пребыванія въ Петербургѣ.

Да по правдѣ (и съ позволенія Аксакова) неужели наша Московская почва не только хороша, но хоть сколько нибудь сносна? Неужели это не совершенная пустыня въ нравственномъ и даже умственномъ отношеніи? Понимаете ли ту глупость, которая поздравляетъ васъ (какъ это недавно случилось со мною) при пятидесяти свидѣтеляхъ, на вечерѣ, и съ самою наивною благонамѣренностью, съ глупымъ движеніемъ Галицкихъ дворянъ [1])? Что же здѣсь могутъ понять, когда не понимаютъ, что между всѣми мыслями общественными или политическими Запада и моими убѣжденіями столько же симпатіи, сколько между чортомъ и ладономъ? Это меня взбѣсило, потому что тутъ открылась передо мною цѣлая бездна неисповѣдимой глупости. Впрочемъ, разумѣется, я отвѣчалъ очень умѣренно и только спросилъ (зная уже про реакцію крестьянъ): «А вы всѣ что по этому случаю намѣрены дѣлать?» Отвѣтъ: «Какъ мы? Да намъ-то какое дѣло!» На это я возразилъ: «Есть пословица: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; а я прибавлю: громъ грянетъ, а дворянинъ все-таки не перекрестится». На это послѣдовали помахиваніе головами и взгляды, полные необыкновенно глубокомысленной тупости. Вы видите, что здѣсь или въ Питерѣ утѣшеніе почти одинаково, съ тою только разницею, что здѣсь менѣе гнусныхъ явленій общественной роскоши и самодовольства и болѣе свободы для умственныхъ трудовъ; но, право, была бы воля, будетъ и возможность труда, и тѣмъ болѣе силы въ трудѣ, чѣмъ болѣе онъ вырывается изъ подъ внѣшняго гнета.

Собою я отчасти недоволенъ. Двѣ статьи, одна для Сборника [2]), другая для Библіотеки для Воспитанія: вотъ все, что я сдѣлалъ, кромѣ весьма небольшихъ прибавокъ къ своему постоянному труду. Впрочемъ кое-что въ розысканіяхъ историческихъ подвинулось, и поэтому я только отчасти недоволенъ, но каюсь въ лѣни. Курсъ Грановскаго [3]) слабъ, и публика холод-

---

[1]) Извѣстное движеніе Польскихъ дворянъ, вызвавшее реакцію со стороны крестьянъ, или возстаніе противъ помѣщиковъ (даже рѣзню), чѣмъ и воспользовалось Австрійское правительство къ своей выгодѣ.

[2]) Для Московскаго Сборника 1846 года.

[3]) Грановскій снова читалъ рядъ публичныхъ лекцій.

новата. Изложеніе мѣстами очень хорошо и доходитъ до высокаго, художественнаго эффекта своей необычайной простотой; но изслѣдованій никакихъ, мыслей никакихъ, кромѣ взятыхъ на прокатъ, и отъ этаго все вмѣстѣ какъ-то вяло и безжизненно. Лекціи Шевырева выходятъ, первыя пять вышли; онѣ выдерживаютъ чтеніе гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ. Книга будетъ хороша и занимательна, и полезна. Филаретъ благословилъ его за нее образомъ; представьте радость Шевырева!

Не знаю, слышали вы, что въ изданіи Сборника встрѣтилось замедленіе. Панова мать умерла, и онъ поскакалъ въ Симбирскъ; впрочемъ ждемъ его скоро назадъ.

Скажите Попову [1]), что я съ нимъ заочно христосуюсь, а не пишу, потому что онъ давно знаетъ, каковъ я корреспондентъ; но скажите ему и очень грустную вѣсть, которой онъ еще, можетъ быть, не знаетъ: Алексѣй Андреевичъ Елагинъ [2]) кончилъ ударомъ. Это страшная потеря для семьи и истинная потеря для друзей. Въ этомъ человѣкѣ, повидимому грубомъ и неотесанномъ, много было теплоты чувства и ума. Попову вѣрно будетъ тяжела эта вѣсть. Прощайте, будьте здоровы. Жена моя вамъ кланяется и тѣмъ дружественнѣе, что слышала, что вы постились помосковски.

9 [3]).

Изъ письма вашего къ К. А. Свербеевой вижу, что братецъ вашъ [4]) вѣроятно поѣдетъ въ чужіе края и поэтому спѣшу писать къ вамъ о порученіи, которое мы желали бы дать ему. Спросите его, согласится ли онъ взять на себя это порученіе? Покойный Д. А. Валуевъ нашелъ Греческую рукопись (кѣмъ писанную, Грекомъ или другимъ какимъ Православнымъ, неизвѣстно), содержащую въ себѣ изложеніе Православнаго ученія, и везъ ее въ чужіе края съ намѣреніемъ напечатать, находя

---

[1]) Александру Николаевичу, перешедшему уже на службу въ Петербургъ.

[2]) Мужъ Авдотьи Петровны Елагиной и отецъ Василія и Николая Елагиныхъ.

[3]) 1846 года.

[4]) Братъ Самарина, Михаилъ Ѳедоровичъ, отправился по болѣзни за границу и тамъ скончался.

ее весьма замѣчательною. Къ ней придѣлалъ онъ маленькое предисловіе по-латыни, и вся рукопись составила бы около двухъ печатныхъ листовъ *). Мы, то-есть здѣшніе друзья Валуева, желали бы исполнить его намѣреніе и напечатать рукопись, которая въ Россіи можетъ встрѣтить цензурныя затрудненія, а въ Германіи можетъ или принести пользу, или по крайней мѣрѣ обратить на себя вниманіе. Если Михаилъ Ѳедоровичъ остановится на пути своемъ черезъ Германію хоть дней пять или шесть въ какомъ-нибудь изъ книжныхъ городовъ, онъ могъ бы отдать рукопись въ печать безъ дальнихъ хлопотъ. Еще бы лучше было, если бы онъ велѣлъ сдѣлать къ ней Нѣмецкій переводъ, но это не необходимо. Книгопродавцу (такъ какъ изданіе дѣлается не изъ барышей) можно предоставить до сорока процентовъ, а объ употребленіи остальныхъ денегъ онъ получитъ отсюда назначеніе отъ Панова. Если Михаилъ Ѳедоровичъ согласится принять на себя эти хлопоты, онъ сдѣлаетъ намъ истинное одолженіе, и мы поспѣшимъ выслать къ нему и рукопись, и деньги нужныя на изданіе. Пожалуста увѣдомьте насъ объ согласіи или отказѣ братца вашего и напишите объ этомъ или К. А. Свербеевой или Панову, потому-что я на дняхъ уѣзжаю въ деревню.

---

*) Эта Греческая рукопись—мистификація. Дѣло шло объ извѣстномъ трудѣ Хомякова, напечатанномъ во II-мъ томѣ его сочиненій подъ названіемъ: „Опытъ катихизическаго изложенія ученіе о церкви“. Впрочемъ на рукописи стояло другое названіе: „Церковь одна“. Въ секретъ, кажется, былъ посвященъ только одинъ Валуевъ; вѣроятно онъ же или кто-нибудь по его заказу перевелъ ее на Греческій языкъ, съ цѣлью напечатать въ Аѳинахъ или за границей. Она нѣсколько времени ходила по рукамъ въ Москвѣ въ рукописи съ Русскимъ текстомъ, выдаваемымъ за переводъ, и даже самые близкіе друзья не знали настоящаго автора. Говорятъ, покойный митрополитъ Филаретъ не дался въ обманъ и, признавъ ее вполнѣ замѣчательною, выразилъ однакоже мнѣніе, что она писана не Грекомъ и не лицомъ духовнаго званія, а свѣтскимъ (вѣроятно по оригинальности нѣкоторыхъ мыслей и по своеобразію пріемовъ, чуждыхъ нашей, офиціальной, богословской школѣ). Впрочемъ, кажется, черезъ годъ секретъ раскрылся. Причина, почему Хомяковъ скрывалъ свое авторство, понятна: ему нужно было узнать мнѣніе свободное отъ всякаго предубѣжденія въ пользу или противъ его имени, да и не хотѣлось въ дѣло такаго рода вмѣшивать невольныя притязанія личности.

Сборникъ [1]) готовъ и скоро выйдетъ. Полагаю, что на него поднимается буря немалая. Онъ бы вышелъ уже недѣли двѣ тому назадъ, но ваша статья о «Тарантасѣ» удостоилась долгихъ сомнѣній со стороны С., также какъ статья Липовскаго [2]), и возставила противъ себя Голохвастова. Однакоже все прошло съ не слишкомъ большими пожертвованіями. Впрочемъ у насъ все похоже на застой, и только замѣтно, что Западъ свирѣпѣетъ болѣе и болѣе каждый день противу лицъ Восточныхъ. На обѣдѣ у Грановскаго Герценъ учинилъ въ этомъ явное признаніе въ отношеніи ко мнѣ, объявивъ, что любитъ меня за то, что я имѣю сочувствіе ненависти. Забавно то, что они предполагаютъ въ насъ свои чувства; еще забавнѣе, что признаются. Съ другой стороны слышно, что Грановскій какъ будто начинаетъ сомнѣваться въ правотѣ своего направленія, и что Соловьевъ почти готовъ поворотить оглобли. Если бы эти двое отстали, что же у нихъ останется? Зачѣмъ нѣтъ здѣсь ни васъ, ни Попова? Надобно и непремѣнно надобно вырабатывать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку. Надобно передѣлать все наше просвѣщеніе, и только общій, постоянный и горячій трудъ можетъ это сдѣлать. Насъ очень мало, и мы всѣ врознь.

А. О. [3]) все еще здѣсь гоститъ. Она умна, мила, она понимаетъ многое такъ какъ никто, можетъ быть, въ обществѣ не понимаетъ; но къ несчастію она только гостья въ Москвѣ. Я хочу сказать не о томъ, что она никогда не будетъ здѣсь жить, но о томъ, что она никогда не будетъ здѣшнею.

Попову буду писать вскорѣ. Скажите ему, что я было принялся живо за свою работу, но съ недѣлю перервалъ ее за глазною болью. Послѣднее, чѣмъ я занялся, исторія Меровинговъ, представило мнѣ бездну новаго. Этотъ, повидимому, глупый періодъ представляетъ бездну новыхъ выводовъ и содержитъ въ себѣ, какъ въ зародышѣ, исторію почти всѣхъ вѣковъ. Какъ много еще надобно сдѣлать! Впрочемъ наука пой-

---

[1]) Московскій Сборникъ 1846 г.

[2]) Профессоръ Сельскаго Хозяйства.

[3]) Смирнова ур. Россетъ.

детъ. Скажите, подумайте, какъ взяться за искусство? Меня наша школа [1]) доводитъ до отчаянья, хоть идетъ она и недурно для безтолковой публики.

Прощайте, будьте здоровы и не слабѣйте въ трудахъ.

10 [2]).

Петербургъ, Мая 30 1847 г.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и не находя мѣста въ Штеттинскомъ пароходѣ, я рѣшился ѣхать въ дилижансѣ на Ригу и слѣдовательно былъ въ полной увѣренности видѣться съ вами и поговорить о многомъ и многомъ. Вотъ почему я и не писалъ къ вамъ. Вышло иначе. Уговорили меня, и отчасти доводами весьма дѣльными, что мнѣ надобно ѣхать на Любскомъ пароходѣ и что я избѣгну великихъ хлопотъ, а особенно избавлю жену отъ трехъ или четырехъ дней самой скучной и непріятной дороги. Эта причина меня принудила рѣшиться: для болѣзней нервическихъ всего хуже мелкая скука и мелкія непріятности; я обязанъ ихъ избѣгать для жены, для которой совершаю свое путешествіе. И такъ мы еще не увидимся теперь.

Письменно много не скажешь, но хоть нѣсколько словъ скажу вамъ въ отвѣтъ на ваше письмо и кое о чемъ еще. Во-первыхъ, объ вашихъ статьяхъ [3]). Въ Москвѣ ихъ печатать негдѣ кромѣ Москвитянина, въ Петербургѣ не слѣдуетъ. Въ Москвитянинѣ онѣ пропадутъ, а этаго опять не должно допускать; слѣдовательно остается ихъ или печатать отдѣльною брошюркою, или напечатать въ Москвитянинѣ съ тѣмъ, чтобы экземпляровъ сто были отпечатаны отдѣльно. Какъ рѣшитесь? Объ статьяхъ самихъ я почти готовъ сказать, что онѣ во мнѣ оставили нѣкоторое чувство досады: у васъ столько силъ противъ такой слабости, что бой какъ будто бы едва законенъ.

---

[1]) Школа Живописи и Ваянія.

[2]) Для укрѣпленія здоровья своей жены, сильно потрясеннаго смертію племянника Валуева и роднаго брата Языкова Н. М. (поэта), Хомяковъ отправился съ нею на нѣсколько мѣсяцевъ за границу. Въ это путешествіе онъ посѣтилъ Англію и былъ принятъ въ Оксфордѣ съ большимъ почетомъ. Надо замѣтить, что онъ говорилъ и писалъ по-англійски, какъ Англичанинъ.

[3]) „О мнѣніяхъ Современника“; напечатано въ Москвитянинѣ 1847 г.

Съ другой же стороны вспоминаешь, что такова слабость всѣхъ нашихъ противниковъ и что эта слабость нисколько не ручается за нашъ успѣхъ; ибо къ ихъ пошлости пристаетъ или, лучше сказать, ее вдохновляетъ пошлость всеобщая нашего читающаго, аки бы думающаго міра. Необходимость этой борьбы съ умственнымъ безсиліемъ въ числительной силѣ внушаетъ грусть и досаду. Статьи превосходны по изложенію, по мыслямъ, по добросовѣстности и строгости анализа; но кто пойметъ ихъ вполнѣ, не смотря на ихъ ясность? А надобно, непремѣнно надобно ихъ напечатать. Я говорю: необходимо надобно, потому что въ первый разъ въ нихъ выставлены съ нашей стороны опредѣленные тезисы, и слѣдовательно полагается начало положительной наукѣ, и мы выходимъ изъ того повидимому отрицательнаго направленія, въ которомъ намъ попрекаетъ безтолковость нашихъ читателей. Съ своей стороны я, можетъ быть, васъ упрекну только въ излишнемъ уваженіи къ одному изъ противниковъ, къ Никитенкѣ; но вы его, кажется, нѣсколько любите, и кромѣ того, безстрастіе и даже снисходительность, можетъ быть, необходимы, особенно при излишней страстности однаго изъ нашихъ ратоборцевъ[1]). Первую вашу статью оставилъ я у Аксакова; вторую получилъ садясь въ дилижансъ, не могъ съ нею разстаться и привезъ сюда къ Попову, который доставитъ ее, куда скажете. Кстати надобно будетъ, кажется, или выкинуть, или измѣнить слова объ Никитенкѣ, что онъ самоучка: едва ли можно входить въ такую подробность, тѣмъ болѣе, что вы его далеко не безусловно хвалите. Кажется, легко на это намекнуть, не выговаривая вполнѣ; совершенно выкинуть трудно, потому что вы связываете эту идею съ его характеристикою. Рѣшите, пожалуста, поскорѣе, что дѣлать съ вашими статьями. На новый Сборникъ надѣяться нельзя, да и критика въ Сборникахъ запрещена. Журналъ будетъ или нѣтъ, неизвѣстно. Здѣсь видѣлъ я Чижова. Онъ совершилъ ускоренное путешествіе отъ границы сюда съ провожатыми, потомъ получилъ квартиру на 12 дней съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и столомъ[2]); наконецъ, уѣхалъ въ Малороссію, получивъ почти благодарность отъ Его Величества, который объ-

[1]) Т. е. К. С. Аксакова. *Изд.*

[2]) Ѳ. В. Чижовъ путешествовалъ по Славянскимъ землямъ; возвращаясь, онъ, вслѣдствіе доноса Австрійскаго правительства, былъ арестованъ и при-

явилъ себя его цензоромъ впередъ. Слава Богу! Онъ писалъ, и Государь прочелъ его и, разумѣется, видѣлъ, какъ неосновательны всѣ подозрѣнія. Увы! О многихъ, кажется, этаго сказать нельзя. Малороссіянъ повидимому заразила политическая дурь. Досадно и больно видѣть такую нелѣпость и отсталость. Когда общественный вопросъ только поднятъ и не только не разрѣшенъ, но даже и не близокъ къ разрѣшенію, люди, повидимому умные, хватаются за политику! Это похоже на Одоевскаго съ его пріютами. Не знаю, до какой степени было преступно заблужденіе бѣдныхъ Малороссіянъ *); а знаю, что безтолковость ихъ очень ясна. Время политики миновало. Это Киреевскій напечаталъ тому ужъ два года, а люди все толкуютъ про старыя дрожжи. Право, книги печатаются не для чтенія. Впрочемъ я имѣю полную причину такъ думать: здѣсь пріятели мнѣ доказали это, говоря со мною о моихъ статьяхъ. Всего человѣка три прочли ихъ; да и тѣ почти ничего не поняли.— Петербургъ выросъ въ великолѣпіи, въ громадности размѣровъ, въ художественномъ безвкусіи (здѣсь только и художниковъ, что Витали), въ пустотѣ и пошлости. Сначала на меня напалъ смѣхъ при видѣ всего, потомъ досада, потомъ грусть; но видно первое чувство лучше: въ послѣдніе дни я нашелъ нѣкоторое утѣшеніе. Очевидно, не только прежнія направленія теряютъ силу въ мнѣніи, но иногда слышится отзывъ Москвы, безсознательный, затерянный во всякомъ вздорѣ или даже скрываемый самолюбивыми оговорками, но все-таки слышится. Не должно слабѣть. Наше дѣло—борьба нравственная, а въ такой борьбѣ побѣда покупается не днями, а годами труда и самоотверженія. Если бы христіанство было понято, у насъ не было бы борьбы. Въ Берлинѣ увижу, понимаютъ ли его Шеллингъ и Неандеръ или могутъ ли его понять. Не знаю только, найду ли Шеллинга; не на водахъ ли онъ?

Вы изъ Москвы вѣроятно имѣли извѣстія часто. Киреевскій былъ при смерти, теперь выздоравливаетъ. Аксаковъ драму

везенъ жандармами въ Петербургъ, гдѣ былъ помѣщенъ въ III-мъ отдѣленіи и подвергнутъ допросу. См. рѣчь о немъ въ засѣданіи Славянскаго Общества, помѣщенную въ 1-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1878 года.

*) Извѣстная исторія въ Кіевѣ, за которую пострадали, каждый въ свою мѣру, Шевченко, Кулишъ, Костомаровъ, Аѳанасій Марковичъ и другіе.

свою довелъ до пятаго дѣйствія, и много чуднаго и великолѣпнаго далось ему его глубокою любовію къ народу. Соловьевъ обѣщаетъ славнаго дѣятеля въ Исторіи, какъ вы сами знаете, по его диссертаціямъ, и еще болѣе бы увидѣли изъ его разговоровъ. Все покуда хорошо. Что-то будетъ съ журналомъ? Онъ очень и очень нуженъ. Завтра сажусь на пароходъ. Три мѣсяца проживу на чужбинѣ. Въ Сентябрѣ надѣюсь васъ видѣть въ Ригѣ, если только все совершится по желаніямъ.

11 [1]).

Еще нѣтъ и мѣсяца, любезный Юрій Ѳеодоровичъ, какъ я пріѣхалъ въ Москву, получилъ письмо ваше, а ужъ мы получили одинъ, а можетъ быть и два урока практической мудрости, которые должно намъ имѣть въ виду для всѣхъ своихъ дѣйствій. Вы спрашиваете, не раздѣляю ли я вашего мнѣнія о томъ, что можно и должно намъ дѣйствовать за одно съ N.[2]) или, напротивъ, не думаю ли, какъ другіе, что никогда съ нимъ дѣйствовать не должно. Кажется мнѣ, ни того, ни другаго мнѣнія принимать нельзя. Второе мнѣніе по мнѣ совершенно безразсудно; его даже и опровергать не для чего: такъ невозможно держаться его въ практикѣ кому нибудь, кромѣ чистыхъ Западниковъ. Но и первое, т. е. ваше, можетъ быть принято только съ ограниченіями. Положимъ, что Павловъ и Погодинъ нынче такого-то мнѣнія: вы рады его поддержать, надеждъ вамъ дается много, вы ѣдете туда-сюда справляться, какъ проектъ исполняется; не успѣли вы доѣхать до недалекой Риги, а уже мнѣніе пріятеля измѣнилось вслѣдствіе страха или интриги; обѣщанія берутся назадъ, и вамъ хоть въ воду броситься, если вы на пріятеля надѣялись. Вы были въ Москвѣ; на васъ, какъ слышу, косились немало; съ злостію ловили ваши слова, и пр. и пр. Отъ чего? Отъ того, что вы дѣйствовали хоть и по совѣсти (въ этомъ вамъ отдаютъ справедливость), но также и въ смыслѣ того же многосулящаго пріятеля, который, на этотъ случай, былъ противникомъ Западной стихіи, хотя и не про-

---

[1]) По всей вѣроятности въ половинѣ 1848 года.

[2]) М. П. Погодинымъ. Далѣе онъ же называется „пріятелемъ“. *Изд.*

тивникомъ истинной Европейской мысли. Чтожъ? Выдержанъ ли планъ? Додѣлывается ли дѣло? По всему видимому и слышимому, нѣтъ: смыслъ всѣхъ порученій измѣненъ, и отъ васъ готовы отказаться, оставя на васъ нареканія и гнѣвъ общества. Положимъ, что вамъ до мнѣнія этаго дряннаго общества дѣла нѣтъ; но по крайней мѣрѣ эти уроки практической мудрости, данные въ такой короткой срокъ, показываютъ, какъ мало можно полагаться на вышерѣченнаго пріятеля. И такъ, думать объ дѣйствіи съ нимъ за одно просто невозможно; для этаго надобно бы было, чтобы у него было мнѣніе какое нибудь, а этаго-то и нѣтъ. Но именно потому, что у него мнѣнія нѣтъ, и можно, во-первыхъ, дѣйствовать на него; во-вторыхъ помогать ему въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ согласенъ съ нами. Развѣ онъ не запутанъ, какъ и все общество? Развѣ отчасти не страдалецъ, какъ и всѣ мы? Я вамъ это могу сказать; иной бы разсмѣялся надо мною: я имѣю къ нему состраданіе. Смотрѣть на него, какъ на союзника, нельзя; онъ на это слишкомъ безхарактеренъ, но пользоваться имъ для пользы общей должно, когда онъ случайно стремится къ добру. Часто можетъ случаться, что онъ пройдетъ даже далѣе чѣмъ хотѣлъ, и одинъ шагъ можетъ быть задаткомъ будущихъ. Но въ этомъ во всемъ одно условіе: сохранить свою независимость и не обращаться въ мертвое орудіе въ рукахъ пріятеля. Дѣло возможное. Вы видите, что я раздѣляю ваше мнѣніе и даже вполнѣ, хотя сначала оговорился какъ будто не вполнѣ. Оговорка относилась къ безусловной формѣ, въ которой представленъ былъ вопросъ, а согласіе—къ вашему истинному мнѣнію. Еще одна причина оговорки: маленькая досада, которую вы мнѣ простите. Мнѣ показалось, будто бы въ вашемъ письмѣ есть что-то похожее на обманутыя надежды, и что вы обращаетесь къ пріятелю потому, что немножко сердиты на общество и на его глупость. Это было бы не совсѣмъ справедливо. Пріятель немного чѣмъ толковѣе, если и толковѣе общества, и точно также можетъ обмануть, что онъ и постарался доказать въ недавнее время; а съ другой стороны умственная шкура общества не совсѣмъ такъ непроницаема, какъ вы думаете. Вы спрашиваете: не вижу ли я, что наши статьи намъ же повредили? Я вамъ скажу: и да, и нѣтъ. Но тутъ опять вопросъ становится слож-

нымъ, и объ немъ пришлось бы говорить слишкомъ долго. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ, которое я и Попову писалъ. Мысли и моды очень другъ на друга похожи; въ отношеніи къ обществу онѣ имѣютъ значеніе авторитета. Успѣхъ мысли и моды измѣряется не числительно. Числительный успѣхъ есть часто признакъ упадка: платье перешло отъ двадцати герцогинь къ сотнѣ тысячъ гризетокъ, а герцогини ужъ надѣваютъ новое. Есть умственныя герцогини и, глядя, на нихъ, мы не можемъ сказать, что мы въ упадкѣ, тогда какъ видимый успѣхъ Запада у насъ явно ограничивается горничными. Потомъ Наполеонъ былъ совершенно правъ: повтореніе есть рѣшительно самая сильная изо всѣхъ фигуръ краснорѣчія. Повторите и убѣдите. Любовь глубокая, истинная, терпѣливая (не смотря на порывистыя проявленія) получила свою награду въ Аксаковѣ. Его драма есть награда ему самому; но надобно помнить, что онъ художникъ и что его дѣйствіе истинное можетъ быть только художественнымъ. Это дѣйствіе велико, но недостаточно. Теоретическому сознанію отъ него пойти трудно: у него анализъ слишкомъ въ зависимости отъ внутренняго синтеза, и это очевидно для всѣхъ, и во всѣхъ это возбуждаетъ недовѣріе. Напр. его Православіе, хотя искреннее, имѣетъ характеръ слишкомъ мѣстный, подчиненный народности, слѣдовательно не вполнѣ достойный. Опять же Аксаковъ невозможенъ въ приложеніи практическомъ. Будущее для него должно непремѣнно сей же часъ перейти въ настоящее, а про временныя уступки настоящему онъ и знать ничего не хочетъ; а мы знаемъ, что безъ нихъ обойтись нельзя. Уступки въ началахъ непозволительны, онѣ губятъ самыя начала; но никакое начало съ другой стороны не можетъ проявляться въ совершенной чистотѣ и безпримѣсности. Христіанство само только указало на свой законъ въ Іерусалимѣ въ первые дни Апостольской проповѣди и отступилось отъ своей строгой формы для того, чтобы быть возможнымъ въ свѣтѣ и чтобы мало-по-малу въ теченіе вѣковъ подвинуть свѣтъ. Я говорю о комунистическомъ началѣ церковнаго общества. Можно даже утверждать, что всякое начало, которое способно проявиться въ жизни безъ всякой уступки, просто не стоитъ и проявленія. Поэтому намъ непремѣнно предстоитъ двоякая дѣятельность, на которую

безъ всякой уступки, просто не стоитъ и проявленія. Поэтому намъ непремѣнно предстоитъ двоякая дѣятельность, на которую я смотрю, какъ на положительную обязанность: дѣятельность наукообразнаго изложенія теоріи (съ полемикою), какъ бы общество ни встрѣчало это изложеніе холодно и тупо, и дѣятельность практическаго приложенія, какъ бы оно ни было затруднительно и перехвачено всякими препятствіями. Наша эпоха, можетъ быть, по преимуществу зоветъ и требуетъ къ практическому приложенію. Вопросы подняты, и такъ какъ это вопросы историческіе, то они могутъ быть разрѣшены не иначе какъ путемъ историческимъ, т. е. реальнымъ проявленіемъ въ жизни. Для насъ Русскихъ теперь одинъ вопросъ всѣхъ важнѣе, всѣхъ настойчивѣе. Вы его поняли и поняли вѣрно *). Давно уже ношусь я съ нимъ и старался его истинный смыслъ выразить елико возможно ясно. Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ съ наибольшею ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ одинаково крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такаго же права наслѣдственнаго на пользованіе. Въ болѣе обсолютномъ смыслѣ въ частныхъ случаяхъ право собственности истинной и безусловной не существуетъ: оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (въ великой общинѣ), какая бы ни была его форма. Можно доказать, что это общая мысль всѣхъ государствъ, даже Европейскихъ. Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ. По исторіи старой Руси можно, кажется, доказать, что таково было значеніе даже и княжеской собственности,—по крайней мѣрѣ по-

*) Вопросъ крестьянскій. Въ качествѣ помощника дѣлопроизводителя при комитетѣ по устройству Лифляндскихъ крестьянъ, Самаринъ составилъ историческую записку о „мѣропріятіяхъ“ по этому устройству, и въ заключеніи выразилъ мысль о нераздѣльности крестьянъ съ землею и о возстановленіи права Лифляндскихъ крестьянъ на землю. Однимъ словомъ, здѣсь (еще въ 1846 г.) впервыя логически формулована мысль, проведенная впослѣдствіи во всѣ его сочиненіи и наконецъ въ дѣло,—т. е. мысль объ освобожденіи крестьянъ не иначе какъ съ землею. Вѣроятно онъ сообщилъ эту записку въ свое время Хомякову, и именно ее и разумѣетъ Хомяковъ въ своемъ письмѣ. Записка напечатана во 2-мъ томѣ сочиненій Самарина.

земельной. Наша собственность (пользованіе въ отношеніи къ государству) есть собственность въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ, и слѣд. къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право пользованія наслѣдственнаго; дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ и подчиненностью другому началу—общинѣ. Таково отношеніе юридическое, вышедшее изъ обычая или создавшее обычай, и кто хочетъ этому отношенію нанести ударъ, тотъ хочетъ возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа; а теперь только объ этомъ и хлопочутъ. Не позволительно намъ молчать и, признаюсь, я ожидаю отъ васъ изложенія этаго начала. Нельзя вамъ высказать эту мысль печатно въ ея реальной формѣ; но вы можете это высказать въ теоретическомъ отношеніи, и у васъ есть предлогъ. Отвѣчайте Кавелину, разумѣется не отвѣчая ему, а пользуясь только имъ какъ вызовомъ къ дальнѣйшему развитію и покажите (это необходимо), что юридическая антиномія разрѣшается, какъ антиномія во всякомъ живомъ фактѣ, только самою жизненностію факта и можетъ разрѣшаться въ будущемъ только духовнымъ тождествомъ собственниковъ и владѣльцевъ. Если же собственники не рѣшатся на это, то они, становясь въ прямой враждѣ съ другимъ болѣе строго-историческимъ правомъ, должны напередъ раскланяться съ своимъ правомъ. Вы видите, что я не отвѣчаю на одинъ изъ вашихъ вопросовъ (не успѣлъ); но, позволяя себѣ вамъ дать совѣтъ, отчасти показываю, какъ я попялъ этотъ вопросъ. Покуда прощайте.

P. S. Читали ли вы статью Бѣляева въ Москвитянинѣ о поземельномъ правѣ въ Россіи? Она не полна, но вѣрна.

12.

Марта 1-го (1849 г.).

Правда ли, нѣтъ ли, а говорятъ, что сраженіе проигранное вами въ Ригѣ противъ *, любезный Юрій Ѳеодоровичъ, еще не совсѣмъ невозвратно погубило дѣло, и что теперь есть надежда возобновить войну съ большими надеждами на успѣхъ. Таковъ здѣсь слухъ, не знаю на чемъ основанный, и я ему очень порадовался бы, если бы могъ ему вѣрить. Великое дѣло эта Остзейская борьба: важная сама по себѣ и по началамъ, ко-

Торыя другъ съ другомъ сражаются, она получила еще бо́льшую важность отъ обстоятельствъ, и исходъ ея можетъ отчасти служить образцомъ того, чего намъ приходится ждать во всякомъ другомъ случаѣ, гдѣ встрѣтились бы тѣже обстоятельства и тѣже начала [1]). Очевидно, правительство въ отношеніи къ своимъ матеріальнымъ выгодамъ почти въ дѣлѣ не заинтересовано, и такъ оно не могло и не можетъ пользоваться тою простою опекою разсудочнаго расчета, которою болѣе или менѣе вѣрно или невѣрно управляются его дѣйствія... Покуда являлись на сцену только мѣстные интересы или даже интересы сословные въ противорѣчіи противъ начала обобщающаго (какъ въ началѣ спора), рѣшеніе было не трудно: такими интересами у насъ не дорожатъ. Но въ дѣло вмѣшались другія силы, именно силы общества. Все общество, во всей цѣлости своихъ притязаній на Европеизмъ и на просвѣщеніе, почувствовало или почло себя затронутымъ, отъ Св.[2]) и Жуковскаго до самыхъ недосягаемыхъ кружковъ: оно вступило въ бой, и дѣло приняло другой оборотъ. * явился уже не представителемъ правительства, но чиновникомъ общества, имѣющимъ силу отъ власти, но въ тоже время способнымъ и къ той глухой оппозиціи противъ власти, которая всегда скрывается въ нашемъ полу-европейскомъ бонъ-тонѣ. Дѣло наше, въ противоположность этому общественному направленію, получило значеніе простой правды, направленія духовнаго и народнаго. Олимпу пришлось выбирать между этими двумя направленіями, которыя безсознательно онъ самъ въ себѣ заключаетъ. Сперва перевѣсъ былъ на сторонѣ общества, теперь говорятъ о новомъ переломѣ. Справедливо ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю только то, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ былъ бы для меня очень утѣшительнымъ пророчествомъ: ибо вся наша возможная дѣятель-

---

[1]) Слухъ былъ совершенно ложенъ. Въ первыхъ же числахъ этого мѣсяца Ю. Ѳ. Самаринъ, вслѣдствіе доносовъ со стороны своихъ Остзейскихъ антагонистовъ и Русскихъ ревнителей Остзейскихъ привилегій, о распространеніи имъ въ публикѣ своихъ превосходныхъ Рижскихъ писемъ (въ рукописи), былъ посаженъ въ крѣпость, откуда впрочемъ вскорѣ былъ выпущенъ съ повелѣніемъ ѣхать на службу въ Москву. Но въ Москвѣ на службѣ его не оставили, и послѣдовало новое повелѣніе ѣхать на службу въ Симбирскъ.

[2]) Свербеева? *Изд.*

ность должна быть ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ столкновеніемъ съ обществомъ. Что бы ни вышло изъ этой борьбы, а вы видите теперь, что вамъ въ Сибирь уѣзжать не приходилось. Я очень понимаю то чувство унынія, которое поневолѣ овладѣваетъ человѣкомъ, попытавшимся дѣйствовать и почувствовавшимъ почти невозможность дѣйствія; но нашъ мотто теперь долженъ быть въ Русской пословицѣ: дѣла не дѣлай, да отъ дѣла не бѣгай.

Конецъ прошлаго года и начало нынѣшняго показали намъ, что никогда нельзя угадать, что̀ откуда возмется. Примѣръ великолѣпнѣйшій этой истины находится въ Окружномъ Посланіи [1]) и въ той тревогѣ, которая поднята имъ въ нашемъ духовномъ мірѣ. Кто ждалъ такого явленія? Кто повѣрилъ бы, что инстинктъ церковной истины дойдетъ до такаго яснаго сознанія въ духовенствѣ мало просвѣщенномъ и глубоко-испорченномъ внѣшними обстоятельствами и своею схоластическою наукою? То, что̀ мы говорили между собою и чего никто не смѣлъ и не могъ сказать или напечатать явно, высказывается во всемірное услышаніе: самое анти-іерархическое ученіе (разумѣя іерархію по западному) проповѣдуется высшими іерархами нашей Церкви, и такъ просто, съ такою несомнѣнною увѣренностью, что, кромѣ добровольно слѣпаго, всякій, слышащій слово, долженъ мгновенно увидѣть всю внутреннюю и свободную жизнь Православія. Это очень важно для насъ; надѣюсь, что это будетъ еще важнѣе для Запада, во сколько тамъ еще есть люди ищущіе правды. Я объ этомъ пишу Пальмеру. Истина духовная, разъ допущенная и сознанная, не ограничится и не можетъ ограничиться одною только областью догматики. Вѣра имѣетъ въ себѣ силу необходимо охватывающую всю жизнь; признаніе народа церковнаго хранителемъ истины, чѣмъ-то цѣлымъ и духовно-живущимъ, и погруженіе самой іерархіи

[1]) Окружное Посланіе восточныхъ патріарховъ въ отвѣтъ папѣ Пію IX, изданное въ Русскомъ переводѣ нашимъ Св. Синодомъ отдѣльною книжкою въ 1850 г. черезъ два года по его появленіи въ подлинникѣ. См. выше письмо къ А. И. Кошелеву. Въ немъ говорится между прочимъ, что „у насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть тѣло Церкви, т. е. народъ“.

въ народъ повлекутъ за собою другія послѣдствія не только въ жизни церковной, но и въ жизни общественной и гражданской; наконецъ, самый фактъ Окружнаго Посланія и проявленіе вселенства спокойнаго, самоувѣреннаго и живаго въ минуту всеобщей разрозненности и борьбы, подѣйствуютъ какъ весьма сильный толчокъ въ сферѣ духовной, хотя разумѣется, что мы не должны ждать отъ него мгновенныхъ послѣдствій, какъ отъ журнальной статьи или правительственной мѣры во Франціи. Вообще мы не можемъ ничего ожидать скораго, ибо всегда должны помнить, что борьба наша не къ крови и плоти. Тѣ, которые посвятили себя великому всемірному труду Христіанскаго воспитанія (а внѣ этого труда мы и значенія никакого не имѣемъ), тѣ прежде всего должны быть терпѣливы. Скажите это пожалуйста Ивану Сергѣевичу [1]): онъ это забываетъ; забываетъ въ прекрасныхъ стихахъ, а все-таки забывать не должно.—Не знаю, какъ взяться за хлопоты по извѣстному вамъ исповѣданію [2]). Надобно что нибудь сдѣлать у Филарета, да боюсь испортить.

Помня обѣщаніе, данное вамъ въ деревнѣ, я записалъ кое-что въ программѣ у Александра Николаевича [3]). Чувствую, что этаго мало и слишкомъ мало, и что изъ этого малаго еще менѣе можетъ пойти въ дѣло; но что же дѣлать? Мы не привыкли думать, и отъ того и придумать не умѣемъ. Польза по крайней мѣрѣ та, что все-таки мы можемъ быть небезполезными другъ другу и наводить другъ друга на иную незамѣченную стежку. Что одинъ замыслитъ, то другой домыслитъ. Главное дѣло у насъ: не вводить и не предлагать прямо и практически полезное, но пробуждать, уяснять или вводить нормы, согласныя съ правдою и истиннымъ Христіанствомъ. Вотъ вамъ еще маленькій намекъ. Въ программѣ упомянулъ я объ exprorriation forcée въ отношеніи къ крѣпостнымъ художникамъ [4]).

---

[1]) Аксакову.

[2]) Разумѣется та статья, которая выдавалась прежде за переводъ съ Греческой рукописи. Была мысль испросить у митриполита Филарета разрѣшенія для напечатанія ея, но, кажется, оставлена.

[3]) Попова.

[4]) Помнится, былъ какой-то случай, что правительство хотѣло выкупить у помѣщика замѣчательнаго художника изъ крѣпостныхъ; помѣщикъ заломилъ

Нормою кажется надобно бы поставить слѣдующее: правительство не можетъ давать того, чего само не имѣетъ. Разумѣется, этотъ considérant остается при насъ; но такъ какъ умственныя и нравственныя силы лица не принадлежатъ праву принудительному (правительство можетъ отъ меня требовать, чтобы я былъ солдатомъ, но не полководцемъ), очевидно помѣщикъ можетъ получить отъ правительства только физическую нормальную силу крѣпостнаго человѣка; а представленіе ея передъ закономъ есть въ своемъ maximum рекрутъ. И такъ свыше рекрутской квитанціи (кромѣ случая особыхъ издержекъ со стороны помѣщика) никакого требованія быть не можетъ. Это правило, безъ сомнѣнія, пригодится при многихъ законахъ, а при какихъ, вамъ въ Питерѣ виднѣе.

Еще: пожары нынѣшняго года причинили убытки неимовѣрные. Полиція вездѣ оказалась недостаточною по собственному ея сознанію; временная полиція была введена отъ обывателей и пр. Въ городахъ пристанныхъ, каковы Самара, Елецъ, Козловъ и др., также и въ сильноторговыхъ, должно бы ввести постоянную констабельную полицію отъ жителей, весьма немногочисленную, безплатную, никому неподсудную, съ своими центрами, гдѣ разборъ проступковъ словесный и совѣстный. Наказаніе, т. е. исполненіе наказаній, поручается казенной полиціи, но судъ городовой. Мундировъ нѣтъ, кромѣ гривны на шеѣ; служба очередная понедѣльно, начальники по выбору отъ каждой части города на годъ, а они уже чередуются. Эта мѣра, покуда еще невозможная въ губернскихъ городахъ и почти безполезная въ большей части уѣздныхъ, была бы очень полезною въ уѣздныхъ складочныхъ и торговыхъ, гдѣ великій полицейскій разбой, а полиціи все-таки нѣтъ. Она же могла бы быть и приготовительнымъ опытомъ для введенія городовой полиціи въ большемъ размѣрѣ. Ее бы надобно представить въ видѣ опыта, обѣщающаго экономическія выгоды.

Я опять принялся довольно крѣпко за свою работу, и меня это веселитъ. Пожалуста, пишите Аксакову, чтобы онъ тру-

---

страшную цѣну, и возникъ „юридическій вопросъ“ объ „отчужденіи собственности“ этаго рода и о нормѣ вознагражденія.

дился. Онъ сдѣлалъ кое-какія весьма остроумныя и важныя открытія въ первомъ періодѣ нашей Исторіи, которымъ онъ до сихъ поръ не занимался.

Чтеніе драмы графа Сологуба [1]) было не безъ успѣха; конецъ не годится никуда. Система ложная, но разговоръ живъ во многихъ мѣстахъ и вѣренъ. Скажу съ Аксаковымъ, что талантъ явенъ, но убитъ пустотою Петербургской жизни. Отъ этаго у него раскольники гадкіе и смѣшные пискуны; здѣсь они не таковы, а у Сологуба они списаны съ Петербургскимъ мѣнялъ-скопцовъ.

Слухи о Славянахъ въ Австріи идутъ страшные, будто они проданы Австріею. Правда или нѣтъ, не знаю; но я боюсь, какъ бы ихъ не погубили, хоть не навсегда, да опять на неизвѣстный срокъ.

Эманципаціонные разговоры здѣсь въ сильномъ ходу, и дѣло подвигается впередъ въ общемъ мнѣніи, если можно что нибудь назвать у насъ общимъ мнѣніемъ. Кошелевъ много помогаетъ, какъ человѣкъ признанный практическимъ.

Объ Москвѣ сказать вамъ нечего. Общее неудовольствіе на г. губернатора [2]). Признаютъ въ немъ пашу честнаго и благороднаго, но крайне необразованнаго и окруженнаго самымъ гнуснымъ гаремомъ, такъ что выходитъ гадость на гадости...

Меня Поповъ очень было озадачилъ моими ошибками въ правописаніи; я не признаю въ себѣ даже и возможности такихъ ошибокъ. Вы объяснили ихъ, и вотъ мое оправданіе: *Не*сколько не имѣетъ ничего общаго съ нѣкій, нѣкоторый. Эти два слова имѣютъ корнемъ Санскр.: эка, экатара, а Санск. э у насъ соотвѣтствуетъ почти всегда буквѣ ѣ. Несколько содержитъ въ себѣ чистое отрицаніе. «Много ли было тутъ народа?» Крестьянинъ отвѣчаетъ: «Да несколько, баринъ». Таково же мнѣніе и Шевырева.

---

[1]) „Стрѣлецкій бунтъ“.

[2]) Графа Закревскаго.

13.

6 Авг. (1852 г.).

Какъ благодаренъ я вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, за ваше письмо! Какъ давно прямой вѣсти отъ васъ не имѣлъ и какъ пріятно было ее получить! Но за то, какъ ужъ и не во̀ время попали ваши похвалы моей твердости! Письмо ваше я получилъ при самомъ отъѣздѣ въ Смоленскую деревню. Не знаю, слыхали ли вы, какое чудное мѣсто эти Липицы, какъ они, можно сказать, ненаглядно-хороши? Катя[1]) любила ихъ еще болѣе моего; она говаривала, что не отдала бы ихъ за Ричмондъ, который за границею нравился ей болѣе всего. Много я тамъ сдѣлалъ посадокъ при ней, но еще болѣе въ послѣдніе три года, въ которые ей не удавалось тамъ быть, и всѣ удались, и я думалъ ее обрадовать ими неожиданно, потому, что она обо многихъ не слыхала. И все принялось, и все разрастается! Невѣроятная тоска напала на меня. Я старался не поддаваться, работалъ усердно, упрямо; ничто не помогало. Сердце не хотѣло отъ нея отступиться и передать ее иной высшей жизни. Долго длилась эта борьба, наконецъ миновалась; но никогда я не испытывалъ такъ сильно того, что̀ можно назвать ревнивымъ эгоизмомъ любви: ибо горе было наперекоръ разуму и всѣмъ его убѣжденіямъ. Слава Богу, прошло. А письмо ваше обрадовало меня и по другой причинѣ: оно напомнило мнѣ письмо, которое давно уже получилъ я отъ васъ, совершенно неожиданно, въ минуту, когда вамъ яснѣе стали выказываться ваши внутреннія требованія. Мы его перечитывали вмѣстѣ нѣсколько разъ, и она взяла его къ себѣ на сохраненіе и очень имъ радовалась. Многое въ нынѣшнемъ напомнило мнѣ прежнее письмо. Да, я могу сказать, что я точно поработалъ въ это время: и Семирамиду двинулъ впередъ значительно, и статью написалъ для Сборника, хотя существованіе самаго Сборника подвергается еще немалому сомнѣнію[2]). Прежде меня взялъ

---

[1]) Покойная супруга А. С. Хомякова. *Изд.*

[2]) Въ 1852 г. выданъ Московскій Сборникъ и изготовлялся къ изданію Сборникъ на 1853 г., въ которомъ и должна была быть помѣщена статья Хомякова. Но Сборникъ, представленный въ цензуру въ полномъ составѣ въ ру-

бы смѣхъ, если бы такое сомнѣніе существовало (такъ неразумно всякое подозрѣніе насчетъ этаго изданія), но теперь беретъ досада или, лучше сказать, горе. Когда жизнь потеряла свою чисто-личную прелесть и когда только то, что̀ можетъ быть полезнымъ, осталось доступнымъ: тогда грустно, что нельзя пользы приносить; а какую же пользу можемъ мы принести, если намъ нельзя будетъ другихъ людей наводить на добрый путь, тогда когда все сбиваетъ всѣхъ на ложныя дороги? Объ моей статьѣ и ея содержаніи вы уже вѣроятно слышали. Она отвѣтъ Киреевскому, и отчасти можно назвать ее оправданіемъ современнаго противъ старой Руси, не какъ лучшаго, но какъ законнаго и въ этомъ смыслѣ высшаго вывода изъ дурныхъ началъ, таившихся въ старинѣ. Безусловно хорошею современность себя признать не можетъ; но ясно, что если она въ себѣ не сознаетъ хорошаго и дурнаго, она можетъ также впередъ пойти по дурному, какъ и по хорошему пути, ибо она не можетъ не идти какъ нибудь. Дурное начало, взятое ею изъ старины, или то, что̀ дѣлало хорошее дурнымъ, она должна исключать изъ своей мысли, чтобы хорошее могло приносить плоды. Поэтому статья моя, чисто-историческая и нисколько не касающаяся прямо-современныхъ вопросовъ, могла бы быть полезною особенно въ томъ отношеніи, что она совершенно безстрастна и могла бы успокоить сдавленныя, но непогаснувшія страсти. Грустно, если не пустятъ въ ходъ изданія, которое принесло бы непремѣнно добрые плоды. Теперь пишу другое, для кого? Не знаю, хотя очень знаю, для чего. Это въ родѣ Исповѣданія Вѣры, или лучше сказать введенія въ исповѣданіе. Оно содержитъ отвѣтъ на обвиненія, дѣлаемыя Православію, и указанія на его характеръ, въ противоположности съ

кописи, былъ запрещенъ и удержанъ. По личному объясненію, данному издателю, онъ запрещенъ, „не столько за то, что̀ въ немъ сказано, сколько за то, что умолчено“... Вмѣстѣ съ симъ состоялось повелѣніе: всѣмъ главнымъ участникамъ Сборника, Аксаковымъ, кн. Черкасскому, Хомякову, Киреевскому, не иначе печатать свои статьи, какъ проведя черезъ Главное Управленіе Цензуры въ Петербургѣ (что̀ равнялось запрещенію); кромѣ того всѣ они отданы подъ полицейскій надзоръ. Эти мѣры были отмѣнены въ началѣ 1856 г., при новомъ царствованіи.

характеромъ Запада [1]). Думаю, по общему отзыву слышавшихъ, что въ ней много новаго. Даже Свербеевъ хвалитъ. Скоро ее кончу, и опять за Семирамиду. Вотъ моя словесность. Жизнію своею доволенъ ли я? Нѣтъ; но кажется, что я не совсѣмъ такъ плохъ и слабъ, какъ былъ и боялся снова сдѣлаться; но все еще лѣнивъ, лѣнивъ, и напряженіе тяжело. Другое дѣло у меня хорошо ладится: это уничтоженіе барщины. Даже неожиданно удалось сдѣлать сдѣлку, гдѣ и думать не могъ—въ Смоленской губ. съ двумя деревнями. Тутъ очень ясно оправдалась мысль Кошелева о нравственной пользѣ хозяйства. Сдѣлка вышла возможною вслѣдствіе удачнаго хозяйственнаго оборота, и какъ это меня порадовало и какъ это порадовало бы ее!

P. S. Я и забылъ вамъ сказать, что я пишу проѣздомъ черезъ Москву, отправляясь въ Тулу, а что медлилъ отвѣчать потому, что хотѣлъ писать черезъ васъ къ Княжескому [2]); но для этого жду отвѣта Кошелева, который еще не пишетъ.

Вы въ мірѣ богослововъ. Скажите имъ мою догадку, отчасти сходную, отчасти несходную съ св. Максимомъ Исповѣдникомъ. Я всегда предполагалъ въ первой части «Отче Нашъ» особенный смыслъ, и вотъ мнѣ кажется нѣкоторое объясненіе его. Павелъ говоритъ, что Духъ называетъ Бога отцомъ (Авва-отче); Ириней говоритъ: Духъ кладетъ вѣнецъ на божество, называя Отца отцомъ, и Сына сыномъ. Въ Символѣ, какъ и вездѣ, Сыну приписывается царство. И такъ «да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое» и пр. значитъ: «да будешь прославленъ, какъ начало Духа имянующаго, да будешь прославленъ, какъ Отецъ Сына царствующаго и да будешь прославленъ какъ Самосущее и Самоначальное лицо, источникъ всего». Какъ вы думаете? Мнѣ кажется, это дѣло.

---

[1]) Здѣсь разумѣется Французская статья Хомякова: отвѣтъ г. Лорансе. Она была напечатана за границей, и въ Русскомъ переводѣ вошла во 2-й томъ его сочиненій.

[2]) Болгаринъ Княжескій, бывшій учителемъ въ своей странѣ и едва ли не первый изъ Болгаръ, появившійся въ Московскомъ обществѣ. Онъ пріѣзжалъ, чтобъ познакомиться съ Россіей, завязать сношенія съ обществомъ и найти поддержку для изданія Болгарскихъ книгъ для Болгарскихъ школъ.

14.

Сентября 1-го 1852 г.

Посылаю вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, 200 руб. сер. для бѣднаго Княжескаго. Объ миссіонерахъ Русской мысли грѣхъ сказать, чтобы они обогащались, какъ говорятъ объ Англичанахъ. Въ барышахъ не будешь съ нашею проповѣдью. Бѣдный Княжескій! Сколько лишеній, сколько заботъ, трудовъ и пожертвованій, а какая же награда? Ни сочувствія, ни уваженія. Много много, если кто нибудь взглянетъ на него съ тѣмъ сострадательнымъ почтеніемъ, которое внушаютъ юродивые. Впрочемъ болѣе или менѣе мы всѣ въ этомъ похожи на Княжескаго съ тою только разницею, что мы еще находимся подъ подозрѣніемъ злоумышленности. Признаться должно, что постороннему зрителю, неспособному понять ту неволю, въ которой убѣжденія держатъ душу человѣка, мы всѣ должны представлять характеръ довольно комическій. Иногда эта мысль приходитъ мнѣ въ голову и освѣжаетъ меня смѣхомъ, хоть разумѣется не совсѣмъ веселымъ. Аксаковъ вѣроятно нашелъ бы мало утѣшенія въ ней, но для меня она не совсѣмъ безполезна и способна придать мнѣ терпѣнія и крѣпости. Я вполнѣ понимаю того Австрійскаго солдата-Словака, котораго колотили палками за то, что онъ высунулся изъ фрунта и который хохоталъ подъ палками. Били, били, наконецъ, утомившись, спросили: «чему же ты хохочешь?» — «А какъ же не хохотать? Вѣдь изъ фрунта то высунулся не я, а сосѣдъ мой». Въ дѣтствѣ меня забавляло незаслуженное наказаніе, и я часто не хотѣлъ оправдываться, чтобы не лишаться своего внутренняго смѣха. Сознаюсь однако, что теперь во мнѣ менѣе противъ прежняго способности находить утѣшеніе въ комизмѣ, и часто беретъ досада и нетерпѣніе. За то, можетъ быть, болѣе противъ прежняго чувствуется потребность идти впередъ неослабно, и увѣренность, что убѣжденіе истинное сдѣлается общимъ, и что скажутъ спасибо даже многіе изъ тѣхъ, которые по простому непониманію сгнетаютъ насъ, еще болѣе на зло себѣ, чѣмъ намъ. Князь Львовъ отставленъ отъ цензорства, какъ слышно, не за пропускъ «Записокъ Охотника» Тургенева, но

какъ предполагаютъ—за Сборникъ [1]). Жаль, что мы лишаемся хорошаго и разумнаго, и благонамѣреннаго цензора, но онъ конечно не пропадетъ. Думаю, что дѣло обошлось не безъ N.[2]), хотя Коссовичъ и распинается за него; вѣдь наивность Санскритолога извѣстна, и онъ не можетъ видѣть ничего дурнаго въ главнокомандующемъ пяти сотъ тысячъ книгъ, особенно же въ человѣкѣ, который купилъ для храненія въ Москвѣ все древлехранилище Погодина; впрочемъ, за это и всякій скажетъ спасибо.

Когда-то мы съ вами увидимся? Богъ вѣсть. А очень хотѣлось бы прочесть вамъ и статью, которую я далъ для Сборника, и которой вѣроятно никто изъ современниковъ не увидитъ въ печати, и Французскую статью, которая, какъ я вамъ сказалъ, служитъ какъ будто введеніемъ въ «Исповѣданіе Вѣры». Я думаю, она могла бы быть очень полезною; она чисто-полемическая противъ Западныхъ исповѣданій, особенно же противъ Католицизма. Если бы была какая нибудь возможность ее напечатать, я бы очень радовался; но разумѣется не могу имѣть на этотъ счетъ никакой надежды, а между тѣмъ Пальмеръ, возвратясь изъ Греціи, огорченный и раздосадованный, попалъ въ настоящую осаду. Римляне очень ловко повели нападеніе и просятъ только одного: «Съѣзди въ Римъ! Ты былъ въ Петербургѣ, Аѳинахъ и Царьградѣ; справедливость требуетъ, чтобы ты побывалъ въ Римѣ». А ужъ только попадись онъ, такъ конечно онъ живымъ не выѣдетъ, развѣ Католикомъ [3]). Я къ нему пишу, но не могу надѣяться на успѣхъ, тогда когда всѣ тѣ, которые обязаны бы были содѣйствовать доброму дѣлу, ревностно стараются объ его неудачѣ.

15.

11-го Декабря (1853 г.).

На сей разъ пишу вамъ только нѣсколько строкъ. Пріѣхавъ на дняхъ изъ Ивановскаго, узналъ я про ваше горе [4]) и не могу вамъ не сказать, что я глубоко и отъ всей души ему со-

---

[1]) Т. е. за Московскій Сборникъ.

[2]) Барона М. А. Корфа. *Изд.*

[3]) Такъ и вышло.

[4]) Кончина Ѳ. В. Самарина, отца Юрія Ѳедоровича (род. 10 Авг. 1774, ум. 26 Нояб. 1853).

чувствую. Болѣе сказать нечего; но я былъ бы непокоенъ въ душѣ, если бы этаго вамъ не сказалъ. Много новыхъ заботъ и вѣроятно много новыхъ и, можетъ быть, не совсѣмъ легкихъ обязанностей должно вамъ будетъ принять теперь на себя; но вы имѣете силу со всѣмъ справиться, а мы всѣ рождены дѣйствовать по силамъ въ томъ кругѣ, въ который насъ Богъ послалъ. Всякій стоитъ на высшей службѣ, и Богъ вамъ поможетъ во всякомъ добрѣ. Будьте здоровы и крѣпки.

Отъ Пальмера получилъ на дняхъ письмо; брошюра печатается въ Парижѣ, по величайшему его содѣйствію и хлопотамъ, въ отвѣтъ на Laurentie.

16 *).

Съ Богомъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на новый нежданный путь! Новое время возвращаетъ насъ къ древности, когда служба государственная не дѣлилась еще на гражданскую и военную. Да будетъ воинъ вооруженнымъ гражданиномъ! Съ Богомъ! Мнѣ письмо ваше было только отчасти неожиданнымъ (помните, что вы почти ожидали этого выбора), но впечатлѣніе было очень странно. Грустно мнѣ было, да и не совсѣмъ грустно. Вашей жизни слѣдовало какъ-то пройти черезъ какое нибудь потрясеніе, чтобы выйти еще свѣжѣе и крѣпче. Отъ того-то на васъ въ послѣднее время и набѣгалъ не совсѣмъ законный сплинъ. Ваше письмо въ отношеніи ко мнѣ слишкомъ дружески-пристрастно. Мнѣ самому какъ-то сдается, что я свое дѣло въ общественной жизни почти отдѣлалъ, и поэтому мнѣ особенно хочется видѣть васъ всѣхъ крѣпкими и добрыми. По моему мнѣнію Богъ помогъ намъ, посредствомъ самыхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, пробить ту вѣковую стѣну, за которую забили въ Россіи все земское начало; но въ пробитую брешь пройдете отчасти вы, а вполнѣ послѣдующіе за вами. Мои сверстники, также какъ и я самъ, дойдемъ только до гребня, если дойдемъ. Вотъ какъ говоритъ разсудокъ, а все-таки я признаюсь, что самое пристрастіе вашей дружбы ко мнѣ меня тронуло и обрадовало. Что еще сказать вамъ о вашемъ новомъ

*) Лѣтомъ 1855 года Ю. Ѳ. Самаринъ поступилъ, по избранію, въ Симбирское ополченіе офицеромъ.

поприщѣ? Отъ души желаю, чтобы ни вамъ, ни И. С. Аксакову [1]) не быть подъ пулями; но мнѣ весело и очень весело, что вы такъ охотно идете на это дѣло. Берегите здоровье, сближайтесь съ кѣмъ только можно. Простите мнѣ, если теперь напомню вамъ давнишній упрекъ. Вы слишкомъ легко пренебрегаете людьми, конечно не людьми, какими ихъ Богъ дѣлаетъ, а людьми такими, какими ихъ дѣлаетъ общественная глупость. Не пренебрегайте и тѣми. Сѣйте гдѣ можно и сколько можно; гдѣ взойдетъ, того никто не возмется сказать. Время дѣла земскаго. Война внѣшняя должна породить миръ внутренній. Вѣрьте мнѣ, я вамъ идущимъ завидую. Ополченіе не армія, и если есть что нибудь мнѣ въ ополченіи ненравящееся—такъ это ополченіе дворцовыхъ стрѣлковъ. Всѣ ими радуются, и дѣйствительно прелесть на видъ; но это не то, что нужно, это—jeunesse dorée, какое-то исключительное и аристократическое явленіе. Всѣ пляшутъ и поютъ порусски, но слишкомъ много пляски и пѣсни: тутъ нѣтъ думы народной, какъ будто Карловы кавалеры. Но и то правда, все это такъ молодо, что пожалуй иначе и быть не можетъ. За всѣмъ тѣмъ отсутствіе серьезности въ нихъ едва ли не происходитъ отъ отсутствія мѣстной стихіи. Сбродное, можетъ быть, всегда немного ненравственно. Кто у васъ начальникомъ? Благонадеженъ ли? Кто дружинный? Можно ли будетъ добиться бороды? Всѣ эти мелочи важны.

Ваше порученіе на счетъ ружей [2]) хотѣлъ я исполнить тотъ часъ, но не скоро добьешься толка. Нынче опять посылалъ, еще отвѣта не имѣю, а завтра самъ вторично ѣду въ Тулу и постараюсь переговорить съ начальникомъ завода Самсоновымъ. Его очень хвалятъ; но я предупреждаю васъ, что надежды мало. Заказовъ бездна. Если назначутъ слишкомъ дальній срокъ, то я не рѣшусь заказывать. На всякій случай отвѣчайте мнѣ по теперешнему письму, чтобы времени не терять для заказа; а мое ружье все еще не готово [3]), хотя Гольтяковъ и увѣ-

[1]) И. С. Аксаковъ также поступилъ въ Серпуховскую дружину Московскаго ополченія.

[2]) Самаринъ просилъ Хомякова заказать нѣсколько десятковъ штуцеровъ для своей роты.

[3]) Хомяковъ пишетъ объ изобрѣтенномъ имъ ружьѣ. *Изд.*

ряетъ, что онъ пробовалъ его на 1200 шаговъ въ полподъемѣ прицѣла, да ему вѣрить нельзя. O for an hour of Dundee! говоритъ старый горецъ въ арміи Маг'а. О хоть на двѣ недѣли Суворова въ Крыму! Pelissier просится, чтобы его побили, а мы вездѣ зѣваемъ, страшимся и теряемъ пушки. Боюсь, какъ бы не дозѣвались до сильнаго пораженія, и этотъ страхъ и все волненіе этой борьбы мѣшаетъ всякому разумному труду. Легче, сто разъ легче быть на мѣстѣ. Жаль и болѣе чѣмъ жаль, что мнѣ не удалось васъ видѣть. Письмо ваше меня не застало, и все такп я бы успѣлъ къ вамъ прокатиться; но здѣшніе, разсудивъ, что мнѣ нужно доставить письмо поскорѣе, послали ко мнѣ нарочнаго. Нарочный со мною разъѣхался, и письмо ваше обратно изъ Донкова пришло только подъ Покровъ; а хотѣлось бы сказать вамъ тысячу вещей, о которыхъ писать нельзя.—Прощайте покуда. Будьте здоровы. Да сохранитъ васъ Богъ! Матушка вамъ поручила сказать, что она за васъ молится.

Князь Львовъ снова назначенъ цензоромъ.

17.

Окт. 17-го 1855 г.

Хлопоталъ я объ вашемъ порученіи немало, любезный Юрій Ѳедоровичъ, и совсѣмъ было потерялъ надежду исполнить его; вдругъ вчера получилъ при семъ прилагаемое письмо отъ начальника завода, и, уже не ожидая вашего отвѣта, чтобы только не терять времени и добраго случая, я рѣшился объявить свое согласіе, потому что вся разница въ цѣнѣ 9 р. сер.; а вещи вѣроятно гораздо лучше исполнены, чѣмъ обыкновенные штуцера. Я увѣренъ, что вы мое рѣшеніе одобрите. Въ отвѣтъ Самсонову я только поставилъ слѣдующее условіе: или мою браковку, или отвѣтственность завода за вѣрность и бой на 900 шаговъ по меньшей мѣрѣ. Объ доставкѣ къ вамъ я еще съ Самсоновымъ переговорю, а вы увѣдомьте меня, куда доставить.

Имѣете ли вы извѣстіе, куда именно васъ назначаютъ? Да напишите мнѣ подробнѣе о составѣ дружины, т. е. офицерахъ и начальникахъ: все это мнѣ крайне хочется знать, чтобы

сколько нибудь обрисовать себѣ вашу будущую жизнь. И. С. Аксаковъ уже теперь близокъ къ непріятелю, и не диво, если на дняхъ будетъ участвовать въ дѣлахъ. Странная высадка около Кинбурна. Зимовать тутъ, кажется, нельзя, потому что лиманъ замерзаетъ; подняться по Бугу или Днѣпру и напасть на Николаевъ, кажется, вовсе невозможно. Какая же цѣль высадки? Мнѣ кажется, что у Англо-Французовъ намѣреніе отъ Кинбурна двинуться къ Перекопу съ Сѣвера, одновременно съ такимъ же движеніемъ съ Юга изъ Евпаторіи. Дай-то Богъ! Хоть мало-мальски будь смысла у нашихъ, и тогда ихъ можно будетъ уничтожить. Вѣдь до сихъ поръ въ глупостяхъ очередовались, а по моему соображенію очередь за ними, и Pelissier по своему характеру, если ужъ сдѣлаетъ глупость, сдѣлаетъ ее въ крупныхъ размѣрахъ. Слухи о смѣнѣ Горчакова и о назначеніи его военнымъ министромъ идутъ довольно сильно.—Вы, знаете, что я неожиданно попалъ въ переписку съ А. О. Смирновой по поводу статьи о Польшѣ *); знаете также, что я корреспондентъ неусердный; но думаю, что совершенно разрывать не должно, особенно, если мнѣ придется ѣхать въ Питеръ. Многое обѣщаетъ сильныя перемѣны. Я не говорю о томъ, о чемъ теперь всѣ говорятъ, о смѣнѣ Клейнмихеля. Но для меня важнѣе мелкія примѣты. Замѣтили ли вы въ Моск. Вѣд. въ статьѣ о Грановскомъ похвалу ему какъ общественному Русскому человѣку? Похвала эта была совсѣмъ не справедлива въ отношеніи къ нему; но очень важно то, что это смѣли сказать и напечать. Царство Николая кончилось. Бѣдный Грановскій! Вы вѣрно о немъ пожалѣли. Мнѣ очень жаль его, хоть и знаю, что онъ себя пережилъ и что въ нихъ, даже въ лучшихъ, нѣтъ ничего такого, чтобы отвѣтить требованіямъ Россіи, особенно современной. Но жаль въ немъ прекраснаго таланта, благороднаго сердца, и любви къ просвѣщенію и способности согрѣвать другихъ. Жаль добраго врага. Его въ вѣдомостяхъ помянули хорошо, и это весело видѣть; но забавно видѣть и ту хитрость, съ которою они своей партіи даютъ общественное значеніе, такъ сказать,

*) Эта статья была доставлена А. О. Смирновой для передачи въ высшія сферы. Она не напечатана.

исключительное. Конечно въ общественномъ значеніи Погодинъ Грановскому не чета.

Досадно и очень досадно, что годъ такъ для меня скверенъ въ хозяйствѣ. Приходится еще посидѣть въ деревнѣ, а хотѣлось бы въ Москву и похлопотать кое о чемъ въ дѣлѣ общемъ. Кошелевъ сильно возится съ журналомъ *). Нынче я отъ него объ журналѣ получилъ письмо. Что-то изъ всего движенія выйдетъ, а двигаться надобно.

18.

У насъ съ вами, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на счетъ штуцеровъ вышла, можетъ быть, катавасія, хотя можетъ и то быть (я даже это думаю), вы будете результатомъ довольны. Вы помните, что вы мнѣ писали: «не хлопочите уже о штуцерахъ; можно ихъ имѣть сколько угодно по 14 руб. сер. (что между прочимъ едва ли справедливо; за эту цѣну можно только имѣть продороженныя ружья, которыя похуже) и пр.» Я, уже закупивъ 30 штуцеровъ, стукнулъ себя по лбу, вскрикнулъ ай! и бросился къ начальнику завода. Вотъ дескать такъ и такъ: «Отъ заказа не отказываемся; но если можете, безъ потери для завода, сбыть ихъ кому другому, мы рады». А между тѣмъ я все таки ихъ буду пробовать. Пробовалъ не разъ; здѣсь пробнаго станка нѣтъ (какова еще дикость!), а пробуютъ съ руки. Я повыучился стрѣлять и пріобрѣлъ нѣкоторую славу; но штуцерами я далеко не былъ доволенъ и тѣмъ болѣе желалъ оные сбыть. Думаю, и вы также. За всѣмъ тѣмъ я уже отказаться не могъ, тѣмъ болѣе, что уже работали надъ пятью новыми. Вдругъ письмо отъ Шишкова (знакомый Аксакову): уступите вами заказанные штуцера! Я радъ-радехонекъ и сейчасъ далъ знать заводскому правленію. Въ тотъ же день получаю я отъ васъ письмо, что вы деньги высылаете на 25 штуцеровъ, а вскорѣ и извѣщеніе изъ Серпухова (куда по ошибкѣ онѣ адресованы), что деньги получены на мое имя. Я не ви-

*) А. И. Кошелевъ хлопоталъ тогда о дозволеніи издавать Русскую Бесѣду, которую и началъ издавать съ 1856 г. Новое царствованіе, какъ весна, обновило тогда всю Русскую жизнь, и все зацвѣло надеждами.

далъ тутъ никакой причины отказаться отъ своего согласія на передачу Шишкову: 1-е, потому, что вамъ они, кажется, не очень-то нужны (и я васъ считаю въ этомъ совершенно правымъ); 2-е, потому, что ихъ больше, чѣмъ требуется; 3-е, потому, что я ими далеко не доволенъ. Деньги же отдамъ въ Москвѣ вашей конторѣ, такъ какъ я туда на дняхъ буду. Надѣюсь, что вы этимъ будете довольны, хотя все таки тутъ нѣкоторая произошла катавасія. Впрочемъ ничьего имени кромѣ своего я не вмѣшивалъ. Объ своемъ же штуцерѣ скажу вамъ просто чудеса. Всѣ расчеты мои оправдались. Во первыхъ, Гольтяковъ далъ ему такую вѣрность, что на 400 шаговъ онъ у меня два раза сряду безъ промаха попалъ въ сухую ивку или лозинку въ $4^1/_2$ вершка толщины; во вторыхъ, на версту пробиваетъ четырехъ-вершковой щитъ на вылетъ, и пуля еще уходитъ въ неизвѣстныя страны. Мятели помѣшали до сихъ поръ его испытать далѣе версты, но по всѣмъ вѣроятностямъ изъ него можно будетъ стрѣлять по астрономическимъ выкладкамъ изъ Перекопа въ любую сторону Крыма, гдѣ бы ни былъ непріятельскій лагерь. Каково будетъ положеніе Пелисье? Впрочемъ честь и слава Гольтякову: не смотря на медленность работы, онъ очевидно ею дорожилъ. Разумѣется штуцеръ въ 23 фунта вѣсу не для стрѣльбы съ руки, а съ хорошихъ подсошекъ съ подушкою, чтобы удержать отдачу, впрочемъ не изъ рукъ вонъ сильную. Вотъ мой успѣхъ по военному дѣлу. Будетъ ли успѣхъ въ Питерѣ по военному вѣдомству? А по вѣдомству министерства просвѣщенія успѣха нѣтъ, какъ вы уже вѣроятно знаете и какъ я отчасти ожидалъ. Намъ еще не отказали [1]), но и не разрѣшили, и очевидно желаніе есть отказать, между тѣмъ какъ Каткову разрѣшено. Предлогъ, по которому Кошелевскій журналъ признается неблагонадежнымъ, тотъ, что Кошелевъ связался съ людьми опальными, между тѣмъ изъ этихъ опальныхъ двое Аксаковыхъ допущены въ объявленіи отъ Каткова [2]). По этому собственно боятся только духа журнала, который будетъ нами опредѣленъ, а статьи наши могутъ

---

[1]) Въ изданіи Русской Бесѣды.

[2]) Въ объявленіи объ изданіи Русскаго Вѣстника въ числѣ сотрудниковъ названы „Аксаковы“.

быть допущены въ изданіяхъ осреднесоливающихъ нашу кислоту. Но чего же просить отъ Н. и Д?[1]) Что-то скажетъ Питеръ? Не скрываю, что у меня надеждъ мало. Гильфердингъ прислалъ мнѣ два экземпляра моей второй брошюры [2]). Противъ Французскаго изданія опечатокъ многонько, но изданіе хорошо. Не скрою, что мнѣ особенно было весело прочесть примѣчаніе о рабствѣ. За границею ея не читаютъ, хотя она во всѣхъ мѣстахъ. Вопросъ Восточный надоѣлъ, а по заглавію думаютъ, что она о вопросѣ Восточномъ. Я думаю, что если бы знали, что она чисто-богословская, читали бы и того меньше. Гильфердингъ совѣтуетъ перевести и напечатать для Славянъ. Жаль денегъ, а едва ли это не обязанность хоть испытать. Какъ вы думаете?

19 [3]).

Ждали мы васъ, ждали, любезный Юрій Ѳедоровичъ, а теперь вамъ и ѣхать сюда нельзя. А какъ вы были бы здѣсь нужны[4])! Вы меня знаете; знаете, что я не совсѣмъ дифирамбическаго расположенія, какъ нашъ общій другъ, и нелегко поддаюся увлеченіямъ; но все же долженъ признаться, что время довольно живое. Одинъ обращикъ даже и то, что объ моей поѣздкѣ въ Питеръ напечатана въ le Nord шутовская статья. Очевидно, наша общественная жизнь получаетъ какое-то новое значеніе. На долго ли? Къ добру ли? Это вопросы, которыхъ рѣшеніе предоставлено времени; но слава Богу, что хоть до вопросовъ дожили. Кошелевъ утопаетъ въ радости, не успѣваетъ все перехлопотать; Аксаковъ нѣсколько подгулялъ и съ Сакенскаго обѣда [5]) не совсѣмъ протрезвляется, а Погодинъ

---

[1]) Норова и Дуббельта.

[2]) Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ, молодой пріятель Хомякова, только въ 1852 окончившій курсъ въ М. Университетѣ. Вторая Французская богословская статья Хомякова напечатана была не въ Парижѣ, какъ первая, а въ Лейпцигѣ въ 1855 г., но также какъ первая была не дозволена ко ввозу въ Россію.

[3]) Писано, вѣроятно, въ Апрѣлѣ 1856 года.

[4]) „Дочитавъ письмо, увидите, что не нужны". Приписка подъ страницей самого Хомякова.

[5]) Обѣдъ, данный въ Москвѣ начальнику Севастопольскаго гарнизона графу Остенъ-Сакену, на которомъ К. С. Аксаковъ провозгласилъ тостъ „за обще-

просто пьянъ и наслаждается своимъ пьянствомъ. Разумѣется, во всемъ этомъ много излишества, и скажу болѣе, много опасности для самой чистоты и трезвенности мысли, но все-таки небезрадостно видѣть это оживленіе; тѣмъ болѣе, что во многихъ оно пробудило охоту къ занятію серьозному и дѣльному. Чудная вещь, вообразите: еще Бесѣда не выходила, а ужъ бесѣды въ Москвѣ сдѣлались попрежнему крикливы съ одной программы. Что же будетъ, когда она выйдетъ въ силѣ? Западъ сначала очень къ ней казался благосклоннымъ; но была ли это только маска или недолговѣчная добродѣтель, а ужъ теперь перемѣнилось. Впрочемъ, К.[1]) и другіе порядочные изъ нихъ говорили мнѣ въ Питерѣ: «мы съ вами несогласны и не будемъ согласны, а это признаемъ: отъ васъ только можетъ услышаться первое серьозное слово, намъ оно рѣшительно не дается». Вслѣдствіе этого ли убѣжденія или отъ чего другого, Современникъ (котораго первые нумера истинно славные) зоветъ къ себѣ въ критики рѣшительнаго Славянофила, Григорьева[2]). Впрочемъ еще есть другое объясненіе: не выдумали ли Петербургскіе политики, что такъ какъ ужъ нельзя избавиться отъ славянофильства, такъ нельзя ли сдѣлать свое, ручное, въ противоположность нашему, дикому? Slavenophilismus ad usum freilinarum. Замѣнить натуральную оспу коровьею. Какъ вы думаете? Господи, сколько бы хотѣлось вамъ разсказать, и эффектъ произведенный дерзостью моего зипуна въ Петербургскихъ салонахъ, и пугливую дружбу Норова... Впрочемъ это все комеражи; а гораздо серьознѣе, какія статьи намъ даютъ въ Бесѣду и что за сокровище мой филологическій комаръ[3]), обратившійся въ пчелку златую и принесшій изъ путешествія своего истинныя сокровища, напр. письмо современника о великомъ

ственное мнѣніе", принятый съ шумнымъ, единодушнымъ восторгомъ. Это считалось тогда истиннымъ завоеваніемъ, чѣмъ-то необычайнымъ, и чтобъ провозгласить подобный тостъ, потребна была отвага Кистантина Сергѣевича! Письмо Хомякова живо характеризуетъ эту эпоху обновленія и возрожденія послѣ тридцатилѣтняго удушья.

[1]) К. Д. Кавелинъ.

[2]) Аполлона Александровича.

[3]) Подъ „комаромъ" Хомяковъ разумѣетъ здѣсь А. Ѳ. Гильфердинга, имѣвшаго очень тонкій голосъ. Онъ проѣзжалъ лѣтомъ по Славянскимъ землямъ.

князѣ св. Владимирѣ и Печенѣгахъ!!! Другое, его собственное письмо о Лужичахъ, просто чудо. А сказать ли вамъ всю правду, хоть нелестную? Были бы вы и И. С. Аксаковъ здѣсь, я былъ бы очень, очень радъ; а что васъ обоихъ здѣсь нѣтъ, я едва ли не болѣе еще радъ. Во первыхъ, за васъ: поохотьтесь на Волжскомъ разливѣ, вѣдь это чудо, дохните тихимъ воздухомъ степей, право будетъ вамъ веселое воспоминаніе; а потомъ, за васъ обоихъ и за насъ. Вамъ скучненько, и это хорошо. Здѣсь ходитъ маленькій хмель, отъ котораго трудно отбиться (самъ я боюсь, вполнѣ ли я свободенъ, и даже нѣтъ ли слѣдовъ его въ моемъ письмѣ; о другихъ и говорить нечего). Вы, И. С. Акс. и И. В. Киреевскій въ деревнѣ. Я думаю, вы насъ отрезвите, когда подъѣдете. Средства не затемнили бы намъ цѣли, той тихой, строгой, исторической, можно сказать, святой цѣли, которая была намъ ясна въ тишинѣ посланнаго намъ испытанія, не огневаго, сгнетающаго,—ледянаго. Я отчасти предвидѣлъ теперешнее искушеніе и осенью писалъ объ немъ къ К. С. Аксакову съ текстомъ: «нѣсть наша брань къ плоти и крови и пр.». Онъ, разумѣется, соглашался и теперь соглашается, но на дѣлѣ удержу ужъ нѣтъ. Эпиграфы наши хороши. Одинъ вамъ извѣстный, предложенный Аксаковымъ: «только кореньемъ дерево крѣпко и пр:» [1]) а другой отъ Филиппова [2]): «Господь дастъ благость, и земля дастъ плодъ свой». Страшно подумать, что̀ надобно поворотить и откуда! Какой пропѣть канонъ покаянія, какое нужно упорство воли, строгость занятій, жаръ любви, и какъ мы всѣ привыкли жить, какъ живется. Счастливы тѣ, которые этаго не видятъ или, видя, не падутъ духомъ. Будьте здоровы и не скучайте, а любуйтесь на Божій міръ, да пишите что нибудь передъ нимъ и передъ собою [3]). Не шутя, я жду отъ васъ отрезвленія для насъ.

Въ Пит. уже слишкомъ 400 проектовъ эманципаціонныхъ и просятъ болѣе и болѣе. Тутъ много утѣшительнаго, хотя ужъ

---

[1]) „Только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?“ Изъ окружнаго посланіи патріарха Гермогена. Одинъ только этотъ эпиграфъ и былъ принятъ редакціей Русской Бесѣды и стоялъ на всѣхъ ея 20 томахъ.

[2]) Тертія Ивановича.

[3]) Вѣроятно, это значитъ: вдали отъ внѣшнихъ суетныхъ вліяній. *Изд.*

по числу сочувствующихъ, хотя бы въ самыхъ проектахъ и мало было толку.

20.

Письмо ваше, любезный Юрій Ѳедоровичъ, уже не застало вашей статьи. Она вмѣстѣ съ моею отправлена была къ Бартеневу[1]), впрочемъ съ оговоркою, что вы, можетъ быть, пришлете другой экземпляръ съ измѣненіями. (Вѣдь вы мнѣ такъ въ Москвѣ говорили). Впрочемъ она такъ хороша, что, кажется, и мѣнять нечего. За свою статью боюсь гнѣва Кошелева: скажетъ, слишкомъ зла. Я всячески старался быть вѣжливымъ, но какъ-то самому сдается, что за вѣжливость мою спасиба не скажутъ.—Шеншинъ [2]), который былъ у меня 28 числа, вашимъ письмомъ нѣсколько оскорбился. Будто бы онъ въ пессимизмѣ недорослъ! Увѣряетъ, что не хуже вашего можетъ все видѣть въ самомъ мрачномъ видѣ; а по правдѣ онъ довольно бодръ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ черезчуръ крѣпко засыпаетъ подъ чтеніе пріятельскихъ статей, что я испыталъ, когда читалъ его женѣ отрывки изъ брошюры, еще не конченной по милости Соловьева, но уже близкой къ концу. Въ ней очень много новаго, и я надѣюсь, что Нѣмцы, читая ее, не разъ приставятъ указательный палецъ къ концу носа или ко лбу въ самомъ глубокомъ раздумьи.

Дмитрій [3]), къ крайнему удивленію всѣхъ рясоносцевъ, поступилъ на мѣсто Иннокентія. Необычайное повышеніе. Ему же поручится Болгарское дѣло[4]). Я объ немъ уже говорилъ[5]) и нашелъ большое сочувствіе. Намъ, можетъ быть, можно будетъ

---

[1]) П. И. Бартеневъ завѣдывалъ Р. Бесѣдою въ лѣтніе мѣсяцы 1857 г. *Изд.*

[2]) Николай Васильевичъ, бывшій во время войны адъютантъ военнаго министра и въ этомъ званіи исполнившій опасное порученіе: переодѣтый рыбакомъ, пробрался онъ на лодкѣ въ Бомарзундъ, уже окруженный непріятелемъ, чтобъ передать повелѣнія Государя. Въ памати всѣхъ его друзей сохранился свѣтлый, симпатичный образъ этого чистаго, благороднаго человѣка. Онъ скончался въ 1858 г., когда только что начались работы въ Петерб. Губернскомъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, въ которомъ онъ принялъ самое горячее участіе. Его біографія въ Р. Архивѣ 1864.

[3]) Тульскій епископъ.

[4]) Т. е. церковное дѣло Болгаръ съ Греками.

[5]) Графу А. П. Толстому, об.-прокурору Св. Синода. *Изд.*

сильнѣе за это дѣло приняться, чѣмъ прежде. Дмитрій не эгоистъ, какъ его предшественникъ. Любопытна одна подробность смерти Иннокентія. Онъ выѣзжалъ, хотя чувствовалъ себя не хорошо и принималъ гостей. Сидѣлъ у него Строгановъ вечеромъ, и разговоръ шелъ обыкновенный. Вдругъ ударили въ колоколъ ко всенощной въ его крестовой церкви. Онъ обратился къ Строганову: «Слышите? Ударили къ панихидѣ»·— «Что вы, ваше преосв., это ко всенощной».—«Нѣтъ, это къ панихидѣ: звукъ очень пріятенъ». Это былъ какъ будто минутный бредъ. Затѣмъ онъ съ гостьми простился, прилегъ спать и кончилъ.

Аксаковъ проклинаетъ Молву: хотя подписка идетъ хорошо, но вражда кипитъ, журналы ругаются, и это его разстроиваетъ. Я отчасти этому радъ. Его premier Moscou объ общественномъ мнѣніи очень недуренъ или, лучше сказать, просто хорошъ, и очень смѣлъ. Пошлите хоть что нибудь въ Молву. Я туда маленькіе вклады посылаю.

Отъ стараго Гильфердинга получилъ письмо. Сынъ его славную выкинулъ штуку въ Сараевѣ: взялъ всякія рекомендательныя письма отъ филологовъ къ своимъ со-консуламъ и теперь, подъ предлогомъ лингвистики, получаетъ отъ нихъ всякое содѣйствіе. Вотъ каковы мы, филологи! А что я открылъ? Какое сокровище! Я сообщаю Аксакову: процессъ составленія Греческаго medium и Латинскаго депонента. Каково!

21.

Октября 3-го (1858 г.).

Sumas
Historiae Senatus Anglici temporibus Tudor quolibet autore librum
Misce fiat cum
Historiae Germaniae seculo XVII-mo.
Recipe paginam pro dosi *).

Вотъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, лѣкарство для васъ, за которое ручаюсь. Мы живемъ и дѣйствуемъ въ современной

*) Возьми книгу какого-нибудь автора исторіи Англійскаго Сената временъ Тюдоровъ, вели смѣшать съ исторіею Германіи XVII вѣка, принимай каждый разъ по страницѣ.

исторіи и, забывая исторію, требуемъ не-историческихъ явленій. Я глубоко понимаю и чувствую ваше чувство; думаю, что оно то самое, которое выражено мною въ пьесѣ[1]), можетъ быть, самой личной изо всѣхъ мною писанныхъ (словъ не помню, но прошу Бога послать пророка и дать людямъ уши для слушанія его). Дурно бы было, когда у насъ не было бы этаго чувства; нехорошо, когда этому чувству мы позволяемъ преобладать. Медленнаго явленія жизни міровой не довольно для насъ. Давай, Господи, чуда! Изъ темнаго гноища Цареградской патріархіи вышло слово вдохновеннаго Христіанства[2]); изъ цвѣтнаго гноища Петербургской ямы вышло слово, вызывающее милліоны на свободу и на жизнь умственную: это чудеса. Мало! Давай, Господи, чудесъ по нашему рисунку, и людей для пониманія этихъ чудесъ, и для воспріятія ихъ въ свои сердца! Вѣковая апатія, со дня на день усиливавшаяся, должна исчезнуть въ одинъ мигъ?! Привычки, устарѣвшія или, лучше сказать, уматорѣвшія и въ тоже время еще питаемыя всѣмъ современнымъ строемъ, должны быть брошены разомъ?! На всѣхъ язвахъ должно вдругъ нарости румяное тѣло?! Возможно ли? Правда, пророкъ говоритъ: «ты очистишь меня, и проказа моя ссыплется съ членовъ моихъ какъ мука, и плоть моя выйдетъ изъ-подъ нея румяна, какъ плоть новорожденнаго младенца» (что-то въ этомъ смыслѣ; подлинныхъ словъ не помню), но такое личное обновленіе не принадлежитъ обществамъ. Простите меня, что я такъ рѣзко вамъ отвѣчаю; но вы сами пишете о себѣ, какъ о больномъ, а болѣзнь ваша моя болѣзнь: это вы конечно знаете безъ всякихъ отъ меня увѣреній. Въ васъ, говорите вы, есть чувство саморазложенія, вѣрю; но кромѣ того знаю, что это чувство обманчиво и что его начало—недостатокъ вѣры въ силу правды. Не въ правдѣ сомнѣваетесь вы, а въ ея силѣ; и это сомнѣніе растетъ у васъ въ то самое время, когда вы напрягаете всѣ свои личныя силы на ея службу въ данномъ, теперешнемъ случаѣ. Разумѣется, это сокрушитъ

---

[1]) „Какъ часто во мнѣ пробуждалась“ и т. д. т. IV, стр. 253. Замѣчательно, что, при своей необыкновенной памяти, А. С. Хомяковъ вовсе не обладалъ памятью на стихи, что и подтверждаетъ самъ въ этихъ словахъ. *Изд.*

[2]) Намекъ на окружное посланіе патріарховъ.

хоть кого; но гдѣ же право на сомнѣніе? «Magna est veritas et praevalebit» *), сказано давно и сказано навсегда. Горько, тяжело современное, но говорю съ полнымъ безпристрастіемъ. Тѣло, оголившееся отъ мазей, которыми его смазывали или штукатурили, далеко еще не такъ гнусно, какъ я ожидалъ. Правда, общество пляшетъ, дворянство играетъ въ карты, чиновникъ крадетъ, попъ мѣняетъ каноны на гривенники; да вѣдь это дѣлали всегда; разомъ не перемѣнишься. И тогда, когда придетъ Сынъ Человѣческій, развѣ не тоже. Онъ найдетъ міръ, плетущійся по своимъ привычнымъ колеямъ. Изъ чего же биться? Если бы вы не полагали лучшаго возможнымъ, если бы вы нигдѣ его не видали на землѣ: вы не приходили бы ни въ негодованіе, ни въ уныніе, когда вы не видите его въ Россіи. Правда, это лучшее только сравнительно лучше и разумнѣе; но къ нему обязаны мы стремиться, и оно будетъ достигнуто. Надежда такъ же обязательна, какъ вѣра и любовь. Горькое чувство современныхъ болѣзней и особенно безчувственности больныхъ къ своимъ болѣзнямъ въ васъ теперь особенно сильно. Думаю, что это приписать можно двумъ причинамъ: во-первыхъ, двумъ ударамъ, поразившимъ насъ почти одновременно и, правду сказать, это такіе два удара, которые не легко перенести (смерть Шевшина меня съ ногъ сбила); во-вторыхъ, силѣ, съ которой вы, къ великой похвалѣ вашей, обратились къ труду. Если съ трудомъ не растетъ надежда, онъ гнететъ человѣка, и дурное, противъ котораго борешься, кажется съ каждымъ днемъ и грознѣе, и хуже. Но я не могу повѣрить, чтобы въ васъ надежды не было; мнѣ кажется только, что въ васъ надежда подавлена нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Невольно забываете вы, что та борьба, въ которую мы вступили, есть только отрывокъ не только вѣковой, но и вѣчной борьбы, на которую осуждено человѣчество, и что въ каждую эпоху побѣда правды отхватываетъ отъ лжи такія маленькія лехи, что современники ихъ почти не замѣчаютъ: только наростаніемъ составляютъ они что нибудь важное. Я скажу болѣе: плохо дѣло, когда эпоха радуется какому нибудь великому пріобрѣтенію; того и смотри, слѣдующимъ придется дорого за него поплатиться. Только медленно и едва

*) Велика истина и превозможетъ.

замѣтно творящееся полезно и жизненно; все быстрое идетъ къ болѣзнямъ. Пусть будутъ балы вечеромъ и молебны поутру, какъ прежде, бѣга и скачки; пусть все идетъ своимъ путемъ или хоть безпутіемъ: дѣло общественное совершится съ успѣхомъ. Я радуюсь малой пробужденности общества (полной летаргіи не признаю). При теперешнихъ умственныхъ данныхъ бо́льшая пробужденность пугала бы меня: она была бы явленіемъ лихорадочнымъ. Строй общественный долженъ быть приложеніемъ внутренней жизни народовъ къ ихъ жизни внѣшней. Но готова ли внутренняя жизнь къ проявленію? Воспитана ли она? На сколько въ ней зрѣлости? Вспомните ее за 25 лѣтъ. Вы, Акс., Кир., Кошелевъ и всѣ мы, были ли возможны? Недавнее время воспитало насъ, а мы очевидно опередили другихъ, и такъ—все дѣло въ воспитаніи. Мы передовые; а вотъ правило, котораго въ исторіяхъ нѣтъ, но которое въ исторіи несомнѣнно: передовые люди не могутъ быть двигателями своей эпохи; они движутъ слѣдующую, потому что современные имъ люди еще не готовы. Развѣ къ старости иной счастливецъ доживетъ до начала проявленія своей собственной, долго носимой мысли. Разумѣется, люди во власти (какъ Петръ) составляютъ исключеніе; но и это даже сомнительно, ибо и они дѣлаютъ не то что̀ хотятъ въ смыслѣ положительномъ, а успѣхъ ихъ по преимуществу выражается въ фактическомъ отрицаніи. Мы (я возвращаюсь къ состоянію общественнаго здоровья, которое можно видѣть изъ частныхъ случаевъ) еще счастливы. Добро пробивается сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. То невольное признаніе, которое нашего милаго Шешпина призвало къ дѣлу *), Кошелева, Черкасскаго, васъ, развѣ оно ничего не значитъ? Или это безсознательно? Утвердительно говорю, что оно вполнѣ сознательно; это очень ясно изъ рѣчи, говоренной Государемъ Московскимъ предводителямъ. Неужели не важно то обстоятельство, что имена ваше и Кошелева сдѣлались притчами, привлекая или отталкивая, по всей Великороссіи? Я знаю это не по догадкѣ, а потому что̀ было говорено громко десятками на выборахъ. Конечно наши выборы были не хороши, но гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Напр. Бѣлевскій уѣздъ

*) Т. е. по устройству крестьянъ.

выбралъ трехъ самыхъ отъявленныхъ эманципаторовъ, Елагина Н. А., Черкасова и Павлова (брата Верейскаго предводителя); и много другихъ обстоятельствъ было весьма успокоительныхъ. Прямыхъ дѣйствій мы не видимъ или мало отъ нашихъ усилій, но косвенныхъ и въ тоже время несомнѣнныхъ мы не можемъ отрицать. Посмотрите, напр., на одно: Кокоревъ [1]) причисленъ къ намъ, и насъ попрекаютъ Кокоревымъ, и заставляютъ его крѣпче за насъ держаться. Кокоревъ беретъ огромный откупъ, и какое же его первое дѣйствіе?—Уничтоженіе откупа. Вотъ дѣло государственное, проходящее Богъ знаетъ какимъ неправильнымъ путемъ изъ области нравственной (а не правительственной) теоріи въ практику и обѣщающее огромное развитіе. Поглядите въ даль: общины признаны какъ необходимость, а дворянство удержано. Увидите непремѣнное послѣдствіе: ихъ придется связать временною формою попечительства (вѣроятно избирательною), и нравственная связь возникнетъ. Я ее считаю необходимою теперь для придачи силы общинѣ, которая въ попечителѣ получитъ единство и смѣлость противъ своихъ собственныхъ негодяевъ, которые ее пугаютъ угрозою пожаровъ или порчъ и т. д.[2]) Все это повлечетъ опять полную перемѣну судовъ и администраціи. Очень важно отстраненіе уѣздныхъ губернаторовъ [3]); кажется, оно вѣрно, а это была страшная попытка упирающагося дисциплинаризма. Правда, всѣ перемѣны пойдутъ какъ будто случайно, какъ будто наудачу; но дѣйствительно онѣ будутъ связаны между собою логикою тайной несознанной теоріи, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ охватятъ самый важный, до сихъ поръ неприступный и неколебимый, но уже теперь встревоженный міръ духовенства. Мы съ вами еще увидимъ хлѣбъ въ краскѣ, хоть зеленей еще настоящихъ не увидимъ.

Какъ горько мнѣ вспомнить о Шешинѣ! Что-то въ его смерти мнѣ напоминаетъ смерть Валуева. Области ихъ внутренней жизни, т. е. ихъ стремленій, были разныя. Одинъ,

---

[1]) В. А. Кокоревъ жилъ тогда въ Москвѣ, гдѣ очень сблизился съ Погодинымъ, черезъ котораго и познакомился со многими изъ лицъ такъ называемаго „Московскаго направленія".

[2]) Слова, не потерявшія, кажется, и до нынѣ своего значенія. *Изд.*

[3]) Былъ проектъ учредить губернаторовъ по уѣздамъ.

чисто-отвлеченный, другой чисто-практическій; но въ обоихъ какая-то младенческая чистота и преданность дѣлу. Не знаю, то ли вы чувствуете; но мнѣ кажется, что я выразилъ бы ихъ отношеніе къ намъ Французскимъ словомъ: c'étaient les enfants de la famille. Въ Валуевѣ было гораздо болѣе самодѣятельности и иниціативы, область его была шире; но мысль моя невольно сближаетъ обѣ потери. Не легка и смерть Иванова; но онъ, слава Богу, уже совершилъ великое, и я увѣренъ, что для художества онъ не умеръ. Мы другъ друга очень полюбили; по крайней мѣрѣ за себя-то я ручаюсь: я и теперь безпрестанно вижу его большіе, задумчивые глаза, всегда что-то разглядывающіе въ себѣ или внѣ себя, но чего въ окружающихъ предметахъ не было. Они странно мнѣ напомнили при первой встрѣчѣ глаза схимника Амфилохія, котораго я видѣлъ въ дѣтствѣ въ Ростовѣ. Странно сплетается духовный міръ при всей кажущейся разрозненности.

Вы требуете отъ меня философскихъ писемъ; я въ долгу и собираюсь свой долгъ выплатить. Кромѣ того Кошелевъ требуетъ разбора Гогоцкаго [1]); это идетъ прямо къ дѣлу. Разумѣется, я разбора писать не могу, но напишу по случаю Гогоцкаго. Я уже цѣлый мѣсяцъ стараюсь уяснить себѣ задачу и самую точку отправленія. Трудно и головоломно, но уже принимаюсь за перо. Только Веневитиновъ и Комаровскій [2]) найдутъ меня темнымъ, какъ они мнѣ объявили въ Петербургѣ.

Прощайте покуда, любезный Юрій Ѳедоровичъ; будьте здоровы и бодры. Охотьтесь при этомъ, если можно, и дайте нѣкоторыя минуты физической жизни: я думаю, это необходимо. Я дѣлаю любопытные опыты по земледѣлію. Одинъ очень удался, постараюсь обобщить его результатъ.

Что за уморительная исторія вашего Самарскаго перепуга [3])?

---

[1]) Философскаго лексикона Гогоцкаго, профессора Кіевскаго Университета.

[2]) Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ, братъ поэта, другъ дѣтства А. С. Хомякова; графъ Комаровскій, Евтрафъ Евграфовичъ.

[3]) Исторія въ томъ, что въ одномъ изъ восточныхъ уѣздовъ Самарской губ. крестьяне двухъ сосѣднихъ селъ подрались между собою на сѣнокосѣ, заспоривъ о межѣ. Побитые, удалившись, похвалялись, что „нагонятъ въ отме-

Московск. Вѣдом. ее напечатали, не воображая, какой это великолѣпный памятникъ для исторіи. Гдѣ же были помѣщики? Становой и станціонный чудныя лица, но поиъ просто совершенство. Я въ него влюбился. Вѣдь онъ прямо выскочилъ изъ среднихъ вѣковъ; онъ видитъ опасность и не относится къ властямъ, а просто, какъ пастырь, зоветъ вооруженныхъ Христіанъ-казаковъ. Наивная и трогательная карикатура Термогена. Въ этомъ смѣшномъ явленіи есть много хорошаго in der Potenz.

Письмецо это доставитъ вамъ Дмитрій Сергѣевичъ Арсеньевъ, братъ Евг. С. Шеншиной, славный человѣкъ и во многомъ, если не ошибаюсь, напоминающій нашего милаго Николая Васильевича. Онъ вамъ передастъ бумаги отъ сестры, бумаги весьма интересныя, и вѣроятно будетъ васъ уговаривать принять немедля приглашеніе въ Питеръ [1]). Я думаю, что на это и уговаривать нечего. Вамъ нельзя не ѣхать. Съ вами будутъ Милютинъ, Соловьевъ [2]), князь Черкасскій въ одномъ отдѣленіи. Не замедлите, пожалуста. Меня при этомъ радуетъ, что я васъ скоро увижу и что знаю, что вы ѣдете уже на настоящее дѣло: это отрада послѣ нашей неудачи въ другомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ Парохода. Пришлось отказаться отъ этаго, почти необходимаго изданія и отъ новаго, весьма заманчиваго имени—Сла-

---

стку Орду". Эта угроза смутила побѣдителей, и призракъ идущей Орды до такой степени овладѣлъ ихъ воображеніемъ, а равно и всего околотка, что все населеніе, съ дѣтьми, женами, стариками, съ возами, нагруженными домашнимъ добромъ, двинулось къ Самарѣ. Вѣсть о нашествіи Орды произвела всеобщую панику, которой отдались не одни крестьяне, но даже нѣкоторыя помѣщицы, а одинъ изъ священниковъ послалъ, кажется, приглашеніе къ Уральскимъ или Оренбургскимъ казакамъ явиться на защиту. Болѣе 40 тыс. человѣкъ спасающагося отъ Орды населенія появилось у самой Самары, и едва-едва удалось губернскимъ властямъ успокоить ихъ и убѣдить возвратиться во свояси.

[1]) Т. е. приглашеніе въ составъ Редакціонной Комиссіи по крестьянскому дѣлу.

[2]) Яковъ Александровичъ, бывшій потомъ членомъ Учредительнаго Комитета въ Варшавѣ и скончавшійся въ званіи сенатора.

вянскій Вѣстникъ [1]). Мнѣ было это странно досадно и сверхъ того грустно...

Кошелевъ не назначенъ въ Комитетъ. Это просто возмутительно. Какъ объяснить это со стороны Ростовцева? Просто уступкою озлобленію общему и отсутствіемъ поддержки со стороны придворныхъ эманципаторовъ; Ростовцеву хотѣлось его призвать, но онъ не рѣшился. Надобно будетъ выдумать средство дѣлу пособить. Его это огорчитъ, и мнѣ за него больно, тѣмъ болѣе, что незавидное содѣйствіе посредствомъ журнала [2]) затрудняется съ каждымъ днемъ.

---

[1]) Было предположеніе издавать газету Пароходъ или Славянскій Вѣстникъ, котораго отвѣтственнымъ редакторомъ былъ бы Ѳ. В. Чижовъ, а дѣйствительнымъ И. С. Аксаковъ. М-во Ин. Дѣлъ признавало тогда сближеніе съ Славянами и такое изданіе полезнымъ, даже нужнымъ въ политическихъ видахъ, и само предлагало начать подобное изданіе.

[2]) Александръ Ивановичъ Кошелевъ, независимо отъ Р. Бесѣды, издававшейся на его счетъ, при первомъ появленіи знаменитыхъ рескриптомъ дворянству, положившихъ начало работамъ по эманципаціонному дѣлу, предпринялъ изданіе „Сельскаго Благоустройства“, исключительно посвященнаго этому дѣлу. Онъ же былъ и редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ этаго превосходнаго журнала, поставившаго и разъяснившаго много вопросовъ и содѣйствовавшаго разрѣшенію задачи. Въ томъ же журналѣ помѣщались статьи братьевъ Самариныхъ, кн. Черкасскаго и другихъ. Журналъ издавался въ теченіи всего 1858 г. и частью въ 1859 г. Съ открытіемъ Редакціонныхъ Комиссій онъ прекратился.

ПИСЬМА

КЪ

Александру Ѳедоровичу

Гильфердингу.

Письма А. С. Хомякова къ Александру Ѳедоровичу Гильфердингу [1]).

1.

(1853).

Благодарю васъ, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, за вашъ добрый и крайне замѣчательный трудъ; благодарю васъ за ваше дружеское и милое посвященіе. Отмѣтки мои уже показали вамъ, что я серьезно перечиталъ вашу диссертацію, и я надѣюсь, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ вамъ пригодиться. Весь же трудъ имѣетъ, по моему, ту великую важность, что это первый опытъ сравнительной филологіи, въ которомъ основа не матеріальная, а принято въ соображеніе органическое развитіе мысли, облекающейся въ словесныя формы. Именно этаго-то я и жду отъ филологіи Русской, и этимъ-то она должна отличиться отъ Нѣмецкой. Безъ этаго отличія никогда не будетъ самостоятельности, а только составится отдѣльная конторка землекоповъ, принадлежащая вполнѣ великому Нѣмецкому ученому банку. Дай вамъ Богъ подвизаться! Еще этотъ путь покуда не запертъ. А съ нами вы уже знаете какая невзгода, какія подозрѣнія, какія угрозы. Что имъ мерещится, Богъ знаетъ. Покуда кончилось ничѣмъ: взяли съ меня, Аксаковыхъ, князя Черкасскаго и Киреевскаго [2]) подписку, что мы никуда ничего

---

[1]) Отецъ А. Ѳ. Гильфердинга, Ѳедоръ Ивановичъ, былъ товарищемъ, по службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, съ старшимъ братомъ Хомякова, Ѳедоромъ Степановичемъ (рано умершимъ). Съ этого начались дружескія отношенія Хомякова съ Ѳ. И. Гильфердингомъ; дружбу эту Хомяковъ перенесъ и на его сына, который еще въ Московскомъ университетѣ умѣлъ ее поддержать и усилить своими занятіями по Славянской исторіи и языкознанію. Гильфердингъ род. въ 1831 году, умеръ въ 1872-мъ.

[2]) Ивана Васильевича. Преслѣдованіе началось изъ-за Московскаго Сборника 1852 года. См. выше, стр. 231—283, въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину.

представлять не будемъ, кромѣ какъ высшей цензурѣ. Послѣдніе два въ большомъ негодованіи, особенно Киреевскій. Богомольный монархистъ, ему и не снилось, чтобы его въ чемъ нибудь оподозрѣли, и онъ считаетъ себя сильно оскорбленнымъ. Я, разумѣется, смѣюсь, потому что ожидалъ даже худшаго и увѣренъ, что худшее устранено только добрыми людьми. Разумѣется также, что я не сержусь нимало: во-первыхъ это не въ моемъ характерѣ, а во вторыхъ знаю, что теперь время революціонное, и слѣд. всякое правительство, какъ и всякій народъ, долженъ имѣть свою категорію des suspects [1]), въ которую человѣкъ попадаетъ самъ не зная почему, иначе просто потому, что ничего не ищетъ и ничего не добивается. Потомъ, мысль и ея движеніе теперь подозрительны, какое бы ни было ихъ направленіе.

Одинъ изъ нашихъ великихъ мужей, котораго батюшка вашъ вѣроятно очень знаетъ и который былъ недавно здѣсь, б. М. [2]) характеризовалъ очень остроумно систему князя Шихматова [3]). «Ce brave homme croit que la bêtise est la meilleure arme défensive contre l'abus de l'esprit» [4]). Неправда ли очень мило сказано? О себѣ могу только то сказать, что убѣжденія многихъ такъ ко мнѣ благосклонны, что, когда бѣднаго Павлова [5]) схватили, велѣно было прежде всего искать моихъ писемъ. Можно ли себѣ представить что нибудь смѣшнѣе этаго, а это фактъ. Въ тоже время признаюсь, что прежде я бы этому больше смѣялся. Теперь мнѣ это немного скучненько. Покуда продолжаю свою работу, но въ Москвѣ она идетъ какъ-то медленно. Нынѣшній же годъ у меня накопилось пропасть дѣлъ хозяйственныхъ всякаго рода, и это много похищаетъ времени и подавляетъ работящія способности ума.

Прощайте, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Скажите мой дружескій поклонъ батюшкѣ и попрекните за то, что Царяграда не взяли. Вся дипломація виновата. Вашъ А. Хомяковъ.

---

[1]) Подозрѣваемыхъ людей.

[2]) Такъ въ подлинникѣ. Не баронъ ли Мейндорфъ?

[3]) Тогда министра народнаго просвѣщенія.

[4]) Этотъ добрый человѣкъ полагаетъ, что глупость есть лучшее оборонительное орудіе противъ злоупотребленія разумомъ.

[5]) Николай Филипповичъ Павловъ былъ въ то время сосланъ въ Пермь.

У насъ здѣсь холера не совсѣмъ дурная. Бьюсь, не добьюсь, чтобы мнѣ позволили испытать свое лѣкарство, которое очень вѣрно, сколько мнѣ кажется. Но форма медицинская не позволяетъ людей ни морить, ни вылѣчивать безъ патента. Кстати: въ Вильсонѣ я нашелъ два слова, въ которыхъ корень *бгу* измѣненъ вставкою гласной между *б* и аспираціей. Это оправдываетъ мое мнѣніе о словѣ Богъ. Скажите пожалуйста мой поклонъ Каетану Андреевичу [1]).

2.

Любезный другъ Александръ Ѳеодоровичъ.

Посылаю вамъ трудъ свой, о которомъ я уже вамъ говорилъ въ Москвѣ. Совершенъ онъ при всѣхъ возможныхъ препятствіяхъ и вдали отъ всѣхъ возможныхъ пособій, частью въ деревнѣ, частью на почтовыхъ станціяхъ и на заводѣ, между фабричныхъ работъ. Сравнилъ я слишкомъ тысячу словъ Санскритскихъ съ Русскими, предпочитая вообще формы болѣе развитыя первообразнымъ для яснѣйшаго показанія сродства этихъ двухъ языковъ и удерживая только сходства самыя разительныя за исключеніемъ сомнительныхъ или даже несомнѣнныхъ, но требующихъ въ читателѣ бо́льшаго знакомства съ перерожденіемъ звуковъ [2]). Если исключить сомнительныя и обозначенныя мною вопросительнымъ знакомъ и словъ съ пятокъ Малорусскихъ или Церк.-словянскихъ, которыя мною помѣщены по разсѣянности, останется еще болѣе тысячи, изъ коихъ многія перешли черезъ цѣлый рядъ многосложныхъ развитій, какъ напр. *кхуранась*, *джалабгу*, *гаваса* и др. Я не принялъ въ соображеніе ни одного областнаго слова (кажется, за исключеніемъ *мара*), ни Малорусскаго нарѣчія, ни даже Бѣлорусскаго. При нихъ это число—тысяча—конечно болѣе бы чѣмъ утроилось. Присоедините потомъ все богатство Словянскихъ нарѣчій южныхъ и западныхъ, и тогда явно будетъ такое сход-

[1]) Коссовичу.

[2]) Говорится о „Сравненіи Русскихъ словъ съ Санскритскими", вышедшемъ отдѣльно въ Спб. въ 1855 г. и напечатанномъ сначала въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Акад. Наукъ. См. приложеніе къ V-му тому нынѣшняго изданія.

ство, которое доходитъ почти до тождества въ лексическомъ отношеніи. Такимъ образомъ трудъ мой, какъ онъ ни недостаточенъ (въ чемъ, разумѣется, я не сомнѣваюсь), служитъ яснымъ подтвержденіемъ теоріи, вами высказанной. Точно также изъ него явно выходитъ, что языкъ Словянскій и Русское его нарѣчіе суть остатки первичной формаціи и (кромѣ Литовскаго) единственные въ мірѣ уцѣлѣвшіе остатки этой формаціи. Кажется, даже послѣ бѣглаго взгляда на прилагаемый мною списокъ, ни одинъ разумный и добросовѣстный филологъ не усомнится поставить звуковое сродство языковъ Санскритскаго и Русскаго внѣ всякаго сравненія съ сродствомъ другихъ языковъ, даже Эллинскаго, съ Санскритскимъ (опять, разумѣется, за исключеніемъ Литовскаго).

Прибавлю еще два примѣчанія.

1) При своемъ теперешнемъ трудѣ я былъ еще болѣе прежняго пораженъ звуковымъ сходствомъ языка Латинскаго съ Санскритскимъ и сродствомъ его съ восточнымъ отдѣленіемъ Индо-Европейскихъ нарѣчій (Санскр., Сл. и Литовск.). Мое всегдашнее и, какъ вы знаете, давно уже записанное убѣжденіе подтвердилось; но это сходство именно принадлежитъ той части Латинскаго языка, которая принадлежитъ восточной стихіи. Ее отдѣлить не трудно въ отношеніи лексическомъ и не совсѣмъ трудно въ отношеніи грамматическомъ. Напримѣръ, значеніе предлога co, Л. *cum*, какъ обозначающаго дѣйствіе быстрое и совершенное, не трудно узнать въ conclamare, comburere, concidere и др., которыя конечно не представляютъ идеи совокупности, а идею быстро и вполнѣ совершаемаго, именно вскрикнуть *), сжечь, упасть или спасть; также въ несовершенномъ bam нетрудно узнать нашего участительнаго или продолжительнаго *вать*: rancabam—рыкивалъ, vertebam—верчивалъ и т. д. Также въ давнопрошедшемъ Словянск. форма *лъ* или *въ* (т. е. причастная на *вый*) *есмь*—amav esam. Въ прошедшемъ таже форма безъ вспомогательнаго глагола. Также въ

*) Напр. въ Т. Л. (Титѣ Ливіи) conclamant omnes, значитъ всѣ вскрикиваютъ, а совсѣмъ не „всѣ вмѣстѣ кричатъ“, выраженіе очень вялое, котораго даже и предполагать нельзя. *Примѣчаніе А. С. Хомякова.*

формахъ *bundus* явно Слов. *будый* или *будущій*. И такъ далѣе. Но все это относится только къ одной изъ стихій, вошедшихъ въ составъ Латинскаго языка. Не должно забывать, что онъ языкъ сплавной, такъ же какъ и народъ. Это уже знали и древніе и засвидѣтельствовали весьма рано. Римляне, какъ плебеи, такъ и патриціи, были colluvies *) gentium по словамъ одного изъ первыхъ трибуновъ, если не ошибаюсь, Канулея.

2) Признавая вполнѣ справедливость плодовитой мысли моего любезнаго друга, К. С. Аксакова (мысли, которой частичку хотѣли у него оттягать) о томъ, что норма Русскаго спряженія заключается въ идеѣ качества, а не времени, я долженъ прибавить, что, по моему убѣжденію (еще болѣе утвердившемуся въ продолженіе моего теперешняго труда), эта норма не создана Русскимъ или Словянскимъ племенемъ: она существовала издревле въ совокупности съ нормою спряженія по времени, въ томъ коренномъ языкѣ, котораго богатства мы уже почти не въ силахъ себѣ представить. На это много указаній въ кристаллизированныхъ формаціяхъ всѣхъ Индо-европейскихъ нарѣчій и особенно Санскритскаго. Русскій языкъ утратилъ одну норму, сохранивъ и развивъ другую; а прочія нарѣчія утратили норму, сохраненную нами.

Вы высказали печатно мое мнѣніе о значеніи нашихъ безгласныхъ, и я вамъ за то искренно благодаренъ, особенно потому, что самъ никогда бы не собрался; но позвольте пополнить вами сказанное. Наша система буквъ значительно разнится отъ другихъ Европейскихъ системъ, и корень этаго различія лежитъ очень глубоко. Другіе приняли грамату, мы приняли грамотность. Не вхожу въ разборъ, кто, чѣмъ, какъ воспользовался; но дѣло ясно, и различіе, можетъ быть, зависѣло отъ существованія древнихъ резъ. (Впрочемъ это только предположеніе). Гласныя у насъ распались на двѣ лѣстницы или скалы—густыхъ и острыхъ, *а*, *о*, *у* и *а*, *е*, *и*, которыя могутъ переходить

*) Colluvies—сливъ, т. е. то, что слито вмѣстѣ. Тождество еще яснѣе при предположеніи, что Латинское *и* часто произносилось какъ наше *ы*, чѣмъ объяснились бы и мысль Клавдія, и архаическія формы maxumus, optumus и пр. *Примѣчаніе А. С. Хомякова:* Въ числѣ трехъ буквъ, которыя императоръ Клавдій хотѣлъ ввести въ употребленіе, была одна, средняя между *і* и *и*. *Изд.*

въ рядъ согласныхъ посредствомъ йотаціи, какъ у насъ и въ Индостанѣ (переходъ острыхъ), или посредствомъ уотаціи, какъ у Англичанъ черезъ w (переходъ густыхъ). Согласная, по своему внутреннему опредѣленію, непроизносима и безхарактерна; характеръ свой получаетъ она не отъ предшествующей, а отъ послѣдующей гласной, или, за отсутствіемъ гласной, отъ густаго или остраго придыханія, которое есть опять не что иное, какъ неразвитая вполнѣ гласная. Безъ обозначенія придыханія согласная не имѣетъ опредѣленнаго смысла. Такова весьма разумная система, лежащая въ основѣ нашей письменности, и такова причина, почему согласная (если за нею не слѣдовала гласная) не могла явиться безъ обозначенія придыханія, выражающаго скалу гласныхъ, отъ которыхъ согласная получаетъ свой характеръ. Законъ остается тотъ же, будь согласная въ концѣ или серединѣ слова. Обычай отмѣнилъ употребленіе знака ъ въ серединѣ словъ, но разумность прежняго обычая явна; и хотя возвратъ къ нему былъ бы неразуменъ, онъ помогаетъ намъ понять самый смыслъ и разумность употребляемыхъ нами знаковъ ъ и ь. Прибавлю еще, что двѣ скалы гласныхъ у насъ сходятся въ двухъ точкахъ, въ *а*, который можно назвать полюсомъ полнозвучія и въ *ы*, который можно назвать полюсомъ глухимъ. Не говорю о другихъ сочетаніяхъ двухъ скалъ, которыя легко можно прослѣдить почти во всѣхъ Европейскихъ нарѣчіяхъ.

И такъ, вотъ вамъ, любезный другъ, мой небольшой трудъ и маленькая приписка къ нему. Распорядитесь всѣмъ этимъ какъ хотите. Если бы Академія удостоила ихъ помѣщенія въ прибавленіяхъ къ своимъ ученымъ трудамъ, она оказала бы великую честь мнѣ и, думаю, принесла бы нѣкоторую пользу труженикамъ филологіи.

3.

Простите меня, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Давнымъ давно слѣдовало бы мнѣ отвѣчать вамъ. Сначала вообразилъ я себѣ, что вамъ особенно нужно указать на Quellen, которыхъ, разумѣется, я никогда не помню. Для этаго справлялся я съ нѣсколькими каталогами; но не нашелъ многаго, что помню вообще, безъ опредѣленной памяти о заглавіяхъ; потомъ, когда

узналъ, что вамъ хочется знать мои мысли, не могъ писать въ продолженіе двухъ недѣль отъ ушиба при паденіи съ изломанныхъ дрожекъ (при чемъ сильно расшибъ колѣно и повредилъ жилы въ шеѣ), отъ чего и не могъ наклонять голову безъ боли; наконецъ, медлилъ потому, что хотя очень ловко разсказывать свои мысли въ разговорѣ или письменно, когда онѣ представляются въ цѣльности, или вводятся хотя и отрывочно, но связью рѣчи, очень трудно выразить ихъ отдѣльно въ письмѣ, въ одно время безъ введенія и безъ полноты. За всѣмъ тѣмъ повторяю: виновать.

Вы выбрали прекрасный и прелюбопытный предметъ*) который, сколько мнѣ извѣстно, никогда не былъ разсмотрѣнъ со вниманіемъ и добросовѣстностью. Дѣйствительно, судьба Славянскаго Поморья и Запада, и особенно отношенія его къ Христіанству, представляютъ много явленій крайне непохожихъ на то, что̀ видимъ въ другихъ Славянскихъ земляхъ. Вотъ сводъ того, что̀ я могъ въ этой исторіи понять. Ваше дѣло будетъ сказать, согласны ли вы съ моимъ взглядомъ.

Во-первыхъ, о внутреннемъ расположеніи или нерасположеніи Славянъ Поморскихъ къ Христіанству. Вы предполагаете и, кажется, совершенно справедливо, довольно крѣпкое аристократическое сословіе, можетъ быть, связанное съ жреческимъ званіемъ; на это есть указанія; но не знаю, до какой степени они ясны и опредѣлительны. Нѣмецкіе лѣтописцы, а потомъ и составители актовъ, могли часто давать ложное аристократическое значеніе явленіямъ, происходящимъ изъ общиннаго быта, смѣшаннаго съ стихіею родовою. Впрочемъ я готовъ допустить сильный зародышъ аристократіи въ землѣ, подверженной безпрестаннымъ нападеніямъ и въ которой слѣдовательно дружина должна была мало по малу получить особенную силу, еще увеличенную приливомъ Германской стихіи или Скандинавскими союзами, о которыхъ упоминается весьма часто въ сагахъ. Главная же преобладающая особенность въ этихъ Славянахъ есть безъ сомнѣнія бо́льшая опредѣленность религіозныхъ понятій или учрежденій и жреческой касты, которой было поручено ихъ храненіе. Этаго и доказывать нечего; но причина такой особенности заключается, какъ мнѣ кажется, въ двухъ обсто-

*) Исторію Прибалтійскихъ Славянъ. *Изд.*

ятельствахъ. Одно—безпрестанныя сношенія съ Скандинавіею; другое—постепенное отпаденіе другихъ Словянъ отъ язычества. Религія древняя отступала передъ новымъ ученіемъ, сосредоточиваясь мало по малу въ тѣсномъ пространствѣ, но за то скрѣпляя себя болѣе и болѣе твердыми формами. Въ этомъ отношеніи Поморье представляетъ нѣкоторую аналогію съ Литвою. Безъ сомнѣнія въ Литвѣ жреческій характеръ былъ преобладающимъ издревле; но кажется, изъ Тацита можно заключить, что и въ Поморьѣ была издревле сильна какая-то таинственная религія, и сверхъ того она могла и должна была получить новыя силы изъ самой борьбы съ наступающимъ Христіанствомъ. За всѣмъ тѣмъ я не могу никакъ признать въ Поморьѣ рѣшительнаго отвращенія отъ новой вѣры или даже горячаго фанатизма или, наконецъ, такого преобладанія аристократіи и жрецовъ, которое могло-бы положить слишкомъ сильныя преграды духовному завоеванію. Значеніе городовъ, которому множество доказательствъ, не позволяетъ предположить такого перевѣса сословія однаго надъ другими. (Вспомните напр. отвѣтъ жителей однаго города или пригорода, который на проповѣдь христіанскую отвѣчаетъ, что послѣдуетъ примѣру старшаго города, если не ошибаюсь, Штеттину). Самый разсказъ о проповѣди далеко не представляетъ намъ борьбы съ ожесточеніемъ фанатизма; напротивъ того, жители сохраняютъ въ отношеніи къ новымъ учителямъ какое-то добродушное терпѣніе, которое часто употребляется во зло глупостью или дикостью наставниковъ. Вспомните того монаха, который, не зная ни слова по-словянски, отправляется прямо въ храмъ и ну рубить кумиръ. Его хватаютъ и преспокойно выпроваживаютъ за границу, думаю, не безъ пиньковъ. Не унялся: припелъ опять и опять молча ну рубить кумиръ. Его бросили въ лодку и пустили въ море, которое принесло дурака къ христіанскимъ берегамъ. Право, въ этомъ нѣтъ ни на волосъ фанатизма. Какъ мнѣ кажется, не было ни въ Поморьѣ, ни въ Западныхъ Словянахъ вообще, никакого внутренняго препятствія къ распространенію Христіанства, хотя вслѣдствіе причинъ, о которыхъ я сказалъ, была довольно рѣзкая опредѣленность религіи и слѣд. не могло быть того внутренняго позыва къ Христіанству, который виденъ въ другихъ Словянскихъ семьяхъ.

2-е. До нѣкоторой степени можно предположить, что та форма Христіанства, которую Германія предлагала Поморью, была несогласна съ его требованіями. Конечно, трудно повѣрить, чтобы народъ, котораго прежняя религія, вѣроятно довольно неразумная, заключалась по преимуществу въ обрядѣ, могъ найти новую вѣру слишкомъ обрядовою, и даже должно бы предположить, что преобладаніе обряда должно бы привлекать дикаря; но едва ли можно считать Поморянъ дикарями (противъ этаго говорятъ современные посѣтители Поморья, удивлявшіеся его земледѣлію и торговлѣ), и сверхъ того іерархизмъ Латинства, разорвавъ связь жизни и обряда религіознаго, отнималъ у него его поэтическую привлекательность и налагалъ на него печать чужеземности. Такъ мы знаемъ, что Поморяне смѣялись надъ Латинскими молитвами, пародировали ихъ и передѣлывали напр. припѣвъ Киріе Элейсонъ въ Корь Ольшаный (если не ошибаюсь). Употребленіе Латинскаго языка еще было невыгодно и въ томъ отношеніи, что долго не могло позволять назначать туземцевъ въ духовное званіе и слѣд. лишало ихъ выгодъ, сопряженныхъ съ саномъ священника или епископа, принуждало поручать паству ненавистнымъ иноземцамъ, оскорбляло гордость и эгоизмъ естественные всякому человѣку и отнимало у народа возможность находить себѣ ревностныхъ защитниковъ въ своихъ пастыряхъ. Вспомните напр., какъ много Саксонцы выиграли тѣмъ, что Ѳома Бекетъ былъ родомъ не изъ Норманновъ *); и вы, я думаю, согласитесь въ томъ, что безпрестанная рѣзня духовныхъ у Нѣмецкихъ Словянъ была бы явленіемъ или вовсе невозможнымъ, или весьма рѣдкимъ, если бы эти духовные были народу единокровными.

3-е. Способъ распространенія Христіанства и отношенія его къ обществу государственному служили еще большею препоною его успѣхамъ. Во-первыхъ, оно шло съ мечемъ въ рукахъ; во-вторыхъ, оно сопровождалось явленіями крайне дикими. Не помню, кто изъ современниковъ (не Дитмаръ ли?) разсказываетъ черту очень характеристическую съ пасмѣшкою еще болѣе характеристическою. «Поморяне», говоритъ онъ, «такъ глупы и дики, что не могутъ понимать правосудія и бранятъ насъ, христіянъ, за то, что мы преступниковъ строго казнимъ. Они увѣ-

*) О происхожденіи Бекета—два преданія. По одному отъ Норманнъ. Близость его къ народу несомнѣнна. *Изд.*

ряютъ, что наши казни преступнѣе самыхъ преступленій. Такова ихъ тупость». Разумѣется, я подлинныхъ словъ не помню; но таковъ смыслъ, и въ немъ явно отвращеніе къ свирѣпости Германскихъ нравовъ вообще.—Всего же важнѣе отношенія религіи къ государству. Вы знаете мое мнѣніе, что измѣненія Символа и отторженіе Запада отъ общенія съ Востокомъ были не дѣломъ папъ (хотя папы содѣйствовали) и не явленіемъ чисто-религіознымъ (хотя невѣжество въ вопросѣ религіозномъ имѣло свое важное значеніе въ разрывѣ). Отторженіе Запада было слѣдствіемъ его политическаго усиленія. Оно должно было совпасть съ основаніемъ Имперіи, сосредоточившей силы Германскаго племени на Римской почвѣ (и дѣйствительно, оно произошло при Карлѣ Вел. и съ его воли). Обособленіе въ смыслѣ религіозномъ было главнымъ симптомомъ внутренней, самосознавшейся силы Германской, получившей Римское направленіе и стремившейся къ созданію религіи государственной, отдѣльной отъ религіи другихъ государствъ. Такъ построилось мгновенно то историческое зданіе, которое извѣстно подъ именемъ Tota Christianitas, въ которомъ никогда не считали Грековъ и которое есть дѣйствительно повтореніе Римской имперіи съ тою только разницею, что она стояла на Jus Romanum, а Всехристіанство—на религіозномъ обособленіи. Имперія Карла можетъ назваться христіанскимъ калифатомъ, но не калифатомъ первой эпохи, а второй эпохи, когда Исламъ уже имѣлъ двухъ верховныхъ представителей: одного духовнаго, калифа, а другого свѣтскаго или военнаго подъ разными названіями (какъ напр. Ата-бегъ или Эмиръ-аль-Муменнинъ, или другое). Такъ и въ Христіанствѣ явились также два представителя: одинъ—жрецъ-папа, а другой—меченосецъ-императоръ. Такимъ образомъ объясняется, почему войны Карла имѣли характеръ религіозный (какъ напр. война противъ Саксонцевъ), не смотря на то, что онѣ въ тоже время были явленіями міра чисто-политическаго. Тѣмъ же объясняется и легендарный характеръ Карла. Борьба двухъ центровъ была неизбѣжна, ибо каждый долженъ былъ считать себя источникомъ права верховнаго, и эта борьба составляетъ главный смыслъ Средневѣковой исторіи (хотя этаго еще не сознали писатели западные). Но до борьбы (сдѣлавшейся впослѣдствіи возможною отъ усиленія духовнаго

центра и союзнаго съ нимъ элемента Романскаго), свѣтскій глава далеко превосходилъ духовнаго могуществомъ, опредѣлительностью, сочувствіемъ народнымъ и энергіею дѣятельности (ибо ничтожество папъ не дозволило имъ воспользоваться ничтожествомъ послѣднихъ Карловинговъ). Западъ сплавился въ одно церковно-политическое цѣлое, и стихіи были такъ слиты, что ни одна изъ нихъ не считала себя въ правѣ дѣйствовать отдѣльно отъ другой. Побѣды меча императорскаго должны были распространять область креста; побѣды креста должны были распространять область, подвластную императорскому мечу. Всякая земля, прилегающая къ Имперіи, примыкая къ міру христіанскому, считалась въ тоже время присоединяющеюся къ Имперіи; отъ того и происходили притязанія императоровъ на вассальство Польши и Венгріи и гнѣвъ ихъ, когда папа благословилъ короною королей, не признававшихъ этаго вассальства. Эти отношенія не находились въ правѣ писанномъ, но коренились въ глубокихъ убѣжденіяхъ Германо-романскаго міра. Обращеніе Словянъ въ Христіанство было поэтому въ тоже время шагомъ къ утратѣ ихъ независимости; оно клало основаніе завоеванію, и Германцы сознавали это также, какъ и Словяне. Словяне, обращаемые въ Христіанство, должны были примкнуть къ Имперіи, а такъ какъ они не хотѣли лишаться свободы, они должны были быть принуждены къ покорности, и орудіемъ принужденія являлись Саксы, издавна сосѣди ихъ и по сосѣдству—враги. Таково было значеніе Христіанства для Словянъ вслѣдствіе совоплощенія вѣры съ государствомъ Германскимъ. (Позднѣе церковь сама, ставъ на первое мѣсто, обратила государства и народы въ свои орудія; но до Гейнриха IV-го и Григорія VII-го она была орудіемъ государства). Завоеваніе было особенно тяжело для завоеванныхъ потому, что въ самомъ государствѣ преобладала идея племени, и народы Словянскіе должны были поступать въ подданство не къ главѣ Имперіи только, но къ народу, котораго онъ былъ представителемъ и котораго силами онъ побѣждалъ упорство своихъ новыхъ вассаловъ. Польша отстоялась отъ подобной судьбы долгими войнами; Чехія спаслась отъ нея тѣмъ, что приняла Христіанство съ Востока и билась не хуже Польши. Для сравнительно-слабыхъ народовъ Поморія и при Эльбѣ и Одерѣ не

было спасенія. Внутреннее чувство ихъ возмущалось противъ религіи, которая непремѣнно должна была лишить ихъ всякой свободы и подчинить ихъ игу чужаго правительства и чуждаго народа. Разумѣется, самое завоеваніе было сопровождаемо страшными угнетеніями, и хотя духовенство иногда и старалась смягчить тяжесть ига, налагаемаго Саксонскою дружиною Имперіи, но оно само было слишкомъ слабо, слишкомъ равнодушно къ дѣлу по своему чужеземному происхожденію, а иногда и недоброжелательно по своимъ родственнымъ союзамъ съ дружинниками Германскими. (Этому очень явный примѣръ въ спорахъ епископовъ съ папою объ епархіяхъ въ Чехіи, Моравіи и въ Южныхъ Словянахъ вообще). Самые же духовные жаловались на Саксовъ не столько за то, что они грабятъ Словянъ-христіанъ, сколько за то, что они грабежомъ своимъ лишаютъ ихъ возможности платить церковную десятину и другіе церковные поборы. Вотъ, какъ мнѣ кажется, истинная причина сопротивленія, оказаннаго Западными Словянами Христіанству.

Вопросъ, который вы задали мнѣ, навелъ меня на разрѣшеніе другаго весьма важнаго вопроса, о которомъ я давно думаю, именно о томъ явномъ превосходствѣ Магометанства передъ Христіанствомъ въ земляхъ, въ которыхъ и то и другое были распространены мечомъ. Новые магометане вездѣ вступали въ братство къ побѣдителямъ, а новые христіане въ рабство. Я очень радъ тому, что я наконецъ понялъ логику этаго явленія, повидимому унижающаго Христіанство, а дѣйствительно показывающаго его превосходство. Въ характерѣ Ислама было дѣйствительно стремленіе къ распространенію посредствомъ войны; Исламъ былъ вооруженною религіею, и слѣд. война была добросовѣстна. Побѣжденный принималъ Магометанство; онъ долженъ былъ быть и дѣйствительно былъ принимаемъ въ религіозное братство и становился полноправнымъ гражданиномъ общества религіознаго. Христіанство по сущности своей чуждо насилію; оно не составляетъ государства. Искусственно могли его срастить съ идеею государства, могли эти двѣ, совершенно различныя, области слить въ одну; но коренная разница не исчезала: она сохранялась въ темномъ сознаніи и въ явленіяхъ жизни. Война, явленіе міра политическаго, прикрывала себя

предлогомъ религіознымъ; но ея плоды не поступали къ религіи, которая ея чуждалась, а къ обществу вещественному и политическому. Внутренняя недобросовѣстность обличала себя въ угнетеніи побѣжденныхъ (хотя и обратившихся), тогда какъ въ мірѣ магометанскомъ добросовѣстное уравненіе побѣжденныхъ съ побѣдителями было слѣдствіемъ добросовѣстной религіозной войны. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ явленіяхъ Исторіи, сохраняется законъ, по которому высшее начало, искаженное, становится ниже низшаго, выражающагося въ цѣлости и стройной послѣдовательности. Христіанство завоевательное должно было быть отвратительнымъ потому самому, что оно было грубою ложью въ отношеніи къ самому себѣ. Вотъ, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, что могу вамъ сказать объ этомъ предметѣ. Не взыщите: чѣмъ богатъ, и тѣмъ и радъ.

Какъ мнѣ благодарить васъ за вашу книжицу *), за дружеское упоминаніе обо мнѣ! Выраженія ваши считаю слишкомъ лестными и думаю, что вы меня разглядываете въ увеличительное стекло дружбы; но благодарю васъ вдвойнѣ и какъ человѣкъ, которому отрадно доброе сочувствіе, и какъ лингвистъ, которому весело видѣть въ печати мысль, которую считаетъ дѣльною и полезною, а самъ никогда бы не собрался пустить въ ходъ.—Книгу просмотрѣлъ я бѣгло; вижу, что въ ней очень много богатства, что въ ней удержанъ тотъ характеръ живой филологіи, которая должна составить эпоху новую и отличную отъ прежняго чисто-матеріальнаго воззрѣнія; но подробно просмотрѣть не успѣлъ, а надѣюсь вамъ сообщить со временемъ нѣкоторыя замѣчанія (напр. *чесаться* выводите вы отъ *k r s*; оно происходитъ, кажется, отъ *жеса*, какъ будто волоситься или sich haaren), которыя, можетъ быть, пригодятся, если вы это передадите болѣе ученымъ народамъ: ибо у насъ цѣнителей немного.

4.

(1854).

Вотъ какъ давно и не писалъ я къ вамъ, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, и не отвѣчалъ на ваши милыя и дружескія письма; даже и не поблагодарилъ за ваше электрическое поздравленіе, которое меня несказанно порадовало. Можетъ быть, и даже по-

*) Объ отношеніи языка Славянскаго къ языкамъ родственнымъ 1853. *Изд.*

лагаю навѣрное, вы знаете о моихъ странныхъ, хотя и не совсѣмъ неожиданныхъ, тревогахъ; признаюсь, онѣ меня таки волновали и не давали писать какъ слѣдуетъ, съ спокойствіемъ, приличнымъ добропорядочному человѣку. Онѣ еще и теперь не кончились и чѣмъ кончатся еще неизвѣстно; но по крайней мѣрѣ развязка уже недалеко [1]). Какая бы ни была (хоть и желаю мирной), я чувствую, что я правъ передъ добрыми и разумными людьми. Вы не обвините меня въ гордости, если скажу, что я хоть сколько нибудь возвратилъ человѣческому слову у насъ слишкомъ забываемое благородство. Разумѣется, въ этомъ не столько участвовали мои стихи, сколько шумъ, отчасти неожиданный, произведенный ими; но все таки слово возвышено самымъ тѣмъ шумомъ, который оно почти нехотя произвело. Теперь здѣсь еще говорятъ, что о брошюркѣ, которую вы знаете, ходятъ не совсѣмъ добрые слухи. Не вздоръ ли это? Я не отпираюсь отъ нея, но и не признаю; не видалъ, слѣдовательно и не знаю. Какъ и что слышали вы объ ней? И точно ли о ней говорятъ? Или все это пустой Московскій слухъ? Смутное время вызываетъ на живое слово и ничего такъ не боится какъ живаго слова, а живое слово ему единственное лѣкарство.—Кстати, живы ли мои мертвыя Санскритскія слова или схоронены? Простите, что такъ мало вамъ пишу. Сейчасъ узналъ, что ѣдетъ Левъ Ивановичъ Арнольди, женихъ Свербеевой [2]), и посылаю эти строчки съ нимъ; онѣ пишутся во второмъ часу ночи. Какъ-то идутъ ваши труды? Великая радость мнѣ знать, что есть трудящіеся съ неусыпною любовью и ставить васъ въ первомъ ряду; это самому придаетъ и бодрость, и силу. Ваши статьи о Болгарахъ и хороши, и живы, и популярны; но отчего, упомянувъ о медѣ у Гунновъ, вы не сказали о стравѣ и ячменномъ квасѣ? Прощайте покуда. Батюшкѣ скажите поклонъ и благодарность за дружбу.

---

[1]) А. С. Хомяковъ подвергался допросамъ графа Закревскаго по поводу извѣстныхъ стиховъ своихъ къ Россіи: „Тебя призвалъ на брань святую“. Его обязали не печатать стиховъ своихъ и даже не читать ихъ. „А матушкѣ можно?“ спросилъ Хомяковъ издавна знавшаго его и его семейство генералъ-губернатора. „Матушкѣ можете читать“, сказано въ отвѣтъ, „и пожалуста передайте ей мое почтеніе“. Это было великимъ постомъ 1854 года.

[2]) Варвары Дмитріевны.

5.

(1854).

Простите мнѣ мое молчаніе, любезный Александръ Ѳеодоровичъ; вы, человѣкъ порядочный и сжившійся съ послѣдовательностію въ занятіяхъ, не совсѣмъ поймете того, что я еще только начинаю справляться съ вашими задачами и далеко ихъ не кончилъ. Началъ же я съ вашего труда, потому что онъ спѣшнѣе моего. Прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ ваше предисловіе или проектъ Лексикона. Страшный трудъ, великолѣпный, если вамъ Богъ дастъ его совершить и совершенно полный, если, какъ вы намѣрены, приложите къ нему алфавитный списокъ словъ. Такое дѣло подвинетъ на безконечное разстояніе впередъ всю филологію, не говорю уже о Словянской, которая этимъ опередитъ всѣ остальныя. Одно, кажется, еще замѣчаніе должно прибавить. Въ развитіи корней надобно еще держаться хронологическаго порядка. Отъ этаго виднѣе будетъ исторія развитія въ каждой вѣтви. Если же новѣйшая форма (что̀ иногда случается) древнѣе древнѣйшей, то это должно оговаривать: ибо иногда новѣйшая происходитъ отъ древней, не сохранившейся въ памятникахъ письменныхъ. Какъ вы думаете? Теперь объ исторіи Помо́рія. Вамъ за нее всѣ будутъ очень и очень благодарны, если только (въ чемъ крѣпко сомнѣваюсь) цензура позволитъ вамъ заслужить общую благодарность. Изложеніе очень хорошо, просто и тепло. Кошелевы, менѣе меня съ чтеніемъ такого рода свычные, нашли нѣкоторую сбивчивость въ порядкѣ предметовъ. Я съ ними несогласенъ и думаю, что и они бы не нашли сбивчивости, если бы вы приложили указанія на поляхъ: «о томъ-то». Я имъ это сказалъ, и они не отрицали. Своихъ примѣчаній я много написалъ на поляхъ. Почти всѣ относятся къ слогу, въ который вкрались, кажется, нѣкоторыя небрежности при общей его чистотѣ и легкости. Кажется, въ раннюю эпоху, въ свидѣтельствѣ Птоломея, есть одно обстоятельство, на которое вы не обратили вниманія. Между Эльбою и Вислою онъ помѣщаетъ много городовъ, *между тѣмъ какъ по остальной Германіи ихъ почти вовсе нѣтъ*. Окончаніе ихъ именъ на *tunum*, соотвѣтствующее нашему *градъ*, какъ и

Эдда называется, кажется, *Новоградъ—Neotun* *). Посмотрите, не ошибаюсь ли я въ этомъ замѣчаніи, которое пишу съ памяти. До быта собственно вы еще не дошли. Пожалуста, выставьте поярче доказанное свидѣтельствами земледѣльческое превосходство Поморія, изъ котораго долго еще Германія брала учителей и колоніи земледѣльческія, переселяемыя даже на Майнъ и Рейнъ. Это послужитъ сильнымъ опроверженіемъ мнѣнія, будто бытъ общинный не благопріятствуетъ земледѣлію. Доброе и прекрасное дѣло предприняли вы. Совершайте его и порадуйте всѣхъ друзей науки; трудъ живой—а таковъ будетъ вашъ трудъ—великое пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе, что всѣ вопросы разсматриваете вы съ новой и неизвѣстной еще въ западномъ воззрѣніи точки.

Теперь нѣсколько словъ о Лексикончикѣ. Быть можетъ, я былъ неправъ въ томъ, что не различалъ долгихъ и краткихъ. Я не счелъ этаго за нужное именно потому, что смотрю на этотъ трудъ, какъ на мелкій опытъ; но если вы думаете, что тѣмъ навлеку на себя нареканіе, будьте такъ добры и поставьте знаки. Насчетъ употребленія Русскихъ буквъ я считаю себя правымъ. Кто по-русски не знаетъ, тотъ и пользоваться этимъ словаремъ не можетъ; а для Русскаго или знающаго по-русски тождество звуковъ и яснѣе, и наглядиѣе, когда они писаны тѣми же знаками. Это обстоятельство важное. Разумѣется, я очень признаю неудобство Русской азбуки для начертанія звуковъ иностранныхъ, но едва ли не тоже и съ знаками Латинскими. Главное дѣло въ аспираціи. Что же? Можно, кажется, обозначить ее апострофомъ—*б'*, *г'*, *д'* и т. д. Г мягкое не есть *h*, и его можно въ примѣчаніи назвать г Малороссійскимъ. Кажется, это будетъ вѣрно. А краткое въ концѣ глаголовъ выкиньте, и если какую другую неправильность замѣтите, пожалуста исправьте. Насчетъ нѣкоторыхъ разногласій нашихъ въ выводахъ, я думаю надобно оставить такъ, какъ они у меня, развѣ бы было какое нибудь явное превосходство въ вашей догадкѣ. А вотъ напр. насчетъ Сварога я считаю себя рѣшительно правымъ. Свар-гъ слово поздиѣйшее—солнце-ходъ. Его составныхъ частей у насъ нѣтъ, а Сва-рогъ равно возможенъ у насъ, какъ и въ Санскритѣ. Ава-

*) Въ Эддѣ Noatun.—Слово *тынъ* тоже что *городъ*, ограда. *Изд.*

рога (небо) доказываетъ это, и очень легко можно предположить (какъ вы думаете), что Сварогъ дѣйствительно значилъ небо какъ и Аварога, составленъ на тѣхъ же законахъ, но даетъ небу болѣе космогонический смыслъ. Я это говорю только какъ примѣръ тѣхъ разногласій, за которыя я стою.

Предисловьице хочу написать на дняхъ; но полно нужно ли къ опыту и не лучше ли мое коротенькое къ вамъ посланіе, чтобы не сказали: «parturit mons?» [1]) Право, такъ!

Прощайте, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Всѣ здѣсь сходятъ съ ума на политикѣ; но мнѣ это нестрашно потому, что я ею не позволяю себѣ заниматься. Батюшка вашъ похвалитъ меня за это, да и вы также. Гдѣ нельзя дѣйствовать, лучше и не думать. Значило бы что нибудь общественное мнѣніе, другое бы дѣло; а то всѣ толки вздоръ, и чѣмъ дѣльнѣе, тѣмъ вздорнѣе, потому что больше мутятъ. Брошюрку [2]) запретили. Это такъ и слѣдовало; а на нее не нападаютъ, это досадно. Впрочемъ другая попытка еще возможна.

6.

(1854).

Опять я виноватъ, и вы простите меня. Думаю, что никогда я не писалъ такъ искренно, и это очень понятно. У меня и помышленія нѣтъ о печати. Всѣ пьесы выливались почти невольно, особенно послѣдняя и безъ сомнѣнія лучшая, «къ Россіи». Этой не для чего скрывать; но объ остальныхъ, пожалуста, не говорите. Таково состояніе нашей печатной словесности, что я не хотѣлъ бы, чтобъ мой голосъ былъ слышанъ даже и въ чтеніи кромѣ какъ моими друзьями. Другимъ нѣтъ до меня дѣла. Въ наукѣ—другое. А все еще я предисловія не написалъ. Да нельзя ли въ Ученыхъ Извѣстіяхъ безъ него обойтись? Вѣдь Лексиконъ пропустятъ, а предисловіе застрянетъ. Право, не сумѣю такъ написать, чтобы не вцѣпилось уже такъ сильно заронившееся подозрѣніе. Легко сказать: надобно выразить мой особенный взглядъ на филологію для народовъ Словянскихъ, т. е. затронуть вопросъ народности и той

[1]) Родила гора (т. е. мышь).

[2]) Первую богословскую.

живой струи, которая протекаетъ во всѣхъ племенахъ Словянскихъ, дѣлая ихъ явленіемъ особеннымъ и рѣзко отдѣленнымъ отъ другихъ народовъ. Да куда это меня заведетъ? И что подъ этимъ всѣмъ разумѣть будутъ? Обыкновенно вступленіе пишется ad captandam benevolentiam, а тутъ начало будетъ ad damnationem merendam [1]). Подумайте объ этомъ.

Какъ мнѣ васъ благодарить и вашего батюшку за дружбу вашу? Желаю себѣ успѣха для того, чтобы и вы могли не пожалѣть о своемъ участіи, брошенномъ безъ пользы. Если бы вы думали, что другой путь, именно черезъ Journal de Fr., былъ полезенъ, при неудачѣ уже избраннаго, перемѣните смѣло, что нужно бы было еще о Пр. и Ав. [2]); я дорожу только главными чертами. Но признаюсь вамъ, кажется мнѣ, что тутъ все остановитъ: и братство, и папа, и вообще крайняя рѣзкость. Впрочемъ вамъ ближе знать. Вѣдь я журналовъ никогда не читаю.

7.

(1855).

И грустно, и весело было мнѣ читать ваше послѣднее. Во-первыхъ грустно, что батюшка такъ постоянно боленъ нынѣшній годъ, во-вторыхъ приходится мнѣ отказаться отъ свиданія съ вами въ продолженіе лѣта, а меня эта надежда очень веселила. Вмѣстѣ гулянія по Боучаровскимъ лѣсамъ и садамъ, по огородамъ Индо-Европейскихъ корней, толки на досугѣ, можетъ быть, даже пробужденіе въ вашей душѣ какихъ-нибудь еще дремлющихъ благородныхъ побужденій, т. е. склонности къ какому-нибудь спорту (впрочемъ, кажется, вы лодочникъ, и вѣроятно рыболовъ) и пр. и пр.! Грустно отъ всего этого отказаться; но признаюсь, мнѣ болѣе веселія чѣмъ грусти, когда подумаю, что вы ѣдете въ чужіе края. Это для батюшки вашего не только здорово, но, я увѣренъ, хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Ему съ вами будетъ весело и свѣтло на душѣ, а для васъ самихъ какъ хорошо побывать за границею, подышать мягкимъ воздухомъ Запада и ученымъ воздухомъ Герма-

---

[1]) Для снисканія благосклонности. Для того, чтобы заслужить наказаніе.

[2]) О Православіи и Австріи.

ніи! Я это говорю съ искреннимъ убѣжденіемъ. Терпѣть не могу людей-охотниковъ до заграничнаго шатанья, да и не люблю людей равнодушныхъ къ путешествію по области, гдѣ умъ пробужденъ, гдѣ цвѣтутъ или цвѣли науки и художества. Я за васъ радуюсь во всѣхъ отношеніяхъ; но куда же писать къ вамъ? Если будете въ Прагѣ, отдайте два экземпляра моего С. Р. Словаря Ганкѣ и Шафарику, да лучше возьмите поболѣе; можетъ быть, увидите Штура и другихъ. Первымъ двумъ скажите мое почтеніе, а всѣмъ говорите, чтобы они сами себя любили хоть столько, сколько мы ихъ любимъ. — Какъ мнѣ благодарить васъ за ваше нянчанье съ моими дѣтками? Всѣ ваши распоряженія хороши какъ нельзя лучше, а вѣсть, которую вы мнѣ даете, хотя еще сомнительная, очень меня радуетъ. Пожалуста, не подумайте, что я вашихъ порученій не помнилъ. Я хоть и не писалъ вамъ объ этомъ, а хлопоталъ объ рекомендованномъ вами наставникѣ, но не писалъ вамъ потому, что ничего не нашелъ.

Теперь о дѣлѣ Словаря. У меня червь съѣлъ хлѣбъ, вода сорвала полотину, огонь спалилъ деревню цѣлую, и финансы мои въ плуснѣйшемъ положеніи; поэтому я ничего сдѣлать не могу. Кошелева и Самарина здѣсь нѣтъ; но когда пріѣдете, т. е. къ Сентябрю, напомните мнѣ слово Француза королевѣ: «Si ce n'est qu'impossible, cela se fera» *), и будетъ дѣло слажено; вы въ этомъ можете быть увѣрены. До времени, по вашему желанію, я никому не скажу. Кстати, не къ Болгарину, а къ вашему прежнему наставнику: если онъ еще не помѣщенъ, а безъ васъ я открою что-нибудь для него, какъ его отыскать и пр. и пр.? Напишите коротенькое свѣдѣньице и пришлите. Эти вещи иногда улаживаются невзначай.—Пишу къ вамъ почти въ тарантасѣ, который стоитъ на дворѣ и готовится меня везти въ деревню, куда дѣти уже отправились вчера. Пора на свѣжій воздухъ! По крайней мѣрѣ ѣду повеселѣе: послѣднія вѣсти изъ Крыма сколько нибудь да потѣшили. Дай только Богъ, чтобы туда еще войскъ отправили. Выдержать это лѣто до зимы, и тогда дѣла наши еще уладятся. Если бы мы отдѣлались отъ Англіи и Франціи и освободились

*) Если это только невозможно—исполнится.

отъ Австріи, мы бы стали выше чѣмъ когда либо, не смотря на уступки. Дай Богъ теперь мира съ Австріей, но даже война лучше чѣмъ союзъ. Война — страданіе для тѣла; союзъ съ Австріей—продажа души и всего будущаго.

8.

(1855).

Таскался я по свѣту, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, въ послѣднее время: то въ Тулу черезъ ломающійся ледъ и разливъ Оки, то въ Смоленскъ по топямъ и грязямъ. Послѣднюю поѣздку совершилъ я по случаю прорвы мельничной, которая заставляетъ меня отправить въ Питеръ повѣреннаго, доставителя сего моего посланія. Онъ же доставитъ вамъ и мою посылку. Обѣщался я вамъ доставить три непропущенныя статьи. Посылаю ихъ. Надули меня, рекомендовавши переписчика; вышелъ предрянной: и ошибокъ пропасть, и рука скверная, а я спохватился только тогда, когда уже были статьи переписаны. Не взыщите. Я особенно дорожу послѣднею, которую, не знаю по дѣлбмъ или нѣтъ, считаю своимъ капитальнымъ произведеніемъ и которую грустно не видать въ печати. Чортъ знаетъ, и именно чортъ глупости одинъ только и знаетъ, почему эти статьи, а особенно послѣдняя, не пропущены. Неужели и теперь не позволятъ? Какъ бы то ни было, для большей полноты прилагаю вамъ портретъ автора. Вы этого не сочтете слишкомъ самолюбивою затѣею; хотѣлъ съ вами похристосоваться этимъ въ Пасху, да не поспѣлъ. Портретъ очень похожъ и славно сдѣланъ фотографіею; нѣсколько суровъ и далъ поводъ къ милой злости Ив. Вас. Киреевскому: «C'est Kh. subissant le silence» *). Неотъемлемое право друзей острить надъ друзьями. Примите мое солнечное обличеніе. Какъ назовете вы такое Словянское названіе фотографіи? Эта шутка на словѣ напоминаетъ мнѣ то, что безъ васъ и Коссовича я просто давлюсь этимологіями: никого нѣтъ, кому бы можно было хоть зацѣпиться объ нихъ.

Что вашъ батюшка? Выздоровѣлъ ли онъ? Что вы сами? Для лѣченія наступило лучшее время—весна. Вы спрашивали моего

*) Это Хомяковъ, осужденный на молчаніе.

совѣта: симптомы не совсѣмъ такъ описаны, какъ бы слѣдовало; но изъ нихъ я только одинъ могу сдѣлать выводъ. Возьмите Nux Vomica dil. 2-a, guttis; примите три дня поутру и ввечеру по одной каплѣ въ ложкѣ воды и выждите три дня дѣйствія; потомъ Sulphur попрежнему недѣлю. Если увидите перемѣну къ лучшему, продолжайте; если первый день или второй будетъ хуже, не пугайтесь. Смотрите, что̀ скажетъ третій и четвертый день. При большой перемѣнѣ къ лучшему, не спѣшите принимать Sulphur, а дайте Nux время поработать. Если не будетъ перемѣны, возьмите Pulsatilla dil. 2-a, guttis и поступите также и потомъ увѣдомьте меня. Заглазно трудно попасть сразу на вѣрное лѣкарство, но вылѣчить васъ навѣрное я долженъ.

Много перемѣнъ и мало перемѣнъ. Смерть Царя меня оправдала въ моемъ о немъ сужденіи: я не ошибался. Его ошибки были ошибки въ понятіяхъ и въ ложной системѣ; но онъ былъ честный труженикъ, который дѣйствовалъ подъ ложно-приложеннымъ нравственнымъ закономъ, и слѣд. онъ правъ передъ судомъ совѣсти. Человѣкъ отвѣчаетъ только за свою волю. Дай Богъ такой же доброй воли и яснѣйшаго пониманія молодому Государю! Особенно дай Богъ ему довѣрія къ Россіи и невѣрія къ тѣмъ, кто оподозрѣваетъ всякое умственное движеніе. Мы дошли до великихъ бѣдъ и срама по милости однаго — умственнаго сна; но перемѣны не могутъ быть слишкомъ быстрыми. Здѣсь всѣ радуются проявленію стремленія къ народному и Русскому. Не знаю, какъ въ Питерѣ. Освобожденіе отъ наружнаго подражанія важно какъ знамя, вызывающее освобожденіе мысли отъ чужаго авторитета, какъ вызовъ къ самомышленію. Въ добрый часъ молвить!

Слава Богу, кажется, участь Севастополя рѣшена. Честь и слава кому слѣдуетъ! Эта защита разогрѣла всѣ сердца; это происшествіе, носящее на себѣ характеръ жизни, и жизни народной. Что̀ бы ни было впереди, а головы Русскія приподнялись закопною гордостью. Теперь говорю всѣмъ одно: трудъ, трудъ и трудъ, чтобы не посрамить себя и не подвергнуться великой отвѣтственности. Вамъ этаго говорить нечего. Вамъ надобно напротивъ сказать: не трудитесь черезъ мѣру!

А что? Не попробовать ли статьи снова въ цензуру? Какъ вы думаете? Нѣтъ ли слуха о Брокгаузѣ?

9.

Получилъ я ваше письмо, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, за нѣсколько д. до отъѣзда изъ Москвы. По вашему порученію справлялся я объ Сербскихъ грамотахъ; но оказывается, что ихъ еще не печатали. По крайней мѣрѣ, никто не могъ мнѣ сказать объ нихъ ничего удовлетворительнаго, и кажется, что ихъ нѣтъ въ печати; развѣ не были ли изданы прежде? Но по вашему письму я справлялся объ новомъ изданіи. Если я не понялъ, то извините. У меня было тѣмъ болѣе желанія отыскать эти грамоты для васъ и доставить ихъ къ вамъ, что я чувствую, какъ хорошо бы было съ такимъ изданіемъ ѣхать къ нашимъ южнымъ братіямъ. Лѣто провелъ я глупѣйшимъ образомъ. Во-первыхъ у насъ и лѣта не было, а холодная осень съ конца Іюня; во-вторыхъ, я все былъ въ разъѣздахъ. Сперва грустная поѣздка съ Елагинымъ (нужно ли вамъ говорить, какъ меня и всѣхъ насъ срѣзала смерть Киреевскаго? Не только другъ дорогой намъ и особенно Кошелеву и мнѣ, но еще и великій дѣятель, и незамѣнимая спеціальность философская, и истинно мыслитель необыкновенный). Потомъ, по дѣламъ въ Рязанскую деревню; потомъ къ Кошелеву на хозяйственный съѣздъ для обсужденія нѣсколькихъ эманципаціонныхъ плановъ; потомъ, наконецъ, на коронацію отчасти для себя, но особенно для дѣтей. О коронаціи только два слова. Въѣздъ былъ удивителенъ, и я радъ, что его видѣлъ... просто, какой-то волшебный сонъ. Золото, Азіатскіе народы, великолѣпные мундиры и старые Нѣмецкіе парики. Тысяча и одна ночь, пересказанная Гофманомъ. За всѣмъ тѣмъ чудно хорошо! Самой коронаціи я не видалъ. Досталъ мѣста старшимъ дѣтямъ и послалъ ихъ; досталъ еще два билета себѣ и меньшой дочери; тутъ явились двое Сербовъ изъ Тріеста, пріѣхавшихъ собственно для этаго. У нихъ билетовъ не было; я отдалъ свои и, разумѣется, не могъ не отдать. Оставшись дома, написалъ стихи, которыя посылаю къ вамъ. Барыня одна критиковала

послѣднюю строфу: «Съ чего онъ вздумалъ про душу говорить? Объ этомъ и Филаретъ не говорилъ». Вѣдь не дурно! *).

Вотъ вамъ почти все, что я о себѣ могу сказать. Статьи мои безъ подписи въ Бесѣдѣ вы читали, слѣд. и объ этомъ сказать нечего; и такъ лучше поговоримъ о васъ. Мнѣ весело, что вы такъ хорошо и съ такимъ толкомъ и пользою путешествуете. Какъ много привезете вы впечатлѣній, и какъ живительно они будутъ дѣйствовать на васъ! Хорошо совершенное путешествіе есть истинный капиталъ для жизни, не только какъ воспоминаніе, но еще какъ сила, возбуждающая мысль посредствомъ расширенныхъ сочувствій. Для насъ равно могутъ служить возбужденіемъ и оживившіеся Лужичи, и эти несчастные Прибалтійскіе Словяне, которыхъ вы застали въ самую минуту замирающей народности. Какое тяжелое впечатлѣніе должно производить не на Славянофила, но на всякаго безпристрастнаго человѣка, это грустное и истинно-прозаическое вымираніе старины и всѣхъ ея слѣдовъ въ жизни цѣлаго племени, оторваннаго судьбою отъ сообщества ему родныхъ племенъ! Разумѣется, ихъ спасти или задержать отъ денаціонализаціи нельзя; но великъ долженъ быть урокъ другимъ, какая предстоитъ опасность всѣмъ отдаленнымъ племенамъ. Знаютъ ли они, или не знаютъ (а надобно втолковать): всѣхъ спасаетъ великій Русскій резервъ. Славно осмотрѣли вы остатки Сѣверо-Западныхъ Словянъ, и вѣроятно вамъ можно будетъ посредствомъ найденныхъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ нарѣчій и историческихъ показаній, этнографію старую возстановить почти въ полнотѣ. Этотъ отдѣлъ тогда будетъ конченъ, и вамъ будетъ принадлежать честь дѣла. Радуюсь и за васъ, и за себя, какъ предвидѣвшаго, что вы совершите трудъ, за который взялись съ такою любовію. Многимъ это будетъ очень кисло.

Какъ мнѣ васъ благодарить за ваши дружескія заботы объ моихъ богословскихъ книжицахъ? Все, что вы сдѣлали, сдѣлано, разумѣется, какъ нельзя лучше. Объ изяществѣ хлопотать

*) А ты, въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца принявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

нечего; въ этомъ нуженъ только вѣрно сохраненный смыслъ. Досадно только, что Смоларъ такъ небрежно дѣло сдѣлалъ. Неужели онъ не понимаетъ его важности? Вѣроятно, что дѣйствительно не понимаетъ. Мнѣ со всякимъ днемъ яснѣе становится положеніе религіознаго вопроса въ Германіи и во всей Европѣ: онъ проникаетъ во всѣ вопросы и въ тоже время нигдѣ самостоятельной важности не имѣетъ (кромѣ Англіи). Въ скоромъ времени, можетъ быть, примусь я и за третью брошюрку по случаю Бунзеновыхъ Zeichen der Zeit [1]). Курьезное произведеніе! Впрочемъ, тутъ же хочу я приплести и гадкую книжонку Гагарина: La Russie sera-t-elle catholique [2]). Вся цѣль этой дрянной штуки одна: сказать нашему правительству que tout le mouvement orthodoxe et panslaviste de Moscou n'est que la révolution déguisée sous une forme orientale, forme bien plus profondément conçue, bien plus puissante et plus élastique que toutes celles qu'a pu inventer l'Occident [3]). Каковъ подлецъ-Іезуитъ! Отвѣчать на это я конечно не стану потому, что оправданіе я считалъ бы уже униженіемъ; но хочется мнѣ негодяя потаскать въ его собственной грязи. Что это только можетъ Іезуитизмъ сдѣлать изъ человѣка! Вѣдь вѣроятно была же въ немъ и добросовѣстность, и какая нибудь вѣра, и теплота душевная. Безъ всякихъ внутреннихъ побужденій не броситъ же человѣкъ всѣ выгоды общественнаго положенія, и удобства жизни, и роскошь, къ которой съ дѣтства привыкъ. Глядя на это, понимаешь, какъ ложно-понятое чувство религіозное жгло, рѣзало, развращало и унижало человѣка ниже скота. Tantum religio potuit suadere malorum [4]). Я разбранилъ Гагарина и не пощажу печатно, если буду писать; а мнѣ очень жаль его. Надобно признаться, что въ протестантахъ нѣтъ такихъ скверныхъ явленій, но за то пропасть безсознательнаго и самодовольнаго комизма, даже въ такихъ людяхъ, каковы Сталь и Бунзенъ.

Дай Богъ вамъ счастія и успѣха въ вашей поѣздкѣ на Югъ. Что вы богатую соберете дань для науки, въ этомъ сомнѣнія

[1]) Знаменія времени.

[2]) Будетъ ли Россія католическою?

[3]) Все движеніе православное и всеславянское въ Москвѣ есть не что иное какъ революція въ восточной формѣ, которая гораздо глубже обдумана, гораздо сильнѣе и растяжимѣе, нежели всѣ формы, какія могъ придумать Западъ.

[4]) Столько религія можетъ внушить бѣдствій.

нѣтъ (только главное, будьте здоровы); что ваши поѣздки полезны не для одной науки, а и для тѣхъ людей, съ которыми васъ сводятъ ваши странствованія, я въ этомъ увѣренъ; но не стали бы вамъ мѣшать, вотъ я чего боюсь. Меня очень обрадовало то, что вашъ батюшка поправился. Я бы желалъ для него еще нѣсколько прогулокъ за границею; неужели нельзя ему какъ нибудь это уладить? Прощайте, любезный Леярдъ [1]) Славянскихъ народовъ и языковъ.

Сентября 12 дня (1856).

Въ Москвѣ познакомился я съ Американцами и Американками. Совсѣмъ особенное племя; въ нихъ что-то дикое при просвѣщеніи: одичалые gentlemen и ladies. Меня полюбили очень. They havent met any body half so funny in Europe. Why, they would have run after him (т. е. за мною) in Amerika [2]). Я не ожидалъ такой характеристики.

10.

(1859).

Про себя я вамъ до сихъ поръ ничего не писалъ. Причина та, что и писать нечего. Какъ-то я оглупѣлъ сильно, точно будто въ высокіе чины пошелъ. Утѣшаю себя надеждою, что это явленіе временное и не обязательное для будущаго. Приписать его занятіямъ охотою и хозяйствомъ не могу потому, что не замѣчалъ такаго вліянія прежде; скорѣе можно приписать его большой вознѣ съ Комитетомъ и безпрестанному соприкосновенію съ представителями дворянства. Здѣсь Комитетъ идетъ довольно скверно, не смотря на присутствіе многихъ дѣльныхъ и хорошихъ людей. Теперь возимся съ полученіемъ согласія Комитета на публичность засѣданій. Я говорю, какъ будто самъ участвую; дѣйствительно я безпрестанно въ Тулѣ и въ совѣщаніяхъ домашнихъ. Князь Черкасскій (депутатъ отъ правительства) великолѣпенъ: образецъ парламентскаго дѣятеля и оратора. Въ этомъ ему отдаютъ справедливость даже враги.

Каково мое положеніе! Кошелевъ и Самаринъ требуютъ отъ меня философской статьи, и когда? Въ то самое время, какъ я чувствую отливъ умственныхъ способностей. Обливаюсь потомъ и пишу.

---

[1]) Леардъ—изслѣдователь клинообразныхъ надписей. *Изд.*

[2]) Они не встрѣчали никого въ Европѣ, кто бы и на половину былъ такъ забавенъ какъ я. Въ Америкѣ бы за нимъ (т. е. за мною) просто бѣгали.

11.

Видите, любезный Александръ Ѳеодоровичъ, что я захотѣлъ съ вами лично похристосоваться [1]), о чемъ васъ удостовѣритъ и прилагаемый сверху ликъ мой: На днях послалъ я къ вамъ Сербовъ [2]), которыхъ Самаринъ долженъ былъ вамъ доставить уже съ подписями. Ни слова не успѣлъ я написать по милости Погодина, который до ночи то подписывалъ, то нѣтъ. Просто надоѣлъ разнымъ вздоромъ. Должно быть, былъ не въ духѣ по случаю своего неславнаго боя съ Костомаровымъ. Срамъ: какое ясное дѣло, и не умѣлъ его выиграть такъ, чтобы и слѣпые видѣли, кто побѣдилъ! Что публика была безсмысленная, вовсе не отговорка. Нѣтъ публики, при которой было бы позволительно не разбить Костомарова въ пухъ и прахъ. Это обида для Москвы.—Какъ васъ благодарить за вашу статью? [3]) Статья капитальная. Едва ли она встрѣтитъ цензурныя препятствія. Въ духовномъ смыслѣ противъ нея сказать нечего, а въ соціальномъ, котораго духовенство не поймет, пройдетъ она, по самому этому непониманію. Впрочемъ, когда я говорю, что въ духовномъ смыслѣ она не встрѣтитъ препятствій, вы уже видите, что мы таки далеконько подвинулись впередъ.

Какъ мнѣ хотѣлось бы прочесть вамъ свое письмо къ Бунзену! Да никакъ нельзя. Переписывать его слишкомъ долго. Нужно, чтобы или самъ я переписалъ, или Митя. И такъ онъ бѣдный его уже разъ переписалъ для заграничнаго напечатанья, если только удастся напечатать, а вещь очень серьезная и, кажется мнѣ, удачная. Тутъ удалось мнѣ и съ корнесловіемъ поразгуляться, и съ философіею, и съ историческою критикою. Всего вдоволь.

11.

22-го Февраля 1860 г.

Я кругомъ виноватъ передъ вами, такъ долго задержавъ вашъ переводъ [4]), тѣмъ болѣе виноватъ, что и измѣнять-то въ немъ я почти ничего не нашелъ, кромѣ нѣсколькихъ, по моему, сомни-

[1]) На письмо наклеенъ крохотный свѣтописный портретъ А. С. Хомякова.

[2]) Т. е. Посланіе къ Сербамъ изъ Москвы, сочиненіе А. С. Хомякова, появившееся въ Лейпцигѣ въ 1860, перепечатанное въ Русскомъ Архивѣ 1876 и нынѣ въ I-мъ томѣ. М. П. Погодинъ подписался подъ нимъ вторымъ послѣ А. С. Хомякова.

[3]) Сличи ниже въ письмѣ къ И. С. Аксакову. *Изд.*

[4]) Изъ Гавличка.

тельныхъ словъ. Онъ и легокъ, и передаетъ веселую шутливость оригинала; только мнѣ кажется, иногда вы безъ нужды измѣняете порядокъ словъ. Конечно, черезъ это вы выигрываете въ отношеніи къ плавности (чего вы искали); но переводъ стиховъ въ прозу долженъ не только быть (точенъ), но и отзываться переводомъ, и потому бо́льшая близость къ обороту оригинала едва ли не была бы выгодою. Какъ вы думаете? Я этаго и не отмѣчалъ и не измѣнялъ потому, что хорошее перемѣнять въ худшее нѣтъ крайней надобности; но по системѣ такъ бы выходило. Согласны ли вы только на самую систему? Знаете ли тоже, что̀ отчасти меня задержало? Вы были предложены въ члены Общества Люб. Р. Словесности и, разумѣется, выбраны единогласно; но мнѣ хотѣлось васъ за одно уже увѣдомить о томъ, остаюсь-ли я предсѣдателемъ; а это зависѣло отъ отвѣта министра на счетъ нашихъ цензурныхъ правъ или, лучше сказать, отъ рѣшенія Государя по нашей просьбѣ. Тутъ же я хотѣлъ и переводъ переслать. Рѣшеніе пришло неблагопріятное; признаюсь, я ожидалъ другаго. Въ публичномъ засѣданіи я это объявилъ членамъ; а такъ какъ недовѣріе къ Обществу въ этомъ случаѣ особенно падаетъ на предсѣдателя, котораго подпись узакониваетъ печатаніе, я просилъ Общество уволить меня отъ званія моего. Я считалъ долгомъ такъ поступить; но Общество, въ частномъ засѣданіи 6-го Февраля, меня единогласно одобрило, и я опять остался. Вотъ вамъ, при объявленіи объ вашемъ избраніи, и краткій докладъ о происшествіяхъ въ Обществѣ. Затѣмъ, хотя и положено уже не печатать отдѣльныхъ трудовъ, но мы надѣемся приступить къ нѣкоторымъ ученымъ изданіямъ, а на васъ надѣемся, что вы что нибудь дадите для чтенія въ собраніяхъ публичныхъ или частныхъ. Знаете ли что? Вы бы могли, и никто лучше васъ, составить краткій обзоръ современной Словянской филологіи. Это была бы прекрасная вещь; печатать же вы можете гдѣ хотите. Разумѣется, кандидатомъ на это будетъ сборникъ Русской Бесѣды... Будетъ, думаю, у насъ еще маленькая буря въ Обществѣ завтра. Вы можетъ быть видѣли крайне неловкую статью одного изъ нашихъ сочленовъ Селиванова, въ Вѣдомостяхъ. По этому случаю оскорбленные члены Общества хотѣли, чтобы я высказалъ ихъ оскорбленіе. Какъ предсѣдатель (никогда не могу безъ смѣ-

ха этаго сказать или написать), я отъ иниціативы отказался, но другіе, кажется, горячо за дѣло возмутся. Проба отказа съ моей стороны имѣла, если не ошибаюсь, хорошія послѣдствія: увидѣли, что Обществу нужны серьозные труды, и я надѣюсь они будутъ. Много зависитъ отъ завтрашняго засѣданія.

Я сознаю всю мелочность нашей здѣшней дѣятельности и въ тоже время увѣренъ, что безъ нея никакого grand ton'а имѣть нельзя. Надобно будетъ за Словянское дѣло взяться серьезно.

Странная и, по моему мнѣнію, любопытная теперь эпоха у насъ. Подъ видомъ самыхъ пошлыхъ, незначительныхъ движеній закладываются начала самыхъ важныхъ и едва ли не міровыхъ явленій. Говорить о нихъ съ видомъ важнымъ нельзя: все видимое такъ мелко. Говорить о нихъ шутя нелѣпо: подъ ними кроется весьма и весьма много. Кому въ Европѣ нужно знать про смерть Ростовцева? Хорошъ герой! А отъ этой смерти наступилъ новый фазисъ въ вопросѣ, котораго разрѣшеніе отзовется сильно не у насъ однихъ. Поневолѣ зачешется въ затылкѣ, когда объ этомъ подумаешь. Не знаю, какъ у васъ въ Питерѣ, а здѣсь только и толку объ этомъ и, къ несчастію, злыя страсти сильно радуются. Спасибо Павлову: онъ въ «Нашемъ Времени» сказалъ объ этомъ нѣсколько добрыхъ словъ.

Самъ я довольно сильно трудился и, не смѣйтесь, кое чему учился въ Еврейскомъ языкѣ. Разумѣется, я столько же языкъ этотъ знаю, сколько и прежде; но убѣдился, что только Русскій изо всѣхъ Европейцевъ можетъ понять восточные языки. Тамъ рѣшительно преобладаетъ, какъ у насъ, видовая или, лучше сказать, качественная флексія. Не знаю только ея собственнаго центра; у насъ это существительное. Впрочемъ, эти всѣ мои изученія шли отъ письма къ Бунзену. Я думалъ написать коротенькое и легонькое; вышло порядочно-длинное и весьма для меня трудное. Посылаю за границу; какъ напечатаю, не знаю. Кстати, что? Подается ли переводъ? Прощайте, любезный Александръ Ѳеодоровичъ. Кланяйтесь батюшкѣ. Вашъ А. Хомяковъ. А не менѣе батюшкѣ кланяйтесь супругѣ.

Два письма къ Ѳедору Ивановичу Гильфердингу.

1.

(1855).

Какъ грустно было не мнѣ одному, но намъ всѣмъ, любезный и старый другъ, узнать о болѣзни Александра Ѳеодоровича! Хоть мы и знали, что опасность миновалась, хоть надѣемся, что выдержанная сильная болѣзнь въ его лѣтахъ можетъ имѣть самыя полезныя послѣдствія и укрѣпить здоровье, а все таки съ горемъ слышали, что онъ боленъ былъ и осужденъ на многонедѣльное заключеніе. За васъ особенно мнѣ было больно: сколько душевнаго волненія, сколько тревоги перенесли вы въ это время, сами едва оправившись отъ болѣзни! Богъ милостивъ. Теперь вы отдохнули, но теперь за то надобно вамъ крѣпко предписать юношѣ осторожность, а потомъ потребовать отъ него, чтобы нынѣшнее лѣто онъ посвятилъ болѣе жизни физической, чѣмъ умственной. Сама природа (хоть болѣзнь, можетъ быть, и была отчасти случайная) требуетъ этаго и указала на это требованіе. Еще совѣтъ: пусть принимаетъ Александръ Ѳеодоровичъ всякій день по одной каплѣ Pulsatilla dil. 2-a, guttis на ночь. Это спецификъ противъ кори и противъ всѣхъ ея Nachkrankheiten *). Въ его лѣта, разумѣется, уже онъ не подверженъ послѣ кори изліяніямъ серознымъ; но Puls. оберегаетъ дыхательные и пищеварительные органы отъ острыхъ началъ, который корь приводитъ въ броженіе, не всегда вполнѣ выгоняя ихъ наружу. Это, повѣрьте, въ высшей степени полезно.

*) Болѣзненныхъ послѣдствій.

Возвращаю листокъ корректурный; съ какою искреннею благодарностію, говорить нечего. Кое-какія неисправности отмѣтилъ я черточками на поляхъ; ихъ мало. Погодину я говорилъ три раза; онъ увѣряетъ, что послалъ уже корректуру къ автору, а правда ли, не знаю. Что могъ, то сдѣлалъ, и сверхъ того срамилъ Погодина. Ну да вѣдь онъ хоть и хорошій человѣкъ, но страшно толстокожъ: нескоро прохватишь словомъ.

На дняхъ Аксаковъ отправитъ къ вамъ (если еще не отправилъ) статью свою о глаголахъ. Темно выражено, но вещь сама по себѣ великолѣпная, и если будетъ переведена, дастъ Германіи гораздо яснѣйшее понятіе о геніи Словянскихъ нарѣчій и объ ихъ особенности. Думаю, что впрочемъ это качество, которымъ они отличаются въ этомъ отношеніи, нѣкогда было свойствомъ первоначальной общей Индо-Европейской рѣчи, утраченное другими тогда, какъ мы утратили богатство временнаго спряженія. На это есть указаніе въ Санскр. и въ Греческомъ, а Нѣмецкое ge-worden, ge-schützt есть тоже качественное измѣненіе; но тамъ только обломки. Я думаю, Александръ Ѳеодоровичъ со мною согласится, и Германіи ученой будетъ любопытно сохраненіе этаго живого явленія въ организмѣ живаго языка. Господи, хоть бы мы свою Грамматику поняли! Можетъ быть, мы бы поняли тогда хоть часть своей внутренней жизни и то, что для насъ нѣтъ тѣхъ болѣзней, которыми страдаетъ Европа, а свои, и что вся система питанія, лѣченія и слѣд. общественной жизни должна быть своя. Много, много практической науки въ наукѣ отвлеченной.— Что-то у насъ дѣлается въ мірѣ политическомъ? Что въ военномъ? Тяжело, но не безнадежно; а все-таки дай Богъ мира. Однако Горч. и Титовъ не совсѣмъ такъ осрамились, какъ мы боялись. Документъ хорошъ, но не достало немножко художественнаго выраженія и недовольно выпуклости въ выставленіи нашей правоты. Впрочемъ и за то спасибо. Замѣтна перемѣна къ лучшему противъ прежнихъ нотъ, и общественное мнѣніе приписываетъ это Государю. Что-то скажутъ объ этомъ въ чужихъ краяхъ?

2.

Никогда, любезный другъ, такъ ясно не видалъ я правды Латынскаго crescit eundo [1]), какъ теперь. Пріѣхавъ въ Москву, я встрѣченъ цѣлою стаею миѳовъ объ моемъ Петербургскомъ пребываніи. Я чуть-чуть не ежедневно обѣдалъ во дворцѣ, я горячо стоялъ за миръ (этотъ миѳъ отъ Фонтона[2]) и чуть-чуть не подвергъ меня участи первомученика св. Стефана), я съ Орловымъ почти закадычный другъ и т. д. Трезвый мой разсказъ никого не удовлетворяетъ; а вѣдь всѣ эти миѳы вылупились изъ яичекъ, снесенныхъ въ Петербургѣ и о которыхъ я въ Питерѣ уже слышалъ. Crescit eundo! Можете вообразить, какъ это меня забавляетъ, меня, такого записнаго охотника до человѣческой комедіи, которая такъ странно всегда сплетается съ Божественною драмою міра. Быть можетъ, не совсѣмъ мною довольны нѣкоторые мои друзья Московскіе за то чувство благодарности искренней, которое я вынесъ изъ Питера, и про которое пожалуста скажите всѣмъ (не исключая даже и того хитраго дипломата, который, какъ я сказалъ, подвергалъ меня камнепобитью). Тому, котораго я всѣхъ горячѣе благодарю, вамъ, не придется ничего разсказывать, а только скажите его любезному сынку, что я истинно горюю, что не могъ его дождаться. При отъѣздѣ я забылъ спросить, прочтена ли вами моя черновая статья и взять ее (если прочтена). Теперь оказывается необходимость ее здѣсь переписать; пожалуста перешлите ее хоть по тяжелой почтѣ; да если Данилевскій (кажется, секретарь при Вяземскомъ) не заѣзжалъ за своимъ альбомомъ, оставшимся въ моей комнатѣ, то передайте его и простите за неаккуратность. Она на сей разъ простительна по многимъ причинамъ.

Признаюсь, не безъ отрады возвратился я въ свой мирный уголъ (дѣтей нашелъ всѣхъ здоровыми), и кажется мнѣ, такъ уже привыкъ я къ домосѣдству, что я совершилъ какое-то ве-

[1]) Растетъ на ходу.

[2]) Извѣстный дипломатъ, знакомый еще по Турецкой войнѣ 1828—1829 годовъ А. С. Хомякову, о которомъ онъ сочувственно упоминаетъ въ своихъ изданныхъ за границею Запискахъ. *Изд.*

ликое путешествіе. Москву нашелъ я грустною, какъ ожидалъ, но не унылою. Здѣсь какъ-то чувствуютъ и вѣрятъ въ жизнь: soit dit, sans faire de tort à une autre ville [1]). Вѣрьте мнѣ, всѣ другіе разсказы—ложь, распускаемая или глупцами, или... да Богъ съ ними, съ этими разсказами!

Прощайте, любезный другъ. Будьте здоровы и не забывайте вами пріюченнаго и преданнаго А. Хомякова.

1856. Янв. 29. [2]).

---

[1]) Будь сказано не во гнѣвъ другому городу.

[2]) А. С. Хомяковъ ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ хлопотать о снятіи цензурнаго запрещенія съ его сочиненій, безъ чего нельзя было издавать „Русскую Бесѣду“, которая началась въ этомъ году и въ которой онъ принялъ дѣятельное участіе.

ПИСЬМА

КЪ

Аксаковымъ.

С. Т. Аксаковъ род. 20 Сентября 1791, ум. 30 Апрѣля 1859 года.

К. С. Аксаковъ род. 29 Марта 1817, ум. 7 Декабря 1860 года.

И. С. Аксаковъ род. 26 Сентября 1823, ум. 27 Января 1886 г.

Къ С. Т. Аксакову.

Мартъ (1853).

1.

Дѣло затѣваете вы весьма доброе, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳѣевичъ; и не только я мысль вашу нахожу прекрасною, но и всячески готовъ ей содѣйствовать прямо какъ соучастникъ изданія, и косвенно какъ вербовщикъ соучастниковъ[1]). Время для меня строгое[2]), и занятія ему должны соотвѣтствовать; но я понимаю пользу добраго и невиннаго удовольствія и считаю дѣломъ хорошимъ все то, что̀ можетъ возвращать человѣка къ удовольствіямъ, сдружающимъ его съ природою и отрывающимъ его отъ той вялой жизни, въ которой тонетъ наше общество. Англійскій журналъ весьма серьозно говоритъ: «если въ человѣкѣ нѣтъ хоть искры *спортсмена*, въ немъ природа искажена, не только физическая, но и духовная»; а религіозный журналъ Оксфордскій замѣчаетъ, что изъ университета Оскфордскаго много вышло не только людей замѣчательныхъ по наукамъ или государственному правленію, но еще и по дѣлу проповѣди и ученія богословскаго; что они же отличались и строгостью нравственной жизни, а это все онъ приписываетъ развитію гимнастики, кулачнаго боя, охоты и особенно катанья на лодкахъ. Имѣя такіе авторитеты, я въ полномъ правѣ предполагать, что и охота во всѣхъ ея отрасляхъ должна имѣть немалое вліяніе на доброкачественность жизни. И въ правду,

---

[1]) Рѣчь идетъ о журналѣ охоты. С. Т. Аксаковъ намѣревался издавать его, но не получилъ на то дозволенія! *Изд.*

[2]) По кончинѣ супруги. *Изд.*

сравните румяный ликъ двадцатилѣтняго юноши, возвратившагося, скажемъ, хоть съ пороши, съ блѣдною фигурою его ровесника, просидѣвшаго за лото и протаскавшагося въ маскарадѣ: какъ-то невольно вѣришь, что молодость лица̀ обозначаетъ такую же молодость и свѣжесть души. И такъ, по всѣмъ соображеніямъ считаю участіе въ вашемъ изданіи дѣломъ истинно хорошимъ и готовъ къ услугамъ. Что-то скажетъ цензура? Это другое дѣло, а объ успѣхѣ сомнѣваться нельзя.—Третьяго дня сгорѣлъ Большой Театръ, и человѣкъ, какъ кажется, за двадцать; въ томъ числѣ и дѣтей довольно. Вечеромъ въ Маломъ Театрѣ, по приказанію изъ С.-Петербурга (по телеграфу), были живыя картины; только зрителей не было. Кто говоритъ, что случай, кто другое; но вотъ что мило. Человѣкъ было погибалъ, охваченный пламенемъ на крышѣ. Маляръ перекрестясь влѣзъ по жолобу съ веревкою и спасъ погибающаго. Народъ плакалъ и накидалъ ему денегъ въ шапку, рублей 200 сер. Тутъ адъютантъ Закревскаго подошелъ и позвалъ его къ графу, разумѣется для награды. Бѣдный герой завопилъ: «Помилуйте, за что меня къ графу? Я ничѣмъ не виноватъ», а народъ кричитъ: «не дадимъ его въ полицію» и пр. На силу уговорили ѣхать. Это разсказывалъ тотъ самый адъютантъ, который повезъ героя къ градоправителю.

Кстати, хижина Дяди Ѳомы строжайшее запрещена безусловно.—Павлова *) допрашивали съ увѣщаніемъ іерея, и грозятъ большою грозою. Главная вина запрещенныя книги.

Прощайте, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳѣевичъ. Грустно, что не могу какъ нибудь урваться къ вамъ на денекъ. Скажите мое почтеніе Ольгѣ Семеповнѣ и поклонъ любезнымъ дѣтямъ вашимъ. Вашъ А. Хомяковъ.

---

*) Н. Ф. Павловъ вскорѣ за тѣмъ былъ сосланъ въ Пермь. Запрещенныя книги были только предлогомъ, а удаленіе изъ Москвы послѣдовало по жалобѣ супруги на разорительную для семейства карточную игру, чтò А. С. Хомякову могло быть неизвѣстно. *Изд.*

2.

Тяжело было мнѣ разстаться съ матушкою*). Я и ожидалъ и не ожидалъ ея кончины. Давно уже силы ея упадали, но въ ней была такая обманчивая живость чувствъ и мысли, что, казалось, ей можно бы было еще долго пожить; а это удаляло отъ меня ту увѣренность въ приближающемся концѣ, которую я долженъ бы былъ болѣе имѣть, если бы смотрѣлъ только на физическія измѣненія. Я объ ней могу сказать безпристрастно, что она была хорошій и благородный образчикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучшіе, разумѣется) представители этаго времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоувѣренной. Была какая-то привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которыя конечно не совсѣмъ принадлежали тому вѣку, но она имѣла отличительныя черты его, вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда и частнымъ ея дѣломъ. Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ. Такъ наприм. нынѣшній годъ она послѣ тарифа нѣсколько дней не хотѣла даже, чтобъ у нея спрашивали про ея здоровье и очень удивила Свербееву тѣмъ, что на ея вопросъ отвѣчала: «Что вы тутъ толкуете о здоровьи старухи, когда разоряютъ всѣхъ купцовъ! Вотъ вы объ чемъ должны теперь горевать!» Въ ней было дѣйствительно что-то благородное и облагородствующее.

(1857).

3.

Дорогой и почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ! Недоброе затѣяли вы дѣло хворать. И что же глядитъ Гольденбергъ! Какъ онъ это допускаетъ? Вѣдь такая его слабость наноситъ нѣкоторый позоръ гомеопатіи. Если же вы сами его не призываете, то право съ вашей стороны нехорошо. Если человѣкъ имѣетъ

*) Мать Хомякова, Марья Алексѣевна, скончалась въ Москвѣ 24-го Іюня 1857 года. *Изд.*

какую нибудь возможность быть здоровымъ, онъ не имѣетъ права хворать. Пожалуста, не допускайте себя до такой дурной привычки.—Замедлилъ я отвѣчать вамъ и доставить условія, которыя вы желали получить. Причина вотъ какая. Я знаю, что мои здѣшнія условія съ крестьянами вамъ не идутъ, и сверхъ того они не тѣ, которыхъ дѣйствіе знаетъ и одобряетъ Перфильевъ[1]). Поэтому я писалъ въ тѣ конторы, чтобы мнѣ выслали одинъ изъ подлинниковъ, здѣсь велѣлъ списать, и два списка къ вамъ теперь посылаю. Отъ души желаю, чтобы они вамъ пригодились при тѣхъ перемѣнахъ, на которыя вамъ укажетъ ваше собственное и подробное знаніе своей мѣстности. На будущій годъ, если Богъ поможетъ, я кончу вездѣ: нынѣшній годъ не удалось за отсрочкою въ межеваніи по одной деревнѣ. Крестьяне нетерпѣливо ждутъ этаго, и я едва могъ ихъ уговорить для собственной же пользы отложить.

Петербургская перемолчка[2]) ничего не значитъ. Я имѣлъ вѣрнѣйшее доказательство, что тамъ объ этомъ думаютъ и постоянно. Не знаю, ошибаюсь ли, но кажется мнѣ, что близость ревизіи имѣетъ нѣкоторое вліяніе на кажущееся усыпленіе: время это будто бы неудобно для перемѣнъ. Здѣсь слышно, что графъ ***[3]) какъ-то устроился и будто бы даже другой, Шевыревскій врагъ, тоже что-то сдѣлалъ; но этотъ, будучи либераломъ, говорятъ, въ чемъ-то крестьянъ надулъ. Дѣло вѣроятное и на которое я его считаю крайне способнымъ. Но что за милая вещь—губернія! Всѣ ждутъ перемѣны, большая часть боится ея, и что же? Поѣзжайте къ помѣщикамъ: они знаютъ (по крайней мѣрѣ думаютъ, что знаютъ) интриги придворныя, разсказываютъ анекдоты про то, что дѣлается въ уѣздахъ (напр. что въ Ефремовскомъ уѣздѣ докторъ прописалъ барынѣ микету-

[1]) Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, тогдашній начальникъ жандармскаго управленія въ Москвѣ; онъ пользовался общимъ уваженіемъ. *Изд.*

[2]) Т. е. нѣкоторая остановка въ движеніи мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Мысль эта была вполнѣ и гласно выражена въ Ноябрѣ 1857 года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ позже, нежели писано это письмо. *Изд.*

[3]) Графъ Василій Алексѣевичъ Бобринскій, въ Январѣ этаго 1857 года высланный изъ Москвы за свою исторію съ профессоромъ Шевыревымъ. Кто другой врагъ сего послѣдняго, намъ неизвѣстно. *Изд.*

ру съ надписью: «передъ пріемомъ встряхивать», и домашніе поняли это такъ, что надобно всякій разъ передъ пріемомъ встряхивать больную, отъ чего она чуть-чуть не умерла); а про опыты, дѣлаемые помѣщиками въ отношеніи къ измѣненію отношеній съ крестьянами, скорѣе узнаете въ Москвѣ, чѣмъ за десять верстъ отъ тѣхъ деревень, гдѣ производятся опыты. Что за гнилое сословіе! Право, хуже поповскаго. Когда я буду въ Москвѣ, я вамъ разскажу про одинъ интересный вечеръ, проведенный мною на постояломъ дворѣ въ расписаніи чая съ Лебедянской чиновницею и откупившимся на волю крестьяниномъ-прасоломъ. Безстрастный смыслъ этаго человѣка меня порадовалъ: въ немъ удивительно высказывалась та особенность крестьянина, которую я давно въ немъ вижу, не смотря на сомнѣнія многихъ, и которой иначе нельзя назвать какъ историческимъ чутьемъ. Отъ этаго-то чутья, по моему мнѣнію, происходитъ и самое безстрастіе и какая-то важность въ толкованіи о вопросахъ общественныхъ. Была когда-то эта способность вѣроятно и въ другихъ сословіяхъ; но ее утратили, а сохранилась она по закону правосудія только въ сословіи обиженномъ. Я радъ, что мы ихъ презрителю С. отпѣли пѣсенку. Ну да это покуда въ сторону! Читали ли вы въ «Молвѣ» статейку мою о современномъ вопросѣ и довольны-ли? Не знаю, напечатана ли моя статья о Чичеринѣ? Мнѣ хотѣлось покончить ту полемику, которая шла у насъ съ Западниками. Я дѣлаю вопросы; не привезетъ ли Константинъ Сергѣевичъ отвѣта? Какъ бы онъ хорошо сдѣлалъ. У васъ теперь и Европейскій путешественникъ *). Говорятъ, что его отказались возстановить въ правахъ литературнаго гражданства. Если это правда, значитъ противъ насъ злопамятны. Опять скоро въ Москвѣ полный сборъ. Не соберемся-ли съ силами для большей дѣятельности? Всѣмъ вашимъ передайте поклонъ мой; а вы, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, похлопочите о своемъ здоровьи. Вашъ отъ души А. Хомяковъ.

---

*) Возвратившійся изъ чужихъ краевъ И. С. Аксаковъ.—Намъ неизвѣстно, кто вышеупоминаемый С. *Изд.*

Къ К. С. Аксакову.

1.

Любезный Константинъ Сергѣевичъ! Благодарю васъ за письмо и за брошюрку. Не понимаю трусости Погодина: чего онъ испугался? Чего пугался цензоръ? Храбрость была только съ вашей стороны и то въ смыслѣ литературномъ, а не политическомъ. О Петербургѣ вы не говорите ничего, отстраняете его,—и только. Положимъ, что это не совсѣмъ лестно, да и вѣдь не революціонно. Право, Погодинъ самъ не понимаетъ своихъ выгодъ: ему во всякомъ случаѣ слѣдовало напечатать вашу статью, уже не для того, чтобы было въ критикѣ имя не однаго изъ редакторовъ, а для того, чтобы публика видѣла оцѣнку серьозную, безстрастную (т. е. безъ личной страсти) и чтобы Петербургскіе журналы видѣли, что вопросъ о Гоголѣ ими не понятъ, даже и тѣми, которые его хвалятъ. Кстати скажу, что въ О. З. похвалы относятся болѣе къ уму журналиста, чѣмъ къ генію писателя, и что ровно никакого смысла нѣтъ въ самомъ разборѣ.

Вамъ великое спасибо! Вы высказали смѣло свою мысль: вы указали на достоинство поэмы и на ея народное значеніе, и вы не побоялись насмѣшекъ за фанатическую любовь къ Гоголю, или за еще бо̀льшую любо̀вь къ В. *) Русскому началу. Я, какъ вамъ извѣстно, вполнѣ раздѣляю съ вами мнѣніе о М. Душахъ и объ авторѣ и о томъ, что въ немъ замѣтно воскресеніе первобытной искренней поэзіи; но не прогнѣвайтесь за нѣкоторыя критическія замѣчанія. Жаль, что вы не назвали нѣсколькихъ

*) Велико-Русскому. *Изд.*

именъ великихъ поэтовъ, задавшихъ себѣ большія задачи, но не вполнѣ разрѣшившихъ свои задачи. Это пояснило бы мысль вашу, и даже благоговѣніе, съ которымъ вы назвали бы Гёте или Шиллера или Байрона, показало бы, что въ васъ не пристрастіе, а чисто-эстетическое чувство. Краткій разборъ котораго нибудь изъ нихъ былъ бы крайне поучителенъ: онъ содержалъ бы новое воззрѣніе на искусство и на его объективность, весьма возможную даже при полномъ преобладаніи субъективности въ самомъ поэтѣ (напр. въ лирикѣ). Эту искренность поэзіи можно приписать Русской словесности во многихъ случаяхъ болѣе, чѣмъ другимъ, гораздо богатѣйшимъ и высшимъ въ другихъ отношеніяхъ.

Говоря о повѣсти какъ эпосѣ, вы совершенно правы, ограничивая ее только эпосомъ. Элементъ драматическій можетъ преобладать въ ней безъ ущерба ея достоинства и только измѣняя ея характеръ. Таковъ родъ повѣстей Павлова, которыхъ нельзя называть анекдотами и въ которыхъ интересъ недостаточной завязки не пополняется описаніями. Я не говорю собственно о Павловѣ, но о повѣсти, возможной въ этомъ родѣ. Наконецъ, вы совершенно правы сказавъ, что М. Россія получила возможность полнаго выраженія только подчинивъ себя В.-Русскому началу; но вы не сказали ничего лестнаго для М. Россіи, а она заслуживаетъ особую похвалу. Она имѣетъ то, чего мы не имѣемъ, да и имѣть не будемъ: бо́льшую грацію, бо́льшую склонность къ объективности, бо́льшую художественность. Сравненіе В.-Россіи съ головою справедливо, но унизительно для другихъ областей. Быть можетъ, ее скорѣе можно сравнить съ высшими органами головы по черепословію. Въ нихъ низшіе органы получаютъ свою общую гармонію; но они не заключаютъ въ себѣ весь смыслъ головы.

Вотъ вамъ мои замѣчанія не на ошибки, а на недосказы. Чтобы вамъ пустить въ ходъ нѣсколько брошюръ по той-же части? Опираясь на М. Души, какъ Лессингъ на Лаокоона, вы могли бы обнять многіе вопросы объ эстетикѣ и о другихъ наукахъ (философіи, исторіи Русской и Европейской и пр. и пр.) Форма диссертаціонная не-Русская; въ отдѣльныхъ же брошюрахъ вы принимаете какую угодно форму, афоризма, анекдо-

та, поясняющаго мысль, лирики (какъ у васъ о Р. пѣсни) и другія, смотря по ходу самаго разсужденія, по расположенію минутному или по преобладающему чувству. Съ величайшимъ разнообразіемъ можно бы соединить единство и сильнѣе дѣйствовать на публику, обходя журналы и не связываясь никакими условными цѣпями. Подумайте объ этомъ.

Прощайте покуда. Благодаримъ васъ за Московскіе поклоны. Прошу васъ сказать мое почтеніе батюшкѣ и матушкѣ вашей. Жена и матушка кланяются и благодарять за память. Отъ Митиньки и Маши не говорю ничего: черезъ чуръ будетъ невѣроятно. За нихъ благодарять отецъ, мать и бабушка. Бабушки же, какъ уже давно замѣчено, имѣютъ особый даръ понимать, что̀ говорятъ внучки, когда они еще говорить не умѣютъ. Прощайте.

Изъ Петербурга пишутъ мнѣ, что о статьѣ моей были толки велики, и она-де не ко времени пришлась. Не понимаю что̀ бы это значило; но если сердятся, такъ хорошо.

Іюля 24 дня 1842.

2.

Любезный, Константинъ Сергѣевичъ! Говорить нечего, что я очень радъ участвовать въ подпискѣ, и что я считаю ее и полезною. (Такая уже начиналась въ Одессѣ, прежде бомбардировки). Письмо къ Закревскому очень хорошо, и разумѣется я покуда о немъ не скажу ни слова. Но не вините меня въ томъ, что я еще этой подписки не открывалъ. Во-первыхъ, я ждалъ васъ въ концѣ Святой недѣли и хотѣлъ съ вами объ ней переговорить; а во-вторыхъ, по общему слуху ждалъ всякій день невольнаго путешествія въ Питеръ или куда нибудь подальше (подписка тогда пропала бы), а теперь нѣсколько дней какъ сижу дома съ растроеннымъ желудкомъ. Дня черезъ два примусь за нее, ибо надѣюсь отдѣлаться отъ своего недуга.

Признаюсь, раздѣляя вполнѣ вашъ восторгъ насчетъ Болгарскаго письма, никакъ не могу любоваться манифестомъ. Пожалуй онъ и лучше другихъ нашихъ документовъ, но искренности никакой въ немъ нѣтъ. Меня заваливаютъ по городской почтѣ безымянными пасквилями (даже съ онёрами извощичьей рѣчи), а въ клубѣ называли даже измѣнникомъ, подкупленнымъ Англи-

чанами[1]). Одесса теперь уже вѣроятно не существуетъ. Бомбардировалъ ее флотъ въ полномъ составѣ, а наши пушки *полевыя не доставали до непріятеля.* Каково? Это случилось на Пасху. Прощайте. Меня перепугали было насчетъ Ольги Семеновны[2]). Слава Богу, что она выздоравливаетъ. Отъ души радуюсь. Посылаю статейку.

3.

Отъ братца вашего получилъ я письмо, въ которомъ онъ меня извѣщаетъ объ отставкѣ кн. Львова [3]). Я объ ней до того времени ничего не слыхалъ и, признаюсь, былъ огорченъ за насъ, а не за него. Его вознаградятъ безъ сомнѣнія лучшимъ мѣстомъ; но насъ подчиваютъ такимъ журавлемъ, что всѣхъ насъ бѣдныхъ квакуновъ уничтожитъ. Я полагаю имѣстѣ съ Московскою публикою, что Тургеневъ былъ отчасти предлогомъ, особенно потому, что б. Корфъ отзывался весьма недружелюбно о Сборникѣ и по преимуществу объ вашей статьѣ[4]). Впрочемъ его слова объ ней очень забавны: «Аксаковъ правъ и, кажется, вѣрно понялъ старый бытъ; статья могла бы быть очень полезною, но такъ какъ онъ не показалъ тѣхъ причинъ, по которымъ бытъ измѣнился и замѣненъ лучшимъ, то статья вышла вредною и крайне-опасною». Такой глупости по заказу не выдумаешь. Очевидно, дѣло не въ статьяхъ, а въ тонѣ и еще болѣе въ именахъ. Кажется, надежда на 2-й томъ очень плоха.

Перемѣны въ министерствахъ очень важны. Скажите вашему братцу, что я очень раздѣляю его прискорбіе объ удаленіи Пер. [5]); но вѣдь все дѣлается не такъ какъ думаютъ и гадаютъ дѣлатели. Крутой нравомъ и волею Бибиковъ въ тоже время отецъ инвентарей и пожалуй, въ одномъ отношеніи такъ можетъ дѣйст-

---

[1]) Вѣроятно по поводу стихотворенія „Къ Россіи.“ *Изд.*

[2]) Матери К. С. Аксакова. *Изд.*

[3]) Московскій цензоръ князь Владиміръ Владимировичъ Львовъ (авторъ „Сѣраго Армяка“) былъ временно уволенъ отъ должности за допущенныя яко бы послабленія печати. *Изд.*

[4]) О древнемъ бытѣ у Славянъ. *Изд.*

[5]) Льва Алексѣевича Перовскаго; онъ замѣщенъ былъ Д. Г. Бибиковымъ. *Изд.*

вовать, что самъ А. Н. Р. [1]) сказалъ бы спасибо. Я не желалъ бы никакихъ рѣзкихъ мѣръ по этой части. Но чтоже дѣлать, когда никто не хочетъ разрѣшать задачу по мѣрѣ силъ и въ своемъ кругу? Все лучше чѣмъ застой крѣпостнаго вопроса и безнравственность теперешнихъ отношеній, а особенно безнравственность равнодушія общаго къ нимъ. За Попова не боюсь даже и тогда, когда Блудовъ, сдѣлавшись канцлеромъ, будетъ отстраненъ отъ законодательной стряпни. Нашъ малютка не пропадетъ [2]), прошмыгнетъ куда нибудь и хвать! очутится еще выше, чѣмъ теперь сидитъ, но бѣда, если законодательство будетъ поручено Требоніяну-Панину. Онъ съумѣлъ бы перепутать даже Римское право, еслибъ его допустили запустить туда пальцы.

Если вы или братецъ вашъ въ Москвѣ, спросите у Елагиныхъ конецъ статьи моей на Французскомъ діалектѣ. Я имъ очень доволенъ Некому поручить хлопотать объ ней, то я прошу В. А Елагина поискать, не найдется ли какой нибудь оказіи изъ Москвы, чтобы не прибѣгать къ Петербургскимъ знакомымъ; хорошо, если безъ нихъ удастся обойтись Она очень была бы нужна, именно теперь. Пальмеръ, отъ котораго я недавно получилъ письмо изъ Англіи, находится въ настоящей осадѣ. Католики, пользуясь глупостію Грековъ, приступаютъ къ нему и очень ловко: просятъ объ одномъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Римъ, а тамъ разумѣется ужъ его не выпустятъ. Я желалъ бы поспѣшить дать ему помощь, но скоро ли удастся передать ему слово совѣта? Все это очень и очень грустно.

Прощайте, любезный Константинъ Сергѣевичъ; скажите мой поклонъ всѣмъ вашимъ.

Сентября 15 дня.

Скажите батюшкѣ, что какъ онъ видѣлъ страннаго бѣляка, такъ я недавно видѣлъ страннаго русака; но травить не удалось пропалъ неизвѣстно куда. Русакъ огромной величины, съ темной полосой на спинѣ, съ бѣлыми пятнами на бокахъ и

[1]) Не Александръ ли Николаевичъ Раевскій? *Изд.*

[2]) А Н. Поповъ былъ малъ ростомъ, какъ видно по картинкѣ, приложенной къ „Русскому Архиву“ 1884 года: „Хомяковъ и его пріятели.“ *Изд.*

бѣлою шеею, при томъ весь лохматый. Никто изъ охотниковъ такого не видалъ. Досадно, что не удалось затравить.

4.

Что это, любезный Константинъ Сергѣевичъ, ни отъ васъ, ни отъ братца вашего нѣтъ ни слуха, ни послу́шанія. Доволенъ ли братецъ вашъ, довольны ли вы отвѣтомъ моимъ на сдѣланный мнѣ запросъ? Кошелевъ былъ сильно взволнованъ, писалъ ко мнѣ, говорилъ Самарину. Я ему писалъ про содержаніе моего отвѣта; не знаю, будетъ ли онъ доволенъ. Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ я отправилъ къ вамъ свое философствованіе и уже начинаю сомнѣваться получили ли вы его. О себѣ мнѣ почти нечего писать. Гильфердингъ благодарилъ меня за сообщенное мнѣніе объ исторіи Прибалтійскихъ Словянъ и очень меня обрадовалъ тѣмъ, что оно совершенно совпадаетъ съ его розъисканіями, и онъ этимъ дѣломъ занимается съ особымъ тщаніемъ. Въ этомъ я вижу оправданіе моего историческаго метода, приводящаго къ вѣрнымъ выводамъ даже при ограниченныхъ данныхъ. Теперь перебираю корни Санскр. въ сравненіи съ Русскими; это дѣло скучное и утомительное, но оно представляетъ большія выгоды, полагая начало опредѣленію сродства языковъ по звучной физіономіи, и непремѣнно отдѣлитъ Славяно-Литово-Латинскую семью отъ остальныхъ. Любопытны и частныя явленія, напр. *трика*-трава объясняетъ намъ нашу поговорку народную; *сіяна-сакуни*, т. е. соколъ-птица, объясняетъ нашъ *ясенъ соколъ* и наконецъ, глаголъ *челла*-думать даетъ намъ лучшую и единственно разумную этимологію слова человѣкъ, какъ *огневикъ*, *паровикъ* и т. д. съ аффиксомъ *викъ*, обозначающимъ жизненный характеръ или его процессъ или его исходное начало. *Человѣкъ*—мыслитель, мыслеживущій. Я вижу васъ: вамъ это нравится, и вы осклабляетесь, созерцая такую глубокую мудрость нашихъ предковъ. Quantum mutati ab illis! Увы, потомки Карла Великаго дожили до семейнаго кретинизма. Deus avertat omen! а что-то похоже.

Прощайте, любезный Константинъ Сергѣевичъ. Лѣто мое уходитъ въ скучныхъ заботахъ. Изъ чужихъ краевъ нѣтъ никакого отвѣта. На дняхъ ѣду верстъ за 50 посаженымъ отцомъ къ А. Н. Попову, который, какъ вы уже вѣроятно знаете, же-

нится на Мосоловой. Я радъ его счастію, но плохаго онъ выбралъ посаженаго отца. Прощайте опять. Будьте здоровы, кланяйтесь вашему батюшкѣ, братцу и всѣмъ вашимъ.

1854 г.

5.

Любезный, Константинъ Сергѣевичъ! Меня сильно зовутъ въ Петербургъ. Разумѣется, я и не думаю ѣхать; но говорю вамъ объ этомъ обстоятельствѣ какъ объ указаніи (можетъ быть) бо̀льшей къ намъ благосклонности. Поэтому очень будетъ хорошо кому нибудь изъ насъ попробовать броды цензурные и, кажется, вы всѣхъ готовѣе на такую попытку. Не знаю, говорилъ ли Иванъ Сергѣевичъ, что я совѣтую вамъ попробовать отвѣчать Соловьеву на его нападеніе по вопросу о родовомъ бытѣ. Дѣло само по себѣ удобное и невинное и къ цензурѣ способное; да сверхъ того вы, разумѣется, должны сказать, что первая статья напечатана *тамъ-то*: тутъ еще будетъ заключаться опытъ, пропустятъ ли въ цензурѣ имя оподозрѣннаго изданія. Все это не безполезно, а между тѣмъ безопасно. Статью о Воспитаніи по предмету я бы очень совѣтовалъ представить, но не очень помню подробности; кажется, она нѣсколько отвлеченна, да это опять не бѣда. Смѣшно подумать, что мы ищемъ возстановленія правъ, которыхъ лишены вслѣдствіе безтолковѣйшаго подозрѣнія. Это подозрѣніе напоминаетъ мнѣ барина, который во снѣ руку отлежалъ, да случайно съ просонокъ, ощупавъ ее другою, закричалъ караулъ. Своей руки не узналъ! Насилу догадался; догадаются ли у насъ? Изъ Питера все слышно доброе. Ермоловъ принятъ великолѣпно. Авось дастъ онъ какіе нибудь добрые совѣты по дѣламъ военнымъ. Какъ ихъ сумѣли испортить! И скоро ли поправятъ? И едва ли можно ждать мира.—Напрасно Иванъ Сергѣевичъ не послушался моего совѣта и не поѣхалъ въ Питеръ. Если будутъ, а навѣрное будутъ, въ министерствахъ перемѣны, ему надобно быть на лицо, и во всякомъ случаѣ хорошо бы пройти лѣтомъ по теченіямъ и отмелямъ; да и доброе слово, сказанное во время, можетъ быть очень полезно.

Прощайте, любезный Костантинъ Сергѣевичъ; будьте здоровы. Скажите мой поклонъ и почтеніе батюшкѣ и матушкѣ. Я

на дняхъ ѣду въ Тулу, чтобы передъ выборами кое съ кѣмъ поговорить.

Марта 12 дня (1855).

6.

(1855).

Дѣла принимаютъ новый оборотъ, но оборотъ также не безопасный. Нѣкоторый духъ жизни и свободы пробудился, очевидно вызываемый правительствомъ. Это уже видно изъ крайне замѣчательнаго приказа В. К. К. Н. *), хотя я не знаю, на какую именно онъ записку ссылается (говорятъ, будто это записка Истомина). Но теперь что же? Всѣ молчавшіе, всѣ рабствовавшіе въ то время, какъ мы одни смѣли небезопасно для себя просить свободы и протестовать противъ офиціальнаго одурѣнія, всѣ встрепенулись, и кричатъ, и поютъ про свободу мысли. Западъ встрепенется, правда, уже лишенный своей рѣзкой особенности, но тѣмъ не менѣе опасный, потому что опасность его состоитъ не столько въ его цвѣтѣ, сколько въ его безцвѣтности. Что же тогда? Развѣ не тотъ же вздоръ, не таже фривольность? Разумѣется, надобно благодарить Бога за свободу слова, но благодарить какъ Аяксъ за свѣтъ дневной, т.-е. какъ за возможность сражаться и слѣдовательно приниматься сильно за борьбу. Вѣрьте мнѣ, все что́ мы сдѣлали для пробужденія общественнаго сна, весь нашъ протестъ или забудется, или же забытъ. Если мы теперь не выступимъ съ силою, нашъ нравственный авторитетъ (хоть и небольшой, но все-таки уже пріобрѣтенный) пропадетъ въ мигъ. Вспомните, что́ я сказалъ у Елагиныхъ, кажется, при васъ: «*Для насъ* Николай Павловичъ умеръ слишкомъ рано». Этаго забывать не должно. Да: теперь дѣло идетъ завоевать Россію, овладѣть обществомъ, и все это не невозможно. Слѣдовательно, задачу надобно выразить иначе: дѣло идетъ дать обществу если не серьозность, то зачатки серьозности, заготовить торжество нашей мысли тѣмъ, чтобы люди нѣсколько привыкли мыслить и подчинить жизнь мысли и убѣжденію; наконецъ, дѣло идетъ—ввести нравственное начало, опредѣленное и строгое, въ шаткость общественной и частной жизни. Нѣсть наша борьба крови и плоти.

---

*) См. этотъ приказъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 года, III, 201. *Изд.*

7.

Вотъ вамъ, любезный К. С., письмо мое къ Г.[1]), дружеское и кредитивное, и работа моя. Кажется, она не мертвая, не смотря на видимую сухость предмета и (какъ вы, къ дѣлу привычные, сами увидите) не безтрудная. Можете представить, чего стоило иногда одно слово, котораго выводныхъ или корня надобно было искать по цѣлому лексикону, подъ разными буквами. Впрочемъ, оставимъ это. Вы сами скажете мнѣ свое мнѣніе. Перейду къ другому, важнѣйшему.

Хочу вамъ писать о вашемъ письмѣ. Очевидно (и я это говорю съ особеннымъ удовольствіемъ), мы совершенно одинаковаго мнѣнія насчетъ главнаго вопроса. Вы, съ совершенною ясностью и съ справедливою оцѣнкою слабости человѣческой и правъ чувства передъ сухою логикою, расширяете кругъ частныхъ прошеній; но, по моему мнѣнію, вы тутъ увлекаетесь опять слишкомъ далеко. Кажется, человѣческой личности и ея естественной ограниченности вы даете излишній просторъ. Съ одной стороны, это меня радуетъ, потому что вы были склонны слишкомъ утѣснять эту бѣдную личность, напр. хоть въ искусствѣ, гдѣ вы стояли за полную безымянность (забывая слѣпаго старика и всю поэзію Евреевъ, въ высшей степени народную, и другихъ). Какъ я говорю, эта реакція меня радуетъ; но, съ другой стороны, вы уже опять даете лицу въ молитвѣ права, которыхъ оно не имѣетъ. Оговорка «да будетъ воля Твоя» существуетъ, правда, въ самой идеѣ христіанской молитвы; но ея еще недостаточно. Шутливый противникъ Іезуитовъ[2]) говорилъ, что они учатъ людей (разумѣется, благовоспитанныхъ), какъ просить у Бога не только «le pain quotidien» (хлѣба насущнаго), mais encore du pain beurré (но еще и хлѣба съ масломъ). Въ этой шуткѣ много глубокой правды. Безъ сомнѣнія, въ минуты тяжкой скорби и невыносимаго страданія, просьба человѣка будетъ носить характеръ этой минуты: ибо тогда она совпадаетъ съ молитвою о насущномъ хлѣбѣ, которую излишняя духовность напрасно толковала въ смыслѣ молитвы о дарахъ

---

[1]) Гильфердингу. *Изд.*

[2]) Паскаль, котораго Хомяковъ часто называлъ своимъ учителемъ. *Изд.*

духовныхъ (въ эту натяжку впадали и иные изъ Св. Отцевъ). Но пусть вы въ дѣтствѣ просили у Бога слоёныхъ пирожковъ: дѣтство имѣетъ передъ Богомъ свои права; теперь такой молитвы вы себѣ не позволите, и никто не позволитъ. Почему же? Потому что молитва, кромѣ покоренія волѣ Божіей, требуетъ обновленнаго сердца и не рабствуетъ плоти, съ ея даже невинными желаніями. Не грѣхъ предпочитать вино водѣ и слоёный пирогъ черствому хлѣбу (этому служитъ доказательствомъ чудо въ Канѣ Галилейской и слова Павла о ѣдѣ и постѣ), но грѣхъ переносить требованія или услажденія жизни земной (разумѣется своей, а не чужой) въ молитву. Христосъ обратилъ воду въ вино не для Себя, а для другихъ, и тѣмъ научилъ насъ стараться не только о сытости, но и о комфортѣ братій нашихъ (опять наперекоръ нашимъ псевдоаскетамъ).

Поэтому, нимало не отвергая, что молитва есть и просьба, я полагаю, что кругъ ея въ этомъ смыслѣ весьма тѣсенъ и что слѣдовательно личности въ ней не должно быть излишняго простора.

За этимъ, не скажу возраженіемъ, но поясненіемъ (ибо полагаю, что такова же была и ваша, только недосказанная, мысль), разумѣется, я съ вами во всемъ согласенъ. Прибавлю нѣсколько словъ о чудѣ. Во-первыхъ, я нахожу, что вы совершенно вѣрно называете видимое чудо еще грубымъ проявленіемъ воли Божіей (точнѣе, проявленіемъ для грубыхъ). Св. Писаніе называетъ его *знаменіемъ*. Помните, что́ я писалъ въ другомъ, вамъ извѣстномъ, письмѣ о страсти нѣкоторыхъ людей къ чудесамъ извѣстнаго рода. Такова причина, почему я не допускаю или, лучше сказать, съ досадою отвергаю въ Христіанствѣ всѣ эти *періодическія чудеса* (яйцо пасхальное, воду Богоявленскую, и пр.), до которыхъ много охотниковъ. Это все, мало-по-малу, дало бы, разъ допущенное, самому Христіанству характеръ идолопоклонства и, какъ вы говорите, немало было и есть еще попытокъ обращать вѣру въ магію или, по моему названію, въ Кушитство. Къ этому особенно склонны паписты; но изъ нихъ нѣкоторые постигали опасность и возставали противъ зла, напр. Боссюетъ смѣло сказалъ: «il y en a qui du Christ même se font une idole» (есть люди, которые даже изъ

Христа дѣлаютъ себѣ идола). Но вообще, о чудѣ, miraculum, можно сказать только то, что̀ сказано въ самомъ его названіи: вещь удивительная. Теперь, почему вещь удивительная должна считаться частнымъ нарушеніемъ общихъ законовъ, я не вижу. Въ Америкѣ вамъ показываютъ толстый брусъ желѣза, который виситъ на воздухѣ. Приглашаютъ васъ его опустить; вы налегаете, онъ подается и потомъ васъ поднимаетъ, и происходитъ забавная борьба между вами и висящимъ брусомъ. Ну не чудо ли это? Нѣтъ, говоритъ Б..., это гальванизмъ. Правда; но оно не чудо, потому что вы знаете силу, которою производится частное явленіе, повидимому, нарушающее общій и непреложный законъ тяжести. Отнимите ваше знаніе, и остается дѣло колдовства, магіи, чудо. Исцѣленъ слѣпой; вы говорите—чудо, и правы: оно удивительно, но оно точно также проявленіе силы, о которой вы еще не имѣете полнаго знанія.

Чтобы дѣло яснѣе понять, надобно бы сперва спросить: что̀ такое сила, сила вообще? Это вопросъ очень важный и который непремѣнно ставитъ втупикъ матеріалиста. Вещество является намъ всегда въ пространствѣ, въ атомистическомъ состояніи. Очевидно, никакая частица вещества не можетъ дѣйствовать внѣ своихъ предѣловъ, т. е. дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Итакъ никакой частной силы быть не можетъ, и сила является принадлежностью не дробнаго вещества, но *все-вещества*, т. е. уже не вещества, но идеи, уже не дробимой, но всецѣлой, не рабствующей чему иному, но свободно творящей силу. Итакъ сила сама есть только иное названіе воли. Какой? Самая плохая логика доводитъ уже тогда до идеи, что эта воля есть воля Божія. Тутъ явно исчезаетъ всякій споръ, всякое несогласіе между чудомъ и обычнымъ ходомъ міра. И въ этомъ мірѣ воли Божіей, свободной, ходитъ опять свободная наша воля, всегда свободная въ себѣ, хотя всегда подчиненная (какъ вы сказали) высшей волѣ въ отношеніи своего проявленія или послѣдствій своего проявленія. Такъ желающій вредить можетъ помочь нехотя, и желающій помочь—вредить нехотя. Но воля Божія проявляется не для себя, а для разумнаго творенія, человѣка, и когда воля человѣка, по своимъ чистымъ и святымъ побужденіямъ (всегда любви), совпадаетъ съ характеромъ воли Божіей (т. е.

любви и святости), происходятъ новыя явленія, повидимому, чуждыя общему порядку вещей. Въ этомъ, для меня, проявляется нравственный характеръ того, что̀ мы вообще называемъ силою. Не знаю, ясно ли высказалъ я свою мысль; но для меня ясно, что̀ всякое явленіе міра физическаго есть только непонятное нами проявленіе—грамота—воли святой, Божіей. Очевидно, мы съ вами согласны.

Замѣтьте, возвращаясь къ молитвѣ, что всякое исполненіе молитвы есть чудо, и что, по тому самому, ея исполненіе обусловливается, какъ и всякое чудо, совпаденіемъ *характера* просьбы съ *характеромъ воли* Божіей въ любви и святости. Христосъ ходилъ хозяиномъ въ мірѣ воли Божіей, по совершенству своего духовнаго существа; но Онъ отвергъ всякое чудо ненужное, въ отвѣтѣ, обличавшемъ сатану: «не искушай Господа Бога».

Вотъ вамъ отвѣтъ на ваше письмо, а толки еще будутъ впереди.

Къ И. С. Аксакову.

1.

Благодарю васъ, любезный Иванъ Сергѣевичъ, за письмо и за самый вопросъ, къ которому вы въ немъ приступили[1]). Вы совершенно правы въ томъ, что не смущаетесь общепринятымъ мнѣніемъ. Такъ называемое мнѣніе есть весьма часто пустая или неясная формула, допущенная въ обиходъ для устраненія мнѣній, которыя подъ нею притаиваются, нерѣдко разноглася между собою и связываясь съ формулою тонкими нитями діалектики, допускающими почти совершенное отрицаніе. Вотъ причина, почему я позволяю себѣ не соглашаться во многихъ случаяхъ съ *такъ называемымъ* мнѣніемъ Церкви и почему вы, съ своей стороны, могли, съ нѣкоторою справедливостью, сказать такое строгое слово о Церкви исторической. Въ тоже время я увѣренъ, что добросовѣстное мнѣніе имѣетъ полное право высказаться, и что, если оно справедливо, оно, до нѣкоторой степени, оправдаетъ общепринятую формулу, уясняя ее и не встрѣтивъ того осужденія, которое вы предвидите со всѣхъ сторонъ, отъ Грека и Скиѳа, отъ мірянина и духовнаго.

Я отчасти испыталъ это съ своимъ «Исповѣданіемъ». Многіе, предубѣжденные ходячими формулами, думали, что духовные меня осудятъ чуть-чуть не на костеръ; а на повѣрку вышло, что всѣ тѣ, которые прочли, согласились, что оно вполнѣ православно и только къ тисненію неудобно или сомнительно[2]). Убѣжденія или мнѣнія и формулы обиходныя далеко не совпадаютъ другъ съ другомъ, и я считаю себя въ правѣ быть смѣлымъ въ отношеніи къ формулѣ, вполнѣ преклоняясь предъ убѣжденіемъ.

[1]) Къ сожалѣнію, письма И. С. Аксакова, на которое здѣсь отвѣчаетъ А. С. Хомяковъ, мы не имѣемъ. *Изд.*

[2]) А. С. Хомяковъ говоритъ о своемъ „Опытѣ Катихизическаго изложенія ученія о Церкви“. „Церковь одна“. См. 2-й томъ.

Вѣрую Церкви, въ которой нѣтъ и не можетъ быть ошибки или лжи.

Прежде чѣмъ приступлю къ самому вопросу, я позволю себѣ сдѣлать вамъ маленькій упрекъ, по случаю одного отдѣльнаго выраженія. Вы, оправдывая горе и отчасти невольный ропотъ (въ чемъ конечно васъ обвинять нельзя), приводите въ примѣръ слова Христа: «вскую Мя еси оставилъ?» Вы въ этомъ неправы. Въ словахъ Спасителя мы никогда ничего не можемъ видѣть кромѣ истины, безъ примѣси какой бы то ни было гиперболы чувства. Христосъ на крестѣ судится, такъ сказать, съ Богомъ, т. е. съ неумолимою логикою мірозданія. Онъ, невинный, жертва этой логики. Онъ одинъ оставленъ милосердіемъ Божіимъ, именно для того, чтобы никто кромѣ Его не былъ оставленъ и не могъ роптать, и эту-то высокую истину Онъ выразилъ въ Своемъ скорбномъ обращеніи къ Отцу. Вы за это замѣчаніе на меня пѣнять не будете.—Еще другое вводное слово. Вы обвиняете Винѣ (Vinet), съ нѣкоторою досадою, за выраженіе, что человѣкъ, часто испытанный страданіемъ, имѣетъ причины считать себя «особенно любимымъ» и т. д. Я не стану оправдывать выраженія, можетъ быть не вполнѣ строгаго; но смыслъ его вы оправдали, сами того не замѣчая. Въ серединѣ письма вы говорите: «счастливцу легче забыть Бога, чѣмъ страдальцу, которому нѣтъ другаго утѣшенія». Избавленіе отъ искушенія не есть ли милость, и не оправданъ ли нашъ общій другъ Винѣ?

Перейдемъ къ самому вопросу. Онъ, повидимому, самостоятеленъ; но дѣйствительно, по отношенію молитвы къ грѣху, грѣха къ судьбѣ человѣчества, разумѣнія и познанія къ волѣ и дѣйствію, онъ входитъ въ разрядъ тѣхъ неисчислимыхъ вопросовъ, которые возникаютъ изъ сопоставленія свободы человѣческой и Божьяго строительства (или необходимости) и которые надѣлали столько хлопотъ человѣческому уму, что Мильтонъ считаетъ ихъ наказаніемъ для чертей въ аду*). Эти отношенія

*) Others apart sat on a hill retired
In thoughts more elevate and reasoned high
Of Providence, foreknowledge, will, and fate,
Fixed fate, free will, foreknowledge absolute;

можно покуда отстранить, и тогда вопросъ значительно упрощается. Общія или обиходныя формулы: человѣкъ наказывается за грѣхи несчастіемъ, или посредствомъ жизненнаго горя освобождается (положимъ, хоть отчасти) отъ отвѣтственности за свои проступки. Кромѣ послѣдняго положенія (не общепринятаго и чисто-Латинскаго), эти формулы можно принять и, будучи ясно поняты, онѣ, какъ мнѣ кажется, совершенно согласны съ истиною. Затрудненія ваши возникаютъ, если не ошибаюсь, изъ двухсмысленнаго употребленія слова *грѣхъ* въ общемъ разговорѣ и даже въ ученіи духовныхъ писателей. Это слово обозначаетъ: или собственно проступокъ личный человѣка, противный законамъ Божіей правды, или общее отношеніе человѣчества къ Богу, возникшее изъ первоначальнаго нарушенія закона, предписаннаго человѣку. Міръ есть твореніе, мысль Божія и, самъ по себѣ, онъ представляетъ полную и строгую гармонію красоты и блаженства. Духъ, нарушающій законъ Божественной правды, становится, по необходимости, въ состояніе вражды съ Божіею мыслію, съ гармоніею мірозданія, и слѣдовательно въ состояніе страданія, которое было бы невыносимо, если бы оно не умѣрялось постоянно благостью Божіею. Высшее или полнѣйшее выраженіе этого страданія—смерть, проходящая черезъ всю земную жизнь человѣка, въ разнообразіи своихъ частныхъ и неполныхъ проявленій, отъ расшибленнаго лба, занозы и даже самой легкой непріятности, до нестерпимаго страданія и горя. Человѣкъ, каждый, дольникъ грѣха, по необходимости дольникъ

And found no end in wandering mazes lost.
Ogood and evil much they argued then,
Of happiness and final misery,
Passion and apathy, and glory and shame.
Vain wisdom all and false philosophy.
(Milton. Paradise Lost, 2 Book, v. 557).

Другіе (бѣсы), болѣе возвышенные въ мысляхъ, сидѣли поотдаль на уединенной горѣ, сладко между собою бесѣдуя о промыслѣ, о предвѣдѣніи, о волѣ, о судьбѣ. Они опредѣляли, что есть судьба, свобода воли, безусловное предвѣдѣніе и не могли наговориться, путаясь въ сѣтяхъ своихъ умственныхъ построеній. Много они тогда наговорились о добрѣ и злѣ, о счастьи и о конечномъ бѣдствіи; о страсти и объ апатіи, о славѣ о позорѣ. Все это было суемудріе и любомудріе ложное... (Мильтонъ, Потер. Рай, книга 2 ст. 557). *Изд.*

страданія и, слѣдовательно, страдаетъ *вслѣдствіе, но не въ мѣру* своей доли нравственной нечистоты. Не страданіе человѣка, а его полное счастіе было бы въ высшей степени явленіемъ антилогическимъ. Итакъ, совершенно справедливо говоритъ обиходная формула, что человѣкъ наказывается за грѣхи, хотя бы, можетъ быть, яснѣе было сказать *за грѣхъ*, т. е. *за грѣховность свою*. Одинъ только Христосъ, не будучи дольникомъ грѣха и подчинившись добровольно логикѣ человѣческихъ отношеній къ Божіему міру, т. е. страданію и смерти, осудилъ эту логику, сдѣлавъ ее несправедливою къ человѣку вообще, котораго Онъ въ Себѣ представлялъ, хотя безъ Него она была бы справедлива къ каждому отдѣльному человѣку. Онъ безъ грѣха, изъ любви, принялъ всѣ условія земной жизни, не принимая даже заслуженнаго блаженства, чтобы не разлучиться съ братьею, обращая такимъ образомъ добровольно-принятый грѣхъ человѣческаго неповиновенія и неправды въ добродѣтель и высшую правду любви. Я не привожу текстовъ, подтверждающихъ это вѣрованіе по самой простой причинѣ: если мы приняли духъ Евангелія, то слова наши будутъ согласны съ текстами; если же нѣтъ, то и тексты мы приведемъ и поймемъ криво. Человѣкъ страдаетъ какъ дольникъ грѣха. И такъ совершенно справедливо сказать, что человѣкъ наказывается за грѣхи, хотя крайне неразумно было бы думать, что онъ страдаетъ по мѣрѣ своей доли, какъ нѣкоторые думаютъ, и какъ можно бы предположить изъ отдѣльныхъ выраженій Св. Отцовъ. Мѣра каждаго *безмѣрна*, какъ грѣхъ вообще, и въ каждомъ она облегчается милостію Божіею, по закону Его общаго строительства, неизвѣстному ни намъ, ни даже высшимъ Его созданіямъ, какъ можно заключить изъ однаго мѣста посланія къ Ефесеямъ [1]). Вы совершенно правы, говоря, что Богъ не наказываетъ человѣка, а что зло само себя наказываетъ по неотразимому закону логики и, въ этомъ случаѣ, я вамъ дамъ текстъ для оправданія противъ тѣхъ, которые стали бы васъ обвинять. Апостолъ Іаковъ говоритъ: «какъ самъ Богъ не искушается зломъ, такъ и не искушаетъ Онъ никого» [2]), а напротивъ того: «всякое даяніе благо

[1]) Гл 3, ст. 10.

[2]) Іак. гл. 1, ст. 13.

и всякъ даръ совершенъ свыше есть, исходяй отъ Отца свѣтовъ» [1]). Зломъ тутъ называетъ онъ не страсти, а всякое зло жизненное; ибо онъ прежде сказалъ: «блаженъ человѣкъ, претерпѣвшій искушеніе» [2]). Что человѣкъ страдаетъ не по той мѣрѣ личнаго грѣха, т. е. видимаго проступка, которую мы склонны ставить въ соотношеніе съ страданіемъ, въ томъ намъ свидѣтельствуетъ Самъ Христосъ, когда на вопросъ: почему человѣкъ боленъ, по своимъ ли грѣхамъ или по грѣхамъ родителей, Онъ отвѣчалъ: «ни по тѣмъ, ни по другимъ, но да явится на немъ сила Божія». Если, въ одномъ случаѣ Онъ такъ сказалъ, то ни въ какомъ случаѣ намъ нельзя искать того отношенія между грѣхомъ и страданіями, которое многими предполагается. Разумѣется, что больной, о которомъ говорилъ Спаситель, все-таки страдалъ какъ дольникъ грѣха, и словами Спасителя отстраняется только ложная идея мѣры; ибо иначе мы должны бы были предположить, что больной страдалъ сверхъ мѣры, т. е. несправедливо. Самъ же грѣхъ наказываетъ себя логическимъ выводомъ—страданіемъ, всегда умѣряемымъ милосердіемъ Божіимъ. Итакъ сознаніе, что человѣкъ страдаетъ за свой грѣхъ (какъ дольникъ грѣха), и сознаніе грѣха въ каждомъ страданіи, какъ бы оно ни было ничтожно, совершенно справедливо. Тоже самое относится и ко всякому неразумію, которое есть только одна изъ формъ духовнаго страданія. Въ сужденіи о Вине не должно забывать, что онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «les péchés sont le péché» (грѣхи суть грѣхъ) и чрезъ это отстраняетъ идею мѣры, которая васъ, мнѣ кажется, сбила; ибо, отстранивъ ее, выдетъ, что вы согласны и съ Вине, и съ ученіемъ всего Христіанства, кромѣ Латинствующихъ.

Вине говоритъ о страданіи какъ воспитателѣ, данномъ намъ отъ Бога. Когда вы признаёте, что счастливцу легче забыть Бога чѣмъ страдальцу, не тоже ли вы говорите? Но почему этотъ воспитатель дается одному, а не дается другому? Кто скажетъ, почему не всѣмъ людямъ одна судьба? Въ похвалѣ страданію вообще много риторства, это правда; но не должно его оставлять и безъ похвалы. Вы совершенно правы, а что

[1]) Тамъ же, ст. 17.
[2]) Тамъ же, ст. 12.

еще лучше, правы съ теплотою душевною, когда говорите, что Богъ учитъ всѣмъ, скорбью и радостью, солнцемъ и бурею. Но что жъ изъ этого? Пословица все-таки права: «громъ не грянетъ, мужикъ (человѣкъ) не перекрестится». По крайней мѣрѣ часто такъ бываетъ.

О страданіи и счастіи я готовъ сказать то, что Павелъ о постѣ: «ты не ѣшь и благодаришь Бога; другой ѣстъ и благодаритъ Бога, и оба дѣлаютъ хорошо». Вине говоритъ: «если ты много страдаешь, думай, что тебя Богъ много любитъ», а кого же Онъ любитъ немного? Или кого не любитъ Онъ, если человѣкъ только позволяетъ Богу любить его? Вине не правъ, ибо дозволяетъ какую-то гордость страданія. Объ этой гордости сказать можно тоже, что Варсонофій о гордости поста: «Ты постишься, а братъ твой ѣстъ, и ты этимъ хвалишься. Постъ — лѣкарство для души. Чѣмъ же ты хвастаешься, что съ помощію лѣкарства достигаешь здоровья, которое братъ твой имѣетъ не лѣчившись? Развѣ больные могутъ хвастаться?» Но они могутъ и должны благодарить Цѣлителя, понимая Его явную любовь. Богъ не *посылаетъ* страданія, логическаго послѣдствія грѣховности нашей; нѣтъ, Онъ постоянно умѣряетъ его ѣдкость; но Онъ не устраняетъ его, дабы человѣкъ не впалъ въ тупое довольство собою и міромъ. Страдалецъ благодаритъ Бога, счастливецъ также; оба равно Богу угодны. Въ этомъ я согласенъ и даже думаю, что благодарность счастливаго человѣка лучше и святѣе. Вине говоритъ (словъ не помню, но смыслъ таковъ): «Ты всталъ сытый изъ-за стола и взглянулъ на небо, и мысленно благодарилъ Бога — ты еще не благодарилъ. Удѣлилъ ли ты часть своей трапезы голодному? Или подумалъ ли умомъ и сердцемъ, какъ бы его насытить? Или, если все это тебѣ недоступно, поскорбѣлъ ли ты искренно объ его голодѣ? О, тогда ты благодарилъ». Страданіе способнѣе къ состраданію, чѣмъ счастіе (~~я говорю вообще, ибо иногда~~ оно жесточаетъ), и поэтому благодарность, т. е. выраженіе ея въ дѣятельности любви къ ближнему, труднѣе счастливому, чѣмъ несчастному. По этому самому человѣкъ, признавая страданіе за послѣдствіе и слѣдовательно за наказаніе грѣха, долженъ благодарить Бога, допустившаго это страданіе и убавившаго, такъ сказать, тягость счастія, которой онъ не умѣлъ носить.

Вы видите, что мысль моя очень похожа на вашу и что вообще разница между вами и общепринятою формулою заключается собственно въ томъ, что въ нее вводятъ идею не только зависимости скорби отъ грѣха, но еще какого-то ариѳметическаго отношенія скорби къ грѣху, т. е. чистую и явную нелѣпость. Отстраните ее, и вы согласитесь, что если бы человѣкъ былъ безгрѣшенъ, Богъ бы не могъ его посѣщать страданіемъ или смертію: смерть обратилась бы въ преображеніе. Это служитъ отвѣтомъ на безумное мнѣніе, недавно возведенное въ догматъ папою, о полной безгрѣшности Божіей Матери.

Но тутъ снова встрѣчается тотъ безконечный вопросъ, о которомъ я уже говорилъ, вопросъ о совмѣщеніи свободы и необходимости. Какимъ образомъ можетъ человѣкъ, такъ сказать, требовать и вытребовать измѣненія логическихъ законовъ мірозданія? Какимъ образомъ можетъ онъ отъ Бога, всегда умѣряющаго строгость логическаго закона, т. е. враждебность міра (Его мысли) къ человѣку, отвергшему святость этой мысли, испросить еще бо́льшаго умягченія закона въ частномъ случаѣ? Вопросъ очевидно неразрѣшимъ вполнѣ; но, въ тоже время, душа какъ-то чувствуетъ, что различіе между закономъ мысли Божіей въ отношеніи ко всему міру и въ отношеніи той же мысли къ каждому данному случаю выдумано бредомъ нашей слѣпоты и не имѣетъ никакой существенности. Законы нравственнаго міра также непреложны какъ и законы физическаго міра (который есть въ тоже время и нравственный); а между тѣмъ мы чувствуемъ, что наша воля (разумѣется подъ благодатію) измѣняетъ насъ самихъ и, слѣдовательно, наши отношенія къ Богу. Почему же таже воля, выраженная въ молитвѣ, не могла бы измѣнить и отношеній нашихъ къ міру внѣшнему? Скажете ли, что въ одномъ случаѣ молитва, явно законная (ибо есть требованіе улучшенія), не можетъ не быть исполнена, а въ другомъ ея исполненіе было бы, такъ, сказать, незаконнымъ, ибо оно нарушило бы логику всеобщихъ явленій? Тутъ болѣе кажущейся, чѣмъ истинной правды. Я гордъ и прошу исправленія отъ гордости; я тону и прошу спасенія отъ воды. Гордость моя есть, такъ же какъ и опасность моя, логическій выводъ изъ цѣлаго ряда предшествовшихъ, внутреннихъ проступ-

ковъ, увлекающихъ меня къ новымъ проступкамъ или порокамъ; а за всѣмъ тѣмъ воля, подъ Божіимъ благословеніемъ, останавливаетъ мое паденіе. Съ меньшею явностью относится этотъ законъ и къ физической опасности, но онъ остается тотъ же.

Однажды двѣ дамы говорили цѣлый вечеръ о чудесахъ; покойная жена моя, бывшая при этомъ, вернулась въ дурномъ расположеніи духа и на вопросъ мой, «чѣмъ она недовольна?» разсказала мнѣ весь разговоръ. «Я всё-таки не вижу, чѣмъ ты недовольна?» — «Видно, онѣ никогда не замѣчали, сколько чудесъ Богъ совершаетъ въ насъ самихъ, что столько хлопочутъ о чудесахъ внѣшнихъ».—Просите царства Божіяго, и все приложится вамъ. Всякая молитва заключается въ «Отче нашъ»; но, мнѣ кажется, вы ошибаетесь невольно, когда идею воли Божіей вы ограничиваете логическимъ развитіемъ міровыхъ законовъ. Они—выраженіе Его воли, но не оковы, наложенныя на Его волю. Къ чему же просить нарушенія законовъ, которымъ я подчинился вслѣдствіе грѣховности, т. е, законовъ страданія внѣшняго, которое часто спасительно? Къ тому, что естественно просить избавленія отъ него и улучшенія внутренняго въ жизни безскорбной. Это естественно. Хороша покорность въ страданіи, еще лучше благодареніе за страданіе; но искренно пропѣтый благодарственный гимнъ (выражающійся всею жизнію) за избавленіе отъ скорби точно также великолѣпенъ, какъ Іово терпѣніе; а душа просить всякаго счастія.

Видимое улучшеніе жизни физической, происходящее отъ простаго напряженія умственныхъ способностей (въ Англіи), будущее усовершенствованіе жизни земной, которое вы предвидите, по моему, весьма справедливо, ставятъ въ вашихъ глазахъ всѣ эти явленія внѣ зависимости отъ закона нравственнаго. Это едва ли справедливо. Множество пороковъ, въ ихъ явной отвратительности и уродливости, дѣлаются невозможными въ образованной землѣ, такъ же какъ засуха или чума. Слѣдуетъ ли изъ этого, что нравственный законъ также подчиненъ необходимому развитію? Англія выше Россіи въ жизни физической и общественной—правда; но она и выше ея и въ приложеніи своихъ нравственныхъ законовъ (хотя самые

законы могутъ быть и ниже). Человѣкъ гадитъ свою внутреннюю жизнь, также какъ и зажигаетъ домъ свой, часто изъ невѣдѣнія. Во всѣхъ случаяхъ мы просимъ разумѣнія и мудрости и во всѣхъ, кромѣ Божіей милости, идемъ и путемъ внѣшнимъ, размышленіемъ, чтеніемъ, бесѣдою и т. д. Я скажу болѣе: самое улучшеніе въ физической жизни народовъ едва ли не находится въ прямой зависимости отъ чувства взаимной любви, старающейся приложить всякое новое знаніе къ пользѣ другихъ людей-братій; не даромъ всякое просвѣщеніе дается только христіанскимъ народамъ. «Всякое даяніе благо (въ мірѣ физическомъ) и всякъ даръ совершенъ (въ мірѣ нравственномъ) свыше есть, исходяй отъ Отца свѣтовъ». Трудъ для пользы другихъ, безкорыстный (хотя отчасти), есть молитва, и молитва не только высшая, чѣмъ лепетаніе Славянскихъ словъ въ уголкѣ, передъ Суздальскою доскою, но высшая многихъ, гораздо болѣе разумныхъ молитвъ, въ которыхъ выражается какой-то загробный эгоизмъ болѣе, чѣмъ любовь. Молитвѣ, такъ сказать, нѣтъ предѣловъ. Отрывать ее отъ жизни, формулировать, заключать ее въ отысканіи «серединной точки» и проч., все это нелѣпо. Она цвѣтъ жизни. Какъ всякій цвѣтъ, она обращается въ плодъ; но она не лѣзетъ съ своимъ великолѣпнымъ вѣнкомъ изъ лепестковъ и сѣмянныхъ пучковъ, безъ стебля, листьевъ и корней, прямо изъ сухаго песка, лишеннаго всякой растительности. Она можетъ возникнуть, какъ нѣкоторыя тропическія растенія, почти въ одинъ мигъ, съ необыкновенною красою и блескомъ, или развиваться медленно, какъ Cactus Zeherit (или столѣтній цвѣтъ); въ обоихъ случаяхъ у нея были жизненные корни. Кому въ голову придетъ отдѣлить молитву Іисуса отъ Его проповѣди, отъ Его исцѣленій, отъ Его крестнаго подвига? А впрочемъ всякое счастіе нужно человѣку и всякое дается Богомъ: вспомните чудо въ Канѣ Галилейской.

Искренно благодарю васъ за ваше письмо. Оно много вытребовало размышленій; оно само проникнуто тѣмъ жаромъ и любовью къ истинѣ, которые одни только и могутъ оплодотворять жизнь. Видите, въ чемъ мы не совсѣмъ согласны, и что нигдѣ прямаго разногласія нѣтъ. Вы немножко слишкомъ много приписываете общему закону; но это очень естественно, пото-

му что вообще слишкомъ много даютъ простора *партикуляризму*: «Голова разболѣлась—это оттого, что на Кузьму и Демьяна я къ обѣднѣ не ходила». Жаль только, что ни одинъ помѣщикъ, когда у него болятъ зубы или спина, не подумаетъ, что это—вознагражденіе за оплеуху, данную камердинеру или за синяки на спинѣ крестьянина. Если бы я видѣлъ партикуляризмъ, принявшій тоже направленіе, грѣшный человѣкъ—не сталъ бы и возставать противъ него, хотя въ душѣ и отвергалъ бы.

Прощайте. Кажется, ереси въ васъ нѣтъ, а только нѣкоторый маленькій стоицизмъ и боязнь вмѣшивать Бога въ суету жизни земной. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы со мною согласитесь.

2.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Посылаю вамъ окончаніе Лютера [1]). Вы ждете отъ меня примѣчаній; но о примѣчаніяхъ я ни отъ Кошелева, ни отъ Макс. [2]) ничего не слыхалъ. По моему же они не нужны. Иное бы было дѣло—введеніе съ опредѣленіемъ Реформаціи и эпохи реформаціонной; да вѣдь это была бы цѣлая статья, и статья многотрудная. Мнѣ было поручено исправить то, что̀ могло подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ, и всѣ слова и выраженія, которыя Новиковымъ употреблены неосторожно, по неясному пониманію отношеній Католицизма и Реформаціи къ древнему понятію о Церкви. Это я и сдѣлалъ. Болѣе, думаю, не нужно. Вы увидите, что я въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣлалъ весьма важныя перемѣны. Одно мнѣ сомнительно: вторая, мною теперь посылаемая вамъ, половина не была бы слишкомъ огромна для одного №. Статья о Лютерѣ много ниже статьи о Гусѣ; она уже и тѣмъ ниже, что она собственно обнимаетъ жизнь Лютера только до его истинной дѣятельности и собственно должна бы называться «Meister Luther's Lehrjahre»; но она все-таки высокаго интереса и для многихъ нашихъ читателей важна,

---

[1]) Гусъ и Лютеръ, диссертація Е. П. Новикова, печатавшаяся въ „Русской Бесѣдѣ" 1858 года. *Изд.*

[2]) М. А. Максимовича, извѣстнаго, писателя, изслѣдователя исторіи и быта Малой Россіи; въ 1858 году онъ жилъ въ Москвѣ. *Изд.*

показывая христіанина искренняго и горячаго въ человѣкѣ, котораго привыкли считать чуть-чуть не извергомъ рода человѣческаго.

Приглашеніе къ участію въ дѣлахъ конгресса о книгопечаніи по моему слѣдуетъ оставить безъ отвѣта. Во-первыхъ, еще Общество [1]) не утверждено; во-вторыхъ, участіе наше въ этомъ дѣлѣ будетъ ничтожно и, наконецъ, некому поручить представительство Общества. Если Общество утвердится, то я думаю при первомъ собраніи (для избранія членовъ) можно будетъ предложить отнестись къ Вяземскому [2]), такъ какъ онъ за границею—не захочетъ ли онъ принять это представительство на себя. Тогда же можно будетъ и quasi-конгрессу объяснить, почему ранѣе мы отвѣчать не могли.

Объ Ивановѣ я статью началъ. Послужитъ ли она къ чему нибудь, не знаю. Быть можетъ, она только раздражитъ многихъ; но я пишу ее для себя и для него собственно, не полагая нисколько, чтобы рекомендація моя могла служить къ чему нибудь предъ предержащими.

Былъ я въ Тулѣ, хотѣлъ собрать справки объ эманципаціонномъ вопросѣ, и ничего не могъ дознать. Одно ясно: дворяне всѣ противъ, и ни за что бы не тронулись, да боятся правительства и подличаютъ ему. Такъ Крапивенскій предводитель объявилъ губернскому, что всѣ дворяне отказываются [3]) и показалъ ему ихъ отказъ; а потомъ, когда побывалъ у губернатора [4]), и тотъ на него крикнулъ, сталъ увѣрять, что его не поняли, что, напротивъ, всѣ согласны, и дѣйствительно черезъ недѣлю привезъ согласіе всего уѣзда. Довольно важно то, что всѣ мировопшіе дворянамъ (въ томъ числѣ и губернскій нашъ) столько получили оскорбленій отъ ультра-консерваторовъ, что сдѣлались жаркими эманципаторами съ досады. Есть и кромѣ

---

[1]) Общество Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ, возобновленное въ 1858 году подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова. *Изд.*

[2]) Князю Петру Андреевичу, въ то время товарищу министра народнаго просвѣщенія. *Изд.*

[3]) Вѣроятно участвовать въ Комитетѣ. *Изд.*

[4]) Тульскимъ губернаторомъ былъ тогда генералъ-маіоръ Дараганъ. *Изд.*

этихъ соображеній примѣты, что вопросъ въ Комитетѣ будетъ разсмотрѣнъ довольно дѣльно съ хозяйственной стороны.

Объ крестьянахъ выхожу я опять правъ и противъ Самарина, и противъ многихъ. Они такъ мало надѣются на всю землю и даже на всю свою землю, что многіе навоза не вывозятъ, не по причинѣ заливныхъ дождей, а потому, что говорятъ: «не знаемъ, что̀ достанется намъ въ крѣпость». Съ одной стороны это невыгодно для хозяйства, а съ другой весьма хорошая примѣта. Изъ дворянъ многіе за собственность крестьянскую (разумѣется, съ выкупомъ) и полагаютъ, что другаго выхода нѣтъ. Такъ сказывалъ мнѣ Арсеньевъ [1]); а самъ я въ этомъ удостовѣриться не могъ, но вѣрю. Скажите Елагину [2]), что стыдно будетъ, если онъ не постарается въ депутаты по Бѣлеву.

Извѣстіе ваше о батюшкѣ, по моему мнѣнію, весьма хорошее, и по всей вѣроятности было бы еще лучшее, если бы погода была поблагопріятнѣе; но теперешніе безпрестанные потопы вовсе не благопріятны для лѣченія. Я твердо увѣренъ, что продолженіе водянаго и гомеопатическаго курса переработаетъ хроническія привычки организма и дастъ г. . . . . правильный исходъ, что̀ именно и нужно Сергѣю Тимоѳеевичу. Кланяйтесь ему, пожелайте ему добраго лова рыбьяго; я и самъ хочу уженіемъ заняться и готовлю удочки. Ловить же буду, если погода не перемѣнится, прямо изъ окошекъ. До этаго ужъ недалеко: луга̀ по вечерамъ какъ-то странно пищатъ, до того напитаны сыростью. При этомъ такая теплынь, какой я не запомню.

Прощайте, любезный Иванъ Сергѣевичъ; будьте здоровы. Что-то дѣлаетъ братецъ? Я же читаю то, чего не успѣлъ прочесть въ Москвѣ—Устрялова и восхищаюсь его всесовершенной глупостью. Впрочемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ одномъ: всѣ ошибки Петра оправдываются (т. е. объясняются) страннымъ безмыслiемъ до-Петровской, Романовской, Московской Руси. Еще разъ прощайте. Вашъ А. Хомяковъ.

---

[1]) Тульскій губернскій предводитель. *Изд.*

[2]) Николаю Алексѣевичу, единоутробному брату Ивана и Петра Васильевичей Киреевскихъ. Н. А. Елагинъ позднѣе былъ избранъ депутатомъ. *Изд.*

3.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Виноватъ я передъ вами и передъ Бесѣдой[1]), но не столько, сколько кажется. Я по крайней необходимости ѣздилъ въ Донковъ и конченную статью велѣлъ отправить къ вамъ, а ея не отправили, въ чемъ я все-таки нѣсколько виноватъ по неопредѣленности оставленнаго мною предписанія. Такъ пропало дней десять, и вы имѣли полное право негодовать на меня. Посылаю ее, и въ одно время самъ ею доволенъ и огорченъ. Мнѣ хотѣлось было, чтобы Ивановъ ее прочелъ. Тяжело класть какой-бы то нибыло вѣнецъ на гробъ, будь это хоть вѣнецъ святости или мученичества. На бѣду еще я познакомился съ нимъ [2]) и почувствовалъ, что онъ точно былъ нашъ, всею душею намъ сродни. Подите-ка, спросите у Константина Сергѣевича, какъ это такіе люди могутъ родиться въ Петербургѣ, а родятся же! Впрочемъ я ему въ нѣкоторое утѣшеніе скажу, что Ивановъ, хотя и не бывалъ никогда въ Москвѣ, но признавался въ заглазной любви и влеченіи къ ней. Надѣюсь, что друзья его скажутъ мнѣ спасибо за мою статью, которая впрочемъ писана совершенно по совѣсти.—А, вотъ нѣтъ и Шеншина [3])! У меня просто кровью сердце залило при вѣсти объ его кончинѣ. Славная, чистая, добрая, нѣжно-любящая и дѣтская натура! Онъ простудился и едва уже ноги таскалъ; и какъ его Гильфердингъ [4]) и докторъ ни отговаривали, поѣхалъ въ Комитетъ, потому что «засѣданіе важное, а насъ, стоящихъ за крестьянъ, мало». Гильфердингъ справедливо говоритъ: «Il est mort sur la brèche» [5]). Меня радуетъ, что его какъ будто оцѣнили, и какое-то приходитъ странное, вѣроятно мечтательное, убѣжде-

---

[1]) И. С. Аксаковъ въ 1858—1860 годахъ занимался изданіемъ „Русской Бесѣды". *Изд.*

[2]) Т. е. съ Ивановымъ. *Изд.*

[3]) Флигель-адъютантъ, Николай Васильевичъ Шеншинъ, членъ С. П. б. Комитета по освобожденію крестьянъ. См. объ немъ „Р. Бесѣда" 1858, кн. 3, замѣтку М. П. Погодина и біографическій очеркъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 г. *Изд.*

[4]) Ѳедоръ Ивановичъ, отецъ слависта Александра Ѳедоровича. *Изд.*

[5]) Онъ умеръ на приступѣ.

ніе, что лучшія чувства заговорятъ послѣ его смерти даже въ душѣ тѣхъ, которые съ нимъ не соглашались въ жизни. Но бѣдная жена! Я объ ней даже думать не могу: становится страшно. А я къ ней имѣю какое-то особенное чувство, какъ будто къ дочери; иначе я его назвать не могу. Кажется мнѣ теперь, что самое лучшее, что объ ней мнѣ могутъ сказать, это то, что она не пережила мужа. Мнѣ за нее въ сердцѣ холодно, какъ будто туда ледъ попалъ. Она, говорятъ, не уронила ни одной слезы, не простонала ни разу; а умри она, мнѣ бы казалось, что смерть ее укачала, какъ огорченнаго ребенка. Дай ей Богъ силы! [1])

Вы не совсѣмъ довольны отвѣтомъ синодальной критикѣ [2]). Я очень это понимаю и готовъ съ вами согласиться, а въ тоже время полагаю, что я былъ правъ въ своемъ воздержаніи. Полемика непечатная по моему имѣетъ вовсе другую цѣль съ полемикою печатною. Ея обязанность удалять раздраженіе, не теряя правъ своихъ на правду, которую сознаешь за собою. Убѣдить въ этомъ случаѣ почти невозможно, особенно потому, что мы сами были бы въ страшномъ затрудненіи, если бы отъ насъ потребовали наставленія для Толстаго [3]), какъ ему дѣйствовать. Положеніе Каткова и Крузе легче нашего, и по моему Кошелевъ былъ правъ, придавая своимъ отношеніямъ нѣкоторую елейность. Я очень сочувствую вашему негодованію и въ тоже время нахожу выраженіе его вреднымъ. Замѣтьте, что я говорю вреднымъ, вовсе не въ смыслѣ политическаго расчета, а въ другомъ—высшемъ. Негодованіе съ одной стороны отрицаетъ исторію (первая несправедливость), съ другой не признаетъ умственнаго безсилія тѣхъ людей, на которыхъ оно обращается. Иное дѣло—критика ровныхъ; иное дѣло—воспитаніе низшихъ. Наше дѣло—воспитательное, и мы должны быть снисходительными, потому что мы имѣемъ дѣло не съ ровнею,

---

[1]) Вдовѣ Н. В. Шеншина, Евгеніи Сергѣевнѣ (ур. Арсеньевой) А. С. Хомяковъ послалъ стихи свои: „Подвигъ есть и въ сраженьи“.

[2]) Говорится о письменномъ отвѣтѣ, составленномъ Хомяковымъ на запросъ цензуры по поводу статьи Даскалова. См. т. III, стр. 455.

[3]) Графа Александра Петровича Толстаго, тогдашняго оберъ-прокурора Св. Синода.

а съ людьми, которыхъ надобно учить. Дѣйствительно, наши отношенія къ нашему духовному міру странны; да ихъ не перемѣнишь, а надобно, если можно, перемѣнить самое настроеніе духовенства, искаженное цѣлымъ рядомъ злыхъ историческихъ вліяній. Теперь у Синода схватка съ Географическимъ Обществомъ по случаю статьи Гильфердинга о Босніи; неизвѣстно, чѣмъ кончилась или кончится.

Въ Донковѣ видѣлъ я нѣсколькихъ дворянъ. Настроеніе не совсѣмъ дурно. У многихъ склоняется расчетъ къ отчужденію земли въ собственность крестьянамъ, но разумѣется дорожатся. Иначе и быть не можетъ: крестьяне, какъ вездѣ, хороши; но хозяйство помѣщиковъ разстраивается вслѣдствіе трусости самихъ помѣщиковъ и ихъ представителей. Я у себя это замѣтилъ и былъ принужденъ облечься въ грозу для поправленія сдѣланныхъ упущеній.

Радуюсь очень извѣстіямъ вашимъ о батюшкѣ. Что боли возвращаются, это должно было ожидать. Многолѣтняя привычка мѣстнаго раздраженія не могла же исчезнуть мгновенно; но укрѣпленіе силъ и освѣженіе организма, вотъ что важно. Боли будутъ уступать постепенно. Скажите батюшкѣ, Константину Сергѣевичу и всѣмъ мой поклонъ. Будьте сами здоровы и не слишкомъ пеняйте на меня. Вашъ А. Хомяковъ.

Если Лонгинова [1]) увидите, поблагодарите за статью. За присланную мою брошюру поклонъ въ поясъ. Тютчеву [2]) поклонъ.

4.

Меня очень порадовало ваше письмо, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ; признаюсь, мнѣ очень хотѣлось, чтобы статья была хороша: какъ будто была какая-то обязанность въ отношеніи къ покойному [3]) объяснить его дѣло, которое, того и смотри,

---

[1]) Михаилъ Николаевичъ, извѣстный библіографъ, первый секретарь возобновленнаго подъ предсѣдательствомъ Хомякова Общества Россійской Словесности.

[2]) Ѳеодоръ Ивановичъ, извѣстный поэтъ, впослѣдствіи тесть И. С. Аксакова.

[3]) Александръ Андреевичъ Ивановъ скончался въ Петербургѣ 3 Іюля 1858 г. Хомяковъ началъ, какъ видно, статью свою о немъ при жизни его и узналъ объ его кончинѣ до окончанія ея.

нескоро бы оцѣнилось вполнѣ. Перемѣны, которыя вы предлагаете, очень справедливы, а въ словѣ *иконописью* безъ сомнѣнія ошибка переписчика. А вотъ моя просьба: пошлите отдѣльный оттискъ въ Академію къ Іордану съ надписью: *по назначенію отъ автора*. Онъ любилъ Иванова, и у него я съ Ивановымъ познакомился. Я очень радъ, что Погодинъ пишетъ о Шеншинѣ, но, пожалуста, будьте осторожны. Вы говорите-статья горяча, даже можетъ быть слишкомъ. Этаго намъ всячески избѣгать надобно, не ради какой опасности, а потому что сдержанность есть несомнѣнная сила, а всякая лишняя горячность роняетъ авторитетъ; да и грустно бы было, если бы наша горячность отозвалась какъ-нибудь нехорошо въ комъ-нибудь изъ читателей (порядочныхъ) для памяти покойнаго. Онъ безъ сомнѣнія былъ нашъ во всѣхъ отношеніяхъ; но не должно объ немъ вспоминать такъ, чтобы говорили объ немъ какъ объ un homme de parti; чѣмъ святѣе память объ немъ, тѣмъ полезнѣе она будетъ дѣйствовать на другихъ, устраняя всякое раздраженіе.

А каковъ Т.... Ф... противъ Даскалова [1]) въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ!» Вотъ истинное поповство. Досадно и смѣшно. Не знаете ли, можно ли отвѣчать? Разумѣется, мы не можемъ за недостаткомъ данныхъ; но Даскаловъ могъ бы. Только надобно его направить. Думаю однако, что отвѣчать не позволятъ. Статья въ высшей степени оскорбительна для Болгаръ и произведетъ по всей вѣроятности дурное дѣйствіе. Греки спасибо не скажутъ, а Болгары еще болѣе отшатнутся.

Прощайте, любезный Иванъ Сергѣевичъ. Я говѣю и читаю Шеллинга и Гоголцкаго [2]). Батюшкѣ и Константину Сергѣевичу мой поклонъ. Вашъ А. Хомяковъ.

5.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Во время моей поѣздки въ Донковъ пришли два пакета на имя А. Ѳ. Гильфердинга; ихъ туда послали, а я уже выѣхалъ

---

[1]) Статья Даскалова въ „Русской Бесѣдѣ“ 1858, кн. 2, подъ заглавіемъ *Возрожденіе Болгаръ или реакція въ Европейской Турціи*.

[2]) Философскій Лексиконъ проф. Кіевскаго Университета Гоголцкаго. См. отзывъ объ этой книгѣ въ III томѣ сочиненій А. С. Хомякова.

обратно. Такъ гуляли они немало. Теперь, по возвратѣ въ Богучарово этихъ писемъ, спѣшу отправить ихъ къ вамъ, потому что не знаю, куда ихъ адресовать; а если Гильфердинга и нѣтъ въ Москвѣ, вы по крайней мѣрѣ знаете навѣрное, гдѣ онъ.

Я прискакалъ изъ Донкова въ Тулу къ выборамъ [1]) по чувству долга, и не жалѣю. Общая физіономія собранія была лучше, чѣмъ ожидали. Въ первый день встрѣча мнѣ была свирѣпа до комизма; во второй придрались къ тому, что я во фракѣ и потребовали моего удаленія; я возвратился въ чужомъ мундирѣ.

Въ послѣдній день у меня же спрашивали совѣта тѣ, которые сначала хотѣли меня повѣсить. Въ уѣздѣ нашемъ выбраны негодные депутаты, въ томъ числѣ Коптевъ, братъ воспѣтаго; за то въ Бѣлевѣ Елагинъ, б. Черкасовъ и Павловъ, братъ Верейскаго. Вообще итогъ депутатовъ очень сносенъ, хотя есть и большіе негодяи и много плантаторовъ. Большинство сомнительно. Отъ правительства князь Черкасскій и Самаринъ [2]). Черкасскій пріобрѣлъ доброе мнѣніе почти всѣхъ и привелъ въ истинное благоговѣніе Д. Н. Свербеева ловкостью своего поведенія. Пять дней собранія подвинули дѣло эманципаціи на основаніи собственности части земли для крестьянъ весьма значительно. Теперь вопросъ, что будетъ въ Комитетѣ.

6.

(1859).

Скажите братцу, что его статья о Бѣлевской В. [3]) превосходная, и что онъ вопросъ поставилъ въ совершенно новомъ видѣ. Еще одно нужно, что въ ней нѣтъ: именно историческое движеніе и показаніе послѣдовательныхъ перемѣнъ. Потомъ вотъ мое замѣчаніе: разница *бѣжалъ* и *сошелъ* не значитъ ли *съ согласія или безъ согласія* помѣщика? Дѣло тогда принимаетъ еще другой видъ. Благодарю Константина Сергѣевича за эту статью и за письмо, на которое переѣзды помѣшали мнѣ отвѣчать. Разногласія у насъ нѣтъ ни въ чемъ, и съ его оговор-

---

[1]) Дворянскимъ.

[2]) Петръ Ѳеодоровичъ.

[3]) Вивліоѳика, изд. Н. А. Елагинымъ. Статья о ней К. С. Аксакова напечатана въ I-мъ томѣ его сочиненій.

ками на счетъ моей статьи объ Ивановѣ я вполнѣ согласенъ. Самъ не пишу ничего, но крѣпко собираюсь на философскую статью. Намъ нужно все идти въ глубь, но это тяжкая работа. Какъ-то справлюсь! Прощайте покуда. Сейчасъ опять ѣду въ Донковъ дней на десять, а погода и дорога отвратительны. Скажите, пожалуста, мое почтеніе батюшкѣ, матушкѣ и всѣмъ вашимъ. Вашъ А. Хомяковъ.

Сентября 6-го дня.

7.

Вотъ приписочка, которую надо прибавить къ моему письму о Глаголицѣ.

Я не говорилъ о томъ, можно ли букву *ш* считать займомъ Кириллицы изъ Глаголицы по весьма простой причинѣ. Буквы *щ* и *ш* въ Кириллицѣ связаны между собою такою явною связью, что сказанное объ одной непремѣнно относится и къ другой. Можно поспорить о томъ, какая буква вошла въ составъ буквы *щ*, червь ли, *ш*, *ч*, *тч*? или твердое *ш*, *т*, *шт*? (послѣднее ближе къ Болгарскому произношенію); но зависимость одной буквы отъ другой, т. е. *щ* отъ *ш*, не подлежитъ сомнѣнію, и поэтому ясно, что обѣ приняты рѣзами (Глаголицею) въ одно время отъ Кириллицы.

Еще слово о буквѣ *ц*. Ея форма въ Глаголицѣ довольно проста, и Кириллица могла ее принять; почему отвергла она ее? Мнѣ кажется, что тутъ выразилось филологическое соображеніе разумныхъ составителей Церковно-Словянской азбуки. Они хотѣли указать на нее какъ на измѣненіе буквы *ч*: ибо связь ихъ явна въ Словянскомъ словѣ, въ которомъ цоканье составляетъ характеристику многихъ нарѣчій. Отъ того *цы—ц*—есть только *червь* ⳡ, съ отодвинутымъ къ сторонѣ хвостикомъ Ч. Быть можетъ, сохраненію буквы Глагольской помѣшало также излишнее сходство съ ижицею.

1859 г. 17 іюля. Бучарово.

Пожалуста, такъ какъ у меня теперь изъ Москвы посылка, доставьте мнѣ, если можно, вторую часть *Мелкотравчатыхъ* въ Р. Словѣ (буде вышла) и Хвольсона о Вавилонскихъ надписяхъ, а я по почтѣ ихъ вамъ доставлю.

На дняхъ я письмо пошлю объ эманцинаціи; но не знаю какъ; чтобы лучше слѣдъ скрыть, оно переписано не моею рукою.

8.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Въ послѣдній разъ я вамъ писалъ при спазмахъ въ желудкѣ; становилось легче, но все еще онѣ не проходятъ совершенно, что̀ меня сердитъ; а тогда онѣ еще такъ были сильны, что я даже не отвѣчалъ на нѣкоторое ваше обвиненіе, падающее на Кон. Сер., но, какъ и вы говорите, не совсѣмъ миновавшее и мою голову. Обвиненіе—въ обвиненіи ближняго съ успокоеніемъ совѣсти разными, не совсѣмъ добросовѣстными, оговорками. Мнѣ кажется, вы неправы, можетъ быть даже болѣе въ отношеніи къ братцу, чѣмъ въ отношеніи ко мнѣ; потому что онъ обвиняетъ вообще не такъ легко какъ я, и какъ будто всегда съ принужденіемъ или насиліемъ надъ собою. Но лица въ сторону: вопросъ о самомъ обвиненіи. Можно ли какому нибудь обществу существовать безъ общественнаго мнѣнія? Назовите это общество церковью или какъ угодно. Гдѣ стихія общественнаго мнѣнія? Не въ откровенномъ ли мнѣніи частномъ? Христіанское начало не вводитъ въ жизнь новыхъ началъ вещественныхъ или формальныхъ; оно только измѣняетъ ихъ внутренній смыслъ. Осужденіе, которое было дѣломъ гордости, самоуслажденія и такъ далѣе, является какъ дѣло необходимости и, въ весьма хорошихъ натурахъ, необходимости тяжелой. Палачъ-волонтеръ является палачемъ отъ общины (предполагаю необходимость казни. Кстати: какъ это люди, пишущіе объ уголовныхъ законахъ, еще не догадались, что тюремщикъ и часовой при тюрьмѣ тѣже палачи?) Я тутъ не говорю о другомъ отличіи обвиненія христіанскаго отъ всякаго другаго, именно о томъ, что оно допускаетъ признаніе осуждаемаго лучшимъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ, хотя и преступникомъ въ частномъ значеніи,—такимъ, что ему нужно привязывать ярлыкъ, какъ у Римлянъ сѣно бодливой скотинѣ на рога. Но это, разумѣется, остается между Богомъ и совѣстью человѣка, произносящаго судъ надъ ближнимъ своимъ, и поэтому неподвѣдомо никому: самый же фактъ осужденія есть дѣло общественнаго служенія,

отъ котораго по моему мнѣнію даже нельзя отказываться. Развѣ бои, и вѣхи, и маяки не ставятся на отмеляхъ и камняхъ, и не дѣло ли человѣколюбія ихъ ставить? Молодежъ, которая вступаетъ въ жизнь, да и мужъ совершенный въ обществѣ мало ему извѣстномъ не нуждаются ли въ этихъ вѣхахъ и бояхъ, которые выражаются такими словами, какъ подлецъ, негодяй и пр.? Вотъ, мнѣ кажется, полное оправданіе осужденія въ смыслѣ христіанскомъ, и какъ бы мы ни исправляли эту службу (вы улыбаетесь), я и Константинъ Сергѣевичъ, мы попреку не подвергаемся. Затѣмъ остается, разумѣется, вопросъ внутренній; но кто же его разрѣшитъ? Часто, думаю, при полнѣйшей откровенности, самъ человѣкъ данныхъ для его разрѣшенія не могъ бы представить.

Другой вашъ вопросъ труднѣе. Это вопросъ о дуэли. Онъ входитъ въ другой, болѣе общій, а именно: при возникающемъ или не усовершенствовавшемся обществѣ, имѣетъ ли христіанинъ право самосуда, въ тоже время протестуя противъ него? Я не стану объ этомъ говорить, потому что чувствую всю многосложность и сомнительность вопроса, поставленнаго въ такихъ широкихъ размѣрахъ; но я думаю, вы признаетесь, что его такъ именно и должно ставить. Въ молодости, когда возможность дуэли была мнѣ ближе, я себѣ поставилъ одно правило: всегда отказываться отъ дуэли кромѣ одного случая — когда дѣло коснется чести женщины. Правъ ли я былъ, не знаю; но и теперь убѣжденіе мое не измѣнилось. Мужчина себя всегда оградить можетъ, а женщина нѣтъ.

Вотъ хоть поздній отвѣтъ вамъ, но отвѣтъ; а поздній потому, что недѣли полторы я отъ болей въ желудкѣ вечеромъ лежалъ, а я могу браться за перо только вечеромъ. Теперь я почти вовсе здоровъ, благодаря Stannum и Staphysagria.

Безсоновъ просилъ у меня увѣдомленія о судьбѣ его записки, и я ему отвѣчаю; но адреса его не найду. Пожалуста доставьте. Еще просилъ я васъ объ имени Жансенистскаго епископа Утрехтскаго; если нельзя его найти въ Le Nord, нельзя ли какъ нибудь отнестись объ этомъ къ самому издателю? Письмо-то у меня написано: жаль такъ оставить.

Прилагаю стихи на оборотѣ. Не знаю каково, исполненіе, а мысль мнѣ нравится. *Спи.*

Днемъ наигравшись и т. д.

9.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Пишу вамъ только нѣсколько строкъ по поводу письма къ Loos'у. Не годится его теперь печатать: мнѣ хочется отнестись къ нему серьезно, какъ къ человѣку. Напечатать, значитъ раздражать и даже дать поводъ къ неотвѣчанію. Надобно, чтобы онъ видѣлъ во мнѣ человѣка, а не литератора, журнальнаго сотрудника.

Если пройдетъ мѣсяца полтора безъ отвѣта, тогда надобно будетъ напечатать какъ апелляцію къ Жансенистамъ противъ ихъ епископа. А теперь пожалуста пошлите по такому адресу прямо: A Monseigneur Henri de Loos, archevêque de l'ancienne communion Catholique-Romaine. A Utrecht.

Важно знать, будетъ ли онъ отвѣчать.

Прощайте, до свиданія въ Москвѣ. Будьте здоровы. Вамъ преданный А. Хомяковъ.

10.

Только что получилъ вашу первую посылку, любезный Иванъ Сергѣевичъ, пришлось мнѣ ѣхать въ Донковъ, а вторая пришла безъ меня и на почтѣ ждала. Третьяго дня я оттуда возвратился и посылки возвращаю съ величайшею благодарностію. Протоколы очень любопытны; изъ нихъ видно, что Черкасскій играетъ важную роль. Нельзя не узнать во многихъ мѣстахъ его оборота мысли и слова, его критическихъ пріемовъ и многихъ особенностей. Направленіе, при всей кажущейся неподвижности, или по крайней мѣрѣ, медленности комитетскихъ работъ, довольно ясно: очевидно идетъ работа двойная. Комитетъ разрабатываетъ un pis aller на случай, если съ выкупомъ не сладитъ, а за тѣмъ скрывается надежда на выкупъ. Но эта двойственность портитъ все дѣло; вслѣдствіе ея не вырабатывается многими проекта послѣдовательнаго, хотя бы и не безупречнаго, а только несвязныя мѣры, изъ за которыхъ выглядываетъ: авось что нибудь придумаемъ, авось деньги найдемъ и развяжемся. За всѣмъ тѣмъ общій духъ хорошъ: уступокъ мало. Административныя предположенія могутъ дать просторъ жизни народной; хотя и тутъ, такъ же какъ и въ юридическихъ сообра-

женіяхъ, еще нѣсколько преобладаетъ формальность, но вообще все лучше того, что̀ можно бы было ждать. Для меня это чтеніе было въ высшей степени интересно и очень оправдало меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я разумѣю отправку своего письма, которое я отдалъ на почту дня за четыре до полученія протоколовъ.

Странное совпаденіе обстоятельствъ. Въ Тулѣ теперь поговариваютъ о многихъ изъ тѣхъ мѣръ, которыя я предлагаю, какъ о намѣреніяхъ Ростовцова. Если тутъ есть какая нибудь правда, то я вдвое болѣе собою доволенъ: тѣмъ охотнѣе приметъ онъ мои соображенія и пополнитъ ими собственныя мысли. Болѣе всего дорожу я предложеніями о немедленномъ приступѣ къ освобожденію посредствомъ отписки къ казеннымъ дачамъ и простаго взноса извѣстной нормы отъ самихъ крестьянъ. Я увѣренъ, что такой приступъ къ дѣлу мгновенно перемѣнитъ все нравственное настроеніе обоихъ сословій, крестьянскаго и дворянскаго, и подѣйствуетъ на правительство самымъ благодѣтельнымъ образомъ. Это все равно, что окунуться: покуда не окунешься, чувствуешь, что еще можно уйти домой, не выкупавшись; хотя бы уже стоялъ по поясъ въ водѣ.

Долго писать, а то я разсказалъ бы вамъ нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя мною надъ казенными крестьянами. Я пришелъ къ убѣжденію, что имъ во многихъ случаяхъ *слишкомъ хорошо*, и что они часто отъ этаго не богатѣютъ. Въ нихъ, говорю, въ цѣлыхъ волостяхъ, зарождается та самая безпечность и сонливость ума, которая составляетъ характеристику степнаго помѣщика. Слишкомъ обширное общинное владѣніе дѣлаетъ каждаго крестьянина какимъ-то владѣтельнымъ принцемъ, потому что внѣ пахатной десятины все уже общее, и каждому кажется, что все его. По моему слѣдуетъ ихъ привести къ общимъ правиламъ съ помѣщичьими, для того, чтобы возбудить личную дѣятельность. Такъ напр. на верховьяхъ Вороны села Телехово, Калинкино, Губы и др., благословенный край, которымъ бы батюшка вашъ могъ восхищаться какъ прежнимъ Оренбургомъ, рѣшительно баринъ отъ богатства. У нихъ напр. цѣлыми деревнями заводятся споры и ссоры по утрамъ, чтобы вечеромъ мириться съ запивкою. И отъ этаго народъ даже на взглядъ—дрянь.

Я стою на своемъ прежнемъ положеніи, которое для меня все яснѣе и яснѣе оправдывается. Случайное дѣленіе на дачи всей Россіи также гибельно какъ и крѣпостное состояніе: оно отнимаетъ у жизни ея подвижность, переливчатость и свободу въ распредѣленіи силъ. Народъ безъ поземельной собственности общинной—не народъ. Земля, разрѣзанная всецѣло на случайныя собственности, хотя бы общинныя, изуродуетъ живущій на ней народъ, заковывая его въ случайность этой собственности. Перемѣнить положеніе казенныхъ крестьянъ также необходимо, какъ и помѣщичьихъ.

Возвращаю вамъ статью о Глаголицѣ. Въ ней только и было серіозной ошибки, что ѳ вмѣсто *о*. *О* назвалъ я длиннымъ, потому что это *омега*. Статья, писанная о Космосѣ, есть не что иное, какъ та, которая была и въ наборѣ; но въ наборѣ есть выпуски для тогдашней цензуры. Тутъ Космосъ отчасти придирка. Библіотека для Воспитанія у меня зачитана, а статей черновыхъ у меня нѣтъ.

Я очень радъ, что братецъ принялся за статью полемическую; авось его кто вгонитъ опять въ дѣйствительную жизнь; а сверхъ того я убѣжденъ, что статья будетъ очень хороша. Одно изъ призваній Конст. Сер. состоитъ въ томъ, чтобы внести жизнь въ безжизненность нашей грамматики. Тутъ есть даже какой-то особенный законъ, сближающій его съ Сергѣемъ Тимоѳѣевичемъ, какъ теорію съ практикою.

Вчера хотѣлъ я къ вамъ писать, да не могъ отъ желудочныхъ спазмъ, которыя и теперь продолжаются хотя легче.

Прощайте покуда. Будьте здоровы. Вашъ А. Хомяковъ.

Что нашъ споръ съ типографіею? Есть ли какіе слухи? Да вотъ просьба. Хранится ли у васъ Nord прошлогодній? Если хранится, то не найдутъ ли ваши сестрицы въ извѣстіяхъ съ половины Октября до половины Декабря экскомуникацію Утрехтскаго Жансенистскаго епископа папою. Кажется его имя Henry de Loos; но къ несчастію я тогда не записалъ, а теперь не увѣренъ, такъ ли.

Хвольсонъ очень любопытенъ. Я убѣжденъ, что все это не что иное какъ поддѣлка, которая обманула Ибнъ-Вашеею; но любопытна громадность этой поддѣлки. Она показываетъ, что Халдеи временъ Римскихъ были шарлатанами въ огромныхъ размѣ-

рахъ. Во всемъ Восточномъ, даже въ плутняхъ, есть какое-то величіе, котораго Европа не имѣетъ.

11.

(1859).

Грустно было читать описаніе ваше теперешняго положенія дѣлъ Бесѣды; грустно, но для меня неожиданно. Къ несчастію, для меня такой годъ, что я никоимъ образомъ не могу ее поддержать. Выше той цифры, которую я назначилъ, идти мнѣ нельзя. Вы повѣрите мнѣ на слово, что тутъ говорятъ и не скупость, и не равнодушіе къ дѣлу. Но вопросъ теперь, чтожъ далѣе?

Бесѣда не можетъ существовать сама по себѣ, и причина этому очень грустная. Для нея нѣтъ въ Россіи читателя! Дабы Бесѣда могла существовать; нужно, чтобы она только отдалась болѣе обширной и общедоступной дѣятельности литературной. Будь Парусъ*), вѣроятно и Бесѣда имѣла бы лишнихъ подписчиковъ, потому что Парусъ былъ бы, такъ сказать, ея толкователемъ и показывалъ бы читателю связь между ея, повидимому, отвлеченными положеніями и жизнью дѣйствительною, и потому что онъ не допускалъ бы того заговора молчанія, который составленъ противъ нея всѣми другими изданіями. Замѣтьте, что Константинъ С. и въ этомъ случаѣ имѣлъ чувство болѣе всѣхъ практическое, когда онъ въ одно время хотѣлъ газеты и предпочиталъ сборникъ журналу. Польза, принесенная Бесѣдою, несомнѣнна, но продолженіе ея мнѣ просто кажется невозможностью. Опять скажу: при газетѣ, м. б., она и была бы возможною (хотя и то сомнительно); безъ газеты никакихъ средствъ къ ея существованію не вижу. Мнѣ кажется это ясно. Все, что еще возможно, это открыть подписку и до Января посмотрѣть ея движеніе. Если бы разница не оказалась противъ прежнихъ годовъ *значительною*, тогда можно бы рискнуть и употребить удвоенныя усилія всякаго рода, т. е. дойти до кредитовки. Въ противномъ случаѣ закрыть подписку и возвратить подписныя деньги. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ исходъ во сто разъ вѣроятнѣе всѣхъ другихъ.

---

*) Газета И. С. Аксакова, въ началѣ 1859 года остановленная цензурою на 3-мъ выпускѣ.

Существованіе Бесѣды я считаю поконченнымъ [1]).

Въ этомъ еще не было бы совершенной бѣды, если бы только дозволена была газета; но если не будетъ газеты, то дѣло очень плохо; а, кажется, и газеты ожидать нельзя. Пожалуста, когда получите отвѣтъ объ Думѣ [2]), увѣдомьте меня. Послѣдняго слова до того времени сказать, нельзя; но газеты, кажется, еще можно и должно добиться.

Посылаю вамъ письмо свое къ Р. [3]) при письмѣ къ Кошелеву. Пакетъ не запечатанъ. Прочтите и пошлите къ Кошелеву, а мнѣ напишите хоть нѣсколько словъ о томъ, какъ вы находите и то и другое. Посылаю также не запечатанное письмо къ Жансенистскому епископу. Если вы еще не написали къ издателю le Nord, чтобы узнать имя и адресъ Голландскаго святителя, то не обратитесь ли къ нему отъ имени моего, т. е. подъ псевдонимомъ Ignotus? Этимъ отстранилась бы нѣкоторая странность самаго вопроса, и на это довольно бы было десяти строкъ. О самомъ письмѣ прошу мнѣнія вашего и вашихъ.

Я пишу мало и сжато. Ходьба стала гораздо легче, но писать мнѣ очень трудно: именно то положеніе, въ которомъ приходится сидѣть, возобновляетъ боль и заставляетъ бросать перо [4]). Прощайте, будьте здоровы. Вашъ А. Хомяковъ.

Посланіе къ Сербамъ скоро будетъ готово. Какъ обрадовали меня послѣдніе слухи о Самаринѣ! Слава Богу, можно, кажется, быть покойнымъ на счетъ его.

12.

Много вы сказали, о многомъ спросили въ послѣднемъ письмѣ своемъ, любезный Иванъ Сергѣевичъ. Первое о Бесѣдѣ. Нумеръ таковъ, что безъ злости я объ немъ говорить не могу: вѣдь однаго такаго нумера достаточно бы было для прославленія любаго журнала, а кто это оцѣнитъ? Я не говорю объ од-

[1]) Въ слѣдующемъ 1860 году вышло только двѣ книги „Русской Бесѣды.“ Въ 1859 году ея вышло 6 книгъ.

[2]) Вѣроятно предполагалось газетѣ дать названіе „Дума.“

[3]) Т. е. въ спискѣ. Письмо къ графу Я. И. Ростовцову о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ было отослано къ нему еще ранѣе (см. выше, стр. 374). Оно напечатано въ 3-мъ томѣ сочиненій А. С. Хомякова.

[4]) А. С. Хомяковъ ушибъ себѣ ногу на охотѣ.

нихъ Запискахъ Держ., или, говоря объ нихъ, не обращаю даже вниманія на смѣлость ихъ напечатанія, а смотрю на нихъ просто, какъ на историческій памятникъ [1]). Подобнаго памятника въ Россіи еще не издано. Когда подумаешь о лицахъ выведенныхъ на сцену или, пожалуй, на позоръ, который я считаю вполнѣ заслуженнымъ (Кочуб. и Сперан.), о близости эпохи, объ ясномъ представленіи Александра Пав., именно такимъ, какимъ онъ былъ и какимъ его еще никогда у насъ не представляли, и особенно о томъ характерѣ добросовѣстности, съ которымъ все это передано старикомъ Державинымъ, очевидно вовсе не государственнымъ человѣкомъ, но честнымъ и прямодушнымъ свидѣтелемъ: нельзя не сказать, что это у насъ невиданное явленіе и пріобрѣтеніе весьма важное даже для Европейскихъ публицистовъ. Какъ жаль, что нѣтъ его записки о третейскомъ судѣ! Лично для меня это было бы очень любопытно. Не сошлись ли мы въ общей мысли? [2]) О другихъ статьяхъ не говорю: только скажу, что не диво Безсонову и Ордынскому ею [3]) восхищаться; а моя просьба, хоть въ концѣ 2-й книги нѣсколько розогъ Бус. [4]): вѣдь онъ теперь наставникъ, такъ ему будетъ полезно и не такъ больно покажется съ радости. Честное слово, тутъ во мнѣ злости нѣтъ, а только глубокое убѣжденіе, что безъ этаго публика не пойметъ. А вотъ что о Степномъ Цвѣткѣ: я рѣшительно имъ восхищаюсь и радуюсь, но только какъ словомъ прекрасной, глубоко-художественной и сочувственной души. Я радъ, что Сох. хотѣла и могла такъ посмотрѣть на Пушкина; но остаюсь при своемъ. Вспомните, что тѣ чудные стихи, которые Сох. приводитъ и которые дѣйствительно составляютъ какъ бы связь между другими, совершенно отрывочными, переведены изъ Данта. Они-то и имѣютъ по преимуществу характеръ басовой ноты. Пророкъ, безспорно великолѣпнѣйшее произведеніе Русской по-

---

[1]) Записки Державина съ примѣчаніями пишущаго эти строки помѣщены были въ первыхъ пяти книгахъ „Русской Бесѣды“ 1859 года.

[2]) Написанное Державинымъ о третейскомъ судѣ нынѣ напечатано въ 6 и 8 томахъ академическаго изданія его сочиненій.

[3]) Т. е. восхищаться книгою „Русской Бесѣды.“

[4]) Т. е. Буслаеву, который тогда преподавалъ Русскій языкъ Великому Князю Наслѣднику Николаю Александровичу.

эзіи[1]), получилъ свое значеніе, какъ вы знаете, по милости цензуры (смѣшно, а правда). Вглядитесь во все это безпристрастно, и вы почувствуете, что способности къ басовымъ аккордамъ недоставало не въ головѣ Пушкина и не въ талантѣ его, а въ душѣ, слишкомъ непостоянной и слабой, или слишкомъ рано развращенной и уже никогда не находившей въ себѣ силъ для возрожденія [2]). Оттого-то вы можете имъ восхищаться или лучше не можете не восхищаться, но не можете ему благоговѣйно кланяться. Конечно, приводя Шиллера, вы какъ будто правы; въ немъ нехудожественное начало отнимаетъ много достоинства у его серьезности; въ немъ, какъ вы говорите, звукъ басовой струны есть не что иное какъ гудѣніе философской мысли. Это такъ, но скажете ли вы тоже о Гёте? О томъ

Was unbewusst
Oder unbewacht,
In dem Labirynth der Brust
Wandelt durch die Nacht?

Хвалите, браните этихъ людей; но какъ бы къ нимъ ни относились въ художественномъ сочувствіи, вы не можете не признавать въ нихъ строгихъ, мужественныхъ, мужскихъ душъ, духовныхъ борцевъ, передъ которыми невольно преклоняешься. Не такъ ли? И все таки я очень радъ, что Сох. прослѣдила, прочувствовала ту способность въ Пушк., которой онъ не развилъ, тѣ звуки, которые у него разбросаны болѣе какъ вздохи временнаго ропота на себя, чѣмъ какъ слова сознательнаго достоинства. Соханскую самую я вдвое полюбилъ и долженъ признать въ ней кромѣ высокаго художественнаго творчества рѣдкую силу анализа. Я радъ, что она сверхъ того высказалась и что

---

[1]) Первоначально Пушкинскій Пророкъ кончался четырьмя стихами политическаго содержанія:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Въ позорны ризы облекись,
Иди, и съ вервіемъ вкругъ выи
Къ . . . . явись.

Послѣ свиданія съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ 8 Сентября 1826 года Пушкинъ прекрасно замѣнилъ эту строфу нынѣшнею.

[2]) Пушкинъ измельчался не въ развратѣ, а въ салонѣ. *Примѣчаніе А. С. Хомякова.*

ее будутъ бранить. Мнѣ за нее совѣстно становилось, что ее, пожалуй, будутъ хвалить какъ Гончарова или Писемскаго. Ей такія непристойно-дружескія отношенія къ журналамъ не приличны. Вѣдь для нихъ уже К. Павлова слишкомъ серьезна. Я точно также радуюсь будущей враждѣ нашей литературы противъ Сох., какъ радуюсь, что Катковъ купается на островѣ Wight, дышетъ тѣмъ же воздухомъ какъ королева Викторія и окунается въ тѣже волны, которыя омываютъ тѣлеса ея министровъ *); а что покуда Р. Вѣстникъ дѣлаетъ подлости, это опять въ порядкѣ. Что касается до Бесѣды, я увѣренъ, что если бы она издавалась какъ журналъ - газета, число ея подписчиковъ прибавилось бы значительно, но никакъ не надѣюсь, чтобы вамъ дозволили быть ея редакторомъ. Самъ не знаю даже, желать ли этаго; мнѣ, даже при большомъ успѣхѣ, было бы жаль васъ: столькихъ потраченныхъ дней и силъ, столькаго труда и такаго все-таки рабскаго отношенія къ публикѣ. Дай Богъ успѣха, а если при этомъ еще успѣхъ будетъ сомнителенъ или не полонъ!.. Впрочемъ это бы еще ничего; а всего важнѣе то, что дѣятельность редакторская можетъ вамъ скоро наскучить, что вамъ самимъ почти будетъ невесело оглядѣться на свою дѣятельность, а, пожалуй, можетъ даже вообразиться, что вы трудились даромъ. Ваше желаніе уединеннаго труда и сосредоточенной мысли очень понятны, и я точно также радовался бы, какъ и всѣ ваши домашніе, если бы это желаніе исполнилось, но не на такой длинный срокъ. Я знаю васъ и увѣренъ, что вы такъ бы компактно устроили этотъ трудъ, что вамъ далеко меньше двухъ лѣтъ понадобилось бы для прекрасныхъ результатовъ; но чего желать для пользы общей, право не знаю. Странно наше, такъ сказать, островное положеніе въ Русскомъ обществѣ. Чувствуешь, что мы болѣе всѣхъ другихъ люди Русскіе и въ тоже время, что общество Русское нисколько намъ не сочувствуетъ. Чувствуешь, что нельзя по совѣсти не стараться образумить это общество, а въ тоже время, что это чисто внѣшнее дѣйствіе не можетъ быть нашимъ призваніемъ; а насъ такъ мало, что никому нельзя отдучаться отъ своего дѣла: не кѣмъ замѣнить. Вотъ и теперь Самаринъ уѣхалъ и, слава Богу; пусть отдохнетъ, окрѣп-

*) Въ это время идеаломъ для М. Н. Каткова была еще Англійская конституція. *Изд.*

нѣтъ, освѣжится; пусть хоть сколько нибудь въ жизни погуляетъ; а все-таки чувствуешь, что есть уже для насъ потеря въ одномъ дѣятелѣ, если не литературномъ, то общественномъ. (Надѣюсь, что онъ будетъ въ Бесѣду письма писать). Но его отсутствіе изъ Петербурга уже для общаго дѣла нехорошо, и я за Кошелева больше боюсь, чѣмъ при немъ. Очевидно онъ (т. е. Кошелевъ) нѣсколько запутался; но что же Черкасскій? Этотъ другихъ путаетъ, да вѣдь не трудно при этомъ и самому сбиться съ толку.

Вы жалѣете, что я раньше не послалъ копіи съ своего письма*); не знаю, не лучше ли такъ? Если можетъ быть польза, что̀ очень сомнительно, то кажется всего скорѣе ея можно ожидать тогда, когда всѣ перекружатся и будутъ рады такому исходу, который всѣхъ примиритъ, потому что не заключаетъ въ себѣ уступки какой нибудь другой партіи, а равно чуждъ всѣмъ. Впрочемъ, исполняя обязанность, я очень мало надѣюсь на успѣхъ, просто потому что я предлагаю *цѣлый планъ*, а мы отъ плановъ давно отвыкли и перебиваемся отрывочными мѣрами, которымъ предоставляемъ склеиться или не склеиться, какъ уже тамъ судьба рѣшитъ. Потомъ и то покажется страннымъ, что я требую полной откровенности съ народомъ. Какъ бы то ни было, надеждъ у меня крайне мало.—Не велика и на Жансенистовъ; но вы сами видите, что мое намѣреніе втянуть ихъ въ полемику, и потомъ заставить прочесть свои брошюрки. Потомъ самую полемику можно будетъ напечатать. Все, можетъ быть, какая нибудь польза. Къ Сербамъ посланіе, какъ мнѣ кажется, надобно никакъ въ Россіи не печатать прежде, чѣмъ оно не появится по сербски: иначе оно получитъ характеръ литературный, а не серіозно-общительный. Изъ этого письма вы видите, что мнѣ лучше и что я могу сидѣть довольно долго; но ходьба очень еще плоха, и боли часто возобновляются, хотя не сильно. Прощайте, будьте здоровы. К. Серг. и всѣмъ вашимъ кланяюсь. Вашъ А. Хомяковъ.

А я и забылъ поблагодарить за справку объ епископѣ.

---

*) Т. е. письма къ графу Ростовцову. См. выше, стр. 373 и 377.

13.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Благодарю васъ за статью Сох., хотя она меня ставитъ въ большое затрудненіе. Не знаю, какъ и совѣтовать. Главное, боюсь, какъ бы не стали ее обвинять въ раздраженіи и въ самолюбіи, хотя ни того, ни другаго не замѣчаю. Оправданіе Власа Никанд. едва ли вѣрно, не потому чтобы я не соглашался *отчасти* съ нею, но потому, что это лицо введено слишкомъ эпизодически. Босой попъ ничего: онъ тоже введенъ эпизодически и прекрасно, но онъ не описанъ. Вниманіе слишкомъ останавливается на Власѣ, и поэтому онъ не долженъ исчезать вовсе безъ слѣда; вотъ маленькій недостатокъ въ повѣсти, а въ объясненіи онъ идеализованъ, и едва ли вѣрно. За то въ статьѣ пропасть прекраснаго, глубокаго, живо прочувствованнаго, а въ итогѣ жалко не печатать. Кое-что можно перемѣнить, объ женщинахъ оговорку сдѣлать, а кажется надобно напечатать. Конечно ей достанется послѣ отъ журналовъ; ну, да что за бѣда? Ея на то хватитъ, чтобы съ ними справиться, и тогда ихъ брань сдѣлается стихіею большаго успѣха.

Скажите, получили ли вы мои стихи и длинное письмо; съ тѣхъ поръ я отъ васъ уже имѣю два извѣстія, а объ немъ ни слово. Не пропало ли? Тогда, хоть я въ другой разъ письма и не напишу, по крайней мѣрѣ напишу и пришлю другой списокъ стиховъ.

Я все еще не оправляюсь и даже вовсе недоволенъ своей ногой: подозрѣваю внутренній разрывъ въ сухожильѣ. Впрочемъ жду снѣга, да все задерживаютъ здѣсь открытія. Кажется, я напалъ на слѣдъ, на признаки богеда, котораго ищутъ для газа. На дняхъ узнаю повѣрнѣе[1]).

Я очень радъ, что было публичное засѣданіе общества, и безъ меня. Мнѣ кажется, это для разнообразія лучше. А хоть и кланяюсь Шиллеру глубоко, Нѣмцевъ бы не потѣшилъ. «Möge Ihnen auch ein Schiller entstehen». Чувствуете тутъ скрытое свинство? Черта съ два! Будетъ, дескать, у васъ дураковъ Шиллеръ. Ну да все таки хорошо[2]).

---

[1]) А. С. Хомяковъ открылъ залежи каменнаго угля и началъ его разработывать при селѣ Обидимѣ близъ Тулы.

[2]) Это относится къ отвѣту, присланному изъ Германіи, на привѣтствіе Общества Любителей Россійской Словесности по поводу столѣтняго юбилея Шиллера. Привѣтствіе было послано вопреки горячему возраженію К. С. Аксакова.

Я насчетъ дѣла о печатаніи[1]) не совсѣмъ согласенъ съ вами. Вы правы, потому что вами предлагаемый путь лучше въ юридическомъ смыслѣ, но онъ опасенъ. Что будетъ, если Сенатъ скажетъ въ рѣшеніи: Уставъ яснаго права не даетъ, а почему вы имъ пользовались, не наше дѣло. Такъ, дескать, просто вамъ терпѣли. Что намъ тогда дѣлать? Все будетъ испорчено, а Государь самъ едва ли рѣшится отказать.

Прощайте покуда; будьте здоровы. Мнѣ очень хочется въ Москву. Вашъ А. Хомяковъ.

Письмо-то мое уже можно теперь послать. Выходитъ, что имя-то я помнилъ (Henry de Loos), да только боялся перепутать.

13.

Сердце у меня іокнуло, любезный Иванъ Сергѣевичъ, когда получилъ я заключительное слово. Очень хорошо составлено; но больно читать, и все таки не скроешь ни отъ себя, ни отъ другихъ, что насъ подрѣзало равнодушіе общества, подобнаго «аспиду глуху, иже не обавается отъ премудра». Этаго я ожидалъ уже съ прошлаго года; но надобно намъ всѣмъ думать, что Бесѣда издается и она будетъ издаваться, даже еще лучше, только не въ журнальной формѣ. Жаль однихъ Славянъ. Кончила Бесѣда со славою, потому что статьи были къ концу превосходныя, и съ скандаломъ по милости Якушкина, что я считаю тоже не совсѣмъ дурнымъ. Кстати о скандалѣ: очень жаль, что допустили Безобр. до скандала. Его надобно было бы осрамить, но втихомолкъ; а теперь онъ въ глазахъ губернскихъ дворянъ мученикъ, пострадавшій отъ Никоніянцевъ.

Сербовъ [2]) вчера кончилъ; надѣюсь, что вы всѣ будете довольны и подпишите охотно. За одного подписчика даже ручаюсь— за Константина Серг. Впрочемъ и за всѣхъ почти ручаюсь: думаю, что согласитесь всѣ, но буду просить строгаго суда. Дѣло общее и серьозное.

Снѣжокъ порошитъ. Только бы до утра, и можно будетъ денька черезъ два тронуться въ путь. Пора! Невыгода шоссе та, что оно хуже снѣгъ держитъ, чѣмъ простая дорога. Прощайте, авось только на нѣсколько дней. Вашъ А. Хомяковъ.

А. каковъ почеркъ! Превесело, когда попадется хорошее перо.

[1]) Изданій Общества Любителей Словесности безъ цензуры; этимъ правомъ Общество нѣкогда пользовалось.

[2]) Посланіе къ Сербамъ. См. I томъ.

ПИСЬМА

КЪ

графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ

Блудовой.

Замѣтка графини А. Д. Блудовой.

Въ 1849 году я въ первый разъ познакомилась лично съ А. С. Хомяковымъ, хотя около года или двухъ передъ тѣмъ черезъ сестру мою получила отъ него книжечку, первое изданіе его стихотвореній, и это было поводомъ къ первой съ нимъ перепискѣ. 1849 годъ былъ временемъ знаменательнымъ. Среди волненій и ломки политической по всей Европѣ, среди какого-то наитія духа злобы, рѣзни и насилія, одна Россія стояла тверда и спокойна, а Славяне въ Австріи явились единственною опорою государства въ своей совокупности, единственно-вѣрными присягѣ защитниками мирнаго политическаго развитія своей угнетенной народности, подъ главнымъ предводительствомъ бана Хорватскаго Елачича. Это было первое проявленіе той борьбы Юго-восточнаго, загнаннаго, христіанскаго духа противъ такъ называемой Западной цивилизаціи, борьбы, тогда почти безсознательной, которая теперь принимаетъ всемірное значеніе. Въ это время мы пріѣхали въ Москву; я—въ первый разъ. Батюшка былъ въ числѣ приглашенныхъ покойнымъ Государемъ на освященіе новаго дворца въ Кремлѣ. Поручая ему постоянно литературно-историческія работы и разысканія, которыми самъ очень дорожилъ, Государь хотѣлъ и въ эту знаменательную историческую минуту имѣть его при себѣ и дать отцу моему радость пережить съ нимъ эту минуту. Мы остановились въ красивомъ домѣ на Малой Дмитровкѣ, у гостепріимнаго Москвича, роднаго племянника батюшки, П. П. Писемскаго, и я прямо очутилась въ средѣ для меня новой, но душевно-близкой, средѣ тогдашняго блистательнаго круга Московскихъ умственныхъ знаменитостей изъ разныхъ литературныхъ партій, сходившихся мирно и дружелюбно у насъ. Изъ нихъ Хомяковъ былъ блистательнѣйшій. Впечатлѣніе это оставалось у меня всегда одинаковое, какъ въ первые дни, такъ и во всѣ послѣдующіе годы знакомства и дружбы. Вотъ что я писала о немъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ:

Nous voyons beaucoup Хомяковъ, dont la verve et l'esprit sont vraiment incomparables. C'est un feu d'artifice continu, et cependant il y a toujours quelque bonne et profonde pensée qui éclate au milieu de tout ce feu et de toutes ces paillettes et qui reste dans la mémoire ou dans le coeur, comme il arrive quelquefois qu'une étoile semble se mêler aux chandelles romaines et en faire partie, jusqu'à ce que, la fête finie, on la voie se détacher seule sur l'obscurité du ciel et y briller pûre et limpide dans son éternelle clarté [1]).

Письма А. С. Хомякова къ графинѣ А. Д. Блудовой.

1.

Совѣстно было мнѣ передъ вами, графиня, что такъ долго не посылалъ я къ вамъ печатнаго экземпляра моего письма объ Англіи; а въ тоже время совѣстно было и посылать. Вы статью уже знали, и слѣдовательно она не могла имѣть для васъ интереса новости; сама же статья въ моихъ собственныхъ глазахъ не представляла чего-то полнаго и самостоятельнаго. Она и была писана съ этимъ намѣреніемъ. Это было слово недосказанное, которое мнѣ хотѣлось досказать. Теперь, хорошо ли, дурно ли, я это слово досказываю въ новой статьѣ, и посылаю уже полную фразу на вашъ милостивый судъ [2]). Не знаю, будетъ ли ко мнѣ снисходительна строгая привратница нашей печатной словесности,—цензура, и удастся ли мнѣ всю свою мысль высказать передъ читающимъ людомъ; по крайней мѣрѣ вамъ она будетъ извѣстна и, признаюсь, это радуетъ меня. Журнальная дѣятельность никогда меня не веселила, и никогда

---

[1]) Мы часто видаемъ Хомякова. Его живость и умъ поистинѣ несравненны: точно безпрерывные потѣшные огни. И тѣмъ не менѣе всякій разъ, посреди всей этой сверкающей блестками игры, свѣтитъ какая нибудь добрая и глубокая мысль, которая остается у васъ въ памяти и въ сердцѣ. Такъ иногда, глядя на фейерверкъ, не различишь настоящей звѣзды отъ взивающихся ракетъ, пока праздникъ кончится, и звѣзда явственно обозначится на темномъ небѣ, чистая и свѣтлая, въ вѣчномъ сіяніи своемъ.

[2]) Относится къ статьѣ: „По поводу Гумбольдта", нынѣ вошедшей въ полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, т. I. Статья эта появилась въ печати въ первый разъ уже въ 1861 году, т. е. по смерти автора.

бы, можетъ быть, не напечаталъ я и строки въ журналѣ; но я не умѣлъ придумать другаго пути для удобнаго выраженія своей мысли и печаталъ статьи въ никѣмъ нечитаемомъ «Москвитянинѣ». Я хотѣлъ, я долженъ былъ высказать завѣтную мысль, которую носилъ въ себѣ отъ самаго дѣтства и которая долго казалась странною и дикою даже моимъ близкимъ пріятелямъ. Эта мысль состоитъ въ томъ, что, какъ бы каждый изъ насъ ни любилъ Россію, мы всѣ, какъ общество, постоянные враги ея, разумѣется, безсознательно. Мы враги ея, потому что мы иностранцы, потому что мы господа крѣпостныхъ соотечественниковъ, потому что одуряемъ народъ и въ тоже время себя лишаемъ возможности истиннаго просвѣщенія, и такъ далѣе. Вопросы политическіе не имѣютъ для меня никакого интереса; одно только важно, это вопросы общественные. Напр. у насъ правительство самодержавно, это прекрасно; но у насъ общество деспотическое: это ужъ никуда не годится. Вотъ приблизительный перечень того, что я хотѣлъ сказать въ статьяхъ своихъ, разумѣется во сколько это возможно при цензурѣ, которая сама зависитъ столько же отъ общества, сколько отъ правительства. На пути моемъ Англія, кромѣ собственнаго интереса, послужила мнѣ удобною притчею, и къ ней привязалъ я послѣднюю свою статью.

Посылая къ вамъ свой словесный трудъ, я совершенно спокоенъ: во многомъ надѣюсь на ваше сочувствіе, а въ томъ, съ чѣмъ вы не согласитесь, увѣренъ въ снисходительномъ сужденіи. Чувствую, что за вашъ ласковый пріемъ, за вашъ дружескій привѣтъ, я долженъ бы былъ благодарить не прѣсною и, такъ сказать, дѣловою прозою, но живымъ и сердечнымъ стихомъ. Да что же дѣлать? Заржавѣли ли во мнѣ стихотворныя струны, или уже таково вліяніе строгаго вѣка, а стиховъ нѣтъ какъ нѣтъ. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Самъ царь отъ своей Россіи не потребуетъ ананасовъ и мангустановъ, а приметъ простую хлѣбъ-соль. Примите благосклонно, графиня, и мое приношеніе и увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми и пр.

1848 года Ноября 26-го.

2.

Примите, графиня, мою искреннюю блогодарность за ваше доброе воспоминаніе обо мнѣ и за вѣсти печатныя и письменныя, которыя вы мнѣ прислали. Давно ли, кажется, мы видѣлись, а сколько новаго? Французовъ побили въ Римѣ, мы собрались бить Мадъяровъ; Прусскій король, нареченный Нѣмецкій императоръ, грозитъ перебить своихъ Нѣмцевъ,—и наконецъ въ Питерѣ нашлись люди, которые хотѣли всѣхъ насъ перебить. Что за строгое, боевое время! Боюсь, право, какъ бы оно не подѣйствовало на всѣхъ насъ. Каково будетъ это? Безпечный, веселый Хомяковъ, который отъ роду никакой претензіи не имѣлъ кромѣ неудачной претензіи на бороду, вдругъ сдѣлается хмурымъ и серіознымъ Безбородкою. Я и такъ замѣчаю, что каждые два дня я сержусь по цѣлому получасу (когда брѣюсь). Ну какъ эта лихорадка испортитъ мнѣ характеръ! И такъ, на дняхъ, я какъ-то горячился случайно въ разговорѣ съ пріятелемъ, и пріятель мнѣ объявилъ очень важно: Mon cher, vous souffrez d'une barbe rentrée» *).

Еще разъ благодарю васъ за свѣдѣнія, которыя вы дали мнѣ объ Елачичѣ. Въ вашемъ мнѣніи онъ вѣроятно ничего не потерялъ, а въ моемъ выигралъ онъ сто на сто. Поступокъ его (т. е. поданная записка) прямодушенъ, честенъ и рѣшителенъ. Если Австрія и тутъ не захочетъ понять положеніе дѣлъ своихъ, не онъ ужъ виноватъ. Я убѣжденъ въ томъ, что, сдѣлавъ эту записку общеизвѣстною, онъ принималъ единственно возможную мѣру къ утвержденію вѣрности въ народахъ Сербской крови, и грустно мнѣ видѣть, что едва ли его поступокъ оцѣненъ кабинетомъ Австрійскимъ. Одно только дурно въ его запискѣ: то, что онъ забылъ о Румынахъ или Валахахъ. Православный не забылъ бы и ихъ. Тутъ была бы справедливость и даже ловкость: путь, и путь единственный, къ совершенному

*) Не мѣшаетъ припомнить, что въ это время (подъ вліяніемъ революціонной моды во Франціи) возобновилось гоненіе на бороду, и Хомякову приказано было сбрить ее.

уничтоженію Мадъярскаго единства, разрѣзаннаго Волошскимъ населеніемъ на двѣ половины, былъ бы указанъ. Впрочемъ все-таки дай Богъ здоровья честному бану [1])!

Что вамъ сказать про здѣшніе толки объ вашемъ сѣверномъ коммунизмѣ? [2]) Слухи объ намѣреніяхъ клубовъ внушаютъ негодованіе, а молодость клубистовъ внушаетъ состраданіе. Вообще разсказы очень темны, и иные очень забавны. Я ужъ не говорю объ уничтоженіи всѣхъ церквей и пр. и пр.; но мнѣ довелось слышать отъ одной барыни (къ несчастію, не тетки моей), что клубисты хотѣли перерѣзать всѣхъ Русскихъ до единаго, а для заселенія Россіи выписать Французовъ, изъ которыхъ одинъ какой-то, котораго имени она не знаетъ, считается у нихъ Магометомъ. Я подозрѣваю, что мнѣніе этой барыни нѣсколько преувеличено, и думаю, что вы со мною будете въ томъ согласны; но, оставивъ въ сторонѣ толки и пересуды Москвы, а можетъ быть и Петербурга, не худо бы было постараться открыть истинную причину того страшнаго развитія коммунизма въ школахъ, которое положило начало открытымъ клубамъ. Болѣзни не вылечишь, не узнавъ ея причины. Позволяю себѣ сообщить вамъ свое мнѣніе. Во время оно въ Россіи преобладало семейное воспитаніе. Правительство, усомнившись въ просвѣщеніи молодыхъ дворянъ, положило имъ экзамены, такъ называемые комитетскіе. Видя злоупотребленіе этихъ экзаменовъ (вѣроятно единственное злоупотребленіе во всей Россіи), оно отмѣнило ихъ и потребовало ото всѣхъ университетскаго курса. Семейное воспитаніе было стѣснено, но не совсѣмъ еще уничтожено: для студента оставалась возможность оставаться еще при семьѣ своей, или примыкать къ чужой семьѣ. Наконецъ, оподозрѣны и университеты, и свобода воспитанія: всѣ привилегіи, всѣ мѣста по службѣ предоставлены замкнутымъ школамъ. Дѣти чуть чуть не изъ пеленокъ переданы въ казармы общественнаго воспитанія; дѣти оторваны окончательно и навсегда отъ заподозрѣнной семьи, отъ привычекъ и отъ святости семейной жизни; семьѣ объявлено во всеуслышаніе, что она недостойна правительственнаго довѣрія и что образо-

[1]) Императоръ Николай Павловичъ былъ въ личной перепискѣ съ Хорватскимъ баномъ Елачичемъ. *Изд.*

[2]) Такъ называемая исторія Петрашевскаго. *Изд.*

ваніе слугъ правительственныхъ можетъ совершаться благонадежно только въ фаланстеріальномъ устройствѣ замкнутыхъ школъ; премія дана коммунистическому началу, и сильнѣйшій оплотъ противъ него уничтоженъ. Дальнѣйшій выводъ сдѣлаете вы сами, ваше сердце и вашъ разумъ; но даю вамъ слово, что сынъ мой (если Богъ дастъ ему жизнь) не будетъ лишенъ семьи, хотя бы ему пришлось отказаться отъ всякой службы государственной. Этаго требуетъ отъ меня совѣсть, этаго требуютъ начала Русской жизни, которыхъ корень въ семьѣ.

Простите мнѣ неприличную и непривычную для меня серьозность тона. Я рѣдко впадаю въ этотъ грѣхъ; да ужъ, видно, время такое.

Мая 16 д. 1849 (Москва).

3.

Повидимому, мнѣ бы надобно приняться за перо, чтобы писать къ вамъ, графиня, съ краскою стыда на лицѣ и съ глубокими угрызеніями совѣсти въ сердцѣ, а я берусь за перо безъ стыда и безъ совѣсти. Вы слышали про мою глазную болѣзнь; вообразите, каково было бы вамъ удовольствіе, если бъ я къ вамъ вздумалъ писать ранѣе, и вы получили бы отъ меня письмо, омоченное потокомъ горячихъ слезъ изъ болящихъ глазъ; а безъ этаго никакъ бы не обошлось. Хоть я и родился въ день пророка Іереміи [1]), все таки не считаю приличнымъ напоминать о себѣ плачемъ, или слезы свои выставлять напоказъ; да и вообще они не идутъ къ моему слогу и составили бы странную дисгармонію съ шуткою, безъ которой нельзя, по моему мнѣнію, ни говорить, ни писать. Какъ мнѣ достаточно благодарить васъ за всю вашу дружбу? Кажется, гдѣ-то въ Шекспирѣ говорится: «You will make me a bankrupt in gratitude» [2]). Лучше этаго сказать не умѣю, хоть оно и по англійски; а не знаю, прилично ли теперь говорить по англійски. Я и за себя, и за своихъ друзей (особенно Коссовича) въ страшномъ долгу благодарности у васъ; повѣрьте однакоже, что сердце мое нисколько не чувствуетъ необходимости быть такимъ злостнымъ банкрутомъ.

---

[1]) 1 Мая 1804 года. *Изд.*

[2]) Вы сдѣлаете меня банкрутомъ въ благодарности.

Еще благодарю васъ, что вы даете намъ, т. е. мнѣ и домашнимъ, возможность показать сколько нибудь участія въ бѣдствіи нашей Сербской братіи [1]). Въ скоромъ времени надѣюсь вамъ доставить свою долю приношенія. Примите ее тогда не въ уплату долга или даже процентовъ, а какъ малую лепту, вносимую для дѣла, которое у насъ общее и въ которомъ исчезаетъ всякая разница между направленіями, не совсѣмъ согласными во многомъ. Прошу васъ также замѣтить, что я не даромъ прозванъ papa Grandet [2]) и что слогъ мой сильно отзывается этимъ прозвищемъ. Однакоже я долженъ еще оправдать Москву. Она не скупа на пожертвованія: еще прежде бѣдствій Сербскихъ, уже тому лѣтъ пять, послала она отъ себя утварь и книги церковныя въ церкви Далматскія и Сербскія [3]); но теперь дѣло совсѣмъ иное. Я не говорю уже о томъ, что всякое вольное движеніе въ пользу нашей Славянской братіи сдѣлалось невозможнымъ при общемъ страхѣ передъ однимъ прозвищемъ Славянофила; но прошу васъ замѣтить, что ваши дѣйствія въ Петербургѣ совершаются съ знаніемъ дѣла, нуждъ и путей къ вспоможенію имъ, такъ сказать, съ открытыми глазами; а здѣсь все дѣлается въ темнотѣ и съ глубокимъ сомнѣніемъ, слѣдовательно успѣхъ былъ невозможенъ. Теперь дѣло перемѣняется. Графъ Закревскій [6]) взялся за этотъ сборъ и слѣдовательно за купцовъ. Сборъ будетъ успѣшенъ: если общество въ Петербургѣ умѣло сочувствовать Сербамъ, Московское купечество будетъ имъ сострадать. Видите ли, графиня, что и тутъ, въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ, выходитъ недоразумѣніе между обычаемъ Сѣвернымъ и обычаемъ Московскимъ. У васъ общество многочисленно и сосредоточено, здѣсь оно все въ разбродѣ; купечество и мѣщанство сильнѣе такъ называемаго общества. Все это съютить въ одно общее дѣло невозможно

---

[1]) Мадъяры (по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ тогдашняго Русскаго посольства въ Вѣнѣ и по письмамъ священника М. Ѳ. Раевскаго) сожгли, разорили и уничтожили передъ тѣмъ большинство православныхъ храмовъ въ Сремѣ и Банатѣ. *Изд.*

[2]) Скупецъ въ романѣ Бальзака. *Изд.*

[3]) Эти вещи и утварь доставлялъ въ приморскій городокъ Полу покойный Ѳ. В. Чижовъ. *Изд.*

въ гостиныхъ, и путь нуженъ совершенно иной. Открытый сборъ, открытое дѣло—и Москва отзовется. Въ Ростовѣ на ярмаркѣ дѣлается большой торгъ колоколами. Повѣренный отъ какого нибудь бѣднаго прихода даетъ задатокъ за колоколъ и вывѣшиваетъ свою покупку на площади. Подъ колоколомъ блюдечко, подлѣ колокола сторожъ, объявляющій цѣну его и состояніе прихода. Въ блюдечко падаютъ гроши и гривенники, а иногда и тысячи рублей. За каждое приношеніе, будь оно грошъ или тысяча, колоколъ, слегка тронутый сторожемъ, отзывается благодарнымъ звономъ; съ утра до вечера звенитъ вся Ростовская площадь, и часто, частехонько приходъ получаетъ свой колоколъ даромъ, да еще и съ приплатою. Вотъ простые обычаи Московской земли. Пожалуйста, не вините же ея тогда, когда она не отзывается на чужой обычай, котораго она и понять не можетъ. Быть можетъ, хотя я, разумѣется, этаго не утверждаю, подобное же недоразумѣніе показываетъ намъ въ превратномъ видѣ и дѣйствія нашихъ Славянъ при-Дунайскихъ. Быть можетъ, Раячичъ по особеннымъ обстоятельствамъ не можетъ содѣйствовать такъ, какъ бы хотѣлъ, возстановленію церквей въ области, которая была временно отдана въ его управленіе; а Елачичъ можетъ дѣйствовать свободнѣе. Я это предположеніе выдаю только за предположеніе, самъ же въ душѣ гораздо болѣе склоненъ къ мірянину Хорвату-Католику [1]), который поднялъ славу и значеніе своего племени, чѣмъ къ духовному и православному Сербу, который постыднымъ образомъ принялъ санъ патріарха отъ милости инородца и иновѣрца. Душа у меня не лежитъ къ нему, но все-таки боюсь быть несправедливымъ въ обвиненіи [2]).

Глаза мои заставили перервать письмо на нѣсколько дней; но теперь я могу его снова продолжать, и вотъ опять вижу, что мнѣ надо оправдываться въ другомъ молчаніи моемъ. Правда, что А. Н. Поповъ писалъ мнѣ объ измѣненіяхъ, возможныхъ въ направленіи Русскаго воспитанія, и спрашивалъ моего мнѣнія; но или онъ неясно сказалъ, или я не понялъ, что этотъ вопросъ былъ не отъ него. Правду сказать, хотѣлось бы мнѣ

[1]) Т. е. бану Елачичу. *Изд.*

[2]) Іосифъ Раячичъ, патріархъ Австрійскихъ Сербовъ. *Изд.*

выразить мысли свои объ этомъ важномъ дѣлѣ; но вижу какъ трудно поставить вопросъ въ ясности, не для другихъ только, а для самаго себя, и какъ еще труднѣе отвѣчать на него удовлетворительно. Критика легка; легко въ подробностяхъ чувствовать и даже показать, что вотъ это не такъ, и то не хорошо и пр. и пр.; но когда хочешь дать себѣ отчетъ въ полной системѣ и построить ее на основаніяхъ разумныхъ и здравыхъ, тутъ вопросы рождаются за вопросами, сомнѣнія за сомнѣніями, и робѣешь приступить къ дѣлу. Вотъ опять наша Московская черта: мы такъ привыкли къ міру отвлеченностей, что всякое положительное требованіе ставитъ насъ почти въ тупикъ. Мы тогда похожи на профессора механики, который славно судитъ о законахъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и объ ихъ равновѣсіи; а толкни его въ воду, онъ готовъ тонуть, потому что не можетъ рѣшить, какое движеніе рукъ и ногъ согласнѣе съ правилами науки. Однакоже нечего дѣлать: вы приказываете, поплыву и черезъ нѣсколько времени пришлю вамъ свои мысли о воспитаніи. Сами тогда разсудите, добрался ли я до берега или потонулъ на полъ-рѣкѣ. Все-таки проза какъ-то еще возможнѣе поэзіи. Въ жизни все дробится на такія мелкія части, общество такъ разсыпается и пустѣетъ, что никакое вдохновеніе невозможно, кромѣ комическаго, а оно дается немногимъ, и теперь, какъ видите изъ «Банкрута» *), не изсякаетъ у насъ.

Грустное явленіе эта комедія, но она имѣетъ свою утѣшительную сторону. Сильная сатира, рѣзкая комедія свидѣтельствуютъ еще о внутренней жизни, которая когда нибудь еще можетъ устроиться и развиться въ формахъ болѣе изящныхъ и благородныхъ. А покуда что? Вотъ что. Здѣсь есть молодой человѣкъ съ истиннымъ и даже великимъ дарованіемъ поэтическимъ, который впрочемъ ничего не пишетъ и сильно пьетъ. Ему друзья попрекали въ этомъ. «Эхъ, братцы! Въ старину было два источника, живой и мертвой воды. Вы сами видите, что первый утраченъ. Не мѣшайте же мнѣ тянуть мертвую, покуда вы поищете живой воды». Плохая и горькая шутка, но въ ней есть своя доля истины. Пожалуй, вы попрекнете мнѣ въ грѣшномъ унынiи; а скажите по совѣсти, графиня, совсѣмъ ли вы

*) Комедія А. Н. Островскаго. *Изд.*

свободны отъ этаго грѣха, и дѣла Славянскія, послѣ нашей счастливой и блистательной войны, не наводятъ ли тѣни уныніи на васъ? Оно, кажется, неизбѣжно; только воли ему давать не слѣдуетъ, и я не теряю надежды даже на себя. Какъ-то еще вѣрится, что когда нибудь опять отзовусь стихомъ на какое нибудь чувство или мысль, и если это будетъ, то много и много придется мнѣ васъ благодарить за то, что вы не позволяете мнѣ теперь разстаться навсегда съ поэзіею.

Рекомендую вамъ, если вы сами не видали еще или не замѣтили, рисунокъ въ Punch, Марта 23-го. Punch наказываетъ Англійскаго льва за то, что онъ обидѣлъ Греченка. Премилая карикатура и превеселая. Весело мнѣ, что Англичане протестуютъ противъ мерзостнаго грабежа, предписаннаго Пальмерстономъ. Не даромъ же люблю я Англію. Но скажите пожалуста, неужели еще будутъ вѣшать пиратовъ; а если будутъ, неужели не повѣсятъ Паркера? *) Научите полюбить что нибудь...

Апрѣля 2-го 1850. Москва.

4.

Іюля 14 дня 1850 (Боучарово).

Вообразите себѣ, графиня, что Коссовичъ поручаетъ мнѣ выразить его благодарность вамъ, вашему батюшкѣ и вашей сестрицѣ, а того сообразить не можетъ, что я для своей собственной словъ не найду. Прошу васъ, примите невысказанную, какъ будто выраженную самымъ краснорѣчивымъ перомъ. Богъ помогъ вамъ въ добромъ дѣлѣ; я сказалъ бы, что Богъ и наградитъ; да, кажется, такое выраженіе не совсѣмъ вѣрно: для тѣхъ, которые дѣлаютъ добро съ такими добрыми намѣреніями и такъ просто, какъ графъ Дмитрій Николаевичъ и вы, самое добро ужъ есть награда.

...Знаете ли однако, что устроеніе дѣлъ Коссовича навело меня на мысль, можетъ быть, странную, но отъ которой я не вдругъ откажусь... Какъ нибудь, какими нибудь косвенными путями, выдетъ на повѣрку, что много добрыхъ сѣмянъ разовьется у нашей южной братіи. Какъ это будетъ? Какимъ об-

*) Бомбардировавшаго Пирейскую гавань. *Изд.*

разомъ? Разумѣется, угадывать невозможно, но по моему все-таки должно быть. Прошу васъ быть увѣренною, что въ моихъ словахъ нѣтъ ни пустыхъ фразъ, ни преувеличеній, а простое, можетъ быть и не совсѣмъ разумное, но искреннее убѣжденіе. Жизнь народовъ, какъ и жизнь людей, строится не только не одними расчетами, но даже и не преимущественно расчетами. Чувства идутъ съ ними по крайней мѣрѣ наравнѣ, хотя разумѣется ихъ дѣйствія гораздо неуловимѣе. Думаю, что это правило особенно справедливо въ отношеніи къ Славянамъ.

Вы вѣрно пожалѣли объ Пилѣ, какъ и всѣ объ немъ жалѣютъ. Мнѣ жаль его, какъ великаго историческаго лица; жаль и какъ благороднаго покровителя благородной охоты конской и псовой, но въ тоже время весело и за него, и за Англію. Онъ умеръ оплаканный, и отечество его умѣетъ понимать свою потерю. Партіи, въ самомъ пылу спора и битвы, соединяются въ общемъ сожалѣніи, въ общемъ чувствѣ уваженія къ великому гражданину. Тутъ Англія внутренняя, которой нельзя не любить; въ бездушномъ Пальмерстонѣ, подло оправданномъ Нижнею (истинно, низкою) Палатою, Англія внѣшняя, которой нельзя любить. Скажите, нѣтъ ли такихъ земель, которымъ бы не мѣшало приберечь свои добродѣтели для внутренняго обихода? Разумѣется, я говорю это на счетъ Франціи, хоть Гишпаніи.

Пишу къ вамъ въ землю Чухонскую [1]), а совершенно безъ досады, хотя мои болѣе строгіе пріятели подвергли меня эпитимьѣ за такое хладнокровіе. Я увѣренъ, что такія посѣщенія какъ ваши въ Чухонскую землю небезполезны. Это нравственное завоеваніе, которому легче поддаются люди, чѣмъ насильственному. Пусть бѣдный Латышъ [2]) видитъ, что Русскій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ поставленъ высоко, сохраняетъ тѣ человѣческія чувства, которыхъ Нѣмецъ ему не показывалъ никогда. Да и что же? У васъ море и рощи, и, говорятъ, прекра-

---

[1]) Графъ Блудовъ и его дочь проводили лѣто этого года въ Ревелѣ, гдѣ тогда былъ губернаторомъ Бенкендорфъ. Это былъ вопреки общему мнѣнію объ отношеніи Нѣмцевъ къ мѣстному населенію, человѣкъ отмѣнно добрый и привѣтливый къ простолюдинамъ. *Изд.*

[2]) Это описка: мѣстное населеніе въ Ревелѣ не Латышское, а Эстонское (между ними большая разница въ языкѣ и правахъ). *Изд.*

сные виды. Гдѣ же лѣтомъ лучше? На дачахъ около Питера? Не таже ли Чухна, только съ полусибирскою природою? Надѣюсь, что вы не заподозрите никакой вражды къ Петербургу: это, просто, правда. Въ Москвѣ или подъ Москвою? Москва, разумѣется, лѣтомъ невозможна. Сады взяты подъ казенныя заведенія, и осталось только гулянье, что въ тѣни домовъ и заборовъ, по кирпичнымъ тротуарамъ; да на Прѣсненскихъ прудахъ, которые только потому и могутъ называться цвѣтущимъ гуляньемъ, что цвѣтутъ нестерпимо. Подъ Москвою было бы и недурно, мѣста премилыя; да, во-первыхъ, дороги непроходимыя, во-вторыхъ, какъ бы намъ Мосвичамъ ни весело было избавлять дорогихъ гостей отъ скуки болѣе или менѣе неизбѣжной, насъ самихъ всѣхъ лѣто разгоняетъ, и подмосковныя дѣлаются нѣсколько пустынными. За то будущій годъ будетъ исключеніемъ, и мы васъ отъ души зовемъ и ждемъ [1]).

5.

Получили ли вы, графиня, работу, сдѣланную по вашему приказанію и довольны ли вы ею? По крайней мѣрѣ яснѣе ли она и понятнѣе ли моей печатной прозы? Я очень желалъ бы, чтобъ вы были ею сколько нибудь довольны, не потому, чтобы я ждалъ отъ нея пользы, а просто для того, что мнѣ хотѣлось бы имѣть ваше одобреніе и доброе мнѣніе вашего батюшки о моихъ мнѣніяхъ по этому важному предмету. Съ другой стороны, я нисколько не удивяюсь, если вы и совершенно будете недовольны изложеніемъ моихъ мыслей [2]). Я старался совершенно отстранять отвлеченность, привычную мнѣ неясность и то, что вы называете во мнѣ Нѣмчизною; а человѣку рѣдко удается разомъ вырваться изъ своихъ привычекъ и перемѣнить складъ своихъ мыслей и своего языка. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что вы откровенно скажете свое мнѣніе.

---

[1]) На празднество двадцатипятилѣтія царствованія Николая Павловича. *Изд.*

[2]) Относится къ запискѣ Хомякова объ общественномъ воспитаніи въ Россіи (см. томъ I-й). Она была написана по вызову графини А. Д. Блудовой, которую просилъ о томъ Я. И. Ростовцовъ, начальникъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. *Изд.*

Чудное было у насъ лѣто, правда не для хозяевъ, которые остались безъ хлѣба для людей и безъ корма для скота и называютъ годъ гибельнымъ, но для праздношатающихся любителей природы, охотниковъ до прогулки, до лѣсныхъ тѣней и прочихъ сельскихъ увеселеній и красотъ. Мнѣ бы слѣдовало, какъ хозяину, сердиться и бранить нынѣшній годъ; но способность праздношатанья сильнѣе во мнѣ, чѣмъ голосъ хозяйственнаго расчета и свойственное мнѣ, какъ père Grandet, корыстолюбіе. Я не могу безъ удовольствія вспоминать нынѣшнее лѣто: такая была теплота, такой воздухъ, такіе чудные вечера, такія прозрачныя и свѣтлыя и мягкія ночи. Если бы я еще могъ писать стихи, то написалъ бы непремѣнно; но нѣтъ, ничѣмъ не удалось мнѣ оставить хоть для себя память этаго лѣта, кромѣ однаго дѣла полувходящаго въ кругъ хозяйственный, полувыходящаго изъ него. Впрочемъ это дѣло для меня утѣшительнѣе всѣхъ стиховъ и, надѣюсь, будетъ помниться многими: мнѣ удалось въ одной деревнѣ сдѣлать съ крестьянами добровольную ряду навсегда. Сцена стоила бы описанія, если бы я вообще не думалъ, что всѣ эти описанія никуда не годятся, да сверхъ того жизнь портятъ, пріучая людей обращать въ сцену лучшія минуты ихъ дѣятельности. Обстановка была очень простая: голыя стѣны просторной избы, да образъ въ углу. Но серьозность или, лучше сказать, разумная торжественность, съ которою крестьяне приступали къ дѣлу, искренность съ ихъ стороны и благодарность, съ которою они встрѣчали искренность во мнѣ, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, хоть я совсѣмъ не принадлежу къ разряду людей чувствительныхъ. Разумѣется, что pара Grandet не забылъ своихъ выгодъ, а за всѣмъ тѣмъ крестьяне двухъ другихъ деревень просятъ той же сдѣлки (въ одной уже въ главныхъ условіяхъ мы сошлись), а сосѣдніе помѣщики бранятъ меня напропалую: такъ дорогъ человѣку произволъ и такъ досадно видѣть, что другой рѣшается отъ него отказаться. За всѣмъ тѣмъ, я имѣю нѣкоторыя причины думать, что примѣръ останется не совсѣмъ безъ послѣдователей. Многаго вдругъ сдѣлать нельзя, и время наше таково, что добрымъ людямъ остается только одно правило: «Не угашайте духа».

Отъ Коссовича я часто получаю письма, всѣ полны благодарности и радости [1]). Онъ совершенно счастливъ, и къ его счастію примѣшивается только одна досада, и та относится болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ нему. Ему обѣщанъ, какъ вамъ извѣстно, отпускъ въ Англію, но все еще отсрочивается, и онъ боится не безъ причины, что опоздаетъ заказать модель моей паровой машины [2]) къ выставкѣ и взять на нее патентъ. Впрочемъ, не знаю, слыхали ли вы объ этой затѣѣ моей. Въ ней столько сумасбродства, что ее почти можно назвать поэтическою. Я хочу перемѣнить систему всѣхъ паровыхъ машинъ и надѣюсь на успѣхъ, потому что я совсѣмъ не механикъ, а за патентомъ посылаю Коссовича, потому что онъ не знаетъ ни механики, ни дѣлъ никакихъ, кромѣ Санскритскаго языка, а съ Англичанами долженъ объясняться смѣсью Санскритскаго съ древне-Саксонскимъ. Не знаю только, не опоздаетъ ли онъ. Какъ вамъ покажется вся эта затѣя моя?

Ноября 19-го дня
(1850, Боучарово).

6.

Трудное дѣло загадывать о будущемъ, графиня, и даже едва ли возможное, если только верченіе столовъ и ихъ ясновидѣніе [3]) не дадутъ намъ ключа, котораго до сихъ поръ мы не имѣемъ. Вотъ вамъ примѣръ. Я обѣщалъ Попову и Коссовичу побывать въ Петербургѣ въ первыхъ числахъ Мая. Тоже самое обѣщалъ я и себѣ. Хорошо, что всѣ эти обѣщанія были даны въ условной, хотя нисколько не іезуитской, формѣ: «если и пр.» Тому дней 18 или 20 я уже самъ себя считалъ на отъѣздѣ, и что же? Передняя ось дрожекъ сломалась на довольно скорой ѣздѣ, правымъ колѣномъ пропахалъ я мостовую, лѣвой рукой

[1]) Знаменитый Санскритологъ нашъ Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, черезъ посредство графа Д. Н. Блудова, получилъ въ это время должность редактора ученыхъ работъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, бывъ передъ тѣмъ преподавателемъ Греческаго языка во 2-й Московской Гимназіи. *Изд.*

[2]) Описаніе этой машины помѣщено къ приложеніи къ III-му тому настоящаго собранія сочиненій А. С. Хомякова. *Изд.*

[3]) Въ это время стали очень распространяться первые зачатки позднѣйшаго спиритизма. *Изд.*

ударился также въ камень, при этомъ камни оказались тверже чѣмъ жилы колѣна и плеча; и хотя не произошло никакого излома (кромѣ вышесказанной оси), но я нѣсколько дней пролежалъ хромой и кривошея и потомъ недѣли двѣ былъ совершенно неспособенъ къ предпринятію какой бы то ни было дальней поѣздки. Такимъ-то образомъ прошло то единственное время, которое было для меня почти свободнымъ, которое я надѣялся провести въ Петербургѣ и которое пришлось посвятить интереснымъ, но не совсѣмъ пріятнымъ, опытамъ надъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ арники. Однажды Англичанинъ обѣщался пріѣхать къ пріятелю на вечеръ. Случилась съ нимъ бѣда, кабріолетъ сломался; у Альбіонца переломлены рука и нога; онъ все-таки себя велѣлъ везти, чтобы имѣть право сказать: «I am as good as my word» *); но я увѣренъ, что вы меня уволили бы отъ такого доказательства, и во всякомъ случаѣ радуюсь, что обѣщаніе давалъ условное и что никто не можетъ мнѣ сказать, что я менѣе въ словѣ твердъ, чѣмъ Англичане.

Правда ли, графиня, что вы будете сюда? Какъ бы я радъ былъ васъ видѣть; а самому ѣхать въ Питеръ мнѣ нѣтъ никакой возможности. Дѣлъ накопилось бездна въ Москвѣ, а отъѣздъ въ деревню приближается; увѣряютъ даже многіе, что лѣто наступаетъ, хотя, глядя на погоду, я этому плохо вѣрю; но если это правда, то непремѣнно хозяину надобно будетъ спѣшить отъѣздомъ.

Тревожитъ ли васъ Восточный вопросъ? Онъ здѣсь сильно въ ходу; мнѣ уже извѣстны объ немъ пари, доходящія до гривенника; видите, какіе мы Москвичи, люди рискливые! Доходитъ ли въ Петербургѣ интересъ политическій до такой страстной напряженности? Или все ваше вниманіе поглощено верченіемъ столовъ? Вѣдь это должно быть дѣломъ очень важнымъ для административнаго центра. Что скажетъ начальникъ департамента, если неисправный столоначальникъ будетъ оправдываться тѣмъ, что столъ у него убѣжалъ? И наконецъ не можетъ ли столъ (котораго ясновидѣніе признано многими) замѣнить съ выгодою столоначальника, особенно въ дѣлахъ судебныхъ? Вѣдь

*) Я крѣпокъ своему слову.

онъ могъ бы, какъ Англинскій *jury*, отвѣчать: *by yes or no* [1]). Это заслуживало бы вниманія графа Панина [2]). Какъ вообще милостива судьба, что посылаетъ столько интересныхъ занятій человѣку!

Ждать ли васъ, графиня, къ намъ или перемѣнили вы свое намѣреніе? Такъ какъ я надѣюсь, что нѣтъ, то кончаю словомъ «до свиданія».

Москва, 23 д.
(1853).

7.

Получено 4-го Марта 1853 г.

Я вамъ очень благодаренъ, графиня, за книги, присланныя отъ васъ. Одна изъ нихъ—изданіе прекрасное и крайне полезное для Славянской филологіи, но объ ней говорить нечего; другая *The Future* Alison'а [3]) очень любопытна. Я не раздѣляю мнѣнія вашего объ ней и не могу видѣть въ ней злоупотребленія книгопечатанія, хотя и признаю въ ней очень смѣшныя черты сумасбродства. Это сумасбродство особеннаго рода: оно представляетъ карикатуру чисто-Англинскаго направленія мысли въ томъ забавномъ смѣшеніи вопросовъ политическихъ и религіозныхъ, которое составляетъ самую основу книги, напр. въ убѣжденіи, что успѣхи Христіанства зависятъ отъ *Free Trade, Septennial Parlaments* [4]) и такъ далѣе. Но сумасбродство это не мѣшаетъ личному достоинству автора; оно, т.-е. сумасбродство, передано ему, такъ сказать, отъ общества; самъ же онъ сохраняетъ и благородство чувства, и высокое нравственное настроеніе, и даже большую свѣтлость ума. Превратное и сбивчивое понятіе о Христіанствѣ въ Alison'ѣ происходитъ отъ его крайне-протестантскаго воззрѣнія, отъ борьбы съ католицизмомъ, болѣе же всего отъ глубокаго нравственнаго негодованія на разногласіе между именемъ христіанскаго общества и бытомъ этаго общества. Ложь въ Alison'ѣ есть только одностороннее пониманіе правды, въ одно и тоже время досадное и внушающее уваженіе къ автору. Прибавьте еще и то,

[1]) Да или нѣтъ.
[2]) Тогдашняго министра юстиціи. *Изд.*
[3]) „Будущее", сочиненіе Алисона. *Изд.*
[4]) Отъ свободной торговли, семилѣтняго парламента.

что въ немъ есть страницы, писанныя прекрасно и съ истиннымъ увлеченіемъ и что въ Англіи онъ принятъ многими съ сочувствіемъ или по крайней мѣрѣ со вниманіемъ. Серьезные журналы, каковы Blackwoods M. и Edinburgh R. цитуютъ его и смотрятъ на него какъ на основателя или дѣльнаго представителя новой теоріи налога, именно системы прямаго налога, *Direct Taxation*, какъ единственной разумной и нравственной. Еще недавно было время, когда прямой налогъ считали въ высшей степени безнравственнымъ и неразумнымъ; есть люди, которые и теперь придерживаются этаго мнѣнія. Пусть они спорятъ себѣ съ Alison'омъ; вѣроятно одна крайность исправитъ другую. Во всякомъ случаѣ я считаю самую книгу далеко небезполезною.

8.

При посылкѣ стиховъ «Къ Россіи». (На шестой недѣлѣ Великаго поста 1854 года).

Эти стихи написалъ я, графиня, на дняхъ. Какъ стихи, они вамъ понравятся; надѣюсь, что они понравятся, какъ чувство. Во всякомъ случаѣ они сказались у меня невольно. Какъ человѣку въ минуту подвига опаснаго должна представиться его внутренняя жизнь тѣмъ яснѣе, чѣмъ самый подвигъ лучше и чище, такъ и обществу. Странна была бы рѣчь о смиреніи (а не это ли чувство уважаемъ мы въ Россіи по премуществу?), если бы смиреніе не выражалось сознаніемъ слабыхъ сторонъ или пороковъ въ тѣ минуты, которыя призываютъ къ великому и опасному служенію. Отъ печати я удаленъ *); но мнѣ кажется, такіе стихи должны быть полезными, призывая къ серіозному пониманію великаго дѣла, къ которому мы идемъ. Разумѣется, если бъ можно было думать о печати, я сказалъ бы, что слова: *И игомъ рабства клеймена* (слишкомъ рѣзко опредѣляющія крѣпостное состояніе) можно замѣнить: *И двоедушьемъ клеймена.* Также поставить другое—на мѣсто *всякой мерзости полна.* Но вообще полагаю, что нельзя и воображать,

*) Хомяковъ хочетъ сказать, что ему запрещено печатать свои произведенія. Его стихотворенія: „къ Россіи“, „Показавшейся Россіи“, „Судъ Божій“ и др. появились въ печати уже по его кончинѣ. *Изд.*

чтобъ такой канонъ покаянія могъ быть напечатанъ. А все-таки скажу: въ минуту тяжелой войны конечно не время ни человѣку, ни обществу исправляться, а время искренно сознаваться въ своихъ грѣхахъ обществу, такъ же какъ и человѣку. Согласитесь ли вы со мною? Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что вы признаете, что я говорю не по духу эгоистическаго фрондёрства. Война предстоитъ не шуточная, и размѣры, которыхъ она можетъ достигнуть, еще неизвѣстны никому. Должно смотрѣть впередъ бодро, но и трезвенно. Право, предполагать во мнѣ фрондёрство или что-нибудь подобное, значитъ меня вовсе не знать. Не думаю, чтобъ я когда-нибудь заслужилъ такое подозрѣніе, а теперь просто стыдно было бы его заслуживать.

Изъ письма отъ 4-го Апрѣля 1854 г. къ А. Н. Попову съ приложеніемъ стиховъ „Покаявшейся Россіи“ [1]).

Я написалъ стихи, изъ которыхъ конечно добросовѣстный человѣкъ не выкинетъ ни слова, и что же? Мнѣ вдругъ стало какъ-то жаль, что я нашей Руси наговорилъ столько горькихъ истинъ, хоть и въ духѣ любви; стало какъ-то тяжело. Вѣдь если я сказалъ, и если другіе прочли и, любя Россію, въ тоже время не слишкомъ разсердились на меня: развѣ ужъ это не покаяніе, или не знакъ постояннаго, хотя и не выражаемаго, покаянія? Я написалъ другую піесу вчера и посылаю ее вамъ передъ говѣніемъ.

9.

Простите меня, графиня, въ томъ, что я ваше имя долженъ былъ упомянуть въ офиціальномъ актѣ. Судите сами, могъ ли я иначе поступить? Сегодня былъ я призванъ къ графу Закревскому, который отъ имени графаОрлова [2]) спросилъ у меня: «признаю ли я своими двѣ пьесы къ Россіи, ходящія подъ моимъ именемъ». Разумѣется, я отрекаться и не думалъ. Я прибавилъ, что мое желаніе было ихъ напечатать и что я даже посылалъ ихъ въ Петербургъ съ изъявленіемъ этаго желанія и съ согласіемъ на нѣкоторыя перемѣны въ томъ случаѣ, если цензура того потребуетъ. Графъ Закревскій сказалъ мнѣ слова

[1]) Эти строки сохранились въ спискѣ у графини А. Д. Блудовой. *Изд.*

[2]) Тогдашняго шефа жандармовъ. *Изд.*

свои записать и потомъ спросилъ: «къ кому я стихи послалъ?» Я назвалъ васъ и А. Н. Попова, такъ какъ первая пьеса была мною послана дѣйствительно къ вамъ, а вторая къ А. Н. Простите меня, что я ваше имя вмѣшалъ въ офиціальность; сами видите, что я иначе не могъ поступить, да вы же и знаете, что я не умѣю обходить правду; а за всѣмъ тѣмъ мнѣ и досадно, и передъ вами совѣстно.

Вотъ какія приключенія навлекаетъ стихотворство! А право, хоть вашъ батюшка и былъ мною недоволенъ, хоть слова мои и были рѣзки, но я чувствую, что, столько хваливъ Россію и ея духовную основу всегда, я не могъ не высказать ей того, что̀ сказалъ, когда мы были затоплены такимъ наводненіемъ похвалъ, не хотящихъ ничего знать кромѣ ея матеріальныхъ силъ. И вы не прогнѣваетесь, если я скажу, что вы немножко неправы, полагая, что писатель самъ себя исключаетъ изъ своего осужденія, когда обращается къ отечеству. Въ одномъ стихѣ, по крайней мѣрѣ, онъ очевидно себя чарочкой не обнесъ.

И лѣни мертвой, и позорной.

10.

Нынче въ Москвѣ прошелъ слухъ, кажется, несомнѣнный Судьбы Божіи неисповѣдимы и неотразимы. Есть человѣкъ, котораго сердце исполнено теперь глубочайшей скорби и невольнаго страха передъ великимъ служеніемъ, на которое онъ призванъ. Дай Богъ, чтобы нашлись люди, которые бы сумѣли ему сказать слово отрады; дай Богъ, чтобы его успокоили. Пусть только вѣритъ онъ Россіи: она никогда не выдавала, никогда не выдастъ своего Государя. Будутъ мундирныя, будутъ форменныя молитвы; но, не дожидая ихъ, нынче ночью уже десятки, сотни, тысячи станутъ на колѣни въ своихъ домахъ и помолятся невидимо и неслышно, но усердно и тепло, за него, за его счастіе и крѣпость въ подвигѣ жизни. Не думаю, чтобъ такія молитвы были безплодны.

Суббота, полночь. 19 Февраля 1855 (Москва).

11.

Матушка передала мнѣ вашъ добрый и милый совѣтъ побывать въ Пальмирѣ Сѣвера, и что̀ грѣха таить? Признаюсь, многое множество разныхъ чувствъ заговорило во мнѣ, все подговаривая на эту поѣздку. Да не выходить! Мнѣ ужъ суждено сидѣть сиднемъ въ своемъ уголкѣ. Вотъ ужъ болѣе трехъ лѣтъ, какъ я отказался вовсе отъ свѣта и одинаково отъ его удовольствій, какъ и отъ его требованій. Зипунъ по буднямъ и долгополое пальто по праздникамъ, право, не Петербургскій нарядъ. Намъ все это незамѣтно; но вамъ это очень замѣтно. П.-бургъ городъ свѣтскій по преимуществу, и нѣтъ никакой возможности соваться въ него съ своимъ уставомъ. Это было бы крайнимъ неприличіемъ, а я такъ же мало желаю поступать неприлично, какъ твердо положилъ себѣ не отступать отъ своего устава. Я старикъ, отказавшійся отъ свѣта, хотя, разумѣется, нисколько не отказавшійся отъ жизни общественной; но этаго никто не обязанъ признавать, а мнѣ нѣтъ никакой охоты выставлять себя странникомъ. Видите, что мнѣ въ П-бургъ не дорога, какъ бы ни хотѣлось повидаться съ тѣми, кого въ П-бургѣ люблю. Вѣрьте мнѣ, что если желаніе мое побесѣдовать съ друзьями не можетъ меня заставить отказаться отъ того образа жизни, который мною выбранъ, или лучше сказать, который единственно мнѣ возможенъ, меня также не заставить измѣнить своего намѣреніе желаніе видѣть или показать дѣтямъ непріятельскій флотъ передъ Кронштадтомъ. Положимъ, что видъ и хорошъ; но онъ хорошъ только для тѣхъ, кто можетъ стать на батарею съ фитилемъ въ рукахъ. Мнѣ нельзя, Митѣ не слѣдуетъ смотрѣть на это съ равнодушнымъ любопытствомъ; вѣдь всетаки это оскорбленіе. Даже на сраженіе, чѣмъ бы оно ни кончилось, я не хотѣлъ бы глядѣть. Для сражающихся оно подвигъ, для зрителей оно гладіаторскій бой. Впрочемъ, кажется вы немножко дипломатически поступили и флотъ выставили болѣе, какъ предлогъ, чѣмъ какъ настоящую причину; ловѣрьте, что мнѣ и безъ всякихъ предлоговъ искренно хотѣлось бы побывать въ П-бургѣ и видѣться съ вами, и нелегко мнѣ отказаться отъ этаго удовольствія.

Здѣсь сильные слухи о мирѣ. Дай Богъ въ добрый часъ! Испорченнаго не поправишь, и теперь можно только желать подешевле отдѣлаться,въ надеждѣ со временемъ поправиться. Если мы поняли свои ошибки и твердо рѣшились идти по новымъ, болѣе естественнымъ путямъ, нетрудно будетъ намъ воротить съ лихвою то, что теперь потеряемъ вслѣдствіе цѣлаго ряда ошибокъ или, лучше сказать, вслѣдствіе ошибочной системы, какъ дипломатической, такъ и внутренней политики.

Но о прошломъ говорить нечего. Оно должно служить урокомъ, а не предметомъ какихъ бы то ни было укорительныхъ и праздныхъ пересудовъ. На будущее всѣ смотрятъ съ надеждою: это чувство общее. У насъ, какъ всегда, тишь и гладь; что у насъ ново, то у васъ уже старо, а своего новаго ничего не имѣемъ, кромѣ торжественнаго въѣзда, устроеннаго оберъ-полицеймейстеромъ генералъ-губернатору. Просто, говорить не о чемъ. Ждемъ вѣстей изъ Севастополя, ждемъ вѣстей изъ Петербурга, и только; а между тѣмъ я собираюсь завтра въ путь-дорогу на Тульскіе выборы по ополченію съ горькимъ чувствомъ, что мнѣ въ немъ участвовать нельзя.

14 Марта 1855 (Москва).

Что вамъ сказать о Дядѣ Ѳомѣ? *) Надъ нимъ плачутъ здѣсь такъ же усердно, какъ и вы вѣроятно плакали въ Петербургѣ; и здѣсь такъ же, какъ и у васъ, находятъ, что многое знакомо и намъ, хотя не совсѣмъ въ томъ черномъ видѣ, какъ въ Америкѣ, а тому лѣтъ за сорокъ, когда семьи продавались по частямъ, немного даже и уступало Американскимъ формамъ невольничества; но до меня это не касается. Безстрастно изучивъ вопросъ домашній, я очень понимаю различіе крѣпостнаго состоянія и рабства въ тѣсномъ смыслѣ слова, хотя разумѣется и перваго нисколько не одобряю. Нравственная основа другая, и слѣдовательно всѣ явленія ея различны, не смотря на видимое сходство во многихъ частныхъ случаяхъ, доходящихъ до отвратительной жестокости, или показывающихъ еще болѣе

*) Хижина Дяди Тома, извѣстное сочиненіе Бичеръ-Стоу, облетѣвшее въ то время оба полушарія. Когда у насъ начались работы по отмѣнѣ крѣпостнаго права, появилось нѣсколько переводовъ этой книги, возбудившей столько сочувствій и столько ненавистей. *Изд.*

отвратительное равнодушіе къ человѣчеству. Меня въ романѣ поразило одно лицо, которое, по моему мнѣнію, упрочитъ славу писательницы; это не Томъ, быть можетъ, нѣсколько преувеличенный, и не маленькая Эва: она только граціозная сестра Поля Домби (и слава созданія принадлежитъ Диккенсу), но Августинъ Сенъ-Клеръ. Онъ намъ всѣмъ близокъ своимъ изящнымъ просвѣщеніемъ, своею художественною природою, мягкостью и кротостью нрава, лѣнивымъ человѣколюбіемъ, Сибаритскимъ эгоизмомъ, слабостью нравственныхъ убѣжденій и нехристіанскимъ равнодушіемъ къ общественному добру, искусно оправдываемымъ посредствомъ ловкихъ софизмовъ. Онъ въ душѣ вѣдь осуждаетъ зло; чего же болѣе? Онъ правъ передъ собою и передъ Богомъ. Этотъ характеръ очерченъ мастерски и поддержитъ славу автора даже тогда, когда пройдетъ время минутнаго восторга. Впрочемъ, я увѣренъ, что романъ г-жи Stowe подвинетъ значительно вопросъ о рабствѣ черныхъ. Общественныя улучшенія зависятъ отъ сердца болѣе, чѣмъ вообще думаютъ, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ отъ ума. Отъ того-то, по моему мнѣнію, женщины такіе же великіе дѣятели въ исторіи народовъ, какъ и мужчины, хотя роль ихъ менѣе видна.

Что̀ сказать вамъ о нашей Москвѣ? И не найду, что̀ сказать. Я начинаю догадываться, что я совсѣмъ не въ Москвѣ живу, а только на Собачьей площадкѣ своей, которая случайно находится въ Москвѣ. Впрочемъ, и Москва нынѣшній годъ не безъ литературной новости. Я говорю о замѣчательной драмѣ *Не въ свои сани не садись*. Успѣхъ огромный и вполнѣ заслуженный. Жаль только, что въ сценѣ на постояломъ дворѣ нѣтъ того развитія и той постепенности, которыя должны были дать полноту художественному творенію. Авторъ забылъ, что купеческая дочь представляетъ благородному жениху капиталъ во сто тысячъ, и что онъ не можетъ и не долженъ вдругъ терять надежду на аферу. Какъ бы то ни было, драма все-таки очень хороша, и Островскій оправдываетъ надежды, которыя подалъ первыми своими произведеніями.

Прилагаю постные стихи, которые не считаю стихами.

Къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой.

Милостивая государыня Александра Осиповна. Можете ли вы себѣ представить положеніе непріятнѣе моего? Вамъ извѣстно мое всегдашнее глубокое отвращеніе отъ всякаго политическаго вопроса, а я теперь затравленъ, заѣденъ политикою. Куда ни выѣду, куда ни повернусь, въ мужское или дамское общество, все рѣчь одна: «Каковъ Ламартинъ или Ледрю-Роллень, и что̀ Пруссаки и что̀ Познань?» Просто навожденіе! Меня беретъ злость. Если бы вы, молодцы, думаю я, ходили въ зипунѣ да въ косовороткѣ, вы бы думали о своихъ домашнихъ да семейныхъ дѣлахъ, а не объ вздорѣ, до котораго вамъ дѣла нѣтъ, и сами были бы умнѣе и мнѣ бы не надоѣдали. Видно, ужъ таково вдохновеніе кургузаго фрака. Но вотъ что еще досаднѣе: мнѣ до того прожужжали уши политикою, что дома мнѣ отъ нея покоя нѣтъ. По цѣлымъ часамъ о ней думаетъ голова противъ воли ума. Пробовалъ я самъ себя отчитывать разными самыми кроткими книгами (какъ напр. Лассена о клинообразныхъ надписяхъ), и все не въ прокъ. Рѣшился на самое геройское средство—написать за одинъ разъ всѣ мои мысли, да и раздѣлаться съ ними навсегда. Примите милостиво мои мечты.

Вотъ извлеченіе изъ послѣднихъ мною слышанныхъ рѣчей: «Познань поднялася, или поднимается, или скоро поднимется; она непремѣнно затронетъ насъ. Загорится война, Германія съ радостію вышлетъ всѣхъ своихъ праздношатающихся республиканцевъ, Франція броситъ для своего собственнаго спасенія всѣхъ своихъ голодныхъ работниковъ на промыселъ военный, и Нѣмцы имъ охотно дадутъ путь. Борьба будетъ страшная. Россія устоитъ, но прольются потоки крови и крови, слишкомъ дорогой». Вотъ толки самые новѣйшіе, и на первый взглядъ все это кажется истиннымъ и едва ли не неизбѣжнымъ. А полно

такъ ли? Россія сильна, непоколебима; поэтому она свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и властна сказать слѣдующее всему міру.

Она никогда не принадлежала Европейской системѣ народовъ. Милостію Божіею, разумомъ государей и силою народа она возвращена и возвеличена, она владѣетъ всею землею отъ Балтики до Тихаго океана, она сильна и людьми, и землею; но она всегда жила особнякомъ. Такъ было, есть и будетъ. Въ дѣла Европы вмѣшивалась она только случайно и вслѣдствіе внѣшняго вызова.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Польша, разорванная, разграбленная, окровавленная своеволіемъ своихъ аристократовъ, грозила спокойствію своихъ сосѣдей и губила свой народъ. Державы восточной Германіи и Россіи взяли ее подъ временный интердиктъ для общаго мира, при чемъ Россіи возвращены были ея старыя области, удѣлъ Рюрикова рода, населенныя народомъ одноязычнымъ съ Россіею, а не съ Польшею. Въ 1815 году, послѣ долгихъ и кровавыхъ смутъ, интердиктъ былъ возобновленъ на общемъ совѣтѣ; но одна Россія, въ лицѣ своего государя, противъ воли многихъ, показала, что она считаетъ эту мѣру только временною и не хочетъ гибели Польской народности. Въ 1830-мъ году своевольное возстаніе наименѣе угнетенной Польши противъ общаго приговора и общихъ трактатовъ принудило Россію возстановить силою оружія интердиктъ, наложенный съ совѣта всѣхъ державъ... Державы Европейскія измѣнились: нѣтъ уже ни прежней Австріи, ни прежней Пруссіи; интердиктъ Польши безполезенъ для нихъ. Онъ ни теперь ни прежде не былъ нуженъ Россіи; ему не для чего продолжаться.

Вотъ, кажется, прямой и простой взглядъ на фактъ историческій. Выводъ былъ бы ясенъ.

Пусть возстановится Польша, во сколько можетъ: Познань съ Гданскомъ (Данцигъ), княжество Галицкое и Краковъ, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящая по-русски. Но такъ какъ это дѣло не административное и не правительственное, а народное и историческое въ высшемъ значеніи слова, то въ немъ не должно быть признаваемо никакое слу-

чайное различіе между людьми, и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами въ счетѣ крестьянскихъ единицъ, города причислены къ деревнямъ, и т. д. Даже отсутствующіе могутъ быть всѣ допущены къ подачѣ голоса письменно въ той области, къ которой они желаютъ быть причтены. Голоса народные должны быть подаваемы на языкѣ народномъ, въ Польшѣ по-польски, въ Литвѣ по-литовски (совершенно непоиятно для Поляковъ), въ Галичѣ по-галицки (т. е. почти по-русски). Всякая область должна имѣть право приписаться или къ новой Польшѣ, или къ сосѣдней державѣ, или составить отдѣльную общину подъ покровительствомъ или безъ покровительства другой державы. Тоже право должно быть распространено къ Славянамъ Лузаціи и Шлезіи; тоже право можетъ быть распространено благороднымъ сеймомъ Венгерскимъ на Славянъ, Хорватовъ, Словаковъ, Руснаковъ и другихъ.

Такимъ образомъ будущая судьба Славянскихъ народовъ будетъ опредѣлена ими самими; а, кажется, роду Романовыхъ нечего бояться народнаго голоса.

Россія надѣется, что это предложеніе будетъ принято и приведено въ скорое исполненіе: она готовитъ списки всеобщіе къ половинѣ Іюня нашего стиля. До тѣхъ поръ границы ея (т. е. до рѣшенія вопроса), или лучше сказать границы, ввѣренныя трактатами ея храненію, должны быть неприкосновенны.

Если же, не смотря на это предложеніе, кто-нибудь осмѣлится своевольно или насильно, предупреждая голосъ народа, вторгнуться въ предѣлы, охраняемые государемъ, того встрѣтитъ сила Россіи. За насъ будетъ честность нашего намѣренія, правота нашего дѣла, Богъ и даже совѣсть нашихъ враговъ.

Такое объявленіе могло бы быть сообщено всѣмъ правительствамъ и народамъ и напечатано во всѣхъ газетахъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни уступки, ибо исполняется только намѣреніе покойнаго государя, и тутъ же смѣлый вызовъ на бой. Это было бы громовымъ ударомъ, который ошеломилъ бы весь міръ. Всѣ будутъ сбиты съ толку: ни одна собака не осмѣлится брехнуть на Государя, и врагамъ останется только

молчать или хвалить, хотя бы имъ пришлось подавиться этой невольною хвалою.

Вѣроятныя послѣдствія. При уничтоженіи аристократическаго вліянія и уничтоженіи юридическаго вліянія въ Польшѣ, въ крестьянствѣ оказалось бы много голосовъ въ нашу пользу, а въ Галичѣ большинство (по сродству языка, и особенно по духовному сродству) было бы или за насъ, или по крайней мѣрѣ за отдѣльное существованіе, и этимъ самымъ Польша была бы подорвана навсегда. Въ Литвѣ тоже, или почти тоже, вслѣдствіе употребленія Литовскаго языка.

Вѣрныя послѣдствія. Государь нашъ сталъ бы выше всей Европы. Предлогъ къ войнѣ устраненъ: Франція задохнулась бы въ своемъ банкротствѣ, Германія запуталась бы въ вопросахъ о Данцигѣ и въ своихъ неразрѣшимыхъ задачахъ. Мадьяры и Славяне принялись бы драться черезъ двѣ недѣли и отвлекли бы всѣхъ западныхъ Славянъ. Частный вопросъ о Польшѣ потерялся бы въ вопросѣ общемъ, міровомъ; и Русскій Царь, совершенно свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, былъ бы рѣшителемъ и законодателемъ всего Европейскаго движенія.

Часть практическая проста. Добросовѣстное заготовленіе списковъ, запрещеніе всѣхъ манифестацій для сохраненія порядка и объявленіе, что всякій безпорядокъ будетъ наказанъ какъ преступленіе противъ законовъ, противъ Государя и противъ народа; сильная охрана границъ, строгая казнь противъ зажигателей и разбойниковъ, изгнаніе заговорщиковъ и *освобожденіе* ихъ имѣній, если они дворяне, и *передача имѣній ближайшимъ родственникамъ* въ городахъ, и тому подобное. Дальше моего ума не хватаетъ.

Виноватъ: замечтался! Простите великодушно. Общій недугъ заразителенъ; но за то я отъ него отдѣлался разомъ. Дружба ваша, которою я горжусь, извинитъ длину этаго скучнаго письма ради почтенія и преданности, съ которыми честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга А. Хомяковъ.

М. 21-го 1848 г. Москва.

Къ Евгеніи Сергѣевнѣ Шеншиной.

(По кончинѣ ея супруга, 1858).

Вы у меня спрашиваете совѣта, дорогая Евгенія Сергѣевна, о томъ, что́ вамъ дѣлать и чему посвятить жизнь свою, а я и не отвѣчалъ, и не умѣю отвѣчать. Никогда, кажется, не сумѣешь придумать такаго совѣта для другаго, и еще менѣе придумаетъ мужчина для женщины. Что дѣлать въ жизни?—Знаете, это все равно что сказать: чѣмъ святить жизнь свою для будущей? Кто на это отвѣтитъ для другаго? Пусть ухо прислушивается къ голосу Бога въ сердцѣ своемъ, а отвѣтъ будетъ; и во всякомъ сердцѣ розно Богъ говоритъ, смотря по тому на что онъ создалъ каждаго человѣка, такъ или иначе поставилъ его въ такихъ или иныхъ обстоятельствахъ, и наложилъ на него такой или иной крестъ. Слава Богу, я слышу, что вы не дождались чужихъ слѣпыхъ совѣтовъ, а настроили уже отчасти жизнь и совершенно душу на подвигъ жизненный, святя свое горе покорностію и служеніемъ тѣмъ человѣческимъ, Христіанскимъ сочувствіямъ и попеченіямъ, которыя наполняли сердце покойника, никогда не умирающаго для васъ. Черезъ васъ продолжится его дѣятельность къ добру въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, но можетъ быть тѣмъ съ большею и болѣе проникающею силою. Великое утѣшеніе для мысли то, что добрый не умираетъ даже на землѣ: въ немъ есть сила, переживающая, укрѣпляющая тѣхъ, которые имѣли счастье любить его.

Сами вы знаете, какое пережилъ я горе или, лучше сказать, въ какомъ горѣ живу. Пережить горе настоящее нельзя, да и не дай Богъ; но мнѣ часто въ утѣшеніе приходитъ чувство и ясное сознаніе того, чѣмъ и какъ многимъ внутри себя обязанъ я моей покойной Катенькѣ, и часто слышатся мнѣ внутренніе упреки за то, что я далеко не разработалъ и не разрабатываю все наслѣдство духовнаго добра, которое я получилъ отъ нея. Дай Богъ вамъ свой подвигъ совершить лучше моего.

Изъ писемъ къ М. С. Мухановой [1]).

1.

Я вамъ очень благодаренъ за то, что вы дали мнѣ случай хоть сколько-нибудь похлопотать за васъ. Я нисколько не знакомъ съ Калайдовичемъ; но, получивъ ваше письмо, написалъ сейчасъ къ И. С. Аксакову, который навѣрно его знаетъ [2]), и я убѣжденъ, что все сдѣлается какъ слѣдуетъ. Онъ же законы знаетъ, и его не проведутъ; а онъ, безъ сомнѣнія, будетъ справляться о ходѣ дѣла. Болѣе я сдѣлать не могъ и крайне жалѣю, что моя услуга должна ограничиться такою малостью.

Благодарю васъ также за извѣщеніе о статьѣ въ Remembranea и за обѣщаніе ее доставить. Жаль, что теперешніе безпорядки въ церкви Константинопольской и Греческой могутъ подать поводъ къ дурнымъ толкованіямъ; особенно жаль, что духовенство въ Греціи, кажется, суется въ дѣла политическія. Дай Богъ, чтобы я ошибался, а мнѣ что-то кажется, будто и бунтъ Майны идетъ отъ духовенства. Трудно людямъ умѣть понимать Христіанскій долгъ; но есть слово, которое можетъ насъ утѣшить: «не спитъ, стражаяй Израиля».

Почти такимъ же словомъ кончаю я статью, которую послалъ въ Сборникъ. Мнѣ и всегда съ цензурою мало удачи. Боюсь, что съ цитатой изъ царя Давида будетъ еще хуже. По крайней мѣрѣ я потрудился; впрочемъ я и вообще начи-

---

[1]) Дѣвица Марья Сергѣевна Муханова, двоюродная сестра братьевъ Мухановыхъ, пріятелей А. С. Хомякова, извѣстная была въ Москвѣ умомъ своимъ, многостороннею образованностью и благотвореніями. *Изд.*

[2]) И. С. Аксаковъ и Калайдовичъ (сынъ археолога) служившій въ Московскомъ Сенатѣ, окончили курсъ наукъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія. *Изд.*

наю быть на этотъ счетъ нѣсколько добропорядочнымъ. Между тѣмъ кисть также не лѣнится, и я кончаю теперь портретъ жены въ большомъ размѣрѣ. Кажется, будетъ очень живъ.

Іюля 9 дня, с. Липицы.

2.

Изъ рукъ вонъ стыдно мнѣ возвращать вамъ вашу книгу, такъ любезно вами сообщенную, въ такомъ гнусномъ видѣ, съ обгорѣлыми краями. Простите меня, милостивая государыня Марья Сергѣевна; но повѣрьте, что я не только небреженіемъ, даже и неосторожностью не былъ виноватъ. Я только на нѣсколько минутъ вышелъ изъ комнаты, вѣтромъ сорвало нагаръ со свѣчи и бросило его на бумаги, которыя отъ свѣчки были далеко. Вспыхнулъ весь лѣвый флангъ моего бюро (стиль Крымскій), бумаги испепелились (впрочемъ неважныя), сгорѣли двѣ книжки, и опалило нѣсколько книжекъ на лѣвой этажеркѣ, въ томъ числѣ и вашу. Если вы и послѣ моего разсказа еще не простили, то простите ради того, что это было очевидное предзнаменованіе, что Англичане обожгутся (и обожглись) на лѣвомъ нашемъ флангѣ въ Севастополѣ. Это дѣло утѣшительное, первое съ начала войны вполнѣ утѣшительное. Дай Богъ, чтобы впереди были такія же.

3.

Очень благодарю васъ за книги и стихи. Стихи бойки и живы: они въ старомъ манерѣ князя Вяземскаго, но не имѣютъ его прежней веселости и немного черезъ-чуръ выкрашены квасным патріотизмомъ; но онъ теперь тѣмъ болѣе въ ходу по наружности, чѣмъ менѣе онъ признается законнымъ въ убѣжденіяхъ общества. Напр., кто такой врагъ чужимъ Нѣмецкимъ землямъ какъ Ник. Алексѣевичъ? *) А ужъ куда какъ не торопливъ онъ возвратомъ на хваленую родину! Все это не мѣшаетъ стихамъ быть очень милыми, а имя автора, вполнѣ Русское, и его умственное настроеніе, издавна вполнѣ Французское, не смотря на теперешнее желаніе передѣлаться на Русскій ладъ, все вмѣстѣ представляетъ довольно забавный контрастъ для безпристрастнаго наблюдателя. Для меня эти стихи

*) Мухановъ; письма къ нему Хомякова см. выше. *Изд.*

очень радостны. Видно, милый авторъ ихъ совершенно выздоровѣлъ, а вѣсти объ немъ какъ долго были неутѣшительны! Вѣдь онъ теперь послѣдній остается отъ своей литературной эпохи.

Пожалуйста, скажите мой поклонъ Николаю и Владимиру Алексѣевичамъ. Не знаю, напишу ли къ нимъ. Мы такъ давно не видались и такъ много для меня перемѣнилось съ тѣхъ поръ, что легче написать томъ, чѣмъ нѣсколько строкъ. Простите меня, что возвращаю только одинъ № Edinburgh R. Всѣ остальные доставлю вамъ на дняхъ. Прилагаю вамъ четыре Blackwood's M. Бѣдный очень теперь пріунылъ съ паденія Дерби. На дняхъ буду имѣть честь быть у васъ съ тетрадкой, которую я желаю отдать вамъ на судъ и съ объясненіемъ тѣхъ странныхъ обстоятельствъ, которыя до сихъ поръ мнѣ не позволили явиться съ нею къ вамъ.

4.

Простите меня въ томъ, что я замедлилъ вамъ отвѣчать и васъ благодарить. У меня была надежда, почти увѣренность, что я буду имѣть счастіе побывать у васъ во время проѣзда моего черезъ Москву, и что мнѣ удастся васъ поблагодарить лично. Да не такъ дѣлается, какъ хотѣлось бы. Три дня провелъ я въ Бѣлокаменной, теперь долженъ спѣшить въ Смоленскъ по случаю непріятности (пожара хозяйственныхъ заведеній) и не могу улучить четырехъ или пяти часовъ, чтобы съѣздить къ вамъ на дачу. Не вините меня пожалуйста и примите благодарность за вашу добрую память и за любезное ходатайство въ пользу моего дикаря, филолога Микуцкаго.

5.

Когда я заѣзжалъ къ вамъ на дняхъ, мнѣ сказывали, что вы нездоровы; но я никакъ не воображалъ, чтобы это было такъ серіозно. Слава Богу, что прошло. Простите меня, если я еще не могу исполнить своего обѣщанія: Аксаковъ все это время былъ такъ занятъ, что не могъ самъ достать своей статьи. У него только одинъ черновой и неудобочитаемый списокъ, а порядочный былъ въ чужихъ рукахъ, и онъ только еще обѣщается

мнѣ достать его. Все это время мы съ нимъ трудились для *будущей* (если она будетъ) Р. Бесѣды. Тридцатилѣтнее же царствованіе даже не было у меня: я слышалъ его чтеніе, но самъ не читалъ. Похлопочу у знакомыхъ, нельзя ли гдѣ нибудь получить списокъ и поспѣшу, если можно, доставить его къ вамъ. Простите невольное неисполненіе обѣщанія.

6.

Очень вамъ благодаренъ за Англійскій журналъ. Дѣйствительно, статья о Пальмеровыхъ брошюрахъ для меня была очень любопытна и тѣмъ болѣе любопытна, что добродушный Англичанинъ мнѣ послалъ два экземпляра своего сочиненія, не догадываясь, что ихъ перехватитъ сторожевой полкъ, который охраняетъ наше умственное спокойствіе и нашу нравственную чистоту отъ зловреднаго прикосновенія мысли Западной. Разумѣется, я этихъ двухъ экземпляровъ не получалъ и не получу. Я радъ, что послалъ ему свою Французскую книжку (о которой, скажу мимоходомъ, нѣтъ ни слуху, ни духу): она можетъ ему быть небезполезною. Многое и многое еще нужно имъ объяснять, а у насъ заткнуты рты. Такъ, видно, Богу угодно; но еще надобно всѣ пути перепробовать, прежде чѣмъ отступиться отъ дѣла полезнаго. Кстати: говорятъ, что Григорій Казанскій по доносу г. л. Анненкова *) въ коммунистическомъ направленіи проповѣдей, будетъ удаленъ отъ Синода, хотя и оправданъ. Можно бы подумать, что знакомство со мною имѣетъ особенно вредное дѣйствіе. Если бы я зналъ содержаніе брошюръ Пальмеровыхъ, я бы въ письмѣ къ нему доказалъ ему, что онъ еще слишкомъ снисходителенъ къ Латинству въ богословскомъ отношеніи. Надѣюсь, что если только моя книжечка выйдетъ въ свѣтъ и вызоветъ возраженіе, я еще буду имѣть случай высказать имъ все. Авось! Грустно какъ-то: погода ужасная, которая сама по себѣ ничего, наводитъ уныніе, когда общій неурожай, двойное рекрутство безъ

*) Анненковъ (братъ извѣстнаго критика) былъ членомъ негласнаго цензурнаго комитета. Извѣстно, до чего доходило тогда стѣсненіе слова; въ этомъ комитетѣ замышляли даже процензуровать Библію.—Письмо Хомякова къ архіеп. Григорію см. ниже. *Изд.*

войны и холера подаютъ поводъ къ горести разумной. Холера меня просто сердитъ. Столько опытовъ доказали мнѣ всю сравнительную ничтожность этой болѣзни (напр., на дняхъ я лѣчилъ и вылѣчилъ больнаго, имѣющаго всѣ признаки періода смертельнаго, отъ черныхъ пятенъ на лицѣ и полнаго отсутствія пульса до оледенѣлаго языка и закатившихся глазъ), и нельзя остановить холеры потому, что не позволяютъ дѣйствовать. Эта невозможность быть полезнымъ, при многихъ данныхъ, для пользы людской напоминаетъ мнѣ самые тяжелые сны моего дѣтства и производитъ впечатлѣніе ужаснаго кошмара на яву.

7.

Я очень передъ вами виноватъ: все собирался къ вамъ послать журналъ и писать, да отлагалъ посылку и поэтому отлагалъ и письмо. Я точно виноватъ, да вы же меня и наказали подозрѣніемъ, будто бы я нѣсколько посѣтовалъ на ваше замѣчаніе о второй моей брошюрѣ. Вѣрьте мнѣ, я говорю не о формѣ вашего выраженія, которое не затронуло бы даже самаго раздражительнаго самолюбія (а его во мнѣ нѣтъ); но всѣ ваши замѣчанія для меня драгоцѣнны. Я могу съ ними иногда не соглашаться, но я отъ васъ не слыхалъ такаго, объ которомъ не пришлось бы задуматься. Ваша критика есть одолженіе для всякой, не совсѣмъ пустой головы. Такъ и теперь. Я не только понялъ вашу дружбу въ томъ, что вы мнѣ сообщаете замѣчаніе, съ которымъ вы согласны и которое очень для меня важно, но я понялъ и справедливость самой критики. Самъ я перечелъ свою брошюру и не могъ не сознаться, что впечатлѣніе, которое она должна производить на Русскаго читателя, можетъ быть не совсѣмъ выгоднымъ для меня. Почему? Вотъ вопросъ, который вы во мнѣ возбудили. Нападеніе на Протестантство въ обѣихъ книжечкахъ весьма сильно, и думаю даже едва ли было когда-нибудь сильнѣе выражено, а впечатлѣніе имѣетъ въ себѣ что-то Протестантское. Мнѣ кажется причина та, что я у православнаго отнялъ не только Папу, но и всякую замѣну Папства (Синодъ ли, монахъ ли, или духовникъ, или что бы то ни было). Я выставилъ свободу не только какъ право, но еще какъ обязанность, и въ этомъ я считаю себя правымъ; но я не сказалъ ни слова о предѣлахъ

свободы Христіанской и въ этомъ себя подвергъ осужденію. Иные будутъ меня обвинять потому, что боятся быть свободными; другіе потому, что имъ лѣнь быть свободными; но не совсѣмъ мною будутъ довольны и тѣ, которые, не боясь и не лѣнясь быть свободными, чувствуютъ, что эта свобода не безусловна. Вы меня не обвиняете, но вамъ за меня больно, что книга не такъ прочтется, какъ слѣдуетъ. Я въ этомъ чувствую и вашу любовь къ дѣлу Церкви, и вашу дружбу ко мнѣ, и тѣмъ живѣе чувствую недостатокъ,— не книги самой (которая имѣетъ цѣль полемическую), но своего труда. Его надобно пополнить. Вы въ этомъ совершенно правы. Я буду ждать и искать случая, который бы далъ мнѣ поводъ къ новому объясненію; но я надѣюсь, что вы меня оправдаете въ моемъ убѣжденіи, что именно надобно искать случая и что безъ него трудно надѣяться на вниманіе современныхъ намъ читателей въ вопросахъ, къ которымъ они къ несчастію слишкомъ равнодушны. Надѣюсь также, что въ Москвѣ еще позволите мнѣ изустно возвратиться къ этому предмету. Въ Christian R. есть любопытная статья, возраженіе на Wilberforce'ову защиту Папства *). Чудное дѣло человѣкъ и особенно католикъ! Какъ можно такъ безбожно лгать, такъ безсовѣстно повторять уже изобличенные обманы, и въ тоже время думать (и вѣроятно отъ души), что эта ложь, этотъ обманъ служатъ правдѣ и Богу?

Не радуютъ извѣстія изъ Севастополя. Много тамъ льется дорогой крови и безъ плода, и безъ пользы: наслѣдство des incapacités, оставленное покойнымъ Государемъ своему преемнику, тяжело отзывается для Россіи. Что-то Богъ дастъ впередъ?

8.

Не знаю, какъ благодарить васъ за вашу дружбу и сочувствіе. Покойная матушка душевно любила и уважала васъ; она дорожила вашимъ расположеніемъ, и всякое посѣщеніе ваше было для нея праздникомъ. Вы это знаете; знаете также, что и жена моя умѣла васъ цѣнить, но едва ли можете знать,

*) Робертъ Вильберфорсъ, братъ извѣстнаго Самуила, епископа Оксфорскаго. Онъ обратился въ Римское католичество. *Изд.*

до какой степени она цѣнила вашу дружбу. Ради этихъ двухъ покойницъ и ихъ чувствъ къ вамъ, когда я буду въ Москвѣ, вы мнѣ позволите привезти къ вамъ внучку одной и дочь другой и попросить васъ, чтобы вы приняли ее въ свое доброе расположеніе. Это было всегдашнимъ желаніемъ и надеждою матушки.

Тяжела мнѣ моя послѣдняя потеря, можетъ быть болѣе, чѣмъ я самъ думалъ. Ея лѣта, ея со дня на день слабѣющее здоровье заставляли меня ожидать ея кончины, и ожиданіе должно бы, повидимому, притуплять до нѣкоторой степени самую горесть; но въ матушкѣ была еще такая живость чувства и мысли, что, казалось, смерть еще не такъ близка и что сперва отзовется ея приближеніе на умъ и сердце, а потомъ только возметъ она всѣ свои права. Вышло не такъ. Тѣло разрушилось, а душа до послѣдняго дня сохраняла всѣ свои силы. Разумѣется, я не говорю о послѣднихъ уже часахъ; но за сутки съ небольшимъ она разсуждала о дѣлахъ домашнихъ, о строеніи церкви *), о судьбахъ Россіи, какъ и прежде въ полномъ здоровьи. Много настрадалась она въ жизни, и тяжело было ея поприще, прежде чѣмъ она пришла къ отдыху; но и не безполезна была эта жизнь, и много добрыхъ воспоминаній связано съ нею. Она, смѣю это сказать, была благороднымъ и чистымъ обращикомъ своего времени; и въ силѣ ея характера было что-то принадлежащее эпохѣ болѣе крѣпкой и смѣлой, чѣмъ эпохи послѣдовавшія. Что до меня касается, то знаю, что, во сколько я могу быть полезенъ, ей обязанъ я и своимъ направленіемъ, и своею неуклончивостью въ этомъ направленіи, хотя она этаго и не думала. Счастливъ тотъ, у кого была такая мать и наставница въ дѣтствѣ, а въ тоже время какой урокъ смиренія даетъ такое убѣжденіе! Какъ мало изъ того добраго, что есть въ человѣкѣ, принадлежитъ ему? И мысли по большей части сборныя, и направленіе мыслей заимствованное отъ первоначальнаго воспитанія. Что же его-то собственно?

*) Марья Алексѣевна Хомякова въ 1812 году дала обѣтъ построить церковь въ благодарность за избавленіе отъ Французскаго нашествія. Церковь при селѣ Ивановскомъ (Данковскаго уѣзда) освящена въ 1878 году. *Изд.*

На дняхъ кончилъ я свою третью брошюрку, которая мнѣ далась съ немалымъ трудомъ. Вопросы затронуты всѣ, которые только могъ я придумать для строгаго опредѣленія отношеній Церкви къ Богу, къ своимъ собственнымъ чадамъ и къ кажущемуся историческому развитію ея. При этомъ постоянное сопоставленіе двухъ ея отличительныхъ свойствъ, крайней свободы и совершеннаго единства, въ противуположность Протестантской свободы и Римскаго единства. Что-то изъ этого будетъ? Въ Германіи до сихъ поръ нѣсколько объявленій газетныхъ о первыхъ двухъ, ни одного возраженія или разбора; но по нѣкоторымъ отзывамъ видно, что они озадачены. Журналъ Repertorium говоритъ: «Книга стоитъ отвѣта; но совѣтуемъ возражателямъ приняться за дѣло, сильно обдумавъ свои возраженія. Она похожа на укрѣпленія Севастопольскія, и ея легкимъ боемъ не возьмешь. Во всякомъ случаѣ, должно признаться, что Россія крѣпка не одними вещественными силами». Это лестно, но мнѣ бы хотѣлось настоящихъ отвѣтовъ: тогда лучше можно бы ихъ пронять. Добьюсь ли этаго третьею брошюрою?

Дѣла много, а я къ несчастію и лѣнивъ, и разсѣянъ другими дѣлами. Дай Богъ помощниковъ! Но къ несчастію такъ трудно Русскому человѣку проснуться, да взяться за работу; такъ мало еще людей, желающихъ духовной и мысленной жизни, что иногда руки опадаютъ. Одно утѣшеніе—смотрѣть, какъ дубы тихо ростутъ. Можетъ быть, такъ и надобно для крѣпкаго роста.

Когда будете опять въ Москвѣ (вѣдь нынѣшняя осень хоть кого выживетъ изъ деревни), не познакомитесь ли вы съ духовнымъ путешественникомъ—Англичаниномъ rev. Arthur Stanley? Говорятъ, очень замѣчательный человѣкъ; привезъ ко мнѣ письмо, но едва ли мнѣ удастся съ нимъ видѣться: вѣроятно онъ уѣдетъ до меня.

Сентября 10 д. 1857 г.

Къ Е. А. Свербеевой [1]).

Почтенная и любезная Екатерина Александровна!

Несправедливы вы, увѣряя, что я никогда вамъ не отвѣчаю. Я помню, что я отвѣчалъ всегда или почти всегда; но именно на сей разъ отвѣчать не могу, или лучше сказать, отвѣчаю не своею рукою. Меня такъ искусно кучеръ вышвырнулъ изъ тарантаса, что я три дня могъ только лежать и то съ большими болями въ лѣвомъ вертлугѣ. Не переломлено, и я думаю, не вывихнуто; но всѣ бедренныя сухожильи такъ растянуты, что въ нихъ стоитъ постоянная боль, какъ будто бы ихъ вымолотили цѣпами. Теперь немного могу сидѣть, но вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы можно было писать. Не будь только этаго, я, хотя не ожидая вашего письма, а по извѣстію отъ Аксакова, уже написалъ бы тому дня три то письмо, на которое вы меня вызываете.

Извѣстіе о болѣзни Самарина [2]) меня очень огорчило, хотя я увѣренъ, что послѣдствій никакихъ не будетъ. Еще прежде, т. е. зимою, когда неизвѣстно еще было, что онъ поступитъ въ Петербургскій комитетъ, я совѣтовалъ ему отдохнуть въ чужихъ краяхъ отъ Самарскаго комитета и признавалъ это необходимымъ.

Человѣкъ этотъ не можетъ работать черезъ пень-колоду: онъ весь въ своемъ дѣлѣ и умомъ, и душею. Во всемъ видитъ онъ

---

[1]) Воспѣтая Е. А. Баратынскимъ и Н. М. Языковымъ, Екатерина Александровна Свербеева (урожденная княжна Щербатова, дальняя родственница А. С. Хомякова по его матери)—супруга Дмитрія Николаевича, котораго Записки недавно изданы въ свѣтъ. *Изд.*

[2]) Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ для участія въ трудахъ такъ называемыхъ Редакціонныхъ Комиссій, тяжко заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать на нѣкоторое время лечиться въ чужихъ краихъ. *Изд.*

исполненіе долга. Самолюбіе въ теперешнемъ дѣлѣ онъ конечно къ дѣлу не примѣшиваетъ; затерянный въ толпѣ сорока человѣкъ, которые сами затеряны въ Ростовцвоской фирмѣ, конечно онъ вовсе не думаетъ о прославленіи себя. Имъ управляетъ глубокое чувство человѣческое и христіанское, и вотъ почему работа и неудовлетворенное желаніе добра опасны для его жизни. Да, вы совершенно правы, говоря о моемъ братскомъ или отеческомъ чувствѣ къ нему. Мнѣ кажется, что эта натура выработавшая въ себѣ волею и совѣстью всю чистоту, которая Валуеву была прирожденна (разумѣется, я въ прочемъ знаю, что они другъ на друга вовсе не похожи). Скажите только, какъ этотъ другой, любезный фанатикъ долга не любитъ его? Развѣ какъ Кальвинъ не любилъ Сервета?

Душевно васъ благодарю за ваше доброе дѣло. Если Богъ дастъ, дня черезъ два, мнѣ можно будетъ сѣсть къ письменному столу, первыя мои строки будутъ къ вашему назначенію. Еще разъ, душевно благодарю васъ и за него, и за себя. Ваша добрая дружба никогда не измѣняется.

Къ Николаю Дмитріевичу Свербееву *).

1..

Получ. въ Портъ-Аянѣ 11 Августа (1852).

Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь Николай Дмитріевичъ, когда увидите преосвященнаго Иннокентія, спросите у него, не помнитъ ли онъ въ Москвѣ Хомякова, у коего онъ былъ на крестинахъ дочери Марьи. Тогда еще онъ не былъ въ епископскомъ санѣ. Если онъ сколько нибудь меня по-

*) Николай Дмитріевичъ Свербеевъ, старшій сынъ Дмитрія Николаевича Свербеева, родился въ Кіевѣ 27-го Августа 1829-го года. Воспитанный въ Москвѣ, окончивъ свое университетское образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ въ 1850-мъ году, онъ поѣхалъ въ числѣ другихъ молодыхъ людей на службу въ Иркутскъ (куда прибылъ 28-го Августа 1851-го года). Графъ Н. Н. Муравьевъ 2-го Декабря того же года отправилъ его на должность совѣтника Губернскаго Правленія въ Якутскъ, гдѣ онъ познакомился и сблизился съ преосв. Иннокентіемъ, епископомъ Якутскимъ (впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ), съ которымъ и состоялъ въ перепискѣ до своей смерти. Изъ Якутска Свербеевъ былъ два раза командированъ по дѣламъ службы въ Удской край, и командировки эти были имъ описаны въ двухъ „Сибирскихъ письмахъ", напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" того времени. Въ Январѣ 1853-го года Свербеевъ вернулся въ Иркутскъ и въ 1854 и 1855 годахъ сопутствовалъ графу Муравьеву въ первой и второй Амурскихъ экспедиціяхъ, предпринятыхъ съ цѣлью присоединенія Амурскаго края, и принималъ, въ качествѣ секретаря по дипломатической части, дѣятельное участіе въ переговорахъ съ Китайскими представителями. Во время первой экспедиціи, совпавшей съ Крымской кампаніей, вся наша флотилія съ трудомъ избѣжала преслѣдовавшаго ее въ Охотскомъ морѣ Англійскаго военнаго судна. Въ концѣ 1856 го г. Н. Д. Свербеевъ возвратился въ Москву, а въ 1860-мъ г. 6-го Декабря скончался въ Орлѣ. *Изд.*

мнитъ и жену мою, скажите ему, что съ самаго того времени всякій день я молюсь за него и за успѣхъ его Апостольскихъ трудовъ; теперь же въ своемъ горѣ *) я прошу у него молитвъ за усопшую и за себя, чтобъ горе могло быть не только наказаніемъ, но и урокомъ мнѣ самому. Я надѣюсь, что онъ и заочно не откажетъ въ своемъ благословленіи мнѣ и дѣтямъ. Та дочь, на крестинахъ которой онъ былъ, на дняхъ еще была при смерти и теперь еще не вышла изъ опасности. Примите пожалуста, дружескій поклонъ и увѣреніе въ совершенномъ уваженіи. Вамъ преданный А. Хомяковъ.

2.

Не знаю почему, любезный Николай Дмитріевичъ, хотѣлъ я къ вамъ писать изъ Москвы, а не изъ деревни. Письмо бы было, вѣроятно, совершенно того же самаго содержанія, но вѣдь самъ не знаешь, отъ чего западаетъ въ голову какая-нибудь мысль или фантазія. Только по милости этой фантазіи я промедлилъ слишкомъ полтора мѣсяца, проведенныхъ мною въ деревнѣ, поневолѣ, по разнымъ обстоятельствамъ, а особенно по налету вѣтряной оспы на всѣхъ дѣтей по очередно. Вотъ пишу вамъ почти подъ Новый годъ и поздравляю васъ съ нимъ. Конечно, вы получите эти строки, когда ужъ годъ будетъ давно не новый, но все равно. Узнаете, что кто нибудь, очень отъ васъ далеко, въ это время, отъ всего сердца пожелалъ вамъ всякаго добра и счастія, успѣховъ, здоровья и веселой, слѣдовательно и небезплодной дѣятельности. Благодарю васъ и искренно благодарю за ваше милое письмо и за то, что беретесь передать мою просьбу Иннокентію. Добрая мысль пришла вамъ отправиться на службу въ Сибирь. Не даромъ спорилъ я съ вашимъ батюшкою, когда онъ (едва ли впрочемъ съ убѣжденіемъ) нападалъ на такую центробѣжную прихоть, какъ онъ ее называлъ. Вамъ не придется никогда въ этомъ раскаяться: это видно и изъ вашихъ писемъ, и изъ любопытныхъ статей. Много хорошихъ и живительныхъ и серьезныхъ воспоминаній вынесете вы изъ того края, много сохраните силъ, такъ легко растрачиваемыхъ въ молодости; но надобно признаться, что добрая мысль въ васъ вознаграждена

*) Смерть супруги. *Изд.*

счастіемъ неожиданнымъ: близкимъ знакомствомъ съ такимъ человѣкомъ, каковъ Иннокентій. Вездѣ такіе люди не на всякомъ перекресткѣ; но у насъ, встрѣтить героя, въ землѣ, отличающейся стереотипнымъ безсмысліемъ взгляда и улыбки и стереотипною пустотою сердца и головы—это удача, которою можно смѣло назвать милостію Божіею. Она не можетъ не отозваться на всю жизнь: въ ней цѣлое воспитаніе ума и души.

Пожалуста, не лѣнитесь писать и печатать о томъ краѣ, и если можно пріобрѣтите нѣкоторыя познанія въ языкахъ (составляя краткіе словари). Этотъ трудъ, ничего не стоющій, никогда не остается безплоднымъ. Сборъ словъ совсѣмъ не то, что наборъ словъ: онъ всегда ведетъ къ мысли и къ выводамъ часто вовсе неожидаемымъ. Вы улыбнетесь этому выводу филолога, а все-таки повѣрьте.

Прощайте и будьте здоровы. Пользуйтесь своею теперешнею бодрою жизнью. Вялаго времени много впереди. Вамъ отъ души преданный А. Хомяковъ.

Декабря 28 дня 1853 г.

Довольно забавно, что почти по той же почтѣ, по которой я получилъ ваше письмо, пришло ко мнѣ письмо изъ Америки съ береговъ Миссиссипи *). Цѣлый обхватъ земли безъ малаго!

---

*) Отъ одного изъ представителей тамошнихъ Унитаровъ, доктора Паркера. Отвѣчалъ ли на него А. С. Хомяковъ, мы не знаемъ. *Изд.*

Къ протоіерею Евгенію Ивановичу Попову.*)

Получ. 29 Марта 1848 года.

Милостивый государь Евгеній Ивановичъ!

Помните ли вы или нѣтъ Русскаго путешественника, который имѣлъ счастіе познакомиться съ вами прошлаго года, въ Августѣ мѣсяцѣ? Если уже и забыли, все-таки будьте такъ добры—не сердитесь за то, что онъ теперь письменно навязывается вамъ на память: ему смертельно не хочется, чтобы вы его совершенно забыли.

Оставивъ Лондонъ, гдѣ мнѣ было во многихъ отношеніяхъ такъ хорошо и отрадно, гдѣ я находилъ такъ много добраго и поучительнаго, побывалъ я въ Парижѣ, который я уже издавна зналъ, но не любилъ. Жена моя порадовалась тамъ на картинную галлерею, а города также не полюбила. Лондонъ ей испортилъ Парижъ. Слава Богу, что васъ судьба не призвала въ этотъ городъ. Грустна бы вамъ была въ немъ жизнь; не нашли бы вы въ немъ никакого сочувствія, ничего серіознаго и достойнаго обратить на себя вниманіе человѣка понимающаго достоинство человѣческое. Все мелко и какъ-то размелчаетъ душу. Потомъ, черезъ Бельгію, въ которой я убѣдился, что Католицизмъ мало-по-малу вытѣсняется такъ называемымъ либерализмомъ, т.-е. равнодушіемъ религіознымъ, переѣхалъ я опять въ Германію; поскучалъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, въ которомъ не нашелъ ни Шеллинга, ни Неандера, и воротился сухимъ путемъ на Святую Русь.

---

*) Настоятель посольской нашей церкви въ Лондонѣ, Е. И. Поповъ род. въ 1813 г., ум. 15 Октября 1875 г. *Изд.*

Кажется, мнѣ путешествіе принесло нѣкоторую пользу, не столько въ томъ отношеніи, что я узналъ многое мнѣ неизвѣстное (особенно въ Англіи), сколько въ томъ, что, отдѣлившись на время отъ своего домашняго, я опять могъ взглянуть на домашнее освѣженнымъ глазомъ и съ бо̀льшимъ безпристрастіемъ.

Петербургъ обратилъ первый мое вниманіе. Для человѣка, прокатившагося по Европѣ, очень разительна въ Петербургѣ вся нелѣпость его притязаній быть городомъ Европейскимъ. Даже въ вещественномъ смыслѣ онъ уже и потому не Европейскій городъ, что ровно ничего въ немъ нѣтъ для удобствъ житейскихъ. Все въ немъ дорого, въ три раза дороже дорогаго Лондона, и все неудобно: нѣтъ ни одного порядочнаго трактира не только Англійскаго, но даже Московскаго. Вонь, грязь и безпокойство. Въ умственномъ отношеніи другое дѣло. Я думаю и даже увѣренъ, что нигдѣ нѣтъ общества просвѣщеннѣе Петербургскаго; но это просвѣщеніе своего рода. Оно ограничивается однимъ пониманіемъ. Все понимаютъ, ничему не сочувствуютъ. Такое просвѣщеніе грустнѣе невѣжества. Администрація идетъ своимъ ходомъ, своимъ отчасти канцелярскимъ, отчасти государственнымъ ходомъ; торговля идетъ своимъ ходомъ; наука (въ тѣсномъ смыслѣ заучиванія чужихъ знаній и мыслей) своимъ ходомъ, а общество не идетъ совсѣмъ. Умственное праздношатаніе, сопряженное съ насущнымъ удовлетвореніемъ житейскихъ потребностей, вотъ и все. Для послѣдняго есть Россія, которой соки притягиваются къ Петербургу; для перваго—Европа, которой умственныя произведенія туда же прилываютъ для праздныхъ досуговъ лѣнивой мысли. Торговля есть въ Петербургѣ, но онъ не торговый городъ; есть наука, но онъ равнодушенъ къ наукѣ и такъ далѣе. Петербургъ есть совершеннѣйшій дармоѣдъ въ цѣломъ мірѣ. Правительственные люди, которыхъ я тамъ видѣлъ и изъ которыхъ я многихъ уважаю, внушили мнѣ глубокое состраданіе. Я, проѣзжій, имъ сочувствовалъ; а то, что̀ окружаетъ ихъ, не сочувствуетъ нисколько ни трудамъ ихъ, ни цѣлямъ. Очень странное положеніе.

Наконецъ, воротился я въ свою Москву, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ. Я, право, гордъ Москвою, и, странно сказать, я чувствую въ ней какое-то родство съ Лондономъ и Англіею, не смотря на то, что нѣтъ между ними никакого видимаго свойства. Теперь начался Великій Постъ, и онъ мнѣ напоминаетъ Англійское Воскресенье; но у насъ выраженіе духовности въ жизни торжественнѣе, полнѣе и разумнѣе (ибо праздникъ не долженъ бы глядѣть постомъ). Встрѣчаю своихъ знакомыхъ раскольниковъ и вспоминаю, какъ я слышалъ недалеко отъ Беркелей-сквера поученіе какого-то бродящаго диссидента, окруженнаго толпою слушателей изъ простаго народа. Въ обоихъ мѣстахъ религіозный интересъ хоть и дурно направленъ, но очевидно серьозенъ и живъ, т.-е. люди вѣруютъ или, по крайней мѣрѣ, искренно желаютъ вѣрить. Наконецъ, въ обществѣ есть довольно сильная умственная дѣятельность. Недавняя перемѣна въ начальствѣ Университета*) была происшествіемъ для города не потому, чтобы у этаго начальства были значительныя связи, а потому, что общество дорожитъ Университетомъ и его успѣхами. До сихъ поръ не умолкаютъ вопросы, конечно мелкіе, объ общественной благотворительности, о богоугодныхъ балахъ, о нравственномъ вредѣ отъ баловъ для дѣтскаго возраста, о неприличіи общественныхъ увеселеній во время поста и т. д. Конечно болѣе или менѣе эти явленія неважныя, но все-таки они свидѣтельствуютъ о требованіи вопросовъ нравственныхъ и о желаніи участвовать въ нихъ. Есть и дѣятельность литературная, хотя безъ сомнѣнія недостаточная, но хорошо направленная и исходящая отъ безкорыстной любви къ правдѣ и добру. Между прочимъ недавно вышла весьма дѣльная статья Шевырева въ оправданіе его лекцій о Русской словесности противъ нападковъ Надеждина; «Москвитянинъ» сталъ выходить исправнѣе прежняго; въ Петербургѣ молодые люди, вышедшіе изъ здѣшняго Университета, стали издавать журналъ «Сѣверное Обозрѣніе» въ духѣ нашего направленія; обѣщаютъ газету въ томъ же смыслѣ и пр.

---

*) Д. П. Голохвастовъ заступилъ графа С. Г. Строгонова въ должности попечителя Московскаго учебнаго округа. *Изд.*

Конечно, такая дѣятельность все еще мелка: люди здѣшніе не Пальмеры; но должно принимать въ соображеніе особенности положенія и обстоятельствъ. Важно не количество явленій, а направленіе; и это-то направленіе можно смѣло похвалить. Сколько людей, сколько обществъ порадовалъ я разсказами про Англію, про ея духовную жизнь, про ея теперешнее стремленіе! Съ радостію могу сказать, что я встрѣтилъ особенное сочувствіе въ нашемъ пастырѣ Филаретѣ. Онъ спросилъ у меня, между прочимъ, знаю ли я васъ, и на мой утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ, что считаетъ особеннымъ счастіемъ ваше пребываніе въ Лондонѣ въ теперешнее время. Я вамъ это сообщаю потому, что знаю, что и вы не можете быть равнодушны къ отзыву такаго человѣка. Важность его дѣятельности и общее къ нему уваженіе возрастаютъ съ каждымъ годомъ*).

За всѣмъ тѣмъ не скрою, что много и другаго проявляется безпрестанно, что у насъ идетъ борьба, и борьба не легкая; да вѣдь такова общая судьба человѣчества. Есть по крайней мѣрѣ надежда на успѣхъ, а этаго нельзя сказать ни объ одной землѣ въ Европѣ, кромѣ Англіи; да и Англія не устоитъ безъ помощи отъ насъ, т.-е. отъ того Божественнаго начала, которое Провидѣнію угодно было поручить Россіи.

Извините меня въ томъ, что я взялъ смѣлость приложить здѣсь письмо къ любезному нашему Пальмеру и не откажитесь доставить его и взять трудъ прочитать.

Жена моя и дѣти просятъ вашего заочнаго благословенія. Надѣюсь, что вы не откажете въ немъ и вашему преданному

А. Хомякову.

Февраля 21 дня 1848 года.

Если вы будете такъ добры, что вздумаете отвѣчать, то адресъ мой: Москва, у Николы въ Пескахъ, на Собачьей площадкѣ, собств. домъ, Алексѣю Степ. Хомякову.

---

*) Отношенія А. С. Хомякова къ м. Филарету были позднѣе нарушены какимъ-то доселѣ неуясненнымъ обстоятельствомъ: въ письмѣ его къ архимандриту Антонію (т. 4-й, стр. 41) вскользь упоминается о „суемудріи г-на Хомякова“, безъ объясненія, въ чемъ оно состоитъ. *Изд.*

Къ В. А. Елагину*).

(Бучарово, 1852).

Любезный Василій Алексѣевичъ! Посылаю вамъ совершенно готовый списокъ брошюрки, которую желалъ бы видѣть напечатанною за границею, и письмо къ Пальмеру. Вамъ, можетъ быть, любопытно будетъ видѣть конецъ твореньица, котораго болѣе половины я вамъ прочелъ. Надѣюсь, что вы будете имъ довольны; кажется, не смотря на рѣзкость выраженій, конецъ такъ миротворенъ и доброжелателенъ, что не долженъ оставлять въ читателѣ дурныхъ чувствъ. Что вы скажете объ этомъ?

По какому же случаю письмо къ Пальмеру? А вотъ какъ. Я совершенно неожиданно получилъ отъ него отвѣтъ съ извѣщеніемъ, что всѣ мои посланія дошли до него. Онъ очень благодаритъ, а толку нѣтъ. Его такъ бѣднаго ошибло Православіе глупымъ упрямствомъ патріарховъ и непонятнымъ равнодушіемъ Синода, что онъ уже не знаетъ что дѣлать. За нимъ католики сильно ухаживаютъ, бомбардируютъ его письмами, представляютъ въ самомъ хитромъ видѣ все то, чѣмъ мы виноваты въ теперешнее время противъ всего, можно сказать, человѣчества, и зовутъ его настойчиво въ Римъ. Онъ очевидно колеблется, не смотря на то, что его умъ осуждаетъ Римскія измѣненія въ догматахъ. «Но развѣ я не могу ошибаться?» говоритъ онъ. «Церковь лучше человѣка должна понимать истину; и такъ нужно прежде всего сказать себѣ, гдѣ Церковь? Можетъ ли

*) Василій Алексѣевичъ Елагинъ (род. 2 Іюня 1818, скончъ. въ Дерптѣ 11 Іюля 1879), старшій сынъ Авдотьи Петровны и Алексѣя Андреевича Елагиныхъ и единоутробный братъ Ивана и Петра Васильевичей Киреевскихъ, человѣкъ обширнаго и самостоятельнаго ума, отличный знатокъ Средневѣковой исторіи, помѣщавшій статьи свои (большею частью безъ подписи) въ „Русской Бесѣдѣ“ (о Венгріи) и въ „Днѣ“. *Изд.*

она быть въ своемъ не-невольномъ, но произвольномъ рабствѣ (въ Россіи) истинною Церковью? Ибо о Греціи говорить теперь нечего: она сама отталкиваетъ насъ. Свобода и любовь къ человѣчеству и къ каждому человѣку не-неотъемлемые-ли признаки ея? А этаго нѣтъ въ двухъ отдѣлахъ Православія. Умъ мой противъ Рима; но нравственныя убѣжденія противъ Греціи, если она не измѣнитъ своей упрямой безчувственности къ духовнымъ требованіямъ человѣковъ-братіевъ, и противъ Россіи, если она не покажетъ хоть какихъ нибудь признаковъ своей духовной свободы». Страшныя слова! Въ письмѣ моемъ къ Пальмеру я стараюсь доказать ему, что онъ не совсѣмъ правъ; но, можетъ быть, брошюрка подѣйствуетъ сильнѣе письма.

Это дѣло общее, и поэтому я, не церемонясь, васъ прошу принять на себя нѣкоторый трудъ. Конечно я найду какое нибудь средство отправить статью изъ Петербурга, по крайней мѣрѣ надѣюсь найти; но если бы можно найти эти средства прямо изъ Москвы, было бы еще лучше. Нѣтъ ли какихъ нибудь благонадежныхъ Англичанъ, отъѣзжающихъ къ себѣ? Если можно, поговорите или съ консуломъ Англійскимъ, объясняя ему, что вы избѣгаете почтоваго расхода и потому желали бы посылку послать съ оказіею, или съ пасторомъ, которому можете сказать, что посылка содержитъ въ себѣ богословскія разсужденія. Если бы нашлась оказія вѣрная, это было бы лучше возни съ Петербургомъ; но по теперешнему положенію Пальмера желательно бы было эту посылку доставить ему поскорѣе; и если бы въ теченіе двухъ недѣль не было въ виду никакой благонадежной оказіи, я бы попросилъ васъ меня увѣдомить, и тогда я уже рѣшусь попробовать успѣха въ II-гѣ черезъ княгиню Волконскую [1]), или кого нибудь другого. Я у васъ не прошу извиненія въ томъ, что утруждаю васъ, ибо знаю, что это дѣло вашему сердцу такъ же близко какъ и моему.

Какъ-то вы поживаете въ Москвѣ? Каково здоровье ваше и Катерины Ивановны? [2]) Какова матушка ваша и Марья Васильев-

---

[1]) Княгиня Софья Григорьевна Волконская, супруга министра императорскаго двора, часто ѣздила въ чужіе края. *Изд.*

[2]) Супруга В. А. Елагина, урожденная Мойеръ. *Изд.*

на?[1]) Я же въ деревнѣ живу себѣ помаленьку; не совсѣмъ лѣнюсь и не совсѣмъ доволенъ своимъ трудолюбіемъ; но мало-по-малу, кажется, начинаю чувствовать, что напряженность труда становится мнѣ легче и что позывъ на пустоту и праздность становится меньшимъ противъ прежняго. Впрочемъ, грѣхъ сказать, чтобы успѣхъ трудовъ помогалъ бы мнѣ въ борьбѣ съ привычкою къ лѣни. Кажется, Пальмеръ уйдетъ, а съ другой стороны слышно (не знаю, прада-ли?), что 2-й № Сборника запрещенъ. Не слыхали ли вы про это? А все-таки должно трудиться, хоть и безъ надеждъ. Впрочемъ что бы ни было въ сношеніяхъ съ Угличанами [2]), а признаюсь, меня любопытство беретъ узнать, что скажутъ на мою статью и какъ отвертываться будутъ западныя ученія. Вѣдь эта собственно перчатка, брошенная имъ, а особенно Католицизму съ предложеніемъ поля, свободнаго для битвы, безъ вмѣшательства силъ политическихъ. А то какъ-то нечестно идетъ бой, перестрѣлка изъ засады. Наши палятъ въ Россію подъ прикрытіемъ власти свѣтской; а они стрѣляютъ подъ прикрышей Австріи или другихъ державъ, и невольно вспомнишь, не смотря на всю важность дѣла: «Моя рубиться любитъ честь. Моя колоться. Что жъ? Дуэль не состоялась». Впрочемъ они безспорно трусливѣе насъ. Я недавно узналъ, что вѣдь папа-то отказался отъ своей энциклики и объявилъ, что дескать знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, откуда она взялась и кто напечаталъ и кто распустилъ. Хорошъ! Не правду ли я говорю, qu'ils ont une callosité à l'endroit de la vérité; но за то что за мастера заманивать! Хоть бы теперь съ Пальмеромъ. «Мы съ вами не споримъ; но только будьте справедливы. Вы перебывали въ П-бургѣ, въ Аѳинахъ, въ Царьградѣ, побывайте въ Римѣ». А послушайся, такъ ужъ едва ли живаго выпустятъ, если не удастся соблазнить или подкупить. Я бы ему не посовѣтовалъ ѣхать, но неловко писать такое предостереженіе.

Вотъ затрудненіе, любезный Василій Алексѣевичъ. Надобно по обѣщанію писать къ Григорію о письмѣ Пальмера; какъ

---

[1]) Дѣвица Марья Васильевна Киреевская, единоутробная сестра В. А. Елагина (род. 1811, ум. 1859). *Изд.*

[2]) Такъ Хомяковъ называетъ Англичанъ. *Изд.*

же объяснить повѣжливѣе, что̀ удерживаетъ его отъ присоединенія къ Русской церкви? Собственно-то говоря, выходитъ, что Пальмеръ называетъ Синодъ соборомъ . . . , и это я долженъ сказать члену Синода, а совѣсть не позволяетъ скрыть. Помогите! Риторика и книга како писати комплименты. Ужъ не попросить-ли Свербеева? [1])

Слышали вы, что древнехранилище Погодина куплено казною для Москвы? Коссовичъ пишетъ и, разумѣется, присоединяетъ диѳирамбъ бар. Корфу. Корфъ говоритъ, что статьею И. В. [2]) онъ доволенъ, но Аксакова статья вредна, а чѣмъ именно? Тѣмъ, что онъ не объяснилъ, почему общинный бытъ уже теперь не годится, т. е. виноватъ не тѣмъ что̀ сказалъ, а тѣмъ, чего не сказалъ. Хороши эти судьи! Кстати, не знаетъ ли Погодинъ, какъ бы рукопись перевезти въ Англію?—Вамъ мой приказчикъ принесетъ вексель переводный въ Англію (250 р. сер.); пожалуста вложите его въ пакетъ Пальмеру и запечатайте.

---

[1]) Д. Н. Свербеевъ нѣкогда служилъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. *Изд.*

[2]) Киреевскаго. *Изд.*

Къ Степану Петровичу Шевыреву.

1.

Сколько вамъ препорученій![1]) Да не спрашивайте у Итальянцевъ о Славянахъ: мы для нихъ варвары. Любезный Степанъ Петровичъ, полюбите Италію, наберитесь ея воздуха, ея воспоминаній и привезите ихъ намъ. Я немного ее видѣлъ, и мало времени удалось мнѣ ею напитываться; за то теперь съ горемъ чувствую, что я ее уже утратилъ. Но, проѣзжая черезъ Славянскія земли въ южной Австріи, говорите какъ можно болѣе съ жителями: васъ будетъ веселить ихъ радость, и хорошо напоминать имъ иногда о Россіи. Они своихъ сѣверныхъ братьевъ рѣдко видятъ. Прощайте, веселитесь, благодарите судьбу и пожалѣйте о насъ. Здѣсь ужаспое однообразіе.

Приписка Венелина. Не слушайтесь нашего любезнаго Хомякова; хотя бы Славянъ Италійскіе Латыны и почитали варварами, но если они сами просвѣщенны, непремѣнно сумѣютъ сказать о нихъ свое просвѣщенное мнѣніе; это для того, что, можетъ быть, не возвратитесь черезъ землю Славянъ: у обстоятельствъ свои причуды.

2.

Посылаю тебѣ, любезный Шевыревъ, еще переводъ для доставленія Мармье. Этотъ переводъ сдѣланъ, какъ ты знаешь, Павловою и весьма вѣренъ. Можетъ быть, ему любопытно будетъ знать, чѣмъ мы желаемъ блеснуть, и что матеріальная сила для насъ не идолъ.

3.

(1846).

Аксакову досталось отъ О. З.[2]); да онѣ, кажется, уже готовы и отъ Гоголя отступиться. Что за глупый народъ! У

[1]) Это письмо относится къ первой поѣздкѣ С. П. Шевырева въ Италію (до 1830 г.). *Изд.*

[2]) Отечественныхъ Записокъ.

нихъ на одномъ ряду Сервантесъ, Байронъ, Жоржъ-Зандъ и Беранже. Аксаковъ уалекся далеко; но если онъ будетъ продолжать брошюрку свою, то полагаю выйдетъ дѣльное. Онъ пояснитъ то, что безъ поясненія кажется смѣшнымъ и нелѣпымъ. Мысль его главная слѣдующая: «Искусство утратило вездѣ свою беззаботную свободу; въ немъ болѣе придуманнаго, чѣмъ самосозданнаго. Гоголь (какъ древніе и Шекспиръ) есть художникъ поневолѣ и безъ намѣренія». Въ этомъ много правды. О. З. говорятъ: «Гоголь зарожденъ В. Скотомъ; безъ В. Скота онъ былъ бы невозможенъ». Это просто безсмыслица. Ничего общаго нѣтъ между ними.

Первая статья твоя о Гоголѣ отличная. Я истинно благодаренъ тебѣ за нее; она можетъ многихъ образумить и пояснить странныя дисгармоніи въ душѣ многихъ читающихъ.

Читалъ ли ты Павскаго? Часть механизма языка порядочная, но что за этимологія! Просто смѣхъ. Мы отъ Римлянъ, отъ alec взяли слово лось, а въ Испаніи нѣтъ лосей, и alec Римскій животное почти баснословное. Отъ Нѣмцевъ (изъ слова Elz) составилось наше руда, между тѣмъ какъ оно въ прямомъ отношеніи къ слову жила и пр. Что за тупость! А трудъ великій и не совсѣмъ безполезный.

Еще хорошо: слово стерлядь у насъ не свое, а занято отъ западныхъ; а у нихъ стерлядей и нѣтъ.

4.

Начинаю поздравленіемъ: дай Богъ твоему маленькому Петру вырости большимъ Петромъ, милымъ, добрымъ, похожимъ на тебя: лучше трудно, безъ комплиментовъ. Замѣть, что я не сказалъ великимъ Петромъ, потому что по правдѣ не увѣренъ, не было ли у насъ и такъ лишняго великаго Петра.

О самомъ твоемъ посланіи скажу, что просто не понимаю, что за обѣщаніе мое, котораго я, кажется, Вяземскому не давалъ; что за пѣсня Русская, которой я и предмета не знаю и которую долженъ переложить на ноты Мейерберъ. Просто, какъ говоритъ Гоголь, не понимаю,—ничего не понимаю. Да по правдѣ сказать, если бы и понималъ, то ничего бы не могъ сдѣлать теперь.

1 Октября 1846 года.
С. Богучарово.

5.

(1847).

Виноватъ, любезный другъ, что пропустилъ почту, не отвѣчавъ тебѣ. Собрался было, а тутъ погода вышла теплая и тихая: пришлось ѣхать въ поле, а къ вечеру отъ скачки всего переломало, такъ и прогулялъ почту. Мнѣ очень досадно, что тебя не удалось мнѣ видѣть; мы обо многомъ поговорили бы съ тобою; ну, да это еще будетъ, когда пріѣзду на зиму въ Москву. Впрочемъ, если ты полагаешь, что я уѣхалъ такъ проворно, чтобы не выговориться, а собраться съ силами, да написать, такъ ты ошибаешься. Я смертельно радъ все высказать на словахъ, а къ письму не чувствую ни малѣйшаго позыва, и если бы ты потребовалъ отъ меня разсказа о моемъ путешествіи, то я просто не былъ бы въ состояніи исполнить это требованіе. Поэтому и статьи никакой обѣщать не могу; да и правду сказать, кажется, я кончилъ свое статейское поприще. Былъ у меня циклъ мысли, который мнѣ хотѣлось или, лучше сказать, который я считалъ себя обязаннымъ высказать: я это сдѣлалъ и не чувствую ни малѣйшаго желанія бесѣдовать съ публикою, для которой, кажется, все равно, что ни писано. Едва ли Петрушка не первообразъ Русской публики. По крайней мѣрѣ невольно склонишься къ этому мнѣнію, когда прислушаешься къ ея толку и суду. Такъ напр., я недавно слышалъ, что статьи Самарина хороши-дескать, да темны и неосновательны, а Кавелинская, хоть и не такъ хорошо писана, за то основательна и послѣдовательна. Горе беретъ съ такими читателями. Впрочемъ, конечно, не то причиною, почему я отказываюсь отъ статей. Будь поводъ или предлогъ къ статьѣ истинно-важной, я бы охотно взялся за перо и если напишется сводная статья для пополненія прежнихъ, то разумѣется я ею поклонюсь Москвитянину. Только не знаю, годится ли она, такъ какъ она будетъ, въ видѣ изслѣдованія, а слѣдов. едва ли годится въ журналъ. Впрочемъ это увидимъ тогда. Но, любезный другъ, вы для меня непонятны. Скажите пожалуйста, слыхано ли, чтобы человѣкъ, который собирается вербовать въ деревнѣ вольницу, ходилъ по улицѣ, да по щекамъ билъ всѣхъ тѣхъ, которые могли бы къ нему пойти въ охотники? Гдѣ будетъ вашъ

полкъ, когда *** отхваталъ на славу и безъ всякой вины съ ихъ стороны лучшихъ работниковъ? Меня зло взяло, когда я услышалъ про всю эту продѣлку. Я увѣренъ, что Чижовъ съ нынѣшняго года не можетъ приняться за изданіе, но съ другой стороны и не понимаю, какъ можетъ пойти изданіе у ***. Не думай, чтобъ я оправдывалъ отвѣты, напечатанные ему; однакожъ я долженъ признаться, что извинительны тѣ, у кого терпѣніе лопнуло. Я совсѣмъ бы не сталъ говорить про всю эту брань, если бы не говорили мы о журналѣ: говоря же о журналѣ, не могу не спросить: какія вы нашли новыя средства, лишивши себя всѣхъ прежнихъ? Не сердись за то, что я пишу вы. Я очень знаю, что ты тутъ ничѣмъ невиноватъ; но знаю также, что, взявшись за дѣло, ты потянешь изо всѣхъ силъ и вижу тебя къ концу будущаго года исхудалымъ, изможженнымъ и растратившимъ свои силы на безнадежный трудъ. Скажешь: не сложить же руки и глядѣть, какъ со всѣхъ сторонъ бьютъ и ругаютъ! Правда, да нѣтъ ли другихъ путей? Не лучше ли тебѣ или кому другому пустить еще въ ходъ книги двѣ Сборника. Критика запрещена въ Сборникахъ. Хорошо! При книгѣ объявить продажу за пятачекъ такого-то и такого-то разбора [1]) отдѣльными брошюрами. Я не совѣтую такъ сдѣлать, я только на твое сужденіе представляю одно средство; а можетъ быть вы придумаете десять другихъ лучше. Но на Москвитянинъ надѣяться мнѣ кажется невозможнымъ. Впрочемъ я всегда буду вашимъ, во сколько могу. Если я и тебѣ и Чижову отказываю въ статьяхъ, конечно это не по равнодушію къ дѣлу или къ людямъ, стоящимъ за это дѣло. Къ несчастію, я такъ лѣнивъ, что всякая статья отрываетъ меня отъ труда постояннаго [2]), и поэтому я долженъ только тогда позволять себѣ трудъ эпизодическій, когда вижу или чувствую въ душѣ необходимость высказать свою мысль.

Живу я въ деревнѣ хорошохонько и тихохонько. На дняхъ пишу къ Жуковскому и посылаю ему предисловіе и введеніе къ вещицѣ (не моей), которую онъ хочетъ перевести и издать въ Германіи [3]).

---

[1]) Т. е. критическаго. *Изд.*

[2]) Т. е. отъ Записокъ о всемірной исторіи. *Изд.*

[3]) Говорится о „Церковь одна“, см. II-й томъ. *Изд.*

6.

Лѣто (1856).

Да, любезный другъ, кругъ нашъ уменьшается, и какой человѣкъ изъ него выбылъ! Потеря невознаградимая, не говорю для насъ, а для мысли въ Россіи. Какъ судьбы Божіи ведутъ наше просвѣщеніе, не сообразишь; но не должно слабѣть или унывать. Смерть Киреевскаго была почти внезапная: съ сыномъ обѣдалъ очень легко (у него было маленькое разстройство желудка, продолжавшееся нѣсколько дней); послѣ обѣда легъ отдохнуть; черезъ часъ вскрикнулъ отъ боли; началась холера съ корчами. Доктора нескоро достали; передъ ночью пріобщался, а къ утру кончилъ. При смерти были Веневитиновъ и Комаровскій. Вотъ и все.

Кажется мнѣ, объ изданіи его сочиненій и думать нельзя. Первыя запрещены, послѣднія заподозрѣны и почти запрещены; но собрать ихъ надобно*). Бѣдная мать! Бѣдный Петръ Васильевичъ! Я больше всѣхъ боюсь за него. У него здоровье плохо, а душа нѣжнѣе женской. Съ Киреевскимъ для насъ всѣхъ какъ будто порвалась струна съ какимъ-то особенно мягкими звуками, и эта струна было въ тоже время мыслію. И когда же порвалась? Въ ту самую минуту, когда съ нея снята была тяжесть, мѣшавшая ей звучать. Странная судьба! Ты узналъ изъ газетъ, а я вотъ какъ. Я изъ Смоленской деревни пріѣхалъ въ 10 часовъ въ Понедѣльникъ и по расчету думалъ Киреевскаго найти въ Москвѣ; вхожу и спрашиваю: «Киреевскій здѣсь?»—«Какъ же. Его вчера привезли». Я долго не могъ понять. Грустно; но все же онъ не даромъ пожилъ и въ исторіи философіи оставилъ глубокій слѣдъ, хоть, можетъ быть, и не додѣлалъ своего дѣла.

---

*) Двѣ книги сочиненій И. В. Киреевскаго позднѣе были изданы; третья обѣщана въ печати, но до сихъ поръ не появилась. *Изд.*

Къ Николаю Филиповичу Павлову *).

Безконечно благодаренъ я тебѣ, любезный Павловъ, за твои милые стихи и за то, что ты меня этимъ дружески вспомнилъ; но эти стихи, они уже почти не ко мнѣ, не ко *мнѣ теперешнему*, а къ прежнему, дѣтски счастливому и отъ этаго помогавшему другимъ изрѣдка противъ скуки жизни. Этотъ *я* кончился, и странно тебѣ покажется, что я уже и не хотѣлъ бы его воротить, хотя могу о немъ поплакать. Странно тебѣ покажется, что я съ жизнью не желалъ бы связаться снова не только новымъ счастьемъ, которое, разумѣется, невозможно и даже воображенію противно, но возвратомъ прежняго счастья, если бъ онъ былъ дозволенъ волею Провидѣнія. Это не résignation, совсѣмъ нѣтъ: это глубокое и душевное одобреніе случившагося. И это тоже не недовольство жизнію (хотя разумѣется всякая любовь къ ней остыла), но новое пониманіе жизни и недовольство своими внутренними отношеніями къ ней. Это чувство, что *поживать* даже въ совершеннѣйшемъ счастіи (а совершеннѣе моего, кажется, не было) не значитъ еще *жить*.

Бѣдный мой Павловъ! На тебя много обрушилось сразу. Не нужно тебѣ говорить, какъ я тебѣ сочувствовалъ съ самаго начала и что я говорилъ и дѣлалъ все, что могъ сказать и сдѣлать. Видно такъ уже устроено, что человѣку не прожить на землѣ безъ ударовъ по головѣ или оплеухъ по лицу. И тѣ, которые повидимому счастливы во всемъ, уже получали, а другіе получатъ, а другіе уже получаютъ свои весьма болѣзненныя оплеухи. Такъ всѣмъ назначено. Хорошо, коли кто можетъ сказать себѣ: «получилъ, да не заслужилъ». Одно жаль, что никто объ себѣ этаго сказать не можетъ. Поэтому остается еще одно хорошее сказать себѣ: «получилъ не безъ заслуги, да и

*) Н. Ф. Павловъ (Грузинъ по своей матери), отмѣнно-даровитый сочинитель повѣстей, имѣвшихъ большой успѣхъ, издатель газеты „Наше Время“ и основатель „Русскихъ Вѣдомостей“. Изъ Перми, куда онъ былъ сосланъ, прислалъ онъ А. С. Хомякову стихи на день его рожденія (см. „Русскій Архивъ“ 1877, I, 264). Павловъ род. въ 1800 г., ум. 29 Марта 1864 г. *Изд.*

не безъ пользы». Въ этомъ всякій волент. Для этого нужно только нѣсколько разсужденія, да нѣсколько твердости. У тебя и того и другаго достатокъ, если захочешь. Была бы воля приняться за самаго себя. Грустишь ты, и какъ не грустить! Но, пожалуста, сохрани бодрость въ своей грусти. Дай ей большіе размѣры. Пусть она вызоветъ въ тебѣ художника, мыслителя; пусть вызоветъ она въ тебѣ все лучшее. Что впереди, то Богъ знаетъ; но подумай, чтобы не стыдно было вернуться, когда Богъ приведетъ вернуться. Всякое горе—родъ эмиграціи, а самое злое, что сказано было про эмигрантовъ это: «ils n'ont rien oublié et rien appris». Изъ горя человѣкъ не долженъ выходить Французскимъ эмигрантомъ.

Однакоже я вѣдь совсѣмъ не то хотѣлъ тебѣ писать, когда взялся за перо, а написалось. Я хотѣлъ тебѣ гораздо болѣе выразить, какъ глубоко я былъ тронутъ твоимъ дружескимъ воспоминаніемъ о моемъ нѣкогда такомъ веселомъ праздникѣ[1]). Говорятъ, въ счастіи трудно вспоминать; я думаю, въ горести труднѣе: она склоннѣе къ эгоизму, чѣмъ счастіе. Хотѣлъ еще сказать, что стихи твои очень милы, что они повторяются съ удовольствіемъ не однимъ тѣмъ, для кого они написаны и кто слѣдовательно нѣсколько подкупленъ, что тебѣ должно и очень должно заставлять насъ помнить о себѣ, а это совсѣмъ не то что просто не забывать.

А мы-то что? А мы себѣ здѣсь ничего. Былъ у насъ гость и гость дорогой, Титовъ. Дней десять провели вмѣстѣ; онъ какъ будто милѣе и сочувственнѣе сталъ, чѣмъ въ послѣдній пріѣздъ. Должно-быть отъ того, что нѣсколько мѣсяцевъ отсталъ отъ политики. А объ чемъ говорили? Легко вообразить по моему прощальному слову: «Видишь, другъ Титовъ, столько лѣтъ ты царилъ въ Константинополѣ-Стамбулѣ, а мы тебя познакомили съ старою Византіею». Поэтому ты можешь вообразить, что гораздо болѣе было рѣчи о Златоустѣ, чѣмъ объ Аполлонѣ[2]). Прощай покуда. Мы тебя не забываемъ и не забудемъ. Твой Ал. Хомяковъ. Мая 28 (1853).

---

[1]) Къ А. С. Хомякову, въ день его рожденія и именинъ (1-е и 20-е Мая), обыкновенно собирались на вечеръ и ужинъ его пріятели. *Изд.*

[2]) Въ стихахъ Н. Ф. Павлова сказано, что Хомякова благословили при рожденіи Златоустъ и Аполлонъ. *Изд.*

Къ Сергѣю Михайловичу Сухотину [1]).

Долго не отвѣчалъ я вамъ, любезный Сергѣй Михайловичъ. Письмо ваше получилъ я наканунѣ отъѣзда въ Данковъ. Парижане [2]) устроили такъ, что во всякомъ случаѣ протестъ нашъ опоздалъ бы, слѣдовательно, торопиться было не къ чему, а я кое-что хотѣлъ еще вамъ послать (что и посылаю): вотъ причины замедленія. А сплутовали Сушковъ и К°, да и сметали свою плутню на живую нитку такъ, что нельзя не замѣтить; впрочемъ бѣды въ этомъ большой нѣтъ. Можно будетъ впослѣдствіи напечатать отдѣльно три письма. Это мнѣ нужно, чтобы не казаться участникомъ въ духѣ ихъ журнала; но и тогда я оговорю, что жалѣю о недоразумѣніи, а въ плутнѣ своихъ передъ чужими обвинять не хочу. Надобно и то сказать, что они препорядочно безтолковы: не хотятъ печатать письмо къ епископу Жансенисту, потому что Жансенисты съ ними хороши, а того не разсуждаютъ, что именно поэтому-то и должно ихъ поставить въ безвыходное положеніе: пусть рѣшаются! Если у нихъ есть сочувствіе къ намъ, то можно надѣяться, что многіе изъ нихъ рѣшатся въ нашу пользу, и это шагъ огромный, а теперешнее ихъ сочувствіе ровно ни къ чему не ведетъ. Вообще журналъ будетъ имѣть тѣмъ болѣе успѣха, чѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе будетъ тонъ его. Хоть и пишетъ Сушковъ, что они Гагарина уничтожаютъ, но статей ихъ не вижу и боюсь не только ихъ слабости, но еще болѣе непониманія. Слово «Каѳоликъ» всѣ у насъ привыкли переводить въ смыслѣ всеобщаго, а истинное значеніе, значеніе Православное, забыто. Едва ли Сушковъ и догадается - то можетъ въ чемъ оно состоитъ, а Васильевъ [3]) немножко вѣтренъ. Вотъ

---

[1]) Гофмейстеръ С. М. Сухотинъ † 25 Мая 1886 г. Его Записки см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894 г. Въ 1860 году онъ находился въ Парижѣ и былъ въ сношеніяхъ съ С. П. Сушковымъ, однимъ изъ издателей богословскаго журнала „Union Chrétienne“. *Изд.*

[2]) Издатели журнала „Union Chrétienne“. *Изд.*

[3]) Іосифъ Васильевичъ, тогдашній протоіерей Парижской церкви. *Изд.*

почему я рѣшился написать прилагаемое письмецо. Если можно, пожалуста доставьте. Надѣюсь, что они не найдутъ его слишкомъ жестокимъ: Гагарина щадить нельзя. Сушковъ пишетъ, что они рѣжутъ Гагарина *тупыми* ножами. Ужъ не лучше ли *острыми*? Не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ за всѣ хлопоты, которыя вы уже приняли ради нашихъ писаній, и совѣстно бы было просить васъ еще объ оныхъ; но думаю, что, сочувствуя самому дѣлу, вы на меня пенять не будете за мою навязчивость, и этимъ себя передъ собою извиняю.

Послѣ письма вашего получено извѣстіе объ Аксаковѣ. Кажется, онъ рѣшительно внѣ опасности и долженъ поправляться; жаль только, что онъ того и гляди заупрямится и не поѣдетъ заграницу, что возстановило бы его здоровье вполнѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы онъ на время вырвался изъ окружающихъ его предметовъ, такъ сказать, прервалъ бы цѣпь воспоминаній, гнетущихъ его. Отъ него можно ждать многаго и добраго. Я говорю теперь какъ бы чужой ему и нисколько не какъ другъ, но только какъ человѣкъ, которому дорога правда и просвѣщеніе. Я увѣренъ, что въ наукѣ слова онъ очень еще подвинетъ нашу литературу и что ему отдадутъ справедливость даже тѣ подлые журналы, которые до сихъ поръ молчатъ объ его Грамматикѣ.

Что за житье въ деревнѣ, любезный Сергѣй Михайловичъ! Что за лѣто! Не знаю, природа не празднуетъ ли эманципацію; только бы эмансипація не подгорѣла какъ гречиха въ степяхъ. Здѣсь ни о чемъ не слыхать. Деревня Русская внѣ всякаго политическаго міра.

Прощайте. Примите дружескій поклонъ и увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности. Вашъ покорнѣйшій слуга

А. Хомяковъ.

Іюля 16 д., 1860 г.

Если братецъ Михаилъ Михайловичъ въ Москвѣ, пожалуста кланяйтесь ему отъ меня.

Къ графу Александру Петровичу Толстому[1]).

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ!

Когда вы нынѣшній годъ посѣтили меня болящаго въ Москвѣ, вы распрашивали меня объ нашемъ Тульскомъ архіереѣ Димитріѣ [2]). Я сказалъ вамъ свое мнѣніе, но теперь считаю обязанностью къ своему личному мнѣнію о немъ прибавить разсказъ о томъ, какъ выразилось мнѣніе общественное. Можетъ быть, вамъ уже это извѣстно; но разскажу на всякій случай.

Пріѣхалъ я въ деревню въ концѣ Іюня, и бездна хлопотъ долго мѣшала мнѣ быть въ Тулѣ, чтобы проститься съ нашимъ пастыремъ. Наконецъ, за три дня до его отъѣзда, былъ я у него вечеромъ наединѣ. Разговоръ, разумѣется, скоро обратился на его будущія дѣйствія въ Одессѣ по дѣламъ нашихъ единовѣрцевъ. Горячее его участіе въ ихъ жалкой судьбѣ, увлеченіе, съ которымъ онъ говорилъ объ нихъ, меня истинно порадовали, и вамъ пріятно будетъ знать, что вы будете въ немъ имѣть ревностнаго дѣлателя, совершенно чуждаго всякимъ личнымъ видамъ, всякимъ *любіямъ*, кромѣ человѣко- и правдолюбія. Особенно же, думаю я, будетъ пріятно вамъ слышать, какъ онъ говорилъ объ отношеніяхъ Грековъ къ Славянамъ. «Первое дѣло въ самомъ церковнослуженіи есть его дѣйствіе на душу и нравственную жизнь христіанъ. Если языкъ не понятенъ народу, мы впадаемъ въ Латинство, и въ одно время разрушаемъ единство молитвы между пастырями и паствою, и лишаемъ церковную службу всякаго духовнаго вліянія на домашнюю жизнь Христіанъ. Это важно во всѣхъ случаяхъ, а особенно въ народахъ непросвѣщенныхъ или неграмотныхъ».

---

[1]) Въ то время оберъ-прокурору Св. Синода, близкому знакомцу А. С. Хомякова еще по Турецкому походу 1828—1829 гг. *Изд.*

[2]) Преосв. Димитрій (въ міру Климентъ Ивановичъ Муретовъ), докторъ богословія, род. въ 1806 г., скончъ. 14 Ноября 1883 г. *Изд.*

На это я ему отвѣчалъ, что вѣдь тутъ еще важенъ вопросъ о Вселенствѣ, ибо народность и провинціализмъ не должны съ нимъ входить въ соперничество. «Именно такъ», сказалъ онъ: «это-то всего важнѣе. Отъ этаго самаго и не должно допускать совершеннаго преобладанія одной народности надъ другой; ибо такое порабощеніе въ дѣлахъ духовныхъ было бы полнымъ торжествомъ провинціализма, совершенно противнаго Христіанству и Вселенству». Меня поразилъ такой, кажется мнѣ, новый и высокій взглядъ на отношеніе Вселенства къ народамъ. Я оставилъ его очень поздно и съ чувствомъ удвоенной къ нему любви.—Но это все личныя мои впечатлѣнія, а вотъ какъ выразилось чувство общее. Три дня сряду отъ обѣдни до темнаго вечера приходили къ нему прощаться всѣ горожане и деревенскіе жители, случайно пришедшіе въ городъ. Ему положительно не давали даже обѣдать. Всѣ оружейники, всѣ мѣщане, женщины и мужчины, перебывали у него. Этого не довольно: всѣ, кажется, дѣти приходили просить благословенія. Онъ роздалъ имъ до пяти тысячъ крестиковъ. Наконецъ, въ день отъѣзда (онъ захотѣлъ уѣхать прямо изъ церкви, такъ какъ и пріѣхалъ прямо въ церковь), соборъ былъ биткомъ набитъ. Кремль также, площадь передъ воротами и низъ Кіевской улицы также. Онъ служилъ, какъ и всегда, съ большимъ чувствомъ. Священники и діаконы безпрестанно останавливались, чтобы отирать глаза. Послѣ обѣдни онъ вышелъ проститься: благодарилъ за любовь, которой не заслужилъ; потомъ просилъ прощенія за все, чѣмъ могъ передъ кѣмъ-нибудь провиниться. «Простите меня, вашего брата, какъ и сами просите, чтобы Господь васъ простилъ», прибавилъ нѣсколько словъ наставленія и увѣщанія и, наконецъ, просилъ, чтобы его не забыли въ молитвахъ,— живаго, чтобы Богъ далъ ему силы для исполненія долга на немъ лежащаго, или мертваго, дабы Господь простилъ ему его слабость въ исполненіи этаго долга. Онъ былъ сильно тронутъ самъ, и столько было слышно искренности въ его словахъ, что весь соборъ плакалъ навзрыдъ. Отъ собора до воротъ Кремля дошелъ онъ только часа черезъ два: такъ къ нему толпились. Губернаторъ и полиціймейстеръ хотѣли раздвигать народъ, но не могли. Мѣщане добродушно обнимали ихъ, упрашивая, чтобы имъ не

мѣшали проститься съ своимъ епископомъ. Въ воротахъ онѣ сѣлъ въ дорожную карету и ѣхалъ шагомъ въ густой толпѣ. Она его провожала не только до шлагбаума, но еще версты съ двѣ, и тогда только остановилась, когда онъ вышелъ, просилъ, чтобы его не огорчали видомъ такого труда, принимаемаго изъ любви къ нему, и еще разъ далъ общее всѣмъ благословеніе. Тутъ было что-то напоминающее первые вѣка церкви, и, конечно, одна уже такая сцена облагораживаетъ и очищаетъ общую жизнь.

Этаго не будетъ въ газетахъ, и слава Богу. Тамъ такъ много всякой лжи, оффиціальной и неоффиціальной, что такой прекрасной правдѣ тамъ не мѣсто; но я счелъ обязанностью разсказать ее вамъ, особенно послѣ разговора нашего о преосвященномъ Димитріѣ. Я увѣренъ, что эти подробности будутъ вамъ пріятны.

Къ своему разсказу присоединю просьбу, за которую вы на меня сѣтовать не будете. Въ Москвѣ производите вы, и великое вамъ за то спасибо, сильную реформу въ Синодальной Типографіи и ея чиновномъ людѣ. Хорошіе и способные люди нужны вездѣ, а изъ нихъ тѣ полезнѣе, которые еще къ тому спеціалисты. Есть въ Архивѣ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ нѣкто Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ, кандидатъ Московскаго Университета, человѣкъ души благороднѣйшей, нравственный и искренно вѣрующій, ума замѣчательнаго, *серьезно-ученый*, что у насъ очень рѣдко; филологъ первоклассный, какъ по древнимъ языкамъ, такъ и по Славянскимъ нарѣчіямъ и особенно по Церковно-Славянскому; наконецъ, человѣкъ, которымъ могъ бы гордиться любой Университетъ иностранный, а котораго у насъ въ Университетѣ съ ожесточеніемъ гонитъ вся партія «Русскаго Вѣстника» и пр. именно за его твердость въ направленіи религіозномъ и Русскомъ. Если вы его примите какъ совѣтника, или даже какъ столоначальника, вы и ему откроете путь, и мнѣ окажете величайшее одолженіе и сдѣлаете драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Конечно, вы можете усомниться, не увлекаетъ ли меня пріязнь; но я увѣренъ, что къ кому вы ни обратитесь изъ ученыхъ или духовныхъ, вы услышите тотъ же отзывъ. Такихъ людей, какъ Безсоновъ, у насъ очень немного.

Въ грустное время для меня пишу я къ вамъ, любезнѣйшій графъ. Я теперь, какъ и всегда въ постъ, говѣю, но въ нынѣшній разъ я нахожу въ этомъ трудѣ особенное и нужное мнѣ утѣшеніе. Я только что пріѣхалъ изъ Москвы, куда меня вызвала матушка; возвратился же я уже съ ея гробомъ, который поставленъ въ склепъ подъ прекрасною церковью *) ея строеніемъ, ея радостью. Конечно, естественна судьба дѣтей переживать своихъ родителей, еще естественнѣе было ожидать смерти послѣ осмидесяти-семи-лѣтней жизни; но такова была еще внутренняя живость и дѣятельность покойницы, такова свѣжесть сочувствій въ вопросахъ общественныхъ, во всемъ, что̀ касалось отечества и особенно вѣры, что, не смотря на слабость тѣлесную, казалось, ей еще не пришла пора умирать. И теперь еще какъ-то плохо вѣрится, что такое живое слово навсегда замолчало и такая горячая душа уже не будетъ бесѣдовать съ своими близкими. Въ домѣ и жизни все какъ-то становится мертвѣе и темнѣе. Впрочемъ это хорошо, чтобы самому своей очереди легче было ждать.

Прощайте, будьте здоровы и Богомъ хранимы въ вашихъ трудахъ и заботахъ. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности и дружескій поклонъ отъ вашего покорнѣйшаго слуги Алексѣя Хомякова.

(Іюнь 1857).

---

*) Мать Хомякова, Марья Алексѣевна, скончавшаяся въ Москвѣ 24 Іюня 1857 г., похоронена въ селѣ Богучаровѣ Тульской губерніи и уѣзда. *Изд.*

To the reverend G. Williams *).

Dear Sir,

I have been a long time without answering your kind and friendly letter, but I am sure you will excuse my silence. Since your departure from Moscow I have been visited by almost the greatest mis fortune, that could have happened to me, by the loss of my dearest friend and nephew Valouieff. The developement of his mind had certainly been directed by me, though he had lost nothing of that independance and originality of ideas which alone gives importance and power to the mental faculties of a man; but the rapid growth of his intellect, the seriousness of his disposition, the firmness of his character had soon brought us to a level of equality, where the difference of master and student disappeared. He was at once a son and a brother to me, so much, that in the last years his restless activity and his deep fee-

---

*) Подробныхъ свѣдѣній о г. Вильямсѣ у насъ не имѣется. Знаемъ только, что онъ былъ хорошо знакомъ Д. А. Валуеву и очень любимъ А. С. Хомяковымъ, къ которому заѣзжалъ въ деревню, по пути на Востокъ, въ пятидесятыхъ годахъ. Вильямсъ близко зналъ Востокъ, и ему обязаны мы изданіемъ послѣдняго тома капитальнаго труда Нилля (Neale)—Исторіи Восточной Церкви, на предисловіе къ которой (два тома) ссылается Хомяковъ во второй богословской книжкѣ своей. Послѣдній, посмертный томъ Нилля вышелъ въ 1873 году и заключаетъ въ себѣ исторію Антіохійскаго патріархата; къ нему приложено на 90 страницахъ введеніе, составленное Вильямсомъ, въ которомъ особенно цѣнны свѣдѣнія объ архитектурѣ въ Средней Сиріи, гражданской и церковной (подробное описаніе церкви, сооруженной вокругъ столпа Св. Симеона Столпника). Вильямсъ былъ Кэмбриджскій воспитанникъ, тогда какъ Пальмеръ „an Oxford man"; такимъ образомъ Хомяковъ черезъ нихъ былъ въ сношеніи съ двумя разсадниками Англійской науки. Въ книгѣ Нилля, изданной Вильямсомъ, онъ названъ такъ: Rev. George Williams, vicar of Ringwood; Late fellow of King's Colledge, Cambridge. *Изд.*

ling of Christian duty exerted on me perhaps a greater control, than I had ever exerted on him. And what shall I say about the angelic purity of his soul and the exquisite tenderness of his heart? A deep and extensive learning, an independent and powerful intellect, a serious an ardent love of truth, a total absence of egotism, a complete devotion to the moral interests of his country and still more of mankind, a warm Charity which was always, ready to relieve and soothe every misfortune and to externate every reproach, a virginlike chastity of life and thought, which could fear no seduction and a manly firmness of soul which no struggle could have frightened or broken,—such were the qualities of the friend I have lost. I knew, that I possessed all his affections, and you may judge what a blessing it was to have such a friend and what a sorrow to have lost him. He was generally beloved and appreciated, and the following words of a letter which I have lately received from one of our most distinguished young men, shows the extent and character of his influence on those who know him more particularly: «We have had our Revolution; we have fallen under a foreign and fatal influence (from the time of Peter); now the period of that influence is drawing to an end. Our mental fetters are breaking; our mental freedom is coming on rapidly; but the battle is not yet finished. Every one of us feels in himself either an inward struggle or at least the traces of it. Valoujeff alone seemed to belong to a future generation. In him the struggle was over and seemed to have left no sears. He was nothing but faith and love. That was the reason, why his activity could be so bold and indefatigable, why his action could be at the same time so powerful and so mild». I should dwell no longer on this subject, but I must add some words in explanation of a theological question. By the opinion I have expressed about Valouieff you can judge, how far inferior to him I think myself in all moral respects and how far more able I consider him to pray for me, that I am able to pray for him, and yet I do pray for his departed soul. Will the time come at last when the idea of love during life and love after death will banish the

un christian considerations of roman utilitarism in prayers? I am very thankful for the books, you have had the goodness to send me. Yet I think, that the work of M-r Williams about Resurrection is not quite, what it should have been. He seems to have mistaken darkness of mysticism for depth of doctrine and far fetched subtleties of scholastic theology for sound and undoubted explanations of the mysteries of faith. I know very well, that he may have been misled by the example of many holy Fathers of the earlier Church: but we should never forget, that though pure in life, sound in faith and often powerful in intellect, they paid a tribute to their age, which was an age of bad taste, and to their country, which was infected with a disordered passion for subtleties in science and for concettis and puns even in the expression of the most serious thoughts. Sparks of genuine feeling and warm christian love shine indeed in many places of M-r Williams work, but they are drowned in a flood of mystical divinations and loose their otherwise useful power. I readily admit, that some explanations, though certainly hypothetical, (f. e. about Mary Magdalene) are very ingenious aud show a brilliant intellect in the Author; but at the same time very important circumstances such as the fact of Christ's partaking of food and the prophecy to St. Peter and to St. John seem to be touched too slightly and not quite understood, though the difference of characters between the two great Apostles is finely and even patheticaly delineated. The other work «about historical unity» is much superior in its way and may be boldly commanded as a very useful one. It is certainly a very short extract of general history and composed without pretentions to high and deep learning, but shows in the author a vast deal of lecture, a perfect acquaintance with the present state of science and, excepting some weak parts, an enlightened Spirit of criticism. I am sorry, that the shortness of my leisure time does not allow me the liberty of entering into a more particular critic of the Work; but the faults which, I now remember as having been noticed by me during the first and rapid lecture, are the following: The Author has shown more justice, than is generally the case to

the emperors of Rome from Trajan to Constantine. Indeed no country perhaps can show in its history such a number of great or at least distinguished Sovereigns, as Rome. The tyrants (the persecution of Christians being out of the question), fools and even the princes which do not rise above the common level, do not make out a half of the emperors, and such a proportion is certainly seldom, if even, to be found. This circumstance is a very important one; as it shows, how deep rooted was the illness, which brought Rome to her fall, notwithstanding the virtues, bravery, genius and extraordinary exertions of her emperors. All this is very good, but the evil which corroded the strength of Rome, is not mentioned, and, what is still more important, the division of the empire in two halves is neither explained, nor almost spoken of, though certainly the most prominent fact in the history of reman decay. The migration of the German race into Western Europe, which forms the link between ancient and modern history and has given a new character to the world, is almost unnoticed. I must add, that this migration is commonly misunderstood. The direction of the first migration was evidently towards south-east (Goths, Vandals, Sueves, Alans, Burgundians, Herules, Gepids and others), and it continued so for more than two centuries: then it was turned suddenly and with an irresistible impulse towards west and south west bearing down the opposition not only of the Roman, but of the more potent German nations (Allemans and Francs). It was nothing indeed but a flight before the rebellion of the inhabitants of eastern Europe, i. e. of the sclavonic nations, who after a long suffering got rid at last of an oppressive and foreign aristocracy. No mention is made of the Byzantine empire and that is unjust. Its boundaries were weaker, longer and more exposed, than those of the western one; its enemies were mightier (Persia, the Caucasus, all the German tribes excepting the Francs and Allemans, all the Sclavonic tribes, the Avars, the Turkish Kurds), and more frightful, than all together; the whole strength of the Mahometan world—rushed on Byzance. Its population was thin and unwarlike, its Sovereigns with a few

brillant excéptions rather below than above the common level, and yet it withstood far more, than a thousand years longer, than the West. There was evidently a source of strength in that empire too generally and too deeply despised by the children of the Roman world. The author seems not to have remarked it, and yet Europe has been saved from the Arabs much more by the resistance of Bysance against the centre of Mahometan power, than by the victory of Pipin's son over a detached force. These are the remarks which now occur to my memory as being particulary important. I will not accuse the Author of a fault, which pervades the whole work. I mean his historical system which is nothing, but particularism, or—relating facts as they appeared in the order of time without any link between them excepting the will of Providence or Chance (as you may prefer to call it). The tendency of mankind towards unity is indeed supposed, but rather as a phenomenon (a Deus ex machina) than as a rational necessity. This is no fault of the historian. The logic of History or rather the necessity of such a logic has been forseen by some chosen minds (such as Vico, Bossuet, Hegel); but it has till now no existence and its absence cannot be considered as an accusation. The book is certainly one which merits commendation and esteem.

I say nothing of your two sermons, dear sir, and can only thank you for them. There is evidently between us more links of sympathy and mutual intelligence than is generally supposed. Time will do its work and these good feelings, though almost latent now, will bring their fruits.

Strange news are afloat. The see of Rome seems to rouse itself from a long sleep and to try if it cannot gain some profit by contemporary cravings for spiritual unity. This is certainly a wise and deep policy, and England, being in fact the most serious country in Europe, has been well chosen as the mark, towards which the first efforts must be directed. I have no very particular details about the question, but as much, as I can understand, a sort of Union is proposed, very much like the Greek Union in Poland and Hungary. This is evidently a confirmation of the principle which I have expres-

sed in my first letter to M-r Palmer: Rome can propose Union, and Unions are possible with the Church of Rome, as between nation and nation or sovereign and sovereign. Such contracts and treaties of peace are possible because they do not imply an inward and spiritual unity. They are not preceded by a deep, moral or dogmatical change in the feelings or ideas, nor do they require such a change. Rome will henceforward tolerate England: England will henceforward tolerate Rome, and in some questions (I suppose nomination to dignities, or solutions of disputes in law or some like business) a President, the Pope, will give his decisions. It will be a Church-Confederation not unlike the United States of America in political governement. No moral link is required, no inward Harmony sought for of even supposed. Warfare and quarrels are at the end. To speak seriously, though perhaps harshly, all this looks, in my opinion, like the carricature of the Angel's promise: peace and good will on earth»: the peace of tired enmity instead of the blessed unity of brotherly embrace, and the cold good will of philanthropy instead of the warm feeling of christian love.

My forebodings, expressed now more than fifteen yearsago, seem true in so far, as the work of protestantism is drawing to a conclusion. The protestant communities are rapidly thawing at both ends, towards romanism on one side, towards experimental analyzis (or infidelity) on the other; towards the Pope and Spinosa. In that respect it would seem, that this great historical event shall have passed away without any serious traces. In itself (as a Church) Protestantism finds its condemnation, for it ceases to exist. In its influence on Rome it appears evidently null; for the principles of Rome stand unchanged though linked with a greater Tolerance, which is at best (I mean in the higher regions of sciences and faith) nothing but doubt and indifference. Yet the result of Protestantism will evidently be immense, but only in a political sense: it will have given the right of civil liberty to infidelity and severed the State from the Church, which is right in the cotemporary ideas about State (I do not say they are the right ones). In another respect it will not be

quite useless in a negative sense. It will leeve Romanism torn and patched up and self covicted of inward weakness and rationalism; but will that be all.? I had expected another result, nor have I quite given up my hopes.

Is our century, too, spoiled by the sybaritism of Material comfort, able of a moral renovation? I do not think it worse, than any of the preceding ones; but it is and will always be a difficult thing for man to break off his habits and traditions and to undertake the task of penitence. Half measures, half concessions are much more easy than total renovation. That was the reason why a conditional return to Rome was more to be expected in the majority at least of English and other protestants, than a decided step towards the restoration of ancient unity which existed between East and West in the earlier centuries. Such was the thought I expressed in my first letter to M-r Palmer, and the events seem ready to justify my suppositions. The history of our time will in all probability show, that the difference in the Symbol*) is more important, though so seldom remarked or spoken off, and generally very lightly treated, than all the other differences in rites, ceremonies and doctrines between Protestant and Roman Communities which have so much been spoken or written about. The line of moral duty as well as of dogmatical truth seems to me quite evident; but passions (individual, national or hereditary) have a greater sway, than is generally supposed.

What is your opinion, dear sir, about all that? What are your expectations of good or evil from these essays of conditional alliances in matters of Faith? Will you be so kind as to let me hear of You and Your occupations? The loss of Valouieff has given a great shock to my health. Fits of ague, bilious affections and inflammation of the eyes have condemned me for some time to a painful idleness, though at present I feel myself restored to a comparatively good health. Do not, if you please, quite forget Your most devoted Alexis Khomecoff

J. 14, 1846. Moscow.

*) Creed. *Изд.*

Переводъ.

М. Г.!

Я очень долго не отвѣчалъ на ваше любезное и дружеское письмо, но я увѣренъ, что вы извините мое молчаніе, когда узнаете, что послѣ отъѣзда вашего изъ Москвы меня посѣтило чуть ли не самое ужасное горе, какое я могъ когда либо испытать: я лишился своего добраго друга и племянника Валуева.

Умъ его развился, конечно, подъ моимъ руководствомъ; но онъ ничего не утратилъ изъ той независимости и своеобразности мысли, которыя однѣ придаютъ умственнымъ способностямъ силу и значеніе. Развитіе его было такъ быстро, въ немъ было столько природной зрѣлости, такая твердость характера, что между нами скоро установилось то равенство, при которомъ исчезаетъ всякое различіе между учителемъ и ученикомъ. Онъ былъ для меня въ одно и тоже время и братомъ, и сыномъ. Даже въ послѣдніе годы онъ своею неусыпною дѣятельностью, своимъ глубокимъ сознаніемъ христіанскихъ обязанностей сильнѣе на меня дѣйствовалъ, чѣмъ я когда-либо на него. А что̀ сказать объ ангельской чистотѣ его души, о чуткой нѣжности его сердца? Глубокія, многостороннія познанія, независимый умъ, зрѣлая и горячая любовь къ истинѣ, совершенное отсутствіе эгоизма, всецѣлая преданность нравственнымъ интересамъ своего отечества и еще болѣе — всего человѣчества, горячая любовь къ ближнимъ, всегда готовая пособить чужому горю, смягчить всякій упрекъ, дѣвственная чистота жизни и мыслей, недоступная никакимъ искушеніямъ, мужественная твердость, которой не устрашила и не сокрушила бы никакая борьба—таковы были качества моего покойнаго друга. Я зналъ его привязанность ко мнѣ, и вы можете судить, какое было для меня счастіе имѣть такого друга, какое горе лишиться его. Всѣ его любили и цѣнили, и слѣдующія строки изъ письма, недавно мною полученнаго отъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ юношей, дадутъ намъ понятіе о значеніи и силѣ его вліянія на близкихъ ему людей *).

«У насъ была своя революція: мы подпали подъ чуждое и пагубное вліяніе (со времени Петра), но пора этого вліянія приходитъ къ концу. Наши умственныя оковы спадаютъ; минута нашего умственнаго освобожденія приближается, но битва еще не окончена: каждый изъ насъ чувствуетъ въ себѣ самомъ или внутреннюю борьбу, или, по крайней мѣрѣ, слѣдъ ея

*) Вѣроятно Кавелина, тогда еще очень близкаго къ Хомякову и Валуеву. См. письма Кавелина къ Валуеву въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900. *Изд.*

Одинъ Валуевъ какъ будто принадлежалъ будущему поколѣнію. Въ немъ борьба уже прекратилась и, повидимому, не оставила слѣдовъ. Онъ весь былъ любовь и вѣра. Вотъ причина, почему дѣятельность его была такъ смѣла и неутомима, почему онъ дѣйствовалъ такъ сильно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ кротко».

Я бы не сталъ останавливаться долѣе на этомъ предметѣ, но я долженъ прибавить нѣсколько словъ въ объясненіе одного богословскаго вопроса. Изъ высказаннаго мною мнѣнія о Валуевѣ, вы можете судить о томъ, насколько я ставлю себя ниже его въ нравственномъ отношеніи, насколько считаю его достойнѣе молиться обо мнѣ, чѣмъ мнѣ о немъ, и однако я молюсь за упокой его отшедшей души. Наступитъ ли, наконецъ, время, когда мысль о любви въ продолженіи жизни и о любви послѣ смерти изгонитъ антихристіанскія понятія Римскаго утилитаризма въ молитвѣ?..

Благодарю васъ за присылку книгъ. Мнѣ кажется, что книга Вильямса*) о Воскресеніи Спасителя не совѣмъ такова, какою ей слѣдовало быть. Онъ, повидимому, принялъ темноту мистицизма за глубину ученія и изысканныя утонченности схоластическаго богословія за трезвое и несомнѣнное объясненіе таинствъ вѣры. Я знаю, что его могли завлечь въ такое заблужденіе примѣры многихъ Св. Отцевъ первобытной Церкви. Но мы не должны забывать, что и отцы Церкви, не смотря на твердость ихъ вѣры, на святость ихъ жизни и на перѣдкую между ними замѣчательную силу разума, все же платили дань своему вѣку и отечеству, и что вѣкъ этотъ отличался дурнымъ вкусомъ, отечество было заражено страстью къ утонченностямъ въ наукѣ, къ игрѣ словъ и стихоплетеніямъ, къ которымъ прибѣгали даже для выраженія самыхъ серьезныхъ мыслей. Во многихъ мѣстахъ сочиненія г-на Вильямса есть однако проблески искренняго чувства и теплой христіанской любви; но они теряютъ свою плодотворную силу, исчезая въ потокахъ мистическихъ гаданій. Я готовъ допустить, что нѣкоторыя объясненія (хотя весьма гадательныя), какъ, напримѣръ, о Маріи Магдалинѣ, все-таки остроумны и показываютъ въ сочинителѣ блестящій умъ; но, въ тоже время, другія очень важныя событія затропуты слишкомъ легко и не вполнѣ поняты, какъ, напримѣръ, принятіе Спасителемъ пищи и пророческія слова, обращенныя къ апостоламъ Петру и Іоанну, хотя надобно прибавить, что различіе между характерами двухъ апостоловъ обрисовано тонко и даже драматично.

Другое сочиненіе «*объ историческомъ единствѣ*» гораздо замѣчательнѣе въ своемъ родѣ и можетъ быть смѣло признано

*) Однофамилецъ того, который переписывался съ А. С. Хомяковымъ. *Изд.*

за весьма полезную книгу. Это, конечно, только краткій очеркъ всеобщей исторіи, составленный безъ всякаго притязанія на высшую и глубокую ученость, показывающій впрочемъ, что сочинитель человѣкъ весьма начитанный, совершенно знакомый съ современнымъ состояніемъ науки и (за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей) обладающій даромъ тонкой критики. Жалѣю, что краткость досуга не позволяетъ мнѣ приняться за болѣе обстоятельный критическій разборъ книги; приходятъ теперь мнѣ на память слѣдующіе недостатки, замѣченные мною во время перваго и весьма бѣглаго ея чтенія.

Авторъ показалъ болѣе справедливости, чѣмъ это обыкновенно бываетъ, въ отношеніи къ Римскимъ императорамъ отъ Траяна до Константина. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли другое государство можетъ представить такое значительное число великихъ или, по крайней мѣрѣ, замѣчательныхъ государей; тираны (конечно, мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ гоненіе на христіанъ), безумцы и даже государи, стоявшіе не выше посредственности, не составляютъ даже половины всѣхъ императоровъ. Такая пропорція рѣдко, да и едва ли когда нибудь, встрѣчалась въ исторіи. Это обстоятельство очень важно; оно доказываетъ, какъ глубоко вкоренилась та болѣзнь, которая причинила паденіе Рима и которой не могли устранить ни добродѣтели, ни мужество, ни геній, ни необыкновенные подвиги императоровъ. Все это справедливо; но болѣзнь, истощившая силу Рима, нигдѣ не изслѣдована, и, что всего важнѣе, раздѣленіе Имперіи на двѣ половины не только не объяснено, но даже осталось почти неупомянутымъ, хотя нельзя не признать, что это событіе есть одно изъ самыхъ важныхъ въ исторіи паденія Рима. Переселеніе Германскихъ племенъ на Западъ Европы, составляющее связь между древнею и новою исторіею, давшее міру новое направленіе, также осталось почти неизслѣдованнымъ. Я долженъ прибавить, что переселеніе это понимается почти всегда ошибочно. Первое переселеніе, очевидно, направилось къ Юго-востоку (Готы, Вандалы, Свевы, Аланы, Бургунды, Герулы, Гепиды и другіе) и продолжалось болѣе двухъ вѣковъ. Потомъ, оно внезапно перемѣнило направленіе и неудержимымъ напоромъ устремилось къ Западу и Юго-западу, уничтожая передъ собою всякое сопротивленіе, не только со стороны Римскихъ, но даже и самыхъ сильныхъ Германскихъ племенъ (Алемановъ и Франковъ). Это, въ сущности, было не что иное, какъ бѣгство передъ подъемомъ обитателей восточной Европы, т.-е. племенъ Славянскихъ, которыя, послѣ многолѣтнихъ страданій, сбросили съ себя, наконецъ, тяжкій гнетъ чуждаго имъ господства. Нигдѣ также не упоминается о Византійской имперіи, а такое умолчаніе есть не-

справедливость. На границахъ своихъ, болѣе протяженныхъ, чѣмъ границы Западной Имперіи, она была слабѣе и болѣе открыта врагамъ; защита ея была труднѣе. Враги Византіи были могущественнѣе враговъ Рима. Персія, Кавказъ, всѣ Германскія племена, кромѣ Франковъ и Алемановъ, всѣ племена Славянскія, Авары, Турецкія шайки и, что всего ужаснѣе, вся сила Магометанскаго міра: все бросилось на Византію. Ея народонаселеніе было малочисленно и невоинственно; ея государи, за весьма немногими блестящими исключеніями, были ниже посредственности, и однако Византія продержалась цѣлымъ тысячелѣтіемъ долѣе Западной Имперіи. Очевидно, что въ ней былъ источникъ той терпѣливой, выдерживающей испытанія силы, которая была вообще въ слишкомъ глубокомъ презрѣніи у дѣтей Римскаго міра. Кажется, авторъ не замѣтилъ того факта, что стойкое сопротивленіе Византіи ударамъ, шедшимъ изъ центра Магометанскаго могущества, гораздо болѣе содѣйствовало спасенію Европы отъ Арабовъ, чѣмъ побѣды Пипина надъ отдѣльными ихъ силами. Вотъ тѣ замѣчанія, которыя приходятъ мнѣ на память и кажутся мнѣ важными. Я не стану осуждать автора за недостатокъ, преобладающій во всемъ его сочиненіи: я разумѣю его историческую систему, которая есть не что иное, какъ партикуляризмъ, или изложеніе фактовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они являлись во времени, безъ всякаго связующаго звена между событіями, кромѣ случая или воли Провидѣнія (какъ кому угодно называть его). Правда, что стремленіе человѣчества къ единству все-таки подразумѣвается имъ, но скорѣе какъ deus ex machina, чѣмъ какъ раціональная необходимость. Здѣсь историкъ невиноватъ. Логика исторіи, или скорѣе необходимость такой логики, была предчувствуема нѣкоторыми избранными умами (каковы Вико, Боссюетъ, Гегель); но она до сихъ поръ не существуетъ, и отсутствіе ея не можетъ быть вмѣнено въ осужденіе. Книга, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ несомнѣнной похвалы и уваженія.

Я не говорю о вашихъ двухъ проповѣдяхъ; я только могу благодарить васъ за нихъ. Очевидно, что между нами болѣе точекъ соприкосновенія, болѣе взаимнаго согласія и сочувствія, чѣмъ вообще предполагается. Время сдѣлаетъ свое дѣло, и эти добрыя, почти еще непризнанныя чувства принесутъ свои плоды.

Странные ходятъ слухи. Римская каѳедра какъ будто пробуждается отъ долгаго сна и пытается извлечь какую нибудь выгоду изъ современныхъ стремленій къ духовному единству; политика, конечно, умная и глубокая, и выборъ Англіи, какъ самой серьезной Европейской страны, на которую направлены

первые удары, вполнѣ удаченъ. Я не имѣю подробныхъ извѣстій объ этомъ вопросѣ; но, насколько я его понимаю, предполагается здѣсь что-то въ родѣ Греческой Уніи, существующей въ Польшѣ и Венгріи. Это видимое подтвержденіе того начала, о которомъ я выразилъ свое мнѣніе въ первомъ письмѣ моемъ къ Пальмеру. Римъ можетъ предлагать Унію, и Унія возможна въ Римской церкви, какъ возможны союзы между двумя народами или государями. Такіе мирные трактаты возможны потому, что они не предполагаютъ и не требуютъ внутренняго и духовнаго единства. Они не подготовляются глубокимъ, нравственнымъ и догматическимъ обновленіемъ въ чувствахъ и мысляхъ; они также не требуютъ такихъ перерожденій. Отнынѣ вѣротерпимость Рима распространяется на Англію. Англія отплатитъ Риму подобною же вѣротерпимостью, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ (какъ я полагаю: въ назначеніи духовныхъ сановниковъ, въ разрѣшеніи законодательныхъ или иныхъ подобныхъ вопросовъ) папа-президентъ будетъ давать свои рѣшенія. Это будетъ церковная федерація, нѣсколько похожая на политическое управленіе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь не только не ищутъ нравственнаго союза, не домогаются внутренняго единства, но даже существованія такого единства не предполагаютъ. Войнѣ и раздорамъ положатъ конецъ. Говоря серьезно, хотя можетъ быть и нѣсколько рѣзко, не похоже ли это на пародію на Ангельское благовѣстіе «на земли миръ, человѣкамъ благоволеніе»? Это миръ утомленной непріязни, а не святое единство братскаго объятія; это холодное благоволеніе филантропіи, а не горячее чувство христіанской любви.

Предчувствія, выраженныя мною болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, повидимому, оправдываются въ томъ, что дѣло Протестантства приходитъ, какъ кажется, къ концу. Протестантскія общины быстро разлагаются съ двухъ концовъ, исчезая съ одной стороны въ Латинствѣ, съ другой вдаваясь въ испытующій анализъ, иначе, въ полное безвѣріе, склоняясь къ папѣ или къ Спинозѣ. Можно полагать, что такимъ образомъ великое историческое событіе исчезнетъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ глубокихъ слѣдовъ.

Протестантство, какъ церковь, само себя осуждаетъ уже тѣмъ, что перестаетъ существовать. Въ отношеніи къ Риму его вліяніе очевидно ничтожно; ибо начала Римской церкви остаются неизмѣнными, хотя онѣ соединяются съ большею противъ прежняго долею вѣротерпимости, но эта вѣротерпимость (я говорю въ высшихъ областяхъ знанія и вѣры) есть не что иное, какъ сомнѣніе или равнодушіе. Послѣдствія Протестантства будутъ громадны только въ смыслѣ политическомъ: оно

дало невѣрію право гражданской свободы, отдѣливъ государство отъ церкви, что̀ кажется справедливымъ при современныхъ понятіяхъ о государствѣ (не говорю, чтобы понятія эти были вѣрны). Съ другой стороны, Протестантство не будетъ безполезно въ отрицательномъ смыслѣ. Оно оставитъ Римскую церковь растерзанною, кое-какъ сплоченною и уличенною во внутренней своей слабости, въ раціонализмѣ. Но неужели это все? Я ожидалъ другихъ результатовъ и еще не отказался отъ своихъ надеждъ.

Способенъ ли нашъ вѣкъ, избалованный матеріальнымъ удобствами, къ нравственному возрожденію? Я не думаю, чтобы онъ былъ хуже другихъ предшествовавшихъ вѣковъ; но всегда было и будетъ трудно для человѣка переломить свои привычки и преданія и приняться за трудное дѣло покаянія; полумѣры, полууступки гораздо удобнѣе, чѣмъ полное возрожденіе.

Вотъ почему нужно было скорѣе ожидать (по крайней мѣрѣ отъ большинства Англиканскихъ и другихъ протестантовъ) условнаго возвращенія къ Риму, чѣмъ рѣшительнаго шага къ возобновленію того древняго единства, которое въ первые вѣка Христіанства существовало между Востокомъ и Западомъ. Я выразилъ туже мысль въ моемъ первомъ письмѣ къ Пальмеру и, кажется, событія готовятся оправдать мое предположеніе. По всѣмъ вѣроятностямъ, исторія нашего времени докажетъ, что различіе въ символѣ вѣры, на которое такъ мало обращали вниманія, о которомъ такъ мало говорили, о которомъ упоминали лишь вскользь, важнѣе всѣхъ тѣхъ особенностей, отличающихъ Римскую церковь отъ Протестантской въ ученіи, обычаяхъ и обрядахъ, о которыхъ такъ много говорили и писали. Путь нравственнаго долга и догматической истины кажется мнѣ совершенно яснымъ; но страсти (личныя, народныя, наслѣдственныя) имѣютъ гораздо больше силы, чѣмъ вообще предполагаютъ.

Что̀ думаете вы обо всемъ этомъ? Какой ожидаете вы пользы или какого вреда отъ этихъ попытокъ условныхъ союзовъ въ дѣлахъ вѣры?

Потрудитесь увѣдомить меня о себѣ и о занятіяхъ вашихъ. Потеря Валуева сильно потрясла мое здоровье. Лихорадочные припадки, желчныя страданія и воспаленіе глазъ осудили меня на время на тягостное бездѣйствіе; но теперь я чувствую, что возвращается сравнительно-доброе здоровье.

(1846)

Къ М. А. Максимовичу [1]).

24 Ноября 1839 г.

Пусть успѣхъ увѣнчаетъ ваши труды! Названіе *Кіевлянина*, которое вами избрано, очень счастливо, и въ этомъ словѣ много. Пора Кіеву отзываться Русскимъ языкомъ и Русскою жизнью. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями.

Съ истиннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ стихи, которые внушены мнѣ именно названіемъ вашего журнала [2]) и которые (дурны ли, хороши ли) вылились изъ-подъ моего пера, какъ только голова и сердце успокоились отъ недавнихъ ударовъ [3]). Желаю, чтобы полученіе этой пьесы [4]) было вамъ хотя въ половину такъ пріятно, какъ мнѣ пріятно посылать ее.

---

[1]) Изъ книжки Максимовича: „Письма о Кіевѣ“, не вошедшей въ Собраніе его сочиненій и напечатанной Н. П. Барсуковымъ (С. П. Б. 1871, стр. 16).

[2]) „Кіевлянинъ“ не былъ журналомъ, а только сборникомъ. *Изд.*

[3]) Кончина дѣтей и единственной сестры, Анны Степановны. *Изд.*

[4]) Это было стихотвореніе „Кіевъ“. *Изд.*

Къ неизвѣстному лицу.

Эмсъ 8 Іюля 1847 г.

Я оставилъ у Ганки еще другую пьесу, начинающуюся такъ:

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва! и пр. и пр.

Такъ что очевидно Прага на меня подѣйствовала очень сильно *). Ганка просто чудный человѣкъ. Онъ мнѣ обрадовался и меня обрадовалъ. Ничего не могло быть лестнѣе его привѣта. Когда я ему сказалъ свое имя, онъ мнѣ только сказалъ: «Неужели тотъ самый?» Я это вамъ пишу очень добродушно и увѣренъ, что вы не оподозрите меня въ самолюбіи, цѣнящемъ людей только потому, что «ils m'estiment», какъ говоритъ нашъ Московскій знакомый. Ганка всѣхъ помнитъ, всѣмъ посылаетъ поклонъ, но вамъ съ попрекомъ. Ему везли какую-то книгу, а вы удержали посылку, увѣривъ, что эта книга у него уже есть. Съ Шафарикомъ провелъ я вечеръ и былъ какъ сыръ въ маслѣ. Славный, живой, умный, дорожитъ Лимбургскимъ сыромъ, т.-е. старою старинкою, этимологіею и всѣмъ. Прелесть! Я бы прожилъ охотно цѣлую недѣлю въ Прагѣ, а былъ только полтора дня. Отъ Шеллинга, Неандера ровно ничего не добился. Рѣшительные шмерцы! Впрочемъ я очень полюбилъ Неандера. Еще былъ я у Гримма. Нѣмецъ, но хорошъ. Здѣсь въ Эмсѣ житье мнѣ славное. Мѣсто милое. Гоголь погостилъ четыре дня. Жуковскій здѣсь; пропасть написалъ и прекрасныя вещи. Гоголь бодръ и хорошъ; но нисколько нельзя предвидѣть, что онъ будетъ писать или дѣлать. Самъ не знаетъ. Рекомедую вамъ славную Нѣмецкую книгу *Aus der Gegenwart*. Что за глупая земля теперешняя Германія!

---

*) Первая пьеса: „Безъвѣздная полночь"; вторая ошибочно отнесена нами къ 1852-му году (см. томъ IV-й). *Изд.*

Къ Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ [1]).

Милостивый государь Вячеславъ Вячеславичъ!

Изъ Оржистовъ [2]) послалъ я вамъ стихи; писалъ также съ береговъ Рейна и также посылалъ стихи: не знаю, дошло ли все это до васъ. Въ этомъ сомнѣніи повторяю то, что̀ уже писалъ.

Пріѣхавъ изъ Оржиствъ или, лучше сказать, на дорогѣ сочинилъ я слѣдующую пьесу. Хороша ли, дурна ли — все-таки посылаю ее вамъ:

Не гордись передъ Бѣлградомъ... и т. д.

Написавъ и отправивъ эти стихи, я успокоился и легъ спать; но, видно, было что-то вредное въ вашемъ Прагскомъ воздухѣ: меня вмѣсто сна звало къ стихамъ, занятію давно забытому мною. Я вспоминалъ ваши послѣднія слова объ единствѣ вѣры, безъ котораго нѣтъ полнаго единства въ народахъ, и не то во снѣ, не то на яву написалъ слѣдующіе стихи:

Беззвѣздная полночь дышала прохладой... и т. д.

---

[1]) Заимствуемъ это письмо изъ перваго выпуска Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго университета 1896 года. (Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. Къ Исторіи Русско-Чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка). Любопытный и обильный матеріалъ этотъ найденъ профессоромъ Е. В. Пѣтуховымъ въ Чешскомъ національномъ музеѣ, въ Прагѣ лѣтомъ 1895 года. На этотъ разъ помѣщены лишь письма къ Ганкѣ О. М. Бодянскаго (15), А. С. Хомякова (1), С. М. Соловьева (1), Н. И. Греча (2); всѣ они затрогиваютъ вопросы науки, литературы и жизни Славянской. Приложенныя къ сборнику замѣтки Шафарика о Русской литературѣ, записанныя со словъ Погодина въ 1835 году, показываютъ степень знакомства даровитаго Чешскаго ученаго съ Русской литературой и исторической наукой. *Изд.*

[2]) Вѣроятно это—Obrzysko, мѣстечко Познанскаго округа, на лѣвомъ берегу Варты, въ Пруссіи.

Послѣ нашего свиданія проѣхалъ я въ короткое время много и много земель, наслушался и наглядѣлся довольно. Вездѣ нашелъ я всесовершенное равнодушіе къ тѣмъ вопросамъ, съ которыми срослась наша жизнь. Если бы міръ Славянскій былъ какимъ-нибудь землетрясеньемъ поглощенъ, Европа и не охнула бы. Все сочувствіе, ею намъ изрѣдка оказываемое, есть или чистое лицемѣріе, или слѣдствіе какихъ-нибудь своекорыстныхъ видовъ. Безумны тѣ изъ нашихъ братій, которые ищутъ сочувствія внѣ насъ. Съ другой стороны наука понимаетъ многія прекрасныя стороны нашего быта и завидуетъ намъ, наприм., крестьянской общинѣ въ Россіи и у южныхъ Славянъ. Это понимаютъ Нѣмцы и даже нѣкоторые Французы. Общину Славянскую изучаютъ и пишутъ объ ней, какъ я уже сказалъ, съ завистью; но зависть — не любовь. Другое сочувствіе, глубокое и сильное, нашелъ я въ Англіи, не къ намъ, но къ нашей Церкви. Трудно повѣрить, какъ часто и съ какимъ жаромъ выражается у нихъ любовь или, лучше сказать, жажда церковнаго единства. Неужели она не проснется въ нашихъ единокровныхъ братьяхъ? Вѣрьте мнѣ, ни Протестантство, ни Романизмъ не отвѣчаютъ ни требованіямъ времени, ни глубокимъ требованіямъ Славянской души. Одно уходитъ въ Фейербаха, другой въ грубую политику. Оба отжили. Мнѣ кажется, мой сонъ будетъ когда-нибудь не сномъ. Дай Богъ поскорѣе. Покуда скажу я, что отраднѣйшимъ днемъ моего путешествія былъ день въ Прагѣ, и что вашъ привѣтъ и ласки почтеннаго Шафарика мнѣ отогрѣли душу, какъ солнечнымъ лучомъ. Всегда буду отъ души благодарить васъ и благословлять за вашу любовь къ доброму дѣлу. Примите увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми честь имѣю быть вашъ покорный слуга Алексѣй Хомяковъ.

Берлинъ (1847).

Къ Казанскому архіепископу Григорію [1]).

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь!

Съ полною надеждою обращаюсь къ вашему высокопреосвященству, и какъ ни странно такое обращеніе человѣка, который не имѣетъ никакихъ личныхъ правъ на ваше вниманіе, я убѣжденъ, что вы благодушно примите просьбу мою; ибо я дѣйствую по обязанности, отъ которой не могу и не смѣю уклониться.

Вашему высокопреосвященству извѣстно движеніе мысли въ Англиканскомъ исповѣданіи и какъ мало-по-малу сердца, неудовлетворенныя отвлеченностью Протестантства и умы, оскорбленные вещественностію Латинства, стали обращаться къ Восточной церкви. Главнымъ двигателемъ былъ Пальмеръ, вице-президентъ Коллегіума св. Маріи Магдалины въ Оксфордѣ. Тому лѣтъ семь, случайныя обстоятельства [2]) ввели меня въ переписку съ нимъ и, разумѣется, предметомъ ея были тѣ вопросы, которые составляли исключительное его занятіе. Онъ сообщалъ мнѣ свои сомнѣнія, недоумѣнія и возраженія противъ ученія и обрядовъ Церкви. Я объяснялъ ему, что могъ и какъ умѣлъ, съ желаніемъ искреннимъ добра и съ искреннею любовью къ человѣку прямодушному и ревностному въ дѣлѣ вѣры. Былъ ли я Пальмеру полезенъ, сказать не могу; но знаю, что онъ мнѣ былъ благодаренъ за доброе намѣреніе и охотно продолжалъ переписку. Въ 1847 году познакомился я съ нимъ лично въ Оксфордѣ, и дружескія отношенія наши стали еще

---

[1]) Передъ тѣмъ архіепископу Рязанскому, потомъ Тверскому и напослѣдокъ митрополиту С.-Петербургскому. Его отвѣты А. С. Хомякову см. въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ. *Изд.*

[2]) Сколько намъ извѣстно, первое движеніе вопроса о соединеніи Англіи съ Россіею въ дѣлѣ вѣры начато было Англійскимъ пасторомъ въ Кронштадтѣ. *Изд.*

тѣснѣе. Въ бытность мою въ Англіи, понялъ я всю важность значенія этаго человѣка. Я узналъ отъ его же товарищей въ Оксфордѣ и отъ учителей богословія и другихъ членовъ Кембриджскаго университета, что его нѣсколько лѣтъ считали какъ бы сумасшедшимъ именно за его постоянное стремленіе къ Православію; но что неутомимая ревность, разумная дѣятельность и жизнь, посвященная единственно служенію истинѣ и Богу, побѣдили всѣ предубѣжденія и внушили всѣмъ глубокое къ нему почтеніе, а многимъ сердечное сочувствіе. Отъ души радовался я такому успѣху. Но самъ Пальмеръ жаловался на равнодушіе своихъ соотечественниковъ и особенно высшаго духовенства; жаловался онъ отчасти и на православныхъ, но съ крайнимъ смиреніемъ, говоря, что въ смыслѣ Православія онъ человѣкъ еще совершенно новый и, можетъ быть, принимаетъ за равнодушіе необходимую осмотрительность и осторожность церкви, совершенно чуждой всякому честолюбію или властолюбію.

Въ послѣдующіе годы переписка наша продолжалась. Превосходная книга Церникава, другія произведенія нашихъ духовныхъ писателей и собственныя изслѣдованія разрѣшили всѣ сомнѣнія Пальмера: онъ принялъ ученіе Православной церкви во всей его полнотѣ. Но этимъ не могла довольствоваться его ревность. Истину, которую ему Богъ далъ узнать, долженъ онъ былъ сообщить своимъ соотечественникамъ. Онъ обратился сперва къ епископамъ въ Англіи и былъ встрѣченъ съ отталкивающей холодностью; потомъ къ Англиканскимъ епископамъ въ Шотландіи и къ ихъ синодамъ. Синоды приняли его записку объ исхожденіи Духа Святаго и о таинствахъ съ одобреніемъ, но не приступили ни къ какому рѣшенію и отложили дѣло Божіе въ сторону: у нихъ были другія дѣла. Огорченный Пальмеръ рѣшился оставить отечество и искать на Востокѣ пристанища и покоя душевнаго.

Но не такъ было угодно Богу. Въ то самое время, какъ Пальмеръ уже собрался выѣхать изъ Англіи, стали созрѣвать плоды его ревностныхъ трудовъ. Сердечное сочувствіе, которое онъ уже успѣлъ внушить многимъ достойнымъ людямъ, обратилось въ полное согласіе мысли, и немногочисленная, но силь-

ная своимъ нравственнымъ достоинствомъ паства была готова вступить въ общеніе Православной церкви. Я слышалъ (и отчасти изъ писемъ Пальмера предполагаю, что это правда), что онъ и его друзья обращались съ прошеніемъ по сему предмету въ Святѣйшій Синодъ; но, можетъ быть, вслѣдствіе какой-нибудь ошибки съ своей стороны, никакого удовлетворительнаго отвѣта не получили. Пальмеръ поѣхалъ въ Аѳины, занялся трудами по предметамъ богословскимъ и историческимъ и обратился въ тоже время къ патріарху Константинопольскому съ прошеніемъ о принятіи его въ нѣдра Православной церкви. Патріархъ отказалъ въ прошеніи, требуя отъ него крещенія, какъ отъ обливанца, основываясь на обычаѣ Греческой церкви, слѣдующей въ этомъ дѣлѣ положеніямъ (если не ошибаюсь) помѣстнаго Карѳагенскаго собора. Пальмеръ подалъ новое прошеніе, въ которомъ излагалъ, что, согласно съ постановленіями Русской церкви, отмѣнившей, по Богомъ данной ей свободѣ, обрядъ перекрещенія для обливанцевъ, онъ проситъ быть принятымъ безъ новаго крещенія не вслѣдствіе какого-нибудь упорства или желанія сохранить какіе-нибудь обряды или положенія общины, впавшей въ расколъ, но потому, что согласившись принять снова крещеніе, онъ остановитъ отъ перехода въ Православіе многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, а можетъ быть и всѣхъ тѣхъ, которые готовы къ этому богоугодному дѣлу. Снова послѣдовалъ отказъ. Въ тоже время, т.-е. около половины прошлаго года, поступило, какъ извѣстно вашему высокопреосвященству, прошеніе людей съ нимъ единомыслящихъ въ Святѣйшій Синодъ о томъ же предметѣ. Подписей довольно, и кромѣ подписавшихся множество людей, принадлежащихъ къ самому высокому образованію и, слѣдовательно, могущихъ увлечь своимъ примѣромъ еще большее число своихъ соотечественниковъ, готово примкнуть къ начинающейся паствѣ; но и до сихъ поръ ничего уѣшительнаго не слыхалъ Пальмеръ.

Наконецъ, прошлаго года, въ началѣ зимы, получилъ я отъ него письмо, и съ какимъ горемъ читалъ его, не могу даже выразить вашему высокопреосвященству. Изъ этаго письма видно, что онъ хотѣлъ лѣтомъ пріѣхать въ Москву, но былъ

удержанъ болѣзнію въ южной Россіи и далѣе Кіева проѣхать не могъ. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Константинополя, подалъ онъ третье прошеніе патріарху, повторяя прежнія слова свои, но прибавляя еще, что, по великому желанію своему присоединиться къ единой истинной Церкви, онъ согласенъ даже принять снова крещеніе, съ тою только оговоркою, которая дѣлается для младенцевъ, о крещеніи которыхъ есть сомнѣніе. Такой оговорки онъ просилъ для устраненія соблазна, который могъ бы удалить всѣхъ его соотечественниковъ отъ обращенія въ Православіе и для успокоенія своей совѣсти; ибо не только по его убѣжденію, но и по мнѣнію всей церкви Русской, совершенное надъ нимъ крещеніе достаточно для того, чтобы дать ему право на вступленіе въ нѣдра Православія. Кажется, бо́льшаго и ожидать нельзя было; но патріархъ снова отказалъ, говоря, что мнѣніе Русской церкви необязательно для Греціи въ дѣлѣ обряда. Съ этимъ, конечно, должно согласиться; но для Пальмера ударъ былъ ужасенъ. Всѣ надежды его рушились, и за всѣмъ тѣмъ, въ глубокой горести своей, предчувствуя и мое огорченіе, онъ еще говоритъ съ глубочайшимъ смиреніемъ: «И мы все-таки не должны осуждать пастырей Церкви, ибо имъ поручено церковное правленіе и сужденіе объ обрядѣ; судъ же надъ ними предоставимъ Высшему Судьѣ». Какъ будто для того, чтобы ударъ былъ еще тяжелѣе и болѣзненнѣе, онъ получилъ изъ Англіи письмо отъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей (котораго имя я разобрать не могъ). Вотъ содержаніе этого письма: «Ты знаешь мою дружбу и согласіе нашихъ мнѣній; всѣ убѣжденія наши одинаковы. Я ждалъ только твоего принятія въ церковь Православную, чтобъ не медля послѣдовать твоему примѣру; но нѣтъ, мой другъ! Дверь, которая не отворяется передъ такимъ ревностнымъ просителемъ, дверь, которая слишкомъ два года остается запертою передъ твоими жаркими моленіями, не можетъ быть дверью церкви Христовой. Одного *этого нравственнаго убѣжденія* достаточно, чтобы пересилить всѣ убѣжденія моего ума и даже стремленія моего сердца. На дняхъ вступаю я въ Римскую церковь». Удрученный скорбью, Пальмеръ проситъ у меня утѣшенія и, если можно, помощи.

На дняхъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, по волѣ Божіей, похоронилъ я, на шестнадцатомъ году нашего брака, жену молодую, прекрасную, добрую, какъ, кажется, только возможно человѣку быть добрымъ, единственную любовь моей жизни и величайшее счастіе, какое можетъ дать жизнь земная. Совѣстію свидѣтельствуюсь, что я не осмѣлюсь сравнить своей сердечной болѣзни, своей неисцѣлимой раны съ духовнымъ страданіемъ Пальмера. Но какое утѣшеніе могу я дать ему или какую оказать помощь?

Я узналъ, что ваше высокопреосвященство, какъ членъ Святѣйшаго Синода, находитесь теперь въ Петербургѣ. Архіепископъ Рязанскій и Тверской оставилъ по себѣ такія воспоминанія въ прежнихъ паствахъ, что я обращаюсь къ нему съ полною надеждою, и, какъ христіанинъ, смѣло передаю пастырю паствы Христовой дѣло, котораго самъ исполнить не могу. Вы не откажете страдающей душѣ, просящей вступленія въ церковь Христову, въ словѣ утѣшенія. Вы не откажете ей въ помощи, которую можете оказать, какъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ церкви, не только по своему высокому званію, но и по общему къ вамъ почтенію. Я не прошу у васъ извиненія въ своей смѣлости, ибо исполняю обязанность, которую не исполнить счелъ бы непростительнымъ грѣхомъ. Передавъ вамъ скорбь Пальмера, я уже покоенъ на его счетъ. Простите меня, если я прибавлю, что во мнѣ невольно пробуждается надежда (и Богъ такую надежду благословитъ), что имя Григорія, съ которымъ связана память о первомъ обращеніи Англіи къ Христу, будетъ два раза для нея благодѣтельнымъ.

Февраль 1852 г.

Къ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову.

I.

14 Мая 1854 г.

Милостивый государь Абрамъ Сергѣевичъ!

Вашему высокопревосходительству извѣстно, что третьяго года съ нѣсколькихъ сотрудниковъ «Московскаго Сборника», и въ томъ числѣ съ меня, *взята по высочайшему повелѣнію* подписка въ томъ, что мы не будемъ впредь представлять свои сочиненія въ мѣстныя цензуры, но будетъ относиться прямо въ высшій цензурный комитетъ. Послѣдствія этой подписки весьма для насъ ощутительны. Маленькій лексиконъ Санскрито-Славянскихъ словъ и корней, мною составленный, подвергся почти годовому пересмотру, а коротенькая статейка Константина Сергѣевича Аксакова о Русскихъ глаголахъ прошла черезъ полуторагодовое мытарство; то-есть мы должны себя считать почти удаленными отъ всякой литературной дѣятельности. При этомъ встрѣчается еще другое затрудненіе, которое важнѣе всего: медленность цензурнаго разсмотрѣнія. Вашему высокопревосходительству, немало трудившемуся на поприщѣ словесности, болѣе, чѣмъ кому-либо, извѣстно, что почти никакой серьезный трудъ въ области науки не выходилъ въ печати въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ пера сочинителя: множество перемѣнъ и поправокъ вводятся въ текстъ во время цензурованія и печатанія. Для меня такія поправки невозможны. Я вижу нѣкоторыя ошибки и пропуски свои по корректурному листку, который былъ мнѣ сообщенъ изъ Петербурга, хотѣлъ бы исправить и пополнить и долженъ согласиться на изданіе ошибочное и неполное, которымъ самъ

недоволенъ, потому только, что иначе и совсѣмъ не увижу своего труда въ печати; а полагаю, что этотъ трудъ не безполезенъ. Наконецъ, ни возражать, ни отвѣчать критикѣ я не могу. Однимъ словомъ, мы осуждены на полное бездѣйствіе въ мірѣ науки и словесности.

Не могу не надѣяться, что не таково было намѣреніе правительства, когда оно обязало меня подпиской, которая, кажется, была единственно послѣдствіемъ недоразумѣній, и потому беру смѣлость обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбой, дабы вы благоволили для меня исходатайствовать право, которымъ пользуются всѣ: обращаться къ мѣстнымъ цензорамъ.

Ваше высокопревосходительство, позвольте мнѣ надѣяться, что высшій комитетъ, покровитель просвѣщенія и сотрудникъ его труженникамъ, не откажется принять благосклонно мою просьбу, такъ какъ и увѣренія въ томъ глубочайшемъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть и пр. А. Хомяковъ *).

II.

6 Марта 1856 года.

Въ бытность мою въ Петербургѣ я имѣлъ честь представить на ваше разсмотрѣніе статью, нѣкогда писанную мною въ отвѣтъ Кирѣевскому. Вашъ лестный отзывъ былъ, что вы готовы бы были ее подписать не только какъ цензоръ, но и какъ авторъ. На мой вопросъ, можно ли ее передать въ цензуру, вы сказали, чтобы я ее подалъ, а что цензоръ передастъ ее вамъ же и что вы тогда разрѣшите ее напечатать. Ободренный вашимъ высокопревосходительствомъ, я еще разъ прочелъ ее внимательно и всѣ сколько нибудь сомнительныя выраженія замѣнилъ вполнѣ несомнѣнными, и потомъ представилъ ее цензору, который передаетъ ее теперь въ ваше вѣдомство.

Въ полной надеждѣ на ваше одобрительное мнѣніе о моей статьѣ и на вашу благосконность ко мнѣ, беру смѣлость об-

*) На письмѣ написано опредѣленіе Главнаго Управленія Цензуры: „Отказать и не увѣдомлять объ отказѣ. 17 Іюня 1855 г.“. *Изд.*

ратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: ускорьте, сколько возможно, разрѣшеніе о напечатаніи моей статьи и благоволите сообщить это позволеніе нашей Московской цензурѣ. Ею долженъ начаться первый нумеръ журнала, къ напечатанію котораго мы уже приступили, и отъ ея пропуска зависитъ самая возможность изданія *).

Вашъ ласковый пріемъ и постоянно дружескій отзывъ даютъ мнѣ увѣренность, что вы не откажете въ моей просьбѣ. Понятно, что не только я, но и никто изъ насъ, участниковъ въ «Русской Бесѣдѣ», не захотѣлъ бы неосторожнымъ или дурно направленнымъ словомъ оказаться недостойнымъ вашего покровительства.

Примите благосклонно увѣреніе въ душевной признательности и глубочайшемъ почтеніи, и пр. А. Хомяковъ.

---

*) Т.-е. первой книги „Русской Бесѣды“. *Изд.*

Къ барону Модесту Андреевичу Корфу *).

Милостивый государь Модестъ Андреевичъ!

Г-нъ Коссовичъ передалъ мнѣ лестное желаніе вашего высокопревосходительства имѣть въ Императорской Библіотекѣ экземпляръ изданныхъ мною заграницей брошюрокъ о вопросахъ религіозныхъ. Грустно мнѣ, что я не умѣлъ сохранить тайну своего авторства въ дѣлѣ, въ которомъ я хотѣлъ бы быть свободнымъ отъ всякаго личнаго побужденія; но не сумѣлъ. Ужъ этому пособить нельзя, и я поспѣшилъ бы переслать къ вамъ свое скудное приношеніе, если бы не встрѣтилось тутъ затрудненія. Не безъ труда добылъ я два экземпляра, а третій у меня присланный Василіемъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ, по порученію Государыни Императрицы. Разумѣется, объ этомъ экземплярѣ не могло быть и рѣчи, а оба остальные были въ чтеніи и чуть-чуть не зачитаны. Я наскоро бросился ихъ отыскивать, а тутъ пришло говѣніе, набѣжали хлопоты съ полиціею, которая меня таскала къ себѣ по случаю бороды и Русскаго платья; все это меня позадержало. Насилу вчера высвободилъ одинъ экземпляръ, который и поспѣшаю препроводить вашему высокопревосходительству. Простите его невзрачность; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Примите благосклонно мое приношеніе, а съ тѣмъ и увѣреніе и пр. А. Хомяковъ.

Апрѣля 12 дня 1856 г.

---

*) Изъ 6-й книжки журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ 1890 г.

Къ Леониду Матвѣевичу Муромцову.

Долго не отвѣчалъ я вамъ, любезный и дорогой сосѣдъ; но впрочемъ самая интересная часть моего отвѣта вѣроятно уже дошла къ вамъ давно. Медленность же моя вотъ какъ произошла [1])... Я все боялся, какъ бы не опоздать; я самъ однажды испыталъ непріятность быть безъ денегъ въ просвѣщенной, но увы! корыстолюбивой Европѣ:

Le ciel est sans azur, le jour est sans soleil.

Извините, что не могъ собрать болѣе, а если разсчетъ будетъ прежде вашего возвращенія, то напишите, пожалуста, порядкомъ управляющему, какъ оный разсчетъ учинить такъ, чтобы онъ мнѣ таковое предписаніе показалъ или сообщилъ на случай, если бы меня самаго въ то время въ Иваповскомъ не было.

Вотъ, вы тамъ гуляете себѣ въ Италіи, веселяся и потѣшаяся, радуясь особенно поправленію здоровія Катерины Николаевны [2]), чему я очень и очень сочувствую; а мы брошены единымъ словомъ Царя въ самую глубь и кипѣніе жизни общественной, гражданской, политической и всякихъ жизней, кромѣ жизни покойной. Впрочемъ, зная меня, вы легко угадаете, что это никакъ не ропотъ съ моей стороны. Дадеся ми Царь по сердцу моему [3]), великій ловецъ передъ Господомъ, какъ Нимвродъ, и великій освободитель людей, какъ Маккавей. Вы знаете, что я все это умѣю цѣнить. Батюшка вашъ [4]) очень

---

[1]) Далѣе рѣчь идетъ о высылкѣ денегъ, которыя А. С. Хомяковъ былъ долженъ Л. М. Муромцову, своему сосѣду по Данковской деревнѣ (Ивановскому), тогда жившему въ чужихъ краяхъ. *Изд.*

[2]) Супруги Л. М. Муромцова (ур. княжны Голицыной). *Изд.*

[3]) Государь Александръ Николаевичъ былъ, какъ извѣстно, страстный охотникъ; А. С. Хомяковъ будучи самъ таковымъ же, высоко цѣпилъ въ молодомъ еще въ то время Царѣ его охотничьи наклонности. *Изд.*

[4]) Матвѣй Матвѣевичъ. Его Записки см. въ „Русск. Архивѣ“ 1890 г. *Изд.*

сочувствуетъ этому послѣднему качеству, но увы! грѣхъ сказать, чтобы такое сочувствіе было общимъ. Н. П. Шишковъ *) нисколько не приходитъ въ восторгъ, и это настроеніе довольно общее. Какъ это понять? Стоитъ ли дворянство за рабство? Нисколько, или по крайней мѣрѣ слабо; а просто оно растерялось, не знаетъ какъ за дѣло взяться. Нужно подумать; а мы отъ всякой думы серьезной такъ отвыкли, что съ перваго приступа голова болитъ, и мы вымѣщаемъ свою досаду фрондёрствомъ. Народъ очень хорошъ: никогда не былъ такъ послушенъ и тихъ, вовсе не отъ равнодушія, ибо онъ сильно заинтересованъ и безпрестанно объ этомъ говоритъ, но по какому-то чувству, которое я иначе не могу опредѣлить, какъ словомъ— историческое чувство. Таковъ долженъ быть характеръ народовъ великихъ. И, не смотря на это и на важность минуты, дворяне не очнутся! Кто винтуетъ, кто засѣкаетъ по прежнему: просто гадко! Дворъ старается парализовать добрыя намѣренія Государя, мнимые аристократы хотятъ выбарышничать невозможные барыши, надувая народъ и Царя; а за всѣмъ тѣмъ, я увѣренъ, что переломъ будетъ не къ болѣзни, а къ здоровью.

Говорятъ, Катеринѣ Николаевнѣ стало гораздо лучше и почти безъ леченія; я радъ и нисколько не дивлюсь. Всѣ подозрѣнія на счетъ грудной болѣзни я считалъ вовсе неосновательными, и слѣд. развлеченіе, природа, можетъ быть, освѣжающая волна морская, наконецъ, что-нибудь въ Европѣ должно было подѣйствовать цѣлительно. Про себя вы ничего не говорите; но я увѣренъ, что и вамъ очень нескучно въ этой негодной Европѣ, противъ которой я всячески протестую по своему Славянофильскому званію, но отъ которой и я не прочь.

Прощайте; укрѣпляйтесь здоровіемъ, запасайтесь веселіемъ и не забывайте преданнаго вамъ домосѣда. Вашъ отъ души

А. Хомяковъ.

---

*) Извѣстный сельскій хозяинъ, одинъ изъ основателей сахароваренія въ Россіи, сосѣдъ А. С. Хомякова и Л. М. Муромцова по Данковскому уѣзду. *Изд.*

Къ князю Владимиру Александровичу Черкасскому.

Получено на Камен. Островѣ въ Іюнѣ 1860 г.

Любезный князь!

Послѣ многихъ треволненій, кажется, Комиссія не далека отъ пристани, и при входѣ въ нее едва ли можно ожидать слишкомъ опасныхъ подводныхъ камней. Послѣдніе шквалы только доказали, что есть рѣшительное теченіе, пособляющее вашему пути.

Вы знаете, и я ни мало не скрывалъ, какъ во многомъ я несогласенъ съ направленіемъ Комиссіи, какъ досадно мнѣ, что она нигдѣ не утвердила правъ крестьянина на поземельную собственность, не утвердила за нимъ иниціативы въ дѣлѣ освобожденія, не утвердила за нимъ значенія *непосредственнаго* гражданина, не утвердила за общиной ея естественной и исторической автономіи и т. д. Все это было возможно только при обязательномъ выкупѣ. Все уже переговорено не безъ большихъ споровъ и маленькихъ раздраженій; но, во-первыхъ, я признаю, что вашъ проектъ помимо выкупа *изъ худыхъ лучшій*, а, во-вторыхъ, желаю успѣха всякому принятому проекту, лишь бы онъ давалъ свободу не безземельную и не разъединенную. Вотъ почему я вамъ теперь посылаю предложеніе о финансовой штучкѣ, которая, по моему, крайне нужна; ибо весь успѣхъ эмансипаціи зависитъ отъ финансовой жизни во всемъ обществѣ. Пожалуста сообщите ее вашимъ финансовымъ сотрудникамъ, и, если вамъ будетъ не скучно, сообщите мнѣ свое и ихъ мнѣніе. Лично я увѣренъ въ ея успѣхѣ и боюсь только, какъ бы она не показалась слишкомъ простою. (Не погнѣвайтесь на сію Московскую иронію). Если же вы будете согласны съ нею, т.-е. не съ штучкою, съ которою не согла-

ситесь, а съ предлагаемою операціею, то употребите всѣ силы для ея осуществленія. Повѣрьте, она все или почти все уладитъ. Это доказательство въ родѣ Владимира Ивановича Хитрово [1]): если ничто не беретъ, такъ онъ прибѣгаетъ къ крайнему средству, къ слову.

Впрочемъ финансовый вопросъ останется въ приложеніяхъ, на другомъ листѣ, съ своими глубокомысленными соображеніями, а здѣсь о житейскомъ. Будете ли вы къ намъ въ Тулу, хоть въ концѣ Іюля? [2]) О княгинѣ говорили, что она выѣзжаетъ въ концѣ Мая въ наши стороны. Правда ли это? Если правда, то не вспомнитъ ли она, что ей можно бы отдохнуть не доѣзжая до Тулы въ домѣ, гдѣ бы ей очень обрадовались? Надѣюсь, что она чужда политическимъ страстямъ и не казнитъ гнѣвомъ своимъ диссидентство по вопросамъ современнымъ.

Если же княгинѣ нельзя будетъ завернуть для отдыха не доѣзжая Тулы, а остановится она сколько-нибудь въ богохранимомъ градѣ, то очень бы доброе дѣло сдѣлала она, увѣдомивъ о томъ жителей новаго Ньюкастля, углеобильнаго Богучарова. Передайте ей пожалуста эту просьбу съ поклономъ отъ меня и дочери.

Я ѣду дня черезъ три въ деревню съ радостью немалою и жалѣю о тѣхъ, которыхъ что-либо задерживаетъ въ городахъ. Весна чудная, хлѣба обѣщаютъ славную жатву. Одно еще желательно, чтобы на гниломъ Западѣ было похуже! Чтобы сколько нибудь извинить такое дикое славянофильство, скажу, что благорастореніе воздуховъ должно сопровождать освобожденіе столькихъ православныхъ (въ томъ числѣ и раскольниковъ). Кстати, многіе хлопочутъ узнать, отъ чего отъ насъ уходятъ Татары: я открылъ причину, которую подвергаю вашему сужденію. Дикіе сыны Азіи не могутъ вынести страшное развитіе Европейской цивилизаціи въ нашемъ отечествѣ. Злые люди увѣряютъ, что это симптомъ своего рода Татарскаго славянофильства; но шутки въ сторону, не любопытное ли это

---

[1]) Сосѣдъ А. С. Хомякова по Тульской деревнѣ. *Изд.*

[2]) Княгиня Екатерина Алексѣевна, супруга князя В. А. Черкасскаго, урожд. Васильчикова. *Изд.*

стремленіе народностей къ сосредоточенію и выдѣленію себя изъ другихъ?

Самаринымъ я остался очень доволенъ: здоровье его поправилось. Словесная борьба и волненіе ему полезнѣе, чѣмъ эта кропотливая и бюрократическая работа, на которую вы были осуждены въ продолженіе цѣлаго года. Вы яснѣе его понимали вредъ ея, но опытъ доказываетъ, что перемѣна въ ходѣ занятій немедленно перемѣнила все его настроеніе и даже физическое здоровье. Я бы радовался; но меня береть однакоже страхъ, за который вы сердиться не можете. Мнѣ кажется, что мы васъ обоихъ потеряли. Возьметъ васъ Питеръ къ себѣ. Хотите ли, не хотите ли, а онъ овладѣетъ вами, и поминай какъ звали! И винить-то нельзя, а не досадовать съ горемъ тоже нельзя; да и не знаешь даже, чего желать, помимо своего личнаго эгоизма.

Прощайте, любезный князь; будьте здоровы и не забывайте вамъ преданнаго А. Хомякова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письмо къ А. С. Хомякову отца его *).

3 (15) Mai 1826. Lipitzi.

Cher et bien aimé Alexis.

J'ai reçu ta dernière lettre, avec les fragments de ta tragédie. Ils m'ont paru très énergiques et très naturels, quoique le manque de rimes et le mélange de mêtre me paraissent une pierre d'achoppement pour les acteurs et les oreilles des spectateurs, accoutumées à attendre la cadence des rimes. Je suis très impatient de lire le tout. Le dernier monologue de Ermak mourant est très naturel; c'est justement le langage qu'il devait tenir, et son exaltation en parlant de la gloire est d'un sentiment sublime. Le premier fragment, qui est une allusion à la vocation d'un poëte, n'est pas si éminent. Ne te rebutes

*) Это письмо Степана Александровича Хомякова къ его сыну, любопытное само по себѣ, какъ изложеніе подробностей воцаренія императора Николая Павловича, написано для распространенія въ Парижѣ и имѣло цѣлью опроверженіе ложныхъ слуховъ, распускавшихся Французской печатью. Нѣкоторыя замѣчанія по адресу самаго Алексѣя Степановича интересны для уясненія тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыхъ онъ держался въ началѣ своего поприща. Въ политикѣ, какъ и во всемъ остальномъ, убѣжденія А. С. Хомякова не измѣнялись во всю его жизнь. Изъ этаго позволительно заключать, что они въ немъ самомъ были чѣмъ-то не надуманнымъ, а живымъ плодомъ непосредственнаго общенія вѣры и мысли со средою и народомъ, изъ которыхъ онъ вышелъ. Его умъ и обширная образованность придали его ученію строго-логическую форму и научное обоснованіе; но настоящая сила его направленія заключается именно въ томъ, что оно болѣе всѣхъ другихъ можетъ почитаться выраженіемъ міровоззрѣнія по преимуществу Русскаго, т. е. того, которое сложилось и живетъ вѣками въ душѣ Русскаго человѣка. *Изд.*

pas par l'ennui et tâche de copier le tout et de me le faire parvenir.

Tes descriptions de Paris, ton jugement sur Talma et les autres acteurs, comme aussi sur les tableaux, m'ont été très agréables. Tes leçons de peinture vont très bien, je t'en félicite; mais ne t'y adonnes pas trop. Tu sais que ta vocation n'est pas celle d'un artiste, mais que tu es appellé à jouer dans la patrie le rôle d'un membre utile à la société; tes principes sûrs et raisonnables, ton jugement sain et juste sur l'infâme complot peuvent te présager une possibilité de carrière plus honorable, surtout sous un Souverain, qui, à son début, nous donne les espérances les plus brillantes.

Il y a une foule d'anecdotes très intéressantes sur son compte, que les journaux, je ne sais par quelle négligence ou réticence impardonnable, ne communiquent pas au public, qui n'en est informé que par des récits de personnes authentiques. Comme tu me dis que les papiers publics à Paris font circuler les bruits les plus ignorants et les plus ridicules, je prends sur moi la tâche de te communiquer quelques détails circonstanciés sur toute la suite des événements qui ont eu lieu, d'après le dire des personnes bien instruites et des témoins irrécusables.

Tu sais déjà, que feu l'Empereur gagna sa maladie par un refroidissement de la tête, pendant une excursion dans les montagnes de la Crimée. Sa maladie au commencement fut peu grave, mais prit un caractère dangereux, quand il reçut un avis très circonstancié de la trâme infernale qui s'ourdissait et de l'attentat projeté contre sa personne. L'avis vint, dit-on, de Wittgenstein et confirmé par des nouvelles de France, qu'on y faisait imprimer un projet de constitution. Son médecin Willié lui proposa des remèdes, qu'il refusa, disant que ce n'était pas le physique, mais le moral, qui le tuait*), et qu'il ne désirait pas survivre à la dégradation de la nation: preuve qu'il crut la ramification du complot plus sérieuse et ne se doutait nullement que le tout n'était qu'un complot d'imberbes. Ce ne

*) Сбоку приписано А. С. Хомяковымъ: „Въ первый разъ слышу и не вѣрю“.

fut qu'aux supplications de son confesseur qu'il consentit à des sangsues et des vésicatoires; mais il était déjà trop tard.

Après son décès, le général Dibitsch envoya la dénonciation à Varsovie; mais comme l'adresse portait à l'empereur Constantin, lui, fidèle et persistant strictement dans sa renonciation au trône, n'ouvrit pas le rapport et l'envoya à Pétersbourg. Sur ces entrefaites le général Dibitsch fit l'acte méritoire de rassembler un conseil des généraux les plus marquans à Taganrog, qui conclut à l'unanimité de sévir en qualité de l'état-major-général contre les conspirateurs, et envoya ordre d'arrêter quelques colonels, entre autre le plus taré, Pestel 2. Cela fit éclater l'insurrection de Mouraview-Apostoll, avec une partie du régiment de Tchernigoff; mais sans cette mesure il y aurait eu peut-être cinq à six régiments à soumettre, au lieu de quelques compagnies. Gloire en soit à Dibitsch d'avoir prévenu une plus forte commotion.

A Pétersbourg le nouvel Empereur, par une magnanimité sans exemple, ne voulait pas profiter du manifeste posthume d'Alexandre et de la renonciation du Grand-Duc, et fut le premier à prêter serment à l'empereur Constantin, pendant que celui-ci en prêtait un à Varsovie à l'empereur Nicolas; et, persistant dans sa déférence aux arrangemens pris avec son défunt frère, il réitéra avec instance sa renonciation formelle au trône. D'après cela le nouveau Monarque songeait à concilier son manifeste avec des mesures qui ne pussent pas choquer le serment prêté tout récemment par tout l'Empire; mais le gouverneur-général Miloradowitsch vint lui annoncer qu'on remarquait des menées sourdes, indiquant quelque projet sinistre, et qu'il fallait se prononcer plus promptement. Là-dessus parut le nouveau manifeste de Nicolas I-er et toutes les pièces y attenantes, et le 14 (26) décembre fut désigné pour la prestation de serment et d'hommage à la cour. Toute la cour était en grand galà, l'Empereur et tous les généraux en grande tenue, avec toutes leurs décorations, quand tout à coup on vint annoncer au Monarque que le régiment de Moscou s'était refusé au serment, avait maltraité le général Fréderichs et se dirigeait sur la place du Sénat avec des mouvemens séditieux. L'Empereur descend au corps de garde, fait charger

les fusils des fonctionnaires et donne des ordres pour faire arriver plusieurs régimens de la garde et le bataillon des sapeurs, auquel il confie les avenues du palais. Il envoie le comte Miloradowitsch apaiser les insurgés, auxquels s'étaient jointes plusieurs personnes de différens services et en fracs, quelque peu de soldats de l'équipage marin et des leibgrenadiers.

Le comte s'approcha des insurgés, dont les soldats avaient été séditionnés par une soi-disant fidélité au serment prêté à Constantin et criaient: hourra Constantin! Le comte commença à les sommer de se rendre à la raison, en leur disant, que s'il était question de dévouement à Constantin, il aurait été le premier à le témoigner, puisqu'il a été toujours comblé des bienfaits de ce prince; que toutes les distinctions, dont lui, comte, était honoré, ont été accordées à la recommandation du Grand-Duc, et même cette épée pour la valeur. En même tems il y porta la main pour la faire voir. Le prince Obolensky, qui se trouvait auprès de lui, craignant sans doute que cela n'eût d'influence sur l'hésitation des soldats, lui tira dans ce moment un pistolet à bout portant, qui, perçant le cordon de S-t André, lui fit une blessure mortelle, et arrachant le fusil d'un des soldats, lui porta un coup de bayonnette. Telle fut la fin de ce brave militaire, sans peur et sans reproche. La nouvelle en parvint à l'Empereur, quand il était déjà sorti du palais et se dirigeait sur la place avec tout son cortège.

Le premier régiment qu'il rencontre est celui d'Izmaïlowsky; il s'en approche et lui demande, s'il est pour lui ou contre lui. Quelques hourras lui apprirent, qu'il y régnait de l'incertitude. Alors il lui ordonne de charger les fusils à balles, et quand les armes furent chargées, il s'adressa de nouveau au régiment, lui disant: Je suis devant vous, vos fusils sont chargés; eh bien, répondez: êtes vous pour, êtes-vous contre moi? Un hourra unanime répondit à cette interpellation et le paya de son énergie et de son courage. Alors il se rendit sur la place où étaient les insurgés, les fait sommer, et en même tems il apperçoit un individu, portant le chapeau militaire de travers; il l'appelle et lui en demande la raison; l'autre lui fait voir

une blessure au front. C'était le scélérat Yacoubowitch; il faisait alors des signes au colonel Boulatoff, apposté derrière l'Empereur, pour décharger contre lui des pistolets, qu'on lui avait donnés à cet effet. Mais Boulatoff (d'après son propre aveu, quand il se remit lui-même le lendemain à la Commission d'Enquête) dit, que la contenance ferme et courageuse de l'Empereur lui avait paralysé les bras. Yacoubowitsch, persévérant à lui donner des signes d'intelligence, s'approcha de l'Empereur, simula un repentir, disant qu'il était aussi des insurgés. Le Monarque lui dit: Pour preuve de ton repentir, va mettre à la raison ces insensés. Mais l'émissaire, s'approchant d'eux, leur dit: ne craignez rien, on a peur de vous; et retournant vers le Souverain rapporta, qu'on ne l'écoutait pas. L'Empereur lui ordonna de nouveau d'aller leur annoncer qu'on allait procéder à les soumettre par la force armée et qu'il les sommait de nouveau. Yacoubowitsch partit, mais ne revint plus, parce qu'il vit que Boulatoff ne faisait plus attention à ses signes.

Dès lors les insurgés commencèrent à tirer, mais non avec ordre, mais à la billebaude; les balles sifflaient autour de l'Empereur. Kükhelbéker avait ajusté son pistolet contre le grand-duc Michel, mais un soldat lui fit sauter le pistolet des mains, et la balle ne fit que raser la terre. Le Monarque ne s'en tint pas là dans ses intentions de prévenir l'effusion du sang: il prit la résolution téméraire d'aller lui-même les haranguer; mais le général Wassiltschikoff retint son cheval par la bride et lui annonça avec fermété qu'il ne le laisserait pas aller exposer sa personne. Les pourparlers avaient duré plus de quatre heures. Une charge de cavalerie par votre ci-devant régiment fut ordonnée; par le manque d'espace, elle ne fut qu'au trot et fut repoussée. Alors l'Empereur, se retirant un peu, ordonna à l'artillerie d'agir. Huit coups à mitrailles furent tirés; le premier dirigé par-dessus les têtes fut répondu par les insurgés par une acclamation de: vive la liberté! Le second mieux dirigé modifia un peu les hourras; mais le troisième les culbuta et mit en fuite, qu'ils dirigèrent par la Galernaya; le 4-e, 5-e et 6-e en firent un affreux carnage, en plongeant dans leur masse encombrée dans cette rue étroite;

le 7-e et le 8-e dirigés contre quelquels pelotons, qui se réformaient sur la glace de la Néva, ne les atteignirent pas, parce que ce n'était pas à boulets.

Alors on procéda à les capturer. On fit des recherches dans le domicile des plus tarés et des plus notoires; on saisit leurs papiers, on y trouva leurs plans, projets de constitution, partage en douze républiques, nomination des consuls et dictateurs, la liste des conjurés; enfin, toutes leurs sottes et infâmes machinations furent découvertes. Après cela les arrestations furent très nombreuses. Les deux jeunes Konownitzine, le prince Wolkonsky, frère cadet de Repnine, en sont aussi, et beaucoup de personnes à Moscou ont été saisies; mais pas une seule d'un âge et d'un caractère solide, si ce n'est Michel Orloff. En Russie, les arrestations semblent avoir cessé; à présent c'est dans la Pologne, et même à Dresde, qu'on s'empare de quelques complices.

Vous aurez peut-être lu dans le Journal de S-t Pétersbourg un détail plus ample des aveux de ces infâmes conspirateurs et de leurs plans absurdes et homicides. Leur crime est un crime de lèze-nation; mais ce qu'on ne publie pas, au grand étonnement de tout le monde, ce sont les beaux traits de l'Empereur, qui vraiment montre un caractère des plus grands et des plus généreux.

Boulatoff, qui avoue lui-même son attentat, demande à voir ses enfans; les plus jeunes ne le reconnaissent pas: tant il est défiguré par son crime avorté. Cela produit sur lui une si forte impression, que spontanément il devint fou et meurt le quatrième jour à l'hôpital. L'Empereur dit alors: il a sévi contre ma personne, je lui pardonne. Il lui fait rendre par son convoi les honneurs militaires et prend sa famille sous sa protection.

La femme de Ryléeff et la mère des Bestougeff implorent sa miséricorde pour elles et leur pauvre existence. On leur accorde des pensions. L'un des cinq frères Bestougeff, pris à Cronstadt, où il s'était réfugié, amené devant l'Empereur pour l'interrogatoire, commence par demander à manger; on le lui accorde; après il a eu l'effronterie de débiter plusieurs réponses

très impertinentes, frondant le gouvernement de feu l'empereur et son choix des ministres, alléguant pour exemple Moller, qui a entre ses mains la marine, tandis que Séniavine, qui s'est aquis une réputation europeénne, par une prévention personnelle est délaissé. L'Empereur l'écoute patiemment. Le lendemain Séniavine est rappellé et fait aide-de-camp-général, et on dit que le Souverain proféra ces paroles mémorables, qu'il n'espérait pas dans tout le cours de son régne entendre autant de vérités, que Bestougeff lui en a dit. Mais ceci n'est pas authentique, comme les autres nouvelles; ce ne sont que des bruits.

Quelques jeunes cadets impliqués ont été relâchés dans l'instant. L'Empereur lui-même les a vu, gourmandé, consolé et pardonné.

Un des dignitaires de Moscou, questionné par le Monarque, si on ne craignait pas qu'il fût trop sévère, répondit: «au contraire, Sire, on craint que vous ne soyez trop clément». «Ni l'un, ni l'autre, répliqua l'Empereur; je suis dans la rigoureuse nécessité de faire des exemples; mais on ne me contestera pas, je crois, le plus beau droit des souverains, celui de faire grâce». Il dit à un autre: «Je ne régne pas encore, mais je me mets au courant, en débrouillant les papiers de feu l'Empereur». Il accorde un douaire d'un million à l'impératrice Élizabeth, l'ordonne au ministre des finances, qui demande, si on ne leverait par des nouveaux impôts. «Comment des impôts! s'écrie le Souverain; il n'y en a déjà que trop. Je vais vous assigner les sources d'où vous pouvez puiser. Mille roubles sont assignés journellement pour ma table; 500 suffiront et même feront vivre les fournisseurs». L'Impératrice n'accepta que 600 m., douaire fixé par la loi, et Kamennoy Ostrof, dont l'Empereur lui fit présent; elle le céda au grand-duc Michel, et d'autres disent,—à l'Héritier. On dit qu'elle demande à passer le reste de sa vie à Moscou ou aux alentours et qu'elle ne veut plus retourner à Pétersbourg. Elle a montré un caractère plus qu'humain; sa fermeté, sa résignation sont héroïques, et sa douleur concentrée est des plus fortes. Je joins ici une copie de sa lettre à l'Impératrice-Mère.

L'Empereur s'occupe des affaires avec une assiduité persévérante, bien avant dans la nuit; aucune affaire ne reste sans décision. Le gouverneur civil de Twer demanda la démission d'un conseiller de la régence, celui-ci se disculpe; le Conseil et le Sénat n'infligent qu'une reprimande. L'Empereur décide, que d'après les loix, la peine, que l'on veut attirer sur quelqu'un, doit retomber sur le solliciteur injuste, donne la démission au gouverneur lui-même, avec une remarque très rigoureuse au Conseil et au Sénat.

On ne sait pas au juste quand sera le couronnement: les uns disent, le 29 mai; d'autres, au mois de Septembre, après avoir fini le procès des conspirateurs. Pour procéder à leur jugement, on a exhibé des archives la procédure de Mirowitsch, l'affaire du czarévitsch Iwan et celle de Pougatscheff.

Je vous écris tout ceci en français, contre mon ordinaire, pour que, dans l'occasion, vous puissiez démentir les faux bruits des gazettiers parisiens et faire briller dans un jour véritable les espérances que la Russie fonde avec raison sur son nouveau Souverain. Je n'ai pu que rassembler à la hâte les traits de courage, de magnanimité et de générosité que je vous ai rapportés; mais combien d'autres qui ne me sont pas encore parvenus à la campagne! On s'accorde unanimement à dire qu'il surpasse l'attente de tout le monde, et que son énergie n'est surpassée que par sa bonté, sa douceur et son affabilité. Justesse de jugement, équité, appréciation des personnes de mérite, tout se réunit dans sa noble conduite. Il consolidera la gloire et le bonheur de la Russie.

Vous avez parfaitement raison en disant que pour faire la critique de cette infâme et absurde conspiration, il ne faudrait que faire l'énumération de l'âge de tous les conspirateurs; mais leur plan d'organisation pour la Russie n'est-il pas aussi d'une ignorance crasse de l'esprit du peuple? Partage en douze républiques fédérées; des provinces cédées (à la Pologne sans doute, car quelle autre puissance voisine aurait voulu profiter d'une pareille infamie?), des consuls, un dictateur: comme cela s'assortirait bien dans l'étendue de notre patrie! N'ont-ils pas lu dans Karamzine les suites funestes qui ont eu lieu du par-

tage de la Russie entre les ci-devant grands-ducs? (Il sont) plus coupables que les Jacobins français, qui n'ont jamais pensé au démembrement de l'état. La liberté pour les paysans russes consisterait dans la liberté de s'énivrer. Il faut entendre leurs idées sur la liberté! Ils disent: nous ne payerons rien, nous ne dépenderons plus de personne, nous aurons l'eau-de-vie à meilleur marché, et quand ils auraient vu qu'il faut pourtant payer, et peut-être plus qu'à présent (comme vous le remarquez bien à l'égard des impôts constitutionnellement imposés), quand pourtant ils se veraient astreints à l'obéissance aux loix d'administration et de morale: ils se seraient bientôt révoltés et auraient massacré consuls et dictateurs. Pour les réprimer ou les prévenir, la police surveillante des nobles n'existerait plus; la force militaire ne serait pas suffisante et peut-être ne voudrait pas agir contre la classe dont elle est prise et qui lui tient de si près; et alors tout tomberait dans l'anarchie et la barbarie; le massacre des autorités, des gens de lettres serait leur premier exploit. Car voyez dans toute la Russie, quelle est la civilisation du peuple. Elle est nulle, et ceux qui ont quelques petites notions, c'est à dire, savent lire, sont les plus dépravés, ou tombent dans une irréligion parfaite, ou dans les sectes schismatiques des rascolniks, et leur lecture se confine dans les bouquins schismothéologiques. Vous connaissez la plupart de leurs monstrueuses erreurs; leurs dogmes autorisent l'inceste, toutes les prostitutions possibles, absence de tout culte et toutes sortes d'infamies. Pour ce qui s'agit des connaissances dans les arts, le peu d'artisans qu'il y a, ont été formés par les seigneurs gentils-hommes. Écoles, hospices, hôpitaux, tout cela ne se trouve institué que par des nobles et le gouvernement, et jamais dans aucune propriété de la couronne, où le paysan est presque constitutionnel.

A propos de constitution, je vous dirai une anecdote plaisante, sans en garantir la véracité. Au 14 Décembre, quelques chefs des insurgés parlaient de constitution; un des soldats qui les écoutait, demande à un bas-officier ce que c'est que la constitution, et l'autre lui répond: «Sôt que tu es, c'est la femme de Constantin». La constitution! Et pourquoi? Pour mettre des limites à la volonté du Souverain, à celle de faire les

bienfaits. Le convoi depuis Taganrog a été le plus bel éloge funebre d'Alexandre; le dévouement le plus parfait, la vénération la plus profonde, la tranquillité, et même un silence morne, des regrets les plus sincères, des sanglots, des pleurs de détresse pour avoir perdu un père et un Monarque bien aimé, ont accompagné la marche funèbre dans tous les lieux; et après cela, qu'on dise que le peuple souffre du pouvoir absolu du Souverain! A présent une opinion unanime se répand parmi le peuple, les marchands et les bourgeois: on dit, qu'on connaît à présent la cause des impôts: ils ont été conseillés par des gens, qui voulaient pousser à la révolte, mais que l'Empereur n'y a jamais consenti de bonne grâce. Assurément qu'il serait à désirer, qu'il y eût quelque institution ou quelque chambre de comptabilité pour les opérations des ministres, dont quelques abus, non aperçus du Souverain, pourraient y être discutés et mis en évidence.

Ce qu'il y a de fâcheux et de plus mortifiant dans la dernière insurrection, c'est qu'elle a été projetée par des gentilshommes qui devaient y perdre le plus. Mais au reste la chose est très naturelle: les gens d'esprit qui y ont participés n'avaient puisé leur connaissance que dans des écoles et dans des livres, n'avaient jamais étudié l'esprit de la nation, qui ne se trouve bien décrit dans aucun ouvrage. L'exemple de la France, où quelques personnes d'esprit et de talens ont surnagé sur les flots de sang de la révolution (événement totalement impossible en Russie), les a séduit; et puis le carbonarisme et l'illuminatisme des sectes, dont les ramifications s'étendent dans toute l'Europe; et puis le luxe et l'état délabré de finances des Hidalgos russes, qui depuis longtems exigeraient des loix somptuaires,—toutes ces circonstances leur faisaient désirer une possibilité d'amélioration de leur existence. Ah qu'ils se seraient cruellement trompés, les malheureux! Ils auraient été tous égorgés. Nous en avons vu des echantillons dans la révolte de Pougatscheff. C'est vraiment une protection évidente de la Providence Divine, qui a découvert et anéanti cet infâme complot et qui a placé sur le trône un Monarque, doué de toutes les qualités énergiques qui sont nécessaires pour couper le mal jusque dans les racines. L'Empereur défunt, qui a su

employer pour la réussite de ses plans en 1813 l'effervescence des sectes de l'Allemagne, était en quelque sorte entravé par une espèce de reconnaissance, qu'il leur devait; son successeur actuel n'est plus astreint aux mêmes ménagemens, et une surveillance stricte et sévère sur les sociétés secrètes préviendra toutes les machinations, qu'elles pourraient produire. J'en reviens pourtant toujours à l'opinion du feu comte Rastoptschine, qu'il faudrait une réorganisation totale pour les postes aux lettres, avec une espèce de purification espagnole pour les préposés à cette partie. La seule perlustration ne suffit pas; il faudrait une assurance complète du non-carbonarisme de ceux qui s'en occupent. Vous vous étonnerez peut-être, qu'en parlant de perlustration, j'ai osé vous donner des détails aussi exacts sur toutes les affaires; mais je crois n'avoir rien dit au détriment du gouvernement; d'autant moins le pouvais-je, qu'il n'y a qu'une voix pour faire l'éloge du nouveau Monarque, dont le début lui pronostique le surnom de sage. Son courage, sa fermeté, sa perspicacité et sa modération sont d'autant plus méritoires, qu'on n'a jamais remarqué qu'il se soit préparé au rôle brillant qu'il joue. Son éducation n'a été que militaire, et point administrative; il n'a jamais eu part aux affaires civiles, et ses talens sont pour ainsi dire spontanés. Personne ne s'y est attendu, et d'autant plus grande est l'admiration, qu'on a pour lui. Mais le plus beau de ses attributs c'est qu'il entend la vérité: elle ne se cachera plus dans un puits; pour l'éviter, il la reçoit de partout, d'où elle se fait jour jusqu'à lui. Si ceux qui l'entourent et dont personne encore ne peut se vanter d'avoir captivé sa confiance entière, si ces gens pouvaient devenir des Sullys, Henri IV est là pour les entendre. Un *mais* se présente à mon esprit, en pensant aux ministres et grands dignitaires; pourtant un autre *mais* peut redonner des espérances. Les qualités du Monarque influent sur son entourage, et des qualités qui peut-être se trouvaient comprimées par les circonstances dans le fond des esprits de ces gens-là, peuvent en ressortir, en voyant qu'elles sont accueillies et prisées à leur juste valeur par le Souverain. La Russie est grande; et il y a beaucoup d'individus, dont le coeur et l'esprit sont en diapason; peut-être leur rang, leur état de retraite ne correspond pas au poste qu'ils pourraient

occuper; mais c'est au Souverain à savoir leur procurer la possibilité d'être utiles à la patrie, dont il est le véritable père.

Mais trève à ces raisonnemens, qui sont peut-être hors de propos dans ma bouche. Revenons à quelques sujets plus à notre portée. Le titre de la comédie *Горе отъ ума* s'est vérifié. Son auteur Griboédoff *) est coffré aussi. Le nombre de ces misérables révolutionnaires qu'on a happés est assez considérable et monte selon les bruits circulants à plus de 9000; mais je me plais à croire qu'il y a plus de séduits que de séducteurs. Tous ces jeunes gens imberbes, que les infâmes ont subornés, verront avec horreur l'abyme, où on les avait entraînés et deviendront peut-être de grands Condés pour la patrie, et non contre elle. Ces Catilinas manqués auront reçu une leçon dont ils pourront profiter pour redresser leurs opinions absurdes et criminelles. Ce sera pour eux une seconde éducation pratique. Mais ce pauvre Odoewsky dont le domestique s'était jété à ses genoux pour le retenir et qu'il a menacé de lui brûler la cervelle, est, à ce qu'il paraît, fortement impliqué. Son civisme mal entendu l'a perdu. Sans atténuer l'horreur que j'ai pour les forfaits projetés par Bestoujeff, je n'en regrette pas moins ses talens littéraires et son Étoile Polaire. Ce qui a paru cette année dans ce genre fait sentir plus vivement la perte que la littérature a faite dans un homme, qui, au lieu de s'en tenir au culte des Muses, s'est lancé dans la guerre des Titans et a attiré la foudre sur lui et ses adhérens.

La citadelle a été sauvée par une paire de pantalons, qui ont manqué à un des complices, qui devait y monter la garde, et par la présence d'esprit d'un fonctionnaire, qui a hissé le pont-levis en voyant une troupe en désordre en approcher. Avez-vous connu le jeune Panoff? C'est lui qui avec un détachement de leibgrenadiers, après avoir tué Sturler, devait effectuer le massacre de la famille impériale. L'infâme, il allait se marier, et il quitte sa promise pour aller à un crime abominable. Les sapeurs n'ont prévenu l'attentat que de cinq minutes, dit-on.

*) Недавно выпущенъ.

Après des affaires publiques, je ne conçois pas, comment vous ne recevez pas mes lettres. C'est la quatrième que je vous écris de retour dans mes foyers; j'en soupçonne la cause dans votre genre de vie retirée; on n'a pas de notions sur vous à la chancelerie de l'ambassade, et peut-être votre frère les aurait-il adressé à ses soins obligeants.

Maman désirerait votre retour pour que vous puissiez, en revenant par Würzbourg, y engager le manipulateur Kimetti, de l'institut de Heyne, à venir avec vous: il est très nécessaire à Annette. Je ne suis pourtant pas de son avis: je ne voudrais pas déranger le plan de vos voyages que je ne connais pourtant plus. Kimetti pourrait arriver tout seul. Mais la seule remarque que je vous ferai c'est de bien compter vos fonds et leur suffisance; n'étant pas dans la possibilité de vous en fournir encore, je voudrais qu'en les voyant décroître, vous vous arrangiez tellement que le restant pût vous suffire pour le retour en Russie.

Adieu, mon bon ami; je vous embrasse aussi tendrement que je vous aime. Mes complimens au cousin Chatiloff et à son compagnon. A propos, on parle que le ministère de la guerre passera à Zakrewsky. Ceci dénote la non-existance de la faveur gigantesque du comte Arakchéeff. C'était pourtant un homme intègre et laborieux. Cher ami, porte-toi bien et continues par ta conduite à être la consolation de ton vieux père Chomiakoff.

Перевод.

3 (15) Мая 1826 года, Липицы *).

Дорогой и любезный Алексѣй.

Съ послѣднимъ письмомъ твоимъ я получилъ отрывки твоей трагедіи, и они показались мнѣ очень выразительными и есте-

*) Липицы, старинное помѣстье Хомяковыхъ, нынѣ принадлежащее внуку Степана Александровича (писавшаго это письмо), Николаю Алексѣевичу Хомякову, находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ извѣстнымъ Панинскимъ Дугинымъ, гдѣ тогда проживалъ политическій изгнанникъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, по связямъ своимъ съ Петербургомъ имѣвшій возможность получать достовѣрныя извѣстія о событіи 14 Декабря. Графъ Панинъ и С. А. Хомяковъ жили добрыми сосѣдями и видались другъ съ другомъ. Зимніе мѣсяцы С. А. Хомяковъ обыкновенно проводилъ въ Москвѣ, гдѣ, по общественному положенію своему, могъ знать о ходѣ современныхъ дѣлъ (онъ былъ еднимъ изъ учредителей Англійскаго клуба).

стѣснёнными; однако я думаю, что отсутствіе рифмъ и разнообразіе размѣра будутъ служить камнемъ преткновенія для актеровъ и зрителей, привыкшихъ ждать отъ стиховъ размѣренной риѳмы. Мнѣ очень хочется поскорѣе прочесть все. Послѣдній монологъ умирающаго Ермака очень естественень: именно такъ онъ долженъ былъ выражаться, и его пылкость, когда онъ говоритъ о славѣ,—чувство необыкновенно возвышенное. Первый отрывокъ, намекающій на призваніе поэта, не представляетъ такихъ достоинствъ. Не побойся скуки и постарайся списать и прислать мнѣ все.

Твои описанія Парижа, твои сужденія какъ о Тальмѣ и другихъ актерахъ, такъ и о картинахъ, были мнѣ очень пріятны. Поздравляю тебя съ успѣхами въ живописи, но не предавайся ей слишкомъ. Ты знаешь, что не твое призваніе быть художникомъ, и что ты предназначенъ занимать мѣсто полезнаго члена общества въ твоемъ отечествѣ; твои вѣрныя и разумныя убѣжденія, твои здравыя и правильныя сужденія о недостойномъ заговорѣ *) предвозвѣщаютъ тебѣ возможность болѣе почетнаго поприща, особенно при Государѣ, который съ самаго начала подаетъ уже блестящія надежды. О немъ ходитъ множество интересныхъ разсказовъ, которыхъ журналы, по небрежности или по непростительному замалчиванью, не предаютъ гласности и которые извѣстны только изъ показаній свидѣтелей. Въ виду того, что, по твоимъ словамъ, Парижскія газеты разносятъ самые невѣжественные и смѣшные слухи, я постараюсь сообщить тебѣ, со словъ хорошо

*) Молодой Хомяковъ, отправлявшійся осенью 1825 года въ чужіе края, проѣздомъ черезъ Петербургъ, бывалъ у Рылѣева, у котораго обыкновенно собирались тогдашніе словесники, принимавшіе участіе въ прекрасномъ сборникѣ „Полярная Звѣзда“, выходившемъ съ 1823 года. Ея издателями были, какъ извѣстно, Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ (позднѣе писавшій подъ именемъ Марлинскаго). Первыя стихотворенія Хомякова появились въ печати именно въ „Полярной Звѣздѣ“. Еще Пушкинъ смѣялся надъ Рылѣевымъ, говоря, что онъ ходитъ въ книжную лавку Оленина изучать политику по Русскимъ газетамъ; но образъ мыслей Рылѣева и Бестужева былъ нѣкоторое время сочувственъ Пушкину; Хомяковъ же рѣшительно съ ними не сходился въ понятіяхъ политическихъ и однажды на вечерѣ у Рылѣева до того раздразнилъ его своими возраженіями, что тотъ безъ шапки убѣжалъ отъ себя въ сосѣднюю квартиру. (Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ Сѣверо-американской Компаніи, и въ домѣ ея у Синяго моста имѣлъ помѣщеніе). Хомяковъ говорилъ будущимъ Декабристамъ, что дѣло ихъ вовсе не есть дѣло свободы, а напротивъ дѣло насилія, такъ какъ они не имѣютъ права располагать судьбами отечества, замѣняя единоличную власть деспотизмомъ немногихъ.

знающихъ людей и достовѣрныхъ свидѣтелей, нѣсколько обстоятельныхъ подробностей обо всемъ ходѣ только что происшедшихъ событій.

Ты знаешь уже, что покойный Государь заболѣлъ, простудивъ себѣ голову во время поѣздки по горамъ Крыма. Въ началѣ болѣзнь его не была тяжела, но потомъ приняла опасный оборотъ, когда онъ получилъ обстоятельныя свѣдѣнія о возникавшемъ адскомъ заговорѣ и о покушеніи, замышлявшемся противъ его особы. Свѣдѣнія эти, говорятъ, шли отъ Витгенштейна и подтверждались вѣстями изъ Франціи, что тамъ печатается проектъ конституціи. Врачъ Государя, Вилье, прописалъ ему лѣкарства: но онъ отказался, говоря, что не тѣлесная болѣзнь, а нравственная убиваетъ его *) и что онъ не хочетъ пережить народнаго уничиженія: доказательство, что онъ считалъ заговоръ обширнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ и не подозрѣвалъ, что все это было не болѣе, какъ заговоръ молокососовъ. Лишь склонясь на убѣжденія духовника, онъ согласился поставить піявки и нарывной пластырь: но было уже поздно.

По кончинѣ его, генералъ Дибичъ послалъ донесеніе въ Варшаву, но такъ какъ на адресѣ значилось: „Императору Константину", то Константинъ, вѣрный и настойчивый въ своемъ отреченіи отъ престола, не распечаталъ донесенія и отослалъ его въ Петербургъ. Въ этихъ обстоятельствахъ генералъ Дибичъ поступилъ достохвально: онъ собралъ въ Таганрогѣ совѣтъ изъ наиболѣе значительныхъ генераловъ, который постановилъ, по единогласному рѣшенію, въ качествѣ главнаго штаба, строго наказать заговорщиковъ и послалъ приказъ арестовать нѣкоторыхъ полковниковъ, между прочими самаго вреднаго, Пестеля 2-го. Это вызвало бунтъ Муравьева-Апостола, съ частью Черниговскаго полка; но безъ такой мѣры вмѣсто нѣсколькихъ ротъ пришлось бы усмирять пять или шесть полковъ. И такъ, слава Дибичу, умѣвшему предупредить болѣе сильное возмущеніе.

Въ Петербургѣ новый Государь, по безпримѣрному великодушію, не хотѣлъ воспользоваться посмертнымъ манифестомъ Александра и отреченіемъ Великаго Князя, и первый присягнулъ императору Константину, тогда какъ этотъ присягнулъ въ Варшавѣ императору Николаю и, оставаясь настойчиво вѣренъ своему соглашенію съ покойнымъ братомъ, снова формально отрекся отъ

*) Съ боку приписка А. С. Хомякова: Въ первый разъ слышу и не вѣрю.

престола [1]). Послѣ этого новый Государь началъ обдумывать мѣры, которыя объяснили бы его манифестъ и не были бы въ противорѣчіи съ присягою, только что принесенной всей страною. Но генералъ-губернаторъ Милорадовичъ заявилъ ему, что примѣтно глухое броженіе, указывающее на какое-то зловѣщее намѣреніе и что надо скорѣе объявить себя Государемъ. Тогда появился новый манифестъ Николая I-го, со всѣми къ нему приложеніями, и 14 (26) Декабря было назначено для принесенія присяги и представленія двора. Весь дворъ былъ въ мундирахъ, Государь и генералы въ парадной формѣ со всѣми орденами. Вдругъ приходятъ сказать Государю, что Московскій полкъ отказался присягать, взбунтовался противъ генерала Фридрихса и идетъ на Сенатскую площадь, мятежно волнуясь. Императоръ входитъ въ караульную комнату, велитъ караулу зарядить ружья и отдаетъ приказъ прибыть нѣсколькимъ гвардейскимъ полкамъ и батальону сапёровъ, которому поручаетъ охранить выходы дворца. Онъ посылаетъ графа Милорадовича умиротворить бунтовщиковъ, къ которымъ присоединилось много военныхъ разнаго рода оружія и штатскихъ, нѣсколько матросовъ морского экипажа и лейбгренадеры. Графъ подошелъ къ мятежникамъ, у которыхъ солдаты были взбунтованы внушеніемъ соблюдать присягу Константину и которые кричали „ура, Константинъ“. Графъ началъ требовать, чтобы они опомнились, говоря имъ, что если бы дѣло шло о преданности Константину, онъ первый показалъ бы ее, потому что всегда былъ взысканъ милостями Великаго Князя, что всѣ отличія, которыми онъ, графъ, почтенъ, были даны ему по представленію Великаго Князя, и даже эта сабля за храбрость... Въ это время онъ положилъ руку на саблю, чтобы показать ее. Князь Оболенскій, который стоялъ близъ него, боясь, чтобы это не подѣйствовало на колеблющихся солдатъ, выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета; пуля, пробивъ Андреевскую ленту, смертельно ранила графа и, вырвавъ ружье у одного солдата, Оболенскій прокололъ Милорадовича штыкомъ [2]). Таковъ былъ конецъ этого храбраго воина безъ страха и упрека.

---

[1]) Образъ дѣйствій Николая Павловича, въ это слишкомъ трехнедѣльное междуцарствіе, еще и до сихъ поръ иногда возбуждаетъ недоумѣніе; между тѣмъ онъ поступалъ вполнѣ сообразно своей прямой и строго-честной природѣ. Онъ зналъ о завѣщаніи, сдѣланномъ въ его пользу, но не желалъ царствовать по завѣщанію, а по праву, которое предоставлялось ему „Уставомъ Императорской Фамиліи“, въ силу самопроизвольнаго отреченія брата Константина.

[2]) По донесенію Слѣдственной Комиссіи (см. „Русскій Архивъ“ 1881 года,

Вѣсть объ этомъ дошла до Государя, когда онъ вышелъ уже изъ дворца и направлялся на площадь со всею свитой. Первый полкъ, который онъ встрѣтилъ, былъ Измайловскій. Государь подъѣзжаетъ къ нему и спрашиваетъ, за него онъ или противъ него. Рѣдкое ура засвидѣтельствовало о нерѣшительности. Тогда онъ приказываетъ полку зарядить ружья и, когда это было сдѣлано, обращается снова къ полку и говоритъ: „Я передъ вами, ваши ружья заряжены; такъ отвѣчайте же, вы за меня или противъ меня?“ Единодушное ура было отвѣтомъ на эти слова и данью его твердости и мужеству. Тогда онъ прибылъ на площадь, гдѣ находились бунтовщики, и приказалъ убѣждать ихъ. Въ это время онъ замѣтилъ человѣка въ военной фуражкѣ, надѣтой накриво. Государь подозвалъ его и спросилъ о причинѣ этаго, и тотъ показалъ ему рану на лбу. Это былъ злодѣй Якубовичъ. Онъ дѣлалъ тогда знаки полковнику Булатову, стоявшему сзади Государя, чтобы тотъ выстрѣлилъ въ Государя изъ пистолетовъ, данныхъ ему для этой цѣли. Но Булатовъ, когда онъ на другой день самъ явился въ Слѣдственную Комиссію, признался, что твердая и мужественная осанка Государя ему связала руки. Якубовичъ, не переставая дѣлать ему знаки, приблизился къ Государю и притворился раскаявшимся, говоря, что онъ тоже принадлежитъ къ бунтовщикамъ. Государь сказалъ ему: „въ доказательство твоего раскаянія поди и уговори этихъ безумцевъ“. Но Якубовичъ, подошедши къ нимъ, сказалъ: „не опасайтесь ничего, васъ боятся“ и, вернувшись къ Государю, донесъ, что его не слушаютъ. Государь опять послалъ его сказать, что противъ нихъ станутъ дѣйствовать вооруженной силой и что онъ еще разъ ихъ убѣждаетъ смириться. Якубовичъ ушелъ, но не вернулся, такъ какъ видѣлъ, что Булатовъ не обращаетъ вниманія на его знаки.

Съ этой минуты бунтовщики начали стрѣлять, но не въ порядкѣ, а какъ попало, и пули свистали вокругъ Государя. Кюхель бекеръ прицѣлился изъ пистолета въ В. Князя Михаила; но солдатъ вышибъ ему пистолетъ изъ руки, и пуля только взбороздила землю. Государь и на этомъ не остановился въ своемъ намѣреніи предупредить кровопролитіе: онъ принялъ безстрашное рѣшеніе самъ идти убѣждать бунтовщиковъ; но генералъ Васильчиковъ удержалъ его лошадь за узду и твердо объявилъ, что не пуститъ его подвергаться опасности. Переговоры длились болѣе четырехъ

II, 326 и 327) смертельно ранилъ графа Милорадовича Каховскій, а князь Евгеній Петровичъ Оболенскій ткнулъ его штыкомъ.

часовъ. Вашему бывшему полку [1]) приказано было произвести атаку. По недостатку мѣста она была сдѣлана на рысяхъ и отбита. Тогда Государь, отступивъ немного въ сторону, приказалъ дѣйствовать артиллеріей. Было сдѣлано восемь выстрѣловъ картечью. На первый выстрѣлъ, пущенный поверхъ головъ, бунтовщики отвѣчали крикомъ: „да здравствуетъ свобода!“ Второй выстрѣлъ, лучше направленный, нѣсколько ослабилъ крики „ура“, а третій смѣшалъ бунтовщиковъ и обратилъ ихъ въ бѣгство; они направились по Галерной [2]). Четвертый, пятый и шестой выстрѣлы, врѣзавшись въ ихъ безпорядочную толпу по этой узкой улицѣ, произвели страшное опустошеніе. Седьмой и восьмой, направленные противъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ кучекъ, собиравшихся на льду Невы, не достигли ихъ, потому что стрѣляли не ядрами. Тогда начались аресты. Сдѣлали обыскъ въ квартирахъ самыхъ опасныхъ и замѣтныхъ бунтовщиковъ; забрали ихъ бумаги и нашли ихъ планы, проекты конституціи, раздѣленіе Россіи на двѣнадцать республикъ, назначеніе консуловъ, диктаторовъ, списокъ заговорщиковъ; однимъ словомъ, всѣ ихъ глупые и недостойные замыслы были открыты. Аресты были очень многочисленны: двое молодыхъ Коновницыныхъ, князь Волконскій, младшій братъ Репнина —также въ числѣ заговорщиковъ. И въ Москвѣ было взято много людей, но между ними ни одного въ зрѣломъ возрастѣ и характерѣ, если не считать Михаила Орлова. Въ Россіи аресты, кажется, кончились; теперь отыскиваютъ въ Польшѣ и даже въ Дрезденѣ нѣкоторыхъ соумышленниковъ.

Ты, можетъ быть, читалъ въ Journal de S-t Pétersbourg большія подробности о признаніяхъ этихъ гнусныхъ заговорщиковъ и объ ихъ безсмысленныхъ и человѣкоубійственныхъ планахъ. Ихъ преступленіе есть оскорбленіе націи. Но объ чемъ не печатаютъ,

---

[1]) А. С. Хомяковъ, въ очень ранней молодости, началъ службу въ Конногвардейскомъ полку (гдѣ нынѣ возникла мысль поставить его портретъ въ полковой залѣ). Алексѣй Степановичъ вспоминалъ позднѣе, что однажды ночью стоялъ онъ на караулѣ, и къ нему подошелъ Николай Павловичъ, тогда еще великій князь. У Хомякова надолго осталась въ памяти величавая красота этого человѣка. Читатели припомнятъ вышенапечатанныя прекрасныя письма Хомякова по поводу кончины Николая Павловича; онъ сочувственно говорилъ о немъ, вопреки цензурнымъ нелѣпымъ преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергался въ послѣдніе годы его царствованія. Государь же сознавалъ значеніе богословскихъ сочиненій Хомякова и въ частныхъ отзывахъ не только отдавалъ ему полную справедливость, но однажды приказалъ благодарить его за нихъ.

[2]) Пули по Галерной долетали до самаго конца ея, и одна изъ нихъ сохранилась въ домѣ графа А. А. Бобринскаго.

къ великому удивленію всѣхъ, это о прекрасныхъ поступкахъ Государя, который поистинѣ выказываетъ характеръ величавый и благороднѣйшій.

Булатовъ, сознающійся въ своемъ покушеніи, проситъ повидаться съ дѣтьми своими; самые младшіе не узнаютъ его: до такой степени его исказило неудавшееся преступленіе. Это производитъ на него до того сильное впечатлѣніе, что внезапно онъ сходитъ съ ума и на четвертый день умираетъ въ больницѣ. Государь сказалъ тогда: „онъ жестоко поступилъ относительно меня; я ему прощаю“, велѣлъ отдать ему при погребеніи воинскія почести и взялъ подъ свое покровительство его семью.

Жена Рылѣева и мать Бестужевыхъ молятъ о милосердіи къ себѣ и къ своей бѣдности; имъ даютъ пенсію. Одинъ изъ пяти братьевъ Бестужевыхъ, взятый въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ скрывался, и приведенный передъ Государя на допросъ, начинаетъ съ того, что проситъ ѣсть; ему даютъ. Послѣ этого онъ имѣетъ безстыдство много разъ отвѣчать очень дерзко, порицая царствованіе покойнаго государя и его выборъ министровъ, приводя въ примѣръ Моллера, у котораго въ рукахъ морское дѣло, тогда какъ Сенявинъ, который пріобрѣлъ себѣ Европейскую извѣстность, отстраненъ по личному предубѣжденію. Государь терпѣливо его слушаетъ. На другой день Сенявинъ былъ призванъ и сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, и, говорятъ, Государь произнесъ замѣчательныя слова, что онъ не надѣется во все время своего царствованія услышать столько правды, сколько сказалъ ему Бестужевъ. Но это не доподлинно извѣстно, какъ другіе разсказы; это только слухи.

Нѣсколько замѣшанныхъ въ дѣло молодыхъ кадетовъ были немедленно отпущены. Государь самъ видѣлъ ихъ, пожурилъ, утѣшилъ и простилъ.

Одинъ изъ Московскихъ сановниковъ *), когда Государь спросилъ его, не боятся ли, что онъ будетъ слишкомъ суровъ, отвѣчалъ: „напротивъ, Государь, боятся, что вы будете слишкомъ милостивы“.—„Ни то, ни другое, возразилъ Государь; я нахожусь въ настоятельной необходимости дать урокъ, но надѣюсь, у меня не станутъ оспаривать лучшее право государей—прощать и смягчать наказаніе“. Другому онъ сказалъ: „я еще не царствую, но вникаю въ дѣло, разбирая бумаги покойнаго государя“. Онъ назна-

*) Вѣроятно Сергѣй Ильичъ Мухановъ.

чаетъ вдовью часть императрицѣ Елисаветѣ въ милліонъ рублей и отдаетъ объ этомъ приказаніе министру финансовъ, который спрашиваетъ, не новыми ли налогами собрать эти деньги. „Какъ налоги! восклицаетъ Государь, ихъ и такъ слишкомъ много. Я укажу вамъ источники, откуда вы можете взять. Тысяча рублей ежедневно ассигнована на мою кухню; 500 р. будетъ достаточно и даже дастъ барыши поставщикамъ". Императрица приняла только 600.000 рубл., вдовью часть, положенную закономъ, и Каменный островъ, который ей подарилъ Императоръ; она уступила его Великому Князю Михаилу, а другіе говорятъ, Наслѣднику. Говорятъ, что она проситъ провести остатокъ жизни въ Москвѣ или ея окрестностяхъ и не хочетъ опять возвращаться въ Петербургъ. Она выказала характеръ сверхчеловѣческій: ея твердость и безропотность героическія, а сосредоточенное горе очень сильно. Я прилагаю здѣсь списокъ съ ея письма Императрицѣ-матери *).

Государь занимается дѣлами съ постояннымъ усердіемъ до глубокой ночи, ни одно дѣло не лежитъ дня безъ рѣшенія. Гражданскій губернаторъ Твери проситъ объ увольненіи одного изъ совѣтниковъ правленія; этотъ представляетъ оправданія. Совѣтъ и Сенатъ опредѣляютъ сдѣлать только выговоръ. Государь рѣшаетъ, что по законамъ наказаніе, которое хотятъ наложить на кого-нибудь, должно обратиться на несправедливаго истца, и увольняетъ самого губернатора, при строгомъ замѣчаніи Совѣту и Сенату.

Навѣрное не знаютъ, когда будетъ коронація. Одни говорятъ 29 Мая, другіе, что въ Сентябрѣ, по окончаніи судебнаго дѣла надъ заговорщиками. Чтобы приступить къ суду надъ ними, изъ архива достали судопроизводство надъ Мировичемъ, по дѣлу царевича Ивана, и судопроизводство надъ Пугачевымъ.

Противъ моего обыкновенія, пишу тебѣ все это по-французски, чтобы при случаѣ ты могъ опровергнуть ложные толки Парижскихъ газетчиковъ и выставить въ настоящемъ свѣтѣ тѣ надежды, которыя Россія не безъ основанія возлагаетъ на своего новаго Государя. То, что я тебѣ сообщаю, это только на спѣхъ записанные поступки мужества, великодушія и щедрости, а сколько еще такихъ, которые не дошли до меня въ деревню. Но всѣ единодушно сходятся во мнѣніи, что Государь превосходитъ всякія ожиданія и что одна лишь его доброта, мягкость и сердечность способны превысить его дѣятельность. Правильность сужденія, оцѣнка

*) Это извѣстное письмо (нашъ ангелъ на небесахъ).

людей достойныхъ—все это соединяется въ благородствѣ его поступковъ. Онъ упрочитъ славу и счастіе Россіи.

Ты совершенно правъ, говоря *), что для оцѣнки этого недостойнаго и нелѣпаго заговора достаточно было бы перечислить возрастъ всѣхъ заговорщиковъ. Но ихъ организаціонные планы для Россіи не отличаются ли тоже грубымъ незнаніемъ народнаго духа? Раздѣлить ее на двѣнадцать союзныхъ республикъ, уступить области (вѣроятно, Польшѣ, ибо какая другая сосѣдняя держава захотѣла бы воспользоваться такою низостью?), учредить консуловъ, диктатора, — какъ это все вяжется съ обширностью нашего отечества! Не читали ли они у Карамзина о гибельныхъ послѣдствіяхъ раздѣла Россіи между прежними великими князьями? Они болѣе виновны, чѣмъ Французскіе Якобинцы, никогда не помышлявшіе о расчлененіи государства. Для Русскихъ крестьянъ свобода заключалась бы въ свободѣ напиваться. Надо знать ихъ мысли на счетъ свободы! Они говорятъ: мы не будемъ платить ничего, мы ни отъ кого не будемъ зависѣть, у насъ водка будетъ дешевле. А когда они увидятъ, что приходится однако платить и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ теперь (ты дѣлаешь вѣрное замѣчаніе въ этомъ смыслѣ относительно налоговъ, конституціонно налагаемыхъ), и когда вмѣстѣ съ этимъ они себя увидятъ подчиненными законамъ о порядкѣ и нравственности, они скоро возмутятся и перебьютъ консуловъ и диктаторовъ. Для того, чтобы ихъ усмирять или заблаговременно предупреждать, уже не будетъ бдительнаго управленія дворянъ; военной силы будетъ недостаточно, и даже она, можетъ быть, не пожелаетъ дѣйствовать противъ сословія, изъ котораго она набрана и которое ей такъ родственно. Тогда все будетъ поглощено анархіей и варварствомъ; избіеніе властей и образованныхъ классовъ будетъ первымъ шагомъ на этомъ пути. Взгляни, пожалуста, каково просвѣщеніе народа въ Россіи—оно ничтожно; а тѣ, которые имѣютъ нѣкоторыя небольшія свѣдѣнія т. е. грамотны, болѣе другихъ развращены или впадаютъ въ совершенное безвѣріе, либо въ схизматическія секты раскольниковъ, у которыхъ чтеніе ограничивается однѣми схизматически-богословскими книжонками. Ты знаешь бо́льшую часть ихъ безобразныхъ заблужденій: ихъ догматы допускаютъ развратъ и всякія возможныя распутства; нѣтъ у нихъ никакого богослуженія, но всяческія безобразія. Что же касается до развитія ремеслъ, то немногіе имѣющіеся у насъ ремесленники обязаны своимъ образо-

*) Къ сожалѣнію, не имѣемъ мы тогдашнихъ писемъ А. С. Хомякова къ его родителямъ.

ваніемъ исключительно помѣщикамъ-дворянамъ. Школы, богадѣльни, больницы—все учреждено только дворянами и правительствомъ: ничего подобнаго нѣтъ у казенныхъ крестьянъ, которые однако почти что на конституціонномъ положеніи.

По поводу конституціи я тебѣ разскажу забавный анекдотъ, не отвѣчая однако за его достовѣрность. 14-го Декабря нѣсколько начальниковъ возмущенія разговаривали о конституціи; одинъ солдатъ, слышавшій ихъ разговоръ, спросилъ унтера-офицера, что̀ такое конституція? а тотъ ему отвѣчалъ: „дуракъ—это жена Константина!“ Конституція! А для чего? Для того, чтобы ограничить свободу Государя, свободу оказывать благодѣянія. Проводы отъ Таганрога были самымъ краснорѣчивымъ надгробнымъ словомъ Александру; похоронное шествіе вездѣ встрѣчало совершенную преданность, глубочайшее почитаніе, спокойствіе и даже грустное молчаніе, искреннѣйшую скорбь, плачи и рыданія объ утратѣ отца и возлюбленнаго Государя. Пускай скажутъ послѣ этого, что народъ страдаетъ отъ самодержавнаго правленія. Въ настоящее время распространяется общее убѣжденіе въ средѣ крестьянъ, купцовъ и мѣщанъ: извѣстна-де причина налоговъ, ихъ присовѣтовали люди, желавшіе вызвать безпорядки, но Государь на нихъ никогда охотно не соглашался. Конечно, нельзя не пожелать какого нибудь учрежденія или какой нибудь учетной палаты для наблюденія за министрами, въ которой могли бы обсуждаться и выясняться нѣкоторыя злоупотребленія таковыхъ, незамѣчаемыя самимъ Государемъ.

Всего прискорбнѣе и обиднѣе въ послѣднемъ возстаніи это то, что оно задумано дворянами, которые болѣе всего должны были отъ него пострадать; но, тѣмъ не менѣе, это обстоятельство вполнѣ естественно: умные люди, которые въ немъ участвовали, почерпали свои свѣдѣнія только въ школахъ или въ книгахъ, никогда не изучали народнаго духа, ни въ одномъ сочиненіи хорошо не описаннаго. Примѣръ Франціи, въ которой нѣсколько умныхъ и даровитыхъ людей спаслись отъ кровавыхъ потоковъ революціи (что̀ въ Россіи совершенно невозможно), ихъ увлекъ, ихъ прельстилъ, а потомъ карбонарство и иллюминатство сектъ, охватившихъ своими отпрысками всю Европу, затѣмъ роскошь и жалкое состояніе Русскихъ Гидальго, которые давно уже нуждались въ стѣснительныхъ по этой части законахъ—всѣ эти обстоятельства побуждали желать возможнаго улучшенія ихъ быта. О, какъ эти несчастные были бы обмануты; ихъ бы всѣхъ передушили. Примѣромъ тому Пугачевскій бунтъ. Очевидно, Божественному Про-

мыслу обязаны мы открытіемъ и подавленіемъ этого подлаго заговора и тѣмъ, что на престолъ оказался Государь, одаренный всѣми качествами, потребными для пресѣченія зла въ самомъ его корнѣ. Покойный императоръ, умѣвшій воспользоваться для своихъ успѣховъ въ 1813 г. броженіемъ сектъ въ Германіи, былъ до нѣкоторой степени связанъ нѣкоего рода благодарностью къ нимъ; но его преемникъ уже не находится въ томъ же положеніи, и строгое, неукоснительное наблюденіе надъ тайными обществами предупредитъ всѣ подвохи, которые они могли бы устроить. Я однако все-таки возвращаюсь къ мнѣнію покойнаго графа Растопчина *), что надо было бы совершенно преобразовать почтовое учрежденіе, на основаніи нѣкоей Испанской „пурификаціи“ чиновниковъ этого вѣдомства. Одной перлюстраціи недостаточно; потребна полная увѣренность въ „не-карбонаризмѣ“ занимающихся сею. Ты удивишься, можетъ быть, что, говоря о перлюстраціи, я рѣшился тебѣ сообщать такія точныя подробности обо всѣхъ дѣлахъ; но я думаю, что мною ничего не сказано во вредъ правительству; тѣмъ менѣе могъ я это сдѣлать, что всѣ въ одинъ голосъ восхваляютъ новаго Государя, первые шаги котораго предвѣщаютъ ему въ будущемъ наименованіе мудраго. Его храбрость, твердость, прозорливость и умѣренность тѣмъ болѣе почтенны, что онъ никогда не подавалъ вида человѣка, готовившагося занять свое теперешнее блестящее положеніе. Его воспитаніе было чисто-военное, а не административное; никогда онъ не занимался гражданскими дѣлами, въ области коихъ его дарованіе проявляется какъ бы внезапно. Никто этого не ожидалъ, и тѣмъ сильнѣе восторгъ, который онъ вселяетъ; но лучшее изо всѣхъ его качествъ—чуткость къ правдѣ: она уже не будетъ скрываться на днѣ колодца; чтобы избѣжать этого, онъ ее привѣтствуетъ; откуда бы она къ нему ни приходила. Если бы окружающіе его, изъ которыхъ еще ни одинъ не можетъ разсчитывать на его полное довѣріе, если бы эти люди могли сдѣлаться подобными Сюлли, то Генрихъ IV налицо, чтобы внимать имъ. Одно „но“ представляется мнѣ, это, когда я думаю о министрахъ и сановникахъ; однако другое „но“ можетъ оживить надежды. Свойства Государя дѣйствуютъ на его окружающихъ, и достоинства, которыя могли бы быть подавлены обстоятельствами, въ умахъ этихъ людей могутъ также проявиться, когда на нихъ будетъ запросъ и имъ будетъ достойная опѣнка со стороны Государя. Россія велика: въ

*) Графъ Ѳ. В. Растопчинъ скончался въ Москвѣ, въ Январѣ этого 1826 года.

ней немало людей, у которыхъ умъ и сердце въ полномъ согласіи. Можетъ быть, по чину, по нахожденію въ отставкѣ, они не соотвѣтствуютъ должностямъ, которыхъ были бы достойны; дѣло Государя пріискать для нихъ возможность быть полезными отечеству, коего онъ истинный отецъ.

Но довольно разсуждать о предметахъ, можетъ быть, въ устахъ моихъ неумѣстныхъ. Возвратимся къ нѣкоторымъ предметамъ, болѣе намъ доступнымъ. Названіе комедіи „Горе отъ ума“ оправдалось. Авторъ ея, Грибоѣдовъ тоже арестованъ *). Число этихъ несчастныхъ революціонеровъ, подвергшихся аресту, довольно велико и по слухамъ превышаетъ 9000; льщу себя мыслью, что совращенныхъ однако больше, чѣмъ совратителей. Всѣ эти безбородые юноши, которыхъ злодѣи увлекли, увидятъ съ ужасомъ бездну, въ которую ихъ заманили и сдѣлаются, можетъ быть, великими Конде на пользу отечества, а не во вредъ ему. Эти неудавшіеся Катилины получатъ урокъ, которымъ будутъ имѣть возможность воспользоваться для исправленія своихъ нелѣпыхъ и преступныхъ мнѣній. Это будетъ для нихъ второе воспитаніе— практическое. Но этотъ бѣдный Одоевскій, слуга коего бросился передъ нимъ на колѣна, чтобы его остановить и которому онъ грозилъ застрѣлить его, повидимому, очень сильно замѣшанъ. Ложно понятый цивизмъ погубилъ его. Не скрывая отвращенія, которое я питаю къ задуманнымъ Бестужевымъ злодѣяніямъ, я чувствую, тѣмъ не менѣе, утрату его литературныхъ талантовъ и его Полярной Звѣзды. Нынѣшній годъ заставилъ особенно почувствовать утрату для литературы такого человѣка, который промѣнялъ служеніе Музамъ на борьбу Титановъ и навлекъ перуны на себя и своихъ послѣдователей.

Крѣпость была спасена благодаря панталонамъ, которые исчезли у одного изъ заговорщиковъ, имѣвшаго быть тамъ дежурнымъ, а также благодаря смѣтливости одного служащаго, который вздернулъ подъемный мостъ при видѣ подходившей безпорядочной толпы. Зналъ ли ты молодого Панова? Онъ долженъ былъ, съ отрядомъ лейбъ-гренадеровъ, послѣ убійства Стюрлера, перебить всю императорскую фамилію. Злодѣй — онъ собирался жениться и бросилъ невѣсту, чтобы идти на отвратительное преступленіе. Говорятъ, что сапёры предупредили это покушеніе только пятью минутами.

Покончивъ съ общественными дѣлами, не понимаю, какъ это ты не получаешь моихъ писемъ. Вотъ уже четвертое пишу тебѣ

*) Недавно выпущенъ.

по возвращеніи во-свояси. Подозрѣваю причину въ твоей отчужденности: о тебѣ не имѣютъ свѣдѣній въ канцеляріи посольства, а можетъ быть, твой братъ [1]) адресовалъ письма мои туда.

Твоя мать желала бы возвращенія твоего для того, чтобы ты могъ по пути черезъ Вюрцбургъ пригласить костоправа Киметти изъ института Гейне пріѣхать съ тобою: онъ очень нуженъ для Анеты [2]). Я однако не раздѣляю ея мнѣнія и не желалъ бы разстраивать планъ твоего путешествія, въ настоящее время мнѣ впрочемъ неизвѣстнаго. Киметти могъ бы пріѣхать одинъ. Единственное замѣчаніе, которое я тебѣ сдѣлаю, — сочти хорошенько твои средства и ихъ достаточность; не имѣя возможности послать тебѣ новыхъ, я бы желалъ, чтобы умаленіе ихъ было согласовано съ возможностью возвратиться въ Россію. Прощай, мой добрый другъ; цѣлую тебя столь же нѣжно, сколь и люблю тебя. Поклонись братцу Шатилову и его спутнику. Между прочимъ, говорятъ о переходѣ военнаго министерства къ Закревскому. Это указываетъ, что чрезвычайная сила графа Аракчеева миновала. Это однако былъ человѣкъ честный и трудолюбивый. Дорогой другъ, будь здоровъ и продолжай твоимъ поведеніемъ быть утѣхою твоего стараго отца Хомякова [3]).

---

[1]) Старшій братъ А. С. Хомякова, Ѳедоръ Степановичъ; онъ состоялъ на службѣ при Парижскомъ посольствѣ, а въ это время, кажется, былъ въ отпуску въ Россіи.

[2]) Единственная сестра А. С. Хомякова Анна Степановна, († 1838), мать Ивана и Степана Васильевичей была въ замужествѣ за Василіемъ Ивановичемъ Хомяковымъ же.

[3]) Степанъ Александровичъ Хомяковъ, человѣкъ обширной начитанности, знатокъ въ словесности и въ тоже время занимавшійся много математикою, скончался въ 1836 году.

Письмо В. А. Жуковскаго къ А. С. Хомякову.

(Б. Баденъ, 1847).

Видно, что я заживое зацѣпилъ вашу Русскую совѣсть, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, что вы съ такою Нѣмецкою аккуратностью исполнили свое обѣщаніе, данное мнѣ въ Эмсѣ. Вѣдь знаете ли: я получилъ отъ васъ извѣстную вамъ рукопись, право получилъ. Не вѣрю глазамъ своимъ, а оно такъ. Тѣмъ живѣе моя къ вамъ благодарность: я радъ этому присланному мнѣ манускрипту, первое потому, что онъ — онъ; второе потому, что онъ памятникъ для меня нашихъ Эмскихъ вмѣстѣ проведенныхъ часовъ; наконецъ, третье, потому, что онъ представитель вашей мнѣ милой дружбы, которая и заочно такъ же памятлива мнѣ какъ и на лицо. Я только вчера получилъ отъ Вяземскаго, а онъ отъ Попова, рукопись, еще не принялся за чтеніе, начну его послѣ Новаго года. Но что же вы будете съ нею дѣлать? Я все стою на томъ, что надо ее перевести на Нѣмецкій (а не на Французскій) языкъ и напечатать въ Германіи. Теперь именно та минута, въ которую она здѣсь произведетъ великое дѣйствіе. Но переводъ можетъ быть сдѣланъ только у васъ на глазахъ. Къ переводу бы приложить и подлинникъ. Жаль, что объ этомъ не подумали вы до вашего отъѣзда за границу; теперь книга была бы у всѣхъ въ рукахъ. Ея появленіе было бы радостно и для протестантовъ вѣрующихъ *).

Вяземскій пишетъ ко мнѣ, что въ конституціи Москвитянина произошло измѣненіе, что онъ теперь управляется дуумвирами и что Шевыревъ подалъ могучую свою руку Погодину. Я этому радуюсь: Москвитянинъ всегда былъ честнымъ журналомъ. Теперь онъ будетъ и блистателенъ, и привлекательнѣе

*) Говорится о Хомяковскомъ Православномъ Катихизисѣ, которымъ начинается второй томъ его сочиненій. *Изд.*

прежняго. Жалѣю весьма, что въ эту минуту нѣтъ у меня ничего такого, что бы могло быть принесеннымъ въ дань новому издателю. Изъ Одиссеи я ничего не могу дать, потому что она должна вся сполна явиться, чтобы произвести дѣйствіе свое въ цѣломъ. На отрывки она не годится; ибо въ ней ничего нѣтъ блестящаго: она можетъ быть привлекательна только общею, тихою гармоніею всѣхъ частей своихъ, совокупно взятыхъ. Первый томъ печатается здѣсь въ Карлсруэ. Второй томъ еще не родился. Когда печатаніе всѣхъ томовъ кончится, буду имѣть счастіе предложить вамъ свое поэтическое дитя, котораго лепетаніе вы уже слышали. А propos: не слишкомъ спѣшите съ вашими обѣщанными мнѣ примѣчаніями. Въ первомъ изданіи Одиссеи ихъ нельзя будетъ напечатать, ибо это первое изданіе выйдетъ вмѣстѣ со всѣми другими моими твореніями. Я печатаю здѣсь только ихъ собраніе. Одни только самыя необходимыя примѣчанія будутъ прибавлены къ Одиссеѣ.

Простите, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ. Хорошо бы и весьма хорошо бы было, если бы вы написали мнѣ страничку о себѣ и страничку о Москвѣ. Я буду у васъ весною, то-есть лѣтомъ (веснуя въ Петербургѣ), одинъ или съ женкою, если ея здоровье позволитъ. Эмсъ помогъ, но не совсѣмъ. Она вамъ и Екатеринѣ Михайловнѣ дружески кланяется, а я у васъ обоихъ жму руки. А дѣтей вашихъ снова, благодарю за лестное вниманіе, оказанное ими Ивану Царевичу и Сѣрому Волку.

*

Въ Январѣ 1841 года, когда Жуковскій, передъ своимъ послѣднимъ отъѣздомъ за границу и женитьбою, пріѣзжалъ въ Москву повидаться съ родными, А. С. Хомяковъ устроилъ для него вечеръ у себя въ домѣ, а въ альбомъ ему написалъ слѣдующіе стихи:

Москва-старушка васъ вскормила,
Восторговъ сладостнымъ млекомъ,
И въ свѣтлый путь благословила
За поэтическимъ вѣнкомъ.

За пѣсень вдохновенныхъ сладость,
За вѣчно-свѣжій вашъ вѣнецъ,
За вашу славу,—нашу радость,
Спасибо, нашъ родной пѣвецъ!

Да будетъ ваше небо ясно;
Да будетъ свѣтелъ міръ труда,
И да сіяетъ вамъ прекрасно
Любви негаснущей звѣзда.

Ал. Хомяковъ.

Два письма Василія Дмитріевича Олсуфьева къ А. С. Хомякову.

I.

17 Мая 1855 г.

Милостивый государь Алексѣй Степановичъ!

Государыня Императрица, узнавъ, что вы написали продолженіе сочиненія вашего: Quelques mots d'un Chrétien Orthodoxe, желаетъ прочитать оное. Почему и обращаюсь къ вамъ съ просьбою прислать мнѣ вашу рукопись, для представленія Ея Величеству. Ей угодно было приказать сообщить вамъ, что покойный Государь Императоръ съ удовольствіемъ читалъ вышеписанное сочиненіе и остался имъ доволенъ.

Пользуясь симъ, честь имѣю и пр.

В. Олсуфьевъ.

II.

29 Іюня 1855 г. Петергофъ.

Милостивый государь Алексѣй Степановичъ!

Государыня Императрица Марія Александровна повелѣть мнѣ соизволила препроводить къ вамъ Нѣмецкій переводъ книги вашей, по волѣ великой княгини Ольги Николаевны сдѣланный нашимъ Стутгардскимъ священникомъ. Исполняя симъ такую высочайшую волю, покорно прошу о полученіи не оставить меня увѣдомленіемъ.

Вамъ вѣроятно не безызвѣстны распри Западной церкви о непорочномъ зачатіи Пресвятыя Богородицы (immaculée conception). Посылаю отъ себя, для прочтенія, протестъ аббата Лаборда противъ сего новаго догмата. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что показываетъ уже и въ духовенствѣ ослабѣвающее вѣрованіе въ непогрѣшительность папъ. Прилагаю также № «Аугсбургской Газеты», заключающій любопытную статью о исповѣди. Не знаю что̀, а что-то творится въ вѣрованіяхъ Запада.

Пользуясь симъ, имѣю честь и пр.

В. Олсуфьевъ.

Два письма архіепископа Григорія къ А. С. Хомякову.

1.

Милостивый государь Алексѣй Степановичъ!

Благодарю васъ за довѣренность, которую мнѣ оказали, хотя не знаете меня лично, и молю Господа Бога, чтобы Онъ утѣшилъ васъ въ вашей семейной скорби для той любви, которую оказываете вашему ближнему, подъ бременемъ собственнаго горя.

Получивъ ваше письмо, переговорилъ я о Пальмерѣ и его дѣлѣ съ общимъ нашимъ знакомымъ—А. Н. Муравьевымъ, который имѣлъ случай видѣть Пальмера прошедшею осенью на Югѣ Россіи и въ подробности знаетъ какъ частныя его обстоятельства, такъ и церковныя въ Англіи. Желалъ бы подать утѣшеніе Пальмеру; но, не зная его лично и не имѣя отъ него письма, не могу. Очень сожалѣю о его горькомъ духовномъ положеніи, въ которое онъ поставилъ себя. Его другъ пишетъ ему, что онъ «вступаетъ въ Римскую церковь по тому убѣжденію, что дверь, которая не отворяется передъ такимъ ревностнымъ просителемъ, какъ онъ, Пальмеръ, не можетъ быть дверью церкви Христовой». Убѣжденіе неправильное! Этому другу должно было знать, и онъ безъ сомнѣнія зналъ, что у насъ дверь для нихъ отперта. Причиною означенной неправильности Пальмеръ.

Вникните въ образъ дѣйствованія Пальмера. Когда онъ пріѣзжалъ въ Россію, тогда, при всемъ своемъ расположеніи къ Православію, онъ былъ еще напитанъ своими частными мнѣніями, спорилъ объ исхожденіи Св. Духа и о пресуществленіи, и хотѣлъ, чтобы церковь Россійская, въ лицѣ его, безусловно признала правовѣріе Англійской, въ которомъ будто бы никогда не могла сомнѣваться, имѣя столкновеніе только съ Рим-

скою. Возвратясь въ отечество, Пальмеръ, по своей христіанской ревности, лучше изучилъ Православіе, убѣдился въ чистотѣ нашего символа и сдѣлавшись, можно сказать, почти православнымъ въ душѣ, поѣхалъ на Востокъ. Тамъ думалъ онъ найти болѣе свободный пріемъ у патріарховъ, но ошибся: патріархи стали требовать отъ него вторичнаго крещенія. Это очень прискорбно, но понятно. Находясь въ тѣснотѣ, живя въ разобщеніи со всѣми исповѣданіями Запада и видя у себя на Востокѣ въ ихъ представителяхъ, особливо въ настоящее время, жесточайшихъ враговъ Православія, патріархи стали сомнѣваться даже въ ихъ христіанствѣ, и стараются оградить себя отъ нихъ. Могли ли эти патріархи довѣрить ревности Англійскаго діакона, которая, при нынѣшнихъ дипломатическихъ хитростяхъ, могла показаться странною всякому, кто не зналъ ея такъ отчетливо, какъ вы и теперь я? Ежели Пальмеръ подлинно убѣдился въ Православіи и, соглашаясь на все, просилъ только объ одномъ, чтобы не повторяли надъ нимъ крещенія: то зачѣмъ ему было силою врываться въ запертыя двери Греческой церкви, когда ему совершенно отворены были двери церкви Русской, болѣе знакомой съ духомъ западныхъ иновѣрцевъ? Когда дѣло шло о душевномъ спасеніи его и людей единомысленныхъ ему въ Англіи, тогда его ли дѣло было неблаговременно и неосторожно поднимать запутавшійся вопросъ, который, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, распутался бы самъ собою? Мы приняли бы его безъ вторичнаго крещенія, и братія наши на Востокѣ сообщились бы съ нимъ безъ всякаго сомнѣнія; а домашнія недоумѣнія мы рѣшили бы и безъ его вмѣшательства. Что дѣлаетъ онъ теперь въ Аѳинахъ, вмѣсто того, чтобы слѣдить въ Англіи за направленіемъ умовъ къ Православію, котораго онъ былъ первымъ двигателемъ.

Что касается до просьбы о соединеніи, которую будто бы прислали къ намъ люди благонамѣренные изъ Англіи, то ея у насъ нѣтъ; она существуетъ здѣсь только въ проектѣ, и эти люди, въ отсутствіе Пальмера, какъ слышно, остановились подписывать ее. Конечно нельзя будетъ безъ вниманія оставить такого прошенія, если оно будетъ написано въ православномъ духѣ; но надобно будетъ разбирать его съ большою осторож-

ностію, дабы, сближаясь съ единовѣрцами новыми, не удалиться отъ старыхъ и дабы послѣднее не сдѣлалось, по слову Евангелія, горше перваго.

Вотъ, что могъ я написать съ любовію къ вамъ и съ искреннимъ душевнымъ желаніемъ добра всѣмъ тѣмъ, которые желаютъ войти въ разумъ истины и которыхъ никогда не чуждается Православная церковь, только бы они не чуждались ея особенностію своего взгляда.

Моля Господа Бога объ утѣшеніи вашему сердцу, остаюсь съ чувствомъ совершеннаго къ вамъ уваженія вашего высокородія покорный слуга Григорій, архіепископъ Казанскій.

5 Марта 1852 г. (Спб.).

2.

Алексѣй Степановичъ, милостивый государь!

Винюсь, что не отвѣчаю долго. Препятствовали частію собственная болѣзнь, частію разныя потребности, отъ которыхъ нельзя было отбиться.

Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи да утѣшитъ васъ во дни радости полнымъ утѣшеніемъ!

Въ отношеніи къ Англійскому вопросу, къ сожалѣнію, не могу сказать вамъ ничего болѣе сказаннаго. Намъ было бы очень пріятно, если бы Пальмеръ и его единомысленники приняли Православіе; но дѣлать имъ въ этомъ отношеніи какія-либо предложенія нахожу неудобнымъ. Того, чтобы они не знали нашихъ чиноположеній и обычаевъ, не могу думать. Пальмеръ двукратно посѣщалъ Россію и издавалъ на своемъ языкѣ догматическія книги съ своими объясненіями. Ежели его единомысленники имѣютъ какія-либо сомнѣнія, то, при ихъ довѣренности къ нему, онъ легко можетъ уничтожить ихъ. Главное затрудненіе для Пальмера заключается въ томъ, что онъ самъ колеблется между двумя церквами, и хотя убѣжденъ въ истинѣ догматовъ Православной церкви, но увлекается внѣшностію Римскою. Тутъ предложеніе, чего просить, неумѣстно. Это предложеніе трудно особенно теперь, когда онъ такъ неосторожно возбудилъ на Востокѣ вопросъ о крещеніи. Этотъ

вопросъ, въ свое время конечно, рѣшится благопріятно; но легкое наше сближеніе съ иновѣрцами въ настоящее время удобно можетъ произвести на Востокѣ касательно насъ сомнѣніе. Говорю не о нуждѣ новаго крещенія со стороны Пальмера съ его соотечественниками, но о затруднительности, въ какую Пальмеръ поставилъ насъ въ отношеніи къ Востоку. До прояснения возбужденнаго имъ вопроса (что конечно не можетъ продолжиться слишкомъ долго) намъ должно опасаться, чтобы, заключая новый союзъ, не разорвать стараго.

Желая вамъ всѣхъ временныхъ и вѣчныхъ благъ, съ душевнымъ уваженіемъ есмь вашъ покорный слуга Григорій, архіепископъ Казанскій.

16 Апрѣля 1852 г. (Спб.).

Дополненія къ третьему тому.

Хомяковъ пишетъ Ю. Ѳ. Самарину (см. выше, стр. 295): „Пошлите хоть что-нибудь въ „Молву“. Я туда маленькіе вклады посылаю“. Эти строки напомнили намъ объ участіи Хомякова въ „Молвѣ“ 1857 года, которую издавалъ С. М. Шпилевскій, а главнымъ сотрудникомъ былъ К. С. Аксаковъ. Нѣсколько запоздалая справка съ „Молвой“ (сдѣлавшеюся нынѣ библіографическою рѣдкостью) показала, что, во-первыхъ, двѣ статьи, напечатанныя въ III-мъ томѣ нынѣшняго изданія сочиненій Хомякова, „Современный вопросъ“ и „По поводу г. Чичерина“ появились первоначально въ „Молвѣ“, первая съ подписью автора, а вторая съ подписью „Т-къ“ (Тулякъ); и во-вторыхъ, что пропущены были въ прежнихъ изданіяхъ одна маленькая замѣтка въ № 1 по поводу Н. Ф. Павлова (безъ подписи), а въ № 17 отвѣтъ г. Буслаеву съ подписью имени. Перепечатываемъ еще изъ „Молвы“ двѣ замѣтки, за принадлежность которыхъ Хомякову ручаться не можемъ, но которыя обѣ намъ кажутся очень напоминающими его литературные пріемы. Пусть они составятъ при настоящемъ возможно-полномъ изданіи отдѣлъ „dubia“. *Изд.*

I.

(„Молва“ 1857 г., стр. 11).

Въ Аѳинахъ, одинъ молодой человѣкъ поступилъ, для изученія краснорѣчія, къ софисту (это было почетное названіе) на слѣдующихъ условіяхъ: если выиграетъ онъ первую свою тяжбу, то заплатитъ учителю 500 минъ серебра. А если проиграетъ, то ничего.

Окончивши курсъ своего ученія, онъ подалъ искъ на своего учителя, говоря судіямъ: если я выиграю, то по вашему приговору не заплачу ничего; а если проиграю, то опять не плачу ничего, потому что, по условію, учитель не будетъ въ правѣ съ меня требовать денегъ.

3*

Учитель отвѣчалъ вѣроятно въ томъ же родѣ. Г-нъ Н. Ф. Павловъ, въ своей статьѣ: «Біографъ-оріенталистъ», пользуется тѣмъ же древнимъ способомъ въ отношеніи къ Россіи, и говоритъ, что ей не слѣдуетъ быть самостоятельной по такимъ причинамъ: если она будетъ самостоятельна, то она уподобится народамъ западнымъ, которые всѣ таковы; если же она будетъ имъ во всемъ подражать, то она тогда только будетъ самостоятельною. Иначе: она будетъ самостоятельною, когда будетъ всѣмъ подражать, и подражательницею, когда вздумаетъ быть самостоятельною. Нельзя не порадоваться въ нашемъ остроумномъ писателѣ такому преизбытку Аттической соли. У насъ онъ называется даже «пересоломъ».

II.

Отвѣтъ г. Буслаеву.

Господинъ Буслаевъ въ статьѣ *Индо-Германы* (Отеч. Зап., Іюнь, 1857), вспомнивъ случайно обо мнѣ, сказалъ:

«Этой методы (т.-е. Шишковской) держится г. Хомяковъ и въ своемъ сочиненіи: «Сравненіе Русскихъ словъ съ Санскритскими», возвращается къ Шишковскому толкованію Русскаго слова *ночь*, забывая форму Церковно-Славянскую и явно ей противорѣча.

Во-первыхъ, я не возвращаюсь къ Шишковскому толкованію (ибо случайное сходство тутъ ничего не значитъ) по той причинѣ, что метода моя вовсе другая. Я показываю, что почти во всѣхъ Индо-Европейскихъ нарѣчіяхъ слово *ночь* представляетъ соединеніе отрицанія *н* съ корнемъ, указывающимъ на зрѣніе (nox, oc-ulus, nacht, achten); и сверхъ того возвращаю разумный корень Санскритскому слову, котораго объясненіе въ лексиконахъ до сихъ поръ было безсмысленно. Г-нъ Буслаевъ не въ состояніи показать мнѣ противное.

Во-вторыхъ, предположеніе, что человѣкъ Русскій, ходящій въ церковь, могъ забыть форму Церковно-Славянскую, само по себѣ безсмысленно; а еще безсмысленнѣе, когда относится къ человѣку, который и самъ въ стихахъ грѣшилъ риѳмою *рощи* и *нощи* или *полунощи*.

Въ-третьихъ, если бы г-нъ Буслаевъ понялъ то, что̀ читалъ, онъ бы видѣлъ, что именно эта-то Церковно-Славянская

форма и лежитъ въ основѣ моей этимологіи, какъ форма при частная на *щ*, которой въ Русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ (особенно въ прилагательныхъ отглагольныхъ) форма на *ч* (*гулячій*, *видучій* и т. д.). Я писалъ не для учениковъ, а для лингвистовъ, въ которыхъ я предполагаю хоть малое понятіе о пріемахъ разумной этимологіи.

Но былъ ли глаголъ *очить*? Я бы на такой вопросъ могъ сказать, что такого глагола не нужно для произведенія причастнаго *ощь* или отглагольнаго *очь*; что слово *отчимъ* (поставленный въ отца) происходитъ причастнымъ переходомъ отъ слова *отецъ* черезъ подразумѣваемый глаголъ *отчить*; а *очень* (въ народномъ языкѣ правильно *оченно*, т.-е. видимо) происходитъ, какъ и *ночь*, отъ корня *ок* черезъ подразумѣваемый глаголъ *очить* *). Я бы могъ сказать, что всякій корень первобытный есть въ тоже время существительно-глагольный, а не исключительно-глагольный, какъ думаютъ ошибочно отцы лингвистики — Германцы; и что по духовному свойству племени Славянскаго, существительная основа преобладаетъ въ Славянскомъ языкѣ точно также, какъ, по иному свойству Индусовъ, въ Санскритѣ преобладаетъ основа глагольная. Я бы могъ показать, что одно изъ самыхъ характеристическихъ свойствъ Русскаго языка состоитъ въ его способности создавать существительныя отъ существительныхъ посредствомъ подразумѣваемаго глагола и глаголы отъ глаголовъ посредствомъ подразумѣваемаго существительнаго. Точно также могъ бы я показать, что вся критика г-на Буслаева на мой опытъ сравнительнаго лексикона (удовлетворителенъ ли онъ, это другое дѣло) истекаетъ изъ прямаго непониманія самыхъ простыхъ правилъ сравнительной филологіи, и что даже въ статьѣ объ г-нѣ Вельтманѣ онъ приписалъ Готѳскій корень слову *серьга* просто потому, что вѣроятно принялъ *г* за тождественное съ *s* мъ въ Готѳскомъ ausahrings, между тѣмъ какъ оно дѣйствительно тождественно съ Готѳскимъ *h* въ словѣ *hrings*. Серьга значитъ просто кольцо безъ всякаго отношенія къ уху; вотъ почему всякая кольцеобразная или круглая кадка называется серьгою и всякое свободно висящее кольцо также серьгою. Германскому «hrings» соотвѣтствуетъ (разумѣется, не происходя отъ него)

*) Сравн. Анг. oggle. *Ощій* форма сжатая, какъ *вѣщій* и другія.

срега и слѣдовательно *серьга* и *срязь*, *серязь*. Носовой звукъ утраченъ, и гласная передвинута; сравни *сред* и *серд* *).

Это соотвѣтствіе шипящихъ съ предыхательными повторяется безпрестанно въ сравненіи Нѣмецкихъ и Славянскихъ нарѣчій, и безъ него шагу ступить нельзя (сравни: *hwit* и *свѣтъ*, *hase* и *заяцъ*, *halm* и *солома*, *heil* и *сила*, *helm* и *шеломъ* или *шлемъ* и т. д.). Серьга также первобытна, какъ *hrings*, а *усерязь* было уже развитіемъ слова. Со мною согласится всякій разумный филологъ. Все это могъ бы я объяснить г-ну Буслаеву, но...

Въ той же статьѣ (Индо-Германы) г-нъ Буслаевъ говоритъ: «Чѣмъ менѣе народъ развивался исторически, тѣмъ ближе его языкъ къ общему сродству. Такъ Литовцы и Славяне, далеко уступающіе въ образованности не только древнимъ классическимъ народамъ, но и племенамъ Нѣмецкимъ, предлагаютъ въ своихъ языкахъ ближайшее сродство съ Санскритомъ. Языкъ въ этомъ случаѣ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ успѣхамъ образованности. Слѣдовательно, значительная близость нашего языка къ Санскриту... тѣмъ самымъ изобличаетъ юность и незрѣлость или, по крайней мѣрѣ, свѣжесть умственныхъ и нравственныхъ силъ народа» и т. д.

«Незрѣлость или, по крайней мѣрѣ, свѣжесть». Хорошо логическое соединеніе мыслей!

«Чѣмъ менѣе народъ развивался исторически, тѣмъ ближе его языкъ къ общему сродству... Языкъ въ этомъ случаѣ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ успѣхамъ образованности». Языкъ уцѣлѣлъ: онъ молодъ. Развалился и перегнилъ: онъ старъ. Это все равно, какъ если бы кто-нибудь вздумалъ утверждать, что пирамида моложе развалившейся мазанки, и крѣпкій баобабъ моложе сгнившей ветлы. Но оставимъ сравненія и сдѣлаемъ прямой выводъ, въ которомъ бы не было ни малѣйшей тѣни натяжки. Языкъ Готѳскій ближе къ общему корню, чѣмъ Англо-Сакскій. Неужели Готѳы были менѣе развиты, чѣмъ Саксы? Болѣе чѣмъ сомнительно. Языкъ Шипетаровъ Албанскихъ и Кельтовъ Ирландскихъ далѣе Гелленскаго отъ Санскрита; слѣдуетъ, что Шипетары и Кельты развитіе Гелленовъ? Разсмѣешься поневолѣ. Но, можетъ быть, тутъ вошли

*) Въ словѣ *серьга* ерикъ послѣ *р* означаетъ, что выпавшая или передвинутая гласная принадлежала къ лѣствицѣ острыхъ гласныхъ: ибо характеръ гласной обыкновенно остается при согласной, даже когда гласная уже выпала.

другія стихіи. Посмотримъ на другое: во время Августа цвѣла еще Санскритская словесность въ полномъ блескѣ и была крайне близка къ общему сродству, а Германскія нарѣчія уже отклонились далеко. Слѣдуетъ, что Индія, которой словесность едва ли не богатѣйшая въ цѣломъ свѣтѣ, была менѣе развита, чѣмъ дикари Германскихъ лѣсовъ. Посмотримъ, наконецъ, ближе къ себѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія. Церковно-Славянскій языкъ и народъ, которому онъ принадлежалъ и который уже имѣлъ во II-мъ вѣкѣ, какъ мы знаемъ, богатую словесность, были менѣе развиты, чѣмъ Саксонцы Беовульфа? Но и этаго мало: Русскій языкъ, намъ современный, несравненно ближе къ Санскриту, чѣмъ языкъ Беовульфа: слѣдуетъ, что Русскіе нашего времени менѣе развиты, чѣмъ Саксы, когда они пѣли Беовульфа. Вотъ выводы прямые и не подверженные никакому сомнѣнію. А это выводы изъ правилъ, положенныхъ человѣкомъ, который занимается языкознаніемъ.

Не дурно!

«Литовцы и Славяне». Они стоятъ у г-на Буслаева въ одной категоріи. Онъ даже и не подозрѣваетъ разницы. Онъ не знаетъ, что Литовское нарѣчіе, при своей близости къ Санскритскому, представляетъ только развалину, едва кое гдѣ поросшую скудною растительностью стѣннаго мха; а Славянскія, при той же близости, имѣютъ свою самобытную жизнь и свое богатое развитіе, не уступающія никакому языку въ мірѣ. Да какъ же это случилось, что такая неизмѣнность соединена съ такою жизненностью? Очень просто. Оно случилось отъ того, что наше слово, единственное на земномъ шарѣ, крѣпко какъ гранитъ, а прозрачно и переливчато какъ ключевая струя. Оно случилось отъ того, что Славяне самое словесное племя изъ всѣхъ человѣческихъ племенъ, не исключая даже Индусовъ, какъ видно изъ сличенія Индостана съ Санскритомъ. Г-нъ Буслаевъ, преподаватель сравнительной филологіи въ Россіи, не подозрѣваетъ даже свойствъ своего роднаго языка и народа, который въ этомъ языкѣ высказывается.

Итакъ, я объясню то *но*, на которомъ я было остановился. Я бы многое могъ объяснить г-ну Буслаеву по случаю слова *ночь*; но какъ же я объясню что-нибудь критику, который высказываетъ такую невѣроятную запутанность въ самыхъ простыхъ и первоначальныхъ понятіяхъ? Ссылаюсь на всякаго

ученаго: вѣдь это просто невозможно. Онъ меня избавилъ отъ труда впредь возражать ему. Но г-нъ Буслаевъ въ своей статьѣ приглашаетъ Славянофиловъ побесѣдовать съ Гриммами, Боппомъ, Бенфеемъ и иными филологами. Это другое дѣло: это можетъ быть; не потому, чтобы были въ Россіи филологи имъ равные, но потому, что они показали путь, а мы ближе къ источнику по милости наслѣдства нашихъ предковъ Русскаго языка.

Кстати о филологіи: скажу слово о происхожденіи одной изъ сказокъ, ходящихъ въ народной словесности.

Когда Пушкинъ, первый (если не ошибаюсь) сказалъ, что «Бова-Королевичъ» переведенъ съ Итальянскаго языка (что совершенно справедливо) и есть сказка Итальянская, я встрѣтился съ нимъ и доказалъ ему, что хотя сказка перешла къ намъ изъ Италіи, но въ Италію перешла она изъ Англіи, своей родины. Онъ хотѣлъ это напечатать, но, кажется, забылъ; съ тѣхъ поръ не знаю, сказалъ ли кто-нибудь тоже самое.

Городъ Антонъ не Анкона, а Англійскій Гамптонъ, весьма извѣстный въ Англіи, гдѣ нѣсколько городовъ носятъ это имя (Southhampton, Northhampton и др.). Вотъ родина Бовы, поанглійски Бевиса (быть можетъ, не чуждаго древнѣйшему Беовульфу). Такъ объясняется и война съ Датчанами (the Danes). Противникъ и потомъ другъ Бовы, исполинъ Лукоперъ, поанглійски Аскапардъ, былъ съ нимъ изображенъ на двухъ половинкахъ городскихъ воротъ котораго-то изъ Гамптоновъ, но котораго, не помню. Происхожденіе это не подлежитъ сомнѣнію.

Въ Бовѣ мы находимъ Датчанъ подъ ихъ подлиннымъ именемъ, отъ Итальянской формы Danese и Аглійской Danes. Откуда произошла Русская: Датчане? Гриммъ думаетъ, что это память, сохраненная Славянами о томъ, что Датчане нѣкогда назывались Даками. Такому великому труженнику въ наукѣ, каковъ Гриммъ, можно простить мелкія ошибки, происшедшія отъ народнаго самолюбія, ищущаго военной славы заднимъ числомъ. Объясненіе формы Датчане очень просто. Точно также какъ Англичане назвали не Нѣмцевъ, а Голландцевъ по преимуществу Dutch, точно также мы назвали не Нѣмцевъ, а Данскій народъ Датчанами. Оба слова совершенно одинаковы, и оба суть только измѣненія слова Дейтисъ (Deutsch): отъ того

Дейтчане (Датчане) и Датскій. У Англичанъ это слѣдствіе Рейнской, а у насъ Любской торговли.

Въ Англо-Саксонскихъ сказкахъ были два героя, особенно любимые; Бевисъ изъ Гамптона и Гви (или Гай) изъ Варвика, котораго противникъ и другъ, также исполинъ, звался Кольбрантъ. Норманны-завоеватели не допускали Англо-Саксонскихъ героевъ въ свою поэзію. Собственныхъ героевъ изъ Скандинавіи они перезабыли такъ же, какъ и все Скандинавское въ бытѣ, устройствѣ и законѣ (что́ уже ясно доказалъ Пальгревъ). Они пѣли Французскаго Роланда и его товарищей; но скоро къ нимъ присоединили Кельтскихъ—Артура и его сподвижниковъ. Бевисъ и Гви мало-по-малу забывались, и теперь едва ли Россія не лучше помнитъ Англо-Сакскаго богатыря Бову, чѣмъ его родина. *А. Хомяковъ.*

III.

Замѣтка.

(„Молва“ 1857 г., стр. 119).

Есть въ нашемъ разговорѣ много употребительныхъ словъ, образованіе которыхъ не совсѣмъ ясно, напримѣръ *намедни* или иначе *онамедни*: слово, вѣроятно, образовавшееся изъ *онымъ днемъ* и указывающее на древній творительный падежъ множественнаго числа. Такъ *весьма* есть тоже особый творительный народный отъ *весь*, и, вѣроятно, древнѣйшій. Творительному *весьма* соотвѣтствуютъ тоже древняя форма *болма*, а также доселѣ употребительныя въ народѣ формы, какъ: *ревма* реветъ, *валма* валитъ и пр. Это все, думаемъ мы, форма (и форма древняя) творительнаго падежа. Слово *паки* тоже не очень ясно. Вѣроятно, оно образовалось изъ *кой*, *кій* и повторительнаго предлога: *по*, переходящаго часто въ *па*(*сокъ-пасока*; *токъ-патока*), *кій*, *пакій* (какъ *вся-кій*, *ка-кой*, *та-кой* и пр.; но *пакій* неупотребительно). Формѣ *паки* соотвѣтствуетъ форма *таки*; кромѣ этой формы встрѣчается и форма *пакъ*, соотвѣтственно формѣ *такъ*. Здѣсь аналогія подтверждаетъ предположеніе, что *паки*, *пакъ* произошло отъ *пакій* (*пакой*), какъ *таки-такъ* произошло отъ *такой* (*такій*). Есть еще форма *паче*, и хотя рѣдко встрѣчающаяся, соотвѣтственная ей форма *таче*. Форма *паче* еще болѣе утверждаетъ наше мнѣніе, что *паки* происхо-

дитъ отъ мѣстоименнаго прилагательнаго *какій*, ибо это форма сравнительная, какъ *прытче*, *слаще*; сюда же относится *иначе*, при которомъ впрочемъ сравнительный оттѣнокъ слабо сохраняется. Но что же тако *паки*? *Паки*, равно и *таки*, образовались изъ *какій*, *такой* (или лучше изъ первообразнаго: *какъ*, *такъ*, соотвѣтствующаго напр. первообразному *добръ*),какъ, напр., *молодецки*, *дѣтски*, образовалось отъ *молодецъ*, *дѣтскъ*. Но что же это за форма? Думаемъ, что это древній предложный безъ предлога или мѣстный какъ: *явѣ*, *добрѣ (добрѣ)* и пр. Буква *ѣ* въ *и* легко переходитъ, особенно когда она на концѣ, и не на ней удареніе. Замѣчательно, что иногда при этихъ формахъ употребляется предлогъ *по*; напр. *по-дѣтски*, *по-молодецки*. Впрочемъ здѣсь можно возразить, что въ этомъ случаѣ скорѣе приличенъ дательный, ибо говорится напр. *по добру*, *по здорову;* однако возможенъ и предложный и есть подобное употребленіе: говорится, напр., онъ пошелъ *по братѣ* и *по брату*. Быть можетъ, что въ этомъ разсматриваемомъ случаѣ удержалось употребленіе предложнаго. По крайней мѣрѣ, вотъ наши догадки.

IV.

Изъ письма къ редактору „Молвы".

Рѣдко случается мнѣ заглядывать въ «Русскій Вѣстникъ», но долженъ сознаться, что всякій разъ выношу я изъ чтенія этого журнала какую-нибудь новую и любопытную мысль.

Недавно читая, во второй Апрѣльской книжкѣ, статью г-на Соловьева «Шлёцеръ и анти-историческое направленіе», я былъ пораженъ слѣдующимъ страннымъ изреченіемъ: «Русскій человѣкъ XVII вѣка, говоритъ онъ, явился совершенно чистымъ, вполнѣ готовымъ къ воспринятію новаго, однимъ словомъ, явился ребенкомъ, ребенкомъ, чрезвычайно способнымъ, воспріимчивымъ, но ребенкомъ, для котораго настала пора ученія, пора подражанія; ибо что такое ученіе, какъ не подражаніе?» (стр. 466).

Признаюсь я до сихъ поръ полагалъ, что ученіе въ этомъ смыслѣ свойственно только такимъ твореніямъ Божіимъ, каковы обезьяны и попугаи, а что человѣкъ, существо разумное, придаетъ ученію болѣе высокое значеніе, не считая его простымъ подражаніемъ, но сознавая въ немъ живую искру, за-

жигающую огонь его собственнаго мышленія, духовную силу, устремляющую его на путь самобытнаго развитія.

Однако, можетъ быть, что до сихъ поръ люди ошибались, придавая столько важности такому легкому дѣлу; поэтому очень желательно, чтобы г-нъ Соловьевъ развилъ поболѣе свою замѣчательную теорію. И тогда, если ему удастся доказать, что ученіе есть не что иное, какъ подражаніе, можно будетъ по чисто-математическому дѣйствію (замѣненіе равнаго равнымъ) замѣнить старую Русскую пословицу «ученіе свѣтъ, а неученіе тьма», новою болѣе ясною, поговоркою: «подражаніе свѣтъ, а неподражаніе тьма».

Притомъ же г-нъ Соловьевъ не только обогатитъ Русскій языкъ новою пословицею, но и придетъ къ очень лестному для насъ выводу, который поставитъ подражательницу-Россію въ самомъ яркомъ свѣтѣ, тогда какъ не подражающая никому Англія останется «во тьмѣ и сѣни смертнѣй». И по дѣломъ ей, этой лукавой Англіи!

Записка А. С. Хомякова о Шумлинской позиціи. 1854 *).

Планъ кампаніи за Дунаемъ или случайности войны могутъ привести наши войска снова подъ Шумлу: поэтому считаю не безполезнымъ дать нѣкоторую извѣстность слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Въ 1828 году, послѣ удачнаго нападенія на Костежское ущелье, я стоялъ на правомъ флангѣ отряда въ третьемъ эскадронѣ гусаръ принца Оранскаго, около версты отъ ущелья. Болѣе десяти дней у насъ не было ничего съѣстнаго, кромѣ сухарей. Въ это время указалъ мнѣ унтеръ-офицеръ на нѣсколько коровъ, которыя паслись на Шумлинской горѣ. Я попросилъ у полковника Плаутина позволенія отбить этихъ коровъ. Онъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ: «Развѣ вы не знаете, что это Шумлинская гора? Впрочемъ, пожалуй, попробуйте». При скотѣ видно было человѣкъ восемь вооруженныхъ пастуховъ. Я спустился съ 30-ю охотниками къ рѣчкѣ, которая называется, если не ошибаюсь, Балтаджи-дере, а по-болгарски Врана. За крутостью горы пастухи уже меня видѣть не могли. Я проѣхалъ нѣсколько саженъ рѣчкой по каменистому дну, увидѣлъ влѣво стѣжку не слишкомъ крутую и довольно широкую для прохода двухъ лошадей, легко поднялся въ верхъ и къ самому верху пустился вскачь. Захваченные въ расплохъ пастухи выстрѣлили на удачу, разумѣется, ни въ кого не попали, бросились направо въ кусты, куда преслѣдовать ихъ было нельзя и безполезно. Коровъ я велѣлъ отогнать въ полкъ

*) Князь М. Д. Горчаковъ сдѣлалъ на этой запискѣ помѣтку: „любопытное свѣдѣніе“.

(который ими впослѣдствіи лакомился), а самъ, бросивъ пикеты на опушку къ сторонѣ Трусовскаго ущелья, пустился крупной рысью поперекъ горнаго хребта. Подъемъ былъ весьма легкій, почти равнина. Проѣхавъ около версты одинъ, я доѣхалъ до такого мѣста, гдѣ былъ переломъ хребта и вдали увидѣлъ Шумлу, стоящую въ углубленіи гораздо ниже меня. Въ это время раздался выстрѣлъ однаго изъ пикетныхъ солдатъ, и я принужденъ былъ поспѣшить возвратомъ; собралъ солдатъ и благополучно спустился подъ гору, опередивъ на четверть версты Турецкій отрядъ человѣкъ въ триста, который спѣшилъ отъ Трусовскаго ущелья, чтобы насъ отрѣзать.

Подъемъ на Шумлинскую гору съ версту вправо отъ Костежа весьма легокъ для пѣхоты и для кавалеріи и даже не труденъ для артиллеріи, разумѣется, съ помощію пѣшихъ солдатъ. Это мѣсто нисколько не было укрѣплено въ 1828-мъ году, и такъ какъ оно нападенію не подвергалось, то немудрено, что оно не укрѣплено и теперь.

Едва ли не я одинъ въ Русской арміи былъ на Шумлинской горѣ; но дорога, мною найденная, осталась никому неизвѣстной, потому что свитскіе офицеры, которымъ я объ ней говорилъ, на это не обратили никакого вниманія, а изъ Костежа Турки насъ проводили невѣжливо по милости генерала Ридигера, который ни въ Костежѣ не укрѣпился, ни пути возвратнаго черезъ лѣса не обезпечилъ.

Въѣздъ мой на Шумлинскую гору и успѣшная добывка коровъ могутъ быть засвидѣтельствованы всѣми моими товарищами и генераломъ Плаутинымъ. Во время фуражировокъ за Эски-Стамбуломъ видѣлъ я также влѣво отъ Костежа два другіе въѣзда, которые мнѣ также показались удобными, и тоже самое мнѣ было подтверждено Болгарами. Но такъ какъ я видѣлъ эти черныя дорожки издали посредствомъ маленькой зрительной трубки, отвѣчать за вѣрность моего наблюденія не могу. Впрочемъ, всѣ эти обстоятельства, можетъ быть, и могутъ къ чему-нибудь послужить; поэтому и нахожу нужнымъ ихъ сообщить.

Эта записка А. С. Хомякова (изъ Мартовской книжки „Русскаго Вѣстника“ 1889 года) сообщена намъ И. В. Новицкимъ. *Изд.*

(Къ IV-му тому).

Записочка А. С. Хомякова.

Ѣдунъ плохой, поэтъ смиренный
Къ вамъ явится всенепремѣнно
И съ благодарностью; но только, можетъ быть,
Онъ льготныхъ полчаса попроситъ униженно,
Чтобъ отъ Чадаева обратный путь свершить.

А. Хомяковъ.

21-го Мая 1854 г.

Записочка писана къ Степану Дмитріевичу Нечаеву, въ отвѣтъ на приглашеніе къ обѣду. С. Д. Нечаевъ жилъ въ Москвѣ, въ началѣ Дѣвичьяго поля (въ домѣ, гдѣ нынѣ Усачевско-Чернявское учебное заведеніе), т. е. въ многоверстномъ разстояніи отъ Новой Басманной, гдѣ (въ домѣ нынѣ Прохорова) у П. Я. Чадаева каждый Понедѣльникъ бывали утреннія собранія, неизмѣнно посѣщаемыя пріятелемъ его А. С. Хомяковымъ (жившимъ на Собачьей площадкѣ). *Изд.*

Письмо А. С. Хомякова къ Петру Яковлевичу Чаадаеву.

Я очень радъ, что вамъ лучше и надѣюсь на хорошую погоду, что она васъ совершенно поправитъ, ибо имѣю твердое намѣреніе съ вами долго и долго вести дружескіе споры, которые нисколько не мѣшаютъ еще болѣе дружескому согласію. Отсылаю вамъ переводъ, въ которомъ впрочемъ я ошибокъ не нахожу и очень буду благодаренъ, если доставите продолженіе, разумѣется не для повѣрки, совершенно ненужной, а для чтенія.

Что касается до моего дьякона *), то его повѣренный говорилъ мнѣ вчера: Protestantism is absolutly drawing to an end. Это мнѣ было очень пріятно слышать: очевидно движеніе религіозное въ Англіи, не смотря на свои странныя формы, имѣетъ ясное сознаніе современной эпохи. Какая страшная реакція противъ XVIII-го вѣка!

Жены моей дома нѣтъ, и поэтому я беру на себя благодарить васъ за вашъ любезный поклонъ. До свиданія; не знаю, когда именно, но твердо вѣрю, что на здѣшнемъ свѣтѣ: въ немъ еще такъ много любопытнаго, что не для чего съ нимъ разставаться. Вашъ А. Хомяковъ.

*) Т.-е. дьякона Англиканской церкви, Пальмера. П. Б.

Письмо А. С. Хомякова къ И. В. Кирѣевскому [1])

Видно, мы съ тобою плохо собираемся слово держать, любезный Иванъ Васильевичъ, когда первый срокъ уже пропустили. Я не потому пропустилъ, чтобы не вспомнилъ,—нѣтъ, а просто потому, что писать было нечего. Ты почему?... И теперь пишу отъ стыда, чтобы какъ нибудь оправдать себя. Новаго ничего нѣтъ ни во мнѣ, ни около меня. Москва пуста, всѣ разъѣхались. Павловъ одинъ еще въ Москвѣ или, лучше сказать, въ Дворянскомъ клубѣ. Мои увѣщанія принесли ту пользу, что онъ сталъ играть еще рѣзвѣе, и уже имя его произносится на ряду съ Нилусами. Жаль для него и для насъ. Тургеневъ [2]) уѣхалъ грустный; кажется мы ему оказали плохую услугу и частыми нападеніями почти увѣрили, что всѣ великолѣпныя явленія жизни Запада чуть-чуть не шутка, не исключая ни брошюрокъ Лакордера, и мыслей Жубера; а человѣкъ вообще любитъ свою игрушку, покуда онъ еще вѣритъ, что она дѣло, и что кукла живой человѣкъ. Сюда, между прочихъ великихъ людей, пріѣхалъ С. С. Уваровъ, котораго я еще не видалъ и который, по слухамъ, невыразимо величественъ въ отсутствіе Строганова, и Ефимовичъ, съ бакенбардами и бородою, который преважно увѣряетъ, что главная теперь задача Синода состоитъ въ примиреніи Православія съ ученіемъ Шлейермахера, и что Протасовъ этимъ очень занимается. Вѣроятное дѣло [3]). Между прочимъ почти вѣрно, что поповъ поставятъ на ругу или на жалованье. Откуда возмутъ потребныя на это 30,000.000 ежегодно, и лучше ли? Прежде я думалъ pro et contra, что къ этому всячески надобно стремиться; теперь сомнѣваюсь. Для народа хлѣбопашественнаго священники-хлѣбопашцы почти хороши: даютъ добрый примѣръ, учатъ хозяйству, живутъ общею съ народомъ жизнію и, слѣдственно, болѣе ему сочувствуютъ. Но это только умствованіе, однакоже подтвержденное для меня опытомъ. У меня три попа на ругѣ, два на пашнѣ, и *сіи* лучше *оныхъ*. Праздность беззаботная, безъ занятій необходимыхъ, безъ общества нѣсколько просвѣщеннаго ведетъ ихъ къ обжорству, къ пьянству и разврату; а деньга, которая представляетъ для нихъ и хлѣбъ, и все нужное въ жизни, пріучаетъ къ корыстолюбію. Попу на пашнѣ можно жить хорошо безъ денегъ трудолюбіемъ и хозяйствомъ; но деньги знаютъ только одно хозяйство—процентъ и спе-

[1]) Изъ приложеній ко II-го тому книги Н. П. Колюпанова: „Біографія А. И. Кошелева“ М. 1892, стр. 108—110. *Изд.*

[2]) Александръ Ивановичъ. *Изд.*

[3]) Сверхъ того Ефимовичъ пріобрѣлъ великое почтеніе къ Полевому.

куляціи. То и другое болѣе развращаетъ, *чѣмъ хлѣбопашественныя занятія.* Изъ этаго не слѣдуетъ, чтобы дѣйствительно пашня приличнѣе была для попа жизни спокойной; но слѣдуетъ только то, что при теперешнемъ бытѣ поповскомъ она приличнѣе. Перемѣна частная не будетъ ни на что годна; но перемѣна общая, систематическая, можетъ быть очень полезна. Дайте жалованье, но требуйте катехизаціи и сдѣлайте эту катехизацію возможной: тогда не жалко будетъ заплатить по 1000 каждому изъ 30,000 поповъ приходскихъ въ Россіи. Вотъ какъ я предложилъ бы учредить эту катихизацію. Приходъ дѣлится на число деревень. Изъ года вычитается Страстная, Свѣтлая недѣля, святки, сѣнокосъ и жатва. Остальное время дѣлится на число деревень, и всякая имѣетъ свои положенныя 4 или 5 или 6 недѣль, сколько придется. Въ продолженіе этихъ недѣль попъ пріѣзжаетъ всякій вечеръ или утро и учитъ словесно въ общей избѣ дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Въ продолженіе того же времени дѣти изъ той же деревни, подъ предводительствомъ старика или старухи, приходятъ слушать поученіе послѣ воскресной обѣдни или послѣ праздничныхъ обѣдень, а дѣти прочихъ деревень могутъ и не приходить къ ученію воскресному, хотя всѣ приглашаются. Вотъ, мнѣ кажется, одно средство, чтобы катехизація была возможною, а жалованье безъ рѣшительнаго поворота въ жизни болѣе можетъ сдѣлать вреда, чѣмъ пользы. Также толкуютъ объ уничтоженіи сословія дьячковъ и пономарей и о вольнонаемномъ замѣщеніи ихъ должностей. Плохо вѣрю; хотя стихарь и не требуетъ рукоположенія, однакоже дьячка нанимать, какъ дворника, странно.

Съ твоего отъѣзда не дѣлалъ я ровно ничего и только читалъ всякій вздоръ, да всякій вечеръ каялся въ утраченномъ днѣ. Я такъ часто исповѣдуюсь въ лѣни безъ исправленія, что готовъ съ Лютеранами полагать, что лучше не исповѣдаться: сохраняешь стыдъ и еще можешь исправиться, а когда признался, отложилъ всякій стыдъ, того и смотришь, что въ грѣхѣ погрязнешь.

Тургеневъ ѣдетъ знакомиться съ новымъ королемъ*) и, по словамъ Свербеева, встрѣтитъ мощи Наполеона.

Петру Васильевичу, которому кланяюсь, слѣдуетъ заказать пальто, palleton, houppelande Vendienne et Bretonne. Адамъ Бременскій говоритъ, что Славяне Поморскіе торгуютъ холщевыми плащами, которые у нихъ называются Paldonis, народный костюмъ. Любопытный фактъ!

---

*) Со вступившимъ на престолъ (1840) королемъ Прусскимъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV-мъ. П. Б.

Записка Леонида Матвѣевича Муромцова о послѣднихъ минутахъ А. С. Хомякова.

23-го Сентября (1860) въ 8 часовъ утра пріѣхалъ ко мнѣ посланный съ извѣстіемъ, что Алексѣй Степановичъ заболѣлъ холерой. Я наскоро захватилъ съ собою лѣкарства, которыми довольно успѣшно лѣчилъ въ околодкѣ и съ тяжелымъ предчувствіемъ на сердцѣ поскакалъ въ Ивановское. Въ 9 часовъ взошелъ въ комнату къ больному. Онъ лежалъ лицомъ къ свѣту, а потому страшные слѣды болѣзни сразу бросились мнѣ въ глаза. «Что съ вами, Алексѣй Степановичъ?» спросилъ я у него, стараясь придать моимъ словамъ и твердость, и спокойствіе. «Да ничего особеннаго, приходится умирать. Очень плохо. Странная вещь! Сколько я народу вылѣчилъ, а себя вылѣчить не могу». И все это было сказано слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, свойственнымъ всѣмъ холернымъ. Но въ этомъ голосѣ не было и тѣни сожалѣнія или страха, но глубокое убѣжденіе, что нѣтъ исхода.

Лишнимъ считаю пересчитывать, сколько десятковъ разъ я его умолялъ принять моего лѣкарства, послать за докторомъ и, слѣдовательно, сколько разъ онъ отвѣчалъ отрицательно и при этомъ самъ вынималъ изъ походной гомеопатической аптечки то *veratrum*, то *mercurium*. Дня два передъ роковымъ 23-мъ числомъ Алексѣй Степановичъ уже страдалъ поносомъ; не обращая вниманія на этотъ недугъ, онъ ѣздилъ 21-го въ Лебедянь, 22-го былъ въ полѣ, а въ ночь съ 22-го на 23-е до двухъ часовъ писалъ письмо. Въ 3-му часу онъ легъ спать и

приказалъ человѣку приготовить къ утру горчичникъ, собираясь ѣхать со мной въ засѣданіе Лебедянскаго Общества. Въ шестомъ часу онъ разбудилъ людей: болѣзнь разразилась въ полной силѣ. Въ 9 часовъ, когда я пріѣхалъ въ Ивановское, главные припадки нѣсколько уменьшились, оставивши по себѣ всѣ признаки отчаяннаго положенія: изнуренное лицо, холодный потъ, сильно измѣнившійся голосъ, неимовѣрную слабость. Около часу пополудни, видя, что силы больного утрачиваются, я предложилъ ему собороваться. Онъ принялъ мое предложеніе съ радостной улыбкой, говоря: «очень, очень радъ». Во все время совершенія таинства онъ держалъ въ рукахъ свѣчу, шепотомъ повторялъ молитву и творилъ крестное знаменіе. Спустя нѣкоторое время, онъ принялъ нѣсколько капель моего лѣкарства, вмѣсто цѣлой рюмки, которую я ему предлагалъ.

Часа въ три, при усиліи встать съ постели (хотя насъ трое его поддерживали) онъ впалъ въ сильный обморокъ; ошибочно принявши это за агонію, я попросилъ священника читать отходную. Мнѣ кажется, что этаго онъ и не слыхалъ и не замѣтилъ: ибо, очнувшись минутъ черезъ десять, онъ меня увѣрялъ, что крѣпко заснулъ. «Не нужно ли вамъ мнѣ передать чего-нибудь? Богъ милостивъ, вы выздоровѣете, но выздоровленіе ваше будетъ продолжительно».—«Не могу говорить», отвѣчалъ онъ мнѣ. «Очень тяжело». Разумѣется, послѣ этого отвѣта я уже не могъ его безпокоить и тревожно ждалъ, что̀ Богъ дастъ. Часовъ до шести не было замѣтно особенной перемѣны. Въ началѣ 7-го часа, безпрестанно прикладывая руку къ его рукѣ, къ его ногамъ, я вдругъ замѣтилъ, что они сдѣлались легче и влажнѣе. Немедленно стали мы его растирать сильнѣе прежняго, обложили горчичниками. Черезъ полчаса теплый потъ пробился на бокахъ, на шеѣ и на спинѣ; ноги согрѣлись; пульсъ, совершенно исчезнувшій съ самаго утра, началъ показываться. Однѣ только руки оставались холодными какъ ледъ. Все, какъ будто, шло къ лучшему: я началъ надѣяться. Въ это время жена моя прислала узнать о здоровьи Алексѣя Степановича; я хотѣлъ отойти отъ постели, но онъ меня удержалъ и спросилъ, куда я иду. «Посылаю добрую вѣсточку. Слава Богу, вамъ лучше». «Faites-vous responsable de cette

bonne nouvelle, je n'en prends pas la responsabilité», сказалъ онъ, почти шутя. «Право хорошо; посмотрите, какъ вы согрѣлись и глаза просвѣтлѣли». *«А завтра какъ будутъ свѣтлы!»* Это были его послѣднія слова. Онъ яснѣе нашего видѣлъ, что всѣ эти признаки казавшагося выздоровленія были лишь послѣднія усилія жизни.

Въ $7^1/_2$ часовъ дыханіе его стало тяжко. Я не спускалъ съ него глазъ. Въ $7^3/_4$ час. вечера его не стало, а за нѣсколько секундъ до кончины онъ твердо и вполнѣ сознательно осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Мѣста, выпущенныя И. С. Аксаковымъ въ письмахъ къ Ю. Ѳ. Самарину *).

Стр. 255. Письмо V. «Доказательство: расколы, Годуновъ, Салтыковъ, какъ требователи просвѣщенія, и потому-то несдержанный Царь переходитъ въ Императора».

Стр. 256. Письмо VI. Послѣ: *Онъ не пошелъ ни на что.* «Мнѣ кажется, тутъ болѣе всего примѣшалось какое-то тупое самолюбіе и нежеланіе передать журналъ въ руки молодежи; можетъ быть примѣшались и другія худшія страстишки».

Стр. 258. Послѣ *Всемірный вопросъ нашего времени.* «Виноватъ, что такъ долго къ вамъ не писалъ о дѣлѣ по портрету. Съ Лужинымъ я говорилъ, и онъ рѣшительно обѣщалъ удовлетвореніе; но нужна письменная просьба, на которую я никакого права не имѣлъ. Напишите къ нему письмо съ объясненіемъ дѣла и пошлите къ нему всего лучше черезъ Попова, который его знаетъ.... самому объясните нѣсколько дѣло, и тогда, я думаю, все уладится».

Стр. 261. Письмо VII. Послѣ *и слѣд. говорить нечего.* «Я его считаю неправымъ, но въ его заблужденіи есть много прекраснаго и даже истиннаго. Онъ ошибается только въ томъ, что не хочетъ принимать въ соображеніе вашъ личный характеръ, для котораго путь, который ему кажется лучшимъ, вовсе не годится».

Стр. 279. Письмо XII. Послѣ *таково же и мнѣніе Шевырева.* «Что гр. Блудову я назвалъ Антуанетой, а не Антониной, очень понятно: я нѣсколько разъ слыхалъ въ Петербургѣ, что дамы ее называли заочно Антуанетой Дмитріевной. Знаю, что ея имя должно быть по крещенію Антонина, но Аполинарія Михайловна себя переименовала въ Аполину Мих., и всѣ Аглаиды въ Россіи называютъ себя Аделаидами и Аделя-

*) Эти письма были помѣщены И. С. Аксаковымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г.; приводимое здѣсь онъ не счелъ нужнымъ или возможнымъ напечатать.

ми. Вы видите, что логика моя была вѣрна, хотя выводъ и ошибоченъ.

Стр. 285. Письмо XVI. Послѣ *Въ Россіи все земское начало.* «Между прочимъ я получилъ почти офиціальное дозволеніе явиться ко Двору въ своемъ средневѣковомъ платьѣ».

Стр. 291. Письмо XVIII. Въ концѣ: «Какъ это Акс. попалъ къ Каткову?».

Стр. 292. Письмо XIX. Послѣ *Впрочемъ есть еще другое объясненіе.* «Современникъ полупридворный журналъ». Къ этимъ словамъ Хомякова замѣчаніе И. С. Аксакова: «Этого нельзя оставить, т. к. «Современникъ» скоро былъ закрытъ, и редакторъ сосланъ въ Сибирь. Затѣмъ, если кто его и читалъ при Дворѣ, такъ только Конст. Ник. и, можетъ быть, Елена Павловна. Хомяковъ часто смѣшиваетъ «дворы».

Послѣ *Нарова* «И какъ я его пугнулъ на вечерѣ и натравливалъ на 3-е Отдѣленіе и пр.; а особенно про мужество Блудова и про то, какъ рѣчь, имъ неговоренную, а сочиненную для него на досугѣ мною, принялъ П—гъ за его рѣчь, и какъ храбро онъ принялъ за нее отвѣтственность и даже хотѣлъ, чтобы ее начертили на его надгробномъ памятникѣ».

Стр. 293. Послѣ *Не падутъ духомъ.* «Миръ, и манифестъ уже вышелъ пошлый, полубезграмотный, обмазанный медомъ на кончикѣ. Очевидно Государь хотѣлъ говорить и говорить довольно откровенно; но... его до этаго не допустили. Стародавнее дипломатствованіе Царя съ подданными сдѣлалось вѣрою въ П—ѣ. Блудовъ отказался писать манифестъ о постыдномъ мирѣ, и это дѣлаетъ ему честь, хотя конечно онъ бы и не могъ задачу разрѣшить удовлетворительно; а прочія перья тупы, какъ и всѣ тамошнія головы. Въ П—ѣ дивились нашей Московской любви къ Царю, которой я нисколько не скрывалъ, и говорили мнѣ это прямо. Я имъ однажды сказалъ очень откровенно, что ихъ благородное лакейство не понимаетъ его простой человѣчности и совершенно въ этомъ убѣжденъ. Но справится ли онъ съ ними и самъ съ собою какъ человѣкъ? Всѣмъ трудна истина; какъ много труднѣе тому, у кого нѣтъ ни досуга ее искать, ни человѣка, отъ котораго ее слышать. Что Богъ дастъ?».

Послѣ *мало было толка.* «Въ Царѣ есть одно уже проявившееся достоинство: несказанная скромность (discrétion).

Это не въ отца, а въ дядю. Эпоха будетъ называться: des deux neveux».

Стр. 294. Письмо XX. Послѣ *въ самомъ глубокомъ раздумiи.* «Шеншинъ ѣдетъ на Волгу и надѣется васъ тамъ видѣть. Изъ Питера пріѣхалъ зять мой, котораго болѣзнь сына воротила съ дороги въ чужіе края. Говоритъ, что Елисавету [1]) тамъ терпѣть не могутъ и не скрываютъ; а Шеншинъ увѣряетъ, что тамъ знаютъ, что она любимица Аксакова и моя, но что Долгорукій [2]) приводитъ это въ доказательство нашей страшной хитрости. Муравьевъ говоритъ, что эмансипація неизбѣжна потому, что Государь рѣшился, во что бы то ни стало, привести ее въ исполненіе. Пожалуста подогрѣвайте и когда онъ (т.-е. Елисавета) воротится, сдѣлайте такъ, какъ Кошелевъ, хоть въ маломъ размѣрѣ, въ видѣ опыта.»

Стр. 302. Письмо XXI. Послѣ *и сверхъ того грустно.* «Потому что истинное сочувствіе находили мы въ..... не смѣйтесь и не называйте Александрой Ивановной В.[3]) Какъ же не грустно видѣть эту невозможность выбиться на разумный путь! И мы же будемъ казаться упрямцами, когда истинная невозможность принять предложеніе, начинающееся слѣдующими словами: «Всякая идея о самостоятельномъ развитіи народностей должна быть устранена изъ журнала». А между тѣмъ было дѣйствительно съ его стороны благоволеніе, но не достало вѣры въ собственную мысль, и онъ покорился тупому озлобленію большинства Совѣта. Что за гнусное наслѣдство ему оставлено, и какъ ловко отходящіе старики ему подсовываютъ повобранцевъ, готовыхъ идти тѣми же путями.

Стр. 302. Послѣ *придворныхъ эмансипаторовъ*, «т.-е. вел. княг. Елены П. и другихъ».

Въ концѣ письма: «Мухановъ былъ здѣсь и отъ меня прятался. Чичеринъ въ большой чести у него и у Тимашева. Филипповъ въ Москвѣ никому изъ насъ не показался. Синодалы очень бранятъ мою третью брошюру».

---

[1]) Здѣсь подъ Елисаветой разумѣется гос. Ал. Ник—чъ. *Изд.*

[2]) Шефъ жандармовъ, кн. Василій Андреевичъ. П. Б.

[3]) Т. е. Васильчиковой. П. Б.

Примѣчаніе къ стр. 204-й.

Для доказательства своей мысли Алексѣй Степановичъ приводитъ фактъ «оплеухи», данной Вильгельмомъ Ногаретомъ папѣ Бонифацію VIII (1303 г.), фактъ, въ настоящее время опровергаемый историками.

Со временъ полемики Хомякова съ Грановскимъ, нерѣдко повторялись противъ него обвиненія въ томъ, «что ему, какъ поэту, привычнѣе въ сферѣ свободныхъ вымысловъ» (ср. 1 т. Соч. Хомякова, стр. 153); и потому приведеніе факта невѣрнаго для построенія на немъ выводовъ обобщительныхъ могло бы служить подкрѣпленіемъ для обвиненій, подобныхъ тому, которое было высказано Грановскимъ.

Какими источниками пользовался Хомяковъ для признанія факта «оплеухи», данной Ногаретомъ, мы не знаемъ; вѣрно лишь то, что признаніе этаго факта за достовѣрный было настолько распространено, что позднѣйшимъ ученымъ приходилось этотъ фактъ категорически опровергать. Нѣкоторые стали приписывать «оплеуху» не Ногарету, а его товарищу Шарра (Sciarra) Колоннѣ; но наконецъ остановились на томъ, что «оплеуха» вообще не доказана. Такъ v. Reimont въ Gesch. d. S. Rom. т. 2, стр. 667, говоритъ: Die Mishandlung durch den Franzosen (Nogaret), die durch den rohen Sciarra... ist unerwiesen. Gregorovius идетъ дальше и говоритъ: Die Ohrfeige Nogarets ist sicher unwahr (Gesch. d. S. Rom 5 т.). Но, говоря это, онъ тѣмъ самымъ подтверждаетъ, что до него были и утверждавшіе опровергаемый ими фактъ заушенія именно Ногаретомъ. Ясно, что Хомяковъ пользовался для своей версіи событія въ Апаньи источниками, допускавшими нынѣ опровергаемый фактъ, а вовсе не позволялъ себѣ «поэтической вольности».

Но, спрашивается, можно ли затѣмъ почесть невѣрнымъ сдѣланный Хомяковымъ выводъ изъ факта насилія надъ папой *потому только*, что форма этого насилія оказывается, можетъ быть, не точно опредѣленной? Кажется, что законность дѣлаемаго имъ вывода нисколько не измѣнится, если, опустивъ сомнительную подробность «оплеухи», удовольствоваться болѣе общимъ опредѣленіемъ поступка Ногарета, которое находимъ, наприм., у Неандера (Kirch. Gesch. IV. 684): Er erlaubte sich gegen ihn unwürdige Schmähungen und Spottreden; или выраженіемъ Michelet (Hist. de France 407 стр., изд. 1840 г.): Nogaret lui (au pape) adressa des paroles qui vallaient un glaive. Образчикъ этихъ рѣчей приводитъ Hefele въ своей Concilien-Geschichte (VI, 330): Sofort soll Nogaret den Papst unter dem Hohnrufe seiner Begleiter maledictus, malefacius, von Thron herabgezogen; а результатъ всего инцидента такъ выражаетъ G. Capponi въ своей Storia di Firenza (1, 113): Era morto Bonifacio VIII dell'insulto avuto a Anagni per mandato di Filippo il Bello, re di Francia. Несомнѣнно, что Ногаретъ угрожалъ папѣ «связать его и въ цѣпяхъ привести на судъ Собора»; ему не удалось исполнить своей угрозы лишь по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Очень можетъ быть, что, употребляя для краткаго охарактеризованія поступка Ногарета слово «оплеуха», А. С. Хомяковъ вовсе даже и не имѣлъ въ виду придавать значенія самому дѣйствію, этимъ словомъ означаемому, а хотѣлъ только кратко охарактеризовать самый духъ событія; и въ такомъ случаѣ трудно было бы найти другое выраженіе «образное», болѣе вѣрно и осмысленно выражающее дикую расправу Филиппа съ Бонифаціемъ. Самый полный сводъ матеріала по этому дѣлу можно найти у Drumann Gesch. Bonifacius VIII, 1852 г. *Изд.*

Errata.

Стр. 107. Прим. Ликейскихъ, читай Ликійскихъ.

„ 141. Прим.2-е. Письмо „о страданіи и молитвѣ“ напечатано не во II-мъ, а въ настоящемъ томѣ, стр. 356 и сл.

„ 193. Въ прим. вмѣсто „Изд.“ читай „П. Б.“.

„ 202. Статья о воспитаніи не въ III-мъ, а въ I-мъ томѣ.

„ 228. Къ примѣчанію 1-му надо—П. Б.

„ 277. Митриполита, читай митрополита.

„ 320. „Noatnn“ читай „Noatun“.

„ 356. Прим. 1-е. Письма К. С. и И. С. Аксаковыхъ, на которыя отвѣтами служатъ настоящее и предыдущее письма, напечатаны въ біографіи Кошелева (Колюпановъ, т. II, стр. 61 и сл. Приложенія).

„ 422. Селѣ Ивановскомъ, читай Селѣ Кругломъ.

*

„ 432. „Примѣчаніе“. Весьма важно добавить, что выраженіе „суемудріе“ употреблено не митрополитомъ Филаретомъ отъ своего лица, а есть лишь повтореніе мнѣнія арх. Антонія, о каковомъ его митрополитъ Филаретъ желаетъ распросить.

„ 436. прим. 1. Д. Н. Свербеевъ почитаемъ былъ друзьями за большаго любителя и знатока всякихъ дипломатическихъ тонкостей.